ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

LITTERA SCRIPTA MANET

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

OPEN ACCESS

We are Crossref Member

АНТИПЛАГИАТ

INDEXED IN EMERGING SOURCES CITATION INDEX THOMSON REUTERS

WEB OF SCIENCE™

DOAJ

EBSCO Discovery Service

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ Science Index

NSD ERIH PLUS

Dimensions

Google scholar

Jisc copac

ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)

OCLC WorldCat

ZEITSCHRIFTEN DATENBANK

CYBERLENINKA

BASE

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 12, выпуск 5, 2023

Nauchnyi Dialog

Volume 12, Issue 5, 2023

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 12, выпуск 5, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание	
География авторов выпуска	Алматы (Казахстан) Арзамас Белгород Вологда Дэчжоу (Китай) Екатеринбург Кемерово Краснодар Красноярск Москва Нижний Новгород	Пенза Ростов-на-Дону Санкт-Петербург Саранск Смоленск Снежинск Ульяновск Хабаровск Челябинск Элиста Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	78 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Дата выхода в свет 26.06.2023

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 5, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are pub-licly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterin-burg, st. Vos-tochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2023

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньоминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY

Содержание

Языкознание

Грибер Ю. А. Электрофизиологические корреляты цветовой категоризации: обзор нейролингвистических исследований, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула (оддболл-парадигмы) 9

Громыко С. А. Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем *единство* и *единение*) 39

Иоанесян Е. Р. Апеллятивные конструкции с предикатами эпистемического модуса 55

Курилова С. Н. Переключение кодов в речи тундровых юкагиров : би- и полилингвальное повторение..... 72

Павлов С. С. Концепт СЕВЕР в художественной картине мира чукотского поэта В. Г. Кеулькута 93

Рабенко Т. Г., Денисова Э. С., Чардынцева А. Д. Речевой жанр «напоминание» в аспекте дискурсивной обусловленности его признаков (на материале виртуального педагогического дискурса) 114

Сергодеев И. В. Интертекстуальные включения в романе Ч. Метьюрина «Мельмот Скиталец»..... 135

Медиакоммуникации и журналистика

Дубровская Т. В. Советские социокультурные практики через призму жанров в журнале «Пионер» 154

Матлин М. Г. Своеобразие ретрансляции легенды о граде Китеже в видеотекстах блогеров YouTube 173

Ребрина Л. Н. Репрезентация актуальных социокультурных реалий общества Германии : тематическая группа интернет-мемов «ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ»..... 192

Шалютина Н. В., Игаева К. В. Проблемы типологии практик коммеморации в «новых медиа» 215

Литературоведение. Фольклористика

Александрова-Осокина О. Н., Ван Юцзюань. Геопоэтика Белозерья в книге «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева 233

Бактыбаева А. Т., Бижанова А. А. Специфика комического в современной прозе Казахстана (на примере цикла рассказов Е. Турсунова)..... 250

Захарова В. Т., Кудрявцева И. С. Проза писателей русского Зарубежья (В. А. Никифоров-Волгин, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев) в контексте религиозно-философской мысли И. А. Ильина 269

Киселева И. А., Поташова К. А. Кавказский мир в контексте размышлений М. Ю. Лермонтова о человеке и судьбах истории 294

Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В. Повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный» в контексте отечественной прозы о беспризорниках 1920-х годов 310

Пяткин С. Н., Кудряшов И. В. Эпистолярный отзыв Н. А. Клюева о поэме С. А. Есенина «Пугачёв» : «тёмные места» многомерной оценки 328

Сердечная В. В., Жаткин Д. Н. Переводческая, критическая и творческая рецепция Шекспира в наследии Сигизмунда Кржижановского 347

Цзи Паньсинь, Чжоу Лулу. Рецепция произведения «Былое и думы» А. И. Герцена в Китае : проблемы изучения и влияния 368

Чжоу Лулу, Коваленко А. Г. Рецепция творчества А. И. Солженицына в китайском социально-политическом и культурном контексте 386

Исторические науки

Бадмаева Е. Н., Батыров В. В. Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды 409

Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И. Иностранные концессии в освоении природных богатств Северо-Востока РСФСР в 1920-е годы 427

Капсалыкова К. Р., Нестеров А. Г.«Поединки с чудовищами» в византийской полемологической традиции X—XIV веков 443

Котельников К. Д. Импорт из Германии как фактор транспортного кризиса Российской империи в годы Первой мировой войны 462

Лагошина Н. А. Особенности ирландского переселения в Англию в конце XIV — первой половине XV веков 485

Салфетников Д. А. Экономическая модернизация Кубани в конце 1920-х —1930-х гг. 502

Тишкина К. А. Празднование трехлетней годовщины Октябрьской революции в Алтайской губернии в 1920 году 521

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Алена Дмитриевна Чардынцева, магистрант (Кемерово)
Евгения Рафаэлевна Иоанесян, д-р филол. наук (Москва)
Илья Витальевич Сергодеев, д-р филол. наук (Снежинск, Челябинск)
Самона Николаевна Курилова, канд. филол. наук (Якутск)
Сергей Александрович Громыко, канд. филол. наук (Вологда)
Степан Степанович Павлов, младший научный сотрудник (Якутск)
Татьяна Геннадьевна Рабенко, д-р филол. наук (Кемерово)
Эльвира Степановна Денисова, канд. филол. наук (Кемерово)
Юлия Александровна Грибер, д-р культурологии (Смоленск)

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Грибер Ю. А. Электрофизиологические корреляты цветовой категоризации : обзор нейролингвистических исследований, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула (оддболл-парадигмы) / Ю. А. Грибер // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 9—38. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-9-38.

Griber, Yu. A. (2023). Color Categorization and its Electroencephalography Correlates: A Review of Neuro-Linguistic Oddball Paradigm Research. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 9-38. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-9-38. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-9-38

Электрофизиологические корреляты цветовой категоризации: обзор нейролингвистических исследований, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула (оддболл-парадигмы)

Грибер Юлия Александровна
orcid.org/0000-0002-2603-5928
Researcher ID AAG-4410-2019
доктор культурологии, профессор
кафедры социологии и философии
y.griber@gmail.com

Смоленский
государственный университет
(Смоленск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00407,
https://rscf.ru/project/22-18-00407/

Color Categorization and its Electroencephalography Correlates: A Review of Neuro-Linguistic Oddball Paradigm Research

Yulia A. Griber
orcid.org/0000-0002-2603-5928
Researcher ID AAG-4410-2019
Doctor of Cultural Studies, Professor,
Departament of Sociology and Philosophy
y.griber@gmail.com

Smolensk State University
(Smolensk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out with
the financial support of the Russian
Science Foundation,
project number 22-18-00407,
https://rscf.ru/en/project/22-18-00407/

© Грибер Ю. А., 2023

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен обзор нейролингвистических исследований цветовой категоризации, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула (оддболл-парадигмы). Отбор источников исследования осуществлялся через системы РИНЦ, Google Scholar, Scopus, Web of Science. Проанализированы полные тексты всех статей данной тематики за последние 15 лет (первая — в 2007 году). Проведенный анализ позволил сделать выводы о традиционной методологии исследования и выделить пять тематических групп исследований, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула. Показано, что фокус нейролингвистических исследований направлен на (1) изучение природы нейрофизиологических механизмов цветовой категоризации и их временные параметры; (2) исследование механизмов цветовой категоризации у не умеющих говорить младенцев; (3) изучение эффекта латерализации; (4) анализ межъязыковых и внутриязыковых различий цветовой категоризации; (5) определение нейрофизиологических коррелятов искусственных цветовых категорий. Особое внимание к экспериментальному дизайну, принципам выбора хроматических характеристик стимулов и полученным авторами результатам позволит специалистам в области теоретической, прикладной и сравнительной лингвистики использовать представленный в статье обзор в качестве основы для планирования и разработки новых экспериментальных исследований в этой области.

Ключевые слова:
цветовая категоризация; парадигма необычного стимула; оддболл; связанные с событиями потенциалы.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

This paper presents a review of neuro-linguistic studies on color categorization, developed using the oddball paradigm. The selection of research sources was conducted through Russian National Corpus, Google Scholar, Scopus, Web of Science. This study undertook a comprehensive analysis of all relevant articles published within the last 15 years (with the earliest dating back to 2007). Through this analysis, traditional methodologies were identified and five thematic groups of research were established, all of which employed the oddball paradigm. The focus of neuro-linguistic research has been shown to be directed towards (1) studying the neurophysiological mechanisms of color categorization and their temporal parameters; (2) investigating the mechanisms of color categorization in preverbal infants; (3) examining the effect of lateralization; (4) analyzing inter- and intra-linguistic differences in color categorization; and (5) determining the neurophysiological correlates of artificial color categories. Paying particular attention to experimental design, principles of stimulus chromatic characteristics selection, and the results obtained by the authors will enable specialists in the field of theoretical, applied, and comparative linguistics to use the review presented in this article as a basis for planning and developing new experimental research in this area.

Key words:
color categorization; oddball; event-related potentials; ERP.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'234+159.937.511/.513+612.843.31

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Электрофизиологические корреляты цветовой категоризации: обзор нейролингвистических исследований, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула (оддболл-парадигмы)

© Грибер Ю. А., 2023

1. Введение = Introduction

Несмотря на непрерывность цветового спектра, человек воспринимает его дискретно и разделяет на качественно различные перцептивные категории, которым присваивает имена (цветонаименования) (см. подр.: [Paramei, 2020]. В разных языках мира цветонаименования делят цветовой спектр на части по-разному (см. подробнее: [Грибер, 2021]). Например, в русском и английском языках существует неодинаковый набор основных «синих» категорий: в русском языке их две (*синий* и *голубой*), а в английском — лишь одна (*blue*) [Griber et al., 2021]. При этом, как и носители русского языка, англичане распределяют зеленые и синие оттенки в разные категории (*blue* 'синий' и *green* 'зеленый'), в то время как носители многих других языков используют для их обозначения всего одно цветонаименование (отдельных категорий для зеленого и синего цветов не имеют язык коренных мексиканцев тараумара [Kay et al., 1984], большинство кельтских языков [Lazar-Meyn, 2004] и почти все бесписьменные языки [Color naming …, 2005]).

Многочисленные исследования указывают на существование так называемого «эффекта категорий», или феномена «категорического восприятия», который проявляется в том, что нам сложнее различать оттенки внутри одной лингвистической категории и легче — из разных (см., например: [Russian blues reveal effects …, 2007]). Это происходит даже в том случае, когда математически рассчитанный показатель цветового различия между этими оттенками стремится к нулю (см., например: [Whorf hypothesis …, 2006]). Лингвистические категории оказывают влияние и на другие когнитивные процессы; например, на то, как люди запоминают цвета или оценивают степень их сходства (см., например: [Roberson et al., 2000]).

Хотя эффект цветовой категоризации имеет выраженный и универсальный характер (подобным образом мы распознаем, воспринимаем и запоминаем лица, расположение объектов, речь (см. например: [Барабанщиков и др., 2016]), его нейрофизиологическая природа до сих пор остается предметом оживленных обсуждений. Сторонники гипотезы лингвистической относительности (см., например: [Kay et al., 1984; Saunders et al., 1997]) связывают факторы, регулирующие категоризацию цвета, с особенностями культуры, в которой они существуют. Восприятие мира, согласно этой точке зрения, формируется под влиянием семантических категорий языка, на котором говорит человек, и эти категории в различных языках воздействуют на человека по-разному. Однако другие исследователи убеждены, что эффект категорий может быть «врожденным» и объясняется определенным «искривлением» цветового пространства, из-за которого оттенки внутри категорий человеку физиологически различить сложнее (см., например: [Franklin et al., 2004]).

В последние десятилетия для получения принципиально новых эмпирических данных о процессах обработки связанной с цветом языковой информации изучение цветовой категоризации переместилось в область лингвистики, близкую к биологии, — в сферу когнитивных и нейроисследований. Одним из наиболее распространенных методологических инструментов современного нейролингвистического исследования цветовой категоризации стал метод связанных с событиями потенциалов (англ. *event-related potentials, ERP*). Этот метод предполагает измерение с помощью электроэнцефалогрофических электродов динамики электрической активности мозга (напряжения на коже головы) в определенный период времени (эпоху), в течение которого предъявляется стимул или происходит событие [Nelson et al., 2008; Luck, 2014].

Для определения электрофизиологических маркеров категориального реагирования на цвет метод связанных с событиями потенциалов чаще всего сочетается с использованием оддболл-парадигмы (*oddball paradigm*). Методика оддболл (англ. *oddball* — необычный), которую иногда называют «парадигмой необычного стимула», была впервые описана в работе [Squires et al., 1975]. Она специально разработана с учетом условий, необходимых для изучения связанных с событиями потенциалов. В подобных экспериментах участнику в случайном порядке предъявляются последовательности из обычных (стандартных) и необычных (девиантных) стимулов. Необычные стимулы отличаются от обычных одной или несколькими из характеристик. При этом ряд стимулов создается таким образом, чтобы вероятность появления необычного стимула была существенно ниже, чем обычного (чаще всего используется соотношение в диапазоне от 1:4

до 1:9). Кроме того, необычные стимулы никогда не следуют друг за другом, а обычные всегда повторяются несколько раз подряд. Из-за низкой вероятности появления необычный стимул становится для испытуемого неожиданным, значимым, привлекает к себе дополнительное внимание и, по сравнению со стандартными стимулами, иначе обрабатывается, модулируя нейронную активность (см., например: [The biological bases …, 2019]).

Метод связанных с событиями потенциалов в сочетании с заданиями, разработанными на основе оддболл-парадигмы, удобен тем, что он неинвазивен (не предполагает использования игл или других инструментов, нарушающих целостность кожи) и может применяться в течение всей жизни, в широком диапазоне возрастов, начиная с младенчества. Как следствие, он широко используется в исследованиях внимания, рабочей памяти, слуховой и зрительной сенсорной обработки, распознавания лиц и обработки языка, в последнее время набирая все большую популярность в изучении цветовой категоризации.

Цель статьи заключается в том, чтобы представить анализ всех опубликованных к настоящему моменту нейролингвистических исследований цветовой категоризации, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула (оддболл-парадигмы), с точки зрения методологии исследования, сопоставления тем и имеющегося эмпирического задела. Особое внимание к экспериментальному дизайну, принципам выбора хроматических характеристик стимулов и полученным авторами результатам позволит специалистам в сфере теоретической, прикладной и сравнительной лингвистики использовать представленный в статье обзор в качестве основы для планирования и разработки новых экспериментальных исследований в этой области.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Отбор источников исследования осуществлялся через системы РИНЦ, Google Scholar, Scopus, Web of Science и проходил в 3 этапа.

На первом этапе формировалась база данных научных статей, которые потенциально могли иметь отношение к исследуемой проблематике. Первичный отбор осуществлялся на основе анализа заголовков и аннотаций источников по трем группам ключевых слов:

— цвет (color), тон (hue), цветовосприятие (color perception), цветовая когниция (color cognition);

— категорическое восприятие (categorical perception), цветовые категории (color categories), цветовая категоризация (color categorisation);

— парадигма необычного стимула (oddball), связанные с событиями потенциалы (event-related potentials, ERP), электрофизиология

(electrophysiology), нейронные корреляты (neural correlates), зрительная негативность рассогласования (visual mismatch negativity, vMMN).

На основе первичного отбора в базу данных исследования было включено 234 научных статьи. На втором этапе поиск уточнялся с помощью комбинации ключевых слов. В список этого этапа вошли 48 исследований, которые содержали в заголовке и аннотации термины из не менее двух групп ключевых слов. На следующем этапе на основе анализа полных текстов аннотаций отбирались источники, которые имели непосредственное отношение к исследуемой проблематике. Эти тексты изучались и анализировались в полном объеме. Всего было проанализировано 11 полных текстов статей, опубликованных за последние 15 лет (первая — в 2007 году).

В процессе работы использовались методы теоретического и сравнительного анализа, систематизации и обобщения материала. Для удобства сравнительного анализа точные данные о составе выборки, социально-демографических характеристиках участников и хроматических показателях экспериментальных стимулов представлены не в основном тексте, а в таблицах 1 и 2.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Методология исследования электрофизиологических коррелятов цветовой категоризации

3.1.1. Социально-демографические характеристики участников

Анализ методологии опубликованных к настоящему времени нейролингвистических исследований, разработанных с использованием оддболл-парадигмы, показывает, что во всех проведенных экспериментах участниками являются молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет (таблица 1), чаще всего это студенты университетов, которые получали за участие денежное вознаграждение или академические кредиты. Во многих случаях выборка не сбалансирована по полу и количество женщин значительно превышает число участвующих в эксперименте мужчин (см., например: [Color categories only affect …, 2014; Short-term trained lexical categories …, 2015; Forder et al., 2017]). В большинстве исследований участники являются носителями английского языка [Fonteneau et al., 2007; Neurophysiological evidence …, 2009; Color categories affect …, 2010; Neural correlates …, 2012; Color categories only affect …, 2014; Forder et al., 2017], реже — китайского [Electrophysiological evidence …, 2011; Short-term trained lexical categories …, 2015] или греческого языков [Unconscious effects …, 2009; Perceptual shift …, 2010].

Таблица 1

Участники и процедура исследований

Исследование	Кол-во участ-ников	Возраст	Язык	Оддболл-парадиг-ма	Кол-во оттен-ков	Цвето-вая система	Количе-ство стимулов	Время показа + интервал (мс)	Компо-ненты
Fonteneau et al., 2007	25 (f=13)	18–20 MA=20	английский	пассивная	4	Munsell	2400 (6 блоков по 400)	200 + 600–950	P1, P2, P3 N1, N2
Neurophysiological evidence …, 2009	14 (f=7)	18–34 MA=24.2	английский	активная	8	Munsell	736 (4 бло-ка по 184)	400 + 1300–1600	P1, P2, P3 N1, N2
Electrophysiological markers …, 2009	20 (f=9)	MA=236 дней, SD=17	не умеют говорить	пассивная	3	Munsell	120	500 + 1300	Nc, NSW
Unconscious effects …, 2009	20 20	20–23	английский греческий	пассивная	4	Munsell	2160 (4 блока по 540)	200 + 800	P1, vMMN
Perceptual shift …, 2010	10 10	20–23	английский греческий	пассивная	4	Munsell	2160 (4 блока по 540)	200 + 800	P1
Color categories af-fect …, 2010	18 (f=9)	MA=26.7, SD=5.3	английский	пассивная	3	Munsell	1320 (12 блоков по 110)	200 + 800–1200	vMMN
Electrophysiological evidence …, 2011	30 (f=16)	MA=26.7	китайский	пассивная	4	Munsell	2160 (4 блока по 540)	200 + 900	vMMN

Neural correlates …, 2012	14 (f=7) + 14 (f=7) контр. группа	MA=24.1, SD=3.2 MA=25.4, SD=4.5	английский	активная	8	Munsell	1104 (4 блока по 276)	400 + 1300–1600	P3
Color categories only affect …, 2014	20 (f=18)	MA=21.0, SD=3.0	английский	активная	4	JNDs	800 (8 блоков по 100)	400 + 1200–1600	N2, P3
Short-term trained lexical categories …, 2015	26 (f=15) + 26 (f=15) контр. группа	MA=20.47, SD=1.38 MA=19.89, SD=3.92	китайский	пассивная	4	SIELUV	2160 (4 блока по 540)	200 + 900	vMMN
Forder et al., 2017	33 (f=24)	18–30 MA=21.3, SD=2.96	английский	пассивная	3	JNDs	1980 (18 блоков по 110)	200 + 800–1200	P1

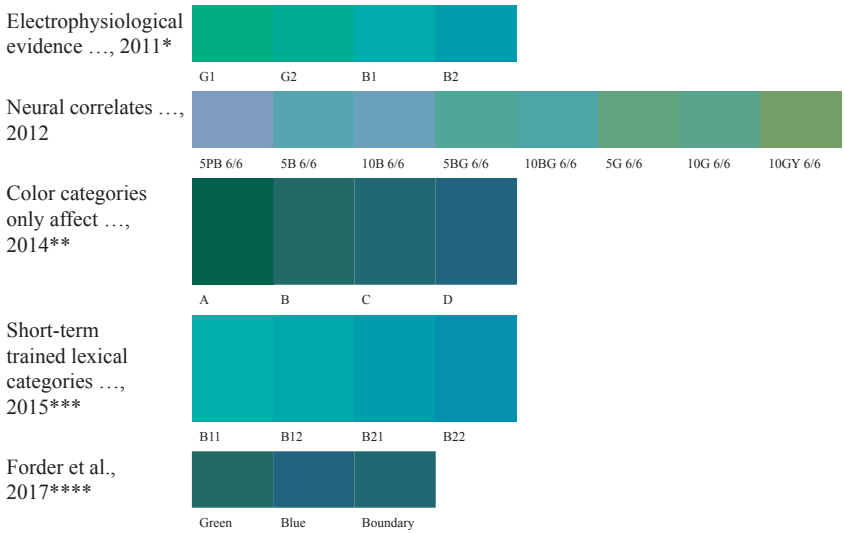
3.1.2. Хроматические характеристики экспериментальных стимулов

Хроматические характеристики оттенков, выбранных для разработки экспериментальных стимулов, оказались достаточно однородными (таблица 2). Это, как правило, оттенки только из синей категории [Short-term trained lexical categories …, 2015], из зеленой и синей категорий [Neurophysiological evidence …, 2009; Color categories affect …, 2010; Electrophysiological markers…, 2009, Neural correlates …, 2012; Electrophysiological evidence …, 2011; Color categories only affect …, 2014] или из зеленой и двух синих категорий [Unconscious effects …, 2009; Forder et al., 2017]. Лишь в одном исследовании в качестве необычного (девиантного) стимула использовался красный оттенок [Fonteneau et al., 2007]. Количество оттенков, которые исследователи выбрали для создания экспериментальных стимулов, в разных работах колеблется в диапазоне от 3 до 8. В большинстве случаев экспериментальные стимулы разработаны на основе стандартных образцов цветовой системы Манселла или систем CIELUV/CIELAB.

Таблица 2

Хроматические характеристики экспериментальных стимулов
(здесь и далее — в бумажной версии журнала таблицы представлены в черно-белой печати, поэтому для распознания цветовых характеристик следует ориентироваться на указанные цифровые коды и обращаться к электронной версии журнала, находящейся в открытом доступе и содержащей цветные изображения)

Исследование								
Fonteneau et al., 2007	2.5BG 6/10	4.8B 6/10	0G 6/10	5R 6/10				
Neurophysiological evidence …, 2009	1B 5/7	5B 5/7	8.5B 5/7	3.5BG 5/7	5BG 5/7	10BG 5/7	6G 5/7	10G 5/7
Electrophysiological markers…, 2009	2.5G 6/8	2.5BG 6/8	2.5B 6/8					
Unconscious effects …, 2009; Perceptual shift …, 2010	5PB 4/6	5PB 7/6	5G 4/6	5G 7/6				
Color categories affect …, 2010	7.5BG 8/6	2.5BG 8/6	2.5B 8/6					



Примечание. Хроматические характеристики оттенков, разработанных на основе цветовых систем CIE1931 и CIE-L*uv.

G1: CIE xyY x=0.256 y=0.374 Y=73.5; **G2**: x = 0.242 y=0.342 Y=72.5; **B1**: x = 0.228 y=0.308 Y=76.8; **B2**: x = 0.215 y=0.275 Y=62.9.

** **A**: CIE1931 x=0.272 y=0.433 Y=9.21; **B**: CIE1931 x=0.237 y=0.380 Y=9.21; **C**: CIE1931 x=0.222 y=0.333 Y=9.21; **D**: CIE1931 x=0.220 y=0.292 Y=9.21.

*** Значения CIE-L*uv: **B11** = 64.62, −50.50, −6.60; **B12** = 61.49, −47.03, −14.49; **B21** = 58.36, −43.55, −22.51; **B22** = 54.92, −39.71, −31.38.

**** **Green**: CIE1931 x=0.237 y=0.380 Y=9.21; **Blue**: CIE1931 x=0.220 y=0.292 Y=9.21; **Boundary**: CIE1931 x=0.222 y=0.333 Y=9.21.

3.1.3. Экспериментальный дизайн

При проведении исследования методом связанных с событиями потенциалов запись электрической активности мозга, как правило, проводится с помощью 64, 128 и даже 256 электродов, которые размещаются по стандартной системе 10—20. Такой большой набор позволяет идентифицировать компоненты, которые могли бы «ускользнуть» в случае, когда электродов меньше и расстояние между ними больше.

При разработке дизайна эксперимента предпочтение чаще отдается пассивной оддболл-парадигме (рис. 1). Активные задания, при выполнении которых экспериментаторы просят участников внимательно следить за изменениями цвета, используются только в трех работах [Neurophysiological evidence …, 2009; Neural correlates …, 2012; Color categories only affect …, 2014]. Во всех остальных случаях участники не знают, что ис-

следуется их цветовосприятие, поскольку их просят отмечать изменение ахроматического знака в фокусе внимания [Color categories affect …, 2010; Electrophysiological evidence …, 2011; Short-term trained lexical categories …, 2015; Forder et al., 2017], следить за изменением формы [Unconscious effects …, 2009; Perceptual shift …, 2010] или появлением изображения [Fonteneau et al., 2007].

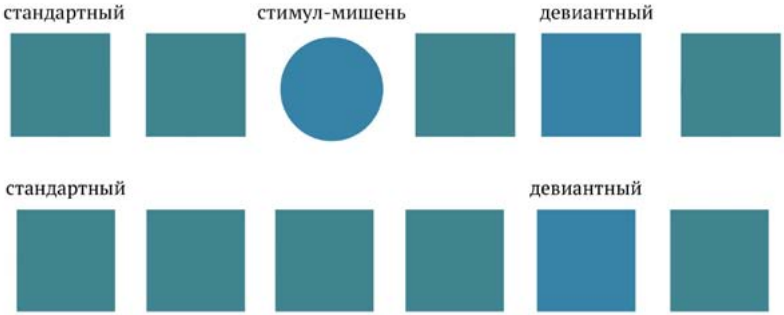


Рис. 1. Структура стимулов
в пассивной (вверху) и активной (внизу) оддболл-задачах

Метод связанных с событиями потенциалов предполагает регистрацию реакций на многократное предъявление одного и того же стимула. Как правило, оддболл-задания делятся на блоки. Стимулы предъявляются в течение 200—500 мс с интервалом от 600 до 1600 мс (таблица 1).

Иногда перед началом эксперимента или после его завершения участников просят выполнить лингвистический тест и назвать цветовые образцы на своем родном языке (отнести каждый из них к определенной цветовой категории) [Electrophysiological evidence …, 2011]; определить по шкале с полюсами «очень похожи» и «совершенно разные» степень сходства оттенков в паре [Perceptual shift …, 2010] или выполнить другие поведенческие задания [Neurophysiological evidence …, 2009].

3.2. Значимые для анализа цветовой категоризации компоненты связанных с событиями потенциалов

Перед анализом полученные при выполнении оддболл-заданий данные усредняются, чтобы устранить фоновый шум, с интересующим стимулом не связанный. В результате усреднения шум теоретически становится равным 0, а сигнал выделяется из фона, образуя серию положительных и отрицательных отклонений, или так называемых компонентов, каждый из которых отражает определенный нейронный или когнитивный процесс.

Анализ связанных с событиями потенциалов строится на сравнительном изучении представленных в виде графика форм волн. В качестве показателей обычно используют среднюю амплитуду напряжения компонента (мкВ) и пиковую латентность (мс), которая представляет собой конкретный момент времени, когда компонент достигает максимальной амплитуды (рис. 2). Изменения амплитуды и латентности связанных с событиями потенциалов в ответ на необычные цветовые стимулы оцениваются как эффект категорий.

Рис. 2. Основные компоненты в форме волны

Компоненты волны следуют в определенном порядке и имеют устойчивые аббревиатуры: P1, N1, P2, N2, P3. Латинская буква обозначает направление отклонения напряжения: положительное (P — от англ. *positive*) или отрицательное (N — от англ. *negative*); цифра — порядок следования компонента в структуре волны: P1 обозначает первый положительный компонент, P2 — второй и т. д. При этом на графике отрицательное напряжение иногда строится не вниз, а вверх (рис. 2).

Каждый из компонентов рассматривается как маркер определенных сенсорных или постперцептивных процессов (см., например: [Luck, 2014]). Компоненты P1 (80—120 мс после предъявления стимула) и N1 (130—190 мс после предъявления стимула) соответствуют ранним перцептивным и сенсорным процессам в мозге. Они локализуются в экстрастриарной зрительной коре и чувствительны прежде всего к физическим характеристикам сенсорных стимулов; их можно также изменять с помощью манипуляций с вниманием (см. подробнее: [Neurophysiological evidence …, 2009; Neural correlates …, 2012]). В анализе нейрофизиологичеких маркеров цветовой категоризации ранним компонентам связанных с событием потенциалов P1 и N1 уделяется особое внимание, поскольку большинство исследователей убеждены, что эти компоненты невосприимчивы к лингвистическим

(семантическим и синтаксическим) процессам (см. подробнее [Neurophysiological evidence …, 2009]), а значит — могут дать важную информацию для изучения перцептуального вклада в цветовую категоризацию.

Компоненты P2, N2 и P3, которые формируются в период 210—270, 280—340, 350—600 мс после предъявления стимула соответственно и широко распределяются по коже головы, рассматриваются как маркеры постперцептивных когнитивных процессов (отражают фиксацию изменений, оценку стимула, работу кратковременной памяти и др.).

Важным компонентом для анализа нейронных коррелятов цветовой категоризации является также зрительная негативность рассогласования (англ. *visual mismatch negativity, vMMN*). Этот компонент считается электрофизиологическим маркером раннего неосознаваемого ответа на новый стимул и регистрируется в диапазоне между 100 и 250 мс после предъявления стимула (ср.: [Preattentive binding …, 2005; Color categories affect …, 2010]).

В исследованиях связанных с событиями потенциалов с помощью оддболл-заданий у младенцев особое внимание уделяется компонентам Nc (англ. *central negativity* — центральная негативность), NSW (англ. *negative slow wave* — отрицательная медленная волна), PSW (англ. *positive slow wave* — положительная медленная волна), LSW (англ. *late slow wave* — поздняя медленная волна). Компонент Nc достигает пика примерно через 400 мс и обычно интерпретируется как маркер распределения внимания. Компоненты PSW и NSW отражают более диффузную активацию нейронных областей, при этом отрицательные медленные волны рассматриваются как маркеры обнаружения новых событий на фоне знакомых, а положительные — степень кодирования и обновления стимула в рабочей памяти. Компонент LSW связан с памятью узнавания (см. подробнее: [Nelson et al., 2001]).

3.3. Фокус нейролингвистических исследований цветовой категоризации

Проведенный анализ позволяет выделить пять тематических групп нейролингвистических исследований, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула.

3.3.1. Природа нейрофизиологических механизмов цветовой категоризации и их временные параметры

В фокусе ранних исследований нейрофизиологических коррелятов цветовой категоризации находятся временные параметры категориального восприятия цвета. Экспериментальные стимулы таких исследований име-

ют простую структуру и представляют собой размещенный в центре экрана квадрат, окрашенный в определенный цвет (рис. 3—5).

В первом эксперименте, разработанном для изучения цветовой категоризации на основе парадигмы пассивного оддболл-задания [Fonteneau et al., 2007], исследователи сравнивали потенциалы, связанные с одним и тем же цветовым стимулом (зеленым) в трех различных контекстах (рис. 3): в условиях большого различия между категориями (зеленый и красный), маленького различия между категориями (зеленый и синий) и маленького различия внутри одной и той же категории (два оттенка зеленого). В каждом из контекстов зеленый цвет выступал в качестве стандартного (в одном блоке) и девиантного (в другом блоке).

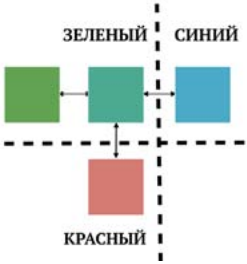


Рис. 3. Цветовые стимулы эксперимента [Fonteneau et al., 2007]

Эксперимент показал изменения ранних компонентов связанных с событиями потенциалов не только в условиях большого расстояния между категориями («красный» контекст), но и в условиях их близости («синий» контекст). Зафиксированная временная динамика оказалась схожей с другими, очевидно более сложными задачами визуальной категоризации (например, распознаванием эмоций и лиц). Время реакция на стимулы внутри одной и той же категории увеличивалось, что отражало бóльшую сложность выполняемого задания: стимулы из разных категорий выглядели более различными, чем стимулы внутри категории.

Авторы следующего исследования [Neurophysiological evidence …, 2009], продолжая изучение временных параметров цветовой категоризации, поставили перед собой цель оценить роль в категориальном восприятии цвета перцептивных и постперцептивных процессов. Стараясь преодолеть ограничения предыдущего исследования [Fonteneau et al., 2007], авторы намеренно использовали намного меньшие цветовые различия в парах ($\Delta E \approx 25$ по сравнению с $\Delta E \approx 56$), в два раза (до 400 мс) увеличили продолжительность презентации стимулов и паузу между ними (до 1300—1600 мс), чтобы классический оддболл-эффект мог проявиться не только

в «ранних» компонентах (P1 и P2), но и в «поздних» (в частности, в компоненте P3). Кроме этого, авторы предложили участникам выполнить не пассивные, а активные оддболл-задания: задача участников заключалась в том, чтобы наблюдать за изменениями цвета и вести подсчет девиантных стимулов в каждой из последовательностей (рис. 4).

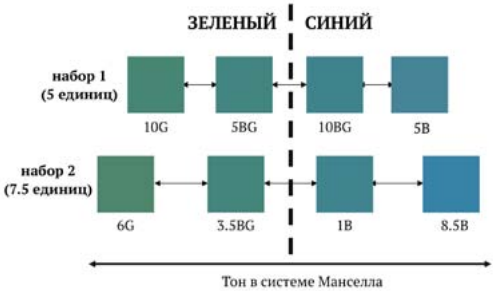


Рис. 4. Цветовые стимулы эксперимента [Neurophysiological evidence …, 2009]

В отличие от предыдущего эксперимента [Fonteneau et al., 2007] авторы обнаружили, что эффект категорий проявляется не только в ранних (P1, N1), но и в последующих постперцептивных компонентах (P2, P3).

Причиной того, что полученные в двух первых исследованиях результаты не совпадали с точки зрения вовлеченных в эффекты категоризации компонентов, по мнению Хи Ксана и соавторов [Color categories only affect …, 2014], могло стать использование для создания стимулов стандартных образцов цветовой системы Манселла. Здесь, как и в других цветовых системах, цветовые различия, выраженные в одинаковых единицах по тону или Евклидову расстоянию, не обязательно одинаково различимы (см. подробнее: [Hunt et al., 2011]. Чтобы преодолеть это ограничение, Хи Ксан и соавторы [Color categories only affect …, 2014] предложили провести оддболл-эксперимент еще раз, разработав цветовые стимулы самостоятельно на основе измерения порогов различения цвета.

При создании цветовых стимулов исследователи выразили порог цветоразличения в особой единице измерения — «едва заметных различиях» (англ. *just noticeable difference, JND*). 4 сине-зеленых оттенка были выбраны таким образом, чтобы расстояние между соседними воспринималось одинаково и составляло 3 JND. На основе этих оттенков были разработаны 2 набора цветовых стимулов, каждый из которых включал один стандартный и два девиантных цвета (рис. 5). Задача участников эксперимента заключалась в том, чтобы внимательно следить за изменениями цвета и подсчитывать количество девиантных стимулов.

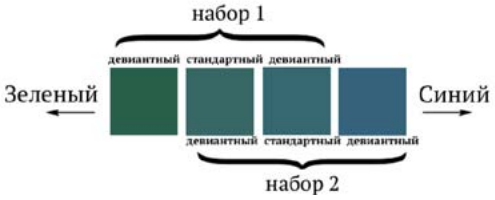


Рис. 5. Цветовые стимулы эксперимента [Color categories only affect …, 2014]

В отличие от проведенных ранее исследований, в этом эксперименте эффект категорий никак не проявился в течение первых 200 мс после предъявления цветового стимула и затронул только компоненты, связанные с постперцептивными процессами (компоненты N2, P2, P3). Позже похожий результат был получен в эксперименте с искусственными цветовыми категориями [Neural correlates …, 2012], однако там эффект категорий проявился еще позже (начиная с 350 мс), что, по мнению авторов, может быть связано с разной степенью установления категориального различия.

3.3.2. Цветовая категоризация у не умеющих говорить младенцев

Еще одним направлением исследования электрофизиологических коррелятов цветовой категоризации стало изучение временных параметров категориального восприятия цвета и роли в нем перцептивных и постперцептивных процессов у неумеющих говорить младенцев [Electrophysiological markers…, 2009]. Экспериментальное исследование с участием семимесячных детей показало, что, как и у взрослых, цвет необычного стимула, который находится за границей категории (рис. 6), вызывает у них большую амплитуду связанных с событием потенциалов компонента Nc и более выраженную негативную медленную волну (NSW), что отражает аттенциональную нагрузку и эффект новизны.

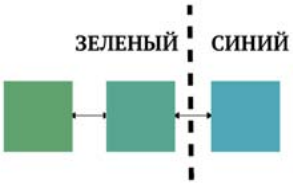


Рис. 6. Цветовые стимулы эксперимента [Electrophysiological markers…, 2009]

Полученные результаты позволили авторам сделать вывод, что категорическое восприятие цвета может осуществляться без языка, до освоения цветонаименований, а также представить дополнительную информацию

о временном течении и механизмах, лежащих в основе этого эффекта. Исследование выявило сходство в нейронных маркерах цветовой категоризации с другими типами категориального реагирования в младенчестве, а также схожие временные параметры цветовой и фонемной категоризации.

3.3.3. Исследование эффекта латерализации

Важным направлением электрофизиологического исследования цветовой категоризации стало изучение природы характерного для нее эффекта латерализации, суть которого заключается в том, что язык оказывает на категориальное восприятие цвета более сильное воздействие в том случае, когда этот цвет расположен в определенной части визуального поля. В таких исследованиях стимулы имеют сложную структуру и включают один подвижный или несколько статичных цветных квадратов, которые предъявляются парами и располагаются сверху и снизу от точки фиксации [Forder et al., 2017] или справа и слева от нее [Electrophysiological evidence …, 2011; Short-term trained lexical categories …, 2015] (рис. 7, 8, 10).

Дизайн исследования А. Клиффорд и ее коллег [Color categories affect …, 2010] был разработан таким образом, чтобы проверить, как влияет на категоризацию цвета разница между верхом и низом визуального поля. Экспериментальные стимулы включали три оттенка: стандартный синий, девиантный синий и девиантный зеленый (таблица 2). В центре каждого стимула был изображен прямоугольник синего цвета, на фоне которого в самом центре размещался маркер в форме креста или круга. Сверху или снизу от прямоугольника находился квадрат стандартного синего, девиантного синего или зеленого цвета (рис. 7). Задача участников заключалась в том, чтобы следить за изменениями маркера в центре экрана.

Рис. 7. Структура стимулов в эксперименте [Color categories affect …, 2010]

Исследование показало, что категориальное восприятие цвета возникает на ранних стадиях хроматической обработки. По сравнению с предыдущими экспериментами, исследование [Color categories affect …, 2010] доказало, что этот эффект не связан с нисходящей модуляцией постпер-

цептивных процессов (в частности — внимания). Однако отмеченный эффект проявлялся только в том случае, когда девиантный стимул находился в нижнем визуальном поле. Полученные результаты стали первым экспериментальным свидетельством в пользу автоматического и преаттентивного категориального кодирования цвета.

Л. Мо и соавторы [Electrophysiological evidence …, 2011] продолжили изучение природы характерного для цветовой категоризации эффекта латерализации, но сосредоточились на различиях между левой и правой частями визуального поля. Для создания набора стимулов они выбрали четыре разных по тону оттенка с одинаковой яркостью и насыщенностью: нейтральный зеленый, сине-зеленый, зелено-синий и нейтральный синий (показатель цветового различия ΔE для пар стимулов варьировался в диапазоне от 13 до 17.18) (таблица 2). Цвета предъявлялись парами и располагались слева и справа от точки фиксации в форме знака «плюс» в центре (рис. 8).

Рис. 8. Структура стимулов в эксперименте [Electrophysiological evidence …, 2011]

В качестве маркера нейронных механизмов эффекта латерализации рассматривалась зрительная негативность рассогласования (vMMN). Исследование показало значимую зависимость этого компонента от типа цветового стимула и части визуального поля, в которой он располагался. Различие между девиантным стимулом из той же категории и стимулом из другой категории было гораздо более выраженным в том случае, если девиантный стимул располагался справа. Полученные результаты позволили авторам подтвердить вывод исследования А. Клиффорд и ее коллег [Color categories affect …, 2010] об автоматической и преаттентивной природе эффекта латерализации и высказать предположение о том, что описанные механизмы контролируются левым полушарием головного мозга, в котором находится большинство языковых функций.

3.3.4. Межъязыковые и внутриязыковые различия в использовании цветовых категорий

Одним из флагманских исследований цветовой категоризации методом вызванных потенциалов стала работа Г. Тьерри и коллег [Unconscious effects …, 2009; Perceptual shift …, 2010]. В этом эксперименте авторы

сравнили реакции носителей греческого и английского языков, записанные в ходе ЭЭГ-эксперимента, разработанного с использованием пассивной оддболл-парадигмы. Стандартные и девиантные стимулы представляли собой разные по светлоте (темные и светлые) круги синего и зеленого цвета (таблица 2). Задача участников заключалась в том, чтобы заметить среди предъявляемых стимулов квадрат (стимул-мишень) и сообщить об этом экспериментатору (рис. 9).

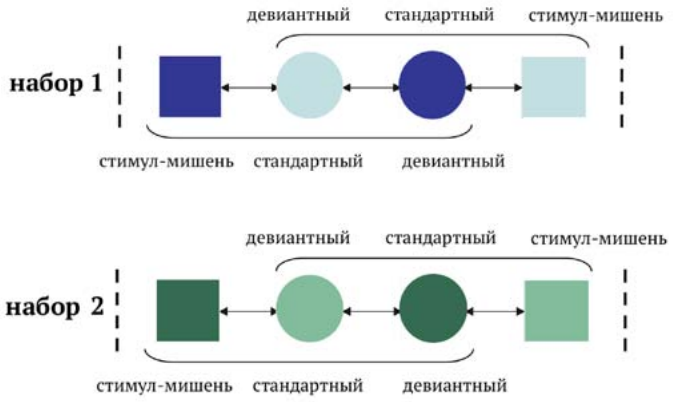


Рис. 9. Стимулы эксперимента [Unconscious effects …, 2009]

Гипотеза исследования состояла в том, что из-за категориальных различий между греческим и английским языком (существования двух основных «синих» категорий в греческом и только одной — в английском) у носителей греческого языка оддболл-эффект в синей части цветового спектра будет более выраженным. В ходе эксперимента выдвинутое предположение подтвердилось. В то время как у англоязычных участников реакции на девиантные и стандартные стимулы были довольно схожими, носители греческого языка демонстрировали более выраженные различия между светлыми и темными оттенками синего по сравнению с зелеными оттенками. Анализ строился главным образом на изучении зрительной негативности рассогласования (vMMN), которая была максимальной над теменно-затылочной областью головы и исследовалась на электродах IZ, O1, O2, OZ, PO7, PO8, PO9 и PO10. Обнаруженные эффекты были достаточно слабыми (~0.5 мкВ), размер эффекта составил $\eta p2 = 0{,}112$ с доверительным интервалом 0,004–0,273.

П. Атанасополос и соавторы [Perceptual shift …, 2010] повторно проанализировали электрофизиологические данные, представленные в работе

[Unconscious effects …, 2009], чтобы определить, сходятся ли когнитивная обработка, лингвистические описания и преаттентивное восприятие цвета у людей, которые говорят только на одном языке, и билингвов. Отправным пунктом для смещения фокуса исследовательского интереса стала мысль о том, что в современном мире большинство людей используют в повседневном общении сразу несколько языков. Более того, многие билингвы говорят на языках с контрастными лексическими и грамматическими структурами. При этом экспериментально установлено, что освоение новых категорий приводит к изменениям в категориальном восприятии и распознавании объектов, по крайней мере в краткосрочной перспективе (см., например: [Notman et al., 2005]). А это значит, изучение категориального восприятия билингвов может дать ответ на вопрос, является ли когнитивная репрезентация фиксированной и статичной или она динамично и гибко меняется под влиянием различных языков и культур.

Испытуемые — носители греческого языка были разделены на две группы в зависимости от того, насколько хорошо они владели английским языком и как часто использовали его в своем повседневном общении. Проведенный отдельно для каждой группы анализ данных показал, что, по сравнению с носителями греческого языка, которые знают, но реже используют английский язык, электроэнцефалографические реакции билингвов оказались более похожими на реакции носителей английского языка. Данные, полученные с помощью связанных с событиями потенциалов мозга, убедительно свидетельствуют о том, что нейронная перестройка основных компонентов восприятия (таких, как те, на которые указывают модуляции зрительной негативности рассогласования vMMN) может происходить у билингвов в зависимости от продолжительности пребывания в стране, где говорят на втором языке. В частности, в среднем после 3,5 лет постоянного проживания в англоязычной стране (Великобритании) носители греческого языка перестают относить светлый и темный синие оттенки к разным категориям, и это отражается на когнитивной обработке, лингвистическом описании и неосознаваемом восприятии цвета. Полученные результаты позволяют предположить, что цветовые категории у взрослых довольно легко изменяются под влиянием текущего опыта и, таким образом, скорее всего, являются лингвистическими конструктами, а не жестко закрепленными перцептивными структурами.

Основываясь на результатах исследования Г. Тьерри и его коллег [Unconscious effects …, 2009; Perceptual shift …, 2010], которые показали, что связанные с категориальным цветовосприятием компоненты вызванных потенциалов заметно меняются в зависимости от специфической для языка цветовой терминологии, Л. Фордер и соавторы [Forder et al., 2017]

предположили, что эффект категоризации может быть обусловлен не только межъязыковыми различиями (несовпадающим набором цветовых категорий в различных языках мира), но различиями в использовании цветовых категорий носителями одного и того же языка.

Авторы использовали для разработки экспериментальных стимулов едва различимые отличия (JND), значения которых были получены в исследовании [Color categories only affect …, 2014]. Стимулы были разработаны на основе трех оттенков — зеленого, синего и оттенка на границе между ними. Разница между соседними цветами составляла 3 JND (таблица 2). Цвета предъявлялись парами. В центре каждого стимула находилась точка фиксации, сверху и снизу от которой располагались цветные квадраты (рис. 10).

Рис. 10. Структура стимулов в эксперименте [Forder et al., 2017]

Авторы эксперимента обнаружили эффект категорий через 100 мс после предъявления стимула, а во фронтальных областях — примерно через 250 мс, что позволило им заключить, что цветонаименование влияет как на ранние сенсорные, так и на более поздние стадии обработки хроматической информации. Основываясь на результатах проведенного ими эксперимента, авторы не исключают, что эффект категорий может быть причиной, а не результатом групповых различий в назывании цветов. Другими словами, к различиям в цветонаименовании могут приводить физиологические различия в зрительной системе у разных людей.

3.3.5. Нейрофизиологические корреляты искусственных цветовых категорий

Важный вклад в обсуждение механизмов цветовой категоризации внесло исследование нейрофизиологических коррелятов искусственных

категорий А. Клиффорд и ее коллег, опубликованное в 2012 году [Neural correlates …, 2012]. Отправным пунктом для разработки экспериментального дизайна стали выводы нескольких предшествующих исследований о том, что к изменениям в выполнении связанных с категоризацией заданий может привести изучение новых категорий (см., например: [Notman et al., 2005]). Эти исследования показали, что обучение участников группировке образцов в новые (искусственные) категории сопровождается заметным эффектом категоризации: скорость и точность выполнения задания увеличиваются, когда стимулы относятся к разным категориям (приобретенная различимость), и снижаются, когда они относятся к одной и той же новой категории (приобретенная эквивалентность).

Основываясь на этих данных, А. Клиффорд и ее соавторы выдвинули предположение о том, что изучение новых цветовых категорий приведет к изменению потенциалов, связанных с девиантными стимулами, а детальный анализ отдельных компонентов этих реакций поможет получить новые данные о природе цветовой категоризации и ее временных параметрах.

Исследование включало два этапа. Сначала, на этапе обучения, участники в течение нескольких дней тренировались различать оттенки из двух новых, искусственно созданных цветовых категорий, граница между которыми проходила в центре зеленой области цветового пространства. На втором этапе применялся метод связанных с событиями потенциалов, и участники выполняли оддболл-задания. Экспериментальные стимулы были разработаны на основе восьми сине-зеленых оттенков цветовой системы Манселла, которые имели одинаковую насыщенность и светлоту и различались только по тону (рис. 11).

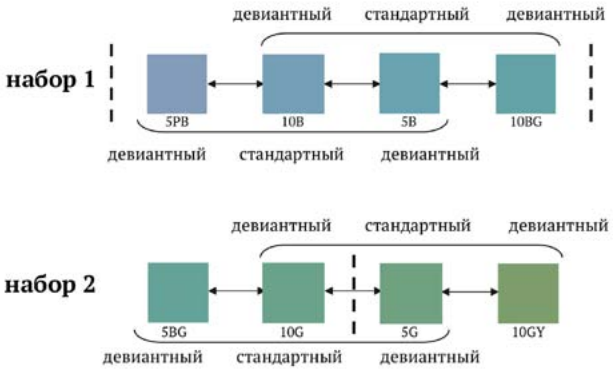


Рис. 11. Цветовые стимулы эксперимента [Neural correlates …, 2012]

Исследование подтвердило, что освоение новых категорий оказывает заметное влияние на параметры связанных с событиями потенциалов. В частности, происходит изменение амплитуды постперцептивного компонента P3. При этом эффект новой категории никак не проявляется в ранних компонентах (P1, N1, P2 и N2), что, по мнению авторов, вполне может быть связано с тем, что обучение было недолгим.

Продолжая изучение нейронных коррелятов искусственных категорий, авторы следующего исследования [Short-term trained lexical categories …, 2015] решили проверить, будет ли наблюдаться в случае краткосрочного обучения лексическим категориям (подобного тому, что использовали в своем исследовании А. Клиффорд и ее коллеги [Neural correlates …, 2012]) выявленное в эксперименте Мо Лэй и соавторов [Electrophysiological evidence …, 2011] латерализованное преаттентивное восприятие цвета.

Для разработки экспериментальных стимулов авторы выбрали шесть синих оттенков, которые в ходе предварительного обучения участники тренировались распределять в две новых искусственных категории. После этого им предлагалось выполнить задания оддболл-эксперимента, дизайн которого был похож на дизайн эксперимента, разработанного под руководством Мо Лэй [Electrophysiological evidence …, 2011]. В качестве стандартных и девиантных оттенков здесь выступали четыре цвета, образованные на основе оттенков искусственных категорий (рис. 12). Все эти оттенки в китайском языке (родном языке участников эксперимента) обозначались одинаковым цветонаименованием, поэтому разница в нейрофизиологических реакциях на предъявляемые стимулы могла появиться лишь в том случае, если эффект категорий характерен не только для естественных, но и для искусственных лингвистических категорий. Среднее расстояние ΔE между стандартным и внешним девиантным стимулами составляло 9.72 и практически совпадало с расстоянием между стандартным и центральным девиантным стимулами (ΔE=9.28).

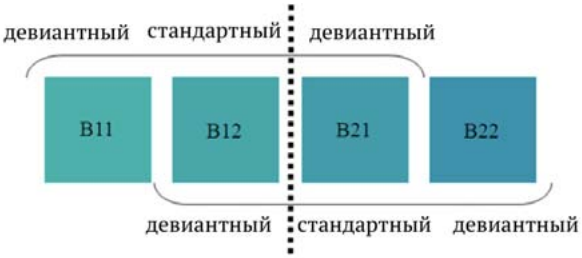


Рис. 12. Цветовые стимулы эксперимента
[Short-term trained lexical categories …, 2015]

Во время выполнения оддболл-заданий у участников, которые прошли предварительное обучение, наблюдался значительный эффект зрительной негативности рассогласования (vMMN), вызванный центральными девиантными стимулами в правом визуальном поле. В контрольной группе подобный эффект на любой тип девиантных стимулов отсутствовал. Таким образом, результаты эксперимента подтвердили гипотезу лингвистической относительности и дали новые доказательства механизма влияния языка на восприятие цвета. Исследование показало, что (1) кратковременное обучение лексическим категориям приводит к преаттентивной категоризации цвета (ранее [Neural correlates …, 2012] было также обнаружено влияние новых категорий на постперцептивные компоненты); (2) ассоциирование цвета с лексической категорией повышает чувствительность участников к стимулам из разных категорий; (3) ассоциации между цветонаименованиями и определенными оттенками, полученные в ходе обучения, схожи с теми, которые приобретаются в реальной жизни.

4. Заключение = Conclusions

Анализ научных источников по обсуждаемой проблематике с точки зрения сопоставления тем, эмпирического задела, методов и методологии позволяет сделать ряд важных выводов о состоянии нейролингвистических исследований цветовой категоризации с использованием оддболл-парадигмы.

Во-первых, применение метода связанных с событиями потенциалов в сочетании с оддболл-заданиями в изучении цветовой категоризации в современной нейролингвистике используется для решения целого ряда исследовательских задач. Он позволяет определить природу нейрофизиологических механизмов цветовой категоризации и их временные параметры [Fonteneau et al., 2007; Neurophysiological evidence …, 2009; Color categories affect …, 2010; Electrophysiological evidence …, 2011]; проверить связь эффекта категоризации с межъязыковыми различиями [Unconscious effects …, 2009; Perceptual shift …, 2010] и с различиями в использовании цветовых категорий носителями одного и того же языка [Forder et al., 2017]; зафиксировать динамику нейронных маркеров категориального восприятия на протяжении жизни [Neural correlates …, 2012; Short-term trained lexical categories …, 2015] и установить, существует ли цветовая категоризация без языка [Electrophysiological markers…, 2009].

Во-вторых, полученные в анализируемых исследованиях результаты пока не дают возможности окончательных выводов о роли в категорическом восприятии перцептивных и постперцептивных процессов, поскольку они не совпадают с точки зрения вовлеченных в эффекты категоризации

компонентов. Ряд работ показывает, что цветовая категоризация затрагивает ранние компоненты, в частности — P1 [Fonteneau et al., 2007; Neurophysiological evidence …, 2009] и vMMN [Unconscious effects …, 2009; Perceptual shift …, 2010; Color categories affect …, 2010; Electrophysiological evidence …, 2011; Short-term trained lexical categories …, 2015]. При этом другие авторы отмечают категориальный эффект только на поздних, постперцептивных уровнях [Neural correlates …, 2012; Color categories only affect …, 2014; Forder et al., 2017] или на обоих (ранних и поздних) уровнях сразу [Neurophysiological evidence …, 2009]. Кроме того, различия между обычными и необычными стимулами разные исследователи фиксируют в различных показателях — в амплитуде связанных с событиями потенциалов, их латентности или в совокупном изменении обоих этих параметров.

В-третьих, имеющиеся данные убеждают в том, что выявленные параметры электрофизиологических коррелятов цветовой категоризации оказываются схожими с другими типами категоризации, и дают новые доказательства механизма влияния языка на восприятие цвета. Исследования показывают, что эффект категоризации связан с межъязыковыми различиями (несовпадающим набором цветовых категорий в различных языках мира) [Unconscious effects …, 2009; Perceptual shift …, 2010], с различиями в использовании цветовых категорий носителями одного и того же языка [Forder et al., 2017] и сопровождает освоение искусственных категорий [Neural correlates …, 2012; Short-term trained lexical categories …, 2015].

В-четвертых, за пределами исследовательского интереса до сих пор остается большая часть цветового спектра. Большинство выводов авторы экспериментов традиционно делают для синей и зеленой цветовых категорий. Дополнительным ограничением исследований цветовой категоризации, разработанных на основе оддболл-парадигмы, является также использование для создания стимулов цветовых образцов определенной системы. Чаще всего стимулы разрабатываются с использованием нотации цветовой системы Манселла или систем CIELUV/CIELAB, в которых цветовые различия, выраженные в одинаковых единицах по тону или Евклидову расстоянию, не обязательно одинаково различимы.

В-пятых, в фокусе внимания исследователей пока находится довольно ограниченная возрастная группа; преимущественно — носители английского языка, чаще — женского пола. А значит, для получения новых знаний о нейрофизиологических механизмах цветовой категоризации и подготовки выводов о ее возрастной и социокультурной специфике необходимы новые нейролингвистические исследования на репрезентативных выборках участников с разными социально-культурными и социально-демографическими характеристиками (носители разных языков разного пола и возраста).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Барабанщиков В. А.* Перцептивная категоризация выражений лица / В. А. Барабанщиков, А. В. Жегалло, О. А. Королькова. — Москва : Когито-Центр, 2016. — 360 с. — ISBN 978-5-89353-474-0.

2. *Грибер Ю. А.* Картография цвета : диагностика развития цветонаименований русского языка с использованием естественно-научных, историографических, социологических и психологических методов / Ю. А. Грибер. — Москва : Согласие, 2021. — 152 с. — ISBN 978-5-907038-86-8.

3. *Color* categories affect pre-attentive color perception / A. Clifford, A. Holmes, I. R. L. Davies, A. Franklin // Biological Psychology. — 2010. — № 85. — Pp. 275–282. — DOI: 10.1016/j.biopsycho.2010.07.014.

4. *Color* categories only affect post-perceptual processes when same- and different-category colors are equally discriminable / He Xun, C. Witzel, L. Forder, A. Clifford, A. Franklin // Journal of the Optical Society of America. A, Optics, Image Science, and Vision. — 2014. — № 31. — Pp. A322–A331. — DOI: 10.1364/JOSAA.31.00A322.

5. *Color* naming, lens aging, and grue : what the optics of the aging eye can teach us about color language / J. L. Hardy, C. M. Frederick, P. Kay, J. S. Werner // Psychological science. — 2005. — № 16 (4). — Pp. 321—327. — DOI: 10.1111/j.0956-7976.2005.01534.x.

6. *Electrophysiological* evidence for the left-lateralized effect of language on preattentive categorical perception of color / Mo Lei, Xu Guiping, Kay Paul, Tan Li-Hai // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2011. — № 108. — Pp. 14026—14030. — DOI: 10.1073/pnas.1111860108.

7. *Electrophysiological* markers of categorical perception of color in 7-month old infants / A. Clifford, A. Franklin, I. R. L. Davies, A. Holmes // Brain and Cognition. —2009. — № 71. — Pp. 165—172. — DOI: 10.1016/j.bandc.2009.05.002.

8. *Fonteneau E.* Neural correlates of colour categories / E. Fonteneau, J. Davidoff // Neuroreport. — 2007. — № 18. — Pp. 1323—1327. — DOI: 10.1097/WNR.0b013e3282c48c33.

9. *Forder L.* Colour categories are reflected in sensory stages of colour perception when stimulus issues are resolved / L. Forder, He Xun, A. Franklin // PLoS ONE. — 2017. — № 12. — Pp. e0178097. — DOI: 10.1371/journal.pone.0178097.

10. *Franklin A.* New evidence for infant colour categories / A. Franklin, I. R. L. Davies // British Journal of Developmental Psychology. — 2004. — № 22. — Pp. 349—377. — DOI: 10.1348/0261510041552738.

11. *Griber Y. A.* Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era : linguistic analysis / Y. A. Griber, D. Mylonas, G. V. Paramei // Humanities and Social Sciences Communications. — 2021. — № 8. — P. 262. — DOI: 10.1057/s41599-021-00943-2.

12. *Hunt R. W. G.* Measuring Colour / R. W. G. Hunt, M. R. Pointer. — 4th ed. — West Sussex : Wiley, 2011. — 496 p. — ISBN 978-1119975373.

13. *Kay P.* What is the Sapir–Whorf hypothesis? / P. Kay, W. Kempton // American Anthropologist. — 1984. — № 86. — Pp. 65—79. — DOI: 10.1525/aa.1984.86.1.02a00050.

14. *Lazar-Meyn H. A.* Color naming : “grue” in the Celtic languages of British Isles / H. A. Lazar-Meyn // Psychological science. — 2004. — № 15 (4). — Pp. 288—294. — DOI: 10.1111/j.0956-7976.2004.00669.x.

15. *Luck S. J.* An Introduction to the Event-Related Potential Technique / S. J. Luck. — 2nd ed. — Cambridge, MA : MIT Press, 2014. — 416 p. — ISBN 978-0262525855.

16. *Nelson C. A.* The use of event-related-potentials in the study of cognitive development / C. A. Nelson, L. S. Monk // Developmental cognitive neuroscience Cambridge / ed. by C. A. Nelson, M. Luciana. — Cambridge, MA : MIT Press, 2001. — Pp. 125—136.

17. *Nelson C. A.* Use of event-related potentials in the study of typical and atypical development / C. A. Nelson, J. P. McCleery // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. — 2008. — № 47 (11). — Pp. 1252—1261. — DOI: 10.1097/CHI.0b013e318185a6d8.

18. *Neural* correlates of acquired color category effects / A. Clifford, A. Franklin, A. Holmes, V. G. Drivonikou, E. Özgen, I. R. L. Davies // Brain and Cognition. — 2012. — № 80. — Pp. 126—143. — DOI: 10.1016/J.BANDC.2012.04.011.

19. *Neurophysiological* evidence for categorical perception of color / A. Holmes, A. Franklin, A. Clifford, I. Davies // Brain and Cognition. — 2009. — № 69. — Pp. 426—434. — DOI: 10.1016/J.BANDC.2008.09.003.

20. *Notman L.* The nature of learned categorical perception effects : A psychophysical approach / L. Notman, P. T. Sowden, E. Özgen // Cognition. — 2005. — № 95. — B1—B14. — DOI: 10.1016/j.cognition.2004.07.002.

21. *Paramei G. V.* Color categorization : Patterns and mechanisms of evolution / G. V. Paramei // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by R. Shamey. — 2nd ed. — Berlin/Heidelberg : Springer, 2020. — Pp. 1—6.

22. *Perceptual* shift in bilingualism : Brain potentials reveal plasticity in pre-attentive colour perception / P. Athanasopoulos, B. Dering, A. Wiggett, J.-R. Kuipers, G. Thierry // Cognition. — 2010. — № 116. — Pp. 437—443. — DOI: 10.1016/J.COGNITION.2010.05.016.

23. *Preattentive* binding of auditory and visual stimulus features / I. Winkler, I. Czigler, E. Sussman, J. Horváth, L. Balázs // Journal of cognitive neuroscience. — 2005. — № 17 (2). — Pp. 320—339. — DOI: 10.1162/0898929053124866.

24. *Roberson D.* The categorical perception of colors and facial expressions : the effect of verbal interferene / D. Roberson, J. Davidoff // Memory & Cognition. — 2000. — № 28. — Pp. 977—986. — DOI: 10.3758/BF03209345.

25. *Russian* blues reveal effects of language on color discrimina tion / J. A. Winawer, N. Witthoft, M. C. Frank, L. Wu, A. R. Wade, L. Boroditsky // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2007. — № 104. — Pp. 7780—7785. — DOI: 10.1073/pnas.0701644104.

26. *Saunders B. A. C.* Are there nontrivial constraints on colour categorization? / B. A. C. Saunders, J. van Brakel // Behavioral and Brain Sciences. — 1997. — № 20 (2). — Pp. 167—228. — DOI: 10.1017/S0140525X97531426.

27. *Short-term* trained lexical categories produce preattentive categorical perception of color : Evidence from ERPs / Zhong Weifang, Li You, Li Peixin, Xu Guiping, Mo Lei // Psychophysiology. — 2015. — № 52. — Pp. 98—106. — DOI: 10.1111/psyp.12294.

28. *Squires N. K.* Two varieties of long-latency positive waves evoked by unpredictable auditory stimuli in man / N. K. Squires, K. C. Squires, S. A. Hillyard // Electroencephalography and clinical neurophysiology. — 1975. — № 38 (4). — Pp. 387—401.

29. *The biological* bases of colour categorization : From goldfish to the human brain / K. Siuda-Krzywicka, M. Boros, P. Bartolomeo, C. Witzel // Cortex. — 2019. — № 118. — Pp. 82—106. — DOI: 10.1016/j.cortex.2019.04.010.

30. *Unconscious* effects of language-specific terminology on preattentive color perception / G. Thierry, P. Athanasopoulos, A. Wiggett, B. Dering, J.-R. Kuipers // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. — 2009. — № 106. — Pp. 4567—4570. — DOI: 10.1073/pnas.0811155106.

31. *Whorf* hypothesis is supported in the right visual field but not in the left / A. L. Gilbert, T. Regier, P. Kay, R. B. Ivry // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. — 2006. — № 103. — Pp. 489—494. — DOI: 10.1073/pnas.0509868103.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023,
одобрена после рецензирования 05.06.2023,
подготовлена к публикации 15.06.2023.

References

Athanasopoulos, P., Dering, B., Wiggett, A., Kuipers, J.-R., Thierry, G. (2010). Perceptual shift in bilingualism: Brain potentials reveal plasticity in pre-attentive colour perception. *Cognition, 116:* 437—443. DOI: 10.1016/J.COGNITION.2010.05.016.

Barabanshchikov, V. A., Zhegallo, A. V., Korolkova, O. A. (2016). *Perceptual categorization of facial expressions.* Moscow: Kogito-Center. 360 p. ISBN 978-5-89353-474-0. (In Russ.).

Clifford, A., Holmes, A., Davies, I. R. L., Franklin, A. (2010). Color categories affect pre-attentive color perception. *Biological Psychology, 85:* 275—282. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2010.07.014.

Clifford, A., Holmes, A., Davies, I. R. L., Franklin, A. (2009). Electrophysiological markers of categorical perception of color in 7-month old infants. *Brain and Cognition, 71:* 165—172. DOI: 10.1016/j.bandc.2009.05.002.

Clifford, A., Franklin, A., Holmes, A., Drivonikou, V. G., Özgen, E., Davies, I. R. L. (2012). Neural correlates of acquired color category effects. *Brain and Cognition, 80:* 126—143. DOI: 10.1016/J.BANDC.2012.04.011.

Fonteneau, E., Davidoff, J. (2007). Neural correlates of colour categories. *Neuroreport, 18:* 1323—1327. DOI: 10.1097/WNR.0b013e3282c48c33.

Forder, L., He, X., Franklin, A. (2017). Colour categories are reflected in sensory stages of colour perception when stimulus issues are resolved. *PLoS ONE, 12:* e0178097. DOI: 10.1371/journal.pone.0178097.

Franklin, A., Davies, I. R. L. (2004). New evidence for infant colour categories. *British Journal of Developmental Psychology, 22:* 349—377. DOI: 10.1348/0261510041552738.

Gilbert, A. L., Regier, T., Kay, P., Ivry, R. B. (2006). Whorf hypothesis is supported in the right visual field but not in the left. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 103:* 489—494. DOI: 10.1073/pnas.0509868103.

Griber, Y. A., Mylonas, D., Paramei, G. V. (2021). Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era: linguistic analysis. *Humanities and Social Sciences Communications, 8:* P. 262. DOI: 10.1057/s41599-021-00943-2.

Griber, Yu. A. (2021). *Color mapping: investigation of Russian color terms development using methods of natural sciences, historiography, social science and psychology.* Moscow: Soglasiye. 152 p. ISBN 978-5-907038-86-8. (In Russ.).

Hardy, J. L., Frederick, C. M., Kay, P., Werner, J. S. (2005). Color naming, lens aging, and grue: what the optics of the aging eye can teach us about color language. *Psychological science, 16 (4):* 321—327. DOI: 10.1111/j.0956-7976.2005.01534.x.

He Xun, Witzel, C., Forder, L., Clifford, A., Franklin, A. (2014). Color categories only affect post-perceptual processes when same- and different-category colors are equally discriminable. *Journal of the Optical Society of America. A, Optics, Image Science, and Vision, 31:* A322—A331. DOI: 10.1364/JOSAA.31.00A322.

Holmes, A., Franklin, A., Clifford, A., Davies, I. (2009). Neurophysiological evidence for categorical perception of color. *Brain and Cognition, 69:* 426—434. DOI: 10.1016/J.BANDC.2008.09.003.

Hunt, R. W. G., Pointer, M. R. (2011). *Measuring Colour. 4th ed.* West Sussex: Wiley. 496 p. ISBN 978-1119975373.

Kay, P., Kempton, W. (1984). What is the Sapir–Whorf hypothesis? *American Anthropologist, 86:* 65—79. DOI: 10.1525/aa.1984.86.1.02a00050.

Lazar-Meyn, H. A. Color naming: "grue" in the Celtic languages of British Isles. *Psychological science, 15 (4):* 288—294. DOI: 10.1111/j.0956-7976.2004.00669.x.

Luck, S. J. (2014). *An Introduction to the Event-Related Potential Technique. 2nd ed.* Cambridge, MA: MIT Press. 416 p. ISBN 978-0262525855.

Mo Lei, Xu Guiping, Kay Paul, Tan Li-Hai. (2011). Electrophysiological evidence for the left-lateralized effect of language on preattentive categorical perception of color. *Proceedings of the National Academy of Sciences, 108:* 14026—14030. DOI: 10.1073/pnas.1111860108.

Nelson, C. A., Monk, L. S. (2001). *The use of event-related-potentials in the study of cognitive development. Developmental cognitive neuroscience Cambridge.* Cambridge, MA: MIT Press. 125—136.

Nelson, C. A., McCleery, J. P. (2008). Use of event-related potentials in the study of typical and atypical development. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, 47 (11):* 1252—1261. DOI: 10.1097/CHI.0b013e318185a6d8.

Notman, L., Sowden, P. T., Özgen, E. (2005). The nature of learned categorical perception effects: A psychophysical approach. *Cognition, 95:* B1—B14. DOI: 10.1016/j.cognition.2004.07.002.

Paramei, G. V. (2020). Color categorization: Patterns and mechanisms of evolution. In: *Encyclopedia of Color Science and Technology. 2nd ed.* Berlin/Heidelberg: Springer. 1—6.

Roberson, D., Davidoff, J. (2000). The categorical perception of colors and facial expressions: the effect of verbal interferene. *Memory & Cognition, 28:* 977—986. DOI: 10.3758/BF03209345.

Saunders, B. A. C., Brakel, J. van. (1997). Are there nontrivial constraints on colour categorization? *Behavioral and Brain Sciences, 20 (2):* 167—228. DOI: 10.1017/S0140525X97531426.

Siuda-Krzywicka, K., Boros, M., Bartolomeo, P., Witzel, C. (2019). The biological bases of colour categorization: From goldfish to the human brain. *Cortex, 118:* 82—106. DOI: 10.1016/j.cortex.2019.04.010.

Squires, N. K., Squires, K. C., Hillyard, S. A. (1975). Two varieties of long-latency positive waves evoked by unpredictable auditory stimuli in man. *Electroencephalography and clinical neurophysiology, 38 (4):* 387—401.

Thierry, G., Athanasopoulos, P., Wiggett, A., Dering, B., Kuipers, J.-R. (2009). Unconscious effects of language-specific terminology on preattentive color perception. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 106:* 4567—4570. DOI: 10.1073/pnas.0811155106.

Winawer, J. A., Witthoft, N., Frank, M. C., Wu, L., Wade, A. R., Boroditsky, L. (2007). Russian blues reveal effects of language on color discrimina tion. *Proceedings of the National Academy of Sciences, 104:* 7780—7785. DOI: 10.1073/pnas.0701644104.

Winkler, I., Czigler, I., Sussman, E., Horváth, J., Balázs, L. (2005). Preattentive binding of auditory and visual stimulus features. *Journal of cognitive neuroscience, 17 (2):* 320—339. DOI: 10.1162/0898929053124866.

Zhong, W., Li, Y., Li, P., Xu, G., Mo, L. (2015). Short-term trained lexical categories produce preattentive categorical perception of color: Evidence from ERPs. *Psychophysiology, 52:* 98—106. DOI: 10.1111/psyp.12294.

The article was submitted 28.04.2023;
approved after reviewing 05.06.2023;
accepted for publication 15.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Громыко С. А. Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем *единство* и *единение*) / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 39—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54.

Gromyko, S. A. (2023). Speech Representations of Unity in Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse: A Study of Lexemes 'Edinstvo' [Unity] and 'Edinenie' [Unification]. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 39-54. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54

Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем *единство* и *единение*)

Громыко Сергей Александрович
orcid.org/0000-0002-4256-9815
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации
ling2007@yandex.ru

Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00854, https://rscf.ru/project/23-28-00854/

Speech Representations of Unity in Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse: A Study of Lexemes 'Edinstvo' [Unity] and 'Edinenie' [Unification]

Sergey A. Gromyko
orcid.org/0000-0002-4256-9815
PhD in Philology, associate professor
Department of Russian Language, Journalism
and Communication Theory
ling2007@yandex.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-28-00854, https://rscf.ru/project/23-28-00854/

© Громыко С. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется функционирование лексем *единство* и *единение в* устных публичных выступлениях депутатов дореволюционной Государственной Думы. Цель статьи — систематизация речевых репрезентаций идеи единства на примере лексем *единство* и *единение* в русском парламентском дискурсе начала XX века в риторико-прагматическом аспекте. В качестве инструмента анализа персуазивности парламентского дискурса использовалась такая категория, как персуазивный комплекс. Установлено, что анализируемые лексемы активно использовались в русском парламентском дискурсе начала XX века для выражения семантики интегративности. Интегративность, выражаемая анализируемыми лексемами, касается многих разнообразных тем, от семьи и суда до мнений, принципов и взглядов. Установлены и проанализированы функциональные различия между употреблением лексем *единство* и *единение*. Персуазивность *единства / единения* в риторической практике дореволюционной Государственной Думы связана с достижением высокого пафоса выступления за счет употребления данных лексем в прямом значении, развития при них эпитетов, вхождения их в состав метафор. Доказано, что употребление в определенном контексте лексем *единство* и *единение* было политическим маркером, так как наблюдается определенная специализация словоупотреблений в выступлениях представителей разных политических сил.

Ключевые слова:
парламентский дискурс; персуазивность; персуазивный комплекс; риторика; парламентская риторика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the functioning of the lexemes ‘edinstvo’ [unity] and ‘edinenie’ [unification] in the oral public speeches of the deputies of the pre-revolutionary State Duma. The aim of the article is to systematize speech representations of the idea of unity on the example of the lexemes ‘edinstvo’ [unity] and ‘edinenie’ [unification] in the Russian parliamentary discourse of the early 20th century in a rhetorical-pragmatic aspect. The category of persuasive complex was used as an instrument for analyzing the persuasiveness of parliamentary discourse. It was established that the analyzed lexemes were actively used in the Russian parliamentary discourse of the early 20th century to express the semantics of integrativeness. Integrativeness, expressed by the analyzed lexemes, relates to many diverse topics, from family and court to opinions, principles, and views. Functional differences between the use of the lexemes ‘edinstvo’ [unity] and ‘edinenie’ [unification] were identified and analyzed. The persuasiveness of ‘edinstvo’ [unity] and ‘edinenie’ [unification] in the rhetorical practice of the pre-revolutionary State Duma is associated with achieving a high degree of pathos in speeches through the use of these lexemes in their literal sense, developing epithets with them, and incorporating them into metaphors. It is proven that the use of the lexemes ‘edinstvo’ [unity] and ‘edinenie’ [unification] in a specific context was a political marker, as there is a certain specialization of word usage in speeches by representatives of different political forces.

Key words:
parliamentary discourse; persuasiveness; persuasive complex; rhetoric; parliamentary pragmatics rhetoric.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 808.5+811.161.1'42:328.126"190"

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем *единство* и *единение*)

© Громыко С. А., 2023

1. Введение = Introduction

Семантика единства, как и ее противоположность, семантика разобщенности, актуальна для российского политического дискурса. В современных социально-политических условиях трансляция интегративных смыслов приобретает особое значение: внешние и внутренние угрозы в виде терроризма, экстремизма, радикального национализма, ксенофобии, экономических санкций, так называемой «культуры отмены», направленные на дезинтеграцию российского общества, могут быть нивелированы в том числе посредством текстов и дискурсивных практик, репрезентирующих этническое, социальное и культурное единение в условиях многообразия его проявлений. В то же время исследование таких единиц долгое время оставалось вне поля зрения ученых, так как единение не входит в зону социального напряжения, «следовательно, и лексике единения, солидаризации, образования союзов… уделяется внимание существенно меньшее, чем лексике вражды» [Лики единения…, 2022, с. 5]. Сказанное справедливо и по отношению к другим формам и способам репрезентации семантики единства — риторике, прагматике, дискурсивной акциональности.

Единство как ключевое слово русского политического дискурса XX века рассматривает в своей работе М. В. Гаврилова [Гаврилова, 2010]. Исследователь приходит к выводу, что «слово *единство*, являясь ключевым концептом русского политического дискурса начала XXI века, находится в состоянии "лексической эластичности", объем понятия то расширяется, то сужается, и все эти лексические процессы находятся в постоянном движении» [Гаврилова, 2010, с. 18].

Важным этапом в исследовании семантики единства в политическом и массмедийном дискурсах является коллективная монография «Лики единения в языке и дискурсе» [Лики единения…, 2022]. В ней исследование языкового выражения тематики единства произведено на широком и разнообразном материале различными методами, включая семный, дис-

трибутивный, а также дискурс-анализ. Так, Т. В. Дубровская, анализируя языковые репрезентации представлений о единстве в современном российском политико-правовом дискурсе, приходит к выводу, что «единение конструируется, во-первых, как внутригосударственный атрибут, и в этом случае одним из наиболее важных аспектов единения выступают территориальная целостность и межкультурное взаимодействие; и, во-вторых, как атрибут внешнеполитической деятельности РФ, для которой характерна интеграция в общемировое пространство при одновременном сохранении общероссийской идентичности» [Дубровская, 2022, с. 264]. А идея национального единения в современном публицистическом дискурсе реализуется в контексте общегосударственного строительства, объединяющего всех граждан страны безотносительно к национальной принадлежности [Семёхина и др., 2022, с. 166].

Вербализация семантики интегративности в политической коммуникации изучалась В. П. Джиоевой на материале югоосетинского политического дискурса [Джиоева, 2017], О. М. Михайленком в теоретико-политологическом аспекте [Михайленок, 2013], Н. Б. Руженцевой применительно к межнациональным отношениям [Руженцева и др., 2013], А. В. Щетининой на материале медийных публикаций [Щетинина и др., 2021]; ср. также работу [European Parliaments… , 2010].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данная статья представляет собой результат исследования вербальных репрезентантов семантики интегративности на оригинальном материале — русском парламентском дискурсе начала XX века. Под ***интегративностью*** мы понимаем семантическое поле различных смыслов, объединенных общими семами сплоченности, цельности, единства. В статье анализируются речевые реализации двух ключевых лексем — *единство* и *единение*. Слово *единство*, как уже указывалось выше, принято считать ключевым концептом русского политического дискурса XX—XXI веков. Слово *единение* взято для анализа, потому что соотношение семантики и функционирования этих двух лексем в политическом дискурсе начала XX века представляет собой определенный научный интерес, что отмечала М. В. Гаврилова: с одной стороны, слово *единство* преимущественно использовалось в сочетаниях «единство страны», а *единение*, согласуясь с одушевленными существительными, обслуживало сферу человеческих отношений; с другой стороны, «начиная с партийных документов социалистических партий начала XX в., *единство*, вобрав в свою семантическую структуру сему ‘сплоченность’, вытеснило слово *единение* из русского политического дискурса, вследствие чего *единство* стало употребляться как

с неодушевленными, так и с одушевленными существительными» [Гаврилова, 2010, с. 14].

Цель данного исследования — систематизация речевых репрезентаций идеи единства (интегративности) на примере лексем *единство* и *единение* в русском парламентском дискурсе начала XX века в риторико-прагматическом аспекте. В процессе исследования мы пытались ответить на ряд вопросов: о каком единстве / единении говорили депутаты с трибуны? каковы лексические значения этих слов? какие при этом использовались средства персуазивности для убеждения аудитории или воздействия на нее? существует ли корреляция использования этих ключевых слов с политическими взглядами ораторов?

Материалом для исследования послужили стенографические отчеты заседаний Государственной Думы Российской империи с 1906 по 1917 годы. Источниковедческая характеристика стенографических отчетов подробно и исчерпывающе дана в работах И. К. Кирьянова. Исследователь приходит к выводу, что «за исключением редакционной правки, связанной с нарушениями думского регламента, стенографические отчеты детально воспроизводят все то, что обсуждалось и происходило в зале заседаний общего собрания Государственной Думы» [Кирьянов и др., 2009, с. 145]. Именно материалом отличается наше исследование от работ М. В. Гавриловой, которая анализировала употребление лексем *единство* и *единение* в текстах программ политических партий начала XX века. Мы же концентрируем внимание на устной публичной речи депутатов Государственной Думы, отраженной в стенографических отчетах.

В начале исследования методом сплошной выборки фиксировалось употребление лексем *единство* и *единение*. В общей сложности было отобрано более 550 словоупотреблений, большая часть которых (порядка 300) пришлась на употребление слова *единство*. Анализ отобранного материала строился по следующему алгоритму:

1) установление лексического значения слова;

2) анализ широкой дистрибутивности слова: установление контекста словоупотребления, отнесенность высказывания к определенной теме, наличие оценочности, коннотативности, контекстуально обусловленных значений;

3) определение инструментального потенциала словоупотребления (используется ли в составе средств воздействия / убеждения, выразительно-изобразительных средств);

4) определение операциональных особенностей словоупотребления (к какой политической фракции относится автор высказывания и какие интенциональные особенности высказывание демонстрирует?).

На основании полученных данных были сделаны выводы о доминирующих смыслах высказываний с лексемами *единство* и *единение*, динамике их изменений в процессе развития дискурса, их персуазивном потенциале в русском парламентском дискурсе начала XX века.

Исследование материала производилось в первую очередь в аспекте персуазивности речевых единиц в данном дискурсе. Этим, собственно, оно отличается от работы А. С. Семёхиной и А. В. Щетининой, которые в основном концентрировали свое внимание на лексической семантике анализируемых единиц [Семёхина и др., 2022]. Для достижения целей нашего исследования в качестве инструмента анализа персуазивности парламентского дискурса мы предлагаем использовать такую категорию, как персуазивный комплекс. Под ***персуазивным комплексом*** мы понимаем совокупность инструментов и способов реализации персуазивности, сформировавшихся в отдельно взятом дискурсе и объединенных семантической единицей — образом или символом. Это когнитивно-коммуникативная категория, которая отражает актуальное для данного дискурса представление о степени убедительности различных способов предъявления востребованных образов и мотивов, как, например, мотива интегративности (единства / единения) в данном случае. Подробно анализ персуазивного комплекса как методика исследования дискурса обоснован и представлен в публикациях о персуазивных комплексах «КРОВЬ» и «РЕБЕНОК» в русском парламентском дискурсе [Громыко, 2021а; Громыко, 2021б]. Здесь же отметим, что персуазивный комплекс представляет собой трехуровневую структуру: семантический уровень образуется различными тематическими и смысловыми группами сообщений, содержащих анализируемые лексемы, инструментальный уровень — это инвентарь всех элементарных средств речевого воздействия, образуемых при помощи данной лексемы, операциональный уровень — приемы и способы выражения определенных значений при помощи тех или иных инструментов в зависимости от темы высказывания, контекста, политической позиции говорящего.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Стенографические отчеты заседаний Государственной Думы 1906—1917 годов фиксируют более 3000 словоупотреблений с корнем *-един-*, в том числе прилагательные *единый* и *единственный,* существительные *объединение* и *разъединение*, сложные слова с первой составной частью, соответствующей по значению слову *единый* (*единовластие, единогласно, единодушно*), и т. п. Из них на лексему *единство* приходится 315 словоупотреблений, на лексему *единение* — 244 словоупотребления.

Рассмотрим структуру персуазивного комплекса «ЕДИНСТВО / ЕДИНЕНИЕ».

3.1. Семантический уровень

С точки зрения семантики и пропозиции высказываний агентов парламентского дискурса можно выделить следующие группы сообщений, связанных с лексемами *единство* и *единение*.

1. Единство / единение внутри социального и политического института:

1.1. Государственной Думы;
1.2. Совета Министров;
1.3. суда;
1.4. школы;
1.5. семьи.

2. Единство / единение российского государства:

2.1. единство державы / империи / страны / России;
2.2. единение государя с народом;
2.3. единение политических институтов;
2.4. внутреннее единство перед лицом войны.
2.5. единение Финляндии с империей.

3. Единство / единение наций (народностей):

3.1. славянское единение;
3.2. единение народов России;
3.3. единение русских с поляками;
3.4. единение евреев с русскими;
3.5. единение мусульман с русскими;
3.6. единение русских с Закавказьем;
3.7. кровное единство / единение народов.

4. Единство / единение внутри русского народа:

4.1. русское единство / единение;
4.2. наше единство / единение;
4.3. языковое единство.

5. Единение социальной группы:

5.1. единение трудящихся;
5.2. единение военнослужащих;
5.3. единение духовенства.

6. Ментальное единство / единение:

6.1. единство принципов;
6.2. единство / единение взглядов, мыслей;
6.3. единство настроения, чувств.

7. Единение конкретных депутатов друг с другом.

Среди этих групп сообщений важно выделить те, в которых часто встречалось утверждение отсутствия ЕДИНСТВА / ЕДИНЕНИЯ: 1.1, 1.2,

2.3, 3.5, 3.6, 3.8. Данное значение могло быть вербализовано как напрямую при помощи слова *нет* (*нужного в этот момент единства у нас нет*) или частицы *не* (*это не то единство, которое сейчас необходимо*), так и опосредованно при помощи других средств (*О каком единении Думы и Правительства может идти речь?*).

Интересным представляется тот факт, что депутаты практически не использовали такие распространенные в современном политическом дискурсе сочетания, как *духовное единство / единение* и *культурное единство / единение*. Последнее встретилось всего три раза, два из которых в негативных употреблениях.

Хронологически на распространенность образцов речевой вербализации идеи интегративности посредством слов *единство / единение* повлияла Первая мировая война. Максимальная частотность словоупотреблений наблюдается в 1914—1916 годах. Так, например, если в стенограммах за 1908 год нами было выявлено 32 словоупотребления, за 1912 — 41, то за 1916 год — 96 словоупотреблений. Сместились и семантические акценты: появился смысловой блок «внутреннее единство перед лицом войны» (2.4), были актуализированы блоки «единство / единение внутри русского народа» и «ментальное единство / единение».

3.2. Инструментальный уровень

Данный уровень основывается на использовании прямого значения анализируемых слов: *единство* чаще всего понималось как ‘цельность, нераздельность’, а *единение* — ‘тесная связь, сплоченность’. Оба значения воспринимались ораторами в большинстве своем как синонимичные, что видно из результатов анализа сочетаемости лексем (4.1, 4.2, 5.2), однако фактор одушевленности / неодушевленности (5.1—5.3) и грамматические особенности сочетаемости (2.2, 2.5, 3.5—3.8) также учитывались. Когда речь шла об одушевленных существительных, говорящим зачастую выбиралась лексема *единение*, как, впрочем, и в случае семантически и грамматически неравноправной сплоченности (***единение*** *Финляндии с империей*, *евреев с русскими*, но ***единство*** *воли* ***и*** *мысли*). Соединительный союз ***и***, употребляющийся при однородном управлении, акцентирует аналогичность [Современный русский…, 2014, с. 272] и традиционно рассматривается как «чисто конъюнктивный» [Санников, 2008, с. 45], поэтому однородные члены воспринимаются как равноправные: *единство разума* ***и*** *чувств*. В случаях же употребления словосочетаний типа *единение государя с народом* задействованы иные синтаксические механизмы. Предлог *с* «служит для обозначения совместности, указывая на предмет или лицо, участвующее в чем-либо вместе с кем-, чем-либо» [Словарь русского

языка, 1999, с. 10]. Подобные конструкции рассматриваются А. М. Мухиным как субстанциальная социативная синтаксема [Мухин, 1995, с. 115]. Значение социативности в данном случае может быть неравноправным из-за морфологических свойств слова *единение*, которое сохраняет значение процессуальности. В словосочетании *единение государя с народом* государь воспринимается как субъект, производящий некоторое действие. Аналогично в словосочетаниях *единение евреев с русскими*, *единение Финляндии с империей* можно говорить о наличии актора (евреи, Финляндия), который производит или должен производить некоторые действия с целью достижения интегративности. В то же время в парламентском дискурсе была распространена, хотя и гораздо менее, чем конструкция *единение X с Y*, модель *единение X и Y*. В этом случае она была семантически дублетна с массовыми употреблениями *единство X и Y*.

Обе лексемы активно входили в состав различного рода средств речевого воздействия. Слово *единение* нередко развивало при себе эпитет. *Святополк-Мирский [о положении немцев в России]: Все еще нет у нас в общественных взглядах и настроениях столь* ***желанного****, столь* ***необходимого единения*** *по этому вопросу* [ГД 1916а, с. 2478]. *Родзянко: Господа, вы меня знаете как сторонника, горячего сторонника и поклонника работы всех общественных сил на пользу страны; вы меня знаете как горячего сторонника* ***дружного****,* ***искреннего единения****, примирения* [ГД 1916а, с. 1549]. Словосочетание *кровное единение* не было частотным и использовалось в основном в группе сообщений 3 для выражения идеи интегративности славян. Слово *единство* употреблялось без эпитетов.

Особую роль в думских речах играла метафора, организованная с привлечением анализируемых слов. Метафоры с обоими словами однотипны в отношении образной основы и контекстной специфики. Наиболее частотной из них была метафора *ковать* [народное] *единство / единение* или *куется единство / единение*, которая встретилась шесть раз в выступлениях разных ораторов и применялась в основном в группе 4. *Родичев: Настоящий русский человек не мог не чувствовать в то время: вот где залог победы, вот где* ***куется единство****. Оно здесь, господа,* ***ковалось****, и тот, кто посоветовал распустить эту* ***готовальню народного единства*** *[Государственную Думу], тот сознательно ослаблял силы народа* [ГД 1916а, с. 2761]. Несколько раз в изученных текстах была реализована метафора *путь единения* [славянства]. Слово *единство* встречается в контексте метафоры *семья народов*, используя которую говорящий акцентировал внимание на идее спаянности, неразделенности, неразрывности. *Рамот: Исполнение этого задушевного желания* [искоренение устарелых порядков] *удвоит силы народа для отражения врага и навсегда укрепит*

в эстонском народе сознание ***единства интересов великой семьи, населяющей Россию, спаянной кровью и великим совместным трудом*** [ГД 1915, с. 182]. Очевидно, что первоочередной целью такого использования тропов было создание и поддержание пафоса выступления, тем более что в 26 из 34 проанализированных случаев данные средства воздействия размещались в начале (21) либо в конце (5) речи. К этой же функциональной группе можно отнести факты использования крылатого выражения *«в единении — сила»* и вхождение слова *единение* в состав различного рода олицетворений, например *Граф Путткамер: Этой политики розни и недоверия не переменила ни* ***война, властно требующая единения,*** *и не оказали на нее влияния исторические акты, говорящие о примирении двух братских народов* [ГД 1916, с. 3112].

Обращают на себя внимание и случаи использования анализируемых лексем в качестве инструмента выражения иронии. Это касается в первую очередь смысловой группы 1.1. Вообще осмысление интегративности в негативном либо ироничном ключе практически всегда было связано с парламентским метадискурсом, то есть с вербализацией представлений о работе самой Думы. *Лерхе: в настоящей стадии дела мы, господа члены Государственной Думы, обсуждаем только вопрос о том, переходить ли к постатейному чтению настоящего законопроекта, или отвергнуть его целиком. Я должен сказать, что по этому вопросу выяснилось* ***трогательное единение*** *обоих крыльев Государственной Думы* [ГД 1911, с. 43]. Сближение депутатов с министрами и членами правительства, описываемое посредством слова *единение*, также осмысливалось иронически, и упоминание об этом служило средством речевой агрессии, инвективы. *Новицкий: Из речи этого самого кадета Милюкова в запрошлом заседании мы слышали, что господин Милюков от народа и Дума от народа отделены тремя замками: первый замок — это закон 3 июня, второй — Государственный Совет и третий — министры. Но из последней речи господина Милюкова вы могли заключить, что в одну из министерских скважин господин Милюков заглядывал… И это министерский замок у Певческого моста.* ***Господин Милюков в полном единении с министром иностранных дел Сазоновым****…* [ГД 1913, с. 866].

3.3. Операциональный уровень

На операциональном уровне четко выделяется дихотомия «положительное единство / единение» — «отрицательное единство / единение». Естественно, первый член ее более сильный, поскольку идея интегративности сама по себе в парламентском дискурсе оценивалась в основном положительно. Однако даже из приведенных выше примеров видно, что

интегративность при помощи анализируемых лексем могла выражаться с прямой негативной оценочностью, иронически или даже саркастически. С функциональной точки зрения случаи выражения отрицательного единства / единения связаны с темами и микротемами работы Государственной Думы, Совета Министров, отдельных депутатов или членов правительства; все они универсальны и использовались ораторами с разными политическими взглядами. Особый случай — смысловые группы 3.3 и 3.4, которые можно наблюдать в выступлениях крайне правых депутатов. Единение русских с поляками или евреев с русскими выражалось в отрицательном ключе как умеренными правыми, так и членами «Союза русского народа». *Янушкевич: Я и дальше нахожу, что дальше бороться нам нечего, ибо мы, крестьяне, до сего времени вынося многое не своих плечах за русское отечество, мы имеем упрек все время от нашего польского населения. Но когда видим, что большинство Думы теперь отбрасывает нас, отталкивает нас, отселе мы складываем свое знамя. Пусть наши потомки не обижаются на нас. И мы подходим под знамя польское, и мы войдем в то* ***единение****, в то семейное согласие, с которым наши отцы боролись, надеясь поддерживать наши дружеские отношения с Россией* [ГД 1911, с. 1369].

В большей же части проанализированных высказываний указание на *единство / единение* использовалось в составе различного рода аргументов к пафосу всеми фракциями Государственной Думы. Например, для левых депутатов была характерна самая низкая интенсивность выражения идеи интегративности при помощи анализируемых лексем, затрагивались исключительно смысловые группы «единение трудящихся» (5.1) и «единение военнослужащих» (5.2), реже — «единство Государственной Думы» (1.1) при использовании лексем в прямом значении или с нанизыванием эпитетов. Фракции центра, например кадеты, наоборот, активнее всех других политических сил использовали лексемы *единство / единение* при выражении самых разнообразных тем и смыслов: 1.3—1.5, 2.1, 2.3, 2.4, 3.3—3.6, 4.2, 6.1—6.3. При этом активно использовались метафоры и эпитеты, немалая часть которых, например, приходится на выступления одного из главных трибунов кадетской фракции — Ф. И. Родичева.

Особый интерес представляет вербализация идеи интегративности в речах депутатов правых фракций. Здесь можно наблюдать четкую «специализацию» на выражаемых смыслах: на первом месте по частотности микротемы единства России (2.1) и единения государя с народом (2.2), далее — единения славянских народов (3.1), народов России (3.2), кровного единения народов (3.7), а также весь смысловой блок единения внутри русского народа (4.1—4.3). При этом именно правые депутаты употре-

бляли при анализируемых лексемах местоимение *наше. Марков Второй: [О блоке прогрессистов] в окопах бьются солдаты, бьются за вас и за нас, а вы в это время хотите разрушить* ***наше единение*** *и спокойствие народа подвергнуть опытам майкопских граждан* [ГД 1916, с. 1455]. Этот маркер важен, так как указывает на наличие дихотомии «наше» — «ваше», или «свое» — «чужое», где «наше» и «свое» — единый русский народ, единое государство, «ваше» и «чужое» — не предназначенное для единства с «нашим», неинтегрируемое (евреи, поляки, революционеры, социалисты и т.п.). *Единение / единство* рассматриваются как маркеры «своего», а соответствующие семантические комплексы становятся базой для проявлений речевой агрессии: «чужие» своими действиями пытаются разрушить «наше единство», разобщить, поэтому данные лексемы активно использовались для реализации речевых тактик обвинения и обличения политических оппонентов.

4. Выводы = Conclusions

Лексемы *единство* и *единение* активно использовались в русском парламентском дискурсе начала XX века для выражения семантики интегративности. Результаты наблюдений над их функционирование в целом коррелируют с имеющимися данными, представленными в работах М. В. Гавриловой, Т. В. Дубровской, А. С. Семёхиной и А. В. Щетининой, однако обнаруживают ряд специфических особенностей.

1. Так, например, установлено, что в количественном плане использование анализируемых лексем резко увеличивается начиная с 1914 года и достигает своего пика в стенограммах 1916 года, что свидетельствует об их особой востребованности в связи с началом Первой мировой войны. По всей видимости, это касается не только слов *единство* и *единение*, но и других репрезентаций семантики интегративности. Интегративность, выражаемая анализируемыми лексемами, касается многих разнообразных тем, от семьи и суда до мнений, принципов и взглядов. Например, проблема этнического единства в России, так характерная для современного политического дискурса, не была доминирующей, а входила в парадигму обсуждений государственного единства в целом.

2. С точки зрения лексического значения слова *единство* и *единение* зачастую употреблялись как синонимы, однако лексема *единение* развивала особую неравноправную семантику, связанную с синтаксической конструкцией *единение X с Y*, где X приобретал значение субъекта, производящего действия в целях интегративности. Такими субъектами могли быть Государь, Финляндия, евреи, мусульмане, русские и т. п. Статичный же Y чаще всего был представлен словами *народ, русские, империя, государ-*

ство, правительство и т. д. Иными словами, грамматическая субъектность в данной модели не была присуща государству, политическим институтам и народу (не они объединялись с кем-то, чем-то, а происходило единение кого-то, чего-то с ними). Лексема *русские* употреблялась в обоих позициях этой модели, но чаще в статичной: *единение евреев с русскими, единение мусульман с русскими.*

3. Персуазивность *единства / единения в* риторической практике дореволюционной Государственной Думы связана с достижением высокого пафоса выступления за счет употребления данных лексем в прямом значении, развития при них эпитетов, вхождения их в состав метафор. В то же время наблюдаются случаи использования лексем в ироническом контексте, связанные в основном с оценкой работы депутатов, Государственной Думы и институтов власти в целом.

Можно сделать вывод о том, что употребление в определенном контексте лексем *единство* и *единение* было политическим маркером, так как наблюдается определенная специализация словоупотреблений в выступлениях представителей разных политических сил. Если левые ограничивались высказываниями исключительно о единстве трудового народа, то для кадетов концепт единства был одним из главных в их речах. Правые же депутаты четко разделяли положительную интегративность (*единение славян, единство русских, наше единство, единение Государя с народом*) и отрицательную (*единение русских с поляками, мусульман, евреев с русскими и т.п.*). Последняя служила основой для выстраивания образа врага: в логике ораторов, политик, продвигавший идею отрицательной интегративности, пытался разрушить *наше единство* и подвергался речевой агрессии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГД 1908 — *Государственная Дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 1. Заседания 1—35. — Санкт-Петербург, 1908. — 3152 с.

2. ГД 1911 — *Государственная Дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Часть 2. Заседания 39—73. — Санкт-Петербург, 1911. — 3723 с.

3. ГД 1912 — *Государственная Дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Часть 4. Заседания 120—153. — Санкт-Петербург, 1912. — 4336 с.

4. ГД 1913 — *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 1. Заседания 1—30. — Санкт-Петербург, 1913. — 2438 с.

5. ГД 1914 — *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 1. Заседания 1—28. — Санкт-Петербург, 1914. — 2095 с.

6. ГД 1915 — *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. — Петроград, 1915. — 1399 с.

7. ГД 1916а — *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стлб. 1205—3502. Заседания 17—37. — Петроград, 1916. — 3502 с.

8. ГД 1916б — *Государственная* Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стлб. 3503—5813. Заседания 38—60. — Петроград, 1916. — 5813 с.

Литература

1. *Гаврилова М. В*. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 3 (34). — С. 13—18.

2. *Громыко С. А.* Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2021а. — № 4. — С. 66—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79.

3. *Громыко С. А.* «Слеза ребенка» в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале выступлений русских националистов) / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2021б. — № 3 (87). — С. 145—155. — DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_14.

4. *Джиоева В. П.* Реализация концептов единство / иудзинад в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинсокго двуязычия / В. П. Джиоева // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 53—59.

5. *Дубровская Т. В.* Маркеры единения в правовом и политико-правовом дискурсе / Т. В. Дубровская. — В книге : Лики единения в языке и дискурсе / под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — С. 196—264. — ISBN 978-5-91256-571-7.

6. *Кирьянов И. К.* Стенографические отчеты Государственной Думы начала XX века: от традиционного к компьютерному источниковедению / И. К. Кирьянов, С. И. Корниенко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 6 (144), История. Вып. 30. — С. 144—148.

7. *Лики единения* в языке и дискурсе : монография / Т. В. Дубровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина, А. С. Семехина, А. В. Щетинина ; под редакцией Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 292 с. — ISBN 978-5-91256-571-7.

8. *Михайленок О. М.* Концепт согласие в российском политическом дискурсе / О. М. Михайленок // Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 3. Политическое согласие : Стратегии и реальность. — Москва : ИС РАН, 2013. — С. 9—25.

9. *Мухин А. М.* Вариантность синтаксических единиц / А. М. Мухин. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 1995. — 239 с.

10. *Руженцева Н. Б.* Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи / Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — 292 с.

11. *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 624 с.

12. *Семёхина А. С.* Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. С. Семёхина, А. В. Щетинина. — В книге : Лики единения в языке и дискурсе / под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — С. 148—168. — ISBN 978-5-91256-571-7.

13. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. — Т. 4. — 795 с.

14. *Современный русский* литературный язык / под ред. П. А. Леканта. — Москва : Юрайт, 2014. — 559 с.

15. *Щетинина А. В.* Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — № 1 (213). — С. 18—27.

16. *European* Parliaments under Scrutiny : Discourse Strategies and Interaction Practices / edited by Cornelia Ilie. — Amsterdam, the Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2010. — 386 p.

Статья поступила в редакцию 29.04.2023,
одобрена после рецензирования 01.06.2023,
подготовлена к публикации 15.06.2023.

Material resources

GD 1908 — *The State Duma*. Third convocation. (1908). *Verbatim reports. Session four. Part 2. Sessions 39—73*. Sankt-Peterburg. 3152 p. (In Russ.).

GD 1911 — The State Duma. Third convocation. (1911). *Verbatim reports. Session four. Part 2. Meetings 39—73*. St. Petersburg. 3723 p. (In Russ.).

GD 1912 — The State Duma. Third convocation. (1912). *Verbatim reports. Session five. Part 4. Meetings 120—153*. St. Petersburg. 4336 p. (In Russ.).

GD 1913 — The State Duma. Fourth convocation. (1913). *Verbatim reports. Session one. Part 1. Meetings 1—30*. St. Petersburg. 2438 p. (In Russ.).

GD 1914 — The State Duma. Fourth convocation. (1914). *Verbatim reports. Session two. Part 1. Sessions 1—28*. St. Petersburg. 2095 p. (In Russ.).

GD 1915 — The State Duma. Fourth convocation. (1915). *Verbatim reports. Session four*. Petrograd. 1399 p. (In Russ.).

GD 1916a — The State Duma. Fourth convocation. (1916). Verbatim reports. Session four. Stlb. 1205—3502. Sessions 17—37. Petrograd. 3502 p. (In Russ.).

GD 1916b — The State Duma. Fourth convocation. (1916). *Verbatim reports. Session four. Stlb. 3503—5813. Sessions 38—60.* Petrograd, 1916. 5813 p. (In Russ.).

References

Gavrilova, M. V. (2010). Development of meaningful forms of the concept “unity” in the Russian political discourse of the XX—XXI centuries. *Political Linguistics, 3 (34):* 13—18. (In Russ.).

Gromyko, S. A. (2021a). Persuasive Complex as a Unit of Analysis of Parliamentary Discourse. *Nauchnyi dialog, 4:* 66—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79. (In Russ.).

Gromyko, S. A. (2021b). The article analyzes the use of a child’s image-symbol in the Russian parliamentary communication of the early twentieth century (based on the transcripts of the meetings of the Third and Fourth State Duma). *Political Linguistics, 3 (87):* 145—155. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_14. (In Russ.).

Dubrovskaya, T. V. (2022). Unity markers in legal and political-legal discourse. In: Leontyeva, T. V. (ed.). *Faces of Unity in Language and Discourse*. Yekaterinburg: Azhur. 196—264. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).

Dzhioeva, V. P. (2017). Implementation of the concepts of unity / iudzinad in the South Ossetian political discourse in the situation of Russian-Ossetian bilingualism. *Political Linguistics, 4:* 53—59. (In Russ.).

Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language*. Moscow: Russkiy yazyk, Poligrafresursy. 795 p. (In Russ.).

Ilie, C. (ed.). (2010). *European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices*. Amsterdam, the Netherlands: John Benjamins Publishing Company. 386 p.

Kiryanov, I. K., Kornienko, S. I. (2009). Verbatim Records of the State Duma of the Early 20th Century: From Traditional to Computer Source Studies. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 6 (144), History. Iss. 30:* 144—148. (In Russ.).

Lekant, P. A. (ed.). (2014). Modern Russian literary language. Moscow: Yurayt. 559 p. (In Russ.).

Leontyeva, T. V. (ed.). (2022). *Faces of Unity in Language and Discourse*. Yekaterinburg: Azhur. 292 p. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).

Mikhaylenok, O. M. (2013). The concept of consent in Russian political discourse. In: *Consent in society as a condition for the development of Russia. Iss. 3. Political consensus: Strategies and reality*. Moscow: IS RAS. 9—25. (In Russ.).

Mukhin, A. M. (1995). *Variation of syntactic units*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 239 p. (In Russ.).

Ruzhentseva, N. B., Antonova, Yu. A. (2013). *Interethnic discourse: a model in the context of an era*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 292 p. (In Russ.).

Sannikov, V. Z. (2008). *Russian syntax in the semantic-pragmatic space.* Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. 624 p. (In Russ.).

Semekhina, A. S., Shchetinina, A. V. (2022). Language representation of the idea of national unity in media discourse. In: Leontyeva, T. V. (ed.). *Faces of Unity in Language and Discourse*. Yekaterinburg: Azhur. 148—168. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).

Shchetinina, A. V., Semekhina, A. S. (2021). Language representation of the idea of national unity in media discourse. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University: 1* (213): 18—27. (In Russ.).

The article was submitted 29.04.2023;
approved after reviewing 01.06.2023;
accepted for publication 15.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Иоанесян Е. Р. Апеллятивные конструкции с предикатами эпистемического модуса / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 55—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-55-71.

Ioanesyan, E. R. (2023). Appellative Constructions with Epistemic Modality Predicates. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 55-71. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-55-71. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-55-71

Апеллятивные конструкции с предикатами эпистемического модуса

Иоанесян Евгения Рафаэлевна
orcid.org/0000-0002-4950-6315
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
сектора романских языков
ioanevg@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Appellative Constructions with Epistemic Modality Predicates

Evgeniya R. Ioanesyan
orcid.org/0000-0002-4950-6315
Doctor of Philology,
Leading Researcher,
Sector of Romance Languages
ioanevg@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Иоанесян Е. Р., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Объектом исследования являются парентетические конструкции, представленные в языке тремя видами — модальными, рефлексивными и апеллятивными. Модальные вводные конструкции обозначают модальный статус пропозиции. В рефлексивных вводных конструкциях эпистемические единицы выступают в функции маркирования рефлексии. Апеллятивные вводные конструкции имеют иллокутивную функцию — функцию воздействия на адресата. Целью данной статьи является анализ апеллятивных конструкций с предикатами эпистемического модуса — одним из подклассов предикатов пропозициональной установки, глаголами знания, восприятия и мнения. Актуальность исследования обусловлена тем, что эпистемические предикаты играют большую роль в процессах коммуникации, аргументации. Проводится сопоставительный анализ апеллятивных конструкций в нескольких языках — русском, польском, болгарском, украинском, немецком, английском, итальянском, испанском и португальском. Особое внимание уделяется сопоставлению матричных конструкций с эпистемическими предикатами, то есть конструкций с зависимой клаузой, и апеллятивных конструкций с этими предикатами. Анализ переводов иноязычных текстов с матричными конструкциями на русский язык позволил сделать вывод о тенденции замены исходных матричных конструкций на вводные, и наоборот, анализ переводов текстов с русского языка с вводными конструкциями свидетельствует о тенденции их замены на матричные.

Ключевые слова:
семантика; предикаты эпистемического модуса; апеллятивные конструкции; переводоведение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The object of the study is parenthetical constructions, represented in the language by three types — modal, reflexive and appellative. Modal introductory constructions denote the modal status of a proposition. In reflexive introductory constructions, epistemic units act as reflection marking. Appellative introductory constructions have an illocutionary function — the function of influencing the addressee. The purpose of this article is to analyze appellative constructions with epistemic predicates — one of the subclasses of propositional attitude predicates, verbs of knowledge, perception and opinion. The relevance of the study is due to the fact that epistemic predicates play an important role in the processes of communication and argumentation. The results of a comparative analysis of appellative constructions in several languages — Russian, Polish, Bulgarian, Ukrainian, German, English, Italian, Spanish and Portuguese are presented. Particular attention is paid to the comparison of matrix constructions with epistemic predicates, that is, constructions with a dependent clause, and appellative constructions with these predicates. The analysis of translations of foreign texts with matrix constructions into Russian made it possible to conclude that there is a tendency to replace the original matrix constructions with introductory ones, and vice versa, the analysis of translations of texts from Russian with introductory constructions indicates a tendency to replace them with matrix ones.

Key words:
semantics; predicates of the epistemic mode; appellative constructions; translation studies.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'37

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Апеллятивные конструкции с предикатами эпистемического модуса

© Иоанесян Е. Р., 2023

1. Введение = Introduction

Объектом исследования являются парентетические конструкции, представленные в языке тремя видами — модальными, рефлексивными и апеллятивными. Целью данной статьи является анализ вводных апеллятивных конструкций с предикатами эпистемического модуса — одним из подклассов предикатов пропозициональной установки, глаголами знания, восприятия и мнения — *видеть*, *знать*, *понимать*, *представлять*. Интерес к эпистемическим предикатам обусловлен тем, что они играют большую роль в процессе коммуникации, а также их функционированием в процессе аргументации. Изучению предикатов эпистемического модуса посвящено много глубоких философских и лингвистических работ, см., например, [Апресян, 2001; Баранов, 1990; Anscombre et al., 1976; Banfield, 1979; Borillo, 1982; Dehé et al., 2010; Kuroda, 1973; Martin, 1987].

В качестве объекта изучения были выбраны апеллятивные вводные конструкции. Новизна нашего исследования связана с тем, что на материале нескольких языков — русского, польского, болгарского, украинского, немецкого, английского, итальянского, испанского и португальского — представлены результаты сопоставительного анализа вводных конструкций в этих языках. Особое внимание уделяется сопоставлению матричных конструкций и апеллятивных конструкций с эпистемическими предикатами. Изучение переводов иноязычных текстов с матричными конструкциями на русский язык позволило сделать вывод о тенденции замены исходных матричных конструкций на вводные, и наоборот, анализ переводов текстов с русского языка с вводными конструкциями свидетельствует о тенденции их замены на матричные.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили данные электронных языковых ресурсов и толковых словарей (см. список источников). Методологической базой работы являются исследования наших ведущих отечественных специалистов [Бабина и др., 2013; Зализняк и др., 1987; Кобозева, 1999; Ку-

стова, 2020; Кустова и др., 2020. Остроумова и др., 2009; Kustova, 2020 и др.], глубокий анализ вводных конструкций представлен работами ученых разных стран, например, [Dehé et al., 2007; Grossmann, 2014; Iordanskaja et al., 2011; Récanati, 1984; Urmson, 1970]. В работе мы опирались на классификацию вводных конструкций Г. И. Кустовой [Кустова, 2020]. В нашей работе предметом особого рассмотрения были экспрессивные апеллятивные конструкции, используя которые говорящий выражает возмущение, удивление, радость, а также экспрессивные апеллятивные конструкции, в которых пропозиция, вводимая говорящим, является цитированием слов другого человека и маркирует ироничное отношение к человеку, чьи слова цитируются.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предикаты эпистемического модуса

Предикаты эпистемического модуса являются одним из подклассов предикатов пропозициональной установки. Эпистемический модус высказывания может эксплицироваться в высказывании целым рядом средств: глаголами знания, восприятия и мнения — глаголами *видеть*, *знать*, *понимать*, *представлять*, глаголами типа *ожидать*, *надеяться*, *бояться*, эпистемический статус которых основан на компоненте ‘вероятность’, входящем в их значение. Эпистемические предикаты (далее — ЭП) играют большую роль в процессе коммуникации, их изучению посвящено много работ, см., например, такие известные работы, как [Апресян, 2001; Арутюнова, 1987; Вендлер, 1987; Дмитровская, 1988; Borillo, 1982; Martin, 1987 и др.]. Очень интересно аргументативное значение этих единиц, их функционирование в процессе аргументации (см. [Баранов, 1987; Баранов,1990; Иоанесян, 2011; Anscombre, 1985; Anscombre et al., 1976)]).

Особый интерес представляют парентетические, вводные конструкции (далее — ВК) с эпистемическими единицами.

3.2. Вводные конструкции с эпистемическими предикатами

3.2.1. Типы вводных конструкций с ЭП

Изучению вводных конструкций с эпистемическими единицами посвящены работы ученых разных стран, см., например, [Кустова, 2020; Кустова и др., 2020; Banfield, 1979; Dehé et al, 2007; Dehé et al, 2010].

Существует несколько видов вводных конструкций с рассматриваемыми предикатами:

1. Модальные ВК, обозначающие модальный статус пропозиции [Кустова, 2020, с. 71], например: *Они, надеюсь, уже уехали*. *Вера, боюсь, опоздает*. *Дети, думаешь, испугались?*

2. Рефлексивные ВК, в которых эпистемические единицы выступают в функции маркирования рефлексии. С. Курода ввел противопоставление двух уровней сознания — нерефлексивного и рефлексивного (более высокий уровень) [Kuroda, 1973]. Как показало исследование А. Банфильд, глаголы восприятия, в частности английский глагол *see*, в парентетической позиции выступают в функции маркирования рефлексии, например, *It was raining,* ***she saw*** [Banfield, 1979, p. 25].

3. Апеллятивные ВК, имеющие иллокутивную функцию — функцию воздействия на адресата, например: *Мы, знаете ли, не очень ему доверяем. Он, видите ли, занят, он не придет!* Именно эти конструкции и являются объектом нашего исследования.

3.2.2. Апеллятивные вводные конструкции

В качестве материала изучения были выбраны апеллятивные вводные конструкции с эпистемическими предикатами знания, восприятия и мнения нескольких языков — русского, английского, немецкого, французского, испанского, итальянского и некоторых других.

Отличительным признаком рассматриваемых конструкций является 2-е лицо эпистемического глагола в настоящем времени, при этом они бывают вопросительными и побудительными [Кустова, 2020, с. 63; 66]. Например: (а) *А он,* ***понимаете****, утверждает, что видел меня в автомобиле!* (В. В. Набоков. Порт (1924)) [НКРЯ]; вопросительная ВК. (б) *Я тебе,* ***знаешь ли****, поверил на слово* (Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)) [Там же]; вопросительная ВК. (в) ***Вообрази****, этот ужасный человек, кажется, и был причиной ее смерти. Говорят, он ее ужасно избил!* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)) [Там же]; побудительная ВК.

Источником вопросительных апеллятивных ВК являются апеллятивные вопросы: «Они содержат не полноценную пропозицию, а пропозициональную форму, а сообщаемая пропозиция Р содержится в другом предложении. Этим объясняется и несовпадение субъекта ВК и автора пропозиции Р, и вопросительность апеллятивных ВК» [Кустова, 2020, с. 71]. Субъект эпистемического глагола — *видите*, *представляете*, *понимаете* — в действительности является адресатом, он получает новую для себя информацию.

В русском языке вопросительный статус рассматриваемых ВК подтверждается тем, что они характеризуются восходящей интонацией, а также наличием конструкций, в которых ЭП сопровождается вопросительной частицей *ли* — *видите ли*, *понимаете ли* [Там же, с. 66], например: (а) *Он,* ***видите ли****, представляется мне совершенным образцом писателя* (В. Т. Шаламов. Письмо Б. Л. Пастернаку (1953)) [НКРЯ]. (б) *Но если я*

начну по дворам ходить и говорить — худо живется, худо живется, — меня, ***понимаешь ли****, в цепи закуют* (М. А. Булгаков. Батум (1939)) [Там же]. Приведем аналогичный пример из болгарского языка: (в) ***Видишь ли****, он довольно известная личность в определенных кругах* (Татьяна Полякова. Миллионерша желает познакомиться (2002)) // ***Знаеш ли***, той е доста известна личност в определени кръгове [Там же].

В других языках вопросительный статус рассматриваемых ВК является еще более эксплицитным — выражается инверсией глагола и личного местоимения, специального маркера вопроса. Например: (а) франц. *Dans la chose de charron, on travaille toujours en plein air, dans des cours, sous des hangars chez les bons maîtres, jamais dans des ateliers fermés, parce qu'il faut des espaces,* ***voyez-vous*** (Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)) // В тележном деле всегда работаешь на вольном воздухе, во дворах. Если попадется хороший хозяин, то под навесом, а в закрытом помещении — никогда, потому что для этого, ***понимаете ли***, требуется много места [НКРЯ]. В исходной французской фразе использована вопросительная конструкция с эпистемическим глаголом *voir* 'видеть'; 'понимать' — *voyez-vous*, букв. 'видите / понимаете вы'; (б) нем. *»****Sehen Sie****«, sagte ich, »das konnten Sie doch nicht wissen.« »Nein«, erwiderte sie, »das konnten wir wirklich nicht wissen«* (Erich Maria Remarque. Drei Kameraden (1936)) // — ***Видите ли***, — сказал я, — этого вы просто не могли знать. — Нет, конечно, — сказала она, — этого мы действительно не могли знать [Там же].

В испанском языке на письме вопросительность вводной конструкции маркируется также вопросительным знаком, например: *Какая игра, какая игра, — сказал скрипач, бережно закрывая ящик. — Комбинации, как мелодии. Я, понимаете ли, просто слышу ходы* (В. В. Набоков. Защита Лужина (1929)) // — ¡Qué juego, qué juego! — dijo el violinista, y cerró la caja con ternura — . Las combinaciones son como melodías. ¿***Sabe usted***?, sencillamente, puedo oír las jugadas [НКРЯ]; *saber* — 'знать'; *usted* — местоимение 2 л.; 'Вы знаете?'.

В английском и французском языках апеллятивные конструкции могут не иметь эксплицитно выраженного вопросительного статуса и стоять в конце высказывания, например: (а) *The water, "I said, "must have been quite cold." "That is not the point," said the logical doomed dear. "He is subnormal,* ***you see****"* (Vladimir Nabokov. Lolita, 1955) // Владимир Набоков. Лолита (В. Набоков, 1967). "Вода", сказал я, «должно быть была прехолодная". "Не в этом суть дела", возразила логичная, хоть и обреченная голубка. "Он, ***видишь ли***, слабоумный" [НКРЯ]; (б) *They take the Bible literally,* ***you know***" (Harper Lee. To Kill a Mockingbird, 1960) // Они, ***видишь ли***, понимают библию слишком буквально [Там же]; (в) франц. *Moi-même, j'ai*

soixante-sept ans et je suis terrifié: le temps passe vite, ***vous savez*** (Joël Dicker. La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert, 2012) // Мне вот шестьдесят семь, и я в ужасе: время, ***знаете ли***, летит быстро [Там же]; *vous savez* — 'вы знаете'. В русском языке, как представляется, апеллятивные ВК в конце предложения чаще всего не только вводят новую для адресата информацию, но и передают эмоциональное состояние говорящего (см. подробнее ниже), например: *Ну вот это другой разговор! А то она в ответ на мою любовь язвит,* ***понимаешь ли!*** (Андрей Житков. Кафедра (2000)); говорящий возмущен поведением героини романа.

Коммуникативным намерением автора высказывания, содержащего апеллятивную вводную конструкцию, как отмечалось в работах разных ученых, является сообщение адресату новой информации, которая представляется ему самому важной и интересной. Особый интерес представляют экспрессивные апеллятивные вводные конструкции.

3.2.3. Экспрессивные апеллятивные вводные конструкции

Как отмечено в работе Г. И. Кустовой [Кустова, 2020, с. 65], сообщение, содержащееся в апеллятивных конструкциях, бывает экспрессивным. Изучение примеров из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] позволило сделать вывод о том, что основными эмоциями, которые говорящий передает, используя эти ВК, являются возмущение, удивление, радость, например: (а) *Ну вот это другой разговор! А то она в ответ на мою любовь язвит,* ***понимаешь ли!*** (Андрей Житков. Кафедра (2000)); (б) *Сколько раз в его смрадной норе играл я с ним в «подкидные дураки»! А он,* ***видите ли****, изображает из себя Голдфингера!* (Василий Аксенов. Остров Крым (1977—1979)); (в) *А важно то, что он заранее,* ***понимаете ли****, заранее знал о подсолнечном масле!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)); (г) *Мессир,* ***вообразите****, — закричал возбужденно и радостно Бегемот, — меня за мародера приняли!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929—1940)).

Следует отметить, что, по-видимому, не все эпистемические предикаты могут выступать в указанной функции. Ср., например: *А то случилось, что меня,* ***понимаешь ли****, меня, подполковника, командира Измайловского полка, схватили, как какого-нибудь проходимца или вора!..* (М. Н. Волконский. Брат герцога (1895)) [НКРЯ] и **А то случилось, что меня,* ***знаешь ли****, меня, подполковника, командира Измайловского полка, схватили, как какого-нибудь проходимца или вора!..*

Апеллятивные ВК с глаголом *понимать*, как показывает наш материал, используются также для усиления, акцентирования уже сказанного, например: (а) *Ведь она —* ***его дочь, понимаешь ли, дочь****… и потому все твои*

опасения напрасны… (М. Н. Волконский. Два мага (1902)) [НКРЯ]; (б) ***Ты противен мне. Понимаешь ли, противен!*** *Ничего, кроме отвращения, я к тебе не чувствую* (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)) [Там же]; (в) *Жених-то ее потерпел срам,* ***срам он потерпел, понимаешь ли****, срам* (М. Н. Волконский. Кольцо императрицы (1896)) [Там же].

Мы выделили один интересный подкласс апеллятивных конструкций — конструкции, в которых пропозиция, вводимая говорящим, является цитированием слов другого человека. На основе проанализированного нами материала мы пришли к выводу, что в этом случае ВК передают эмоцию, вызванную этими словами (например, возмущение), или маркируют ироничное отношение к человеку, чьи слова цитируются: (а) — *Мясник! — закричала соседка. — Он,* ***видите ли****, на операции, а я должна терпеть!* (И. Грекова. Перелом (1987)) [НКРЯ]; (б) *Он не может…* ***Он, видите ли, занят****… — Я действительно занят!* (Сергей Таранов. Черт за спиной (2001)) [Там же]. (в) Васса. *Пропьют они государство-то*. Анна. *То-то и оно. Не пьют они / Васса Борисовна*. Васса *Не пьют!* ***Революционэры / видишь ли*** (Глеб Панфилов, Максим Горький. Васса, к/ф (1983)) [МКРЯ].

Интересно, что в последующем тексте может также даваться определение тому, что вызвало возмущение говорящего, например: (а) *И что за глупое признание: перевозбужден. А может, это наша российская болезнь — такая депрессивная перевозбужденность? Коньяк ее хорошо снимает.* ***Он, видите ли,_перевозбужден! Что за дамский язык! Что за дикая откровенность? Это даже некультурно*** (Фазиль Искандер. День писателя // «Новый Мир», 1999) [НКРЯ]; ‘это некультурно’; (б) *Да он же ни с какой бабой в постель лечь не может без штампа в паспорте, <…>* ***Нет, он, видите ли, распутник… Ну какая же все-таки подлая страна!*** (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Жиды города Питера, или Невесёлые беседы при свечах (1990)) [Там же]; ‘это подло’.

3.2.4. Особенности перевода апеллятивных вводных конструкций

3.2.4.1. Переводы на русский язык

Сравнение иноязычных текстов и их переводов на русский язык позволило обнаружить одну интересную тенденцию — в русские переводы часто дополнительно вставляются апеллятивные ВК. Особенно показательны переводы примеров (а) — (в), в которых автор текста тем или иным способом (в частности, восклицательными конструкциями) выражает возмущение чьими-либо действиями или словами: (а) укр. *Грубіян отакий… У город он лізуть до його… До такого і слід лізти* (Архип Тесленко. Страчене життя (1910)) // Грубиян этакий! ***Видишь ли***, в огород к нему лезут,

да к такому и след лезть [НКРЯ]; (б) нем. »*Warum wurde es geschlossen?«, fragte Victor. Scipio stand immer noch an der Tür und lauschte mit angstvollem Gesicht dem, was Victor und sein Vater besprachen. »Ein Gutachter vom Festland erklärte es für baufällig!*« (Cornelia Funke. Herr der Diebe (2002)) // А почему его закрыли? — спросил Виктор. Сципио все еще стоял у двери и с испуганным лицом прислушивался к разговору отца с Виктором. — Эксперт с большой земли посчитал, ***видите ли***, что здание обветшало! [возмушение оценкой эксперта] [Там же]; (в) англ. *'Oh, I'm not allowed near the filing cabinet — I might mess up her precious colourcoding system!'* (Kate Fox. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour (2004)) // Меня к картотечному шкафу даже близко не подпускают. Я, ***видите ли***, могу внести беспорядок в ее драгоценную систему с цветовой маркировкой! [возмущение словами секретарши] [Там же]; (г) англ. *Pop! Pop! Just like that/ he shoot me. For cigarettes!* (Мими Ледер, Майкл Крайтон. ER, Скорая помощь (USA) сезон 1 серия 2 (1994)) // ***Представляете*** / он в меня стрелял из-за сигарет! [МПК]; (е) пол. *Jestem dociekliwa, ot, taka słabostka kobiecej natury* (Andrzej Sapkowski. Boży bojownicy (2) (2004)) // Я любопытна, такая, ***понимаешь ли***, слабость женской натуры [НКРЯ]; (д) англ. *I'm kind of glad Ron didn't come up* (Сидни Поллак, Дон МакГвайр, Ларри Джелбарт. Tootsie, Тутси (USA) (1982)) // ***Знаете*** / я даже рад / что Рон не приехал с вами) [МПК].

Еще одна интересная особенность русских переводов заключается в том, что конструкции с невводным, матричным, употреблением эпистемических глаголов, наличествующие в исходном тексте, часто заменяются на вводные апеллятивные конструкции: (а) франц. ***Figurez-vous qu'****à dix ans seulement elle était déjà la reine de tous les concours de beauté régionaux* (Joël Dicker. La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert (2012)) // ***Представляете***, она уже в десять лет побеждала на всех местных конкурсах красоты [НКРЯ]; *Figurez-vous que…* — 'представьте себе, что …'; (б) пол. ***Trzeba ci wiedzieć****, że często podróżuję nocą, z latarnią, bez popasania* (Andrzej Sapkowski. Narrenturm (1) (2002)) // Я, ***видишь ли***, частенько путешествую ночью, с фонарем, без остановки [Там же]; *Trzeba ci wiedzieć, że…* 'надо знать, что…'; (в) исп. ***Ya sabes que*** *nosotras gastamos muy poco, casi nada, pero las medicinas de mamá son caras* (Isabel Allende. La casa de los espíritus (1982)) // ***Знаешь***, мы тратим очень мало, почти ничего, но мамины лекарства стоят дорого [Там же]. *Ya sabes que* — 'ты знаешь, что…'; (г) ит. *Oh!* ***dovete dunque sapere che****, in quel convento, c'era un nostro padre, il quale era un santo, e si chiamava il padre Macario* (Alessandro Manzoni. I promessi sposi (1827)) // Так вот, ***видите ли***, жил-был в этом монастыре один наш падре, святой человек, а звали его падре Макарио [Там же]; *Dovete dunque sapere che* — 'вы должны знать, что…'.

Функция апеллятивных ВК, заключающаяся в сообщении адресату новой информации, особенно наглядна при переводе на русский язык текстов, содержащих глаголы речи, например: пол. ***Powiadam ci*** — *szeptał Władek przysuwając się bliżej — postawiłem na czwórkę, dwadzieścia pięć rubli oczko* (Władysław Reymont. Komediantka (1896)) // ***Понимаешь***, — зашептал Владек, пододвинувшись ближе, — поставил на четверку двадцать пять рублей [НКРЯ]. *Powiadać* — ‘говорить’, *powiadam ci* — ‘говорю тебе’.

3.2.4.2. Переводы с русского языка

Если при переводе иноязычных текстов в русские переводы часто дополнительно вставляются апеллятивные ВК, то при переводе русских текстов, содержащих апеллятивные вводные конструкции, указанные конструкции часто удаляются, например: (а) ***Видишь ли****, в паспорте моя фамилия будет обозначена четко и будет проставлена отметка о судимости* (Анатолий Рыбаков. Дети Арбата (1966—1983)) // англ. “Well, my name will be perfectly plain from my identity papers and the sentence will be entered there, too” [НКРЯ]; (б) *Нет, господа, это были не люди. Слишком,* ***понимаете ли****, спокойные, слишком молчаливые* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Второе нашествие марсиан (1966)) // исп. No, señores, esos no eran hombres. Eran demasiado calmos, demasiado silenciosos [Там же]; (в) *Я,* ***видишь ли****, думаю, что всё-таки ничего не выйдет у нас* (Максим Горький. Супруги Орловы (1897—1898)) // ит. Ecco, credo che non ci riuscirà di fare qualche cosa [Там же]; *ecco* — ‘вот’; (г) *У Бризака есть целый цикл триллеров на русскую тему, и* ***представь себе****, они пользуются огромным спросом среди выходцев из России* (Александра Маринина. Украденный сон (1994)) // нем. Brisac hat einen ganzen Zyklus von Thrillern geschrieben, die in Russland spielen. Und diese Bücher werden mit Begeisterung von Russen gelesen, die im Westen leben [Там же].

Кроме того, при переводе с русского языка апеллятивные конструкции часто заменяются конструкциями с невводным, матричным, употреблением эпистемических глаголов или конструкциями с прямой речью, например: (а) *Вообрази, этот ужасный человек, кажется, и был причиной ее смерти* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)) // франц. ***Imagine-toi que*** cet homme horrible a, paraît-il, été la cause de sa mort [Там же]; *S’imaginer* — ‘вообразить, представить себе что-л.’ (б) «***Видишь ли****, Прохоров, — сказал бригадир от имени всей честной компании, — все мы поднялись на твое приглашение* (А. С. Пушкин. Гробовщик (1830)) // исп. *Ya* ***lo ves****, Prójorov — dijo el brigadier en nombre de toda la respetable compañía — todos nos hemos levantado en respuesta a tu invitación* [Там же]; прямая речь; *ver* — ‘видеть’; *lo ves* — ‘ты это видишь’; (в) ***Знаете****, готовится наше наступление в районе заводов, собраны такие силы, каких тут ни-*

когда еще не бывало (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960)) // франц. ***Vous savez que*** nous préparons une offensive dans le quartier des usines: on y a rassemblé plus de troupes qu'il n'y en a jamais eu jusqu'à présent [Там же]; *Savoir* — 'знать'; *vous savez que* — 'вы знаете, что'.

Необходимо отметить, что в примерах (б) — (в) смысл исходной русской фразы искажен: в оригинале использована вводная конструкция, которая содержит новую для адресата информацию, в переводах фигурируют матричные конструкции, в которых утверждается, что адресат также располагает этими сведениями.

3.2.4.3. «Приверженность» русского языка к вводным апеллятивным конструкциям

Сравнение иноязычных текстов и их переводов на русский язык, с одной стороны, и переводов русских текстов, содержащих апеллятивные вводные конструкции, на другие языки, с другой, позволило сделать вывод о приверженности русского языка к вводным апеллятивным конструкциям. Это проявляется также в том, что часто вопросительные конструкции в тексте оригинала в русских переводах заменяются на апеллятивные ВК, например: (а) франц. *On parlait du conventionnel G. dans le petit monde de Digne avec une sorte d'horreur.* ***Un conventionnel, vous figurez-vous cela?*** (Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)) // В тесном мирке жителей города Диня о члене Конвента Ж. упоминали почти с ужасом. ***Вообразите*** только — член Конвента! [НКРЯ]; *Se figurer* — 'представлять себе, воображать'; *vous figurez-vous cela?* — 'вы представляете это?' ('вы можете себе это представить'); (б) франц. ***Savez-vous qu'il a cinq ans bientôt?*** (Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)) // ***Вы знаете***, ведь ему скоро минет пять лет! [Там же]; *Savoir* — 'знать'; *Savez-vous que…?* — 'вы знаете, что…?'; (в) исп. ***¿Sabe_Vd., señor conde, que*** *tendría chiste que yo le desbancase?* (Juan Valera. Pepita Jiménez (1874)) // ***Знаете***, сеньор граф, было бы занятно, если бы я сорвал его [Там же]; *Saber* — 'знать'; *¿Sabe Vd., señor conde, que tendría chiste* — 'знаете, что было бы занятно, если бы…?'; (г) нем. *»Weshal —« Ich breche ab. »Weshalb hast du dann jetzt noch mit mir geschlafen, wolltest du fragen«, antwortet Gerda. »****Weißt du nicht, daß alle wandernden Artisten sentimental sind?****«* (Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956)) // — А… зачем же ты. — Я умолкаю, не договорив. — Зачем я опять спала с тобой? ***Видишь ли***, странствующие артисты — народ сентиментальный [Там же]; *Weißt du nicht, daß* — 'разве ты не знаешь, что…?'

И, наоборот, при переводе с русского языка апеллятивные ВК часто заменяются на вопросительные: (а) ***Знаете***, теперь уже стало трюизмом

представление о бесконечности Вселенной (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960)) // франц. ***Savez-vous qu'***aujourd'hui, c'est un truisme de parler de l'infini de l'Univers? [Там же]; *Savez-vous qu'aujourd'hui* — 'Вы знаете, что теперь… ?'; (б) *А важно то, что он заранее,* ***понимаете ли,*** *заранее знал о подсолнечном масле!* (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)) // исп. Lo que importa es que él lo sabía con anterioridad, ***¿comprende?*** Sabía lo del aceite [Там же]; ***¿comprende?*** — 'знаете?'; (в) исп. ***¿Sabe usted***, Pavel Aleksandrovich, ***que*** quizá le haya salvado con traerle aquí?; ¿Sabe usted… — 'вы знаете, что…?'.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование находится в русле работ, посвященных изучению речевых актов. Объектом анализа являлись парентетические конструкции с предикатами эпистемического модуса знания, восприятия и мнения: (1) модальные конструкции, обозначающие модальный статус пропозиции; (2) рефлексивные конструкции, в которых эпистемические единицы выступают в функции маркирования рефлексии; (3) апеллятивные конструкции — вопросительные и побудительные. На материале нескольких языков были рассмотрены апеллятивные конструкции, имеющие иллокутивную функцию — функцию воздействия на адресата.

Были представлены результаты сопоставительного анализа апеллятивных конструкций в нескольких языках — русском, польском, болгарском, украинском, немецком, английском, итальянском, испанском и португальском. В русском языке, как отмечалось в работах Г. И. Кустовой, отличительным признаком вопросительных конструкций является восходящая интонация, а также наличие конструкций, в которых эпистемический предикат сопровождается вопросительной частицей *ли*. Проведенное исследование показало, что в других языках вопросительный статус рассматриваемых конструкций может быть еще более эксплицитным — выражаться инверсией глагола и личного местоимения, специальны маркером вопроса.

Особое внимание было уделено сопоставлению матричных конструкций и апеллятивных конструкций с эпистемическими предикатами. Анализ переводов иноязычных текстов с матричными конструкциями на русский язык позволил сделать вывод о тенденции замены исходных матричных конструкций на вводные, и наоборот, переводы текстов с русского языка с вводными конструкциями демонстрируют тенденцию их замены на матричные.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. МКРЯ — *Мультимедийный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ruscorpora.ru/new/search-murco.html (дата обращения: 07.05.2023).

2. МПК — *Мультимедийный* параллельный корпус Мультипарк (англо-русский) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ruscorpora.ru/new/search-multiparc.html (дата обращения: 07.05.2023).

3. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 07.05.2023).

4. СТСРЯ — *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — Москва : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. — 976 с. — Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/266982 (дата обращения: 07.05.2023).

5. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Советская энциклопедия, 1935—1940. — Том IV: (С — Ящурный). — 1502 с. — Режим доступа : https://lexicography.online/explanatory/ushakov (дата обращения: 07.05.2023).

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — Москва : Школа Языки русской культуры, 1995. — Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — 767 с. — ISBN 5-88766-045-7.

2. *Апресян Ю. Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа считать / Ю. Д. Апресян // Логический анализ языка: ментальные действия. — Москва : Наука, 1993. — С. 7—22.

3. *Апресян Ю. Д.* Системообразующие смыслы ‘знать’ и ‘считать’ в русском языке / Ю. Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1. — С. 5—26.

4. *Арутюнова Н. Д.* Глагол *видеть* в функции предиката пропозициональной установки / Н. Д. Арутюнова // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. — Москва : Наука, 1987. — С. 12—14.

5. *Бабина Л. В.* Апеллятивы как средство репрезентации оценочных знаний / Л. В. Бабина, Е. О. Паршина // Когнитивные исследования языка. — 2013. — № 15. — С. 352—360.

6. *Баранов А. Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : диссертация … доктора филологических наук / А. Н. Баранов. — Москва, 1990. — 372 с.

7.*Баранов А. Н.* Эксплицитный модус в аргументативном диалоге / А. Н. Баранов // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. — Москва : Наука, 1987. — С. 15—18.

8. *Вендлер З.* Факты в языке / З. Вендлер // Философия. Логика. Язык. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 293—317.

9. *Дмитровская М. А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека / М. А. Дмитровская // Логический анализ языка: знание и мнение / ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — С. 6—18. — ISBN 5-02-010897-9.

10. *Зализняк А. А.* О семантике вводного употребления глаголов / А. А. Зализняк, Е. В. Падучева // Вопросы кибернетики: прикладные аспекты лингвистической теории. — Москва : Научный совет по кибернетике, 1987. — С. 80—96.

11. *Иоанесян Е. Р.* Аргументативные значения языковых единиц: (на материале русского и французского языков) / Е. Р. Иоанесян. — Москва : Советский писатель, 2011. — 218 с. — ISBN 978-5-265-06459-2.

12. *Иоанесян Е. Р.* Функциональная семантика эпистемических предикатов (на материале фр. яз.) / Е. Р. Иоанесян. — Москва : Институт языкознания РАН, 2000. — 246 с.

13. *Кобозева И. М.* О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом / И. М. Кобозева // Типология и теория языка: от описания к объяснению, к 60-летию А. Е. Кибрика / ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 539—543.

14. *Корди Е. Е.* Ментальные глаголы: валентностный таксис (на материале французского языка) / Е. Е. Корди // Acta Linguistica Petropolitana. — 2020. — Vol. 16 (2). — P. 509—543. — DOI: 10.30842/alp2306573716218.

15. *Кустова Г. И.* О коммуникативном статусе вводных конструкций с ментальными предикатами / Г. И. Кустова // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2020. — № 3 (25). — С. 62—76. — DOI: 10.31912/pvrli-2020.3.5.

16. *Кустова Г. И.* Семантические эффекты времени во вводных конструкциях с ментальными глаголами / Г. И. Кустова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы Международной конференции Диалог 2020, (Москва, 17—20 июня 2020 г.). — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2020. — С. 485—499. — DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-485-499.

17. *Кустова Г. И.* Системные свойства апеллятивных вводных конструкций (по данным национального корпуса русского языка) / Г. И. Кустова, Н. Б. Швелидзе // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. — 2020. — № 9. — С. 27—36. — DOI: 10.36535/0548-0027-2020-09-5.

18. *Остроумова О. А.* Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: опыт словаря-справочника / О. А. Остроумова, О. Д. Фрамполь. — Москва : Изд-во СГУ, 2009. — 501 с. — ISBN 978-5-8323-0609-4.

19. *Федорова Л. Л.* Об определении функций речевых актов / Л. Л. Федорова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции Диалог 2003, (Протвино, 11—16 июня 2003). — Москва : Наука, 2003. — С. 151—156.

20. *Anscombre J. C.* Grammaire traditionnelle et grammaire argumentative de la concession / J. C. Anscombre // Revue internationale de philosophie. — 1985. — Vol. 39, No 4. — P. 333—349.

21. *Anscombre J. C. L'*argumentation dans la langue / J. C. Anscombre, O. L. Ducrot // Langages. — 1976. — No 42. — P. 5—27.

22. *Banfield A.* Où l'épistémologie, le style et la grammaire rencontrent l'histoire littéraire: le développement de la parole et de la pensée représentées / A. Banfield // Langue française. — 1979. — No 44. — Pp. 9—26.

23. *Borillo A.* Deux aspects de la modalisation assertive: *croire* et *savoir* / A. Borillo // Langages. — 1982. — No 67. — P. 33—53.

24. *Dehé N.* Parentheticals / N. Dehé, *Y. Kavalova*. — Amsterdam : John Benjamins, 2007. — 314 p.

25. *Dehé N.* Sentence-initial I think (that) and I believe (that). Prosodic Evidence for Use as Main Clause, Comment Clause and Discourse Marker / N. Dehé, A. Wichmann // Studies in Language. — 2010. — Vol. 34, № 1. — P. 36—74.

26. *Grossmann F.* Verbes de constat et autres verbes «parenthétiques» : Quel statut dans l'écrit scientifique? / F. Grossmann // Arena Romanistica. — 2014. — № 14. — P. 106—122.

27. *Iordanskaja L.* Verbes parenthétiques illocutifs en russe / L. Iordanskaja, I. Mel'Cuk // Cahiers de lexicologie: Revue internationale de lexicologie et lexicographie. — 2011. — No 98. — P. 177—196.

28. *Kuroda S.-Y.* Where Epistemology, Style, and Grammar Meet: A Case Study from Japanese / S.-Y. Kuroda // Stephen Anderson, Paul Kiparsky (eds.). A Festschrift for Morris Halle. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1973. — Pp. 377—391.

29. *Martin R.* Langage et croyance: Les «univers de croyance» dans la théorie sémantique / R. Martin. — Bruxelles : Pierre Mardaga éditeur, 1987. — 189 p.

30. *Récanati F.* Remarques sur les verbes parenthetiques / F. Récanati // De la syntaxe à la pragmatique. — Amsterdam : Philadelphia, 1984. — P. 319—353.

31. *Urmson J. O.* Parenthetical verbs / J. O. Urmson // Ch. E. Caton (ed.). Philosophy and ordinary language. — Urbana ; Chicago ; London : University of Illinois Press, 1970. — P. 220—240.

32. *Wierzbicka A.* Metatekst w tekscie / A. Wierzbicka // O spójnośći tekstu. — Wrocław ; Warszawa : Ossolineum, 1971. — S. 105—121.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 20.06.2023.

Material resources

MKRYA — *Multimedia corpus of the Russian language*. Available at: https://ruscorpora.ru/new/search-murco.html (accessed 05.07.2023). (In Russ.).

MPK — *Multimedia Parallel Corpus Multipark* (English-Russian). Available at: https://ruscorpora.ru/new/search-multiparc. html (accessed 05.07.2023). (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: www. ruscorpora.ru (accessed 05.07.2023). (In Russ.).

STSRYA — Efremova, T. F. (2006). *Modern explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: AST, Astrel, Harvest, Lingua. 976 p. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/266982 (accessed 05.07.2023). (In Russ.).

TSRYA — Ushakova, D. N. (ed.). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. *Volume IV: (C — foot-and-mouth disease)*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1935—1940. 1502 p. Available at: https://lexicography.online/explanatory/ushakov (accessed 05.07.2023). (In Russ.).

References

Anscombre, J. C. (1985). Grammaire traditionnelle et grammaire argumentative de la concession. *Revue internationale de philosophiye, 39(4):* 333—349.

Anscombre, J. C., Ducrot, O. L. (1976). L'argumentation dans la langue. *Langages, 42:* 5—27.

Apresyan, Yu. D. (1993). Synonymy of mental predicates: counting group. In: *Logical analysis of language: mental actions*. Moscow: Nauka. 7—22. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works, 2 Integral description of the language and system lexicograph*y. Moscow: School Languages of Russian Culture. 767 p. ISBN 5-88766-045-7. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (2001). System-forming meanings 'know' and 'count' in the Russian. *Russian in Scientific Coverage, 1:* 5—26. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1987). The verb to see in the function of the predicate of a propositional attitude. In: *Propositional predicates in the logical and linguistic aspect*. Moscow: Nauka. 12—14. (In Russ.).

Babina, L. V., Parshina, E. O. (2013). Appellatives as a means of representing evaluative knowledge. *Cognitive Language Studies, 15:* 352—360. (In Russ.).

Banfield, A. (1979). Où l'épistémologie, le style et la grammaire rencontrent l'histoire littéraire: le développement de la parole et de la pensée représentées. *Langue françai, 44:* 9—26. (In French.).

Baranov, A. N. (1987). Explicit mode in argumentative dialogue. In: *Propositional predicates in the logical and linguistic aspect*. Moscow: Nauka. 15—18. (In Russ.).

Baranov, A. N. *Linguistic theory of argumentation (cognitive approach):* Doct. Diss. Moscow, 1990. 372 p. (In Russ.).

Borillo, A. (1982). Deux aspects de la modalisation assertive: croire et savoir. *Langages, 67:* 33—53.

Dehé, N., Kavalova, Y. (2007). *Parentheticals.* Amsterdam: John Benjamins. 314 p.

Dehé, N., Wichmann, A. (2010). Sentence-initial I think (that) and I believe (that). Prosodic Evidence for Use as Main Clause, Comment Clause and Discourse Marker. *Studies in Language, 34(1):* 36—74.

Dmitrovskaya, M. A. (1988). Knowledge and opinion: the image of the world, the image of a person. In: Arutyunova, N. D. *Logical analysis of language: knowledge and opinion.* Moscow: Nauka. 6—18. ISBN 5-02-010897-9. (In Russ.).

Fedorova, L. L. (2003). On the definition of the functions of speech acts. In*: Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference Dialogue 2003, (Protvino, June 11—16, 2003)*. Moscow: Nauka. 151—156. (In Russ.).

Grossmann, F. (2014). Verbes de constat et autres verbes «parenthétiques»: Quel statut dans l'écrit scientifique? *Arena Romanistica, 14:* 106—122. (In French.).

Ioanesyan, E. R. (2000). Functional semantics of epistemic predicates (based on French). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 246 p. (In Russ.).

Ioanesyan, E. R. (2011). Argumentative meanings of language units: (based on the Russian and French languages). Moscow: Soviet writer. 218 p. ISBN 978-5-265-06459-2. (In Russ.).

Iordanskaja, L., Mel'Cuk, I. (2011). Verbes parenthétiques illocutifs en russe. *Cahiers de lexicologie: Revue internationale de lexicologie et lexicographiye, 98:* 177—196.

Kobozeva, I. M. (1999). On two types of introductory constructions with a parenthetic verb. In: *Typology and theory of language: from description to explanation, to the 60th anniversary of A. E. Kibrik*. Moscow: Languages of Russian culture. 539—543. (In Russ.).

Kordi, E. E. (2020). Mental verbs: valency taxis (based on the French language). *Acta Linguistica Petropolitana, 16(2):* 509—543. DOI: 10.30842/alp2306573716218. (In Russ.).

Kuroda, S.-Y. (1973). Where Epistemology, Style, and Grammar Meet: A Case Study from Japanese. In: *A Festschrift for Morris Halle.* New York: Holt, Rinehart and Winston. 377—391.

Kustova, G. I. (2020). On the communicative status of introductory constructions with mental predicates. *Proceedings of the Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradova, 3 (25):* 62—76. DOI: 10.31912/pvrli-2020.3.5. (In Russ.).

Kustova, G. I. (2020). Semantic effects of time in introductory constructions with mental verbs. In*: Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference Dialogue 2020, (Moscow, June 17—20, 2020)*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 485—499. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-485-499. (In Russ.).

Kustova, G. I., Shvelidze, N. B. (2020). System properties of appellative introductory constructions (according to the national corpus of the Russian language). *Scientific and technical information. Series 2: Information Processes and Systems, 9:* 27—36. DOI: 10.36535/0548-0027-2020-09-5. (In Russ.).

Martin, R. (1987). *Langage et croyance: Les «univers de croyance» dans la théorie semantique*. Bruxelles: Pierre Mardaga editeur. 189 p. (In French.).

Ostroumova, O. A., Frampol, O. D. (2009). *Dictionary of introductory words, combinations and sentences: the experience of a reference dictionary*. Moscow: Publishing House of SGU. 501 p. ISBN 978-5-8323-0609-4. (In Russ.).

Récanati, F. (1984). Remarques sur les verbes parenthetiques. In*: De la syntaxe à la pragmatique*. Amsterdam: Philadelphia. 319—353.

Urmson, J. O. (1970). Parenthetical verbs. In: *Philosophy and ordinary language*. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press. 220—240.

Vendler, Z. (1987). Facts in language. In: *Philosophy. Logics. Language*. Moscow: Progress. 293—317. (In Russ.).

Wierzbicka, A. (1971). Metatekst w tekscie. In: *O spójnośći tekstu*. Wrocław; Warszawa: Ossolineum. 105—121. (In Pol.).

Zaliznyak, A. A., Paducheva, E. V. (1987). On the semantics of the introductory use of verbs. In: *Issues of Cybernetics: Applied Aspects of Linguistic Theory*. Moscow: Scientific Council on Cybernetics. 80—96. (In Russ.).

The article was submitted 15.05.2023;
approved after reviewing 14.06.2023;
accepted for publication 20.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Курилова С. Н. Переключение кодов в речи тундровых юкагиров : би- и полилингвальное повторение / С. Н. Курилова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 72—92. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-72-92.

Kurilova, S. N. (2023). Code-Switching in Speech of Tundra Yukaghir: Bi- and Multilingual Repetition. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 72-92. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-72-92. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-72-92

Переключение кодов в речи тундровых юкагиров: би- и полилингвальное повторение

Курилова Самона Николаевна
orcid.org/0000-0002-0300-3771
ResearcherID: P-4695-2015
кандидат филологических наук,
Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики»
samonakur@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616)

Code-Switching in Speech of Tundra Yukaghir: Bi- and Multilingual Repetition

Samona N. Kurilova
orcid.org/0000-0002-0300-3771
ResearcherID: P-4695-2015
PhD in Philology,
International research laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic”
samonakur@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
This research was funded by the grant No. 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project «Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subartic of the Russian Federation»

© Курилова С. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Языковой репертуар тундровых юкагиров-полилингвов Нижнеколымья Якутии, численность которых сегодня составляет около 400, а носителей менее 50 человек, представлен юкагирским, чукотским, эвенским, якутским и русским языками. Их речь можно охарактеризовать как смешанную, включающую спонтанную мену кода внутри высказывания или между ними. Мы ставим целью впервые дать описание одного из частых случаев проявления кодового переключения — повторения. Установлено, что дублироваться могут местоимения, существительные, глаголы, а также вводные слова, предложно-именные конструкции, высказывания и их части. Чаще всего встречаются дублеты существительных в «голом» и пиджинизированном виде. В целом большинство повторов характеризуются как юкагирско-русские. Обнаруживаются случаи трехлингвального дублирования. Отсутствуют при дублировании переходы на чукотский и эвенский языки. Отмечена внутри- и межфразовая реализация повторов с двойственной направленностью от одного языка к другому и / или наоборот. В результате дискурсивного анализа определены выполняемые повторениями социально-прагматические функции. Автором вводится в научный оборот новый языковой материал в виде фрагментов из диалога и полилога, транскрипты которых ранее нигде не публиковались.

Ключевые слова:
язык тундровых юкагиров; якутский язык; русский язык; живая речь; переключение кодов; повторение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The linguistic repertoire of the tundra Yukaghir-Polylinguals in Lower Kolyma, Yakutia, with a population of approximately 400 and fewer than 50 speakers, is represented by the Yukaghir, Chukchi, Even, Yakut, and Russian languages. Their speech can be characterized as mixed, including spontaneous code-switching within and between utterances. Our goal is to provide the first description of one of the common cases of code-switching — repetition. It has been established that pronouns, nouns, verbs, as well as introductory words, propositional-nominal constructions, utterances, and their parts can be duplicated. Noun duplicates in both standard and pidginized forms are the most common. Overall, most duplicates are characterized as Yukaghir-Russian. Cases of trilingual duplication are also found. There are no transitions to Chukchi and Even languages during duplication. Intra- and inter-phrase realizations of duplicates with dual directionality from one language to another and / or vice versa are noted. As a result of discourse analysis, social-pragmatic functions performed by duplicates have been identified. New linguistic material, in the form of fragments from dialogues and polylogues, transcripts of which have not been previously published, is introduced into scientific circulation.

Key words:
Tundra Yukaghir language; Yakut language; Russian; spontaneous speech; code-switching; repetition.

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.554'282.8+811.161.1

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Переключение кодов в речи тундровых юкагиров: би- и полилингвальное повторение

© Курилова С. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Юкагирский — один из тех языков, утрату которого в ближайшие десятилетия предполагали исследователи разных лет и ставили задачу его скорейшей документации (Г. фон Майдель в 1960-х годах, В. И. Иохельсон в 1900, Крейнович в 1950-х годах и др.). Однако по прошествии более ста лет юкагирский язык по-прежнему продолжает звучать в устах «очередного» старшего поколения носителей на Нижней и Верхней Колыме Якутии. Сегодня носителями тундрового юкагирского языка можно назвать около 40 человек (самому младшему 36 лет), а лесного — не более 5 (старше 60 лет). Однако юкагирский язык находится под угрозой исчезновения и требует особого внимания со стороны научного сообщества. Предварительные результаты последнего соцопроса, проведенного в марте этого года в с. Андрюшкино Нижнеколымского района Якутии, неутешительны: дети тундровых юкагиров школьного возраста в своем большинстве монолингвы и владеют только русским языком, а значит, утрачивается присущая юкагирскому народу полилингвальность. Еще первыми русскими землепроходцами юкагиры были отмечены как отменные полиглоты. Они могли говорить на своем языке и с легкостью переходить на два и более языка своих соседей. Такое полиязычие, его проявление в речевом общении — будучи достаточно новой темой в лингвистике и связанных с ней науках — и вдохновило юкагироведов на новые изыскания. Особое внимание уделяется явлению использования более чем одного языка в речи полилингвов в одной и той же ситуации, получившему название *переключение кодов* (далее — ПК).

В юкагироведении изучением некоторых явлений в сфере языковых контактов занимались отечественные и зарубежные лингвисты. Попытка описать наиболее древние языковые связи предпринята Е. А. Крейновичем (1958). Заимствованная лексика достаточно хорошо представлена в ряде наших публикаций и монографии [Курилова, 2022]. Вопрос иноязычного влияния на юкагирскую лексику также затрагивается в работах Г. Н. Курилова, Е. С. Масловой и А. А. Бурыкина [Курилов, 2003; Бурыкин,

2003; Maslova, 2003a; Maslova, 2003b и др.], а морфосинтаксис в этом ключе рассматривал немецкий лингвист Д. Матич [Matić, 2008]. Но именно А. А. Бурыкин в одной из своих статей поднял проблему ПК в юкагирском языке и на материале языка лесных юкагиров рассмотрел вопрос о взаимодействии кодов, проявляющемся в виде интерференции, смешения и склеивания кодов, что, по его мнению, приводит к возникновению новых языковых формаций и смене кода [Бурыкин, 2006]. Актуальность обсуждаемых нами аспектов и явлений языковых контактов в данной статье обусловлена как языковой ситуацией, так и неосвещенностью многих вопросов в юкагирском языкознании. Впервые подвергаются анализу формы проявления кодовых переключений, и вводится в научный оборот новый речевой материал.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служат транскрипты двух аудиозаписей речи тундровых юкагиров, которые впервые вводятся в научный оборот. Одна из аудиозаписей, сделанных автором статьи в августе 2012 году в п. Черский Нижнеколымского района Якутии, содержит диалог между двоюродными братьями 1952 и 1960 годов рождения. Вторая аудиозапись, любезно предоставленная немецким профессором Мюнстерского университета (Westfälische Wilhelms-Universität in Münster) Деяном Матичем и сделанная в августе 2010 года в участке Урасалах недалеко от с. Андрюшкино Нижнеколымского района Якутии, представляет полилог, в который вовлечены пять участников-родственников, у которых различный языковой репертуар, характеризующийся многоязычием. Это женщина (1932 г. р.), два ее сына (1955 и 1963 г. р.), ее дочь (1958 г. р.) и племянница (1945 г. р.). У всех информантов схожая лингвобиография: с детства владеют родным юкагирским языком и являются либо трех- (владеют юкагирским, якутским, русским, а также понимают эвенский), либо четырехлингвами (владеют юкагирским, эвенским, якутским, русским, а также понимают чукотский). В ежедневной речи используют чаще всего якутский и русский язык (государственные языки Якутии), на юкагирский переходят только при общении со старшим поколением. Участники-коммуниканты используют некодифицированную речь, характеризующуюся неподготовленностью, спонтанностью и непринужденностью.

Методика исследования предполагает использование контент-анализа при выявлении структурных типов ПК, методов лингвистического анализа (описательно-аналитический метод, сопоставительный анализ, компонентный анализ, дискурс-анализ), количественного метода (статистическая обработка).

Под ПК мы понимаем попеременное использование двух и более языков, диалектов или вариантов языка в пределах одного дискурса (коммуникативного акта) или высказывания (предложения) в зависимости от условий коммуникации и цели. На основании применения к ПК структурно-грамматического критерия различают интерсентенциальный, или межфразовый (в пределах высказывания между предложениями и синтагмами) [Annamalai, 1989, p. 48], и интрасентенциальный, или внутрифразовый переход (в пределах предложения) [Мутылина, 2011, с. 55—57], при этом не наблюдается нарушения морфосинтаксических правил обоих языков (сохраняется грамматика и лексика обоих языков) [Хилханова, 2018, с. 669], имеется собственная синтаксическая связь внутри единицы [Студеничкин, 2006, с. 8]. На основе применения психолингвистических критериев установлено, что ПК происходит осознанно, намеренно, мотивированно [Казакевич, 2000, с. 16; Денисова, 2016, с. 23] или немотивированно [Myers-Scotton, 1993, p. 169; Bloom, 2000, p. 124], вызывается главным образом экстралингвистическими причинами [Чиршева, 2004, с. 50].

Соединение элементов разных языков в разговоре — явление подвижное и проявляющееся в различных вариациях. Сегодня многие ученые все больше поддерживают разработанную немецким лингвистом П. Ауэром типологию развития языковых контактов от ПК и смешения языков (далее СК — смешение кодов) [Auer, 1998; Auer, 2013] к смешанному языку. Другими словами, по диахроническому критерию ПК и смежные с ним явления (а это СК, вкрапления, островные фрагменты, заимствования) рассматриваются как этапы однонаправленного развития языковых контактов, составляющие единый континуум. И именно Ауэр один из первых применил приемы анализа разговора в исследовании ПК.

Таким образом, ПК составляет первый этап типологического континуума языковых контактов. На данном этапе с точки зрения ситуации мена кода что-то значит. И это значение индексирует какой-либо аспект ситуации или характеризует участника ситуации. Как следствие, исследователи социолингвистического и лексикопрагматического направлений ПК выделяют ситуативное и метафорическое кодовые переключения. Если ситуативное ПК имеет место при смене коммуникативной ситуации, то метафорическое переключение вызвано сознательными факторами, когда говорящий намерен достичь определенного коммуникативного эффекта [Проценко, 2004, с. 125; Остапенко, 2014, с. 174]. На основании выработанной американским лингвистом Д. Гамперцом классификации, объединившей понятия ситуативного и метафорического ПК, исследователи выделяют ряд подтипов разговорного ПК по выполняемым ими функциям, которые

входят в информационную (с целью передачи информации) и экспрессивную группы (для воздействия на получателя) [Чиршева, 2004, с. 37; Родионова, 2012, с. 144; Исаева, 2019, с. 152; Appel, 1987, p. 403; Hoffman, 1989, p. 44, и др.].

Информационная группа включает *референтное*, или референциальное ПК (говорящий не знает или забыл нужное слово, или сам предмет речи имеет отношение к другой культуре и языку); *предметно-тематическое* ПК (участникам легче обсуждать определенную тему на одном языке, а какие-то — на другом); *металингвистическое* ПК (в речь включены комментарии другого языка о самой коммуникации, ее компонентах, о многоязычной или одноязычной стратегии общения, о лингвистической компетенции коммуникантов); *персонализация-объективация* (личное мнение высказывается на одном языке, а объективная информация — на другом); *экономия языковых средств* (используется тот язык, который, по мнению коммуниканта, способствует более лаконичному выражению мысли в речи).

В экспрессивную группу входят *адресное*, или *директивное* ПК (говорящий адресует сообщение конкретному получателю в присутствии нескольких возможных адресатов); *эзотерическое* ПК (участники исключают из речевой ситуации или, наоборот, приглашают в обсуждение слушателя; участники переходят на язык одного из них в целях более эффективного обсуждения темы); *фатическое* ПК (говорящий меняет тон дискуссии и влияет на точку зрения, переключаясь на другой язык для установления, подтверждения или завершения контакта с собеседником); *эмфатическое* ПК (говорящий выделяет новую информацию (рематизация) на фоне уже известной с намерением донести информацию до собеседника понятнее); *перлокутивное* ПК (говорящий воздействует на собеседника с тем, чтобы вызвать у собеседника определенную реакцию, побудить к действию); *эмоциональное* ПК (говорящий вносит эмоциональную окраску через употребление междометий, ругательных слов и других экспрессивных единиц, которые не вредят структуре предложения); *самоидентификация* (говорящий выражает свою этническую принадлежность или способность общаться на определенном языке / языках); *поэтическое*, или *юмористическое* ПК (в речи содержатся шутки и игра слов другого языка); *стилистическое* ПК (в речи используются стилистические приемы — каламбур, ирония, метафора, гипербола и т. п. другого языка); *знаковое* ПК (в речь включены восклицания, теги, вводные слова другого языка); *декоративное* ПК (в речь вводятся цитаты, пословицы, поговорки, афоризмы другого языка).

Различные типы ПК в зависимости от выполняемых ими функций в речи маркируются цитатами, особым обращением к адресату, междометиями, дискурсивными единицами, оценочными фразами и повторениями. В нашей статье предметом исследования являются повторения в речи полилингвальных юкагиров как типичный случай кодового переключения.

В теории языковых контактов повторение, или дублирование, как один из структурных типов ПК в речи билингвов рассматривалось лингвистами в рамках исследования функциональности кодовых переключений в разных языках. При переключениях на английский язык русских студентов Г. Н. Чиршева установила употребление эквивалентных грамматических показателей в юмористических целях [Чиршева, 2008, с. 63]. О. С. Потанина отмечает лексические повторения как случаи самоисправления у современных билингвальных носителей васюганского диалекта хантыйского языка [Потанина, 2010, с. 105]. А. Ю. Мутылина отмечает в речи русско-китайских билингвов повтор прагматических значимых лексем, то есть несущих основную смысловую нагрузку в высказывании [Мутылина, 2011, с. 58]. Ю. Е. Галямина выделяет дублирование синонимичных составляющих при анализе случаев ПК и СК в речи кетско-русских и эвенкийско-русских билингвов [Галямина, 2012, с. 99]. В. Г. Гаврилова иллюстративно представила два типа марийско-русского переключения — лексическое и морфологическое [Гаврилова, 2012, с. 57]. На материале немецко-русских билингвов Т. С. Артамонова отмечает, что ПК с целью повторения гарантирует адекватность понимания [Артамонова, 2016, с. 54].

На материале живой речи тундровых юкагиров-полилингвов мы впервые начинаем детальное исследование различных форм проявления языковых контактов. Цель нашего исследования — описание случаев повторения единиц в речевых произведениях полилингвальных юкагиров. Родной язык юкагиров нами терминологически обозначается как родной, матричный, $Я_1$. Языки, на которые происходит переключение, представлены как другой, источник, гостевой, $Я_2$, $Я_3$. Таким образом, введены условные обозначения:

Я — язык, код;

Я1 — родной, матричный язык;

Я2 — чужой, гостевой язык, язык-источник;

Я3 — чужой, гостевой язык, язык-источник.

В иллюстративном материале буквенные индексы указывают на язык, к которому относится явление:

^{ру} — русский язык;

^{юк} — юкагирский язык;

^{як} — якутский язык.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Юкагиры-полилингвы в живой речи довольно часто прибегают к использованию повторов средствами разных языков как одному из проявлений кодового переключения. Отмечено дублирование таких языковых единиц, как местоимение, существительное, глагол, а также вводного слова, предложно-именной конструкции, высказывания и его части.

3.1. Повторение местоимений

На примере повторения прономинальных единиц мы можем репрезентировать двунаправленность переключения — с $Я_1$ на $Я_2$ и наоборот. В примере 1 говорящий начинает с мены юкагирского вопросительного местоимения *кин* ‘кто’ (в фокусе и во множественном числе) на якутское вопросительное *ким* ‘кто’ (строка 02), а в последующей фразе — обратное переключение (строка 04). Ниже (строка 07) происходит дублирование указательных приименных местоимений — юкагирского *тун* ‘этот, эта, это’ на якутское *ити* ‘этот, эта, это’.

ПРИМЕР 1.

Таат кинэк таҥнааҕарльэ, кинэк эwриэнулльэлут таҥ йоходилэдьаапул.

Так кто на той стороне, кто бывают, наверное, те коневоды.

02 Э, *кинэк*^{юк}… ээ *кинэпул*^{юк}… *ким*^{як} … ээ льэпул… идьиэ

Э, *кто*^{юк}… ээ эти *кто*^{юк}… *кто*^{як}… ээ эти... сейчас

03 чиин община^{ру} Олёра, ээ кинэк.

Олёринская народная община, ээ кто.

04 Таҥ чии таҥнааҕар льэнульэлҥутэм буолла^{як}, ээ *ким*^{як} … *кинэк*^{юк}.

Эти люди на той стороне бывают, наверное, же^{як}, ээ *кто*^{як}… *кто*^{юк}.

05 Винокуров, ээ кинэк, Алешка льэмльэпулги.

Винокуров, как его, Алешка их глава.

06 Тудэл таҥудэҥ почэсэйнунум тудэ кин уоҕанэ.

Он туда отправляет своих детей.

07 Тадаат *тун*^{юк}… *ити*^{як} … эл курильиийэҥ маннык^{як} ээ кинуолльэлк эл эвриэнуни.

Потом *это*^{юк}… *это*^{як}… не знаю вот такое^{як}, ээ никто не ездит. [Д-2012].

Подобные случаи немаркированных вставок $Я_2$, дублирующих значение единицы $Я_1$, свидетельствуют о психическом состоянии, когда говорящий пытается восстановить в памяти нужную ему информацию. Мена кодов би-/полилингвом в процессе коммуникативного акта способствует более эффективному извлечению в сферу сознания нужной информации о прошлом. Возможно, определенное содержание из прошлого восстанавливается эффективнее при обращении к языковой системе $Я_2$. Согласно

модели хранения и доступа к информации П. Колерса, либо системы двух языков существуют в памяти независимо друг от друга, и тогда лексиконы двух языковых систем в сознании билингва не смешиваются; либо они взаимосвязаны, и тогда лексиконы хранятся вместе [Проценко, 2004, с. 124]. Если мена кодов является следствием мыслительных операций (а также иных психоэмоциональных или физических нагрузок), то скорее подтверждается факт отграниченности двух языков друг от друга при сохраняющейся взаимосвязи между ними, иначе ПК было бы невозможным.

3.2. Повторение существительных

Чаще всего дублированию подвергаются имена существительные. Особый интерес вызывают дублеты-существительные с юкагирско-якутско-русским ПК. Пример 2 включает повторение слов, выражающих понятие ‘пурга’ в разных его смысловых варицациях.

ПРИМЕР 2.

01 А Дэта^{ру} мэ кэчиҥ, Фидоскэ, ээ Дорэньэҥ аттараанурэҥ^{як}, сразу^{ру} көлдьэҥ.

Я принес дэту^{ру}, когда я Федоску, ээ Дору провожал^{як}, и я сразу^{ру} пришел.

02 БЭээ, мэ кэчимэк, худэбан тэт тэҥ...

Э, ты принес, как там этот твой…

03 В Аа, мэр амуч! Тан худэ көткэйнурэҥ уунулэханэҥ *ардах*^{як}, *пургэ*^{ру} ҥолаай.

Аа, хорошо! Как подходили, шли, *ветрено*^{як}, *ветрено*^{ру} стало.

04 Алыс^{як} *илийэ*^{юк} хаалахаальэнь.

Сильно^{як} *ветер*^{юк} усилился.

04 БМм.

Мм.

05 В Тадаа абырам^{як}. Таҥниги тэньи кэwэйлэха илийэ эwльэ.

Тогда помогло^{як}. Когда отсюда ушли, ветра не было. [П-2010].

Коммуникант В, подбирая слова, сначала вставляет якутскую лексему, затем русскую (строка 03), а в последующей реплике (строка 04) уже использует единицу матричного языка. Значения этих трех лексем в языках-источниках передают разные погодные явления — якутское *ардах* означает ‘непогода; ненастье; дождь’ [Слепцов, 1972, с. 46], русское *пурга* ‘сильная вьюга, снежная буря’ [Ожегов и др., 2006, с. 632], юкагирское *илийэ* ‘ветер; непогода; пурга’ [Курилов, 2001, с. 92]. Несмотря на несколько различную семантику терминов, для говорящего они связаны с понятием ветра, значение которого передает лексема матричного языка. Использование их

в речи способствует достижению стилистического эффекта (об интенсивности ветра сообщается через семантику инолексем). На информационном уровне через фокусную реплику с повтором создается контраст с целью выделить информацию, но при этом обеспечить адекватность понимания участниками коммуникативного акта.

Встречается также дистантное (межфразовое) повторение, когда дублет $Я_2$ возникает в одном высказывании-предложении, а дублет $Я_1$ — в другом. Так, в примере 3 нас интересует речь коммуниканта Б, который спонтанно использует для обозначения ягоды морошки русское название, хотя для обозначения плодов этого вида травянистого растения в юкагирском языке имеется свое название — *ньоронбуриэ* (букв. болотная ягода).

ПРИМЕР 3.

01 А Кинуолльэлк эл кэлут арай^{як}?

А вдруг^{як} никто не придет?

02 БЭэ, мэр эwрэнгутэй.

Будут ходить.

03 Чиипул мэр эwрэнгутэй синбиир^{як}, пуриэ, *маруошкэнгинь*^{ру} мэ кэлунгутэй,

Люди придут все равно^{як}, за ягодами, за *морошкой*^{юк} придут,

04 мэ көлтэйли синбиир^{як} мит.

мы придем все равно^{як}.

05 А Ээ.

Да.

06 Б*Маруошкэ*^{ру} мэ льэтэй? *Ньоронбуриэ*^{юк} мэ льэтэй?

Морошка^{ру} будет? *Морошка*^{юк} будет?

07 В Ээ.

Да. [П-2010].

Тему разговора про сбор ягод говорящий Б со смешанной якутско-русско-юкагирской речью начинает пиджинизированной вставкой *маруошкэ* (с аффиксом дательно-направительного падежа *-нгинь* матричного языка). Это слово первым возникло в его сознании, что, скорее всего, связано с частотой его употребления (строка 03). Далее следует межфразовое переключение в виде повторения реплики сначала с русской вставкой, затем с юкагирской (строка 06). Такая смена языка нацелена на правильное понимание собеседниками. Даже если все понимают, о чем идет речь, говорящий переходит на тот язык, который является основным для большинства собеседников, тем самым стремясь учесть языковые предпочтения всего состава участников коммуникативного акта. Предпочтение русизму может объясняться механизмом экономии речевых усилий, и, как нам кажется,

в первую очередь звуковоспроизводительных. Легче в общении применить тот эквивалент, который первым приходит на память в силу своей лаконичности и комфортного звуконабора. По емкости и звучанию русская *морошка* в определенной степени более краткая и емкая по сравнению с юкагирским дублетом *ньоронбуриэ*.

Дублирование лексемы сначала на одном языке, а потом на другом может быть реализовано в разных высказываниях, каждое из которых воспроизведено разными участниками соответственно. В примере 4 коммуникант А использует русизм *кабаруоткэ*, в речи представляющий собой пиджинизированную вставку (с падежным показателем местного падежа *-ҕа* матричного языка) (строка 03). Коммуникант Б в свою очередь предпочел использовать юкагирский эквивалент *чуондаwҕа* (букв. железная тарелка) в местном падеже, вероятно, «подчищая» высказывание на родном для обоих говорящих языке, но без намека на исправление речи собеседника (строка 04).

ПРИМЕР 4.

01 А Тидэҥ льэҕа пуриэ, пуриэ аптэллэк...

Это здесь ягоды, ягоды собравши...

02 БАха.

Да.

03 А ...йаwнуо тадаат хадьир *кабаруоткэҕа*[ру].

...и потом все *в сковородку*[ру].

04 БАха, вот-вот[ру]. *Чуондаwҕаҕа*[юк] титэ хаальэсун.

Да, вот-вот[ру]. *На сковородке*[юк] вот так поджариваю.

05 Анаан[як] амуч.

Очень[як] хорошо! [П-2010].

Такое языковое предпочтение может быть связано с привычкой употребления слова на одном из языков (для обоих коммуникантов), а также с присутствием исследователя-лингвиста, интересующегося юкагирским языком, и желанием носителя продемонстрировать свою языковую компетенцию (для коммуниканта Б).

3.3. Повторение глаголов

Повторы-глаголы встречаются довольно редко. В примере 5 коммуникант Б спонтанно воспроизводит якутскую лексему с сохранением грамматики $Я_2$ (в первом лице будущего времени), а затем сам инициирует исправление на юкагирский эквивалент (в субстантивированной форме в дательно-направительном падеже), чему предшествует хезитация в виде когнитивного междометия э (строка 05).

ПРИМЕР 5.
01 А Льэги мэтинь… мэт… мэтинь наадэ[ру].
Это мне надо.
02 БЭе.
Да.
03 А Монаҕарнунҥу?
Как говорят?
04 В Сэбирдэх[як].
Листья[як].
05 БЭе, таҕи идьиэ *хомуйуом*[як] ээ *аптэлҥинь*[юк]...
Да, это сейчас *соберу*[як]… ээ *чтобы собрать*[юк]…
06 В Нэмэҥол?
Для чего?
07 А Лекарство[ру].
Лекарство[ру]. [П-2010].

Здесь самоисправление, на наш взгляд, связано с реализацией функции самоидентификации — говорящий непроизвольно переходит на $Я_2$ под влиянием предшествующего триггерного слова того же $Я_2$ и потом, опомнившись, поправляет себя обратным переходом на $Я_1$. Такую форму ПК еще называют *ошибочным*, или *соскальзыванием* [Лисковец, 2018, с. 87]. Триггерным словом в данном случае выступает якутизм *сэбирдэх* (строка 04), предшествующий ПК. По мнению Р. Т. Белла, происходит следующее: возникший в $Я_1$ элемент $Я_2$ вызывает неразрывно связанную с ним единицу $Я_2$, происходит переключение на другой код в пределах слова / слов или всей последующей интеракции [Белл, 1980, с. 188]. Согласно же теории триггеринга М. Клайна, при таком мотивированном чередовании кодов внимание акцентируется не на языковой системе, а на механизмах, которые обеспечивают функционирование вербальных систем в языковом сознании говорящего. Ментальному механизму переключения необходимо дополнительное время на то, чтобы определить, какую из двух языковых систем «включить» или «выключить» в процессе понимания речи [Остапенко, 201, с. 174].

Повторяться могут слова с качественным значением, которыми в юкагирском языке выступают качественные глаголы, а в русском — имена прилагательные. Поскольку такого класса слов, как прилагательные, в юкагирском нет, то их функцию выполняют глагольные основы с качественным значением (например, *ньааwэ*= ‘быть белым’, *читнэ*= ‘быть длинным’). В примере 6, высказывая свое мнение о вкусе травяного чая, коммуникант Б характеризует его юкагирским качественным глаголом в 3 лице

единственного числа *мэ тоҕуонь* (от качественного глагола *тоҕуол*= ‘быть густым’) (строка 02). Соглашаясь с мнением собеседника, участник А подчеркивает сказанное русским дублетом *густой* (строка 03), тем самым вызвав у слушающего активную эмоциональную реакцию, заключающуюся в использовании внутрифразового лексического повтора на $Я_1$ и $Я_2$ и выражающую этим речевым действием полное согласие.

ПРИМЕР 6.

01 А Йаwнуо мэ лаwм?

Все выпил (он)?

02 БЛьэ таат эндэ льукуочуо. *Мэ тоҕуонь*[юк]! *Мэ тоҕуонь*[юк]!

Так, немного. *Густой*[юк]! *Густой*[юк]!

03 А *Густой*[ру]!

Густой[ру]!

04 БЭэ, *мэ тоҕуонь*[юк], ***густой***[ру]! Айю-ю!

Да, ***густой***[юк], *густой*[ру]! А-ай! [П-2010].

Русизм *густой* в данном случае напоминает островное ПК в позиции предикатива, поскольку связь с подлежащим подразумевается грамматической формой эквивалента $Я_1$, употребление которого в данном коммуникативном акте первично. В юкагирском корпусе фиксируются другие русские прилагательные в застывшей форме 3 лица единственного числа (*голубой*, *зубной*, *последньэй* и др.) [Курилова, 2022, с. 190].

3.4. Повторение вводных слов

Выявлен случай дублирования вводного слова. Пример 7 включает внутрифразовый переход в виде вставки якутского вводного слова *быһыылаах* ‘видимо, кажется’, за которым следует юкагирское *йуодаҕанэ* ‘видно, видимо, кажется; видать’ (строка 02).

ПРИМЕР 7.

01 А Уури льиэ хатэ[як] льэгэ альҕаги мэ амахаальэлтэй, тан Ураһалаах[як].

Значит, вот точно[як] рыба поправилась, наверное, в том Урасалахе[як].

02 БЛьиэ көсльэги пойумуй *быһыылаах*[як], *йуодаҕанэ*[юк].

Налима больше стало, *кажется*[як], *кажется*[юк]. [Д-2012].

Якутизм *быһыылаах* ранее не был зарегистрирован в нашем корпусе, однако его употребление в данном случае обусловлено привычкой его использования определенным носителем. В отличие от примера 5 здесь не наблюдается признаков самоисправления, речь ровная, без каких-либо хезитационных явлений, таких как пауза или когнитивные междометия.

Однако ПК задано коммуникативными намерениями говорящего повлиять на уже имеющееся мнение слушающего, подчеркивая свою некоторую осведомленность по обсуждаемой теме.

3.5. Повторение предложно-именных конструкций

В примере 8 мы можем видеть дублирование предложно-именных конструкций в пределах одного высказывания. Участники обсуждают, какой одеждой снабдили родственницу, приехавшую работать на выпасе стада без своих теплых вещей. В разговоре предпочтение коммуниканты отдают юкагирскому с присутствием заимствованных элементов из русского и якутского. Переход происходит в строке 05, когда говорящий В внезапно задает вопрос на русском, уточняя время, когда происходило событие. Одна реплика включает предложно-именную конструкцию *в мае*, вторая — пиджинизированную вставку *маайҕа*, где фонетически адаптированное русское название месяца оформлено показателем местного падежа Я$_1$ -*ҕа* [Курилова, 2022, с. 224].

ПРИМЕР 8.

01 А Тудэ сукунҕа мэ кудэрэм, тудэ малахаайҕанэ^{ру}.

Свой малахай^{ру} положила с вещами.

02 БТудэ сукунҕа мэ кудичиильэл тан, букатин^{як} эл курульуол.

В свои вещи положила, совсем^{як} не видно.

03 В Ханьин?

Когда?

04 А Ньааwэйрукун.

Белая вещь.

05 В *В мае*^{ру}? *Маайҕа*^{ру}?

В мае^{ру}? *В мае*^{ру}?

06 БЭэ! Мэ льэйльэлум, туҥ моҥоньэрэ кэwэч.

Да! Сделала что-то, с этой шапкой уехала. [П-2010].

Такой переход маркирует смену направления разговора: если до ПК речь идет о качественных составляющих предмета гардероба и его пополнении, то участник В переносит акцент на временной фактор, не нарушая смысловую связность дискурса. В итоге участник Б утвердительно отвечает на вопрос и подытоживает общим заключением.

3.6. Повторение части или всего высказывания

Некоторые части высказывания могут дублироваться фрагментарно, то есть происходит последовательное повторение не всего высказывания, а только информационно важного компонента. Так, пример 9 включает

кодовое переключение, цель которого — воздействовать на собеседника. Потребность коммуниканта А удовлетворяется только при смене кода, когда собеседник Б переходит на русский дублет в виде цитаты по отношению к русскоговорящему собеседнику В, находящемуся ближе к двери (строка 03). Троеточием в круглых скобках помечена опущенная часть беседы, где юкагирская фраза «дверь открой» адресуется участнику В в пояснительных целях целиком и по словам.

ПРИМЕР 9.

01 А Мит ***сэспэ*** *йоҥотэйк*![юк]
Нашу *дверь открой*![юк]
02 БЙоу, *сэспэ йоҥотэйк*![юк]
Эй, *дверь открой*![юк]
03 *Дверь откройте* говорит.[ру]
Дверь откройте говорит.[ру]
04 ***Сэспэ йоҥотэйк***![юк]
Дверь открой![юк]
05 Во-от![ру]
Во-от![ру]
(…)
06 В Запомнил.[ру]
Запомнил.[ру] [П-2010].

Здесь функция воздействия сопровождается адресной, поскольку обращением на русском языке говорящий конкретизирует собеседника из числа других (ориентированность на слушающего, не владеющего языком $Я_1$). Грамматическая форма обращения $Я_1$ (строки 01, 02, 04 во 2 лице единственного числа) несколько отличается от той, которая реализуется в дублетном высказывании $Я_2$ (строка 03 во 2 лице множественного числа), однако смысловая нагрузка при этом не меняется.

Билингвальному повторению могут подвергаться целые высказывания. В примере 10 мы привели отрывок беседы, в котором на самом деле инициирующая реплика коммуниканта А носит информативный характер и ориентирована на всех присутствующих в доме-яранге (строка 01). Следующие высказывания коммуниканта Б адресованы конкретным слушателям: ученым-лингвистам, приехавшим к юкагирам документировать их язык (строки 02, 03).

ПРИМЕР 10.

01 А Хатэ[як] Илья мэ кэлуй.
Хорошо[як], что Илья приехал.
02 Б*Спасибо*, *с приездом*![ру]
Спасибо, *с приездом*![ру]

03 *Молитэгэ көлльэллэха*!юк
Большое спасибо, *что приехали*!юк [П-2010].

Таким образом, причиной переключения явилась смена адресата. Переход от $Я_2$ к $Я_1$ связан как с эмоциональным состоянием говорящего (положительная реакция на неожиданных гостей), так и с желанием установить контакт. Как и в примере 9, смысловая нагрузка равновесна в репликах строк 02 и 03, несмотря на различное грамматико-синтаксическое построение.

4. Заключение = Conclusions

Впервые приведенный в данной статье материал, репрезентированный на основе транскриптов диалогической и полилогической речи тундровых юкагиров, свидетельствует, с одной стороны, о наличии в языке обилия лексических СК с привлечением элементов типологически разных языков — тундрового юкагирского, якутского и русского, а с другой — о довольно частом переключении с родного языка на другой. Дублирование синонимичных элементов двух и более языков является одним из самых распространенных типов кодового переключения. Такое ПК по структурному критерию называется *выбор кода*, когда одна реплика произносится на одном языке, а другая — на втором [Чиршева, 2004, с. 16].

Анализ речевого материала показал, что юкагиры-полилингвы в основном чередуют местоимения и существительные, глаголы, вводные слова, предложно-именные конструкции, а также высказывания и их отдельные части. Чаще всего встречаются дублеты имен существительных. Используемые носителями матричного языка лексические эквиваленты $Я_2$ могут иметь в $Я_1$ «голый» или пиджинизированный вид. При этом чередоваться дублируемые синонимичные единицы могут внутрифразово в речи одного говорящего и «дистантно» (в различных репликах) — либо в отдельных высказываниях одного коммуниканта, либо в отдельных высказываниях, производимых разными участниками коммуникативного акта.

Направленность лексического повторения характеризуется двойственностью: от $Я_1$ к $Я_2$ (чаще от юкагирского к русскому, реже от юкагирского к якутскому), от $Я_2$ к $Я_1$ (от якутского или русского к юкагирскому), от $Я_2$ к $Я_3$ (от якутского к русскому). Если встречается третий тип направленности, то есть вероятность, что говорящий в последующих своих высказываниях непременно употребит эквивалент на своем родном языке. Также мы можем отметить тип направленности от $Я_2$ к $Я_{2\text{-}1}$, где $Я_2$ — это вставка исходной формы явления другого языка, а $Я_{2\text{-}1}$ подразумевает то же самое явление, но уже включающее системные морфемы $Я_1$.

Повтор эквивалентной лексики и высказываний на юкагирском, якутском и русском языках объясняется ориентированностью на адресата (примеры 3, 9, 10) и желанием установить с ним контакт (пример 10), намерением оказать эффект, воздействие на слушающего или его мнение с целью получить обратную реакцию и ответное действие (примеры 6, 7, 8, 9), попыткой вспомнить нужное слово или поправить себя (примеры 1, 5), привычкой использовать единицу одного из языков (примеры 3, 4, 7), стремлением использовать более удобное слово (пример 3) или выделить информацию (примеры 2, 8), а также триггерингом (пример 5). Учитывая указанные причины кодового переключения, выбор юкагирами-полилингвами между синонимичными альтернативами может быть спонтанным (если говорящий забыл нужное ему слово, ошибочно или по привычке использовал слово) или сознательным (показать свою языковую компетенцию, выделить или ввести новую информацию, использовать более лаконичный эквивалент). Таким образом, повторение в юкагирской речи реализует референтную, адресную, фатическую, эмфатическую, перлокутивную, эмоциональную, стилистическую функции, а также используется в целях экономии речевых усилий и самоидентификации. Случаи дублирования могут быть многофункциональными, когда одна из прагматических функций сопровождается другими (например, в примере 2 реализуются функции фатическая, эмфатическая и стилистическая функции; функция самоидентификации реализуется практически всеми дублетами).

Имеющийся материал показал, что из четырех кодов, на которые переключаются тундровые юкагиры, лишь два задействованы в дублировании: якутский и русский.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. Д-2012 — *Диалог*, записанный автором в 2012 п. Черский Нижнеколымского района Якутии.

2. *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь / Г. Н. Курилов. — Новосибирск : Наука, 2001. — 608 с.

3. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., допол. — Москва : ООО «ИТИ Технологии», 2006. — 944 с.

4. П-2010 — *Полилог*, записанный С. Оде и Д. Матич в 2010 г. В участке Урасалах Нижнеколымского района Якутии.

5. *Слепцов П. А.* Якутско-русский словарь / П. А. Слепцов. — Москва : Советская энциклопедия, 1972. — 608 с.

Литература

1. *Артамонова Т. С.* Процессы контактирования языков : билингвизм, переключение кодов / Т. С. Артамонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4 (58). — Ч. 1. — С. 51—55.

2. *Белл Р. Т.* Социолингвистика. Цели, методы и проблемы / Р. Т. Белл. — Москва : Международные отношения, 1980. — 320 с.

3. *Бурыкин А. А.* Переключение кодов, смешение кодов, кодовая парадигматика и проблемы идентификации смешанных форм речи / А. А. Бурыкин // Уралистика : материалы XXXV Междунар. филол. конф. (13—18 марта 2006 г., Санкт-Петербург). — Санкт-Петербург : Наука и Просвещение, 2006. — Выпуск 6. — Ч. 1. — С. 32—38.

4. *Бурыкин А. А.* Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхнеколымских, юкагиров / А. А. Бурыкин // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — С. 169—180. — ISBN 978-5-02-025588-3.

5. *Гаврилова В. Г.* Дублирование как одно из проявлений переключения / В. Г. Гаврилова // Финно-угорский мир. — 2012. — № 3 (4). — С. 56—59.

6. *Галямина Ю. Е.* Структурные типы переключения кода в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенкийского языков) / Ю. Е. Галямина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2012. — № 1 (116). — С. 96—100.

7. *Денисова Е. А.* Теоретические предпосылки к изучению термина «билингвизм» / Е. А. Денисова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 11 (53). — Ч. 2. — С. 22—24. — DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.049.

8. *Исаева М. Г.* Прагматические функции кодовых переключений в массмедийных текстах : эколингвистический подход / М. Г. Исаева, А. В. Моисеенко // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 2 (17). — С. 150—155. — DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10400.

9. *Казакевич О. А.* Смешение и переключение кодов в речи северных селькупов / О. А. Казакевич // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — С. 14—21.

10. *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык / Е. А. Крейнович. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1958. — 288 с.

11. *Курилов Г. Н.* Лексикология современного юкагирского языка : разивитие лексики и роль в нем якутского языка / Г. Н. Курилов. — Новосибирск : Наука, 2003. — 288 с. — ISBN 5-02-031854-X.

12. *Курилова С. Н.* Русская лексика в языке тундровых юкагиров / С. Н. Курилова. — Новосибирск : Наука, 2022. — 256 с. — ISBN 978-5-02-041495-2.

13. *Лисковец И. В.* Русско-белорусское переключение кодов в г. Минске / И. В. Лисковец // Коммуникативные исследования. — 2018. — Выпуск 1 (15). — С. 85—96. — DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.85-96.

14. *Мутылина А. Ю.* О разграничении понятий «переключение» и «смешение кодов» (на примере устной речи русско-китайских билингвов в Пекине) / А. Ю. Мутылина // Вестник Иркутского государственного педагогического университета. — 2011. — № 1. — С. 52—60.

15. *Остапенко Т. С.* Становление понятия «переключение кодов» : междисциплинарный подход / Т. С. Остапенко // Социо- и психолингвистические исследования. — 2014. — Выпуск 2. — С. 171—176.

16. *Потанина О. С.* Внутреннее переключение кодов в хантыйском языке / О. С. Потанина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — Выпуск 7 (97). — С. 102—106.

17. *Проценко Е. А.* Проблемы переключения кодов в зарубежной лингвистике / Е. А. Проценко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2004. — № 1. — С. 123—127.

18. *Родионова О. С.* Функции и типы переключения кода в немецком языке : теоретический аспект / О. С. Родионова, Н. В. Абрамова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. — 2015. — № 1 (33). — С. 139—148.

19. *Студеничкин Ю. И.* Английско-тагальское переключение кодов в условиях двуязычия на Филиппинах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Ю. И. Студеничкин. — Санкт-Петербург, 2006. — 136 с.

20. *Хилханова Э. В.* К вопросу о терминах переключения кодов, смешение кодов, вкрапления и критериях их разграничения / Э. В. Хилханова, Ж. Б. Папинова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 2 (69). — С. 667—671.

21. *Чиршева Г. Н.* Двуязычная коммуникация / Г. Н. Чиршева. — Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. — 190 с. — ISBN 5-85-341-155-1.

22. *Annamalai E.* The language factor in code mixing / E. Annamalai // International Journal of the Sociology of Language. — 1989. — Vol. 74. — Pp. 47—54.

23. *Appel R.* Language contact and bilingualism / R. Appel, P. Muysken. — London ; Baltimore, MD : Edward Arnold, 1987. — ISBN 0-7131-6491-3.

24. *Auer P.* Bilingual conversation / P. Auer. — Amsterdam ; Philadelphia ; Benjamins, 1984. — 54 p. — ISBN 90-272-2541-9.

25. *Auer P.* Code-switching in conversation : language interaction and identity / P. Auer. — London : Routledge, 1998. — 355 p. — ISBN 9780203017883.

26. *Auer P.* Discourse or grammar? VS patterns in spoken Hewbrew and spoken German narratives / P. Auer, Y. Maschler // Language Sciences. — 2013. — Vol. 37. — Pp. 147—181. — DOI: 10.106/j.langsci.2012.08.005.

27. *Bloom J.-P.* Social meaning in linguistic structure : code-switching in northern Norway / J.-P. Bloom, J. J. Gumperz // The Bilingualism Reader. — London : Routledge, 2000. — Pp. 111—137.

28. *Hoffman E.* Lost in translation : a new life in a new language / E. Hoffman. — New York : Dutton, 1989. — 288 p. — ISBN 9780099428664.

29. *Maslova E.* A grammar of Kolyma Yukaghir / E. Maslova. — Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2003a. — 610 p. — ISBN 3-11-017572.

30. *Maslova E.* Tundra Yukaghir / E. Maslova. — München : Lincom Europa, 2003b. — 97 p.

31. *Matić D.* Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax / D. Matić // Sprachkontakt, synchron und diachron. — Aachen : Shaker, 2008. — Pp. 93—124.

32. *Myers-Scotton C.* Duelling languages. Grammatical structure in code-switching / C. Myers-Scotton. — Oxford : Clarenden Press, 1993. — 263 p. — ISBN 10: 0198240597.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023,
одобрена после рецензирования 09.06.2023,
подготовлена к публикации 20.06.2023.

Material resources

D-2012 — *Is a dialogue recorded by the author in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia.* (In Russ.).

Kurilov, G. N. (2001). *Yukagir-Russian dictionary.* Novosibirsk: Nauka. 608 p. (In Russ.).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (2006). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., supplement.* Moscow: LLC "ITI Technologies". 944 p. (In Russ.).

P-2010 — *Polylogue, recorded with. Ode and D. Matic in 2010 In the Urasalakh section of the Nizhnekolymsky district of Yakutia.* (In Russ.).

Sleptsov, P. A. (1972). *Yakut-Russian dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 608 p. (In Russ.).

References

Annamalai, E. (1989). The language factor in code mixing. *International Journal of the Sociology o Language, 74:* 47—54.

Appel, R., Muysken, P. (1987). *Language contact and bilingualism.* London; Baltimore, MD: Edward Arnold. ISBN 0-7131-6491-3.

Artamonova, T. S. (2016). The processes of contacting languages: bilingualism, code switching. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 4 (58) / 1:* 51—55. (In Russ.).

Auer, P. (1984). *Bilingual conversation.* Amsterdam; Philadelphia; Benjamins. 54 p. — ISBN 90-272-2541-9.

Auer, P. (1998). *Code-switching in conversation: language interaction and identity.* London: Routledge. 355 p. ISBN 9780203017883.

Auer, P., Maschler, Y. (2013). Discourse or grammar? VS patterns in spoken Hewbrew and spoken German narratives. *Language Sciences, 37:* 147—181. DOI: 10.106/j.langsci.2012.08.005.

Bell, R. T. (1980). *Sociolinguistics. Goals, methods and problems.* Moscow: International Relations. 320 p. (In Russ.).

Bloom, J.-P., Gumperz, J. J. (2000). Social meaning in linguistic structure: code-switching in northern Norway. In: *The Bilingualism Reader.* London: Routledge. 111—137.

Burykin, A. A. (2006). Code switching, code mixing, code paradigmatics and problems of identification of mixed forms of speech. In: *Uralistics: materials of the XXXV International. philol. conf. (March 13—18, 2006, St. Petersburg), 6 (1).* St. Petersburg: Science and Enlightenment. 32—38. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2003). Russian lexical borrowings in the language of forest, or Verkhnekolymsk, yukagirov. In: *Lexical Atlas of Russian vernacular dialects: materials and research.* St. Petersburg: Nauka. 169—180. ISBN 978-5-02-025588-3. (In Russ.).

Chirsheva, G. N. (2004). *Bilingual communication.* Cherepovets: GOU VPO ChSU. 190 p. ISBN 5-85-341-155-1. (In Russ.).

Denisova, E. A. (2016). Theoretical prerequisites for the study of the term "bilingualism". *International Research Journal, 11 (53) / 2:* 22—24. DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.049. (In Russ.).

Galyamina, Yu. E. (2012). Structural types of code switching in the speech of speakers of endangered languages (based on the material of the Ket and Evenk languages). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 1 (116):* 96—100. (In Russ.).

Gavrilova, V. G. (2012). Duplication as one of the manifestations of switching. *Finno-Ugric world, 3 (4):* 56—59. (In Russ.).

Hilkhanova, E. V., Papinova, Zh. B. (2018). On the question of the terms of code switching, mixing of codes, inclusions and criteria for their differentiation. *The world of science, culture, education, 2 (69):* 667—671. (In Russ.).

Hoffman, E. (1989). *Lost in translation: a new life in a new language.* New York: Dutton. 288 p. ISBN 9780099428664.

Isaeva, M. G., Moiseenko, A. V. (2019). Pragmatic functions of code switches in mass media texts: an ecolinguistic approach. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin, 2 (17):* 150—155. DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10400. (In Russ.).

Kazakevich, O. A. (2000). Mixing and switching codes in the speech of northern Selkups. In: *Speech communication in the conditions of linguistic heterogeneity.* Moscow: Editorial URSS. 14—21. (In Russ.).

Kreinovich, E. A. (1958). *Yukagirsky yazyk.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 288 p. (In Russ.).

Kurilov, G. N. (2003). *Lexicology of the modern Yukaghir language: the development of vocabulary and the role of the Yakut language in it.* Novosibirsk: Nauka. 288 p. ISBN 5-02-031854-X. (In Russ.).

Kurilova, S. N. (2022). *Russian vocabulary in the language of tundra Yukagirs.* Novosibirsk: Nauka. 256 p. ISBN 978-5-02-041495-2. (In Russ.).

Liskovets, I. V. (2018). Russian-Belarusian code switching in Minsk. *Communicative research, 1 (15):* 85—96. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.85-96. (In Russ.).

Maslova, E. (2003a). *A grammar of Kolyma Yukaghir.* Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 610 p. ISBN 3-11-017572.

Maslova, E. (2003b). *Tundra Yukaghir.* München: Lincom Europa. 97 p.

Matić, D. (2008). Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax. In: *Sprachkontakt, synchron und diachron.* Aachen: Shaker. 93—124.

Mutylina, A. Yu. (2011). On the differentiation of the concepts of “switching” and “mixing codes” (on the example of oral speech of Russian-Chinese bilinguals in Beijing). *Bulletin of Irkutsk State Pedagogical University, 1:* 52—60. (In Russ.).

Myers-Scotton, C. (1993). *Duelling languages. Grammatical structure in code-switching.* Oxford: Clarenden Press. 263 p. ISBN 10: 0198240597.

Ostapenko, T. S. (2014). The formation of the concept of “code switching”: an interdisciplinary approach. *Socio- and psycholinguistic studies, 2:* 171—176. (In Russ.).

Potanina, O. S. (2010). Internal code switching in the Khanty language. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University, 7 (97):* 102—106. (In Russ.).

Protsenko, E. A. (2004). Problems of code switching in foreign linguistics. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 1:* 123—127. (In Russ.).

Rodionova, O. S., Abramova,N. V. (2015). Functions and types of code switching in German: theoretical aspect. *News of higher educational institutions. Volga region. Humanities. Philology, 1 (33):* 139—148. (In Russ.).

Studenichkin, Yu. I. (2006). *English-Tagalog code switching in the conditions of bilingualism in the Philippines.* PhD Diss. St. Petersburg. 136 p. (In Russ.).

The article was submitted 10.05.2023;
approved after reviewing 09.06.2023;
accepted for publication 20.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Павлов С. С. Концепт СЕВЕР в художественной картине мира чукотского поэта В. Г. Кеулькута / С. С. Павлов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 93—113. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-93-113.

Pavlov, S. S. (2023). Concept of NORTH in Artistic Worldview of Chukotka Poet Victor Keulkut. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 93-113. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-93-113. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-93-113

Концепт СЕВЕР в художественной картине мира чукотского поэта В. Г. Кеулькута

Павлов Степан Степанович
orcid.org/0000-0002-0800-8846
младший научный сотрудник,
Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики»
sts.pavlov@s-vfu.ru

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616)

Concept of NORTH in Artistic Worldview of Chukotka Poet Victor Keulkut

Stepan S. Pavlov
orcid.org/0000-0002-0800-8846
Junior Researcher,
International Research Laboratory
“Linguistic Ecology of the Arctic”
sts.pavlov@s-vfu.ru

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out within the framework of the scientific project “Preservation of linguistic and cultural diversity and sustainable development of the Arctic and Subarctic regions of the Russian Federation” (grant of the Government of the Russian Federation, agreement №075-15-2021-616)

© Павлов С. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования — моделирование концепта СЕВЕР в авторской художественной картине мира В. Г. Кеулькута как части концептосферы арктического дискурса. Анализировались стихотворения этого чукотского автора. Исследование художественных концептов позволяет определить влияние культурного контекста на мировосприятие творческой личности. Актуальность исследования определяется включенностью в парадигму когнитивно-лингвистических исследований. Исследуемый концепт относится к категории дискурсообразующих концептов. Методом сплошной выборки были отобраны лексические маркеры в объеме 540 единиц. Они были распределены по лексико-тематическим группам (ЛТГ) «Промысел» (187 маркеров), «Холод» (103), «Фауна» (77), «Ландшафт» (42), «Климат» (42), «Море» (32), «Дом» (27), «Тундра» (18) и «Флора» (12). Распределение маркеров по ЛТГ проводилось по признакам семантической и тематической близости. Была построена следующая модель художественного концепта СЕВЕР в стихотворениях В. Г. Кеулькута: ядро концепта составила ЛТГ «Промысел» (187 маркеров), в приядерной зоне расположилась ЛТГ «Холод» (103 маркера), ближняя периферия содержит ЛТГ «Фауна», «Ландшафт» и «Климат», а дальняя периферия представлена ЛТГ «Море», «Дом» и «Тундра». В ходе анализа в структуре концепта СЕВЕР выявлен специфический для северной лингвокультуры компонент «северность», выражающий идею идентичности северян.

Ключевые слова:
концепт; художественный концепт; концептосфера; авторская художественная картина мира; Север; северность; Арктика; Виктор Кеулькут.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This research aims to model the concept of the North in Victor Keulkut's artistic worldview as part of the conceptual sphere of Arctic discourse. The authors of the article analyzed the poems of this Chukotka author. The study of artistic concepts enables the identification of the influence of cultural context on the perception of creative individuals. The relevance of this study lies in its inclusion in the paradigm of cognitive-linguistic research. The concept under investigation belongs to the category of discourse-forming concepts. The continuous sampling method was used to select 540 lexical markers, which were then distributed into nine lexical-semantic thematic groups (LSTG): 'Industry' (187 markers), 'Cold' (103), 'Fauna' (77), 'Landscape' (42), 'Climate' (42), 'Sea' (32), 'House' (27), 'Tundra' (18), and 'Flora' (12). The distribution of markers in LSTG was based on criteria of semantic and thematic similarity. Based on the study, a model of the artistic concept of the North in Victor Keulkut's poetry was constructed, with the core formed by the LSTG 'Industry' (187 markers), the near-nuclear zone containing LSTG 'Cold' (103 markers), and the close periphery containing LSTG 'Fauna', 'Landscape', and 'Climate', while the distant periphery was represented by LSTG 'Sea', 'House', and 'Tundra'. In analyzing the structure of the concept of the North, a specific component unique to northern linguistic culture was identified, called 'nordicity', expressing the idea of northern identity.

Key words:
Concept; Artistic concept; Conceptual sphere; Author's artistic worldview; North; nordicity; Arctic; Victor Keulkut.

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.551.1'37+821.551.1Кеулькут.07

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Концепт СЕВЕР в художественной картине мира чукотского поэта В. Г. Кеулькута

© Павлов С. С., 2023

1. Введение=Introduction

Возрастающее внимание к Арктике со стороны мирового сообщества обусловлено стратегическим, технологическим, производственным и промышленным потенциалом региона. Вместе с тем возрастает интенсивность проведения исследований Арктики и Севера с позиций гуманитарных наук. Научный интерес ученых-гуманитариев обусловлен тем, что Арктика и Север представляют собой уникальную языковую и этнокультурную мозаику, которая создавалась на протяжении тысячелетий коренными и пришлыми народами [Данилова, 2015, с. 122]. Канадский ученый, профессор университета в Квебеке (Канада) Д. Шартье утверждает, что проведение любого исследования на Севере и о Севере должно включать в том числе культурные и гуманитарные аспекты [Шартье, 2016, с. 24], так как человек занимает центральное место в арктическом пространстве.

Исследование дискурса и входящих в него концептов является актуальным направлением для когнитивной лингвистики, так как позволяет понимать, как люди воспринимают и описывают мир вокруг себя. Изучение концептов и дискурсов помогает выявить культурные различия и сходства между народами, а также понять, как эти различия влияют на языковые структуры. Таким образом, актуальность определяется выбором концепта СЕВЕР как одной из ключевых культурных констант Арктики и Севера, который, в свою очередь, относится к категории дискурсообразующих концептов, исследование которых предполагает когнитивно-дискурсивный подход. Также актуальность нашего исследования определяется включенностью в парадигму когнитивно-лингвистических исследований, в фокусе внимания которых находится проблема языковой концептуализации мира.

Целью исследования является моделирование концепта СЕВЕР в авторской художественной картине мира В. Г. Кеулькута как части концептосферы арктического дискурса. В связи с этим ставятся следующие задачи: 1) определение терминов *концепт, концептосфера, арктический дискурс*; 2) соотношение терминов *северность* и *концепт СЕВЕР*; 3) выявление способов объективации художественного концепта СЕВЕР в твор-

честве В. Г. Кеулькута; 4) выявление когнитивных признаков художественного концепта СЕВЕР.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретико-методологической базой нашего исследования послужили труды в области когнитивной лингвистики и концептологии [Антология …, 2005; Попова и др., 2007; Приходько, 2013; Сергеева и др., 2021 и др.]. Исследованию концептов СЕВЕР, NORTH, ХОТУ, СЕВЕРНОСТЬ посвящены труды таких ученых, как Д. Ф. Рахимова, Н. К. Данилова, Ф. С. Андросова, В. М. Лютянский, Г. С. Доржиева, М. Н. Амелина, L.- E. Hamelin, Д. Шартье, А. В. Головнев, Ю. Г. Акимов, Д. Д. Максимова [Акимов, 2012; Амелина, 2003; Андросова, 2018; Головнев, 2022; Данилова, 2015; Доржиева, 2008; Лютянский, 2011; Максимова, 2011; Рахимова, 2012; Шартье, 2016; Hamelin, 1976].

Материалами исследования послужили произведения из сборника стихотворений В. Г. Кеулькута «Солнце над Чукоткой» [Кеулькут, 1966], отобранные методом сплошной выборки и содержащие маркеры, репрезентирующие исследуемый концепт.

В. Г. Кеулькут является чукотским поэтом, стихи которого посвящены раздумьям о своем народе — «морских» и «оленных» людях. Ю. Рытхэу в предисловии к сборнику стихотворений Кеулькута пишет, что «поэт родился в семье пастуха-оленевода, с детства пас оленей, охотился в тундре, в море» [Кеулькут, 1966, с. 6]. Этот факт сыграл важную роль в его творчестве, которое пронизано чувством любви к своей малой родине. Кеулькут как представитель северной лингвокультуры конструирует в своих произведениях образы Севера / Арктики и ментальные конструкты, характерные для его этноса. Все вышеизложенное обосновывает выбор стихотворений Кеулькута в качестве материалов исследования.

Необходимо отметить, что Кеулькут писал свои стихотворения на чукотском языке, а позднее, делая подстрочники, сочинял также на русском языке вместе с переводчиками [Музейный центр]. В нашем исследовании мы опираемся на русскоязычную версию произведений, перевод которых был выполнен советскими поэтами и переводчиками: В. В. Португаловым, В. А. Сергеевым и Н. К. Старшиновым.

При выявлении когнитивных признаков и моделировании концепта СЕВЕР были применены полевый метод, методы семантико-когнитивного, контекстуального и интерпретативного анализа. Полевый подход применялся на семантическом этапе анализа. Выделенные средства объективации концепта (далее — маркеры) объединялись по семантическому и тематическому признаку в лексико-тематические группы (далее — ЛТГ), затем строилось текстовое семантическое поле «Север».

Поскольку метод семантико-когнитивного анализа предполагает переход от содержания значений к содержанию концептов посредством когнитивной интерпретации [Попова и др., 2007 с. 15], то на этапе когнитивного анализа ЛТГ интерпретировались соотносительные с ними когнитивные признаки. Вслед за И. А. Стерниным мы понимаем под *когнитивной интерпретацией* «смысловое обобщение полученных результатов описания значений языковых единиц для формулирования когнитивных признаков» [Стернин, 2004, с. 65]. Полученные в результате проведенного исследования данные позволяют моделировать концепт как единицу концептосферы (далее — КСф) этноса [Там же] или отдельной личности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Исследование художественного концепта невозможно без понимания того, что представляет собой концепт. Анализ научной литературы показывает, что теория и методология когнитивной лингвистики находятся в непрерывном процессе развития, о чем свидетельствуют многочисленные мнения по поводу трактовки термина *концепт*. Не вдаваясь в дискуссию, вслед за В. И. Карасиком и И. А. Стерниным мы понимаем под *концептом* основную единицу сознания, объективирующуюся через языковые средства. Объективированные лексическими единицами когнитивные признаки концепта вступают в определенные взаимоотношения [Антология …, 2005; Стернин, 2000, с. 13]. Концепты характеризуются полевым принципом организации, часто опираются на чувственный образ, имеют информационное содержание и интерпретационное поле.

Авторскую художественную картину мира (далее — ХКМ) образует совокупность индивидуально-художественных концептов / художественных концептов (далее — ХК). Авторская ХКМ (или ХКМ автора) это индивидуальная авторская картина мира, отраженная в его художественных произведениях, «уникальный образ окружающего мира в сознании человека» [Фещенко, 2005, с. 8].

В контексте нашего исследования концепт СЕВЕР исследуется как ХК, под которым мы понимаем «единицу сознания автора, синтез национального и индивидуального в авторской концептосфере, вербализованную в тексте одного или всех произведений творчества писателя» [Литвинова, 2009, с. 7]. Авторская ХКМ имеет сходные характеристики с мировосприятием своего этноса и представляет собой самобытный, индивидуальный вариант опыта восприятия [Фещенко 2005, с. 6].

Концепты не существуют сами по себе, они могут быть связаны между собой в рамках одной лингвокультуры / языковой личности, формируя тем самым концептосферу (далее — КСф) [Антология …, 2005]. А. Н. При-

ходько утверждает, что в когнитивной лингвистике принято говорить о КСф как о достоянии одной лингвокультуры [Приходько, 2013], тогда как выдвигаемая З. Д. Поповой теория определяет КСф как упорядоченную совокупность концептов в сознании человека [Попова, 2007] как представителя данной лингвокультуры. Таким образом концептосфера может быть национальной и индивидуальной, а в зависимости от ситуации может распадаться на подтипы (например, авторская концептосфера писателя). Кроме того, в последнее время многие исследователи, говоря о «тесном соотношении концепта и дискурса» [Кузнецова, 2005, с. 19] и о дискурсообразующих концептах [Алефиренко, 2004; Островская, 2013 и др.], выделяют и концептосферу дискурса.

3.1. Соотношение терминов *концепт СЕВЕР, северность, концептосфера арктического дискурса*

Концепт СЕВЕР является концептом, смысловое наполнение которого неоднозначно и многомерно. Анализ научной литературы показал, что он вмещает в себя достаточно большой объем разной информации и содержит признаки, выражающие специфику всего того, что связано с холодными областями земного шара. Рассмотрим кратко результаты исследований лингвистов, изучавших концепт СЕВЕР на разных материалах.

Ф. С. Андросова исследует концепт ХОТУ (‘север’) на материале результатов ассоциативного эксперимента среди носителей якутского языка, где в ядре оказались такие признаки, как ‘холод’, ‘олень’, ‘снег’, ‘северное сияние’, периферийная область представлена смысловыми группами ‘география’, ‘животный мир’, ‘человек’, ‘цвет’ [Андросова, 2018, с. 450]. В. М. Лютянский на материале «Северных рассказов» Джека Лондона объединяет концептуальные признаки концепта NORTH в микроконцепты «Northern People» (состоит в свою очередь из признаков ‘anthroponym’, ‘ethnos’, ‘language’, ‘activities’), «North», «Direction», «Phenomena of the North», «Northern Nature», «Life conditions» и т. д. [Лютянский, 2011, с. 10]. Д. Ф. Закирова на основе лексикографических источников русского и английского языков выявила, что в обоих языках лексема *север* содержит семы ‘направление’ и ‘местность’, а в русском языке прибавляется сема ‘территория с холодным климатом’ [Закирова, 2011, с. 37]. Н. К. Данилова, исследуя концепт СЕВЕР / ХОТУ в контексте ментальных представлений народа саха и долган, выявила, что ядро концепта представлено мифологемой *гора* (у северных якутов) и ментальной характеристикой «белое пространство бескрайней тундры» (у долган). Периферию концепта составила характеристика «территория идентичности», которая является «консолидирующим элементом этнолокальной группы северных якутов» [Данило-

ва, 2015, с. 121]. Д. Ф. Рахимова на материале оригинального и переводного варианта текстов романов Ф. Моуэта выявила, что концепт СЕВЕР репрезентируется через логемы «север как местность для исследования», «Север как источник жизни», «север как загадка», «север как уныние»» и т. д. [Рахимова, 2012, с. 19].

Д. Ф. Рахимова, упоминает также термин *северность*, значение которого представляет высокий научный интерес для ученых-гуманитариев. В ее исследовании не приводится объяснения тому, каким образом соотносятся термины *северность* и *концепт СЕВЕР*, но предполагается, что элемент 'северность' может входить в структуру концепта СЕВЕР.

Лингвистами предприняты попытки изучить концепт СЕВЕРНОСТЬ на материале франкоканадских текстов. Так, исследователями выделяются разные компоненты этого концепта, среди которых «определенные временные рамки зимнего периода, воздействие зимы на человека и на его деятельность, восприятие человеком зимы и холода» [Амелина, 2013, с. 144], «сезонная деятельность, пространственная локализация северных географических объектов, природные признаки зимы, природные и культурные ценности Севера» [Доржиева, 2008, с. 146]. Также «северность» в трудах ученых-гуманитариев [Головнев, 2022; Акимов, 2012; Максимова, 2012; Романова, 2021; Штаммлер-Госсман, 2013 и др.] выступает как важный элемент в осознании национальной идентичности. Таким образом, некоторые исследователи определяют «северность» как элемент национальной идентичности народов, населяющих Север и Арктику. Вслед за В. А. Тишковым под национальной идентичностью в данном исследовании понимается «государственно-территориальная, политико-правовая общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-нравственных характеристик» [Тишков, 2009, с. 108]. Подробнее рассмотрим труды, посвященные «северности» и концепту СЕВЕРНОСТЬ.

Концепт СЕВЕРНОСТЬ исследуется Г. С. Доржиевой на материалах региональной топонимии Квебека и представляет собой «важнейшую составляющую национальной канадской идентичности» [Доржиева 2008, с. 145]. В. Н. Матонин, рассуждая о Севере как «о социокультурном пространстве» и анализируя духовные и психологические аспекты русской культуры, также обращается к концепту СЕВЕРНОСТЬ [Матонин 2012, с. 35]. А. В. Головнев, предлагая признать «северность» ключевым элементом идентичности России и обосновывая идею о том, что Север является ее «естеством», понимает под *северностью* единство географии, климата, антропологии, этнографии, в центре которого находятся «люди — северянин-человек и северяне-народы» [Головнев 2022, с. 7]. Резюмируя различные интерпретации исследователей касательно данной концепции, можно

предположить, что на фоне активной глобализации для жителей Севера и Арктики «северность» может выступать фактором их идентичности и объединения.

В толковых словарях русского языка слово *северность* и его определение отсутствуют, но на основе изученных научных текстов российских исследователей можно предположить, что оно употребляется с целью обозначения особых параметров или свойств, присущих конкретному объекту или явлению, носящих северный / полярный / арктический характер. Данное слово заимствовано из трудов канадских исследователей, которые ввели в научный оборот термин *nordicité / nordicity* с целью выработки новой междисциплинарной методики в изучении Севера и Арктики Канады.

Устоявшийся во французском языке термин *nordicité* (досл. рус. *северность,* англ. *nordicity*) был разработан канадским ученым, географом Луи Эдмон Амленом (Louis-Edmond Hamelin). Содержание этого термина ученый представил в своей работе «La Nordicité canadienne» (досл. *Канадская северность*), откуда следует, что термин создан с целью обозначения «особых состояний и уровней полярности той или иной территории Северного полушария» [Hamelin, 1976]. Как уже говорилось выше, статус неологизма *nordicité* в лексиконе французского языка не вызывает сомнений. В толковом словаре «Larousse» приведено следующее определение термина: '*В Канаде, северный признак места или региона*' (*перевод наш*. — С. П.) [Larousse]. «Северность» стала одним из основных элементов канадской национальной идентичности [Акимов, 2012; Максимова, 2011; Hamelin, 1976]. Новаторская концепция Амлена положила начало развитию новой междисциплинарной парадигмы в области изучения канадского Севера и Арктики.

В книге «Северность России» А. В. Головнев моделирует «эскиз северности», сконструированный на основе следующих положений: «власть над собственной судьбой» (опыт жизни в экстремальных северных условиях), «край вольности» (Север как символ воли, надежды и свободы), «искусство движения» (движение как стратегия выживания на Севере), «единение с природой» (власть над своей жизнью северянин делит с природой; северянин существует в единстве с природой, он зависим от нее), «эстетика зимы» (влияние зимы на культуру), «страна чудес, богатств и героев» (Север притягивает путешественников и первооткрывателей, желающих найти богатства; Север как ресурсная база страны), «от безмолвия до поэзии» (безмолвие — отличительная черта северян и сущности Севера; поэзия и песня лучше передают образ и естество Севера), «открытая этничность» (готовность северян делиться своими материальными и культурными ценностями на безвозмездной основе), «ненавязчивое самосознание»

(«северность» способна укреплять иные самоопределения, оставаясь при этом ключевой особенностью северной идентичности) [Головнев, 2022, с. 388]. Совокупность положений в предлагаемом эскизе наиболее полно отражает специфику феномена «северности», где центральными элементами выступают человек-северянин и природа Севера.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что концепт СЕВЕР является одной из ключевых культурных констант и обладает своеобразием для Севера и Арктики как геокультурного и социокультурного пространства. Структура концепта может также включать такой компонент, как «северность», который может быть подвержен исследованию как часть концепта СЕВЕР.

Концепт СЕВЕР и концепт СЕВЕРНОСТЬ объективируются главным образом в текстах об Арктике и Севере и рассматриваются как базовые для северной / арктической лингвокультуры. Таким образом, вышеуказанные концепты справедливо можно считать элементами КСф арктического дискурса. Арктический дискурс является комплексным видом дискурса, он представлен совокупностью различных текстов культуры об Арктике и Севере, в том числе невербальных (живопись, танцы, обряды и т. д.). КСф арктического дискурса представляет собой «совокупность концептов, понятий и образов, составляющих фрагмент концептосферы как лингвокультуры, так и отдельной личности, отраженный в когнитивно-семантическом и социально-культурном пространстве арктического дискурса» [Мельничук и др., 2022, с. 118].

3.2. Репрезентация художественного концепта СЕВЕР в стихотворениях В. Г. Кеулькута

ХК СЕВЕР, воплощенный в стихотворениях В. Кеулькута, объективируется главным образом существительными *снег (38 слов), ветер (26), солнце (22), море (14), тундра (14), охотник / охота (15),* а также другими маркерами, относящимися к этим существительным. Отобранные методом сплошной выборки маркеры (общая сумма маркеров составила 540 ед.) были распределены по лексико-тематическим группам (далее — ЛТГ) «Промысел» (187 маркеров), «Холод» (103), «Фауна» (77), «Ландшафт» (42), «Климат» (42), «Море» (32), «Дом» (27), «Тундра» (18) и «Флора» (12). Распределение маркеров по ЛТГ проводилось по признакам семантической и тематической близости / схожести.

ЛТГ «Промысел» представлена ключевыми словами *охотник*, *охота*, *охотиться,* а также *пастух*. Имя ЛТГ выбрано с целью обозначить «промысловые занятия населения» Чукотки и «промысловую охоту» коренных жителей Чукотки [БТСРЯ].

Сезонная деятельность (в том числе охотничий промысел и рыболовство) человека на Севере является одним из признаков концепта СЕВЕРНОСТЬ [Доржиева, 2008]. Выявлено, что значительная часть маркеров связана с морской охотой (*море наградит добычей*, *рыбацкие сети, зверобои, мотор вельбота, бьет без промаха моржа, забрасываю сеть, подстрелил лахтака* и др.) и с охотой на суше / оленеводством (*оленей подозвал, пастух, гнал оленей, шкуры сушит, капканы, гонит стадо оленевод, мчат олени, пастух — зорко охраняет стадо* и т. д.). В стихотворениях промысловая деятельность представлена как неотъемлемая часть жизни народов Чукотки. Охотник / оленевод в стихотворениях автора постоянно находится в движении, которое выражается при помощи глаголов движения и действия (23 маркера) (например, *легкой рысью едет, пастух спешит собраться, обходит стадо, грузит нарты, собак запрягает, идет пастух, мчится байдара, упряжкой ловко правит* и т. д.). Согласно А. В. Головневу, движение является одним из ключевых условий жизни на Севере: «Стратегия контроля над большим пространством, основанная на высокой мобильности, свойственна всем северным сообществам, включая скандинавов, новгородцев, поморов, северных пермян, самодийцев, тунгусов, чукчей, эскимосов и др. Северянин уязвим в статике, но благополучен в динамике» [Головнев 2022, с. 390]. В стихотворениях также выделены маркеры (50 маркеров), обозначающие инвентарь или транспорт промысловиков (например, *мотор вельбота, нарты, упряжь, рыбацкие сети, порох, двустволка, вельбот, весла, оружье, лодка, байдара, полозья, капкан* и т. д.). Маркеров, обозначающих самих промысловиков, выделено 26 единиц (например, *охотники, пастух, зверобои, рулевой, впередсмотрящий, оленевод, лыжник, наездник*).

В ЛТГ «Промысел» также размещены маркеры, описывающие образ человека или его деятельность, чаще связанную с промыслом на суше и море. В ЛТГ входят и маркеры, обозначающие народы, населяющие Чукотку и занимающиеся промысловой деятельностью (например, *чукча молодой, молодой эвен)*; маркеры, характеризующие охотников и северян (население Чукотки: *смелых море наградит, покорной и послушной, опытен… руки крепки, молчит все время, привычным (к холоду) к такому людям, голова лихая, молодой народ, не боится стужи, нипочем ей дождь и стужа*). В рамках данной ЛТГ в стихотворениях также используется сравнение: *спит…как медведь в берлоге, он мчится словно птица, птицей летит, он мчался быстрей…чем волк одинокий, я словно чайка, ныряет он…не хуже белька*. Сравнение человека с животными в творчестве Кеулькута связано с идеей единства и неразрывной связи с природой, так как животные являются неотъемлемой частью экосистемы природы. Опыт взаимодействия

человека с животными формирует в сознании первого определенные представления и, порождая ассоциации, объективируется в речи как образное сравнение [Кубасова, 2006, с. 76].

ЛТГ «Холод» представлена ключевым словом *снег* (38), а также маркерами, служащими для обозначения явлений природы, связанных с холодом (например, *льдинки, пурга, поземка, мороз, лед, холод, стужа, буран, снежинки* и т. д.). Холод в стихотворениях характеризуется как жгучий, жесткий, безжалостный, злой (например, *злые ветры, морозно у нас зимою, ох и жгуч мороз, собачий холод* и т. д.). В рамках данной ЛТГ выделяются такие тропы, как сравнение, олицетворение, метафора и эпитет. Приведем самые яркие примеры: сравнение: *холодна как лед*, *снег… бисером искрится*, *примчалась (зима) как олень*, *снежный ветер… как наездник, в сугробе белом как вата, снежинки-звезды* и т. д.; олицетворение: *стужа злее, злые ветры, льдинки…задрожали, в страхе мечется поземка, старуха-зима колдует, холода пришли, разгулялись вьюги, зима идет* и т. д.; метафора: *безжалостно жжет мороз, мороз бросает в дрожь, безудержно ветер дует…пронимая зверей до слез, зима ли снежная скрипит, дни холодные сочтены,* и т. д.; эпитет: *робкий…лед, мороз седой, пушистый снег, жестком морозе, холод собачий, снежным скрипом* и т. д.

К ЛТГ «Фауна» (морские обитатели (в том числе рыбы), сухопутные животные, пернатые, а также насекомые) и «Флора» (например, *мох, морошка, ягоды, грибы, кустарники*) отнесены маркеры, представляющие в стихотворениях флору и фауну чукотской природы. В основном животные в стихотворениях Кеулькута появляются в сценах промысловой деятельности: *оленей подозвал, мчится…на олешка быстрых, хлещут выстрелы. Пули свищут…убегают по льду моржи, за появившимся бельком следит из-за тороса, нерпа в сети заплыла, вылетевшая куропатка напугала сильно его(охотника)* и др. Автором описываются мельчайшие подробности жизни в летней тундре, к которым можно отнести, например, насекомых (например, *комары, слепни, мухи*). Комары / слепни / мухи создают невыносимые условия для оленеводов и оленей (*звенят комары и кусают без устали*, *одолели комары и дышать оленям трудно* и др.). Внимание, уделенное автором подобным деталям (растениям и насекомым), способствует более глубокому пониманию сурового характера чукотской природы.

ЛТГ «Климат» и «Ландшафт» представлены ключевыми словами *солнце* (22), *ветер* (26), *гора* (15), *река* (14), *дождь* (8). Совокупность этих ЛТГ составляет базовую информацию для описания природы Чукотки и её характера. Примечательно, что образ зимы присутствует в стихотворениях чаще, чем лето, весна или осень. Упоминание лета встречается только в трех стихотворениях, весна встречается четыре раза, а осень только один

раз. Это связано с тем, что лето в арктическом регионе намного короче зимы: на Чукотке лето длится всего четыре месяца. В стихотворениях солнце выступает как источник света и тепла в зимнее время (*обнимет солнце... отогреет и развеет грусть и прогонит прочь мороз и тьму, только солнца он(снег) боится, ясное солнышко, солнышко взошло, стужа злее, но солнце ярче*). Летнее солнце автором характеризуется чаще с негативной стороны (*беспощадно солнце жжет, солнце с небосвода беспощадно спины жжет, -какое чудо! -лишь оно(солнце) скатилось вниз*). Автор часто использует прием персонификации с целью придать природе образ живой сущности, с которой лирический герой имеет некую связь и может вступать в диалог, обращаясь к ней (например, *бродяга-ветер*, *озорная, что девчонка говорливая речонка, не беснуйся ветер, солнце… развеет грусть и прогонит прочь мороз, любит злые песни петь наша быстрая река, погода…не бездельничает летом*). Как и в культуре многих других народов, у северян природа часто имеет сакральный смысл — большинство элементов природы наделены душой и чувством. Природа для северянина является началом начал и дает не только жизнь, но и средства для жизни, такие как, например, пища и одежда. В творчестве Кеулькута одно из центральных место занимают образ моря и тундры: именно там человек (зверобои, пастухи, охотники) добывает себе пищу.

ЛТГ «Море» представлено ключевыми словами *море* (16), *шторм* (7), *волна* (8), *берег* (6) и другими маркерами, описывающими состояние моря. Море в стихотворениях Кеулькута характеризуется как бурное, со штормами и огромными волнами, с которыми борются морские зверобои. Море в стихотворениях Кеулькута обладает характеристиками, которые присущи диким животным. Эти характеристики выражены олицетворениями: *бьют валы… с истошным визгом, волны… плюются пеной, буря страшная ревет;* эпитетами: *бурное море, прибой гневный*. Беспокойный и непредсказуемый характер море чаще выражен глаголами: *бушует, вдруг начнется шторм, пеной сверкают, воды кипят, буря крепчает.*

ЛТГ «Тундра» содержит наименьшее количество маркеров и представлена ключевым словом *тундра* (13). Тундра является источником питания для оленей, которые дают жителям Севера одежду, пищу, транспорт, жилище и материалы для бытовой утвари. Также ЛТГ «Тундра» содержит маркеры, описывающие природу тундры и её характер. Кеулькут описывает тундру как тихое (*тихо в тундре на рассвете, тихо в тундре*), бескрайнее (*необъятная тундра наша*, *тундра-море*) и живое пространство (*тундра-северянка славит солнечный восход, тундра — в полусне, тундра…отозвалась — вся она заговорила, пеньем, свистом залилась, задыхаясь от жары … день проводит тундра*).

Имя ЛТГ «Дом» выбрано как семантически емкое, так как оно представлено семами «жилое помещение» *(домой возвратился, явился в дом, в своей яранге, на крылечке, вышел из дому, спешит домой, летит домой, дом его рядом, возвращаемся домой и т.д.)* и «родина» *(наших берегов, у нас на Чукотке, морозно у нас зимою, тундру нашу, у нас, ни весны мол здесь ни лета, есть место краше)*. В лексикографических источниках слово *дом* имеет несколько толкований, рассмотрим наиболее продуктивные для исследования толкования: 1. «Здание, строение, предназначенное для жилья» (сема ‘жилое помещение’); 2. «о месте, где живут люди, объединенными общими условиями, общими интересами и т. п. пример: *Родина — наш общий дом*» (сема ‘родина’) [БТСРЯ, с. 272]; «домом человек называет страну, территорию и т. п., где он живёт и которую считает для себя дорогой» (сема ‘родина’) [ТСРЯ, с. 291]. Притяжательные местоимения (например, *реки наши рыбой богаты, необъятная тундра наша, летнюю тундру зеленую нашу, наша быстрая река*) дополняют значение ‘родина’.

Образ малой родины в оппозиции взглядов «свой / чужой» представлен в стихотворении «Это неправда!». Автор рассуждает о созданном извне образе Чукотки, которая носит исключительно негативный и искаженный характер (*от людей я слышал, что у нас не житье, а горе…*). Этот образ, очевидно, является поверхностным и не учитывает внутреннее восприятие коренных жителей, постоянно проживающих на этой территории. Север, по мнению Д. Шартье, является «результатом двойного восприятия: извне и изнутри (северные культуры)» [Шартье 2016, с. 21]. Размышляя об истинном образе своей родины (*Да, бывает пурга, не скрою, И нередко бушует море, И морозно у нас зимою. Только ж это — совсем не горе…*) [Кеулькут, 1966, с. 16], автор называет себя «сыном Чукотки» и, таким образом, идентифицирует себя как представителя северной культуры:

Вы спросите Чукотки сына, —
Я отвечу:
— Неправда это! [Там же].

Предполагается, что в данном случае «северность» играет определяющую роль в выражении национальной идентичности автора. Национальная сущность писателя реализуется в художественном тексте посредством изображения национальных образов [Эминова, 2012, с. 280], к которым наряду с изображением традиционного промысла относится и образ малой родины, воплощенный в ЛТГ «Дом».

На основе проведенного исследования была построена следующая модель ХК СЕВЕР в стихотворениях В. Г. Кеулькута: ядро концепта составила ЛТГ «Промысел» (187 маркеров), в приядерной зоне расположилась ЛТГ «Холод» (103 маркера), ближняя периферия содержит ЛТГ «Фауна»,

«Ландшафт» и «Климат», а дальняя периферия представлена ЛТГ «Море», «Дом» и «Тундра». ЛТГ «Дом» содержит дополнительный компонент «северность», который может быть выделен как отдельная часть в структуре исследуемого концепта.

Графически модель концепта можно представить следующим образом (рис. 1):

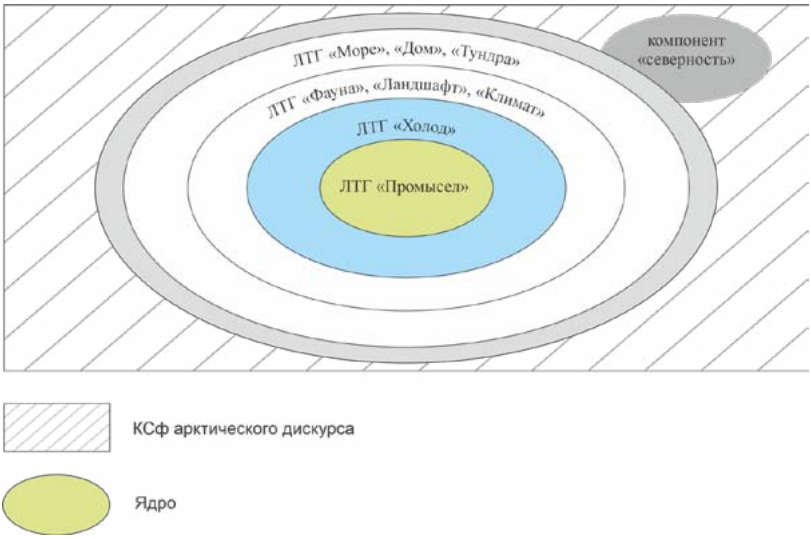


Рис. 1. Модель и структура художественного концепта СЕВЕР в стихотворениях В. Г. Кеулькута

4. Заключение = Conclusions

Изучение художественных произведений с применением методов когнитивной лингвистики является эффективным способом понимания картины мира определенного народа и творческой позиции личности. Изучение художественных картин мира имеет особое значение, так как индивидуализированная речь более гибкая, она способна быстрее адаптироваться к изменениям в языковой и социально-культурной среде. Анализ авторских текстов предоставляет возможность рассмотреть материал с другой стороны и создает основу для сравнительного анализа общенациональных и индивидуальных компонентов концепта.

Особый интерес представляют *художественные концепты*, реализуемые, как следует из их названия, в художественных произведениях, а их совокупность образует авторскую художественную картину мира. Совокупность когнитивных признаков концепта СЕВЕР представляет собой

комплексную информацию о северной лингвокультуре, к которой принадлежит чукотский поэт В. Г. Кеулькут.

Таким образом, основными когнитивными признаками ХК СЕВЕР в художественной картине мира В. Г. Кеулькута являются следующие: промысловая деятельность населения Чукотки (ЛТГ «Промысел» 187 маркеров), природные и климатические явления, связанные с холодом (ЛТГ «Холод» (103), «Фауна» (77), «Ландшафт» (42), «Климат» (42)).

В творчестве Кеулькута образ Севера воплощен через призму индивидуально-авторского восприятия и имеет в целом положительные характеристики. Север для Кеулькута — это дом (малая родина), образ которого представлен населением Чукотки, людьми, занимающимися традиционным промыслом. Кроме того, образ дома определяется в творчестве чукотского поэта климатическими явлениями, связанными с холодом, а также расширяется образами тундры и моря.

При создании образа природы Чукотки (ЛТГ «Холод», «Ландшафт», «Климат») автором использованы такие тропы, как сравнение, олицетворение (персонификация), метафора и эпитет. Функция тропов в поэзии Кеулькута заключается в том, что они служат для автора средством установления связи с природой, общения с ней. Использованные автором тропы «насыщают» художественный текст и тем самым обогащают чувственный образ художественного концепта.

Также важную роль в подробном и полном описании природы играют образы ее обитателей, растительности, ландшафта и климата (ЛТГ «Фауна», «Флора», «Ландшафт» и «Климат»). Море и тундра в стихотворениях Кеулькута являются неотъемлемой частью природы Чукотки (ЛТГ «Море» и «Тундра»), которые при помощи такого тропа, как олицетворение, предстают как одушевленная сущность, обладающая характеристиками, присущими животному (*буря страшная ревет*) или человеку (*тундра…отозвалась — вся она заговорила, пеньем, свистом залилась*).

Стихотворение «Это неправда!» выражает трепетное отношение Кеулькута к своей малой родине. Если для других на Чукотке «*не житье, а горе*», то для него это родной дом, помогающие жить промыслы и красота природы. Авторская позиция такова, что его мнение, он верит, разделят все, кто когда-либо побывал на Чукотке (*плохим словам не поверит, Тот кто жил у нас на Чукотке!*).

Особый интерес для нашего исследования представил выделенный в рамках ЛТГ «Дом» компонент «северность» (идентичность северян), который может быть отличительной особенностью северной лингвокультуры. Также вышеназванный компонент выделяется в ЛТГ «Промысел», где выражает признаки «промысловой деятельности» охотников Севера.

Термин *северность* был впервые разработан канадским географом Л. Э. Амленом с целью определения особых состояний, характерных для арктических / северных территорий Канады. На данный момент инструментарий исследования «северности» значительно расширился благодаря ученым-гуманитариям, изучающим это явление с позиции культурологии, истории и лингвистики в том числе.

Представляется интересным провести исследование концепта ХК СЕВЕР на материале художественных произведений других писателей Севера и Арктики с целью выявления большего количества компонентов и признаков концепта. Также представляется перспективным изучение концепта СЕВЕРНОСТЬ на большем количестве фактического материала (на данный момент обнаружено только две статьи, посвященные изучению концепта СЕВЕРНОСТЬ на франкоязычном материале). Таким образом, определение содержания концепта СЕВЕРНОСТЬ позволило бы уточнить корреляции концептов СЕВЕР и СЕВЕРНОСТЬ в концептосфере арктического дискурса.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

2. *Кеулькут В. Г.* Солнце над Чукоткой : сборник стихов / В. Г. Кеулькут. — Москва : Издательство Советская Россия, 1966. — 111 с.

3. Музейный центр — *Первый* поэт Чукотки. Музейный центр «Наследие Чукотки» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.chukotka—museum.ru/poster/pervyy—poet—chukotki (дата обращения 21.05.2023).

4. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка / Д. В. Дмитриев. — Москва : Астрель, 2003. — 1578 с. — ISBN 5170176767.

5. Larousse — Nordicité — *Larousse* de la langue française [Electronic resource]. — Access mode : https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/nordicit%C3%A9/54976 (accessed 23.05.2023).

Литература

1. *Акимов Ю. Г.* «Истинный север, сильный и свободный» : фактор северности в формировании канадской национальной идентичности» / Ю. Г. Акимов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2012. — № 1. — С. 197—201.

2. *Алефиренко Н. Ф.* Этноэйдемический концепт и внутренняя форма языкового знака / Н. Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 70—81.

3. *Амелина М. Н.* Концепт «Северность» и его компоненты / М. Н. Амелина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 2. — С. 144.

4. *Андросова Ф. С.* Языковая репрезентация концепта “хоту” в языковом сознании носителей якутского языка / Ф. С. Андросова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 6 (73). — С. 449—451.

5. *Антология* концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Т. 1. — 352 с. — ISBN 5-89395-236-9.

6. *Головнёв А. В.* Северность России / А. В. Головнёв. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2022. — 450 с. — ISBN 978-5-88431-408-5.

7. *Данилова Н. К.* Концепт «Север/хоту» в представлениях народа саха и долган / Н. К. Данилова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2015. — № 2 (5). — С. 121—126.

8. *Доржиева Г. С.* Концепт «СЕВЕРНОСТЬ» в региональной топонимии Квебека / Г. С. Доржиева // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 1. — С. 145—156.

9. *Закирова Д. Ф.* Концепты север / north и их лексикографическая репрезентация / Д. Ф. Закирова // Известия ВГПУ. — 2011. — № 7. — С. 33—37.

10. *Кубасова А. О.* Образные сравнения человека с животными в румынском языке в свете понятия «Ассоциативная валентность» / А. О. Кубасова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2006. — № 4. — С. 76—85.

11. *Кузнецова В. В.* Реализация принципа корпоративности в английском групповом профессиональном дискурсе : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. В. Кузнецова. — Иркутск, 2005. — 22 с.

12. *Литвинова В. В.* Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Бредбери : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / В. В. Литвинова. — Волгоград, 2009. — 4 с.

13. *Лютянский В. М.* Концепт «North» в «Северных рассказах» Джека Лондона : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. М. Лютянский. — Белгород, 2011. — 27 с.

14. *Максимова Д. Д.* Проблемы освоения северных регионов и Арктики во внешней политике Канады : автореферат диссертации … кандидата политических наук : 23.00.04 / Д. Д. Максимова. — Москва, 2011. — 3 с.

15. *Максимова Д. Д.* Север как неотъемлемая часть канадской идентичности / Д. Д. Максимова // Первая Таймырская музейная Интернет-конференция (ТМИК) с международным участием : сферы взаимодействия Таймырского краеведческого музея : традиции, современность, новации [отв. ред. Л. А. Чурилова]. — Дудинка : [б. и.], 2012. — С. 79—82.

16. *Максимова Д. Д.* Север и Арктика в политике и хозяйстве Канады / Д. Д. Максимова, В. И. Соколов. — Москва : ИСКРАН, 2015. — 138 с. — ISBN 978-5-94652-487-2.

17. *Матонин В. Н.* «Северность» русской культуры / В. Н. Матонин // ИСОМ. — 2012. — № 5. — С. 35—36.

18. *Мельничук О. А.* «Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»? / О. А. Мельничук, С. С. Павлов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 106—130. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130.

19. *Островская Т. А.* Дискурсообразующие концепты дискурса элиты / Т. А. Островская // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2013. — № 3 (126). — С. 83—89.

20. *Попова З. Д.* Семантико-когнитивный поход как направление когнитивной лингвистики / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Vita in lingua : К юбилею профессора С. Г. Вор-

качева : сб. ст. ; отв. ред. В. И. Карасик. — Краснодар : Атриум, 2007. — С. 171—180. — ISBN 978-5-17-045103-6.

21. *Приходько А. Н.* Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. — Днепропетровск : Белая Е. А., 2013. — 307 с. — ISBN 978-617-645-094-8.

22. *Рахимова Д. Ф.* Языковая репрезентация концепта NORTH/СЕВЕР в оригиналах и переводах романов Фарли Моуэта : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.20 / Д. Ф. Рахимова. — Казань, 2012. — 22 с.

23. *Романова Е. Н.* Модус многодорожья в жизненной стратегии коренных малочисленных народов Якутии / Е. Н. Романова // Уральский исторический вестник. — 2021. — № 2 (71). — С. 118—126. — DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-118-126.

24. *Сергеева Е. В.* Репрезентация художественного концепта «холод» в поэзии А. Блока / Е. В. Сергеева, Т. В. Губернская // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2021. — № 6 (105). — С. 87—99. — DOI: 10.23859/1994-0637-2021-6-105-8.

25. *Стернин И. А.* Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 65—69.

26. *Стернин И. А.* Может ли лингвист моделировать структуру концепта? / И. А. Стернин // Когнитивная семантика : Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. 11—14 сент. 2000 г. В 2 ч. — Тамбов : Издательство ТГУ, 2000. — Ч. 2. — С. 13—17.

27. *Тишков В. А.* Национальная идентичность (о смысле дебатов) / В. А. Тишков // Вестник Российской нации. — 2009. — № 1. — С. 107—117.

28. *Тотонова Е. Е.* Анализ методов районирования и зонирования северных территорий (на примере Канады) / Е. Е. Тотонова // Арктика. XX век. Гуманитарные науки. — Якутск : ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова». 2016. — 101 с. — ISBN 978-5-7513-2920-4.

29. *Фещенко О. А.* Концепт ДОМ в художественной картине мира М. И. Цветаевой (на материале прозаических текстов) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. А. Фещенко. — Новосибирск, 2005. — 5 с.

30. *Шартье Д.* Что такое «Воображаемый Север» / Д. Шартье // Этнографическое обозрение : Геокультурное пространство Арктики : генезис, формирование и развитие. — 2016. — № 4. — С. 20—29.

31. *Штаммлер-Госсман А.* Что такое Север? Концепция российского пространства / А. Штаммлер-Госсман // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2013. — № 1 (1). — С. 30—52.

32. *Эминова С.* Национальная самобытность в литературном творчестве / С. Эминова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2012. — № 3—1. — С. 280—284.

33. *Hamelin Louis-Edmond*. Nordicité canadienne / Louis-Edmond Hamelin // Norois. — Montréal : Hurtubise HMH, Octobre—Décembre 1976. — Pp. 632—634.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

Material resources

BTSRYA — *A large explanatory dictionary of the Russian.* (2000). St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Keulkut, V. G. (1966). *The sun over Chukotka: a collection of poems*. Moscow: Publishing house Soviet Russia. 111 p. (In Russ.).

Larousse—Nordicité — *Larousse de la langue française.* Available at: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/nordicit%C3%A9/54976 (accessed 23.05.2023). (In Frenc.).

Museum Center — *The first poet of Chukotka. Museum Center "Heritage of Chukotka"*. Available at: http://www.chukotka-museum.ru/poster/pervyy-poet-chukotki (accessed 21.05.2023). (In Russ.).

TSRYA — *Explanatory Dictionary of the Russian.* (2003). Moscow: Astrel. 1578 p. ISBN 5170176767. (In Russ.).

References

Akimov, Yu. G. (2012). The true North, strong and free": the factor of the North in the formation of Canadian national identity. *Society. Wednesday. Development (Terra Humana), 1*: 197—201. (In Russ.).

Alefirenko, N. F. (2004). Ethnoedemic concept and internal form of a linguistic sign. *Questions of cognitive linguistics, 1:* 70—81. (In Russ.).

Amelina, M. N. (2003). The concept of "Northernness" and its components. *Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 2:* P. 144. (In Russ.).

Androsova, F. S. (2018). Linguistic representation of the concept of "hotu" in the linguistic consciousness of native speakers of the Yakut language. *The world of science, culture, education, 6 (73):* 449—451. (In Russ.).

Anthology of concepts, 1. (2005). Volgograd: Paradigm. 352 p. ISBN 5-89395-236-9. (In Russ.).

Chartier, D. (2016). What is the "Imaginary North". *Ethnographic review: Geocultural space of the Arctic: genesis, formation and development, 4:* 20—29. (In Russ.).

Danilova, N. K. (2015). The concept of "North/ Hotu" in the representations of the Sakha and Dolgan people. *Arctic XXI century. Humanities, 2 (5):* 121—126. (In Russ.).

Dorzhieva, G. S. (2008). The concept of "NORTHERNNESS" in the regional toponymy of Quebec. *Bulletin of Moscow State University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 1:* 145—156. (In Russ.).

Eminova, S. (2012). National identity in literary creativity. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences, 3—1:* 280—284. (In Russ.).

Feshchenko, O. A. (2005). *The concept of a HOUSE in the artistic picture of the world by M. I. Tsvetaeva (based on prose texts).* Author's abstract of PhD Diss. Novosibirsk. 5 p. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2022). *The Northernness of Russia.* Saint Petersburg: MAE RAS. 450 p. ISBN 978-5-88431-408-5. (In Russ.).

Hamelin Louis-Edmond. (1976). Nordicité Canadienne. In: *Norois.* Montréal: Hurtubise HMH, Octobre—Décembre. 632—634.

Kubasova, A. O. (2006). Figurative comparisons of man with animals in the Romanian language in the light of the concept of "Associative valence". *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature, 4:* 76—85. (In Russ.).

Kuznetsova, V. V. (2005). *Implementation of the principle of corporatism in English group professional discourse.* Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 22 p. (In Russ.).

Litvinova, V. V. (2009). *Individual author's concepts in the structure of Ray Bradbury's artistic world.* Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 4 p. (In Russ.).

Lyutyansky, V. M. (2011). *The concept of "North" in Jack London's "Northern Stories".* Author's abstract of PhD Diss. Belgorod. 27 p. (In Russ.).

Maksimova, D. D. (2012). North as an integral part of Canadian identity. In: *The first Taimyr Museum Internet Conference (TMIC) with international participation: Spheres of interaction of the Taimyr Museum of Local Lore: traditions, modernity, innovations.* Dudinka: [b. i.]. 79—82. (In Russ.).

Maksimova, D. D. (2011). *Problems of development of the northern regions and the Arctic in Canada's foreign policy.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 3 p. (In Russ.).

Maksimova, D. D., Sokolov, V. I. (2015). *The North and the Arctic in politics and economy of Canada.* Moscow: ISKRAN. 138 p. ISBN 978-5-94652-487-2. (In Russ.).

Matonin, V. N. (2012). "The North" of Russian culture. *ISOM, 5:* 35—36. (In Russ.).

Melnichuk, O. A., Pavlov, S. S. (2022). 'Nordicity', 'Imagined North' or 'Concept Sphere of Arctic Discourse'? *Nauchnyi dialog, 11 (4):* 106—130. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130 (In Russ.).

Ostrovskaya, T. A. (2013). Discursive concepts of elite discourse. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History, 3 (126):* 83—89. (In Russ.).

Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). Semantic-cognitive approach as a direction of cognitive linguistics. In: *Vita in lingua.* Krasnodar: Atrium. 171—180. ISBN 978-5-17-045103-6. (In Russ.).

Prikhodko, A. N. (2013). *Concepts and conceptual systems.* Dnepropetrovsk: Belaya E. A. 307 p. ISBN 978-617-645-094-8. (In Russ.).

Rakhimova, D. F. (2012). *Linguistic representation of the concept of NORTH/THE NORTH in the originals and translations of Farley Mowat's novels.* Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 22 p. (In Russ.).

Romanova, E. N. (2021). The mode of multi-roads in the life strategy of the indigenous small peoples of Yakutia. *Ural Historical Bulletin, 2 (71):* 118—126. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-118-126. (In Russ.).

Sergeeva, E. V., Gubernskaya, T. V. (2021). Representation of the artistic concept "cold" in the poetry of A. Blok. *Bulletin of Cherepovets State University, 6 (105):* 87—99. DOI: 10.23859/1994-0637-2021-6-105-8. (In Russ.).

Stammler-Gossman, A. (2013). What is the North? The concept of the Russian space. Arctic XXI century. *Humanities, 1 (1):* 30—52. (In Russ.).

Sternin, I. A. (2000). Can a linguist model the structure of a concept? In: *Cognitive semantics: Materials of the Second International School-Seminar on Cognitive Linguistics. 11—14 Sept. 2000 At 2 o'clock, 2.* Tambov: TSU Publishing House. 13—17. (In Russ.).

Sternin, I. A. (2004). Cognitive interpretation in linguocognitive studies. *Questions of cognitive linguistics, 1:* 65—69. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2009). National identity (on the meaning of debates). *Bulletin of the Russian Nation, 1:* 107—117. (In Russ.).

Totonova, E. E. (2016). Analysis of methods of zoning and zoning of northern territories (on the example of Canada). In: *Arctic. XX century. Humanities.* Yakutsk: North-Eastern

Federal University named after M. K. Ammosov. 101 p. ISBN 978-5-7513-2920-4. (In Russ.).

Zakirova, D. F. (2011). Concepts of north / north and their lexicographic representation. *News of the VSPU, 7:* 33—37. (In Russ.).

The article was submitted 04.05.2023;
approved after reviewing 14.06.2023;
accepted for publication 22.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Рабенко Т. Г. Речевой жанр «напоминание» в аспекте дискурсивной обусловленности его признаков (на материале виртуального педагогического дискурса) / Т. Г. Рабенко, Э. С. Денисова, А. Д. Чардынцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 114—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-114-134.

Rabenko, T. G., Denisova, E. S., Chardyntseva, A. D. (2023). Speech Genre of Reminder and Discursive Conditioning of its Features in Virtual Pedagogical Discourse. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 114-134. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-114-134. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-114-134

Речевой жанр «напоминание» в аспекте дискурсивной обусловленности его признаков (на материале виртуального педагогического дискурса)

Рабенко Татьяна Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-3434-8542
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
стилистики и риторики
tat.rabenko@yandex.ru

Денисова Эльвира Степановна *
orcid.org/0000-0003-4591-6576
кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики и риторики,
**** корреспондирующий автор***
elvdenisova@yandex.ru

Чардынцева Алена Дмитриевна
orcid.org/0009-0000-7798-6742
магистрант кафедры
стилистики и риторики
alyonachardyntseva@gmail.com

[1] Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

Speech Genre of Reminder and Discursive Conditioning of its Features in Virtual Pedagogical Discourse

Tatyana G. Rabenko
orcid.org/0000-0003-3434-8542
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of Department
of Stylistics and Rhetoric
tat.rabenko@yandex.ru

Elvira S. Denisova *
orcid.org/0000-0003-4591-6576
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Stylistics and Rhetoric,
**** Corresponding author***
elvdenisova@yandex.ru

Alena D. Chardyntseva
orcid.org/0009-0000-7798-6742
Master's degree student, Department
of Stylistics and Rhetoric
alyonachardyntseva@gmail.com

[1] Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

© Рабенко Т. Г., Денисова Э. С., Чардынцева А. Д., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются жанрообразующие признаки речевого жанра «напоминание», реализованного в виртуальном педагогическом дискурсе. Актуальность исследования определяется его включенностью в проблематику современной дискурсологии (в связи с решением проблемы дискурсивной обусловленности жанра) и виртуальной педагогики (в условиях вовлечения в информационно-образовательную среду компьютерных технологий как средства и платформы обучения). С опорой на анкету речевого жанра Т. В. Шмелевой описаны жанровые признаки речевого высказывания «напоминание» с учетом их детерминации коммуникативно-прагматическими условиями виртуальной педагогической коммуникации. Установлено, что к инвариантным признакам жанра относятся (1) коммуникативная цель, связанная с необходимостью актуализировать в сознании адресата некоторые известные ему знания, и (2) наличие языковых маркеров — синтаксических конструкций, моделируемых глаголами *напоминать, помнить, не забыть*. Дискурсивная обусловленность жанра проявляется на уровне его диктумного содержания (сферы педагогического общения, объединенные семантическим полем «Обучение»), участников коммуникации (статусно-ориентированные роли участников коммуникации) и тех субстанциональных характеристик, которые детерминированы электронным носителем информации (прикрепление медиафайлов, интерактивность коммуникации).

Ключевые слова:
дискурсология; речевой жанр; жанроведение; педагогическая коммуникация; виртуальный педагогический дискурс; напоминание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the genre-defining features of the speech genre “reminder” in virtual pedagogical discourse. The relevance of the research is determined by its inclusion in the problems of modern discourse studies (the problem of discursive conditioning of the genre) and virtual pedagogy (the involving of computer technologies as a means and platform for learning in the information-educational environment). Based on T. V. Shmeleva’s genre survey, the genre features of the speech act “reminder” are described, taking into account their determination by communicative-pragmatic conditions in virtual pedagogical communication. It is established that invariant features of the genre include (1) a communicative goal, which is related to the need to activate the addressee’s existing knowledge, and (2) the presence of language markers — syntactic constructions modeled by verbs remind, remember, and don’t forget. The discursive conditioning of the genre is manifested at the level of its dictum content (the sphere of pedagogical communication united by the semantic field “Teaching”), participants in communication (status-oriented roles of communication participants), and those substantial characteristics that are determined by the electronic information carrier (attachment of media files, communication interactivity).

Key words:
discourse studies; speech genre; genre studies; pedagogical communication; virtual pedagogical discourse; reminder.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1'42

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Речевой жанр «напоминание» в аспекте дискурсивной обусловленности его признаков (на материале виртуального педагогического дискурса)

© Рабенко Т. Г., Денисова Э. С., Чардынцева А. Д., 2023

1. Введение = Introduction

Настоящая работа посвящена рассмотрению жанрообразующих признаков речевого жанра (далее РЖ) «напоминание», реализованного в виртуальном педагогическом дискурсе. Актуальность исследования определяется его включенностью в проблематику ***современной дискурсологии*** в той ее части, которая сопрягается с решением проблемы дискурсивной обусловленности РЖ, и ***виртуальной педагогики***, связанной с вовлечением в информационно-образовательную среду компьютерных технологий как средства и платформы обучения.

Научная новизна исследования определяется полученными результатами. РЖ «напоминание» впервые рассмотрен в жанровом пространстве виртуального педагогического дискурса. На основе анкеты РЖ Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1990] изучены жанровые признаки РЖ «напоминание» с учетом их детерминации коммуникативно-прагматическими условиями виртуальной педагогической коммуникации.

Актуализируя идею М. М. Бахтина о том, что «каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы высказываний, <называемые> речевыми жанрами» [Бахтин, 1979, с. 237], мы исходим из признания коррелятивной зависимости между видом дискурса и жанровым воплощением текста: речежанровая реализация текста детерминирована коммуникативно-прагматическими факторами соответствующего дискурса. Каждый РЖ имеет свою типовую модель, структурируемую рядом признаков при доминировании признака коммуникативной цели [Шмелева, 1990]. Однако воплощение одного и того же РЖ в разных видах дискурса характеризуется вариативностью, обусловленной воздействием на текст дискурсивных условий реализации РЖ [Рабенко, 2017]. Конститутивные признаки дискурса (участники коммуникации, их статусно-ролевые отношения, пространственно-временные условия коммуникации) определенным образом воздействуют на дискурсивную интерпретацию

РЖ. По утверждению Ц. Тодорова, «языковые правила, обязательные для всех носителей языка, — это лишь часть правил, управляющих производством конкретной речевой продукции; их существенно дополняют, с одной стороны, правила, присущие каждому дискурсу в отдельности <…>, а с другой — ограничения, которые накладывает ситуация высказывания: личность адресанта и адресата, условия места и времени, в которых возникает высказывание» [Тодоров, 1983, с. 366]. Будучи «продуктом дискурсивной деятельности, текст создается в определенных институционных рамках, которые накладывают известные языковые и стилистические ограничения на структуру высказываний, порождаемых в определенном речевом жанре» [Алефиренко, 2007, с. 44]. В итоге «субъекты дискурсии и их эвристический потенциал» включаются в структуру жанровой модели, определяя ее творческое использование [Алефиренко, 2009, с. 55].

По словам В. Н. Волошинова, «действительной реальностью языка-речи является <…> социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями» [Волошинов, 1993, с. 104]. Автор понимает «под речевым взаимодействием функционально-смысловую связь языка-речи с событийными и прагматическими факторами устного и письменного общения» [Алефиренко, 2007, с. 52].

Исследование «языка-речи» в лингвопрагматической обусловленности этого феномена получило плодотворное развитие в современной коммуникативной лингвистике [Алефиренко, 2007, 2009; Рабенко, 2017; Седов, 2009; Силантьев, 2010]. Развивая идеи М. М. Бахтина о РЖ, Н. Ф. Алефиренко актуализирует идею об эвристических возможностях изучения «прагматического потенциала языка-речи, коммуникативных ситуаций и способов языкового воздействия» [Алефиренко, 2007, с. 48]. По мнению ученого, «для понимания внутренних стимулов взаимодействия дискурса и речевого жанра важно найти скрытые дискурсивные нити, соединяющие историко-культурные, прагматические и собственно языковые аспекты речевого жанра» [Алефиренко, 2007, с. 53].

Цель настоящего исследования — выявить жанрообразующие признаки РЖ «напоминание», проследить, на уровне каких признаков сказывается воздействие коммуникативно-прагматических условий порождения РЖ, в данном случае пребывание речевого произведения в виртуальном педагогическом дискурсе, которое, в итоге, определяет вариативность РЖ.

Современный педагогический дискурс активно «выходит в пространство социальных сетей, формируя актуальную область проблемных лингвистических исследований: взаимопроникновение и взаимовлияние институционального образовательного дискурса и интернет-дискурса в рамках диалогового общения субъектов образования, выстроенного с ис-

пользованием новейших информационно-коммуникационных технологий» [Торопова, 2021, с. 377]. Такие формы виртуальной коммуникации, как «сайты образовательных организаций и страницы в социальных сетях, педагогические блоги, электронная почта и электронный журнал <…> общение в мессенджерах и чатах» [Торопова, 2021, с. 377] становятся частью современного образования и включаются в сферу научных интересов виртуальной педагогики [Воронин, 2009; Лубков, 2007; Носкова, 2014; Танчук, 2021; Черняков и др., 2014].

Будучи институциональной формой общения, педагогический дискурс характеризуется статусно-квалифицированными участниками коммуникации (учитель / ученик), локализованным хронотопом (школьный урок / учебный класс), ритуально зафиксированными ценностями [Карасик, 2002, с. 304—335]. Стратегии педагогического дискурса определяются его основной целью — социализацией нового члена общества — и сводятся к «информационно-аргументирующей, манипулятивно-консолидирующей, экспрессивно-апеллятивной и контрольно-оценочной» [Олешков, 2007, с. 13]. Данные коммуникативные стратегии «определяются учителем, управляющим процессом познавательной деятельности, регулирующим взаимоотношения между учащимися» [Антонова, 2007, с. 10], и осуществляются посредством речежанровых высказываний, к которым относится и РЖ «напоминание».

Идея рассмотрения РЖ «напоминание» в виртуальном педагогическом дискурсе под прицелом проблемы дискурсивно-жанровой корреляции текста возникла по прочтении ряда работ, посвященных рассмотрению обозначенного РЖ в разных видах дискурса: педагогическом [Черник, 2002], медийном [Дускаева и др., 2016], официально-деловом [Нечаева, 2022], художественном [Лассан, 2014; Черняк и др., 2014], где определяется место РЖ «напоминание» в жанровой системе русского языка через диагностирование его жанрообразующих признаков.

Научная гипотеза исследования сводится к положению о том, что при разных дискурсивных воплощениях РЖ «напоминание» выделяются инвариантные признаки речевого произведения, устойчиво ассоциируемые с обозначенным РЖ, и вариативные признаки, детерминированные дискурсивной обусловленностью данного РЖ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Фактологической базой исследования послужила интернет-переписка в школьном чате, сформированная в мессенджерах WhatsApp (с 01.09.2021 г. по 28.02.2022 г.) и Telegram (с 01.03.2022 г. по 20.10.2022 г.). Участники интернет-переписки — педагоги (учитель-предметник, класс-

ный руководитель) и обучающиеся 6-х и 8-х классов образовательных учреждений г. Кемерово (МБОУ «СОШ № 28» и МБНОУ «Городской классический лицей»). В целях соблюдения педагогической этики личные имена участников общения изменены. При цитировании интернет-переписки сохраняется авторская орфография и пунктуация.

За единицу научного описания принимается диалогическое единство (далее ДЕ) как сочетание реплики-стимула (RS) и реплики-реакции (RR), диктуемое правилами «синтаксической зависимости» [Шведова, 2003, с. 281]. Всего собрано 98 ДЕ. Принципом отбора материала послужило наличие в диалоге формальных дискурсивных маркеров напоминания: предикатов *напоминаю, не забудь / не забудьте, помнишь / помните* с прямыми дополнениями или придаточными дополнительными предложениями, указывающими на объект напоминания.

В работе использована комплексная методика жанровой квалификации текстов, в основе которой лежит анкета РЖ Т. В. Шмелевой, где выделены следующие жанрообразующие признаки: «1. Коммуникативная цель. 2. Образ автора. 3. Образ адресата. 4. Диктум. 5. Фактор прошлого. 6. Фактор будущего. 7. Формальная организация» [Шмелева, 1990, с. 24]. Поскольку в исследовании задействован письменный текст, представленный на электронном носителе, жанрово релевантным нам представляется субстрат — «материальная субстанция текста» [Лебедева и др., 2022, с. 303].

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Коммуникативная цель РЖ «напоминание»

Коммуникативная цель — инвариантный признак РЖ, способствующий идентификации речевого произведения. Коммуникативная цель РЖ «напоминание» связана с необходимостью вызвать воспоминания у адресата, заставить его что-либо вспомнить [ТСРЯ, с. 389]. Однако дискурсивные условия существования РЖ предопределяют специфику реализации его коммуникативной цели.

В педагогическом дискурсе, нацеленном на социализацию нового члена общества, речевое высказывание «напоминание» осуществляется с ритуализированной целью — напомнить ученикам о необходимости подчиняться условностям учебного процесса: соблюдать ритуал приветствия, помнить о времени начала урока, своих ученических обязанностях и пр. [Черник, 2002, с. 34].

В свою очередь, в медийном дискурсе, связанном с актуализацией прошлого опыта и трансляцией массовой аудитории воспоминаний о нем, РЖ «напоминание о персоне» реализуется с целью напомнить аудитории известные сведения о значимых для культуры и нации личностях [Дускае-

ва и др., 2016, с. 133], поддерживая тем самым интерес аудитории к этой персоне.

В официально-деловом дискурсе, сопряженном с установлением и поддержанием информационных связей между организациями и должностными лицами, «письмо-напоминание» используется с целью напомнить одной из сторон об окончании срока исполнения или действия договоренности [Нечаева, 2022, с. 100] и призвать к соблюдению заключенных договоренностей.

Наконец, в художественном дискурсе, направленном на воплощение мысли и чувства в слове, актуализация жанра «напоминание» детерминирована эстетической задачей текста: в поэзии использование РЖ «напоминание» объясняется необходимостью создания образа лирического героя, рефлексирующего по поводу прошлого [Лассан, 2011, с. 143]. В беллетристике жанр «напоминание» выполняет «прямую дидактическую функцию» — напомнить читателю с низким уровнем компетенции известное выражение, название произведения, персонажа [Черняк и др., 2014, с. 135].

Учет коммуникативной цели вызывает необходимость отнесения «напоминания» к определенному типу РЖ. Установлено, что в официально-деловом [Нечаева, 2022], медийном [Дускаева и др., 2016] и художественном [Лассан, 2011; Черняк и др., 2014] дискурсах «напоминание» тяготеет к информативному типу РЖ, поскольку его основная задача — передать новую и полезную информацию о событиях или фактах. В педагогическом дискурсе «напоминание» тяготеет к ритуальным типам РЖ, поскольку маркирует этикетную рамку урока, «служит сигналом начала и конца коммуникативного взаимодействия» [Черник, 2002, с. 71]. Полагаем, что в виртуальном педагогическом дискурсе (да и в реальном педагогическом дискурсе) РЖ «напоминание» находится на стыке двух типов РЖ: императивного РЖ, поскольку указывает на «характер осуществления неосуществленных действий автором, адресатом или третьими лицами» [Шмелева, 1990, с. 25]; и ритуального РЖ, поскольку напоминание реализуется в этикетных ритуализованных формулах «напоминание о времени» и «напоминание об обязанностях» [Черник, 2002, с. 103]. Императивно-этикетная составляющая РЖ «напоминание» предопределяет реализацию «держателем речи» (термин М. Ю. Олешкова [Олешков, 2007]) манипулятивно-консолидирующей стратегии, цель которой — «вызвать желаемые изменения в широком экстракоммуникативном контексте ситуации, связанном с внешними действиями, предметно-манипулятивной деятельностью участников коммуникативного процесса, а также с ритуальными, этикетными действиями» [Олешков, 2007, с. 28].

3.2. Образы автора и адресата РЖ «напоминание»

Известно, что педагогический дискурс относится к статусно-ориентированной (институциональной) форме общения, системообразующим признаком которой выступает «статусная, представительская функция человека» [Карасик, 2002, с. 295]. Ядром педагогического дискурса «является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации» [Карасик, 2002, с. 295] — учителя в роли агента образовательного дискурса и ученика в роли клиента, а ближайшей периферией — «общение учителей, а также учеников между собой» [Карасик, 2002, с. 295].

В реальной педагогической коммуникации РЖ «напоминание» регулярно используется в речи учителя как «держателя речи» с целью сохранения и поддержания дисциплины в ситуации урока [Черник, 2002, с. 34]. Подобное соотношение сохраняется и в виртуальной педагогической коммуникации, представленной двумя основными типами взаимодействия: 1) «учитель → ученики» (рис. 1); 2) «учитель → ученик» (рис. 2).

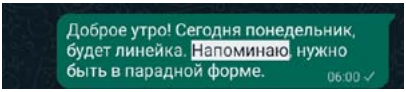


Рис. 1. Пример групповой интернет-переписки

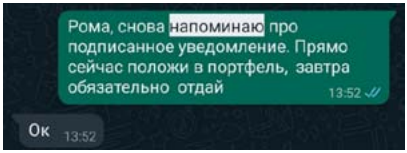


Рис. 2. Пример личной интернет-переписки

В исследуемом материале РЖ «напоминание» актуализируется преимущественно в речи учителя (97 ДЕ), поддерживая его авторитетность и право передавать ученику знания и нормы поведения общества.

ДЕ-1. Учитель: *Ребята, доброе утро! Напоминаю всем, что нужно взять согласия на медосмотр!!!* (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника).

В меньшей степени представлены ДЕ, в которых инициатором напоминания выступает ученик.

ДЕ-2. Ученик: *Алена Дмитриевна, напоминаю, ждём список стихотворений.*

Учитель: *1* ❤️

Ученики: *4* ❤️

ДЕ-3. Ученик: *Добрый вечер, Алёна Дмитриевна! Напоминаю: возьмите, пожалуйста, завтра с собой листочек со списком стихотворений. Прошу прощения, что так поздно пишу. Вы просили напомнить.*

Учитель: *Алла, здравствуй! Спасибо)*

С одной стороны, в педагогической онлайн-коммуникации сохраняется и поддерживается заданная образовательной ситуацией ядерная учебная интеракция «учитель → ученик(и)», с другой стороны, интерактивный формат общения расширяет возможности «держателя речи», в роли которого выступает ученик («ученик → учитель»).

3.3. Диктум РЖ «напоминание»

Диктумное содержание — один из значимых параметров диагностики РЖ с точки зрения дискурсивной обусловленности, поскольку «у каждого жанра есть свои претензии, требования к диктуму» [Шмелева, 1990, с. 28]. Традиционно диктумное содержание РЖ описывается с точки зрения наличия / отсутствия события (событийные и бессобытийные РЖ) и его временной перспективы (проспективные и рестроспективные РЖ). Обратимся к первому параметру.

Событийная основа РЖ идентифицируется через «выделение значимых фрагментов действительности, определяющих специфическое поведение человека» (сфер общения) [Карасик, 2002, с. 416]. В ситуации педагогического дискурса таких сфер общения несколько. Согласно ФГОС в образовательных учреждениях должны создаваться условия для реализации «образовательной, общественной, проектной, учебно-исследовательской, спортивно-оздоровительной и творческой деятельности» обучающихся [ФГОС, с. 20]. Данные виды урочной и внеурочной деятельности участников образовательного процесса трактуются в настоящей работе как тематические сферы педагогического общения, объединенные семантическим полем «Обучение». В рамках данных сфер реализуется основная цель педагогического дискурса — социализация школьника как члена общества. Выделение особых тематических сфер педагогического общения, не характерных для других дискурсивных реализаций РЖ «напоминание», демонстрирует его предметно-смысловую специфику:

1. Сообщение-напоминание о внутришкольных мероприятиях, касающихся образовательного процесса и его организации (отмена и перенос уроков, выполнение домашнего задания; проведение линейки, переклички, субботника, дежурства в столовой; участие в конкурсах, олимпиадах, подготовке научных проектов).

ДЕ-4. Учитель: *Напоминаю ещё раз, что завтра в 8:30 подключаетесь к первой паре. Уроки по 30 минут. Все ссылки у вас на почте.*

ДЕ-5. Учитель: *Напоминаю, что завтра состоится линейка. Все приходят в парадной форме к 8:30.*

2. Сообщение-напоминание о внешкольных мероприятиях, связанных с внеурочной сферой деятельности и ее организацией (посещение катка,

бассейна, участие в лыжной эстафете, организация туристического слета; экскурсия в музей, на выставку, проведение мастер-классов).

ДЕ-6. Учитель: *Дети, здравствуйте, напоминаю о катке. Завтра собираемся у школы к 11.00 и идём к комплексу «Сосновый». Надеюсь изменений в расписании катка не будет, завтра утром еще раз позвоню туда. Если что проверяйте нашу беседу к 11 утра.*

ДЕ-7. Учитель: *Напоминаю про завтрашний мастер класс Открытка для мамы* 🤫

Обратимся ко второму параметру диктума — временной перспективе события. Исследователи относят «напоминание» к ретроспективному РЖ, поскольку в медийном [Дускаева и др., 2016], художественном [Лассан, 2014; Черняк и др., 2014] и официально-деловом дискурсе [Нечаева, 2022] данный РЖ используется для установления связи настоящего момента с прошлым. В формальной организации РЖ этот жанрообразующий признак находит отражение в использовании прошедшего времени при описании событий.

Диагностирование РЖ «напоминание» с точки зрения временной перспективы события в педагогическом дискурсе указывает на его проспективно-ретроспективный характер: исходное событие произошло в прошлом (информация была сообщена учителем), промежуточное событие происходит в настоящем (информация актуализируется учителем), конечное событие ожидается в будущем (ученику необходимо применить полученную информацию, выполнив действие). Используя в речи напоминание, учитель опирается на известные всем факты прошлого, повторяя их в настоящем, чтобы повлиять на события будущего. Семантика РЖ «напоминание» определяет его временную специфику, обусловленную педагогическим дискурсом.

3.4. Факторы прошлого и будущего

С учетом данных факторов все РЖ делятся на «жанры с прошлым (инициативные)» и «жанры без прошлого (реактивные)» [Шмелева, 1990, с. 29]. Данные признаки пересекаются с коммуникативной целью, событийным содержанием и формальной организацией РЖ. Стоит отметить, что в исследованиях, посвященных РЖ «напоминание», факторы прошлого и будущего не подвергаются специальному анализу.

С опорой на категорию диалогичности, понимаемой, вслед за М. М. Бахтиным, как «взаимодействие смысловых позиций автора и адресата» [Бахтин, 1979, с. 33], в настоящей работе выделяется ряд интеракций, представленных в полном (RS и RR выражены) и свернутом (выражена только RS) виде.

1. «RS-напоминание → RR0», где RR0 — отсутствие ответа на напоминание (57 ДЕ).

ДЕ-8. Учитель: *Не забудьте про парадную форму)*

2. «RS-напоминание → RR2», где RR2 — эмодзи как ответ на напоминание (31 ДЕ).

ДЕ-9. Учитель: *Напоминаю, что те, кто участвует в конкурсе ЮИД, приходят на репетицию к 13:00 сегодня!*

Ученики: 3👍

3. «RS-напоминание → RR1», где RR1 — словесный ответ на напоминание (11 ДЕ).

ДЕ-10. Учитель: *Рома, снова напоминаю про подписанное уведомление. Прямо сейчас положи в портфель, завтра обязательно отдай.*

Ученик: *Ок*

Наличие или отсутствие RR на RS-напоминание обусловлено фактором адресата: в личной переписке ученик достаточно регулярно отвечает на напоминание учителя (на 24 RS получено 11 RR1, 4 RR2 и 9 RR0), в групповых чатах реакции на напоминание носят вариативный характер — чаще всего сообщение учителя остается без ответа (47 RR0 на 98 RS) или подтверждается с помощью эмодзи (27 RR2 на 98 RS), доступными в ситуации виртуального общения.

3.5. Формальная (языковая) организация РЖ «напоминание»

Языковое воплощение РЖ — один из значимых параметров в описании РЖ, на уровне которого в большей мере прослеживается его дискурсивная обусловленность. Языковыми маркерами РЖ «напоминание» выступают императив *не забудь(те)*, его семантические аналоги *напоминаю* и *помнишь / помните* (зачастую сопровождаемые интенсификаторами *снова, ещё, опять*), а также операторы долженствования *следует, нужно, должно(ы), необходимо*, что соответствует грамматическим приметам императивных РЖ [Шмелева, 1990, с. 29].

ДЕ-11. Учитель: *Ребята,* ***не забудьте*** *освободить шкафчики от вещей.*

ДЕ-12. Учитель: *Ребята, снова* ***напоминаю****, что завтра вы выходите на очные занятия. Не забудьте, что* ***нужно*** *принести постеры и отдать их Маше Ивкиной + не забывайте про дежурство, особенно внимательно* ***должны*** *отнестись те, кто пишет мне об отсутствующих.*

ДЕ-13. Учитель: ***Снова напоминаю*** *про урок цифры. Если не отправите мне сертификат сегодня, то завтра будете проходить из лицея после пар* (прим. — выделено нами).

Обнаруживается три типа синтаксических конструкций, воплощающих РЖ «напоминание».

1. Синтаксическая конструкция, где реплика-стимул организована по формуле: (приветствие) + (обращение) + глагол *напоминать в* форме 1 л. ед. ч. + подчинительный союз *что*, вводящий придаточное изъяснительное / прямое дополнение с предлогом о / *про* + указание на место / время / обязанности (всего 85 подобных конструкций).

ДЕ-14. Учитель: *Ребята, напоминаю, что с завтрашнего дня и до конца недели вы являетесь дежурным классом. Список ответственных:*

1) Даша Иванова и Петрова Карина, вы обрабатываете руки в столовой и наводите там порядок.

2) Кузнецова Аня, Козлова Надя и Борисова Оля, проверяете сменку.

ДЕ-15. Учитель: *Дети, напоминаю про «Урок цифры».*

2. Синтаксическая конструкция, где реплика-стимул представлена таким образом: обращение + приветствие + глагол *забыть с* отрицательной частицей «*не*» в повел. накл. ед. чл. + инфинитив + указание на время / объект напоминания (13 конструкций).

ДЕ-16. Учитель: *Не забудьте принести сегодня заполненный социальный паспорт*

ДЕ-17. Учитель: *Милана, доброе утро! Не забудь загрузить домашнюю работу по литературе на диск*

3. Синтаксическая конструкция, в которой реплика-стимул организована по формуле: обращение + (приветствие) + (вводное слово *надеюсь*) + глагол *помнить* во 2 л. ед. ч. + указание на время / объект напоминания.

ДЕ-18. Учитель: *Алина, добрый день! Как помнишь, завтра олимпиада. в школе нужно быть к 9 без опозданий.*

Ученик: *хорошо*

Использование предикатов *напоминать*, *помнить*, *не забыть* и конструкций с ними сближает РЖ «напоминание» в педагогическом дискурсе с имеющимися дискурсивными реализациями данного жанра [Дускаева и др., 2016; Лассан, 2014; Нечаева, 2022; Черняк и др., 2014].

3.6. Субстрат (материальный носитель письменного знака) и детерминированные им признаки жанра

«Жанрообразующая релевантность субстрата в соотношении с функционально-содержательными характеристиками РЖ заключается в его функции канала связи» [Лебедева и др., 2022, с. 300]. На дискурсивное воплощение РЖ «напоминание» оказывают влияние структурно-функциональные возможности мессенджера, определяющие характер общения, опосредованного им.

Письменное речевое сообщение «напоминание» представляется в виде поликодового текста, «фактура [которого] состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей

к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин и др., 1990, с. 180—181]. Конфигурации графем и средств иных семиотических систем (графических, супраграфических, иконических) создают субстанциональную метаграфемику текста напоминания. Мессенджер, помимо переписки, предоставляет возможность «обмениваться файлами и фотографиями, вставлять в сообщения различные, в том числе и анимированные, смайлы и стикеры» [Горошко и др., 2017, с. 96], использовать голосовые сообщения и ссылки на интернет-ресурсы.

Обнаруживаются следующие виды сообщений-напоминаний, выявляемые с учетом их семиотического воплощения.

1. Сообщение-напоминание, реализованное при помощи графических средств гипертекстуальности (гипертекстовых ссылок). Ссылка для подключения, прикрепленная учителем к сообщению, выполняет функцию хронотопа — напоминает о пространственно-временных условиях коммуникации (рис. 3). В групповом чате используются особые текстово-графические формы обращения — знак @ и никнейм ученика (рис. 4), выполняющие функцию маркирования адресата. Отметка конкретного ученика в чате используется учителем с целью напомнить ему о необходимости выполнения действия, при этом используется персонифицированная формула РЖ: обращение + глагол *забыть с* частицей «не» в повел. накл. ед. чл. + инфинитив + указание на объект напоминания.

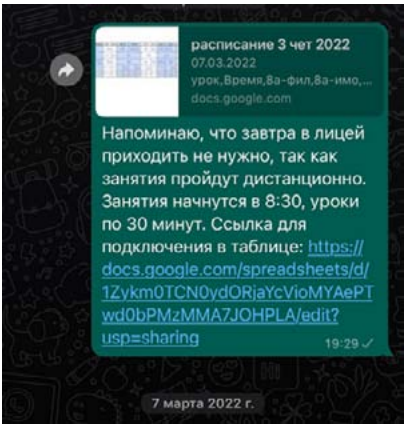


Рис. 3. Пример ДЕ
с гипертекстовой ссылкой

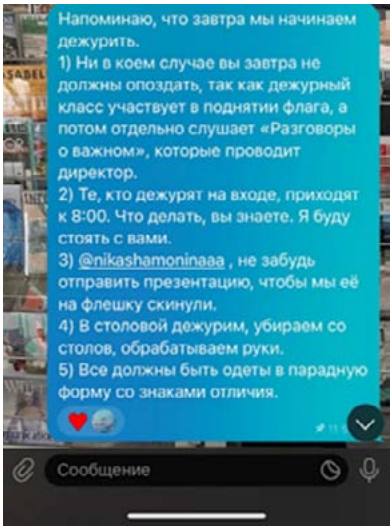


Рис. 4. Пример ДЕ
с отметкой участника чата

2. Сообщение-напоминание, включающее супраграфические средства. Среди супраграфемных средств используется вариативность размера кегля (рис. 5) и шрифтовой насыщенности (рис. 6) текста, что направлено на привлечение внимания учеников к значимой информации.

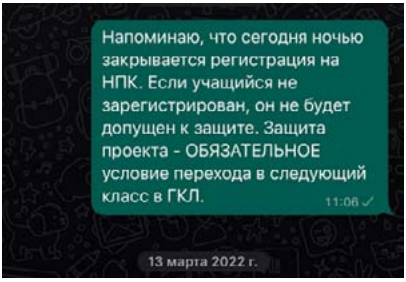


Рис. 5. Пример ДЕ с супраграфемными средствами

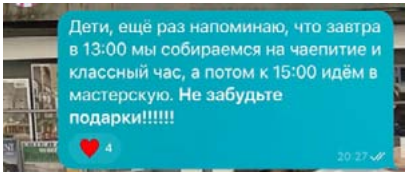


Рис. 6. Пример ДЕ с супраграфемными средствами

3. Сообщение-напоминание, включающее иконические средства (эмодзи): эмодзи в конце сообщения учителя (рис. 7) и реакция учеников как согласие и одновременно одобрение полученной информации (рис. 4, рис. 6) создают «атмосферу доброжелательного и активного речевого общения» [Антонова, 2007, с. 10].

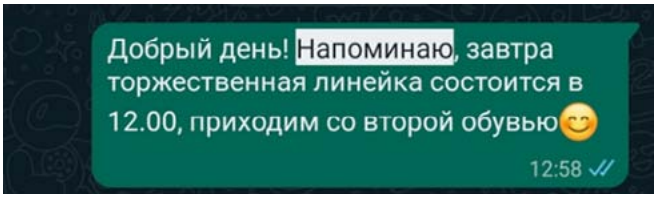


Рис. 7. Пример ДЕ с иконическими средствами

4. Сообщение-напоминание, сопровождаемое медиафайлом, который содержит аудио- и графическую информацию.

4.1. Сообщение-напоминание с медиафайлом, содержащим аудиоинформацию. Несмотря на нежелательность использования голосовых сообщений в связи с возможным неудобством их прослушивания для адресата, несомненны и преимущества данного способа в педагогической коммуникации — экономия времени и получение быстрого ответа на запрос (рис. 8).

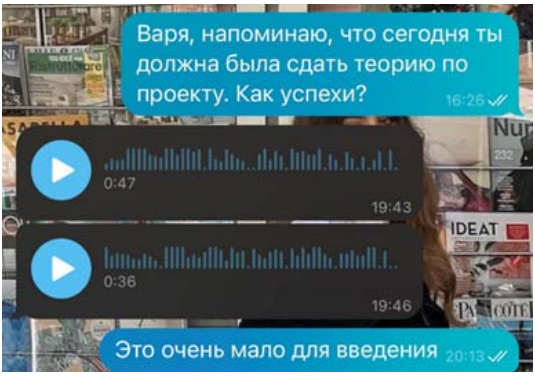


Рис. 8. Пример ДЕ с аудиофайлом

4.2. Сообщение-напоминание с медиафайлом, содержащим графическую информацию. Медиафайлы (рис. 9, рис. 10) несут самостоятельную информативную нагрузку, дополняя вербальное сообщение.

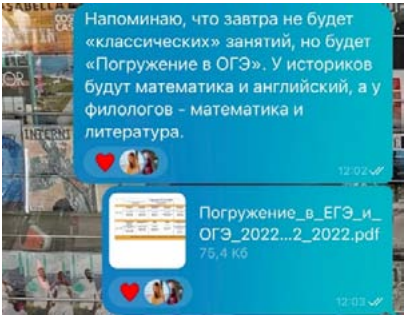


Рис. 9. Пример ДЕ
с графическим файлом

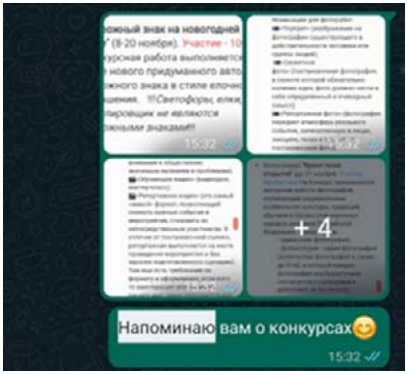


Рис. 10. Пример ДЕ
с графическим файлом

Структурно-функциональные инструменты мессенджера, используемые РЖ, выступают как дополнительное средство реализации манипулятивно-консолидирующей стратегии, связанной со стремлением учителя напомнить участнику педагогического дискурса (обращение через никнейм) о чем-либо (медиафайлы) посредством указания на место и время (ссылка для подключения) с целью дальнейшего выполнения им действий учебного характера.

4. Заключение = Conclusion

Таким образом, проведенное исследование позволяет проследить зависимость жанрового воплощения текста от дискурсивных условий его реализации. Диагностирование жанровых характеристик речевого произведения, воплощающего РЖ «напоминание» в виртуальном педагогическом дискурсе, обнаруживает инвариантные признаки жанра и те его свойства, которые подвергаются трансформации в результате включения в новую дискурсивную сферу.

Среди инвариантных признаков РЖ выделяется его коммуникативная цель, связанная со стремлением адресанта активизировать в сознании адресата некие известные ему знания. Однако функциональная предназначенность этих актуализированных адресантом знаний различна, она детерминирована дискурсивными обстоятельствами. Если в медийном дискурсе актуализация неких знаний в процессе напоминания обусловлена, в частности, необходимостью поддержания интереса к медийной персоне, в официально-деловом дискурсе — важностью соблюдения договорных обязательств, в художественном дискурсе — задачей создания образа лирического героя, рефлексирующего по поводу прожитого, то в педагогическом дискурсе прежние знания актуализируются в связи с императивно-этикетной целью — напомнить ученикам о необходимости подчиняться определенным нормам учебно-образовательного процесса (соблюдать правила поведения в различных этикетных ситуациях, помнить о своих ученических обязанностях и пр.). Полагаем, что определенная ритуализованность поведения, обусловленная социальной ролью адресанта и адресата, сближает педагогический и официально-деловой дискурсы. И в том, и в другом случае сообщение-напоминание связано с актуализацией прежних знаний, направленной на регулирование социальных ролей коммуникантов. Включенность педагогического и официально-делового дискурса в область институционального общения определяет некоторое сходство исследуемого РЖ и на уровне признака «автор-адресат». В обоих видах дискурса речь идет о статусно-ролевых отношениях, обусловленных социальными позициями (статусом) и ролями (функциями) коммуникантов. К инвариантным признакам РЖ «напоминание» относится его формально-языковое воплощение. Среди языковых маркеров РЖ — синтаксические конструкции с предикативами: *напоминаю о / про / напоминаю, что; не забудь(те) о / не забудь(те), что; помнишь о / помнишь, что.* Тем не менее и на данном уровне реализации РЖ можно обнаружить дискурсивную «привязанность» текста, которая проявляется в части высказывания, сообщающей о том, что должен вспомнить адресат. РЖ напоминания в пе-

дагогическом дискурсе охватывает сферы педагогического общения, объединенные семантическим полем «Обучение».

Дискурсивная специфика РЖ «напоминания» проявляется в тех характеристиках речевого произведения, которые детерминированы электронным носителем информации. В распоряжении участников коммуникации оказываются структурно-функциональные инструменты мессенджера: возможность обмена медиафайлами и голосовыми сообщениями, отметки участника через никнейм, включение в текст сообщения ссылок для подключения, стикеров, смайлов. РЖ «напоминание» предстает как поликодовый текст, включающий элементы различных семиотических систем, которые создают субстанциональную аудиографемику текста.

Таким образом, вовлечение РЖ «напоминание» в виртуальный дискурс способствует увеличению его дидактических возможностей в педагогическом дискурсе за счет совмещения разных средств коммуникации, что способствует оптимизации образовательного процесса.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors**: the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ФГОС — *Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования.* Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 № 287 (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2021 № 64101). — 2021. — С. 3—89.

2. ТСРЯ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый* словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — Москва : Азбуковник, 1999. — 944 с.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Речевой жанр, дискурс и культура / Н. Ф. Алефиренко // Жанры речи. — 2007. — № 5. — С. 44—55.

2. *Алефиренко Н. Ф.* Проблема соотношения речевого жанра и дискурса / Н. Ф. Алефиренко // Вестник РУДН, серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2009, № 2. — С. 53—61.

3. *Антонова Н. А.* Педагогический дискурс : речевое поведение учителя на уроке : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. А. Антонова. — Саратов, 2007. — 25 с.

4. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества : сборник избранных трудов / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 423 с.

5. *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка : Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. — Москва : Лабиринт, 1993. — С. 79—104.

6. *Воронин А. С.* Виртуальная педагогика — педагогика XXI века / А. С. Воронин // Новые образовательные технологии в вузе : VI международная научно-методическая конференция, 2—5 февраля 2009 г. : сб. тезисов докладов : Ч. 2. — Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2009. — С. 71—74.

7. *Горошко Е. И.* Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений telegram) / Е. И. Горошко, Е. А. Землякова // Жанры речи. — 2017. — № 1 (15). — С. 92—100. — DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100.

8. *Дускаева Л. Р.* Речевой жанр «Напоминание о персоне» в медиадискурсе / Л. Р. Дускаева, Ю. М. Коняева // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвузовский сборник научных трудов. — Орел : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2016. — Вып. 14. — С. 132—144. — ISBN 978-5-904-977-81-8.

9. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.

10. *Лассан Э.* Эволюция способов репрезентации прошлого в жанре лирической песни / Э. Лассан // Жанры речи. — 2014. — № 1 (9). — С. 138—146. — DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-138-146.

11. *Лебедева Н. Б.* Субстрат текстов естественной письменной речи в аспекте жанровой релевантности / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Сибирский филологический журнал. — 2022. — № 4. — С. 300—311. — DOI: 10.17223/18137083/81/23.

12. *Лубков Р. В.* Дидактический потенциал виртуальной образовательной среды : диссертация … кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Р. В. Лубков. — Самара, 2007. — 165 с.

13. *Нечаева Е. В.* Делопроизводство (Документационное обеспечение управления) / Е. В. Нечаева. — Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. — 183 с.

14. *Носкова Т. Н.* Педагогическая сущность виртуальной образовательной среды / Т. Н. Носкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2014. — № 167. — С. 183—194. — ISSN 1992-6464.

15. *Олешков М. Ю.* Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов) : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.19 / М. Ю. Олешков. — Пермь, 2007. — 47 с.

16. *Рабенко Т. Г.* Речевой жанр с позиций лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личное письмо») / Т. Г. Рабенко // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 189—199. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-189-199.

17. *Седов К. Ф.* О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи. — 2009. — Вып. 2. — С. 13—26.

18. *Силантьев И. В.* Дискурс и жанр / И. В. Силантьев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2010. — Т. 9, № 6. — С. 78—83.

19. *Сорокин Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия : коллективная монография. — Москва : Институт языкознания РАН, 1990. — С. 180—186.

20. *Танчук А. С.* Дискурсивные характеристики англоязычных вебинаров по обучению английскому языку : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. С. Танчук. — Самара, 2021. — 205 с.

21. *Тодоров Ц.* Понятие литературы / Ц. Торопов // Семиотика. — Москва : Радуга, 1983. — С. 366—367.

22. *Торопова С. В.* Школьный чат как новый формат образовательного дискурса / С. В. Торопова // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации : материалы симпозиума XV (XLVII) Международной научно-практической конференции. — Кемерово : КемГУ, 2020. — Вып. 21. — С. 376—379. — ISBN: 978-5-8353-2621-1.

23. *Черник В. Б.* Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. Б. Черник. — Екатеринбург, 2002. — 197 с.

24. *Черняк В. Д.* Речевой жанр «напоминание» в современной массовой литературе / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Жанры речи. — 2014. — № 1—2. — С. 133—138. — DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-132-137.

25. *Черняков А. Н.* Реализация педагогического дискурса в интернете / А. Н. Черняков, Р. А. Дунаев // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. — 2014. — № 4. — С. 226—228.

26. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — Москва : Азбуковник, 2003. — 377 с.

27. *Шмелева Т. В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т. В. Шмелева // Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. — 1990. — № 2. — С. 20—32.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023,
одобрена после рецензирования 07.06.2023,
подготовлена к публикации 15.06.2023.

Material resources

FGOS — *Federal State Educational Standard for Basic General Education*. (2021). On approval of the federal state educational standard for basic general education: order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021 № 287 (Registered with the Ministry of Justice of Russia 05.07.2021 № 64101). 3—89. (In Russ.).

TSRYa — Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. (1999). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions*. (4th ed.). Moscow: Azbukovnik. 944 p. (In Russ.).

References

Alefirenko, N. F. (2007). Speech genre, discourse and culture. *Speech genres, 56:* 44—55. (In Russ.).

Alefirenko, N. F. (2009). The problem of correlation of speech genre and discourse. *Bulletin of the RUDN University, series: Russian and foreign languages and methods of their teaching, 2:* 53—61. (In Russ.).

Antonova, N. A. (2007). *Pedagogical discourse: speech behavior of the teacher in the classroom: author's abstract of PhD Diss*. Saratov. 25 p. (In Russ.).

Bahtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity: a collection of selected works*. Moscow: Iskusstvo. 423 p. (In Russ.).

Chernik, V. B. (2002). *Phatic speech genres in pedagogical discourse and lesson text: PhD Diss.* Ekaterinburg. 197 p. (In Russ.).

Chernjak, V. D., Chernjak, M. A. (2014). The speech genre “reminder” in modern mass literature. *Speech genres, 1—2:* 133—138. DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-132-137. (In Russ.).

Chernjakov, A. N., Dunaev, R. A. (2014). Implementation of pedagogical discourse on the Internet. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov, 4:* 226—228. (In Russ.).

Goroshko, E. I., Zemljakova, E. A. (2017). Polyform messenger as a genre 2.0 (on the example of instant messaging messenger telegram). *Speech genres*, 1 (15): 92—100. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100. (In Russ.).

Duskaeva, L. R., Konjaeva, Ju. M. (2016). Speech genre “Reminder about a person” in media discourse. In: *Genres and types of text in scientific and media discourse: interuniversity collection of scientific papers*. Orel: Orel state institute of culture. 14: 132—144. ISBN 978-5-904-977-81-8. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

Lassan, Je. (2014). The evolution of ways of representing the past in the genre of lyrical song. *Speech genres*, 1 (9): 138—146. DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-138-146. (In Russ.).

Lebedeva, N. B., Rabenko, T. G. (2022). Substratum of natural written speech texts in the aspect of genre relevance. *Siberian Journal of Philology, 4:* 300—311. DOI: 10.17223/18137083/81/23. (In Russ.).

Lubkov, R. V. (2007). *Didactic potential of the virtual educational environment: PhD Diss*. Samara. 165 p. (In Russ.).

Nechaeva, E. V. (2022). *Office work (Documentary support of management)*. St. Petersburg: POLITEH-PRESS. 183 p. (In Russ.).

Noskova, T. N. (2014). Pedagogical Essence of virtual educational environment. *Izvestia: Herzen university journal of Humanities & Sciences, 167:* 183—194. ISSN 1992-6464. (In Russ.).

Oleshkov, M. Ju. (2007). *System Modeling of Institutional Discourse (on the Material of Oral Didactic Texts): author’s abstract of Doct. Diss*. Perm. 47 p. (In Russ.).

Rabenko, T. G. (2017). Speech Genre in Linguistic Variantology (on Material of Speech Genre “Personal Letter”). *Nauchnyi dialog, (12):* 189—199. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-189-199. (In Russ.).

Sedov, K. F. (2009). On the genre nature of discursive thinking of a linguistic personality. *Speech genres*, 2: 13—26. (In Russ.).

Silantjev, I. V. (2010). Discourse and genre. *Vestnik NSU. Series: History and Philology, 9 (6):* 78—83. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (1990). Speech genre. Possibilities of description and use in language teaching. *Russian Studies. Scientific journal of topical problems of teaching the Russian language, 2:* 20—32. (In Russ.).

Shvedova, N. Ju. (2003). *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: Azbukovnik. 377 p. (In Russ.).

Sorokin, Ju. A., Tarasov, E. F. (1990). Creolized texts and their communicative function. In: R. G. *Kotov (ed.). Speech Optimization: monograph*. Moscow: Nauka. 180—186. (In Russ.).

Tanchuk, A. S. (2021). *Discursive Characteristics of English-Language Webinars on Teaching English: PhD Diss*. Samara. 205 p. (In Russ.).

Todorov, C. (1983). The concept of literature. In: *Ju. S. Stepanov (ed.) Semiotics*. Moscow: Raduga. 366—367. (In Russ.).

Toropova, S. V. (2020). The school students' chat as a new format of educational discourse. In: *Philology, foreign languages and media communications: materials of the XV (XLVII) Symposium of the International Scientific and Practical Conference*. Kemerovo: KemGU. 21: 376—379. ISBN: 978-5-8353-2621-1. (In Russ.).

Voloshinov, V. N. (1993). *Marxism and the Philosophy of Language: Main Problems of the Sociological Method in the Science of Language*. Moscow. 1993. 79—104. (In Russ.).

Voronin, A. S. (2009). Virtual Pedagogy — Pedagogy of the 21st Century. In: *New educational technologies at the university: VI international scientific and methodological conference, February 2—5, 2009*. Yekaterinburg: GOU VPO UGTU-UPI. 2: 71—74. (In Russ.).

The article was submitted 03.05.2023;
approved after reviewing 07.06.2023;
accepted for publication 15.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сергодеев И. В. Интертекстуальные включения в романе Ч. Метьюрина «Мельмот Скиталец» / И. В. Сергодеев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 135—152. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-135-152.

Sergodeev, I. V. (2023). Intertextual Inclusions in Charles Maturin's Novel "Melmoth the Wanderer". *Nauchnyi dialog, 12* (5): 135-152. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-135-152. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-135-152

Интертекстуальные включения в романе Ч. Метьюрина «Мельмот Скиталец»

Сергодеев Илья Витальевич [1, 2]
orcid.org/0000-0003-1550-4001
ResearcherID: AAN-3445-2021
доктор филологических наук,
[1] профессор кафедры философии и лингвистики;
[2] доцент кафедры теории и практики перевода
moon_stone@mail.ru

[1] Снежинский физико-технический институт — филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Снежинск, Россия)

[2] Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Intertextual Inclusions in Charles Maturin's Novel "Melmoth the Wanderer"

Ilya V. Sergodeev [1, 2]
orcid.org/0000-0003-1550-4001
ResearcherID: AAN-3445-2021
Doctor of Philology,
[1] Professor, Departament of Philosophy and Linguistics;
[2] Associate Professor, Departament of Translation Theory and Practice
moon_stone@mail.ru

[1] Snezhinsk Physics and Technology Institute of the National Research Nuclear University MEPhI (Snezhinsk, Russia)

[2] Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

© Сергодеев И. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается роман Чарльза Роберта Метьюрина «Мельмот Скиталец». Выбор именно этого произведения продиктован его неоспоримой значимостью для художественной литературы в целом, с одной стороны, и недостаточной изученностью текста романа с текстоведческих, в особенности интертекстуальных позиций, с другой. В настоящем исследовании межтекстовые отношения подразделяются по видовому и функциональному признакам на интертекстуальные и интерконтекстуальные. Первый вид отношений выполняет функцию референции, второй — смыслообразующую функцию. Оба они имеют общие функциональные единицы: аллюзии, цитаты и т. д. С учетом такого видового деления предпринимается попытка распознать и проанализировать проспективные и ретроспективные интертекстуальные включения, встречающиеся в романе Ч. Метьюрина. Изучение этих включений основано на фактах наслоения контекстов романа на контексты известных и знаковых для европейской, в том числе российской литературы произведений: «Монаха» М. Льюиса, «Фауста» И. Гете, «Евгения Онегина» А. С. Пушкина и других. Такой исследовательский подход позволяет говорить о полиинтерпретативности «Мельмота Скитальца» и взглянуть на него сквозь призму произведений, созданных как до, так и после выхода романа.

Ключевые слова:
готика; интертекстуальность; интерконтекстуальность; Метьюрин; Мельмот Скиталец; романтизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines Charles Robert Maturin's novel "Melmoth the Wanderer". The choice of this work is dictated by its undeniable significance for literature as a whole, on the one hand, and the insufficient study of the novel's text from a textual, particularly intertextual perspective, on the other. In this study, intertextual relationships are divided by type and functional characteristics into intertextual and intercontextual. The first type of relationship serves a referential function, while the second serves a meaning-forming function. Both have common functional units: allusions, quotes, etc. With such a division in mind, an attempt is made to recognize and analyze prospective and retrospective intertextual inclusions encountered in Charles Maturin's novel. The study of these inclusions is based on the fact that the contexts of the novel are layered on top of contexts from well-known and significant works of European literature, including Russian literature: "The Monk" by M. Lewis, "Faust" by J. Goethe, "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin, and others. This research approach allows us to speak of the polyinterpretability of "Melmoth the Wanderer" and to view it through the prism of works created both before and after the novel's publication.

Key words:
gothic; intertextuality; intercontextuality; Maturin; Melmoth the Wanderer; romanticism.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'371+821.111Maturin.07

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Интертекстуальные включения в романе Ч. Метьюрина «Мельмот Скиталец»

© Сергодеев И. В., 2023

1. Введение = Introduction

Роман Чарльза Роберта Метьюрина «Мельмот Скиталец» (1820) российскими филологами в достаточной мере не исследован. Конечно, помимо известной работы М. П. Алексеева «Ч. Р. Метьюрин и его "Мельмот Скиталец"», вышедшей в 1983 году, существуют и другие научные труды, посвященные этому роману. Вот некоторые из них: исследование Н. А. Соловьевой (1988), в котором утверждается, что «Мельмот Скиталец» — венец английского романа XVIII—XIX веков; труд Л. С. Макаровой (2001), которая рассматривает роман в контексте готической и романтической традиций; работа А. В. Варушкиной (2006), исследовавшей пространственно-временные сферы действия «Скитальца»; изыскания Ю. С. Ёлшиной (2011), которая, вслед за Л. П. Гроссманом, М. П. Алексеевым и Н. Д. Тамарченко, сравнивает мотивы творчества Ч. Р. Метьюрина и Ф. М. Достоевского. Вспомним и статью П. Рейфмана «Кто такой Мельмот?» (2001), в ней он сопоставил романы «Мельмот Скиталец» и «Евгений Онегин», а также предшествующий этой статье знаменитый труд Ю. М. Лотмана «Роман А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий» (1980) [Лотман, 1980; Алексеев, 1983; Соловьева, 1988; Макарова, 2001; Рейфман, 2001; Варушкина, 2006; Ёлшина, 2011]. Есть и ряд зарубежных исследований [Scott, 1825; Idman, 1923; Bayer-Berenbaum, 1982]. Им свойственны полярность взглядов на роман и противоречивость в оценках текста произведения. С точки зрения теории интертекстуальности в отечественной языковедческой традиции роман Ч. Метьюрина основательно не изучен, хотя интертекстуальная ткань произведения отличается завидной плотностью и разнообразием.

Актуальность исследования «Мельмота Скитальца» обосновывается и тем, что роман стоит на перепутье стилей и эпох. Он впитал накопленный эстетический опыт предшествующих поколений писателей, смешал жанры готического, романтического, любовного и эпистолярного романов, уместив их в композицию mise en abyme (рассказ в рассказе), и заложил фундамент для предстоящих творцов. В этом легко убедиться, ведь отголоски

творения Ч. Метьюрина угадываются не только в литературе прошлого, например, в «Монахе» (1796) М. Льюиса или «Фаусте» (1808) И. Гёте, но и в будущих для «Скитальца» произведениях: «Евгении Онегине» (1833) А. С. Пушкина и, например, «Мастере и Маргарите» (1967) М. А. Булгакова. Если же брать неявные отсылки, то к этому списку можно добавить творения уже упомянутого Ф. М. Достоевского, а также М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя. Вот еще интересный факт: роман был настолько популярен в XIX веке, что О. де Бальзак написал, как сказали бы сегодня, «фанфик» «Прощенный Мельмот» (1835).

Эта статья — интертекстуальный комментарий, кусочек запутанной мозаики отсылок, встречающихся в романе Ч. Р. Метьюрина. В ней указано и проанализировано несколько интертекстуальных заимствований, обнаруженных в «Мельмоте Скитальце». К ним относятся сюжетные ходы и многослойные образы персонажей романа. Во внимание принимается и феномен интерконтекстуальности, то есть случаи наложения контекстов произведений других авторов на тот или иной контекст «Скитальца». Такое наслоение приводит к полиинтерпретативности образов романа Ч. Метьюрина.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Практический материал — роман «Мельмот Скиталец» (1820) ирландского писателя Чарльза Роберта Метьюрина. Текст романа рассматривался в оригинале [Maturin, 2018] и в русском переводе А. Шадрина [Метьюрин, 2021]. В статье цитаты из романа приводятся на русском языке без указания английского текста. То же касается и цитат из прочих зарубежных произведений.

На разных этапах научного исследования применялись структурно-семиотический подход для определения свойств интертекстуальных единиц, метод интертекстуального анализа для выявления и описания видов и типов интертекстуальных отношений, компонентный анализ лексического значения интертекстуальных единиц, контекстологический анализ, направленный на изучение межтекстовых отношений с позиции их типологии, а также видовое деление межтекстовых связей на интертекстуальные и интерконтекстуальные с тем, чтобы добиться большей точности в анализе смысла того или иного образа романа.

Методологическая проблема вычленения интертекстуальных единиц из текста произведения не учитывается в анализе, поскольку рассматриваемые образы — однозначные литературные отсылки, которые не вызовут сомнений у ученого-лингвиста. Анализ, приведенный в статье, приводит к оригинальным выводам, поскольку роман «Мельмот Скиталец» с позиций теории интертекстуальности в явном виде ранее не рассматривался.

Наиболее лаконичной и полно отвечающей задачам исследования видится типология интертекстуальных отношений, предложенная Н. С. Олизько. Эта типология выстроена с учетом базовых для теории интертекстуальности классификаций Ж. Женетта и Н. А. Фатеевой. Н. С. Олизько сделала важный шаг, который позволяет взглянуть на проблемные области методологии интертекстуальности под новым углом и даже переосмыслить ее природу. В типологии Н. С. Олизько ИТ мыслится не как равноправный тип межтекстовых отношений, наряду, например, с паратекстуальностью или же архитекстуальностью (см. классификации: [Женетт, 1998; Фатеева, 2000]), а как единый для всех этих типов вид отношений. Таким образом, уместно говорить о том, что в культурном пространстве разворачивается непрерывный диалог текстов [Бахтин, 2002], природа которого такова, что интертекстуальность вовсе не отождествляется с этим диалогом, а является всего лишь одним из его видов.

Примем за основу типологию Н. С. Олизько [Олизько, 2009] в модифицированном виде. Гипертекстуальный тип отношений (отсылка автора к собственным текстам) переименуем в автотекстуальный. Эта замена обусловлена терминологически: приставка авто- точнее выражает суть термина, чем приставка гипер-. Также уточним и понятие архитекстуальности. Преобразованная типология будет иметь вид:

Синтагматика:

— автотекстуальность (связь текста отдельного автора с другими текстами этого же автора: самоцитация и самоаллюзия);

— паратекстуальность (связь текста со своим заглавием, подзаголовком, эпиграфом и примечаниями).

Парадигматика:

— интекстуальность (выводится в противовес автотекстуальности как связь текста одного автора с текстами исключительно других авторов: аллюзия, цитация, аллюзивный сюжет, аллюзивные антропонимы);

— архитекстуальность (связь текста с феноменами культуры: традициями, историческими событьями, изобразительным искусством, музыкой, театром и т. д.).

В статье будем обращаться только к единицам интекстуальности и архитекстуальности.

Выделим еще один вид межтекстовых отношений, который используется в анализе, — интерконтекстуальность. Он противопоставляется интертекстуальности, однако оба они имеют общие функциональные едини-

цы: аллюзия, цитация, аллюзивный сюжет и т. д. Интерконтекстуальность связывает аспекты смыслового комплекса рассматриваемых образов, сопоставляет их контекстные значения и выполняет функцию смыслообразования. Интертекстуальность связывает художественные образы, основываясь на схожести или идентичности их формы, и выполняет функцию референции. Интерконтекстуальность зависит от интертекстуальности и не может актуализироваться самостоятельно [Сергодеев, 2020].

В статье представлен анализ избранных интертекстуальных включений, обнаруженных в романе Ч. Метьюрина «Мельмот Скиталец». Отсылки разделены на ретроспективные и проспективные. Ретроспективные отсылки указывают на произведения, созданные до «Скитальца», то есть творения, на которые явным или неявным образом ссылался сам Ч. Метьюрин. Среди них образы Люцифера из романа М. Льюиса «Монах», Маргариты, Фауста и Мефистофеля из трагедии «Фауст» И. Гете, дона Жуана из одноименных новеллы Э. Т. А. Гофмана и поэмы Дж. Байрона. В статье рассматриваются и проспективные интертекстуальные включения, то есть те, которые встречаются в произведениях, созданных другими авторами после романа Ч. Метьюрина. К ним относятся «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. Рассматриваемые отсылки снабжены текстоведческом и литературоведческим комментариями.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Интертекстуальная ретроспекция

3.1.1. Мельмот Скиталец и Люцифер

Каждый раз, когда Мельмот Скиталец является героям романа, раздается загадочная мелодия:

(1) <…> *когда он наметит себе жертву, существо, которое ему дано совратить или замучить, и оно где-то близко или вот-вот должно появиться, всякий раз начинает звучать одна и та же пленительная музыка* [Метьюрин, 2021, с. 386].

На одной из страниц романа Ч. Метьюрин даже приводит нотную запись этой мелодии. Вот она [Там же, с. 575]:

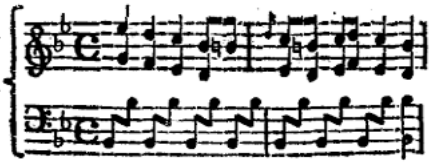


Рис. 1. Мелодия, сопровождающая появления Мельмота Скитальца

Такая разновидность интекстуального включения называется *аллюзивный факт* или *аллюзивная реалия*, то есть сюжетный ход или композиционная, образная особенность, кочующая из произведения в произведение.

В одной из сцен романа «Монах» (1796) английского писателя М. Льюиса Матильда вызывает Люцифера, чтобы помочь монаху Амбросио соблазнить Антонию, которая впоследствии оказывается его родной сестрой:

(2) *Амбросио окаменел, в агонии ожидая демона. Каково же было его удивление, когда гром перестал грохотать и в воздухе разлилась гармоничная музыка. Тотчас рассеялся дым, и монах узрел фигуру более прекрасную, чем могла измыслить кисть воображения* [Льюис, 2021, с. 280].

Приведенные фрагменты свидетельствует о заимствовании Ч. Метьюриным идеи М. Льюиса, согласно которой Люцифер появляется под гармоничную музыку. Эта отсылка сделана, вероятно, с тем умыслом, чтобы усилить эффект обманутого ожидания от финала произведения «Мельмот Скиталец». Автору это удается. Он перемешивает контексты «Скитальца» и «Монаха», заставляя читателя на какое-то время поверить в то, что Мельмот и есть Люцифер. Однако в дальнейшем оказывается, что Мельмот — одна из жертв врага рода человеческого, самый могущественный и одновременно несчастный человек в мире.

Музыка, сопровождающая появление Люцифера в романе М. Льюиса, усыпляет бдительность Амбросио и заставляет его довериться демону. При их второй встрече Искуситель предстает перед монахом в страшном облике, хотя в первый раз он явился в виде серафима, и уже не под сладостную музыку, а под раскаты грома:

(3) *Вокруг него все еще блистали молнии, а непрерывные удары грома словно возвещали гибель Природы* [Там же, с. 437].

Наложение контекстов романа М. Льюиса, в которых является Искуситель, на раскрывающие образ Скитальца контексты творения Ч. Метьюрина объединяет этих демонических персонажей, сохраняя, однако, их ключевое отличие. У М. Льюиса Люцифер губит Амбросио. Мельмоту же не удается преуспеть в злодеяниях. Несмотря на пленительную музыку, заставляющую слышащего ее заинтересоваться, на какой-то момент даже довериться Мельмоту, ни одна жертва так и не согласилась на его условия:

(4) *Я сеял на земле страх, но — не зло. Никого из людей нельзя было заставить разделить мою участь, нужно было его согласие, — и ни один этого согласия не дал; поэтому ни на кого из них не распространилась чудовищная кара. Я должен всю ее принять на себя* [Метьюрин, 2021, с. 629].

Трагедия Мельмота Скитальца, объединяющая в нем искусителя и жертву искушения, заставляет задуматься об известном литературном образе Фауста в интерпретации Гете.

3.1.2. Мельмот Скиталец, Фауст и Мефистофель

Фауст — фольклорный персонаж, который в финале разнообразных легенд о нем попадает в Ад. В 1775 году эту традицию нарушил Г. Лессинг, оправдав сношения Фауста с нечистой силой научным интересом протагониста и его стремлением к просвещению [Легенда о докторе Фаусте …, 1978].

Гете продолжил идеи Г. Лессинга. Согласно версии поэта, Фауст заключает сделку с дьяволом из жажды знания, но в отличие от юного Фауста Лессинга, который стоит на богоугодном пути познания, перед нами старик, разгадавший все тайны науки и магии самостоятельно. Этого оказывается мало, и желание пережить высшее наслаждение толкает престарелого доктора заключить договор с Мефистофелем:

(5) *Едва я миг отдельный возвеличу,*
Вскричав: «Мгновение, повремени!» —
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни [Гете, 2020, с. 66].

Именно эта черта роднит Фауста Гете и Мельмота Скитальца. Оба они жертвуют своими душами, чтобы утолить жажду познания. Вот что говорит о себе сам Мельмот:

(6) *Я повинен в великом ангельском грехе: я был горд и слишком много возомнил о силе своего ума! Это был первый смертный грех — безграничное стремление к запретному знанию!* [Метьюрин, 2021, с. 586].

Однако Мельмот, играющий в романе не только роль жертвы нечистой силы, но и роль искусителя людей, которые попали в сложную жизненную ситуацию, как и Мефистофель Гете, в итоге остается ни с чем. Такая двойственность — обман в обмане — свойственна и гетевской трагедии, сюжет которой пропитан ветхозаветной Книгой Иова.

Ч. Метьюрин делает важный шаг. Он объединяет образы Фауста и Мефистофеля, то есть сливает протагониста и антагониста в одного персонажа Мельмота Скитальца, застрявшего между добром и злом.

В близости романа Ч. Метьюрина и трагедии Гете сомневаться не приходится и еще по одному важному обстоятельству — схожести сюжетных линий Исидоры из «Мельмота» и Маргариты из «Фауста».

3.1.2.1. Исидора и Маргарита

Обратим внимание на сцену убийства брата Исидоры, в которой угадывается сюжет из «Фауста»: Мельмот (Фауст) закалывает шпагой Фернана (Валентина), брата беременной Исидоры (беременной Маргариты),

и бежит из города. Обе героини рожают дочерей. В обоих случаях их дети погибают, а сами они кончают жизни в тюрьме. В финале своих сюжетных линий Исидора и Маргарита отказываются от помощи своих возлюбленных Мельмота и Фауста. Так им удается спасти свои души. В «Фаусте» раздается голос свыше: «Спасена!» [Гете, 2020, с. 182], в «Скитальце» в предсмертном сне перед Мельмотом «мелькнуло несколько человеческих фигур: в то время как он падал, они поднимались все выше. Он кидался к ним, пытаясь за них уцепиться — за одну, за другую… Это были Стентон, Вальберг, Элинор Мортимир, Исидора, Монсада: все они пронеслись мимо» [Метьюрин, 2021, с. 631].

3.1.3. Мельмот Скиталец и дон Жуан

На связь Мельмота и дона Жуана Ч. Метьюрин указывает в тексте романа прямо:

(7) <…> *знаете вы, как сложилась судьба Дон Жуана, только не в той пьесе, что представляют на вашей жалкой сцене, а знаете ли вы его страшную трагическую участь, которую изобразил испанский писатель?* [Там же, с. 628].

По мнению М. П. Алексеева, речь идет о пьесе Э. Кокейна «Трагедия Овидия» (1662). На страницах этого произведения дебошир и забияка Ганнибал попадает на маскированный бал, на который также приходят и разные мифологические персонажи. Ч. Метьюрин заимствует этот сюжетный ход и использует его в главе «Сон Скитальца», в которой вместо мифологических персонажей Мельмот видит свои жертвы, поднимающиеся на небеса в то время, как сам он падает в преисподнюю [Там же, с. 626—631, 859—860].

Однако М. П. Алексеев ничего не говорит о схожести Мельмота Скитальца с «Доном Жуаном» (1813) Э. Т. А. Гофмана и «Доном Жуаном» (1819) Дж. Байрона, хотя в обоих этих произведениях встречается все тот же мотив мучителя и мученика в одном лице.

3.1.3.1. Мельмот Скиталец и дон Жуан Гофмана

В сердце дона Жуана Гофмана, как и в сердце Мельмота Скитальца, разворачивается битва между добром и злом. Дон Жуан ищет недосягаемый на земле идеал женской красоты и любви, а Мельмот ищет недосягаемое знание, однако оба они, ослепленные нечистой силой, лишают себя желаемого. Оба они демонические сверхлюди, стоящие выше общественной морали. Интертекстуальные параллели улавливаются и в любовных линиях этих произведений:

(8) <…> *донна Анна противополагается дон Жуану. Что если небо предназначало ее для того, чтобы выяснить дон Жуану обитающую в нем*

божественную натуру и посредством любви, погубившей его вследствие сатанинских козней, спасти его от отчаяния его ничтожных стремлений? Но он увидел ее слишком поздно, в высший момент своей дерзости, и потому она могла возбудить в нем лишь дьявольские желания ее погубить [Гофман, 2011, с. 56—57].

Сомневающийся злодей-любовник Мельмот Скиталец предупреждает Исидору, которую он должен погубить, об опасности, пока не стало слишком поздно, но она, конечно, не слушает:

(9) — *Если я молю тебя не спешить, если сам я сейчас колеблюсь и трепещу, то все это для того, чтобы дать тебе время… и твой добрый ангел мог еще шепнуть тебе спасительные слова.*

— *Спаси меня, и этим ангелом будешь ты! — вскричал Исидора, падая к его ногам* [Метьюрин, 2021, с. 609].

Дон Жуан и Мельмот Скиталец — нераскаявшиеся кающиеся. Они губят своих возлюбленных как бы не специально. При всем их мнимом величии они считают себя жертвами обстоятельств, которые, как им кажется, помимо их воли приводят к трагическому финалу — смертям донны Анны и Исидоры, а в конечном итоге и к гибели их самих.

3.1.3.2. Мельмот Скиталец и Дон Жуан Байрона

Связь Мельмота Скитальца и дона Жуана Дж. Байрона — архитекстуальная. Ее можно установить, сравнивая образы этих героев как элементы общей культурно-романтической художественной системы. В одноименной поэме Дж. Байрона дон Жуан — герой пассивный. Ему отведена роль не столько соблазнителя, сколько соблазненной жертвы. Уже в самом начале поэмы замужняя Юлия завязывает отношения с наивным шестнадцатилетним доном Жуаном:

(10) *Итак, решила Юлия моя,*
Любви запретной воли не давая,
Жуану преподать — сказал бы я.
Святую дружбу. Как на лоне рая,
Он мог бы, чистой страсти не тая,
Быть счастлив, безмятежно расцветая,
И даже обучиться, — но чему —
И ей неясно было и ему [Байрон].

Примерно так ведет себя и Мельмот. Он, ведомый неутолимой жаждой познания, словно бы ненароком попадает в плен к нечистой силе и вскоре раскаивается в этом.

(11) *Ни одно существо не поменялось участью с Мельмотом Скитальцем. Я исходил весь мир и не нашел ни одного человека, который, ради того чтобы обладать этим миром, согласился бы погубить свою душу* [Метьюрин, 2021, с. 630].

За свое всемогущество Скиталец должен платить душами других людей, но искушает их неохотно. Он будто специально делает так, чтобы жертвы отказывались от его предложения, которое, по задумке самого же Мельмота, должно погубить несчастных.

Подводя итог ретроспективным интертекстуальным включениям, отметим, что Мельмот Скиталец — вершина романтического лирического героя, так называемого байронического героя. Ему свойственны все характерные черты, которые удачно оттеняет интертекстуальная клавиатура романа «Мельмот Скиталец». Мы видим, что Мельмот соединяет в себе протагониста и антагониста, стоит выше общества и морали, одинок, демоничен, притягателен для женщин.

3.2. Интертекстуальная проспекция

3.2.1. Мельмот Скиталец и Евгений Онегин

Начало романа Ч. Метьюрина сильно напоминает строки из первой главы романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823—1830), что является бесспорным аллюзивным фактом. В обоих произведениях молодой человек (Мельмот / Онегин) приезжает к умирающему дяде, чтобы вступить в наследство. Ср.:

(12) *Осенью 1816 года Джон Мельмот, поехал к умирающему дяде, средоточию всех его надежд на независимое положение в свете* [Метьюрин, 2021, с. 7].

(13) <…> *Какое низкое коварство*
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя! [Пушкин, 1986, с. 187].

По мнению Ю. М. Лотмана, строка «*Когда же черт возьмет тебя!*» помимо «щегольского» колорита вносит в роман А. С. Пушкина отсылку к «Скитальцу», поскольку: 1) Мельмота в финале романа уносит дьявол; 2) упомянутое восклицание «раскрывает параллель Онегин — Мельмот как элемент самооценки героя, на которую автор смотрит иронически» [Лотман, 2021, с. 142—143].

Отметим, что это не единственная аллюзия к Мельмоту, встречающаяся в Онегине. В главах три и восемь есть еще два прямых указания:

(14) *И стал теперь ее кумир*
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный <…> [Пушкин, 1986, с. 228];
(15) *Скажите, чем он возвратился?*
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом <…> [Там же, с. 317].

А. С. Пушкин в комментариях к Онегину написал: «Мельмот — гениальное произведение Матюрина» [Там же, с. 338]. Известно, что в библиотеке поэта сохранилось первое издание «Мельмота Скитальца» 1820 года. М. П. Алексеев отмечает, что А. С. Пушкин называет Онегина «Мельмотом, бродягой мрачным», потому что: 1) «бродяга мрачный» — пушкинский перевод на русский язык заглавия французского варианта романа Ч. Метьюрина «Melmoth, ou l'homme errant» [Мельмот, 2021, с. 746]. Вероятно, поэт читал роман на французском, отсюда и написание фамилии ирландского писателя на французский манер: Матюрин, а не Метьюрин; 2) Пушкин считал, что Мельмот обобщил в себе основные черты мыслящего человека начала XIX века, а слова *байронический* и *мельмотический* были для поэта синонимами [Там же, с. 747]. В. И. Кулешов, сравнивая Онегина и Мельмота, замечает, что Онегин — русский «современный» скиталец, презирающий общество и носящий в себе его зло [Кулешов, 1965, с. 185].

3.2.2. Портрет Мельмота Скитальца

В романе Ч. Метьюрина присутствует портрет демонического Скитальца. Его уничтожает Джон Мельмот, потомок Мельмота Скитальца. Интересен и тот факт, что внучатым племянником Ч. Метьюрина был О. Уайльд, который познакомился со «Скитальцем» еще в детстве, поэтому интертекстуальную связь между «Мельмотом» и «Портретом Дориана Грея» (1890) — появление демонического портрета и его последующее уничтожение в обоих произведениях, а также связанный с портером мотив бессмертия и сделки с дьяволом — едва ли можно назвать совпадением. Этот аллюзивный факт отмечается рядом исследователей творчества О. Уайльда, например, В. И. Пимоновым и Е. И. Славутиным в статье «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда: структура сюжета» [Пимонов, Славутин, 2016]. Разница заключается в том, что в варианте О. Уайльда портрет старится вместо оригинала, а у Ч. Метьюрина по сходству меж-

ду портретом и Скитальцем Джон Мельмот узнает в незнакомце своего предка:

(16) *Это действительно был Мельмот Скиталец, такой же, каким он был сто лет назад, такой же, каким, может быть, будет в грядущих столетиях, если возобновится действие того страшного договора, который продлевал его дни. <…> всем обличием своим он ничем не отличался от обыкновенного смертного, от того, каким он был изображен на портрете, уничтоженного наследником рода, только глаза у него были как у мертвеца* [Метьюрин, 2021, с. 627].

В тексте романов присутствуют и экфрастические приемы, объединяющие портреты из обоих произведений. Например, усмешка. У Ч. Метьюрина:

(17) <…> *но когда измятый и разорванный холст упал на пол, то черты лица странно искривились и на губах как будто заиграла усмешка. Лицо это на мгновение сложно ожило* <…> [Там же, с. 67].

В «Портрете Дориана Грея»:

(18) *Никакой перемены! Только в выражении глаз было теперь что-то хитрое, да губы кривила лицемерная усмешка* [Уайльд, 2021, с. 294].

Портрет — не единственный элемент, объединяющий творения Ч. Метьюрина и О. Уайльда. Сюда можно отнести и архитекстуальные элементы. Так, в «Портрете Дориана Грея», как и в «Мельмоте Скитальце», явно прослеживается все тот же фаустовский мотив: лорд Генри играет роль Мефистофеля, а в Сибиле Вэйн, у которой тоже есть мстительный брат, угадывается образ Марагариты.

Важно и то, что ни в «Скитальце», ни в «Дориане Грее» авторы не называют грехи своих героев напрямую. О. Уайльд комментирует это так: «Каждый человек видит в Дориане Грее свои собственные грехи. В чем состоят грехи Дориана Грея, не знает никто. Тот, кто находит их, привнес их сам» [Уайльд].

Вот еще один интересный факт: после тюремного заключения и переезда в Париж О. Уайльд взял себе псевдоним «Себастьян Мельмот» [Метьюрин, 2021, с. 717].

3.3.3. Мельмот Скиталец и Воланд

Интертекстуальная связь «Мельмота Скитальца» прослеживается еще с одним знаменитым романом. Речь идет о «Мастере и Маргарите» (1928—1940) М. А. Булгакова. Судьба булгаковского Ивана Бездомного во многом повторяет судьбу Джона Стентона, героя романа Ч. Метьюрина. Стентон (Бездомный) ищет Скитальца (Воланда), пытается убедить окружающих в его существовании, странно ведет себя в театре (Бездомный устраивает

скандал в Грибоедове). При встрече Скиталец (Воланд) предсказывает, что Стентон (Бездомный) окажется в сумасшедшем доме. Так оно и случается.

Сравним фрагменты произведений:

(19) — *Мне много о чем надо вас спросить, но, надеюсь, мне нечего от вас узнавать.*

— Ошибаетесь, но вы все поймете, когда мы встретимся с вами в следующий раз.

— А когда это будет? — спросил Стентон, хватая его за руку, — назовите время и место.

— Это будет днем, в двенадцать часов, — ответил незнакомец с отвратительной и загадочной улыбкой, — а местом будут голые стены сумасшедшего дома [Метьюрин, 2021, с. 49];

(20) — *Подсолнечное масло здесь вот при чём, — вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незваному собеседнику войну, — вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?*

— Иван!.. — тихо воскликнул Михаил Александрович.

Но иностранец ничуть не обиделся и превесело рассмеялся.

— Бывал, бывал и не раз! — вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта, — где я только не бывал! Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич! [Булгаков, 1988, с. 282].

Проспективные интертекстуальные включения показывают значимость и высокую степень влияния «Мельмота Скитальца» на художественную литературу. Отголоски романа встречаются во многих работах, созданных после выхода творения Ч. Метьюрина. Помимо указанных выше романов сюда можно отнести и такие произведения, как «Ган Исландец» (1822) В. Гюго, «Фэншоу» (1828) Н. Хоторна, «Портрет» (1835) Н. В. Гоголя, «Прощенный Мельмот» (1835) О. де Бальзака, «Демон» (1839) М. Ю. Лермонтова, «Колодец и маятник» (1848) и «Бочонок амонтильядо» (1846) Э. А. По, «Бесенок в бутылке» (1891) Р. Л. Стивенсона и другие.

4. Заключение = Conclusions

В статье рассмотрены избранные ретроспективные и проспективные интертекстуальные включения, различимые в романе Ч. Метьюрина. Доказано, что контексты произведений, созданных до «Мельмота Скитальца», наслаиваются на контексты этого романа и обеспечивают многосмысленность встречающихся в нем образов. Показано, что центральный образ Мельмота Скитальца собран из образов Люцифера М. Льюиса (музыка, звучащая при появлении героя), Фауста и Мефистофеля И. Гете (жажда

познания, искуситель и жертва в одном лице), различных версий дона Жуана, например, вариантов Э. Гофмана (образ сверхчеловека, стоящего выше общественной морали) и Дж. Байрона (пассивность и нерешительность главного действующего лица), и, конечно, собирательного байронического героя.

То же касается и проспективных включений. Не вызывают сомнений сюжетные параллели, проведенные между «Евгением Онегиным» (молодой человек приезжает к умирающему дяде, чтобы вступить в наследство), а также «Мастером и Маргаритой» (Воланд (Мельмот) предсказывает Ивану (Стентону), что тот попадет в сумасшедший дом) и «Мельмотом Скитальцем». Образ демонического портрета связывает роман Ч. Метьюрина с «Портретом Дориана Грея» О. Уайльда.

Результаты анализа подчеркивают важность романа «Мельмот Скиталец» для мировой художественной культуры. В статье указаны только избранные отсылки, но даже они, например, факт того, что М. А. Булгаков спустя сто с лишним лет после выхода «Скитальца» обращается к сюжетным поворотам творения Ч. Метьюрина, свидетельствуют о том, что «Мельмот» заслуживает большего изучения. В нем зашифрованы контексты-ключи к лучшему пониманию европейской, в том числе и российской литературы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Алексеев М. П.* Ч. Р. Метьюрин и его «Мельмот скиталец» [Электронный ресурс] / М. П. Алексеев. — Режим доступа : http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/alekseev-melmot-skitalec/chast-1.htm (дата обращения 21.05.2023).

2. *Байрон Д. Г.* Дон Жуан [Электронный ресурс] / Д. Г. Байрон. — Режим доступа : https://librebook.me/don_juan/vol1/2 (дата обращения 23.05.2023).

3. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : В 7 т. — Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. — Т. 6. — С. 7—300, 466—505. — ISBN 5-89216-010-6.

4. *Булгаков М.* Белая гвардия ; Мастер и Маргарита : Романы / М. Булгаков ; Предисл. В. И. Сахарова. — Киев : Юнацтва, 1988. — 670 с.

5. *Варушкина А. В.* Традиции Дж. Свифта в романе Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» / А. В. Варушкина // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. — 2006. — № 2. — С. 33—35.

6. *Гете И. В.* Фауст / И. В. Гете ; [пер. с нем. Б. Л. Пастернака] ; иллюстрации Эжена Делакруа и других художников. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 423 с. — ISBN 978-5-17-112016-0.

7. *Гофман Э. Т. А.* Полное собрание сочинений в двух томах / Э. Т. А. Гофман ; Пер. с нем. — Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2011. — Т. 1. — 1263 с. — ISBN 978-5-9922-0765-1.

8. *Ёлшина Ю. С.* «Мельмот Скиталец» Ч. Р. Метьюрина и творчество Ф. М. Достоевского / Ю. С. Ёлшина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2011. — № 2. — С. 80—88.

9. *Женетт Ж.* Фигуры / Ж. Женетт. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. — 472 с.

10. *Кулешов В. И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. (первая половина) / В. И. Кулешов. — Москва : Изд. МГУ, 1965. — 461 с.

11. *Легенда о докторе Фаусте*. Изд. подготовил В. М. Жирмунский. 2-е, испр. изд. — Москва : Наука, 1978. — С. 245—254.

12. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 512 с. — ISBN 978-5-389-08745-3.

13. *Льюис М. Г.* Монах : [роман] / М. Г. Льюис ; [перевод с английского И. Гуровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 448 с. — ISBN 5-86218-050-8.

14. *Макарова Л. С.* Роман Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» в контексте готической и романтической традиции : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.03 / Л. С. Макарова. — Нижний Новгород, 2001. — 22 с.

15. *Метьюрин Ч. Р.* Мельмот Скиталец : роман / Ч. Р. Метьюрин ; пер. с англ. А. Шадрина. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 864 с. — ISBN 978-5-389-19459-5.

16. *Олизько Н. С.* Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : диссертация ... доктора филологических наук / Н. С. Олизько. — Челябинск, 2009. — 343 с.

17. *Пимонов В. И.* «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда : структура сюжета / В. И. Пимонов, Е. И. Славутин // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2016. — Т. 18. — № 1 (2). — С. 240—246.

18. *Пушкин А. С.* Сочинения. В 3-х т. Поэмы ; Евгений Онегин ; Драматические произведения / А. С. Пушкин. — Москва : Художник. лит., 1986. — Т. 2. — 527 с.

19. *Рейфман П.* Кто такой Мельмот? [Электронный ресурс] / П. Рейфман. — Режим доступа : http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/rejfman-kto-takoj-melmot.htm (дата обращения 25.05.2023).

20. *Сергодеев И. В.* Динамика смыслового комплекса интертекстуальных единиц в поэтическом тексте : монография / И. В. Сергодеев. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 328 с. — ISBN 978-5-9765-4411-6.

21. *Соловьева Н. А.* У истоков английского романтизма / Н. А. Соловьева. — Москва : Издательство Московского государственного университета, 1988. — 230 с.

22. *Уайльд О.* Письма [Электронный ресурс] / О. Уайльд. — Режим доступа : https://www.livelib.ru/quote/63983-oskar-uajld-pisma-oskar-uajld (дата обращения 25.05.2023).

23. *Уайльд О.* Портрет Дориана Грея : роман / О. Уайльд ; пер. с англ. М. Абкиной. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 320 с. — ISBN 978-5-389-21861-1.

24. *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. — Москва : Агар, 2000. — 280 с. — ISBN 978-5-397-02633-8.

25. *Bayer-Berenbaum E.* The Gothic Imagination. Expansion in Gothic Literature and Art / E. Bayer-Berenbaum. — London and Toronto : Associated University Press, 1982. — 155 p.

26. *Idman N*. Charles Robert Maturin, his life and works / N. Idman. — Helsingforce, 1923. — 326 p.

27. *Maturin C. R*. Melmoth the Wanderer / C. R. Maturin. — Michigan : T8RUGRAM / Original. 2018. — 682 p.

28. *Scott W*. Lives of the novelists [Electronic resource] / W. Scott. — Access mode : https://archive.org/details/livesnovelists01scotgoog/page/n3/mode/2up (accessed 27.05.2023).

Статья поступила в редакцию 15.05.2023,
одобрена после рецензирования 08.06.2023,
подготовлена к публикации 20.06.2023.

References

Alekseev, M. P. *Ch. R. Metyurin and his "Melmoth wanderer"*. Available at: http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/alekseev-melmot-skitalec/chast-1.htm (accessed 21.05.2023). (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2002). Problems of Dostoevsky's poetics. In: *Collected works: In 7 volumes, 6.* Moscow: Russian Dictionaries: Languages of Slavic culture. 7—300, 466—505. ISBN 5-89216-010-6. (In Russ.).

Bayer-Berenbaum, E. (1982). *The Gothic Imagination. Expansion in Gothic Literature and Art.* London and Toronto: Associated University Press. 155 p.

Bulgakov, M. (1988). *The White Guard; The Master and Margarita: Novels.* Kyiv: Unatstva. 670 p. (In Russ.).

Byron, D. G. *Don Juan.* Available at: https://librebook.me/don_juan/vol1/2 (accessed 23.05.2023). (In Russ.).

Elshina, Yu. S. (2011). "Melmoth the Wanderer" by Ch. R. Metyurin and the work of F. M. Dostoevsky. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 2:* 80—88. (In Russ.).

Fateeva, N. A. (2000). *Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts.* Moscow: Agar. 280 p. ISBN 978-5-397-02633-8. (In Russ.).

Genette, Zh. (1998). *Figures.* Moscow: Publishing House. Sabashnikov. 472 p. (In Russ.).

Goethe, I. V. (2020). *Faust.* Moscow: AST Publishing House. 423 p. ISBN 978-5-17-112016-0. (In Russ.).

Hoffman, E. T. A. (2011). *The complete works in two volumes, 1.* Moscow: ALPHA-BOOK. 1263 p. ISBN 978-5-9922-0765-1. (In Russ.).

Idman, N. (1923). *Charles Robert Maturin, his life and works.* Helsingforce. 326 p.

Kuleshov, V. I. (1965). *Literary relations of Russia and Western Europe in the XIX century. (the first half).* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 461 p. (In Russ.).

Lewis, M. G. (2021). *Monk: [novel].* Moscow: AST Publishing House. 448 p. ISBN 5-86218-050-8. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2021*). A. S. Pushkin"s novel "Eugene Onegin". Comment.* Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 512 p. ISBN 978-5-389-08745-3. (In Russ.).

Makarova, L. S. (2001). *Ch. R. Metyurin's novel "Melmoth the Wanderer" in the context of the Gothic and Romantic tradition.* Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 22 p. (In Russ.).

Maturin, C. R. (2018). *Melmoth the Wanderer.* Michigan: T8RUGRAM / Original. 682 p.

Metyurin, Ch. R. (2021). *Melmoth the Wanderer: a novel.* Moscow: The Foreigner, ABC-Atticus. 864 p. ISBN 978-5-389-19459-5. (In Russ.).

Olizko, N. S. (2009). *Semiotic-synergetic interpretation of the features of the implementation of the categories of intertextuality and interdiscursivity in postmodern artistic discourse.* Doct. Diss. Chelyabinsk. 343 p. (In Russ.).

Pimonov, V. I., Slavutin, E. I. (2016). "Portrait of Dorian Gray" by O. Wilde: the structure of the plot. *Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences, 18 / 1 (2):* 240—246. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1986). *Essays. In 3 vols., 2. Poems; Eugene Onegin; Dramatic works.* Moscow: Artist. lit. 527 p. (In Russ.).

Reifman, P. *Who is Melmoth?* Available at: http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/rejfman-kto-takoj-melmot.htm (accessed 25.05.2023). (In Russ.).

Scott, W. *Lives of the novelists.* Available at: https://archive.org/details/livesnovelists01scotgoog/page/n3/mode/2up (accessed 27.05.2023).

Sergodeev, I. V. (2020). *Dynamics of the semantic complex of intertextual units in a poetic text: monograph.* Moscow: FLINT. 328 p. ISBN 978-5-9765-4411-6. (In Russ.).

Solovyova, N. A. (1988). *At the origins of English Romanticism.* Moscow: Moscow State University Press. 230 p. (In Russ.).

The legend of Dr. Faust. (1978). Moscow: Nauka. 245—254. (In Russ.).

Varushkina, A. V. (2006). Traditions of J. Swift in the novel by C. R. Metyurin "Melmoth the Wanderer". *Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism, 2:* 33—35. (In Russ.).

Wilde, O. *Letters.* Available at: https://www.livelib.ru/quote/63983-oskar-uajld-pisma-oskar-uajld (accessed 25.05.2023). (In Russ.).

Wilde, O. (2021). *Portrait of Dorian Gray: a novel.* Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 320 p. ISBN 978-5-389-21861-1. (In Russ.).

The article was submitted 15.05.2023;
approved after reviewing 08.06.2023;
accepted for publication 20.06.2023.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Ксения Владимировна Игаева, младший науч. сотрудник (Нижний Новгород)
Лариса Николаевна Ребрина, д-р филол. наук (Волгоград)
Михаил Гершонович Матлин, д-р филол. наук (Ульяновск)
Надежда Владимировна Шалютина, канд. соц. наук (Нижний Новгород)
Татьяна Викторовна Дубровская, д-р филол. наук (Пенза, Белгород)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Дубровская Т. В. Советские социокультурные практики через призму жанров в журнале «Пионер» / Т. В. Дубровская // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 154—172. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-154-172.

Dubrovskaya, T. V. (2023). Soviet Socio-Cultural Practices from Perspective of Genres in *Pioneer* Magazine. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 154-172. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-154-172. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-154-172

Советские социокультурные практики через призму жанров в журнале «Пионер»

Дубровская Татьяна Викторовна [1, 2]
orcid.org/0000-0003-0044-6056
WoS ResearcherID: P-5645-2015
доктор филологических наук, доцент,
[1] заведующий кафедрой «Английский язык»;
[2] профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью
gynergy74@gmail.com

[1] Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)

Благодарности:
исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00775 «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике», https://rscf.ru/project/22-28-00775/

Soviet Socio-Cultural Practices from Perspective of Genres in *Pioneer* Magazine

Tatiana V. Dubrovskaya [1, 2]
orcid.org/0000-0003-0044-6056
WoS ResearcherID: P-5645-2015
Doctor of Philology,
[1] Head of the English Language Department;
[2] Professor at the Department of communication studies, advertisement and PR
gynergy74@gmail.com

[1] Penza State University (Penza, Russia)

[2] Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-28-00775 'Mediatised model of the Soviet society in children's periodicals', https://rscf.ru/project/22-28-00775/

© Дубровская Т. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен проект, направленный на построение медиатизированной модели советского общества в детской периодической печати. Ставились задачи выявить структурные и содержательные характеристики журнала «Пионер» 1970-х годов и типичные жанры, ориентированные на создание репрезентаций советского общества и социокультурных практик, а также определить степень идеологической нагрузки разных жанров. На основе положений конструктивизма, теории жанров печати, теории речевых жанров, семиотического анализа жанры охарактеризованы по нескольким параметрам: по степени идеологической нагрузки, типам репрезентируемых социокультурных практик и характеру семиотических ресурсов. Сделаны выводы, что жанры журнала имеют разную степень идеологизации. В жанрах научно-популярного и общеобразовательного характера, актуализирующих практики научной и педагогической коммуникации, идеологическая составляющая вторична. Жанрам, воспроизводящим взрослые институциональные общественно-политические практики, присуща высокая степень идеологизации, выраженная соответствующими семиотическими ресурсами: речевыми жанрами призыва и обещания, императивами, перформативами, идеологемами, неполными и парцеллированными предложениями. В то же время журнал «адаптирует» репрезентации советских ценностей для детей, выражая их средствами языка повседневного общения и визуальными изображениями повседневной жизни.

Ключевые слова:
жанр; идеология; социокультурная практика; детский журнал; советское общество.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents some results of the project that is aimed at constructing a mediatised model of the Soviet society in periodicals for children. The data has been drawn from the Pioneer magazine published in the 1970s. This paper focuses on its structure and contents, as well as typical genres that construct the representations of the Soviet society and socio-cultural practices. The degree of ideology is defined that characterises various genres. In terms of methodology, the study draws on constructivism, critical discourse analysis, theory of journalistic genres, theory of speech genres, and semiotic analysis. Genres are interpreted based on their ideological charge, types of socio-cultural practices they represent, and the semiotic resources employed. The findings show that the ideological charge can be graded from being non-existent to dominating the factual information. The ideological component is secondary in genres of popular science and general education, whereas genres that reproduce adults' institutional socio-political practices demonstrate a high degree of ideological charge, which is conveyed through specific semiotic resources. At the same time, the magazine adapts the representations of Soviet values for adolescents through the use of everyday language and visual images of routine life.

Key words:
genre; ideology; socio-cultural practice; children's magazine; Soviet society.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 070.445.8(47)“197”

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Советские социокультурные практики через призму жанров в журнале «Пионер»

© Дубровская Т. В., 2023

1. Введение = Introduction

Настоящая статья представляет некоторые результаты научного проекта «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике» (исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00775, https://rscf.ru/project/22-28-00775/). Основная цель проекта состоит в том, чтобы на основе анализа детской периодики 1970—1980-х годов построить медиатизированную модель советского общества и определить характер социального взаимодействия в треугольнике «государство — детские СМИ — детская аудитория». Частные задачи данной статьи — выявить структурные и содержательные характеристики журнала «Пионер» 1970-х годов и типичные жанры, ориентированные на создание репрезентаций советского общества и социокультурных практик, а также определить степень идеологической нагрузки разных жанров. Актуальность исследования обусловлена необходимостью взвешенного осмысления специфики социокультурных практик в СССР и способов их медиатизации.

Детская пресса советского времени становилась объектом внимания в рамках теории журналистики. Исследователи детской периодической печати выделяют прежде всего её воздействующую и идеологическую функции, роль посредника между государством и подрастающим поколением: «Ребенок приучался к постоянному и незримому присутствию авторитетного «голоса», руководящего им и направляющего его, который воздействует не только через формирующиеся общественные организации (пионерское движение, комсомол и т. д.), но и через печать» [Абрамова, 2016, с. 167]. А. В. Кравченко отмечает связь журнала «Пионер» с партийно-государственной системой, которая давала «указания, зачем и как изображать прошлое» [Кравченко, 2015а, с. 108]. Ученый также анализирует опыт медиатизации общественного исторического опыта и неудачную попытку актуализировать политику десталинизации на страницах журнала «Пионер» в перестроечное время [Кравченко, 2015б]. Семиотически сложные способы создания пропагандистских мифов в региональной детской прессе обсуждает Е. В. Капинос, отмечая, что «если каждый отдельный

текст довольно прост и схематичен, то их набор и расположение в журнале дают ощущение многогранного, очень продуманного идеологического конструкта» [Капинос, 2017, с. 75]. Визуальные образы «советскости» как комплекса мировоззренческих установок и поведенческих норм, прививаемых советской пропагандой, на материале журнала «Мурзилка» рассматривает О. В. Рыжкова [Рыжкова, 2018]. Идеологически нагруженная оппозиция «мы — они», с которой соотносительны языковые и семиотические ресурсы конструирования, изучается как признак дихотомического восприятия мира в советскую эпоху [Мусорина, Сорокина, 2020].

Наряду с идеологической функцией советской детской периодической печати обсуждается её роль как инструмента социализации, задающего определенные ценностные ориентиры, необходимые для успешного развития советского общества [Маругина, 2013]. Роль журнала «Вясёлка» в духовно-нравственном воспитании детей Советской Белоруссии становится предметом внимания в работе С. В. Харитоновой [Харитонова, 2021]. В числе ключевых аксиологических доминант исследовательница называет ценность природы и животного мира, ценность знаний и семейные ценности, тогда как ценность государственности занимает 15 место из 21. С. В. Харитонова перечисляет также популярные жанры журнала: стихотворения, песни, рассказы, задачи и загадки, которые выступали в комплексе с иллюстративными средствами художественного оформления детского медиа [Харитонова, 2021, с. 128]. Обсуждая жанры и рубрики детских журналов советской эпохи, исследователи отмечают сочетание идеологической и развлекательной составляющих [Маругина, 2011], разнообразие рубрик, включая развивающие и занимательные [Абрамова, 2016], красочность обложек и богатство иллюстративного материала [Абрамова, 2016; Рыжкова, 2018; Харитонова, 2021].

Интересно, что поиск зарубежных работ, обращенных к советским медиа для детей, даёт весьма скудные результаты. В числе обнаруженных нами исследований — работа о радио- и телепрограммах для детей и молодёжи в советской Бурятии [Chakars, 2015], автор которой приходит к выводу о стратегическом формировании контента, продвигающего ценности образования, спорта, взаимовыручки, патриотизма и направленного на формирование сознательных граждан республики. Анализ собственно содержания советских средств массовой информации нельзя назвать приоритетом зарубежных исследователей, которые предпочитают ставить в фокус работ проблему тотального контроля и цензуры СМИ со стороны советского государства [Dzirkals, Gustafson, Johnson, 1982], а также роль СМИ как инструмента подавления горизонтальных связей в обществе [Roth-Ey, Zakharova, 2015; Nelson, 2009].

Полагаем, что системный анализ собственно дискурсивных, языковых механизмов и семиотических ресурсов, создающих медиатизированную модель советского общества и места ребенка в нем, в значительной мере дополнит уже существующие положения о характеристиках советской детской прессы. Тексты журнала «Пионер» не изучались с точки зрения лингвистических и дискурсивных концепций, и эта исследовательская ниша составляет новизну нашего проекта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящий проект выполняется в русле дискурсивных исследований и опирается на несколько базовых предпосылок. Поскольку мы имеем дело с речевым материалом, прежде всего отметим характерную для дискурсивных исследований специфику понимания языка как инструмента конструирования социальной действительности. Для установления связи между общественным порядком и языком Н. Фэрклоф использует категорию «порядок дискурса» (order of discourse), который определяет как «относительно устойчивое социальное структурирование языка, которое в свою очередь является элементом относительно устойчивого структурирования и взаимодействия социальных практик» [Fairclough, 2004, с. 3]. Е. А. Кожемякин пишет о современном сдвиге «к изучению роли языка в конструировании социального мира, в обосновании повседневности, к анализу языка как идеологического инструмента, как способа упорядочивания социальных отношений, (вос)создания социального порядка и т. д.» [Кожемякин, 2008, с. 4—5]. В рамках конструктивистского подхода важность имеют такие используемые нами далее категории, как идеология и социокультурная практика. Вслед за Т. ван Дейком мы понимаем идеологии как «совокупности социальных убеждений, хранимых в долгосрочной памяти» (social belief systems, stored in long-term memory) [van Dijk, 2006, с. 729] и не придаём этой категории негативной коннотации. Наша задача состоит не в оценке состоятельности или несостоятельности советской идеологии, а в выявлении способов её медиатизации. Что касается понятия социальной (или социокультурной) практики, оно до сих пор не получило единого толкования и широко обсуждается в рамках социологии и философии [Рудкевич, 2020]. Не претендуя на оригинальность, под социальными практиками мы понимаем относительно устойчивую систему ценностей и действий индивидов, которая определяет функционирование основных сфер жизни. Социальные практики связывают когнитивное и материальное: «…посредством социокультурных практик происходит организация и самоорганизация социального пространства, общественного и индивидуального сознания» [Рудкевич, 2020, с. 55].

Помимо конструктивистских положений, на которых базируется критический дискурс-анализ, мы также используем собственно лингвистический инструментарий исследования и опираемся на теорию журналистских жанров [Тертычный, 2000; Короченский, 2015] и теорию жанров речи М. М. Бахтина [Бахтин, 1986]. В то время как первая систематизирует особенности профессиональных журналистских практик и способы медиатизации действительности в них, вторая охватывает все многообразие речевых практик в обществе.

Далее мы представим некоторые результаты, полученные на основе анализа корпуса (12 выпусков журнала «Пионер» за 1970 год), тексты которого характеризуются по четырем параметрам: 1) жанр печати; 2) степень идеологической нагрузки; 3) суть репрезентируемой социокультурной практики и 4) языковые, речевые и визуальные формы реализации (в том числе жанры речи и отдельные языковые и семиотические средства).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семиотика обложки

По верному замечанию К. В. Абрамовой, журнал следует рассматривать как единое произведение со сложной природой [Абрамова, 2016, с. 167]. Уточним, что журнал представляет собой сложный семиотический комплекс с определенным набором жанров, рубрик, авторов, героев, сюжетов, иллюстративного материала, оформительских элементов и шрифтов, связанных между собой структурно, тематически, семантически, семиотически и интертекстуально. Это в полной мере относится к журналу «Пионер». Поскольку первый структурный элемент, с которым сталкивается читатель, это обложка издания, её дизайн играет большую роль в «упаковке» смыслов. Обложки журнала «Пионер» 1970 года всегда полихромные и яркие, практически не содержат вербальных компонентов за исключением непосредственно названия журнала, указания месяца и года выпуска, а также названия издательства — «Правда». Название журнала выполняется каждый месяц разными цветами, тогда как остальная информация представлена мелким шрифтом в чёрном цвете. Адресованное школьникам издание часто размещает на обложке изображения детей в разных ситуациях — как институциональных, так и повседневных. Визуальным маркером институциональных ситуаций выступает пионерский галстук: дети с пионерскими галстуками появляются на обложках четырёх выпусков в году. Это фотография группы школьников в пионерской форме, а также рисунки с разными сюжетами: отъезд пионера на пионерский слёт (рис. 1), занятие пионеров в кружке юных техников, изображение мальчика в школьной форме с портфелем на обложке сентябрьского выпуска. Изображения на

обложках могут выступать и репрезентациями неформальных повседневных практик детей: новогодний праздник около ёлки (рис. 2), катание на лыжах или помощь взрослым.

Рис. 1. Отъезд пионера на пионерский слёт. Обложка журнала «Пионер», 1970, № 6

Рис. 2. Праздник около новогодней ёлки. Обложка журнала «Пионер», 1970, № 12

В то же время создатели журнала придерживаются государственных мировоззренческих установок, и к важным государственным праздникам приурочены идеологически нагруженные визуальные образы. Так, на обложке апрельского номера — изображение рабочего места школьника и портрета В. И. Ленина над столом. Яркие розовые и голубые цвета передают радостное весеннее настроение, которое связывается с празднованием дня рождения Ленина. Об этом говорит лежащий на столе листок с карандашным рисунком солнца и подписью «22 апреля Ленин» (рис. 3).

Изображение на обложке выступает в едином семиотическом комплексе с текстом на следующей странице, письмом школьницы в журнал, в котором она пишет о Ленине как «об удивительном, мудром и очень простом и понятном человеке» («Пионер», 1970, № 4), отмечает такое качество вождя, как любовь к людям: *По-моему, самая яркая черта Владимира Ильича — это любовь к человеку, такая большая, беспредельно большая*

любовь. Эта любовь и повела его на борьбу за счастье людей («Пионер», 1970, № 4).

Рис. 3. Изображение рабочего места школьника с портретом В. И. Ленина. Обложка журнала «Пионер», 1970, № 4.

В таких описаниях Ленина отчетливо просматриваются «взрослые» дискурсивные практики по мифологизации образа вождя. В числе типичных материалов по увековечению памяти Ленина после его смерти в газете «Правда» А. Сарычева выделяет «материалы, в которых Ленин предстает, наоборот, “самым человечным человеком”, где подчеркиваются такие его достоинства, как любовь к справедливости, готовность помочь и понять, дружелюбность, умение расположить к себе и т. д. Основная задача этого блока публикаций — показать, что Ленин посвятил жизнь борьбе за счастье всех людей на земле» [Сарычева, 2017, с. 52]. Кроме того, исследовательница отмечает материалы, которые характеризуют Ленина «как близкого друга любому рабочему или крестьянину, как человека, ставшего по-настоящему родным для миллионов людей по всей стране» [Там же]. На мотиве фактически не существующей близости построено и письмо советской школьницы. Визуальный образ — портрет Ленина над школьным столом — выступает в комплексе с идеей о близости и простоте Ленина, выраженной вербально.

При том что обложка журнала обычно выделяет ключевой сюжет текущего момента, содержание журнала от выпуска к выпуску определяется устоявшимся и достаточно сбалансированным набором жанров и рубрик.

3.2. Информационные жанры журнала «Пионер»

Медийные жанры можно рассматривать в терминах жанров периодической печати, и в этом случае целесообразно опираться на ставшую классической классификацию А. А. Тертычного, который выделяет информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры периодической печати в зависимости от трёх главных способов отображения действительности: фактографического, аналитического и наглядно-образного [Тертычный, 2000]. Полагаем, однако, что обращение к теории речевых жанров М. М. Бахтина [Бахтин, 1986] может в значительной мере обогатить анализ жанров детского журнала. В рамках одной статьи не представляется возможным охватить все жанровое разнообразие журнала, поэтому выстраиваем некоторую общую классификацию информационных жанров в зависимости от степени идеологической нагрузки: от полного её отсутствия до таких типов журнальных текстов, в которых собственно информационная составляющая становится второстепенной на фоне функции идеологического воздействия.

Полное отсутствие идеологической ангажированности характеризует такой жанр, как ***научно-популярная заметка***. Это информационный жанр, нацеленный на сообщение некоторой фактологической информации об окружающем мире. Примеры таких заметок встречаем в рубриках «Научный телеграф» и «Почему и отчего?». Последняя организована в вопросно-ответной форме: на вопросы о природе, физических явлениях, мышлении человека из писем ребят отвечают эксперты в соответствующих областях знаний. Так, к примеру, редакция указывает, что на вопросы «Из чего состоят облака?» и «Почему они не “расплываются”?» отвечает А. Гинзбург, научный сотрудник Института физики атмосферы Земли («Пионер», 1970, № 3). Текст ответа небольшой, написан доступным языком и содержит научно достоверную информацию, которая представлена соответствующей терминологией *(удерживается в атмосфере, сконденсируется, излишек водяного пара, микроскопические, уровень конденсации и др.)*. Кроме того, происходящие физические процессы наглядно демонстрирует схематичная иллюстрация к ответу ученого. Таким образом, взрослое экспертное знание доходит до юного читателя в увлекательной форме, которая соответствует его возрасту и уровню восприятия. Заметка одновременно актуализирует практики научной и педагогической коммуникации. Как видно из

диалогического формата рубрики, в передаче знаний заинтересованы обе стороны: ребенку интересны явления природы, и он пишет письмо с вопросом, а эксперт готов помочь разобраться.

Статьи, сообщающие о достижениях, научных открытиях и их применении в народном хозяйстве страны, о работе производств и предприятий, то есть «привязанные» к советскому контексту, в целом имеют фактологическую направленность, но обычно содержат ряд эксплицитных маркеров советской идеологии. К примеру, статья о работе аэропорта Шереметьево («Пионер», 1970, № 6) подробно рассказывает юному читателю о том, как устроен рабочий процесс на земле и в воздухе, называет профессии задействованных людей, описывает их действия: *Сначала пилот запрашивает по радио разрешение на запуск двигателей у диспетчера по рулению. Потом, если взлетно-посадочная полоса свободна, диспетчер стартового командного пункта дает ему «добро» на вылет. Наступает очередь третьего диспетчера, который провожает машину до высоты двести метров. И наконец пилот переходит на связь с самым главным диспетчером. Он будет контролировать полет за много километров от аэродрома* («Пионер», 1970, № 6).

Из текста статьи читатель узнает и некоторые лексические единицы, в том числе сленговые, профессионального языка работников отрасли гражданской авиации: *самолеты-разведчики («зондировщики»), воздушная болтанка, обледенение.* К отдельным маркерам государственной идеологии можно отнести упоминание звания Героя Советского Союза, которое присвоено одному из авиадиспетчеров. Эта характеристика сотрудника не играет роли для фактологической стороны сообщаемой информации, но является носителем дополнительных коннотативных смыслов, выражает уважительное отношение автора к герою публикации и его признанному на государственном уровне статусу.

Другой пример такого типа публикаций — объёмный материал, озаглавленный «Поиск пути» («Пионер», 1970, № 11), об использовании ЭВМ в строительстве, медицине, энергетике и других отраслях. Идеологическим маркером выступает эпиграф — цитата, принадлежащая Л. И. Брежневу: *«Управление превращается в науку, и этой наукой надо возможно быстрее и возможно глубже овладевать, упорно учиться»*. Идеологическую коннотацию цитаты определяет её авторство, поскольку сам тезис не соотносится с какими-либо политическими убеждениями, а продвигает ценность учебы и образования. Другим узнаваемым маркером является распространенный в политическом дискурсе штамп-декларатив: *«Партия уверенно ведёт наш народ по пути к коммунизму»*. Таким образом, в целом статьи общеобразовательного характера характеризуются фактологиче-

ским подходом, который дополняется идеологической рамкой, не трансформирующей жанр с содержательной точки зрения.

Примером информационного жанра, относительно свободным от каких-либо идеологических установок, является также ***энциклопедия***, представленная в рубрике «Самая малая энциклопедия». Строго говоря, энциклопедия — это не медийный жанр, и в журнале она представлена в кратком виде — занимает одну страницу журнала. Суть рубрики в том, чтобы объяснять значения и этимологию определенных групп слов, давать информацию о развитии русского языка. Журнальный вариант энциклопедии выполняет общекультурную функцию: *Самая малая энциклопедия объясняет значение терминов, понятий, имён и названий, говорит о происхождении слов, их родственных связях, их жизни и работе, которую они выполняют, помогает в произношении и правописании, а также сообщает многие другие сведения, как полезные, так и занимательные* («Пионер», № 3, 1970).

Диалогические обертоны в обращении к читателю *(ты употребляешь, посмотри-ка, с твоими любимцами)* трансформируют жанр энциклопедии из взрослого в детский. При этом сохраняется суть социокультурной практики, характерной для советского общества: стремление к правильности и чистоте языка, общее внимание к культуре речи. Педагогический мотив актуализируется без излишнего морализаторства: к примеру, подросткам не отказывают в использовании сленга, а только напоминают о существовании языковой нормы. В то же время материал для рубрики может быть подобран с учетом социально-политических реалий. К примеру, энциклопедия предлагает списки русских слов, разделяя их на две группы: те, которые попали в лексикон народов мира до Великой Октябрьской Социалистической революции, и те, которые пришли в другие языки мира после Октября («Пионер», 1970, № 4). Показательно, что линией разделения в хронологии развития русского языка выступает революция как событие, повлиявшее не только на социальный строй, но и на языковое развитие. Во вторую группу включены такие слова, как *большевик, колхоз, комсомол, советский, стахановец, спутник* и др., выступающие не только именами людей и объектов, но и маркерами советских социокультурных практик.

Высокую степень идеологизации демонстрируют ***исторические статьи*** и такие жанры, как ***публичные обращения и ответы пионерии и комсомола*** друг другу. Исторические материалы о событиях 1917 года и первых послереволюционных лет, о жизни Ленина и его соратников насыщены лексемами и словосочетаниями, имеющими идеологическую нагрузку: *борьба с царским правительством, освобождение трудового народа, свергнуть царя, настоящие революционеры, опасный революцио-*

нер Владимир Ильич Ульянов и др. («Пионер», 1970, № 2). Описание исторических фактов сочетается в текстах с идеологическими коннотациями и эмоционализацией, отражая типичные медийные практики взрослого мира: *Ленинские работы, письма, записки, документы бережно хранятся в Центральном партийном архиве. И нельзя без волнения читать их: здесь в каждой строке — история Революции* («Пионер», 1970, № 2).

Что касается публичных обращений и ответов пионерии и комсомола друг другу, эти жанры можно рассматривать как элемент советской практики институционального формализованного межпоколенческого диалога. По замечанию Н. И. Маругиной, «в 60—70-е гг. XX в. началась послевоенная пора мирного строительства, страна постепенно погружалась в застой, что не могло не отразиться на детской периодике. Нарративное направление журнала сочетается в большей степени с идеологической составляющей дискурса детского журнала. На страницах журналов для детей публикуются материалы партийных съездов, конференций, пленумов, решений вождей государства, а также истории восхваления Героев Социалистического Труда <…>» [Маругина, 2011, с. 34]. При том что нельзя в полной мере согласиться с суждением о преобладании идеологической составляющей в журналах «Пионер», сложно отрицать факт медиатизации в них взрослого институционального дискурса, который актуализируется посредством публикации обращения комсомола. Более того, в эти практики формализованного диалога-симулякра вовлекаются дети: пионерия даёт ответ комсомолу на страницах журнала.

«Обращение XVI съезда ВЛКСМ ко всем пионерам Советского Союза» занимает две первые страницы журнала («Пионер», 1970, № 7), что свидетельствует о той важности, которая ему придается. Обращение наполнено апелляциями к Советской власти, Коммунистической партии, Ленину, революции, атрибутам пионерии и содержит большое количество речевых штампов: *На заре Советской власти родилась пионерская организация. Она создана Коммунистической партией, окружена любовью и заботой Родины. Растите коммунистами, помогайте революции! Это доброе и мудрое напутствие оставил Владимир Ильич самому юному поколению Страны Советов* («Пионер», 1970, № 7).

С точки зрения теории жанров речи обращение съезда ВЛКСМ представляет собой императивный жанр, цель которого — «вызвать осуществление/неосуществление событий» [Шмелёва, 1997, с. 91]. Эта цель актуализируется через ряд рекуррентных языковых форм: императивов, перформативов, конструкций *‘пусть + глагол в буд. вр.’*, побудительных эллиптических конструкций с опущенным глаголом: ***Учитесь*** *на совесть, учение — ваш главный труд.* ***Растите*** *пытливыми, упорными.* ***Помогай-***

те *товарищам, строго* ***спрашивайте*** *с нерадивых, нарушителей дисциплины.* ***Пусть*** *в школах* ***будет*** *больше кружков юннатов, юных техников, книголюбов, историков, краеведов, геологов, математиков* («Пионер», 1970, № 7); ***Мы****, делегаты XVI съезда комсомола,* ***призываем*** *всех пионеров страны начать подготовку к пионерскому юбилею* («Пионер», 1970, № 7); ***Твёрже шаг****, пионерия!* ***Выше*** *пионерские* ***знамена****!* («Пионер», 1970, № 7).

Текст обращения содержит как призывы к неким абстрактным и невыполнимым конкретной личностью действиям (начать подготовку к юбилею, выполнять заветы Ленина, укреплять дружбу с борцами за мир), так и призывы к совершению тех повседневных действий, в которых реализуются ценностные общественные ориентиры. Учёба, стремление к знаниям, труд, взаимопомощь представлены в обращении как социально одобряемые практики.

Диалог между ВЛКСМ и пионерией разворачивается на страницах журнала в двух направлениях: заданном институционально-формализованном и неформальном. В рамках институционально-формализованного диалога пионерия отвечает на обращение ВЛКСМ в следующем выпуске журнала («Пионер», 1970, № 8). Материал озаглавлен «Пионерское слово комсомолу» и имеет подзаголовок «Ответ делегатов IV Всесоюзного слета пионеров на обращение XVI съезда ВЛКСМ ко всем пионерам Советского Союза». В терминах теории жанров речи реактивным жанром на комсомольский призыв выступает жанр обещания с характерными для него формами глаголов в будущем времени: *Теперь дело за нами — действовать!* ***Обсудим*** *в отрядах и дружинах комсомольский наказ!* ***Решим****, как лучше пройти по намеченным маршрутам! На марше еще теснее* ***сплотятся*** *наши ряды. Всё, к чему призывают нас партия и комсомол, мы* ***постараемся*** *выполнить* («Пионер», 1970, № 8).

Стилистика ответа полностью соответствует стилистике обращения: текст содержит много речевых штампов, типичных для институциональной идеологической коммуникации, и набор лексических единиц, включающий партийно-комсомольско-пионерские идеологемы. Специфика синтаксиса текста определяется большим количеством неполных и парцеллированных предложений, создающих эффект его «рубленности», динамики, решительности авторов: *Мы расскажем нашим товарищам про эти незабываемые дни. Про встречи с ветеранами партии и пионерскую линейку у легендарного Зимнего. Про строгую тишину Пискаревского кладбища и митинг солидарности у «Цветка жизни». Про великий город Ленина* («Пионер», 1970, № 8).

Вторая линия реакции на обращение комсомола носит более неформальный характер. Постоянная рубрика «Радиостанция ‘Здравствуй!’»,

в которой печатались небольшие сообщения ребят о своей общественной жизни, разместила несколько ***материалов-корреспонденций*** под заголовком «Ребята отвечают на призыв комсомола» («Пионер», 1970, № 7). Отметим различие номинаций: в официальном ответе комсомолу подчеркивался институциональный статус авторов *(ответ делегатов слёта пионеров)*, тогда как в рубрике с корреспонденциями те же субъекты обозначены как *«ребята»*. В корреспонденциях рассказывается об общественно полезной деятельности пионеров (выращивании пшеницы, участии в конструировании трактора и др.). Стилистика этих материалов, однако, кардинально отличается от институционализированного официального ответа: ей присущи черты разговорной речи, инверсия, использование настоящего исторического времени, воспроизведение прямой речи, стратегия эмоционализации через указания на субъективные переживания и оценки: *Урожай* ***нас обрадовал****: семьдесят пять килограммов отборного зерна* («Пионер»,1970, № 7); *Наш учитель труда Владимир Иванович Мущинин* ***говорит****: «Давайте сделаем машину для обработки кукурузы и подсолнечника. Тут пособображать придется»* («Пионер»,1970, № 7); *Сначала* ***нам не верилось****, что мы сумеем* («Пионер»,1970, № 7); *Тут пришли к нам совсем маленькие ребята,* ***говорят****: «У нас тоже свой участок. Вы для нас тоже трактор сделайте!» <…> Теперь и* ***они довольны*** («Пионер»,1970, № 7).

Некоторые фрагменты приближают эти публикации к художественно-публицистическим жанрам, поскольку содержат художественные описания контекста происходящего, включая метафоры, эпитеты, олицетворения: *Наша* ***станица смотрит окнами*** *на предгорья Кавказа, на леса, на* ***бескрайние*** *кубанские поля. Шумит под ветром кукуруза,* ***раскланивается подсолнечник****. Нам привычны огни тракторов в ночи* («Пионер», 1970, № 7).

Таким образом, с одной стороны, журнал воспроизводил идеологически закрепленные речевые практики с характерными чертами взрослого официального дискурса, а с другой стороны, предлагал материалы, в которых репрезентации тех же ценностей (труда, знаний, любви к стране) «адаптировались» под детей. Главными героями и рассказчиками в таких публикациях были сами дети, а форма изложения была приближена к языку повседневного общения и языку художественной литературы. Такие корреспонденции проиллюстрированы рисунками, изображающими описываемые в тексте фрагменты жизни. Так, два рассмотренных выше материала подкрепляются рисунками с изображением трудовых сельских будней: полей, тракторов, фруктовых садов и людей, работающих там.

Представим результаты анализа в таблице, из которой видно, как соотносятся между собой разные параметры рассмотренных жанров (табл. 1).

Таблица 1

Параметры жанров текстов в журнале «Пионер»

№	Жанры печати	Степень идеологической нагрузки	Типы репрезентируемых практик	Языковые, речевые, визуальные формы
1	Научно-популярные заметки	Идеологическая составляющая отсутствует	Практики научной и педагогической коммуникации, повышение общекультурного уровня детей, культуры речи	Элементы диалогизации, обращения к читателю на «ты», научная лексика, доступная форма изложения, иллюстрации с изображением обсуждаемых научных фактов
2	Статьи общеобразовательного характера, энциклопедическая рубрика	Доминирует фактологическая составляющая, есть отдельные политические идеологические маркеры	Практики общекультурного развития, повышения общеобразовательного уровня детей, расширения их кругозора, социализация.	Идеологическая рамка для фактологической информации: эпиграф, отдельные советские идеологемы, штампы-декларативы, характерные для политической коммуникации
3	Исторические статьи о революции и жизни Ленина, публичные официальные обращения и ответы пионерии и комсомола	Идеологическая нагрузка преобладает над фактологической составляющей	Институциональные практики общественно-политической риторики, ретранслируемой в СМИ, межпоколенческий диалог-симулякр, поддержка социально одобряемых практик (учёба, стремление к знаниям, труд, взаимопомощь)	Речевой жанр призыва, речевой жанр обещания, императивы, перформативы, формы будущего времени (для обещаний), идеологемы, неполные и парцеллированные предложения
4	Корреспонденции	Идеологическая составляющая присутствует в «адаптированной» для детей форме	Продвижение социально одобряемых практик (учёба, стремление к знаниям, труд, взаимопомощь), воспроизведение «кусочка» повседневной жизни	Черты разговорной речи, инверсия, использование настоящего исторического времени, воспроизведение прямой речи, стратегии оценки и эмоционализации, элементы стиля художественной литературы; рисунки

				с изображениями повседневной жизни

4. Заключение = Conclusions

Анализ сплошной выборки материалов журнала «Пионер» за 1970 год позволяет сделать ряд выводов, касающихся структуры советского журнала для детей и способов репрезентации в нём социокультурных практик. Детский журнал организован как единое семиотическое целое с определенным набором жанров, рубрик, авторов, героев, сюжетов, иллюстративного и оформительского материала. Эти элементы связаны между собой содержательно и семиотически. Между разными выпусками журнала прослеживаются интертекстуальные и диалогические связи, которые устанавливаются как посредством структурного единства и повторяющихся тем, так и с помощью жанровых диалогических единств: инициальные и реактивные жанры могут быть размещены в разных выпусках. В журнале используются комплексные семиотические ресурсы, комбинации вербального и визуального. Особую роль играет обложка, которая представляет легко узнаваемый сюжет из жизни советского человека, взрослого или школьника, воспроизводящий типичные социокультурные практики. Кроме того, обложка задаёт тон всему выпуску, официальный или неформальный. Выпуски, приуроченные к официальным праздникам и событиям, которые связаны с общепринятыми политическими убеждениями, «упакованы» в обложку с соответствующими визуальными элементами, носителями идеологических смыслов.

К жанрам журнала «Пионер» применима классическая классификация жанров СМИ, выделяющая информационные, аналитические и художественно-публицистические. Однако рассмотрение жанров журнала в терминах теории жанров речи позволяет выявить более тонкие различия в интенциях авторов и языковых формах выражения, а также связать жанры журнала с бытующими социальными и коммуникативными практиками. Для жанров журнала «Пионер» характерна разная степень идеологизации: чем меньше контекстуализирована информация (например, общенаучные и общекультурные факты), тем меньше идеологических маркеров она содержит. И наоборот, «привязка» информации к конкретному социальному контексту и ситуации порождает включение элементов с идеологическими коннотациями, то есть факты помещаются в своего рода идеологическую рамку. Наибольшая степень идеологизации присуща жанрам, воспроизводящим взрослые институциональные общественно-политические практики: мифологизацию образа вождя революции, официальные обращения партии, комсомола и ответы на них. В то же время журнал «адаптировал» репрезентации пропагандируемых ценностей для детей, предлагая их в не-

идеологизированном виде и посредством языка повседневного общения и визуальных изображений повседневной жизни. Таким образом, оперируя различными жанрами, редакция журнала «Пионер» выполняла функции главного официального журнала ЦК ВЛКСМ для детей, балансируя между необходимостью включения идеологически выверенных материалов и желанием создать привлекательный контент на языке неофициального общения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Абрамова К. В.* «Сибирский детский журнал» : темы, мотивы, редакционная тактика / К. В. Абрамова // Сюжетология и сюжетография. — 2016. — № 2. — С. 166—176.

2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. — Москва : Искусство, 1986. — С. 250—296.

3. *Капинос Е. В.* Пропагандистские мифы в «Сибирском детском журнале» : «Ученики Ленина», пионеры на камлании, «Тельбес» / Е. В. Капинос // Сюжетология и сюжетография. — 2017. — № 1. — С. 63—78.

4. *Кожемякин Е. А.* Дискурсный подход к изучению институциональной культуры / Е. А. Кожемякин. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. — 243 с. — ISBN 978-5-9571-0351-6.

5. *Короченский А. П.* Мировая журналистика : история, теория, практика / А. П. Короченский. — Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. — 240 с. — ISBN 978-5-9571-1131-3.

6. *Кравченко А. В.* Взрослая история для детей журнала «Пионер» / А. В. Кравченко // Человек. — 2015а. — № 3. — С. 105—113.

7. *Кравченко А. В.* Дети и политика десталинизации : рассказ о сталинизме на страницах журнала «Пионер» (1985—1995 гг.) / А. В. Кравченко // Журнал исследований социальной политики. — 2015б. — Т. 13. — № 3. — С. 377—390.

8. *Маругина Н. И.* Дискурсивно-тематическая направленность детского журнала XVIII—XX вв. / Н. И. Маругина // Язык и культура. — 2011. — № 2 (14). — С. 29—35.

9. *Маругина Н. И.* Репрезентация феномена детства в дискурсивном пространстве детско-юношеского журнала / Н. И. Маругина // Научный диалог. — 2013. — № 5 (17). — С. 234—249.

10. *Мусорина О. А.* Оппозиция «свой» — «чужой» в материалах журнала «Пионер» (конец 1970-х — начало 1980-х гг.) / О. А. Мусорина, С. Г. Сорокина // Язык. Право. Общество. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. — С. 185—188.

11. *Рудкевич Е. Ю.* Социокультурные практики : предметная область культурологии / Е. Ю. Рудкевич // Пространство культурного текста : сб. статей. — Саратов : Саратовский источник, 2020. — С. 51—58.

12. *Рыжкова О. В.* Визуальные образы «советскости» в детском журнале «Мурзилка» 1920—1930-х годов / О. В. Рыжкова // Советский проект. 1917—1930-е гг. : этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. — Екатеринбург : УрФУ им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. — С. 98—103.

13. *Сарычева А.* Мифологизация образа В. И. Ленина в газете «Правда» в 1924 г. / А. Сарычева // Меди@льманах. — 2017. — № 3 (80). — С. 44—56.

14. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати. Учебное пособие / А. А. Тыртычный. — Москва : Аспект Пресс, 2000. — 310, [1] с. — ISBN 5-7567-0251-2.

15. *Харитонова С. В.* Журнал «Вясёлка» в духовно-нравственном и эстетическом воспитании детей БССР / С. В. Харитонова // Весці БДПУ. Серыя 1. — 2021. — № 3. — С. 125—129.

16. *Шмелёва Т. В.* Модель речевого жанра / Т. В. Шмелёва // Жанры речи. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. — С. 88—98. — ISBN 5-900641-79-1.

17. *Chakars M.* Daily life and party ideals on late Soviet-Era radioand television : programming for children, teens, and youth in Buryatia [Electronic resource] / M. Chakars // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. — 2015. — № 46. — Access mode : http://journals.openedition.org/emscat/2572; DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.2572 (accessed 21.05.2023).

18. *Dijk van T.* Politics, ideology, and discourse. Encyclopedia of language and linguistics / T. Dijk van. — Amsterdam, London : Elsevier, 2006. — Pp. 728—740.

19. *Dzirkals L.* The media and intra-elite communication in the USSR [Electronic resource] / L. Dzirkals, T. Gustafson, A. R. Johnson // Rand. — 1982. — Access mode : https://www.rand.org/pubs/reports/R2869.html (accessed 22.05.2023).

20. *Fairclough N.* Analysing discourse. Textual analysis for social research / N. Fairclough. — London, New York : Routledge, 2004. — 270 p. — ISBN 0415258928.

21. *Nelson L.* Surrogate freedom: transmitting democracy to the Soviet Union and Eastern Bloc [Electronic resource] / L. Nelson. — Honors Projects. — 2009. — Access mode : https://digitalcommons.iwu.edu/intstu_honproj/8 (accessed 24.05.2023).

22. *Roth-Ey K.* Communications and media in the USSR and Eastern Europe [Electronic resource] / K. Roth-Ey, L. Zakharova // Cahiers du monde russe. — 2015. — № 56/2-3. — Access mode : http://journals.openedition.org/monderusse/8182 (accessed 27.05.2023).

Статья поступила в редакцию 12.07.2022,
одобрена после рецензирования 02.05.2023,
подготовлена к публикации 15.06.2023.

References

Abramova, K. V. (2016). “Siberian Children’s magazine”: themes, motives, editorial tactics. *Plotology and plotography, 2:* 166—176. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986). The problem of speech genres. In: *Aesthetics of verbal creativity. 2nd ed.* Moscow: Iskusstvo. 250—296. (In Russ.).

Chakars, M. (2015). Daily life and party ideals on late Soviet-Era radioand television: programming for children, teens, and youth in Buryatia. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines, 46.* Available at: http://journals.openedition.org/emscat/2572; DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.2572 (accessed 21.05.2023).

Dijk van, T. (2006). *Politics, ideology, and discourse. Encyclopedia of language and linguistics.* Amsterdam, London: Elsevier. 728—740.

Dzirkals, L., Gustafson, T., Johnson, A. R. (1982). The media and intra-elite communication in the USSR. *Rand.* Available at: https://www.rand.org/pubs/reports/R2869.html (accessed 22.05.2023).

Fairclough, N. (2004). *Analysing discourse. Textual analysis for social research.* London, New York: Routledge. 270 p. ISBN 0415258928.

Kapinos, E. V. (2017). Propaganda myths in the Siberian Children's Magazine: "Lenin's Disciples", Pioneers on Kamlaniya, "Telbes". *Plotology and plotography, 1:* 63—78. (In Russ.).

Kharitonova, S. V. (2021). The magazine "Vyaselka" in the spiritual, moral and aesthetic education of children of the BSSR. *Vesci BDPU. Gray 1, 3:* 125—129. (In Russ.).

Korochensky, A. P. (2015). *World journalism: History, theory, practice.* Belgorod: Publishing House "Belgorod" NRU "BelGU". 240 p. ISBN 978-5-9571-1131-3. (In Russ.).

Kozhemyakin, E. A. (2008). *A discursive approach to the study of institutional culture.* Belgorod: BelSU Publishing House. 243 p. ISBN 978-5-9571-0351-6. (In Russ.).

Kravchenko, A. V. (2015a). Adult history for children of the magazine "Pioneer". *Man, 3:* 105-113. (In Russ.).

Kravchenko, A. V. (2015b.). Children and the policy of de-Stalinization: a story about Stalinism on the pages of the Pioneer magazine (1985—1995). *Journal of Social Policy Studies, 13 (3):* 377—390. (In Russ.).

Marugina, N. I. (2011). Discursive-thematic orientation of the children's magazine of the XVIII—XX centuries. *Language and culture, 2 (14):* 29—35. (In Russ.).

Marugina, N. I. (2013). Representation of the phenomenon of childhood in the discursive space of the children's and youth magazine. *Nauchnyj dialog, 5 (17):* 234—249. (In Russ.).

Musorina, O. A., Sorokina, S. G. (2020). Opposition "own" — "alien" in the materials of the magazine "Pioneer" (late 1970s — early 1980s). In: *Language. Right. Society. Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference.* Penza: Publishing House of PSU. 185—188. (In Russ.).

Nelson, L. (2009). Surrogate freedom: transmitting democracy to the Soviet Union and Eastern Bloc. *Honors Projects.* Available at: https://digitalcommons.iwu.edu/intstu_honproj/8 (accessed 24.05.2023).

Roth-Ey, K., Zakharova, L. (2015). Communications and media in the USSR and Eastern Europe. *Cahiers du monde russe, 56/2-3.* Available at: http://journals.openedition.org/monderusse/8182 (accessed 27.05.2023).

Rudkevich, E. Yu. (2020). Sociocultural practices: the subject area of cultural studies. In: *Space of cultural text: collection of articles.* Saratov: Saratov Source. 51—58. (In Russ.).

Ryzhkova, O. V. (2018). Visual images of "Sovietness" in the children's magazine "Murzilka" of the 1920s—1930s. In: *The Soviet project. 1917—1930s: stages and mechanisms of implementation: collection of scientific tr.* Yekaterinburg: UrFU named after The First President of Russia B. N. Yeltsin. 98—103. (In Russ.).

Sarycheva, A. (2017). Mythologization of the image of V. I. Lenin in the newspaper "Pravda" in 1924. *Copper@llmanah, 3 (80):* 44—56. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. In: *Genres of speech.* Saratov: Publishing House of GOSUNTS "College". 88—98. ISBN 5-900641-79-1. (In Russ.).

Tertychny, A. A. (2000). *Genres of periodicals. Textbook.* Moscow: Aspect Press. 310, [1] p. ISBN 5-7567-0251-2. (In Russ.).

The article was submitted 12.07.2022;
approved after reviewing 02.05.2023;
accepted for publication 20.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Матлин М. Г. Своеобразие ретрансляции легенды о граде Китеже в видеотекстах блогеров YouTube / М. Г. Матлин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С.173—191. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-173-191.

Matlin, M. G. (2023). Retelling Legend of City of Kitezh in Video Texts by YouTube Bloggers. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 173-191. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-173-191. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-173-191

Своеобразие ретрансляции легенды о граде Китеже в видеотекстах блогеров YouTube

Матлин Михаил Гершонович
orcid.org/0000-0003-0748-1081
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
литературы и журналистики
matlin@mail.ru

Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-01265

Retelling Legend of City of Kitezh in Video Texts by YouTube Bloggers

Mikhail G. Matlin
orcid.org/0000-0003-0748-1081
PhD in Philology, associate professor,
Department of Russian Language,
Literature and Journalism
matlin@mail.ru

Ulyanovsk State Pedagogical
University named after I. N. Ulyanov
(Ulyanovsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01265

© Матлин М. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на примере ретрансляции легенды о граде Китеже на YouTube рассматривается своеобразие функционирования традиционного жанра русского фольклора — религиозной легенды. Особое внимание уделяется специфике видеоконтента на YouTube. Показывается, что он может быть определен как мультимодальные тексты. Показано, что легенда представлена двумя основными типами: варианты текстов, зафиксированных ранее, и тексты, передающие личный вербализованный мистический опыт общения с градом Китежем (легенда-быличка). Определены три основных типа ретрансляции вариантов легенды, зафиксированных ранее: краткие пересказы; развернутые пересказы с опорой на «Китежский летописец»; развернутые пересказы с добавлением иных исторических или квазиисторических и мифологических элементов. Установлено, что данные мультимодальные тексты можно распределить по трем группам в зависимости от количества использованных ресурсов: слабая мультимодальность — использование только двух ресурсов; средняя мультимодальность — использование трех и более ресурсов; сильная мультимодальность — использование более 4—5 ресурсов. Показано, что рассказанная / пересказанная легенда является фрагментом более сложного мультимодального текста или цикла текстов.

Ключевые слова:
легенда; град Китеж; блогер; YouTube; мультимодальный текст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the functioning of the traditional genre of Russian folklore, specifically the religious legend, through the example of retelling the legend of the city of Kitezh on YouTube. The paper highlights the specifics of video content on YouTube, which can be defined as multimodal texts. The legend is presented in two main types: variants of texts recorded earlier and texts conveying personal verbalized mystical experience of communication with the city of Kitezh (folklore legend). The paper identifies three main types of retelling the previously recorded variants of the legend: brief retellings, expanded retellings with reference to “The Kitezh Chronicler,” and expanded retellings with the addition of other historical, quasi-historical, and mythological elements. The article establishes that these multimodal texts can be distributed into three groups depending on the number of resources used: weak multimodality — using only two resources; medium multimodality — using three or more resources; strong multimodality — using more than 4—5 resources. The article shows that the told / retold legend is a fragment of a more complex multimodal text or cycle of texts.

Key words:
legend; city of Kitezh; blogger; YouTube; multimodal text.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 398.222:004.738.5+7.046.3

Научная специальность ВАК
5.9.4. Фольклористика

Своеобразие ретрансляции легенды о граде Китеже в видеотекстах блогеров YouTube

© Матлин М. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Функционирование традиционных жанров русского фольклора, еще активно бытующих сегодня (анекдоты, приметы и поверия, пословицы и поговорки, религиозные легенды, мифологические рассказы и др.), представляет сложный и многомерный процесс. Во-первых, по-прежнему важную роль играет традиционный устный способ их освоения и ретрансляции. Во-вторых, не менее значима и устно-письменная форма, когда расширение и обогащение индивидуального репертуара происходит при помощи СМИ, специализированных изданий, но их ретрансляция далее совершается устно, становясь важным фактором межличностной коммуникации. В-третьих, все большее значение приобретают, особенно для молодежи, каналы распространения информации и общения в Интернете, и прежде всего социальные сети. Причем эта ретрансляция, в отличие от традиционной, происходит в сложном и быстро меняющемся социально-культурном и идеологическом пространстве, что существенно увеличивает трансформационные процессы в области традиционного фольклора.

Развитие Интернета, прежде всего социальных сетей и YouTube, обусловило вхождение легенды о граде Китеже в это новое киберпространство.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Хотя жанровое своеобразие легенды и по сей день является весьма дискуссионным [Шеваренкова, 2004, с. 13—23; Липатова, 2019, с. 21—34], многие исследователи в качестве жанровой доминанты выделяют сочетание чудесного с установкой на достоверность [Бараг, 1993, с. 128; Левинтон, 2000, с. 45].

Особую жанровую разновидность легенд составляют религиозные, или христианские, легенды [Бараг, 1993, с. 128; Шеваренкова, 2004, с. 23—40]. К этому типу относится и легенда о граде Китеже. Важно отметить, что, давая ей общую характеристику, исследователи указывают, что она

представляет собой совокупность «народных рассказов о Китеже» [Савушкина, 1972, с. 67; Блинкова и др., 1973, с. 114], «цикл легенд под этим обобщающим названием» [Мотасова, 1994, с. 162], «огромный многослойный и многожанровый материал записей устных рассказов» [Кулагина, 2004, с. 68], при этом сама легенда «в цельном виде» не существует и не исполняется [Савушкина, 1972, с. 63].

Проанализировав записи легенды, собранные во время экспедиционной работы в 1968—1970 годах, Н. И. Савушкина установила, что она содержит 8 основных мотивов: *A — Постройка Китежа, B — Китеж в опасности, C — Чудесное спасение Китежа, D — Китеж существует,* его *местонахождение, E — Существование Китежа подтверждается вестями из него («видениями»), F — Общение с жителями Китежа, G — Возможность побывать в Китеже или уйти туда навсегда* [Савушкина, 1972, с. 63—64]. В совокупности они составляют инвариант легенды (о понятии инварианта в фольклористике см.: Левинтон, 1975, с. 311—312; Путилов 1993, с. 100; Путилов, 1994, с. 199—200). При этом «ядро легенды — местонахождение Китежа (D) определяет взаимосвязь других элементов, так как представление о том, где находится град Китеж, является объединяющим для остальных свидетельств» [Савушкина, 1972, с. 64]. Отметила она и наличие версий сюжета, в частности, либо повествующие о прошлом Китежа, либо приводящие «новые свидетельства о его непрекращающемся существовании» [Савушкина, 1972, с. 75], указывающие на пребывание града Китежа либо под землей, либо под водой [Савушкина, 1972, с. 61, 64]. Что касается третьей версии — сокрытия града Китежа «по мановению руки господней», то она «в народной передаче почти не встречается» [Савушкина, 1972, с. 65]. Важную роль в функционировании легенды также играют «мотивы религиозных “видений” и “чудес”, которые образуют отдельные и самостоятельные тексты “типа былички, часто сюжетного характера (мемораты и фабулаты)”» [Савушкина, 1972, с. 75]; см. также [Шеваренкова, 2004, с. 41—57]. Основные выводы Н. И. Савушкиной были подтверждены экспедицией кафедры устного народного творчества (УНТ) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ) под руководством А. В. Кулагиной и В. А. Ковпика в 2003 году [Кулагина, 2004].

Однако при характеристике своеобразия легенды о граде Китеже нельзя ограничиваться только фольклорными записями, ибо уже со второй половины XIX века она начинает активную жизнь в русской культуре: музыке, литературе, живописи, религиозно-философских построениях русской интеллигенции и проч. [Шестаков, 1995; Мотасова, 1994; Семикопов, 2012; Михайловский, 2019]. Эти две линии бытования легенды особенно

активно начали взаимодействовать в конце XX века, определяя как устную, так и письменную ее форму. Большое значение в этом процессе имел роман П. И. Мельникова-Печерского «В лесах», в котором писатель создал свой поэтический вариант легенды.

Обращение ютуберов к легенде о граде Китеже не случайно. Уже в конце 1990-х — начале 2000-х на озеро Светлояр хлынул поток как сторонников русской православной церкви, так и представителей неинституализированных религиозных движений (неоязычники, эзотерики, кришнаиты, представители нью-эйдж и др.) [Зудов, 2019] и творческой интеллигенции [Кулагина, 2004, с. 69]. В начале 2000-х этот поток резко расширился, в том числе в связи с организацией и проведением в ночь с 6 на 7 июля праздника Ивана Купала, привлекшего к себе молодежь крупных российских городов [Семикопов, 2012, с. 76]. Поэтому не удивительно, что в 2010-е годы, когда началось бурное развитие YouTube в России, блогеры стали активно осваивать и ретранслировать на своих каналах тот комплекс представлений, верований и практик, которые были связаны с озером Светлояр и градом Китежем.

Нами просмотрено более 100 каналов с видео, посвященными Светлояру и граду Китежу. Для анализа отобрано 50 каналов, на которых зафиксировано 103 видео. Наибольшее количество каналов, на которых представлена тема Светлояра и града Китежа, были активны в 2012—2016 годах (25 каналов).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Специфика видеоконтента на платформе YouTube

Существует большое количество научных работ, посвященных YouTube, в которых предлагается различное понимание этого феномена: «mediated social spaces» («опосредованное социальное пространство») — (здесь и далее перевод наш. — *М. Г.*) [Lang, 2019, p. 3], «a way of strategically combining video content with numerical data» («способ стратегического сочетания видеоконтента с числовыми данными») [Snickars et al., 2010, p. 16] и др. В России в 2021 году было официально узаконено функционирование платформы YouTube как социальной сети (№ 4). Но при этом исследователи отмечают и принципиальное отличие YouTube от других онлайн-социальных сетей (OSN). Это различие обусловлено тем, что «“social” now incorporates user-content-user interaction in addition to the traditional user-user interaction» («“социальная сеть” теперь включает в себя взаимодействие пользователя с контентом в дополнение к традиционному взаимодействию пользователя с пользователем»), поэтому YouTube, как и некоторые другие новые контентоориентированные социальные сети (Twitter), «create

new social dynamics» («создают новую социальную динамику») [Wattenhofer et al., 2012]. Так как в данном случае контент — это видео, «much of the interaction on YouTube takes place in a video-centered manner, such as rating another's video or leaving a video comment. Therefore, user interaction becomes very much a user-content-user relationship where users interact with each other through a gluing layer of uploaded content» («то большая часть взаимодействия на YouTube происходит в форме, ориентированной на видео, например, когда вы оцениваете чужое видео или оставляете комментарий к видео. Следовательно, взаимодействие с пользователем становится очень похожим на отношения пользователь — контент — пользователь, где пользователи взаимодействуют друг с другом через склеивающий слой загруженного контента») [Wattenhofer et al., 2012]).

Еще одной специфической чертой текста, размещаемого на YouTube, является то, что он по сути «cultural and technical hybrid» («культурный и технический гибрид») [Berry, 2018, p. 93], создаваемый «в рамках цифровой алгоритмической культуры — алгоритмов и технологий производства, задаваемых платформой YouTube» [Зверева, 2020, с. 144]. Эти алгоритмы четко прописаны в требованиях к формату видео- и аудиофайлов (№ 13). Достаточно жестко заданы платформой юридические и этические правила: соблюдение авторских прав; запрет на дискриминационные высказывания, угрозы и оскорбления; нераспространение ложной информации; защита несовершеннолетних зрителей (№ 9).

Все существующие к настоящему моменту каналы на YouTube можно условно разделить на два вида: профессиональные (каналы «бумажных» СМИ, теле- и радиокомпаний, профессиональных блогеров) и любительские (каналы рядовых пользователей). Способы организации текста на них совпадают, хотя технические ресурсы профессиональных каналов во много раз превосходят любительские.

Главное, в чем они совпадают, — это создание текстов, принципиально иных по сравнению с вербальными. Исследователи определяют их как «многосоставные мультимедийные и мультимодальные нарративы» [Зверева, 2019, с. 104], для которых характерен «набор ресурсов из нескольких знаковых систем, не ограниченных только вербальными, сугубо языковыми, знаками» [Омельяненко и др., 2018, с. 70]. Они «складываются из коллажа фотографий, самодеятельных или популярных песен <…> и авторских съемок» [Зверева, 2019, с. 104], в них сочетаются «image, writing, diagrams, layouts, gestures, facial expressions, speech, music, 3D objects» («изображение, письмо, схемы, макеты, жесты, мимика, речь, музыка, 3D-объекты») [Kress, 2010, p. 79]. Таким образом, мультимодальность может быть определена как «семиотический комплекс, “работающий” как единое целое»

[Загидуллина, 2019, с. 182]. Исходя из такого понимания видеоконтент на YouTube в самом общем виде может быть определен как *мультимодальный текст* (ММТ). При этом необходимо уточнить, что в данной работе термины *мультимодальность* и *текст* понимаются в русле семиотического, а не лингвистического подхода, так как «если для социальных семиотиков термин мультимодальность кажется естественным и привычным, то с лингвистической точки зрения он противоречит терминологической традиции» [Kiklewicz, 2021, p. 162].

3.2. Легенды о граде Китеже на YouTube

Легенда о граде Китеже, которая ретранслируется на этих каналах, представлена двумя основными типами: первый тип — варианты текстов, зафиксированных ранее в фольклоре или СМИ, научно-популярной, художественной литературе, второй тип — тексты, передающие личный вербализованный мистический опыт общения с градом Китежем, то есть представляющие собой свидетельские показания, легенды-былички [Савушкина, 1972, с. 75; Шеваренкова, 2004, с. 41—57].

Пример текста первого типа (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников):

«*Так вот в 1237 году хан Батый пришел на Русь. Русь пыталась сопротивляться, но ничего не могла противопоставить монголам, которые потом основали на территории Поволжья государство Золотая Орда. Князь Владимирский Юрий бился с батыевым войском, пал, погиб. И вот здесь в районе этого озера существовал легендарный как раз град Китеж. Все мужчины ушли воевать. Так вот хочу сказать, что женщины, дети, старики здесь вот буквально начали молиться о том, чтобы Батый не затронул их, никак не смог повредить вот этому вот городу. И случилось чудо. По былинам и легендам вот этот вот весь город ушел на дно вот этого вот озера Светлояр. И сейчас, как гласят легенды, если окунуться на дно этого озера, я хочу сказать, что самая глубокая точка этого озера составляет приблизительно тридцать три с половиной метра, можно услышать звук колоколов, которые разносятся вот со дна этого озера*» (№ 14).

В данном тексте сюжет организуется сочетанием следующих мотивов (по Н. И. Савушкиной): *B (Китеж в опасности)* + C (*Чудесное спасение Китежа)* + *E (Существование Китежа подтверждается вестями из него («видениями»))*. Алломотивы, то есть конкретная реализация «мотива в данном тексте» [Путилов, 2004, с. 174], соответствуют тем, которые присущи устным вариантам легенды: B_2 — *Батый преследует князя Юрия, убивает его у стен Китежа;* C_4 — *Китеж скрывается под холмами и на дне озера;* E_3 — *слышен звон колоколов*.

Пример текста второго типа:

«*Когда подошли к озеру мне явилось первой откровение. Но оно как бы личное было. Не доходя до первой могилы, странник, я точно не знаю, потому что я первый раз здесь. Я увидела, ко мне вышел монах. И при том я одновременно видела реальность, то есть впереди шла Таня Ульянова, тоже из Братска, она впереди меня на каком-то расстоянии шла, и ко мне подошел монах и стал звать меня: "Иди, иди, не бойся". Он шел впереди как вел меня. И одновременно две реальности стала видеть. Он был в такой коричневой тунике, посох был такой, волосы длинные, седые, борода. И вот он шел, я видела его спину. И, когда он обернулся, он все время улыбался, успокаивал меня, что "иди, все будет хорошо, все прекрасно, все нормально". И дальше я шла, но я сначала этого не осознавала, что я видела. Это был как фильм какой-то, какое-то кино. Я увидела поселение, увидела, что что здесь жили люди. Это было очень, очень давно. Что вот это озеро оно тогда в то время было единственным чистым местом на планете. И отсюда шла любовь, это было сплочение всего светлого, всего гармоничного*» (№ 2).

Этот текст относится ко второй версии сюжета — повествованию, приводящему «новые свидетельства о его непрекращающемся существовании» [Савушкина, 1972, с. 75]. Мотивы и алломотивы также совпадают с устными записями, только мотив *D* существует в тексте имплицитно: *E — существование Китежа подтверждается вестями их него («видениями») (E_5 — показываются старички, монахи); F — общение с жителями Китежа (F_1 — разговор со старичками на берегу озера)* [Савушкина, 1972, с. 64].

3.3. Особенности ретрансляции вариантов легенды, зафиксированных ранее

Варианты текстов первого типа различаются особенностями ретрансляции сюжета легенды. Разделим их на краткие и развернутые пересказы.

3.3.1. Краткие пересказы вариантов легенды

«*Множество легенд сложено о великом озере Светлояре. Чего только стоит сказ о граде Китеже. Когда хан Батый осадил чудесный город, его жители обратились к Богу за помощью, и Китеж ушел под землю, скрывшись под водяным колпаком озера. Как гласит эта легенда, город жив до сих пор, только его не видят глаза неправильных людей*» (№ 12).

Традиционные мотивы и алломотивы в данном тексте: *C — Чудесное спасение Китежа (C_4 — Китеж скрывается под холмами и на дне озера*), D — *Китеж существует,* его *местонахождение (D_4 — Китеж находится на дне озера и под холмами)*. Опущена историческая часть, связанная с по-

стройкой Китежа, гибелью князя Юрия. Добавлен мотив, не отмеченный Н. И. Савушкиной, но присутствующий в тексте рукописи «Китежского летописца» («Книга глаголемая летописец. Писан в лето 66462 сентября в 5 день»): «больший же что на брегу езера Светлояра, и не видим будет болший китежь даже и до пришествия христова» [Комарович, 1936, с. 165].

3.3.2. Развернутые пересказы вариантов легенды

3.3.2.1. Развернутые пересказы легенды (по «Китежскому летописцу» с добавлением других вариантов).

«*По легенде Китеж был построен великим князем Владимирским Юрием Всеволодовичем, основателем Нижнего Новгорода. Сначала Юрий Всеволодович построил на Волге город Малый Китеж, современный Городец, затем отправился в глухой край, где нашел красивое и многолюдное место на берегах озера Светлояр, на котором поставил Большой Китеж, легендарный град Китеж.*

Сначала татарский хан Батый подступил к Малому Китежу, где произошло сражение между ним и Юрием Всеволодовичем. Татарские войска победили, а великий князь отошел в великий Китеж на озеро Светлояр. Батый приказал узнать у жителей Малого Китежа место, где находится Большой Китеж.

Один из жителей, Гришка Кутерьма или Гришка Городня, рассказал, где находится город, и пошел впереди татарского войска, указывая дорогу. Князь Юрий собрал новое войско, вступил в сражение с татарами у стен великого Китежа. Битва произошла 4 февраля. В этом сражении князь Юрий погиб. Но господь не допустил, чтобы татары завладели православным городом. Он покрылся землей и стал невидимым и таким будет оставаться до второго пришествия Христа.

10 дней и 10 ночей искали батыевы полчища город, но найти не смогли. По прошествии многих лет после монголо-татарского нашествия один пастух заблудился у горки на юго-западной стороне от берега озера. Так он нечаянно попал в подземные жилища святых людей и видел там величественных старцев. Вместе с ними он вкусил хлеба, который так ему понравился что пастух утаил себе кусок этого хлеба. Позволив ему заночевать, старцы на следующее утро выпроводили его из своего жилища, которое пастух уже не хотел покидать. Вернувшись в свое поле, пастух достал спрятанный хлеб, но в нашем мире хлеб оказался гнилушкой» (№ 6).

Основные мотивы и алломотивы данного варианта: *А — Постройка Китежа (A_1 — князь Юрий строит Большой Китеж на берегах Светлояра), В — Китеж в опасности (B_2 — Батый преследует князя Юрия,*

убивает его у стен Китежа), C — Чудесное спасение Китежа (C_3 — Китеж скрывается под землей (холмами)); D — Китеж существует, его местонахождение (D_3 — Китеж находится под землей); G — Возможность побывать в Китеже или уйти туда навсегда (G_3 — пребывание заблудившегося человека в Китеже с возвращением (пастуха, пастушонка, старика)). В тексте также есть вставка из варианта легенды из романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»: «10 дней и 10 ночей искали батыевы полчища город, но найти не смогли».

3.3.2.2. Развернутые пересказы легенды с включением в содержание иных исторических или квазиисторических и мифологических элементов

«*8 столетий назад во времена тяжелой битвы с ханом Батыем жители осажденного града Китежа молились о спасении. По преданиям этот город не был торговым и ремесленным, он был наполнен храмами и являлся святыней Поволжья, местом, где прославляли Бога и его святых. Старцы и все китежане молились Богородице, поэтому она укрыла город своим покровом. В результате многодневной коллективной молитвы и призывания божественных сил город был спасен от разграбления и уничтожения святынь. Он опустился под землю, и на его месте образовалось красивое озеро почти правильной круглой формы. На физическом плане мы видим, что святость проявляется через прекрасную природу. Многие считают воду озера целебной. А на духовном плане жители града Китежа благодаря молитве во свое спасение переместились в божественное измерение. Сильная вера и молитва помогли им это сделать. Они соединились с Богом и вознеслись в духе, в результате чего образовалась светлая сакральная вселенная. И теперь ныне живущие люди, приезжающие поклониться святому месту, в соответствии со своей верой соприкасаются с этой вселенной и получают благословление и исцеляют душу*» (№ 4).

Этот вариант легенды представляет собой сочетание традиционных мотивов и алломотивов устных вариантов легенды (*B — Китеж в опасности, C — Чудесное спасение Китежа (C_2 — Китеж проваливается и образуется озеро*) с квазиисторическим «преданием» о граде Китеже как «святыне Поволжья» и с мифологизированным развитием мотива святого незримого града в контексте идей нью-эйдж («образовалась светлая сакральная вселенная»). Здесь также присутствует мотив, который впервые был зафиксирован в «Повести и взыскании о граде сокровенном китеже» («покры господь той град дланию своею и невидим бысть по их молению и прошению» [Комарович, 1936, с. 171]), но в более традиционном варианте — Богородица укрывает город своим покровом.

3.4. Своеобразие мультимодальности вариантов легенды на YouTube

Что касается мультимодальности текстов, создаваемых блогерами на YouTube, то она представлена в широком диапазоне: от использования минимального количества ресурсов до сложного мультимодального текста, сочетающего вербальные (устный рассказ, письменный текст), визуальные (репродукции картин, фотографии, авторские видеосъемки) и аудиальные (инструментальная музыка, песни, природные звуки и проч.) компоненты. Значимо еще и то, что теперь при просмотре видео на YouTube пользователь может включить режим «Субтитры» или «Показать текст видео», что расширяет мультимодальность, конечно, при условии, что видеозапись сочетается с аудиозаписью.

Как показал анализ, все мультимодальные тексты, ретранслирующие легенду о граде Китеже, можно распределить по трем группам в зависимости от количества использованных ресурсов (кодов):

3.4.1. Слабая мультимодальность — использование только двух ресурсов: изображение статичное или движущееся рассказчика / автора (видеозапись) и устный рассказ легенды (аудиозапись).

«Свидетельство на Светлояре» (№ 2). В кадре (крупный план) женщина 50—55 лет. Она стоит у ели вполоборота к камере и рассказывает о своем видении. Использованы только два ресурса: статичное изображение (видео рассказчика) и устный рассказ (аудио).

«Легендарное озеро Светлояр. Рассказывает Сергей Уткин» (№ 14). В кадре мужчина 50—55 лет, одетый в стилизованную монашескую одежу. Он сидит в лодке, стоящей у берега озера. Выбор места съемки обусловлен стремлением сосредоточить внимание слушателей не только на самом рассказе, но и на обстоятельствах рассказывания, в частности, на том, что оно происходит на самом озере. Поэтому в процессе рассказа говорящий несколько раз жестами указывает на озеро как на место события рассказа, тем самым актуализируя его, повышая степень достоверности, приближая к слушателям и зрителям. Как и в предыдущем случае использованы только два ресурса: статичное изображение (видео рассказчика) и устный рассказ (аудио).

«Озеро Светлояр и мой рассказ о магическом излечении» (№ 7). В кадре (сверхкрупный план) лицо женщины 30—35 лет. Снято на пляже озера Светлояр. За кадром — плач ребенка, шум голосов, плеск воды. Включение этих шумов в кадр не было специальной задачей автора. Напротив, использование сверхкрупного плана преследовало цель выделить рассказ и рассказчика, сконцентрировать на этом внимание пользователей канала.

Также задействованы только два ресурса: статичное изображение (видео рассказчика) и устный рассказ (аудио).

3.4.2. Средняя мультимодальность — использование трех и более ресурсов: статичное или движущееся изображение рассказчика / автора (видеозапись) и устный рассказ легенды (аудиозапись) или только устный рассказ легенды (аудиозапись); фотографии; музыкальные и / или живописные произведения.

«Легендарный Китеж град никогда не существовал» (№ 1). Текст представляет собой видеопрезентацию, в которой пересказ легенды, данный за кадром, иллюстрируется двумя репродукциями и небольшим музыкальным вступлением.

«Легенда Озера Светлояр и граде Китеже» (№ 3). Текст представляет собой видеопрезентацию, в которой пересказ легенды, данный за кадром, иллюстрируется фотографиями и репродукциями картин. Все они служат иллюстрациями к легенде.

«Озеро Светлояр и град Китеж» (№ 6). Текст представляет собой видеолекцию (определение самого автора) с презентацией, в которой легенда иллюстрируется репродукциями картин известных и малоизвестных художников, фотографиями отдельных мест и предметов, о которых идет речь в легенде. Все они служат иллюстрациями к легенде.

3.4.3. Сильная мультимодальность — использование более 4—5 ресурсов: статичное или движущееся изображение рассказчика / автора (видеозапись) и устный рассказ легенды (аудиозапись) или только устный рассказ легенды (аудиозапись); фотографии; музыкальные и / или живописные произведения; видео локусов, объектов, действий автора и / или других людей; географические карты; письменные тексты и др.

«Легендарный СветлоЯР. Фильм 1» (№ 4). Использованные ресурсы: устный рассказ, инструментальная музыка, видео озера и его посетителей, видео экспозиции музея (керамические панно), фотографии, репродукции произведений живописи.

«Озеро Светлояр. Древний город под водой» (№ 5). Использованные ресурсы: устный рассказ, статичное изображение рассказчика / автора (видео), фрагменты из кинофильмов, авторская видеосъемка, географические карты, фотографии, инструментальная музыка, репродукции произведений живописи, письменный текст (цитата из романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»).

«СВЕТЛОЯР. Мифы и рифы» (№ 11). Использованные ресурсы: устный рассказ, инструментальная музыка, видео озера и его посетителей, фотографии, кадр из мультфильма, репродукции картин художников и летописных миниатюр, 3D схема.

«Очерки об озере Светлояр, легенда про град Китеж» (№ 8). Использованные ресурсы: устный рассказ, движущееся изображение рассказчика / автора (видео), инструментальная музыка, видео озера и его посетителей, фотографии, репродукции произведений живописи, компьютерная анимация.

«Легендарный Китеж град никогда не существовал» (№ 1). Использованные ресурсы: устный рассказ, инструментальная музыка, фотографии, авторские титры, фрагменты видеосъемок музейной экспозиции, репродукции произведений живописи.

Функционируя в социальной сети YouTube, указанные мультимодальные тексты просматриваются, комментируются, оцениваются (это фиксируется указанием на количество просмотров, комментариев, «лайков»), в результате чего и организуется собственно социальное общение. Важно, что этот результат создается не однократно и одномоментно, не остается постоянным, а изменяется, пока существует канал и видео на нем.

4. Заключение = Conclusions

Анализ своеобразия функционирования на YouTube легенды о граде Китеже показал, что оно осуществляется двумя способами: ретрансляцией вариантов, зафиксированных в фольклорной или литературной традиции (СМИ, научно-популярная, художественная литература), или трансляцией вербализованного личного мистического опыта общения с градом Китежем. Специфика платформы YouTube обусловливает возникновение при такой ретрансляции / трансляции текста особого типа — мультимодального, который определяется как «набор ресурсов из нескольких знаковых систем, не ограниченных только вербальными, сугубо языковыми, знаками» [Омельяненко и др., 2018, с. 70]. При этом в зависимости от того, сколько разных ресурсов использовал автор, мультимодальность может быть слабой, средней и сильной.

Ретрансляция вариантов легенды, зафиксированных ранее, также может быть нескольких типов: краткие пересказы различных вариантов легенды; развернутые пересказы легенды (по «Китежскому летописцу» с добавлением других вариантов); развернутые пересказы легенды с включением в содержание иных исторических или квазиисторических и мифологических элементов.

Подавляющее большинство мультимодальных текстов легенды о граде Китеже — только фрагмент более сложного мультимодального текста. Они сочетаются с рассказом об эмоциональных переживаниях, другими вариантами и версиями легенды, различного рода комментариями к ней, дополнительной информацией об авторе, озере, других природных и куль-

турных явлениях. Важно и то, что на многих каналах даже такие расширенные тексты сами являются частью цикла, объединенные темой и / или автором, коммуникативной целью, стилем. А так как YouTube — это специфическая социальная сеть, в которой видео существуют не сами по себе и не сами для себя, а как объект, обеспечивающий взаимодействие пользователей друг с другом, то ретрансляция легенды на нем функционирует как один из элементов сложного гипертекстуального коммуникативного пространства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники

1. *Абарин* Юрий. Легендарный Китеж град никогда не существовал [Электронный ресурс] // Абарин Юрий : [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 5 февраля 2021. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=lpM_cXvPm4w (дата обращения 03.02.2023).

2. [*Дьяченко* Елена]. Свидетельство на Светлояре [Электронный ресурс] // АРиМА — Свет Вселенской Любви : [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 3 декабря 2013. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=58kW_fZCfIA (дата обращения 03.02.2023).

3. *Легенда* Озера Светлояр и граде Китеже [Электронный ресурс] // Мудрость Мира : [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 12 февраля 2019. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=465_zQo1dz4 (дата обращения 03.02.2023).

4. *Мяченков* Денис, Михайлюк Максим. Легендарный СветлоЯР. Фильм 1 [Электронный ресурс] // DattaMedia Film: [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 6 ноября 2013. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=25Ugx2CXTY4) (дата обращения 03.02.2023).

5. *Озеро Светлояр*. Древний город под водой [Электронный ресурс] // Изи Изюм : [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 30 апреля 2021. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=QhkWkzipa5E (дата обращения 03.02.2023).

6. *Озеро* Светлояр и град Китеж [Электронный ресурс] // Gulich Lapulich Travel: [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 3 июня 2018. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=cHNnbFSYQ0g (дата обращения 03.02.2023).

7. *Озеро Светлояр и мой рассказ* о магическом излечении (2016) [Электронный ресурс] // Женский ПУК : [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 29 августа 2016. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=W4wxC8bbYHY (дата обращения 03.02.2023).

8. *Очерки* об озере Светлояр, легенда про град Китеж [Электронный ресурс] // Путевые Очерки — канал о путешествиях: [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 4 июля 2015. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=DjrWGeSI8f8&t=1s (дата обращения 03.02.2023).

9. *Правила* и рекомендации [Электронный ресурс] // YouTube Creators : [официальный аккаунт на YouTube]. 14 апреля 2021. — Режим доступа : https://www.youtube.com/intl/ru_ALL/creators/how-things-work/policies-guidelines/ (дата обращения 03.02.2023).

10. *Роскомнадзор* включил в реестр соцсетей YouTube, но не Telegram [Электронный ресурс] // Вести.RU. —22 сентября 2021. — Режим доступа : https://www.vesti.ru/hitech/article/2616965 (дата обращения 03.02.2023).

11. *СВЕТЛОЯР*. Мифы и рифы [Электронный ресурс] // Канал *GOVOR1000*: [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 30 июня 2016. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=Q3bkgyqNT7I (дата обращения 03.02.2023).

12. *Светлояр* : сказка или реальность? [Электронный ресурс] // Свободное Слово : [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 18 ноября 2014. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=FAChETZQZbM (дата обращения 03.02.2023).

13. *Требованиях* к формату видео и аудиофайлов [Электронный ресурс] // Справка — YouTube. — Режим доступа : https://support.google.com/youtube/answer/4603579?hl=ru_ALL (дата обращения 03.02.2023).

14. *Уткин* Сергей. Легендарное озеро Светлояр [Электронный ресурс] // Sergey Utkin : [канал пользователя видеохостинга YouTube]. 20 июля 2020. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=xYi9-Qbk1Qw (дата обращения 03.02.2023).

Литература

1. *Бараг Л. Г.* Легенда / Л. Г. Бараг // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Редкол. : К. П. Кабашников (отв. ред.) и др. — Минск : Навука і тэхніка, 1993. — С. 128.

2. *Блинкова Л. А.* Китежская легенда и несказочная проза Заволжья / Л. А. Блинкова, Р. Г. Бородько, И. И. Одинцова, Н. И. Савушкина // Советская этнография. — 1973. — № 4. — С. 113—122.

3. *Загидуллина М. В.* Мультимодальность : к вопросу о терминологической определенности / М. В. Загидуллина // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 1 (31). — С. 181—188.

4. *Зверева Г. И.* «Мой любимый город» : сторителлинг в русскоязычных любительских видео на YouTube / Г. И. Зверева // Артикульт. — 2019. — № 4 (36). — С. 103—111. — DOI: 10.28995/2227-6165-2019-4-103-111.

5. *Зверева Г. И.* Коллективная память о советском прошлом на YouTube : способы аудиовизуального конструирования рядовыми видеоблогерами / Г. И. Зверева // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2020. — № 8. — С. 133—147. — DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-133-147.

6. *Зудов Е. В.* Новые религиозные движения : проблема типологизации / Е. В. Зудов // Kant. — 2019. — № 2 (31). — С. 224—232.

7. *Комарович В. Л.* Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд / В. Л. Комарович. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1936. — 185 с.

8. *Кулагина А. В.* Несказочная проза об озере Светлояр : к вопросу о динамике фольклорной традиции / А. В. Кулагина // Актуальные проблемы полевой фольклористики. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2004. — Выпуск 3. — С. 62—70.

9. *Левинтон А. Г.* К проблеме изучения повествовательного фольклора / Г. А. Левинтон // Типологические исследования по фольклору : Сборник статей памяти В. Я. Проппа. (1895—1970). — Москва : [Наука], 1975. — С. 303—321.

10. *Липатова А. П.* Вариативность легенды / А. П. Липатова. — Москва : РГГУ, 2019. — 224 с. — ISBN 978-5-7281-2560-0.

11. *Мельников П. И. (Печерский А)*. Полное собрание сочинений. Изд. 2. / П. И. Мельников (А. Печерский). — Санкт-Петербург : Издательство товарищества А. Ф. Маркса, 1909. — Т. 2. — 555 с.

12. *Михайловский А. В.* Китеж — незримый град Руси / А. В. Михайловский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия : Философия. Филология. — 2019. — № 1 (25). — С. 86—98.

13. *Мотасова Э. Б.* Древнерусская легенда о невидимом граде Китеже (история, успех, библиография) / Э. Б. Мотасова // Slavica tergestina. — 1994. — № 2. — С. 161—196.

14. *Омельяненко В. А.* Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности / В. А. Омельяненко, Е. Н. Ремчукова // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 3 (17). — С. 66—78. — DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78.

15. *Путилов Б. Н.* Инвариант р., Инварыянт б., Інваріант у. / Б. Н. Путилов // Восточнославянский фольклор : Словарь научной и народной терминологии / Редкол. : К. П. Кабашников (отв. ред.) и др. — Минск : Навука і тэхніка, 1993. — С. 100.

16. *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 235 с. — ISBN 5-02-027381-3.

17. *Савушкина Н. И.* Легенда о граде Китеже в старых и новых записях / Н. И. Савушкина // Русский фольклор : русская народная проза. — Ленинград : Наука. ЛО, 1972. — Т. XIII. — С. 58—76.

18. *Семикопов Д. В.* Град Китеж — потерянный рай? (Легенда о граде Китеже в богословском и религиоведческом аспектах) / Д. В. Семикопов // Труды Нижегородской духовной семинарии. — 2012. — № 10. — С. 63—77.

19. *Шеваренкова Ю. М.* Исследования в области русской фольклорной легенды / Ю. М. Шеваренкова. — Нижний Новгород : Растр — НН, 2004. — 214 с. — ISBN 5-901956-04-4.

20. *Шестаков В. П.* Эсхатология и утопия : (Очерки русской философии и культуры : Учеб. Пособие / В. П. Шестаков. — Москва : ВЛАДОС, 1995. — 205 с. — ISBN 5-87065-059-3.

21. *Шешунова С. В.* Град Китеж в русской литературе : парадоксы и тенденции / С. В. Шешунова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2005. — Т. 64. — № 4. — С. 12—23.

22. *Berry T. B.* Videoblogging before YouTube / T. B. Berry. — Amsterdam : Institute of Network Cultures, 2018. — 168 p. — ISBN 9492302225, 9789492302229.

23. *Kiklewicz A.* Мультимодальность — мультимедийность — мультиканальность и др. Альтернативные формы передачи информации как проблема лингвистической теории и терминологии / A. Kiklewicz, Ż. Sładkiewicz // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. — 2021. — LXXVII. — Pp. 153—173. — DOI: 10.5604/01.3001.0015.6869.

24. *Kress G.* Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communicatio / G. Kress. — London : Routledge, 2010. — 212 p. — ISBN 13: 978-0-415-32061-0.

25. *Lange P. G.* Thanks for Watching : An Anthropological Study of Video Sharing on YouTube / P. G. Lange. — Louisville : University Press of Colorado, 2019. — 384 p. — ISBN 9781607329480; 9781607329558; 9781646420094.

26. *Snickar P.* The YouTube Reader / P. Snickar, P. Vonderau (eds.). — Stockholm : National Library of Sweden, 2010. — 511 p. — ISBN 9188468119, 9789188468116.

27. *Wattenhofer M.* The YouTube Social Network [Electronic resource] / M. Wattenhofer, R. Wattenhofer, Z. Zhu. — Access mode : https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/14243/14092 (accessed 03.02.2023).

Статья поступила в редакцию 23.04.2023,
одобрена после рецензирования 07.06.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

[Dyachenko Elena]. Testimony on Svetloyar. (2013). *ARiMA — The Light of Universal Love: [YouTube video hosting user channel]. December 3.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=58kW_fZCfIA (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Denis Myachenkov, Maxim Mikhailyuk. The legendary Svetloyar. Film 1. (2013). *DattaMedia Film: [YouTube video hosting user channel]. November 6.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=25Ugx2CXTY4) (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Essays about Lake Svetloyar, the legend of the city of Kitezh. (2015). *Travel Essays — travel channel: [YouTube video hosting user channel]. July 4.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=DjrWGeSI8f8&t=1s (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Lake Svetloyar and my story about a magical cure. (2016). *Women's FART: [YouTube video hosting user channel]. August 29.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=W4wxC8bbYHY (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Lake Svetloyar and the city of Kitezh. (2018). *Gulich Lapulich Travel: [YouTube video hosting user channel]. June 3.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=cHNnbFSYQ0g (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Lake Svetloyar. The ancient city under water. (2021). *Izi Izyum: [YouTube video hosting user channel]. April 30.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=QhkWkzipa5E (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Requirements for the format of video and audio files. *Help — YouTube.* Available at: https://support.google.com/youtube/answer/4603579?hl=ru_ALL (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Roskomnadzor included YouTube in the register of social networks, but not Telegram. (2021). *Vesti.RU. 22 September.* Available at: https://www.vesti.ru/hitech/article/2616965 (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Rules and recommendations. (2021). *YouTube Creators: [official YouTube account]. April 14.* Available at: https://www.youtube.com/intl/ru_ALL/creators/how-things-work/policies-guidelines / (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Sergey Utkin. Legendary lake Svetloyar. (2020). *Sergey Utkin: [YouTube video hosting user channel]. July 20.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=xYi9-Qbk1Qw (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

SVETLOYAR. Myths and Reefs. (2016). *GOVOR1000 channel: [YouTube video hosting user channel]. June 30.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=Q3bkgyqNT7I (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Svetloyar: fairy tale or reality? (2014). *Free Speech: [YouTube video hosting user channel]. November 18.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=FAChETZQZbM (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

The legend of Lake Svetloyar and the city of Kitezh. (2019). *Wisdom of the World: [YouTube video hosting user channel]. February 12.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=465_zQo1dz4 (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

Yuri Abarin. The legendary Kitezh Grad never existed. (2021). *Yuri Abarin: [YouTube video hosting user channel]. February 5.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=lpM_cXvPm4w (accessed 03.02.2023). (In Russ.).

References

Barag, L. G. (1993). Legend. In: *East Slavic folklore: Dictionary of scientific and folk terminology.* Minsk: Navuka i tehnika. P. 128. (In Belar.).

Berry, T. B. (2018). *Videoblogging before YouTube.* Amsterdam: Institute of Network Cultures. 168 p. ISBN 9492302225, 9789492302229.

Blinkova, L. A., Borodko, R. G., Odintsovo, I. I., Savushkina, N. I. (1973). Kitezh legend and untold prose of the Volga region. *Soviet ethnography, 4:* 113—122. (In Russ.).

Kiklewicz, A., Sładkiewicz, Ż. (2021). Multimodality — multimedia — multichannel, etc. Alternative forms of information transmission as a problem of linguistic theory and terminology. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, LXXVII:* 153—173. DOI: 10.5604/01.3001.0015.6869. (In Polish.).

Komarovich, V. L. (1936). *Kitezh legend. The experience of studying local legends.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 185 p. (In Russ.).

Kress, G. (2010). *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communicatio.* London: Routledge. 212 p. ISBN 13: 978-0-415-32061-0.

Kulagina, A. V. (2004). Untold prose about Lake Svetloyar: to the question of the dynamics of folklore tradition. In: *Actual problems of field folklore studies, 3.* Moscow: Publishing house of Moscow. un-ta. 62—70. (In Russ.).

Lange, P. G. (2019). *Thanks for Watching: An Anthropological Study of Video Sharing on YouTube.* Louisville: University Press of Colorado. 384 p. ISBN 9781607329480; 9781607329558; 9781646420094.

Levinton, A. G. (1975). To the problem of studying narrative folklore. In: *Typological studies on folklore: A collection of articles in memory of V. Ya. Propp. (1895—1970).* Moscow: Nauka. 303—321. (In Russ.).

Lipatova, A. P. (2019). *Variability of the legend.* Moscow: RSUH. 224 p. ISBN 978-5-7281-2560-0. (In Russ.).

Melnikov, P. I. (Pechersky, A). (1909). *Complete works. Ed. 2., 2.* St. Petersburg: Publishing house of the Association of A. F. Marx. 555 p. (In Russ.).

Mikhailovsky, A. V. (2019). Kitezh — the invisible city of Russia. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology, 1 (25):* 86—98. (In Russ.).

Motasova, E. B. (1994). The Old Russian legend of the invisible city of Kitezh (history, success, bibliography). *Slavica tergestina, 2:* 161—196. (In Russ.).

Omelianenko, V. A., Remchukova, E. N. (2018). Polycode texts in aspect of the theory of multimodality. *Communicative research, 3 (17):* 66—78. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78. (In Russ.).

Putilov, B. N. (1994). *Folklore and folk culture.* Saint Petersburg: Nauka. 235 p. ISBN 5-02-027381-3. (In Russ.).

Putilov, B. N. (1993). Invariant R., Invariant B., Invariant U. In: *East Slavic folklore: Dictionary of scientific and folk terminology.* Minsk: Navuka i tehnika. P. 100. (In Belar.).

Savushkina, N. I. (1972). The Legend of the City of Kitezh in old and new records. In: *Russian folklore: Russian folk prose, XIII.* Leningrad: Nauka. LO. 58—76. (In Russ.).

Semikopov, D. V. (2012). Grad Kitezh — paradise lost? (The Legend of the City of Kitezh in theological and religious aspects). *Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary, 10:* 63—77. (In Russ.).

Sheshunova, S. V. (2005). The City of Kitezh in Russian literature: paradoxes and trends. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language, 64 (4):* 12—23. (In Russ.).

Shestakov, V. P. (1995). *Eschatology and Utopia: (Essays of Russian Philosophy and Culture: Textbook. Manual.* Moscow: VLADOS. 205 p. ISBN 5-87065-059-3. (In Russ.).

Shevarenkova, Yu. M. (2004). *Research in the field of Russian folklore legend.* Nizhny Novgorod: Rastr — NN. 214 p. ISBN 5-901956-04-4. (In Russ.).

Snickar, P., Vonderau, P. (ed.). *The YouTube Reader. Stockholm: National Library of Sweden.* 511 p. ISBN 9188468119, 9789188468116.

Wattenhofer, M., Wattenhofer, R., Zhu, Z. *The YouTube Social Network.* Available at: https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/14243/14092 (accessed 03.02.2023).

Zagidullina, M. V. (2019). Multimodality: on the question of terminological certainty. *Sign: problematic field of media education, 1 (31):* 181—188. (In Russ.).

Zudov, E. V. (2019). New religious movements: the problem of typologization. *Kant, 2 (31):* 224—232. (In Russ.).

Zvereva, G. I. (2019). "My favorite city": storytelling in Russian-language amateur videos on YouTube. *Article, 4 (36):* 103—111. DOI: 10.28995/2227-6165-2019-4-103-111. (In Russ.).

Zvereva, G. I. (2020). Collective memory of the Soviet past on YouTube: methods of audiovisual construction by ordinary video bloggers. *Bulletin of the Russian State University. The series "Literary studies. Linguistics. Cultural studies", 8:* 133—147. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-133-147. (In Russ.).

The article was submitted 23.04.2023;
approved after reviewing 07.06.2023;
accepted for publication 20.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ребрина Л. Н. Репрезентация актуальных социокультурных реалий общества Германии : тематическая группа интернет-мемов «ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ» / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 192—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-192-214.

Rebrina, L. N. (2023). Representation of Current Sociocultural Realities in German Society: Thematic Group of Internet Memes OUTSIDER — LOCAL. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 192-214. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-192-214. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-192-214

Репрезентация актуальных социокультурных реалий общества Германии: тематическая группа интернет-мемов «ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ»

Ребрина Лариса Николаевна
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
иноязычной коммуникации
и лингводидактики
lnrebrina@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

Representation of Current Sociocultural Realities in German Society: Thematic Group of Internet Memes OUTSIDER — LOCAL

Larisa N. Rebrina
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department
of Foreign Language Communication
and Linguodidactics
lnrebrina@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

© Ребрина Л. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы интернет-мемы Германии 2020—2023 годов тематической группы «ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ», размещенные в немецкоязычном сегменте сайта Kekememes, социальной сети-форума Reddit, гибридной интернет-платформы 9gag. Изучались следующие характеристики интернет-мемов: место и дата размещения, «генетика», прецедентный феномен, адресация, полевая структура, объект и предмет критики, взаимодействие визуального и вербального рядов, закономерности смыслопорождения, источники комизма, жанр. Выделено четыре подгруппы мемов: критика субъекта политики (в защиту пришлых — мигрантов); критика субъекта политики (против пришлых — мигрантов); критика пришлых — мигрантов; критика местных — этнических немцев. Наиболее часто объектом критики выступают сами социальные группы (мигранты и типичные немцы). Субъекты власти критикуются за недостаточную или чрезмерную поддержку мигрантов. Критикуемые признаки типичных немцев сопрягаются с семью культурными стандартами нации, сформулированными А. Томасом. Частотные предметы критики мигрантов — их большое количество, низкая интегрированность в немецкое общество, криминальные наклонности, притязательность, неуважение к чужой культуре. Интракультурные мемы нечастотны. Преобладают заимствованные мемы, апеллирующие к современным прецедентным феноменам, к узнаваемым персонажам, с широкой адресацией, с реплицируемым визуальным рядом, с незначимой ролью фона. Доминирующие жанровые разновидности — макросы и эдвайсы.

Ключевые слова:
интернет-коммуникация; интернет-мемы; типология мемов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents an analysis of internet memes in Germany from 2020—2023, focusing on the thematic group “Outsider — Local”. The study examines various characteristics of these memes, such as their place and date of posting, “genetics”, precedent phenomenon, addressing, field structure, object and subject of criticism, interaction of visual and verbal series, patterns of meaning generation, sources of humor, and genre. The article identifies four subgroups of memes, which include criticism of political subjects (in defense of migrants), criticism of political subjects (against migrants), criticism of migrants, and criticism of local ethnic Germans. The study finds that social groups themselves, such as migrants and typical Germans, are the most frequently criticized objects. Additionally, the authorities are criticized for their insufficient or excessive support of migrants, while typical Germans are criticized for their cultural standards. The most frequent subjects of criticism for migrants include their large numbers, low integration into German society, criminal tendencies, pretentiousness, and disrespect for other cultures. The article notes that intercultural memes are infrequent, while borrowed memes that refer to recognizable characters and contemporary precedent phenomena with broad addressing dominate. Finally, the dominant genre varieties are macros and edvices.

Key words:
internet communication; internet memes; typology of memes.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.112.2'42:004.738.5

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки)

Репрезентация актуальных социокультурных реалий общества Германии: тематическая группа интернет-мемов «ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ»

© Ребрина Л. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Интернет-мемы (ИМ) как инструмент креативной, критической интерпретации актуальных для широких масс фрагментов текущего момента привлекают внимание специалистов в разных областях знания в качестве формата, реализующего новые принципы распространения информации и иллюстрирующего ее востребованные признаки (эмоциональное вовлечение, варьируемая адресация, ориентированность на мгновенное восприятие, лаконичная форма при сложной прагматике, высокая воспроизводимость и преобразуемость, способность к реконтекстуализации и реинтерпретации), а также в качестве формата, сочетающего в себе рекреационную функцию и функцию проблематизации социальной действительности, определения злободневной повестки дня [Глухих и др., 2017; Зиновьева, 2015; Савицкая, 2013; Hartmann, 2017]. ИМ, будучи преимущественно продуктом сетевого фольклора, отображают сегодняшнее медиатизированное восприятие гражданами общественных процессов [Канашина, 2018]. При этом особым, важным и перспективным объектом исследований в гуманитарных науках в последние десятилетия становятся процессы «социальной атомизации» общества (см. о термине [Arendt, 1973]), социальной стигматизации (см. подробнее [Goffman, 1963; Lipp, 2010; Smith, 2009]) и сегрегации (см. подробнее [Nightengale, 2012]) на основании разных параметров, что сегодня находит свое разнообразное отражение в многочисленных форматах интернет-коммуникации, в том числе в интернет-мемах. Изучение тематической группы немецких ИМ «ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ» позволит определить актуальные векторы процессов расслоения общества Германии, изменения его архитектоники. Это представляется новой, перспективной задачей на фоне дефицита подобных исследований мемов, тогда как изучению лексико-семантической репрезентации названных процессов в разных языках посвящен целый ряд работ (см., например, работы С. И. Гарагули, А. С. Кустарева, М. А. Лаппо,

В. М. Зариповой, Л. М. Алькоффа, Ф. Мицзити, М. А. Соловьевой, М. Ламмерт, А. А. Макаровой, М. Леколь).

2. Методы, материалы, обзор = Material, Methods, Review

Несмотря на то, что ИМ изучались в меметике, кибернетике, медиалогии, пиарологии, визуальной социологии, эпистемологии, герменевтике культуры, лингвистике и лингвокультурологии (см. подробнее об этом [Ребрина, 2022]), отмечается дефицит комплексных исследований идеографически детерминированных подмножеств ИМ в аспектах особенностей информирования и смыслообразования, адресации и репликации, жанровой специфики и полевой структуры ИМ.

Материал исследования составляют ИМ, размещенные в 2021—2023 годах в немецкоязычных сегментах сайта Kekememes, социальной сети-форума Reddit, гибридной развлекательной интернет-платформы с инструментарием социальной сети 9gag, отражающие социальное разделение общества по территориальному параметру в рамках семантической дихотомии «ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ». Собранная коллекция, включает 68 ИМ, которые по результатам предварительного анализа объекта и предмета реализуемой ироничной критики могут быть распределены на 4 подгруппы: критика субъекта политики (в защиту пришлых — мигрантов); критика субъекта политики (против пришлых — мигрантов); критика пришлых — мигрантов; критика местных — этнических немцев.

Мы исходим в нашем исследовании из возможности разной адресации ИМ, в соответствии с чем выделяются универсальные ИМ, отсылающие к общекультурным знаниям, известному всем опыту; имеющие ограничения в адресации сепаратные ситуативные ИМ, отображающие реакцию на конкретное актуальное событие и предполагающие осведомленность адресата о текущем моменте; сепаратные узкоцелевые, выстраивающиеся на известном только определенной группе интернет-пользователей прецедентном феномене, предполагающие наличие особых, характерных для данной группы знаний, выступающие средством дифференциации и идентификации группы [Зиновьева, 2015: 196; Ребрина, 2022; Савицкая, 2013; Miltner, 2014]. ИМ имеют полевую структуру, включающую трансформирующиеся в ходе образования вариаций исходного ИМ элементы, и выкристаллизовывающееся при последующих реконтекстуализациях и реинтерпретациях изначального мема ядро ИМ, конституируемое визуальным шаблоном (неизменяемый компонент визуального ряда) и обобщенным значением, реализуемым всеми вариациями ИМ [Канашина, 2018; Ребрина, 2022; Савицкая, 2013]. Мы опираемся при выполнении анализа ИМ на типологию мемов Н. А. Зиновьевой, выстроенную на шести основаниях: 1) инициатор ИМ; выделяются самозарождающиеся ИМ как продукт се-

тевого фольклора и намеренно созданные ИМ как продукт технологов для маркетинговых, PR-целей; 2) объект критики; выделяются ИМ-событие и ИМ-персонаж (ассоциирование объекта критики с персонажем с определенными признаками); 3) уровень включенности ИМ в культуру; выделяются ИМ-традиция (отсылка к типичному опыту, неновым прецедентным феноменам) и ИМ-инновация (отсылка к актуальным прецедентным феноменам, знаниям о текущем моменте); 4) смысловая доминанта; выделяются ИМ со значимой (фон задает вектор восприятия) и незначимой ролью фона, на котором размещен прецедентный феномен; 5) реплицируемый компонент; выделяются ИМ-изображение и ИМ-текст; 6) результат воздействия; выделяются ИМ-мысль (инициирует разделение знаний, эмоций) и ИМ-действие, то есть консолидирующий флеш-моб / челендж [Зиновьева, 2015]. По специфике смыслообразования, визуального и вербального рядов мы, дополнив классификацию М. Р. Бабиковой [Бабикова, 2019], выделяем следующие жанровые разновидности ИМ: 1) эдвайс (изображение персонажа на цветном фоне, как правило, с двучастной репликой, выражающей совет, мораль, общий вывод); 2) «аткрытка» (изображения в стилистике старых картинок / фотографий людей / животных с остроумной надписью); 3) демотиватор (пессимистическая надпись белым шрифтом на черном фоне / рамке с изображением или без него); 4) мотиватор (изображение, как правило, в светлой рамке / на светлом фоне с оптимистичным поясняемым тезисом); 5) интернет-комикс (серия стрипов со схематичными, простыми изображениями, представляющими в динамике некую понятную историю, с репликами героев в «речевых пузырях»); 6) макрос (изображение как знак некой эмоции с вербальным уточнением объекта и предмета ироничной критики, связываемых с данной эмоцией); 7) ИМ-сравнение (изображение сравниваемых объектов с одно- / двухчастным вербальным рядом, утверждающим сходство / различие); 8) ИМ-пародия (сопровождение заимствованного некомического визуального формата, например предвыборного плаката, ироничными высказываниями). Анализу подвергаются следующие параметры ИМ: место и дата размещения, генетическая характеристика, прецедентный феномен, адресация, ядро ИМ, объект и предмет критики, взаимодействие визуального и вербального рядов, закономерности смыслопорождения, источники комизма, жанр ИМ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Группа «Критика субъекта политики (в защиту “пришлых” — мигрантов)»

ИМ «Menschen mit Migrationshintergrund — Geld mit Migrationshintergrund» / «Люди с мигрантскими корнями — деньги с ми-

грантскими корнями»; опубликован 11.03.2022 на сайте Kekememes пользователем depressed.

Рис. 1.1. ИМ «Menschen mit Migrationshintergrund — Geld mit Migrationshintergrund»: [Kekememes 1.1]

Данный ИМ является заимствованным, представляет собой вариацию ИМ «Drakeposting» (в русскоязычном сегменте интернета получил название «Дрейк в оранжевой куртке» / «Избирательный Дрейк»). Рассматриваемый ИМ является сепаратным узкоцелевым, адресован интернет-пользователям, знакомым с изображаемым персонажем (рэпером Дрейком) и исходным ИМ. ИМ-оригинал появился в 2015 году на имиджборде 4chan; прецедентный феномен — два кадра из вышедшего 20.10.2015 года клипа к песне «Hotline Bling» канадского рэпера Дрейка; ядро ИМ «Drakeposting» составляет визуальный шаблон (изображения отмахивающегося от чего-то рукой и улыбающегося рэпера в оранжевой куртке как знаки отрицания и одобрения) и обобщенное значение (отрицательное и положительное отношение к двух схожим объектам) [Memepedia]. ИМ представляет собой двухпанельный комикс, отображающий динамический ряд (смена акцента / видоизменение объекта / замена объекта на схожий — смена оценочной реакции); включает жанровые признаки макроса (изображения репера функционируют как легко «считываемые» знаки двух эмоций) и ИМ-сравнения (сравнение двух объектов посредством представления двух разных переживаний персонажа). Первый стрип образуется изображением Дрека с негативной реакцией и указанием на некий вводимый визуальным или вербальным компонентом отрицательно оцениваемый объект; второй стрип — изображением Дрейка с позитивной реакцией и указанием на положительно оцениваемый объект. Реализуемые в рамках ИМ-вариации «Menschen mit Migrationshintergrund — Geld mit

Migrationshintergrund» трансформации вводят интракультурную, способствующую ассимиляции ИМ информацию: к визуальному ряду добавляется вербальное указание на объект критики (AfD / Alternative für Deutschland –АдГ / «Альтернати́ва для Герма́нии», существующая с 2013 года ультраправая политическая партия в Германии); в правой части стрипов посредством указания на два оцениваемые обстоятельства (люди и деньги с миграционными корнями) конкретизируется предмет критики — политика двойных стандартов, двуличность и непоследовательность АдГ (осуждение политики гостеприимства / Willkommenspolitik и концепта культуры гостеприимства / Willkommenskultur, негативное отношение к мигрантам, с одной стороны; одобрение того факта, что мигранты вносят свой вклад в ВВП и пополняют бюджет страны). Визуальный и вербальный ряды связаны отношением консонанса-комплементарности. Описываемый ИМ — самозарождающийся мем, ИМ-мысль, ИМ-персонаж, ИМ-изображение, ИМ-инновация, ИМ с незначимой ролью фона. Источники комического эффекта — отождествление субъекта политики с персонажем-рэпером, выразительная, «говорящая» мимика персонажа, вербальная «поддержка», а именно — акцентирование схожести двух сравниваемых и получающих противоположную оценку обстоятельств (вербальные элементы отличаются только одним словом — ***Menschen*** *mit Migrationshintergrund* и ***Geld*** *mit Migrationshintergrund*), использование существительного *Migrationshintergrund* во втором стрипе в нетипичном окружении (нарушение синтагматических характеристик ЛЕ).

ИМ «Migrationshintergrund der Täter hervorheben»; опубликован 22.09.2022 на сайте Kekememes пользователем sadffmmeme.

Рис. 1.2. ИМ «Migrationshintergrund der Täter hervorheben»: [Kekememes 1.2]

ИМ «Migrationshintergrund der Täter hervorheben» является заимствованным, представляет собой вариацию исходного ИМ «Mother Ignoring Kid Drowning In A Pool» (в русскоязычном сегменте интернета — ИМ «Тонущий ребенок»), получил широкое распространение с разнообразными вариациями на сайте Reddit в июне 2018 года. Прецедентный феномен — фотография пользователя u/ConnorBig 11.04.2018 года на том же сайте, иллюстрирующая его рассказ о своих кузенах, их обучении плаванию в бассейне в далеких 1980-х годах. Ядро ИМ образуют визуальный шаблон (женщина поддерживает в бассейне смеющуюся, довольную девочку, в то время как второй ребенок еле держится на воде) и обобщенное значение «поддержку получает не тот, кто в ней нуждается, а тот, кому она ни к чему» [Memepedia]. Вербальный компонент рассматриваемого немецкого ИМ связан отношением консонанс-комплементарность с визуальным рядом, уточняет ситуацию и участников: а) оказывающий поддержку (полиция, президент), б) объект поддержки (акцентирование миграционных корней преступника), в) игнорируемый объект (информирование о состоянии алкогольного опьянения преступника). Объект критики — власти, предмет критики — очернение мигрантов; транслируемый смысл: «власти намеренно формируют негативный образ мигранта-преступника». Данный немецкий ИМ переносит понятную всем бытовую ситуацию на социально-политическую сферу и поэтому имеет довольно широкую адресацию, при этом достижение максимального комического эффекта предполагает знакомство адресата с исходным ИМ. Источником комического эффекта служит именно указанный перенос. Данный ИМ — истинный мем, ИМ-мысль, ИМ-изображение, ИМ-персонаж (характеристика действий власти посредством отождествления с персонажем мема — матерью, оставляющей без помощи тонущего ребенка), ИМ-инновация (отсылка к актуальному прецедентному феномену), ИМ с незначимой ролью фона, ИМ с чертами макроса (выразительная мимика персонажей, символизирующих поддерживаемый и игнорируемый объекты).

Другими предметами ироничной критики, реализуемой ИМ данной группы, являются подмена субъектами политики реальных задач облегчения интеграции мигрантов и продвижения концепта КУЛЬТУРА ГОСТЕПРИИМСТВА ничего не дающими популистскими шагами; неспособность политики обеспечить мигрантам достойные условия жизни и возможности интегрироваться в немецкое общество, неготовность субъектов политики отвечать за расхождение между красивыми лозунгами, обещаниями и реальной ситуацией с мигрантами.

3.2. Группа «Критика субъекта политики (против „пришлых“ — мигрантов)»

ИМ «Wetter mit Migrationshintergrund», опубликован 06.01.2021 года на сайте Kekememes пользователем bestgermany.

Рис 2.1. ИМ «Wetter mit Migrationshintergrund»: [Kekememes 2.1]

Данный ИМ является интракультурным, возник в немецкоязычном сегменте интернета. Прецедентный феномен — синоптическая карта с указанием циклонов (T) и антициклонов (H), опубликованная 05.01.2021 в журнале Spiegel [Spiegel]. Это сепаратный ситуативный мем, представляющий ироничную критическую реакцию на конкретное актуальное событие — решение Метеорологического института свободного берлинского университета, с 1954 года дающего имена циклонам и антициклонам центральной Европы, и подверженной влиянию «Левых» и «Зеленых» организации «Новые немецкие СМИ». Согласно данному решению с 2021 года погодная карта должна отражать многообразие (*Vielfalt*) немецкого общества (¼ общества составляют люди с миграционными корнями), и циклоны и антициклоны будут получать не только немецкие / европейские, но и имена мигрантов, поскольку общественное многообразие должно стать нормой во всех сферах. Так, 03.01.2021 года в Германию пришел циклон *Ахмет*, по заверениям Фриды Атаман, председателя организации «Новые немецкие СМИ», Европу также ожидают циклоны *Чемаль, Эрхан, Горан,*

Хаким, Юсуф и *Заид*. Объект критики данного ИМ — власти, предмет критики — популистские шаги в поддержку мигрантов, раскручивание и поддержка социально-политического концепта VIELFALT, весьма неоднозначно воспринимаемого гражданами страны. Следует отметить, что данному событию была посвящена целая серия ИМ, опубликованных в разных мемотеках. Вербальный компонент ИМ («Над Германией циклон „Ахмет„ — Почему вдруг теперь у погоды миграционные корни») дублирует и дополняет визуальный ряд, уточняя предмет критики. Источники комического эффекта — использование стилистики погодной карты, существительного *Migrationshintergrund* в нетипичном окружении (в соответствии со своей семантикой ЛЕ сочетается с одушевленными существительными). Ядро ИМ образуют визуальный шаблон (синоптическая карта с ненемецким / неевропейским именем циклона) и обобщенное значение («ненемецкого в Германии становится все больше»), Данный ИМ — самозарождающийся мем, ИМ-мысль, ИМ-инновация, ИМ-событие, ИМ-изображение (прецедентный феномен используется еще в ряде мемов), мем с незначимой ролью фона.

ИМ «I sad we vielfältig», опубликован 31.07.2021 года на сайте Kekememes пользователем mistakengermanyv16. ИМ также представляет критику поддерживающих мигрантов властей и концепта VIELFALT.

Рис. 2.2. ИМ «I sad we vielfältig»: [Kekememes 2.2]

Описываемый немецкий ИМ представляет собой ассимилированную вариацию заимствованного из англоязычного сегмента Интернета мема-тренда «I Said We Sad Today» / «Я сказал, что мы грустим сегодня» (ИМ опубликован 06.06.2019 года пользователем Твиттера @curledbitch, имеет

множество вариаций). Прецедентный феномен — кадр из получившего широкое распространение и популярность в 2015 году видео «Как выглядят ревнивые бойфренды» (видео было опубликовано 18.11.2015 года в Инстаграме[1] пользователем @renny), в котором показывалось, как в транспорте ревнивый парень в ярости кричит в лицо пожелавшему здоровья чихнувшей девушке пассажиру, что это его девушка и она уже и так вполне здорова и счастлива [Know Your Meme]. Варианты мема-макроса с данным визуальным шаблоном изначально обыгрывали повседневные ситуации; в рассматриваемом случае имеет место (интракультурный) перенос из бытовой сферы в политическую. Рассматриваемый немецкий ИМ носит саркастический характер, представляет собой типичный макрос (изображение возмущенного персонажа со сжатым ртом, набрасывающегося другого человека, символизирует неудовольствие, бурную реакцию на нечто ненравящееся, раздражающее, возмущающее, печальное), эдвайс (цветное изображение персонажа, вербальный компонент — приписываемая персонажу ироничная обобщающая сентенция). Ядром ИМ является визуальный шаблон (изображение возмущенно кричащего ревнивца) и обобщенное значение (реакция на нечто раздражающее, неправильное, печальное). Вербальный компонент трехчастный: а) вводится тематизируемая ситуация: «Актуально: Каждый второй подозреваемый в преступлении не имел немецкого гражданства. Чаще всего это мужчины из исламских стран, Афганистана, Сирии, Ирака»; б) вводится объект критики — политики: «CDU (Христианский демократический союз), SPD (Социально-демократическая партия Германии), Die Linke (Левые), Bündnis 90 die Grünen (Союз 90 / Зеленые); в) представлен соотнесенный с изображаемой эмоцией, указывающий на предмет критики титр-хирон: «Я сказал, у нас многообразие» (приписываемые объекту критики характеристики: пренебрежение национальными интересами, игнорирование фактов в угоду политическим лозунгам). Вербальный компонент связан с визуальным рядом отношением консонанса-комплементарности (уточняет объект и предмет критики). Описываемый ИМ предполагает знакомство адресата с используемым актуальным прецедентным феноменом и исходным мемом (фоновая ситуация задана вербально); при этом ИМ, как многие неситуативные ИМ-макросы, выражает легко считываемую эмоцию, отсылает к знакомой ситуации. Таким образом ИМ имеет довольно широкую адресацию (большая часть правильно интерпретирует ИМ, незнание прецедентного кадра может привести к снижению комического эффекта). ИМ представляет собой истинный ИМ, ИМ-мысль, ИМ-персонаж, ИМ-инновацию, ИМ-изображение-текст (эле-

1 Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

мент вербального ряда «I Said (We)» / «Я сказал (что, мы)» также стал мемным), ИМ с незначимой ролью фона. Источники комического эффекта — перенос бытовой ситуации на социально-политическую сферу, обыгрываемые коннотации социально-политического концепта VIELFALT, эмоциональная выразительность изображения персонажа.

3.3. Группа «Критика „пришлых“ — мигрантов»

ИМ «Kanaken — Freie Wohnungen in Städten», заимствован из англоязычного сегмента интернета, опубликован пользователем intent_subject_4 на сайте Kekememes 25.04.2023 года.

Рис. 3.1. ИМ «Kanaken — Freie Wohnungen in Städten»: [Kekememes 3.1]

Прецедентный феномен — фотография переливаемого кофе — сам по себе весьма примечательный. Кофе-арт как особое искусство (создание рисунков на поверхности эспрессо / латте с использованием вспененного молока, топпинга, специй, пищевых красок) известно многим, существует с 1980-х годов и демонстрируется на мировых чемпионатах по латте-арту. Фуд-фотографии переливаемого в другую посуду кофе (чаще всего латте) стали следующим арт-объектом, активно появляются в 2010-х годах в различных пабликах [Fotostrana]. Представленная в описываемом ИМ фотография в 2019—2022 годах используется в целом ряде мемов, размещается как подготовленный шаблон на страницах генераторов мемов. Изображение позволяет представить ситуацию с несколькими участниками (субъект действия (факультативно), ресурс, адресат), которые символично замещают элементы визуального ряда «рука» (факультативно), «чашка 1», «чашка 2», «перетекающее кофе» (факультативно). Вербальный компонент: 1 часть — «*Kanaken* — мигранты с юго-востока, обычно турки, арабы,

иранцы, плохо говорящие по-немецки», 2 часть — «Свободное жилье в городах». Ядро ИМ образует визуальный шаблон (кофе неаккуратно переливается из одной чашки в другую, переливается через край) и обобщенное значение: «некий ресурс (часто ценный) / объект используется неправильно: в слишком большом количестве и / или не на те цели». Объект критики — мигранты, предмет критики — их чрезмерное количество, приводящее к негативным последствиям (дефициту свободного жилья). Транслируемый данным ИМ смысл: мигрантов слишком много, они заняли все свободное жилье в городах. Вербальный ряд уточняет участников ситуации, вступает в отношение консонанс-комплементарность с визуальным компонентом. Визуальный ряд при этом как бы передает динамику изображаемой социальной ситуации. Данный ИМ — истинный ИМ, ИМ-мысль, ИМ-изображение, ИМ-персонаж (некто, расточительно обращающийся с напитком), ИМ-инновация, ИМ с подчиненной ролью фона. Источник комического эффекта — перенос бытовой ситуации на социально-политическую сферу, использование разговорного, уничижительного, бранного слова *Kanake* (ср. русское *чурка*). ИМ обнаруживает жанровые признаки ИМ-сравнения (двучастный визуальный ряд — одна чашка опустошается, другая переполняется), ИМ-пародии (используется визуальная стилистика коммерческой фотографии).

ИМ «Abgeschobene Migranten», заимствован из англоязычного сегмента интернета, опубликован пользователем lettuce_germany на сайте Kekememes 03.10.2021 года.

Рис. 3.2. ИМ «Abgeschobene Migranten»: [Kekememes 3.2]

ИМ «Abgeschobene Migranten» — вариация заимствованного мема «Moe Tossing Barney Out» / «Мо вышвыривает Барни». Прецедентный феномен — кадры из вышедшей 12.03.2006 года в США серии «The Seemingly Never-Ending Story» / «Почти бесконечная история» американского мультипликационного фильма «Симпсоны». В данной серии Мо, владелец бара «У Мо», вышвыривает из бара своего постоянного посетителя, лучшего друга Гомера, пьяницу Барни, а тот тут же оказывается у него за спиной. Первый, исходный ИМ с данным прецедентным феноменом появился на сайте Know Your Meme 30.06.2012 г., после чего мем в своих разных вариациях получает широкое распространение в англоязычном сегменте интернета [Know Your Meme]. ИМ имеет довольно широкую адресацию, может быть отнесен к условно универсальным, ориентирован на интернет-пользователей, знакомых с известным мультипликационным сериалом (знание прецедентного феномена, знакомство с вариациями исходного мема усиливает комический эффект), изображаемая визуальным шаблоном ситуация понятна широкому адресату, обобщенное значение мема легко считывается. Ядро ИМ образуют а) визуальный шаблон (динамический трехчастный визуальный ряд, включающий изображение в первой части участника № 1, выгоняющего за дверь участника № 2, на второй части — стоящего в дверях участника № 1, на третьей части — участника № 2, вновь оказывающегося в помещении, позади ничего не подозревающего участника № 1; чаще всего трансформации подвергается изображение участника № 2); б) обобщенное значение ИМ — «выражение переживаний по поводу повторяющейся проблемы». Вербальный компонент рассматриваемого немецкого ИМ вступает в отношение консонаса-комплементарности с визуальным рядом, уточняет участников и критикуемую ситуацию: участник № 1 — Германия, участник № 2 — депортированные мигранты (объект критики); ситуация-проблема — вездесущие мигранты, от которых невозможно избавиться даже после их депортации (предмет критики). Изображение участника № 2 трансформируется посредством размещения фотографии лица типичного мигранта из юго-восточных стран. Для создания негативного образа мигранта значимым также является отождествление последнего с мультипликационным персонажем Барни с его отрицательными признаками (никчемный, пьющий, бездельничающий, неряшливый, отвергаемый семьей). Примечательно также отождествление участника № 1 (Германия) с персонажем Мо, которому по сюжету сериала приписываются следующие черты: достаточно зажиточный, одинокий, с тяжелым характером, сварливый, страдающий комплексом неполноценности из-за своей внешности, одновременно чувствительный, сентиментальный и злопамятный, постоянный объект розыгрышей Барни. По своим жанровым

характеристикам описываемый ИМ относится к трехпанельным комиксам, характеризующимся динамичным отображением несложной, понятной ситуации; при этом обнаруживает отклонения от типичного комикса со схематичными изображениями и речевыми пузырями с репликами персонажей. ИМ «Abgeschobene Migranten» — самозарождающийся, ИМ-мысль, ИМ-изображение, ИМ-персонаж, ИМ-инновация, ИМ с незначимой ролью фона. Источники комического эффекта — перенос бытовой ситуации на социально-политическую сферу, отождествление участников ситуации с мультипликационными персонажами, выразительная мимика персонажей.

Предметом ироничной критики, реализуемой ИМ данной группы, являются следующие ассоциируемые с мигрантами признаки: их большое количество и связанный с этим дефицит доступного жилья и рабочих мест, склонность к преступлениям и насилию, высокие материальные притязания, постоянные жалобы на дискриминацию и ущемление их прав, проявления расизма, плохая интеграция в немецкое общество и нежелание интегрироваться, странные, непонятные привычки и традиции, навязывание коренным жителям страны своих норм и ценностей, неуважение чужой культуры.

3.4. Группа «Критика “местных” — этнических немцев»

Данную группу образуют ИМ серии «Alman», высмеивающие типичных немцев. Слово *Alman* представляет собой используемое мигрантами (прежде всего из юго-восточных стран; *Alman* происходит из турецкого языка и означает «немец») насмешливое обозначение этнических немцев Германии. Изначально авторами серии были именно мигранты, представлявшие в своих ИМ внешние стереотипные представления о немцах, отвечая на мемы немцев о мигрантах, показывая в данном ироничном формате с разной критической тональностью, что их раздражает, удивляет, смешит в поведении, привычках немцев. Серия ИМ «Alman» (Alman Memes с 2017 года, «alman_memes2.0» с 2019 года в Инстаграме[1], а также видео-мемы на YouTube и в TikTok, где немцев изображали мигранты, часто в форме ИМ-сравнений, были созданы полюбившиеся многим стереотипные персонажи Альман-Ахим, Альман-Аннета, Альман-Анди, Альман-Анника) обрела популярность и, в дальнейшем, новое развитие: идея была подхвачена самими немцами, которые начали иронизировать над собственными смешными чертами, совмещая автостереотипы и взгляд со стороны. Мемы вышли в оффлайн, активно функционируют в поп-культуре и маркетинге. Если проанализировать предметы критики альманов в данной

1 Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

серии ИМ, то они позволяют распределить ИМ на подгруппы, которые соотносятся с культурными стандартами немцев, сформулированными А. Томасом в 1991 году [Thomas, 1991, с. 5]: а) сухость, неэмоциональность, серьезность, прямота, ориентированность на «деловое» поведение (Sachlichkeit и Direktheit); б) любовь к порядку, правилам, рамкам как особым ценностям и гарантиям (Regelorientierung); в) ориентированность на соблюдение дистанции и сдержанность в межличностном общении, невмешательство в дела других (Differenzierung der interpersonalen Distanz); г) внутренний контроль и саморефлексия, направленные на самодисциплину и чувство долга (internalisierte Kontrolle); д) долгосрочное, тщательное планирование и отношение ко времени как ценному ресурсу (monochrone Zeitplanung); е) четкое разделение разных сфер жизни, в первую очередь профессиональной и личной жизни, что может, например, означать разное общение с одним и тем же человеком в зависимости от сферы и уровня взаимодействия (Trennung von Persönlichkeits- und Lebensbereichen). В рамках каждой из названных подгрупп мемное отображение получают различные типичные черты и поступки немцев, соотносимые с определенным культурным стандартом.

Рассмотрим некоторые примеры.

ИМ «Mein Allman Freund wenn» представляет собой вариацию заимствованного ИМ, опубликован на сайте Kekememes 21.01.2021 года пользователем memegang_2020.

Рис. 4.1. «Mein Allman Freund wenn»: [Kekememes 4.1]

Прецедентный феномен — кадр с Гордоном Рамзи (известный британский шеф-повар, чьи рестораны удостоены 16 мишленовских звезд, ведущий реалити шоу) из кулинарного реалити-шоу «Hell's Kitchen» / «Áдская ку́хня», идущего с 2005 года и отличающегося накалом борьбы претендентов за должность шеф-повара в известном ресторане. Рамзи имеет очень выразительную мимику и вздорный характер, множество кадров из реа-

лити-шоу используются в мемах-макросах. Данный ИМ используется для выражения крайнего неудовольствия, возмущения. Ядро ИМ — визуальный шаблон (разъяренный Рамзи прогоняет кого-то прочь, используя жест со значением «вон») и обобщенное значение (выражение негодования, неприятия). Объект критики — этнические немцы, предмет критики — их экономность, прижимистость (атрибут четкого планирования, рациональности немцев). Двучастный вербальный ряд («Мой друг альман, когда я задолжал ему 2 цента») вступает в отношение консонанс-комплементарность с визуальным рядом, уточняет участников и саму ситуацию, связываемую с транслируемой ИМ-макросом эмоцией. Как многие макросы, ИМ имеет широкую адресацию (переживание легко считывается, предмет критики уточняется вербально), при этом знакомство с используемым актуальным прецедентным феноменом обеспечивает максимальный комический эффект мема. Персонаж Г. Рамзи с его выразительной мимикой отождествляется с типичным немцем. Данный ИМ — самозарождающийся, ИМ-мысль, ИМ-персонаж, ИМ-изображение, ИМ-инновация, ИМ с подчиненной ролью фона. Основные источники комического эффекта — отождествление объекта критики с известным медийным лицом с определенными ассоциируемыми с ним признаками и выразительная, эмоциональная мимика персонажа.

ИМ «Wird jetzt in der Zeit niemand die Polizei rufen» представляет собой вариацию заимствованного ИМ «Black Guy on the Phone» / «I‘m calling the police» / «Я звоню в полицию» [Know Your Meme]. Описываемый ИМ изначально появился в Инстаграме[1] alman_memes2.0, 30.03.2023 года опубликован на сайте Kekememes пользователем kooky_young_43.

Рис. 4.2. ИМ «Wird jetzt in der Zeit niemand die Polizei rufen»: [Kekememes 4.2]

1 Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

ИМ «Wird jetzt in der Zeit niemand die Polizei rufen» представляет собой макрос и высмеивает любовь немцев к порядку и правилам, которые они сами стремятся всегда соблюдать и не позволяют нарушать другим. Исходный ИМ «Black Guy on the Phone» опирается на прецедентный феномен — фотографию первичного кандидата в Конгресс США, разговаривающего по телефону. Интерес к фигуре Мартина Бейкера связан с делом Даррена Уилсона в августе 2014 года (офицер полиции, застреливший 09.08.2014 года восемнадцатилетнего чернокожего подростка М. Брауна в Фергюсоне в пригороде Сент-Луиса штата Миссури; в расследовании резонансного дела, вызвавшего многодневное противостояние протестующего населения с полицией, участвовали около 40 агентов ФБР). Фотография М. Бейкера была сделана на протестном мероприятии в поддержку офицера полиции Д. Уилсона, где Бейкер, как утверждали СМИ, был единственным афроамериканцем в толпе поддерживающих офицера полиции. Изображение получило широкое распространение в ироничных постах Черного Твиттера (Black Twitter). Уже 18.08.2014 года в интернете появляется множество постов с негативной реакцией на участие Бейкера в митинге, а 20.08.2014 года в Твиттере появляется серия ироничных постов с данной фотографией и шутками о возможных запечатленных звонках М. Бейкера [Know Your Meme]. Ядро ИМ составляет визуальный шаблон (изображение М. Бекера, разговаривающего по телефону) и обобщенное значение (ирония по поводу чьего-либо возмущения, суждения о ситуации как недопустимой) [Know Your Meme]. Описываемый немецкий ИМ представляет характерную реакцию типичного немца на нарушение правила. Вербальный компонент («Ich parke hier ja nur kurz, wird jetzt in der Zeit niemand die Polizei rufen. Almans:» — «Я припаркуюсь здесь совсем ненадолго, никто же сейчас не будет звонить в полицию. Альман:») вступает в отношение консонанса-комплементарности с визуальным рядом, уточняет возмущающегося участника, причину его возмущения. Объект критики — типичный немец, предмет критики — шаблонная реакция типичного немца на нарушение порядка (вызов полиции при нарушении правила парковки), чрезмерная любовь немцев к порядку. Визуальный ряд ИМ иконически представляет обозначаемое действие, транслируемое ИМ-макросом переживание легко считывается, объект и предмет критики задаются вербально, изображаемое событие относится к повседневным, общеизвестным, что обеспечивает возможность широкой адресации мема, несмотря на ситуативный и узкоцелевой характер исходного мема. При этом данный ИМ для достижения полного комического эффекта предполагает знакомство адресата с прецедентным феноменом (исходный ИМ, фото М. Бейкера), фоновые знания о деле Д. Уилсона, участии М. Бейкера

в митинге в поддержку офицера. ИМ «Wird jetzt in der Zeit niemand die Polizei rufen» — самозарождающийся мем, ИМ-мысль, ИМ-изображение, ИМ-персонаж, ИМ-инновация, ИМ с незначимой ролью фона. Источники комического эффекта — иконичность визуального ряда, визуальная «антонимическая» поддержка фрагмента вербального ряда (вербальный элемент «никто же сейчас не будет звонить в полицию» и фото звонящего).

4. Заключение = Conclusions

Разделение немецкого общества по признакам «местный» и «пришлый» вызывает активную креативную ироничную реакцию интернет-пользователей. Семантическая дихотомия «ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ» реализуется немецкими ИМ, отображающими разные объекты и предметы критики. Последние определяют внутреннюю структуру описываемой тематической группы. Данная группа конституируется четырьмя подгруппами: 1) критика субъекта политики (в защиту пришлых — мигрантов); 2) критика субъекта политики (против пришлых — мигрантов); 3) критика пришлых — мигрантов; 4) критика местных — этнических немцев. Наиболее многочисленны ИМ подгруппы № 3 и № 4, то есть объектом критики преимущественно выступают сами социальные группы (мигранты и типичные немцы), которые, по мнению субъектов критики, обладают неодобряемыми, чуждыми признаки. Субъекты власти критикуются за недостаточную или чрезмерную поддержку мигрантов. Мигрантам приписываются следующие основные неодобряемые характеристики: их большое количество, криминальные наклонности, низкая интегрированность в общество, плохое знание немецкого языка, притязательность и постоянное недовольство, непонятные традиции, неуважение к чужой культуре и навязывание своей. Типичные немцы подвергаются ироничной критике чаще всего за их сухость, прямоту, чрезмерную любовь к порядку, планированию и контролю, в том числе самоконтролю, экономность, склонность к саморефлексии и философствованию. ИМ данной группы преимущественно заимствованные, обращающиеся к современным прецедентным феноменам, с широкой адресацией, с реплицируемым визуальным рядом. Ситуативные и узкоцелевые ИМ, мемные фразы представляют периферийное явление. Смыслообразование строится чаще всего на отождествлении объекта критики и персонажа, с которым ассоциируются определенные признаки; при этом фон редко выступает значимым фактором смыслообразования. Вербальный ряд, как правило, дополняет визуальный, в единичных случаях дублирует его или диссонирует с ним. Преобладают макросы и эдвайсы, существенно меньше представлены комиксы, сравнения, демотиваторы. Источниками комического эффекта выступают отождествление объекта

критики с узнаваемым, комичным персонажем, преувеличение, иконичность визуального ряда и визуальная поддержка фрагмента вербального ряда, «говорящая» мимика персонажа, использование сленгизмов, сниженной лексики, нарушение синтагматики слов, в редких случаях — диссонанс вербального и визуального рядов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. Fotostrana — *Public* Page «Fotostrana» [Electronic resource]. — Access mode : https://fotostrana.ru/public/post/341889/2058833378 (accessed 12.04.2023).

2. Kekememes 1.1 — *«Menschen mit* Migrationshintergrund — Geld mit Migrationshintergrund» [Electronic resource]. — Access mode : https://kekememes.de/picture/menschen-mit-migrationshintergrund-geld-mit-migrationshintergrund-iboilrwN9 (accessed 16.04.2023).

3. Kekememes 1.2 — *«Migrationshintergrund* der Täter hervorheben» [Electronic resource]. — Access mode : https://kekememes.de/picture/ii-u-migrationshintergrund-der-tater-hervorheben-polizei-prasident-alkoholisierten-zustand-DXrWbg508 (accessed 10.04.2023).

4. Kekememes 2.1 — *«Wetter* mit Migrationshintergrund» [Electronic resource]. — Access mode : https://kekememes.de/picture/panorama-coronavirus-liveticker-coronavirus-alle-karten-unl-panorama-hoch-und-F7GzCJzG8 (accessed 11.04.2023).

5. Kekememes 2.2 — *«I sad* we vielfältig» [Electronic resource]. — Access mode : https://kekememes.de/picture/neue-schock-zahlen-des-bka-jeden-tag-zwei-gruppen-vergewaltigungen-fSJmCCFo8 (accessed 14.04.2023).

6. Kekememes 3.1 — *«Kanaken* — Freie Wohnungen in Städten» [Electronic resource]. — Access mode : https://kekememes.de/picture/ijHb3BiRA (accessed 18.04.2023).

7. Kekememes 3.2 — *«Abgeschobene* Migranten» [Electronic resource]. — Access mode : https://kekememes.de/picture/deutschland-abgeschobene-migranten-abgeschobene-migranten-w7IbnTWy8 (accessed 13.04.2023).

8. Kekememes 4.1 — *«Mein* Allman Freund wenn» [Electronic resource]. — Access mode : https://kekememes.de/meme/mein-allman-freund-wenn-ich-ihm-2cent-schulde-f17p-cPVJ8 (accessed 18.04.2023).

9. Kekememes 4.2 — *«Wird* jetzt in der Zeit niemand die Polizei rufen» [Electronic resource]. — Access mode : https://kekememes.de/picture/EKe1xeoNA (accessed 15.04.2023).

10. Know Your Meme — *Internet* meme Database «Know Your Meme» [Electronic resource]. — Access mode : https://knowyourmeme.com/memes/ (accessed 11.04.2023).

11. Memepedia — *Мемотека* «Мемепедия» [Electronic resource]. — Access mode : https://memepedia.ru/memoteka/ (accessed: 10.04.2023).

12. Spiegel — *Zeitschrift* «Spiegel». 05.01.2021, Tief «Ahmet» bringt Schnee — und mehr Diversität [Electronic resource]. — Access mode : https://www.spiegel.de/kultur/wetter-tief-ahmet-bringt-schnee-und-mehr-diversitaet-a-929d14a1-c233-4d22-b05b-953f04b4b2b7 (accessed 17.04.2023).

Литература

1. *Бабикова М. Р.* Жанровые разновидности интернет-мемов в современном националистическом дискурсе / М. Р. Бабикова // Известия Уральского федерального

университета. Серия 1 : проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — Т. 25. — № 2 (186). — С. 67—73.

2. *Глухих В. А.* Интернет-мемы как инструменты публичной политики / В. А. Глухих, С. М. Елисеев // Дискурс. — 2017. — № 4. — С. 90—96.

3. *Зиновьева Н. А.* Воздействие мемов на Интернет-пользователей : типология Интернет-мемов / Н. А. Зиновьева // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 1. — С. 195—201.

4. *Канашина С. В.* Роль интернет-мемов в процессе политических выборов / С. В. Канашина // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1 (67). — С. 67—72. — DOI: 10.26170/pl18-01-07.

5. *Ребрина Л. Н.* Интернет-мемы 2019—2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации : смыслы единения и разобщения / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 235—267. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-267.

6. *Савицкая Т. Е.* Интернет-мемы как феномен массовой культуры / Т. Е. Савицкая // Культура в современном мире. — 2013. — № 3. — С. 3.

7. *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism / H. Arendt. — New ed. — New York : Harcourt, Brace & World, 1973. — 576 p. — ISBN 0-15-670153-7.

8. *Goffman E.* Stigma : Notes on the Management of the Spoiled Identity / E. Goffman. — New Jersey, Englewood Cliffs : Prentice Hall, 1963. — 147 p. — ISBN 9780138466268.

9. *Hartmann F.* Meme : Die Kunst des Remix / F. Hartmann. — Berlin : Amadeo Antonio Stiftung, 2017. — 33 S.

10. *Lipp W.* Stigma und Charisma : über soziales Grenzverhalten / W. Lipp. — Würzburg : Ergon-Verlag, 2010. — 390 S. — ISBN 9783899137101.

11. *Miltner K. M.* There's no place for lulz on LOLCats : The role of genre, gender, and group identity in the interpretation and enjoyment of an Internet meme / K. M. Miltner // First Monday. — 2014. — Vol. 19. — № 8. — Pp. 21—43.

12. *Nightengale C. H.* Segregation : A Global History of Divided Cities / C. H. Nightengale. — Chicago, London : University of Chicago Press, 2012. — 540 p. — ISBN 978-0-226-58074-6.

13. *Smith R. A.* Stigma communication / R. A. Smith // S. Littlejohn & K. Foss (Eds.), Encyclopedia of communication theory. — Thousand Oaks, CA : Sage, 2009. — 1105 p. — ISBN 9781412959377.

14. *Thomas A.* Kulturstandards in der internationalen Begegnung / A. Thomas // Bulletin „Der sozialwissenschaftliche Studienkreis für internationale Probleme“ Verlag breitenbach Publishers. — 1991. — № 6. — 111 S.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023,
одобрена после рецензирования 16.06.2023,
подготовлена к публикации 20.06.2023.

Material resources

Fotostrana — *Public Page «Fotostrana»*. Available at: https://fotostrana.ru/public/post/341889/2058833378 (accessed 12.04.2023).

Kekememes 1.1 — *«Menschen mit Migrationshintergrund — Geld mit Migrationshintergrund»*. Available at: https://kekememes.de/picture/menschen-mit-migrationshintergrund-geld-mit-migrationshintergrund-iboilrwN9 (accessed 16.04.2023). (In Germ.).

Kekememes 1.2 — *«Migrationshintergrund der Täter hervorheben».* Available at: https://kekememes.de/picture/ii-u-migrationshintergrund-der-tater-hervorheben-polizei-prasident-alkoholisierten-zustand-DXrWbg508 (accessed 10.04.2023). (In Germ.).

Kekememes 2.1 — *«Wetter mit Migrationshintergrund».* Available at: https://kekememes.de/picture/panorama-coronavirus-liveticker-coronavirus-alle-karten-unl-panorama-hoch-und-F7GzCJzG8 (accessed 11.04.2023). (In Germ.).

Kekememes 2.2 — *«I sad we vielfältig».* Available at: https://kekememes.de/picture/neue-schock-zahlen-des-bka-jeden-tag-zwei-gruppen-vergewaltigungen-fSJmCCFo8 (accessed 14.04.2023). (In Germ.).

Kekememes 3.1 — *«Kanaken — Freie Wohnungen in Städten».* Available at: https://kekememes.de/picture/ijHb3BiRA (accessed 18.04.2023). (In Germ.).

Kekememes 3.2 — *«Abgeschobene Migranten».* Available at: https://kekememes.de/picture/deutschland-abgeschobene-migranten-abgeschobene-migranten-w7IbnTWy8 (accessed 13.04.2023). (In Germ.).

Kekememes 4.1 — *«Mein Allman Freund wenn».* Available at: https://kekememes.de/meme/mein-allman-freund-wenn-ich-ihm-2cent-schulde-f17pcPVJ8 (accessed 18.04.2023). (In Germ.).

Kekememes 4.2 — *«Wird jetzt in der Zeit niemand die Polizei rufen».* Available at: https://kekememes.de/picture/EKe1xeoNA (accessed 15.04.2023). (In Germ.).

Know Your Meme — *Internet meme Database «Know Your Meme».* Available at: https://knowyourmeme.com/memes/ (accessed 11.04.2023).

Memepedia — *Memoteca "Memepedia".* Available at: https://memepedia.ru/memoteka/ (accessed: 10.04.2023). (In Russ.).

Spiegel — *Zeitschrift «Spiegel». 05.01.2021, Tief «Ahmet» bringt Schnee — und mehr Diversität.* Available at: https://www.spiegel.de/kultur/wetter-tief-ahmet-bringt-schnee-und-mehr-diversitaet-a-929d14a1-c233-4d22-b05b-953f04b4b2b7 (accessed 17.04.2023). (In Germ.).

References

Arendt, H. (1973). *The Origins of Totalitarianism.* New York: Harcourt, Brace & World. 576 p. ISBN 0-15-670153-7.

Babikova, M. R. (2019). Genre varieties of Internet memes in modern nationalist discourse. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture, 25 / 2 (186):* 67—73. (In Russ.).

Glukhikh, B. A., Eliseev, C. M. (2017). Internet memes as instruments of public policy. *Discourse, 4:* 90—96. (In Russ.).

Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity.* New Jersey, Englewood Cliffs: Prentice Hall. 147 p. ISBN 9780138466268.

Hartmann, F. (2017). *Meme: Die Kunst des Remix.* Berlin: Amadeo Antonio Stiftung. 33 S. (In Germ.).

Kanashina, S. V. (2018). The role of Internet memes in the process of political elections. *Political linguistics, 1 (67):* 67—72. DOI: 10.26170/pl18-01-07. (In Russ.).

Lipp, W. (2010). Stigma und Charisma: über soziales Grenzverhalten. Würzburg: Ergon-Verlag. 390 S. ISBN 9783899137101. (In Germ.).

Miltner, K. M. (2014). There's no place for lulz on LOLCats: The role of genre, gender, and group identity in the interpretation and enjoyment of an Internet meme. *First Monday, 19 (8):* 21—43.

Nightengale, C. H. (2012). *Segregation: A Global History of Divided Cities*. Chicago, London: University of Chicago Press. 540 p. ISBN 978-0-226-58074-6.

Rebrina, L. N. (2022). Internet Memes of 2019—2021 as Current Phenomenon of Internet Communication: Meanings of Unity and Disunity. *Nauchnyi dialog, 11 (6):* 235—267. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-268 (In Russ.).

Savitskaya, I. E. (2013). Internet memes as a phenomenon of mass culture. *Culture in the modern world, 3:* P. 3. (In Russ.).

Smith, R. A. (2009). Stigma communication. In: *Encyclopedia of communication theory.* Thousand Oaks, CA: Sage. 1105 p. ISBN 9781412959377.

Thomas, A. (1991). Kulturstandards in der internationalen Begegnung. *Bulletin „Der sozialwissenschaftliche Studienkreis für internationale Probleme“ Verlag breitenbach Publishers, 6:* 111 S. (In Germ.).

Zinovieva, N. A. (2015). The impact of memes on Internet users: typology of Internet memes. *Bulletin of Economics, Law and Sociology, 1:* 195—201. (In Russ.).

The article was submitted 15.05.2023;
approved after reviewing 16.06.2023;
accepted for publication 20.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шалютина Н. В. Проблемы типологии практик коммеморации в «новых медиа» / Н. В. Шалютина, К. В. Игаева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 215—231. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-215-231.

Shalyutina, N. V., Igaeva, K. V. (2023). Typology Issues of Commemoration Practices in New Media. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 215-231. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-215-231. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-215-231

Проблемы типологии практик коммеморации в «новых медиа»

Шалютина Надежда Владимировна [1]
orcid.org/ 0000-0001-6101-4551
кандидат социологических наук,
доцент кафедры
отраслевой и прикладной социологии
shalyutina@fsn.unn.ru

Игаева Ксения Владимировна [1,2]*
orcid.org/0000-0002-8581-0015
младший научный сотрудник,
преподаватель кафедры
всеобщей истории,
*** *корреспондирующий автор***
igaeva.ksenia@yandex.ru

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижний Новгород, Россия)

[2] Приволжский исследовательский медицинский университет (Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00311

Typology Issues of Commemoration Practices in New Media

Nadezhda V. Shalyutina [1]
orcid.org/ 0000-0001-6101-4551
PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of Sectoral
and Applied Sociology
shalyutina@fsn.unn.ru

Ksenia V. Igaeva [1, 2] *
orcid.org/0000-0002-8581-0015
junior research scientist,
lecturer, Department
of General History,
*** *Corresponding author***
igaeva.ksenia@yandex.ru

[1] National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

[2] Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-18-00311

© Шалютина Н. В., Игаева К. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья поднимает вопрос о векторах трансформации культурной и коммуникативной памяти в цифровом пространстве «новых медиа». Представлены результаты сравнительного анализа трех вариантов классификации практик коммеморации в «новых медиа»: Р. Смита, Л. Зампони, М. Гибсон и К. Карден. Уделяется внимание трансформациям механизмов социальных связей офлайн и онлайн. Доказывается, что практики коммеморации в «новых медиа» все больше основываются не на личном или историческом опыте, но на тиражируемых и узнаваемых пользователями симулякрах и репрезентациях в СМИ. Особое внимание уделяется проблеме ностальгии. Доказывается, что популярность ностальгии в социальных сетях и видеоиграх связана с нехваткой реального и тоской не по конкретному историческому периоду или его эстетике, но по устойчивым символическим и социальным связям. Практики коммеморации в социальных сетях и видеоиграх включают не просто оцифровку, но активное изменение старых медиа. Такие изменения построены на двойной логике: узнаваемости образов прошлого и гипермедиации, дающей игроку или пользователю определенную свободу выбора аффордансов.

Ключевые слова:
теория медиа; практики коммеморации; ремедиация; исследования памяти; коннективная культура; комуникация; медиакоммуникация; дискурс памяти.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the transformation of cultural and communicative memory in the digital space of “new media.” A comparative analysis of three classification options for commemoration practices in “new media” is presented, including R. Smith, L. Zamboni, M. Gibson, and K. Carden. The article examines the transformation of mechanisms of social ties offline and online and argues that commemoration practices in “new media” are increasingly based on simulacra and representations in the media that are recognized by users, rather than personal or historical experience. The article also focuses on the problem of nostalgia and argues that its popularity in social networks and video games is related to a longing for stable symbolic and social ties rather than a specific historical period or its aesthetics. Commemoration practices in social networks and video games involve not only digitization but also active modification of old media, built on a dual logic of recognizability of past images and hypermediation that gives players or users a certain degree of freedom to choose affordances.

Key words:
media theory; commemoration practices; remediation; memory studies; connective culture; communication; media communication; discourse of memory.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 070:004.738

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Проблемы типологии практик коммеморации в «новых медиа»

© Шалютина Н. В., Игаева К. В., 2023

1. Введение = Introduction

Развитие цифровых или «новых медиа» в течение последних тридцати лет оказало значительное влияние на различные аспекты социальной, культурной и политической жизни, в том числе на медиатизацию исторической памяти [Digital Memory…, 2017; Dijck, 2007; Буллер и др., 2021; Память в сети…, 2023]. Эта медиатизация предполагает не просто перевод существующих форм репрезенатации прошлого в цифровой формат, но и конструирование новых типов интеракций и идентификаций. Если в 1980—2000-е годы многие представители memory studies вслед за Я. Ассманом склонны были разделять связанную с устоявшимся литературным каноном *культурную* и *коммуникативную* память (чаще всего устную по форме, включающую разногласия между разными поколениями и социальными группами), то в 2010-е годы все больше исследователей стали говорить о ремедиации и наслоении разных видов памяти или практик коммеморации» [Mediation …, 2009; Bolter et al., 1999]. Э. Хоскинс справедливо отмечает: «Современная память в основном формируется не через извлечение и не через репрезентацию некоторого содержания прошлого в настоящем. Скорее, она встроена в наши социотехнические практики и распространяется через них» [Hoskins, 2009, p. 92].

С другой стороны, исследователи «новых медиа» все чаще акцентируют внимание на стремительном распространении интернета, способствующего переходу «от индивидуализированного и персонализированного потребления медиа к потреблению как сетевой практике» [Jenkins, 2006, p. 244]. Можно выделить несколько специфических характеристик, накладывающих отпечаток на практики коммеморации в цифровой среде. Во-первых, социальные медиа, как правило, сильно персонализированы, что выводит на передний план вопросы политики памяти [Политика памяти …, 2020; Николаи, 2021]. Во-вторых, они способствуют переходу от политики идентичности к «политике видимости», требующей четкого визуального воплощения или легко считываемой репрезентации коллективной идентичности [Fenton, 2011; Kavada, 2015]. Кроме того, информация в социальных медиа фильтруется и организовывается через «информаци-

онные пузыри» и эхо-камеры (хотя их влияние на идентичность в последние годы оспаривается) [Flaxman et al., 2016]. Наконец, социальные медиа усложняют ремедиацию прошлого и создают новые модели инклюзивного участия — превращают коммуникацию из средства в самоценную задачу коннективного действия. Они предлагают пользователям насыщенную среду аффордансов, то есть имманентных интуитивно понимаемых технологических возможностей для медиадействий.

Обозначение этого контекста полемики о «новых медиа» и их влиянии на историческую память важно для постановки цели статьи — компаративного анализа трех вариантов типологии цифровых практик, с помощью которых пользователи работают с медиаконтентом и формируют нарративы о прошлом, исходя из своих целей и аффордансов цифровых платформ (прежде всего социальных медиа и компьютерных игр).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Первую такую типологию предлагает Р. Смит, делающий акцент на коннективной работе с памятью на платформе Facebook[1] и опирающийся на концепцию коннективных действий Беннетта и Сегерберга [Bennett et al., 2012]. Исследователь утверждает, что работа медиапамяти не всегда целенаправленна, — на неё оказывает влияние сама экосистема используемой платформы. Коннективная работа памяти в пространстве социальных медиа представляет собой персонифицированное взаимодействие с прошлым, когда пользователи делятся «публичным опытом себя» через мнемонические шаблоны, например, посты или интернет-мемы, лайки, репосты, и комментарии. С другой стороны, посредством специфической операционной механики социальные медиа влияют на увеличение видимости этих актов: с каждым взаимодействием с цифровым объектом его видимость увеличивается. Р. Смит исследовал «пространство возможностей» и алгоритмические процедуры указанной платформы, способствующие большей видимости определенных постов, в итоге выделив 4 типа цифровых коммемораций:

1. Формирование фреймов коллективных действий. Тексты, фотографии и комментарии к ним, по наблюдению автора, имеют общую структуру: «соболезнования — персонализация (связь с собственным опытом) – обобщения» [Smit, 2021, p. 89]. Это фрейм, который автор обозначает как «поминовение, объединенное в сеть», позволял пользователям, выражающим соболезнования на своей страничке, одновременно связываться с другими пользователями, с прошлым символическим контентом, с определен-

1 Деятельность указанной социальной сети, продукта Meta Platforms Inc., признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

ными местами памяти (как онлайн, так и офлайн) и с самой платформой. Отчасти это можно объяснить дизайном данной социальной сети, который предлагает пользователям делиться «тем, что у них на уме» в верхней части новостной ленты и ставить лайк постам других пользователей.

2. Использование знаковых образов и символов (репутационных щитов). Р. Смит описывает процесс использования изображений и иконок как средств выражения личного мнения и мыслей. Например, эмодзи в виде двух поднятых кулаков или фото Мартина Лютера Кинга-младшего с наложенным на нее текстом позволяют символически воскрешать и адаптировать прошлое для усиления риторического эффекта сообщения. Такое «мемическое воскрешение» прошлого часто не является отражением его глубокого понимания; скорее, это клише, предлагающие легкий вход в сообщество, создающее четкие границы между «своими» и «чужими». Наиболее известные культовые изображения пользуются успехом с точки зрения общей видимости и повторяемости на странице, что также объясняется алгоритмами исследуемой социальной сети (б*о*льшее количество взаимодействий — б*о*льшая видимость в ленте).

3. Цифровое архивирование и курирование. Использование администраторами групповых страниц операционной механики платформы (например, хэштегов для связывания материалов и видео) позволяет им осуществлять архивную практику: публикации становятся отслеживаемыми и доступными для поиска. Кроме того, в постах повсеместно присутствуют метрики, начиная от даты и заканчивая количеством просмотров, лайков и репостов. Эти цифры имеют важные последствия для их видимости и документальной значимости. Выполняя двойную цель — поделиться сейчас и сохранить на будущее — подобная практика является одновременно архивной и коммуникативной.

4. Коллективная реконструкция — активное отслеживание и реконструкция пользователями событий, связанных с происшедшим. Имея информативную цель, этот процесс распределенного труда связан с собиранием воедино этого конкретного прошлого и описывает целенаправленную коллективную практику поиска информации, составления ее воедино, оформления и распространения. Цифровые инструменты в данном случае позволяют создать чувство коллективной идентичности.

Предложенная Р. Смитом типология цифровых коммеморативных практик основывается на таком критерии, как результаты взаимодействия пользователей с процедурной логикой и интерфейсом Facebook[1]. По мнению исследователя, коммуникативная память в социальных сетях являет-

1 Деятельность указанной социальной сети, продукта Meta Platforms Inc., признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

ся одновременно ретроспективной и перспективной, то есть представляет собой связующий репертуар для коннективных действий в настоящем и в будущем, что меняет темпоральность процесса коммуникации и влияет на формирование коллективной идентичности.

Несколько иначе расставляет акценты в своем исследовании практик коммемораций Л. Зампони [Zamponi, 2018]. Он анализирует целый набор «мест памяти», важных для Италии XX века: Холокост и этнические конфликты в Истрии 1943—1945 годов, теракты «красных бригад» 1970-х годов, убийства мафией активистов и судей в 1980-е годы, протесты в связи с проведением саммита «большой восьмерки» в Генуе в 2001 году и их репрезентации в «Твиттере». Автор исследует репертуары памяти — наборы мнемонических практик, которые пользователи применяют по отношению к прошлому, что позволяет им обращаться к различным хранилищам памяти или «цифровым архивам». На основе количественного и качественного анализа более 5 тысяч твитов, связанных с хэштегом «#ioricordo», Л. Зампони выделяет 6 типов цифровых практик коммеморации:

1. Обмен информацией об активности офлайн. Социальные медиа используются в данном случае как инструмент для продвижения офлайн-активизма, с одной стороны, с целью призыва к участию в мероприятии, с другой — для обеспечения виртуального опыта участия.

2. Размещение ссылок на материалы традиционных СМИ. Например, пользователи используют хэштег «#ioricordo», указывая на определенное прошлое и участвуя в коммеморации через цитирование материалов, которые были созданы вне социальных медиа.

3. Цитирование культурных источников и исторических материалов. Как и в предыдущем случае, пользователи участвуют в коммеморациях, привнося в сферу социальных медиа то, к чему они получили доступ снаружи. Ремедиация играет перформативную роль: люди хотят участвовать в ритуале онлайн-памяти, и поводом к участию становятся материалы из установленных хранилищ памяти, содержание которых воспроизводится в социальных медиа.

4. Публикация личных биографий. В отличие предыдущих трех типов коммемораций, эти действия воспроизводятся непосредственно в социальных медиа, что накладывает отпечаток на формируемое значение сообщения. Индивидуальные нарративы вписываются в контекст коллективного опыта, а значимость события измеряется через трансформирующее воздействие, которое оно оказало на индивидуальное существование.

5. Мобилизация прошлого как риторический аргумент для поддержки деятельности в настоящем. Речь идет о присвоении определенной памяти о прошлом для продвижения политических требований настоящего.

6. Борьба за память. Некоторые твиты — это скорее полемика вокруг памяти, заявления в контексте конфликта о прошлом, наполненные политическим и моральным подтекстом, чем воспроизведение этого прошлого. Их содержание сосредоточено на необходимости памяти и обязанности помнить, а не на самой памяти.

В данной типологии акцент делается на легкости транспонирования коммемораций из офлайн в онлайн и обратно. Первые три типа практик связаны с привнесением в цифровое поле внешних по отношению к социальным медиа материалов; последние три типа практик воспроизводят память непосредственно в социальных медиа, что накладывает отпечаток на сами нарративы. В случае цитирования традиционных медиа пользователи обращаются к более институализированным и канонизированным воспоминаниям (как, например, память о Холокосте), в случае с производством контента в социальных сетях — к более спорным и противоречивым сюжетам (как, например, память о саммите «большой восьмерке» в Генуе).

Третий вариант классификации практик коммеморации предлагают М. Гибсон и К. Карден, анализирующие память и ностальгию в компьютерных играх [Gibson et al., 2018]. Поскольку тематика исторической памяти в исследованиях видеоигр лишь недавно стала привлекать внимание российских исследователей [Белов, 2022; Воробьева и др., 2022; Галанина, 2019], рассмотрим эту классификацию более подробно. Основным полем для исходных наблюдений исследований стало трехмерное виртуальное пространство игры с элементами социальной сети «Second Life», созданное в 2003 году и привлекшее около 60 млн пользователей по всему миру. Эта игра / сеть предлагает пользователем большой набор аффордансов: модификация своего аватара, создание цифровых объектов, взаимодействие с другими игроками, покупка и продажа объектов в пространстве игры, участие в сообществах и т. д. Эти аффордансы оказываются интегрированными в три типа коммеморативных практик:

1. Ностальгические коммеморации. Игра дает возможность взаимодействовать с разными формами прошлого: с личным прошлым, с прошлым самой игры и с воображаемыми мирами прошлого. Пользователи имеют технические возможности конструирования пространств и объектов, в том числе создания виртуальных аналогов значимых «сентиментальных вещей» из детства (игрушек, мебели, семейных реликвий, репликаций питомцев). Некоторые пользователи воссоздают по памяти дома своего детства и используют их как виртуальное место для семейных встреч, приглашая туда реальных родственников. Эти места становятся площадкой для семейного общения, обладают высокой эмоциональной окраской и особой темпоральностью. В «Second Life» существуют музеи и сообще-

ства, сохраняющие собственную историю этого пространства. Они выделяют места и объекты, которые должны остаться неизменными, несмотря на возможность их усовершенствования: достопримечательности, некоторые общественными места, фотографии из самой игры. Как и в офлайн-реальности, ностальгические переживания, направленные на сокращение дистанции между прошлым и настоящим, проявляются здесь в бережном отношении к прошлому.

2. «Оживление истории». В пространстве игры можно выделить коммеморативные практики, относящиеся к альтернативной исторической памяти: исторические симуляции для развлечения, туризма, общения и обучения (например, проект «Берлин 1920-х»). Несмотря на то, что эти симуляции репрезентируют конкретное место и время, они упрощают и редуцируют прошлое, так как конструируются сообразно техническим возможностям детализации и социальным нормам. Например, в упомянутом проекте «Берлин 1920-х» есть цензура, связанная с антисемитскими высказываниями, использованием лозунгов и атрибутов нацизма. При этом важным аспектом развития подобных симуляций в виртуальном мире является возможность пользователей участвовать в конструировании и вовлекаться во взаимодействие по правилам конкретной эпохи, оживляя и проигрывая события.

3. Практики легитимизации горя. Они связаны с воспоминаниями о погибших в реальном мире. По мнению исследователей, в их основе лежит невозможность смириться с переживанием потери в рамках традиционных социальных структур. Речь идет о разнообразных ситуациях «культурной травмы» и горя: социальном неприятии связей между людьми; случаях, когда горе не может быть публично выражено. Виртуальное пространство игры предоставляет возможность создавать места памяти (могилы, мемориалы и памятники); войти в сообщества людей, потерявших близких при схожих обстоятельствах и разделить с ними чувства скорби. Пространство игры замещает лакуны в реальных социальных институтах, легитимизирует различные эмоциональные связи между людьми и событиями.

Предлагаемую М. Гибсон и К. Карден типологию отличает акцент на ностальгии, которая связывает онлайн- и офлайн-существование пользователей. Однако функции ностальгии оказываются гораздо сложнее в современной культуре [Бауман, 2019; Джеймисон, 2019; Липовецкий и др., 2021]. Анализируя проблематику ностальгии в компьютерных играх, Р. Дж. С. Слоан отмечает ее внутреннее замыкание — рост внутренних воспоминаний цифровой культуры (например, массовая интеграция классических игр в современные игровые платформы), которая активно эксплуатируется офлайн-консьюмеризмом [Sloan, 2014]. Однако коммодификация

ностальгии в современном дизайне видеоигр — это только часть картины, репрезентирующей ностальгию взрослой аудитории не только по старым играм, но и по фильмам, телевидению, музыке и моде прошлых лет.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ностальгия как симуляция и бегство от реальности

Компаративный анализ трех рассмотренных типологий позволяет обозначить не только важные различия между ними, но и общее ядро, связанное с природой практик коммеморации. Для его понимания представляется продуктивным обращение к двум известным идеям Ж. Бодрийяра. В своей работе «Система вещей» он утверждает, что объекты в современном (консьюмеристском) обществе становятся определенным знаком в рамках структуры потребления, а их основная роль заключается в передаче сообщения. Такие свойства объектов, как форма и цвет, могут быть рассмотрены в рамках функциональности этого объекта [Бодрийяр, 1999, с. 73]. В видеоиграх функциональность обычно рассматривается с точки зрения интенциональности аффордансов — того, как объект встроен в рамках пользовательского опыта. Функциональность заключается не только в том, насколько код позволяет облегчить действия игрока или насколько хорошо интерфейс передает информацию. Сюжет и геймплей объединяются для создания универсального знака, поддержания желаемой атмосферы. Далее Бодрийяр описывает нефункциональную систему объекта, связывая его с общей системой знаков. Он утверждает, что «имеется целая категория [старинных] вещей, которые, по видимости, не укладываются в проанализированную выше систему. Они как будто противоречат требованиям функциональной исчислимости, соответствуя желаниям иного порядка — выражать в себе свидетельство, память, ностальгию, бегство от действительности» [Бодрийяр, 1999, с. 83]. Ностальгия здесь фактически представляет собой «нарциссическую регрессию», когда поиск истоков характеризует фундаментальную потребность быть ближе к детству (и к матери как к источнику знаний), а поиск аутентичности — стремление обнаружить оригинальное мастерство отца как творца. Потребители нуждаются в «регрессивном побеге», в рамках которого «проецируемая деталь оказывается эквивалентом моего Я и вокруг нее организуется весь остальной мир» [Бодрийяр, 1999, с. 90]. Видеоигры и практики коммеморации в социальных сетях, как правило, имеют современное технологическое ядро («движки», программирование геймплея) и ностальгическую оболочку (аудиовизуальные и повествовательные конструкции, свидетельствующие об ушедшей эпохе).

В работе «Симулякры и симуляция» Бодрийяр утверждает, что на смену реальности пришли системы знаков и что средства массовой информации активны в создании представлений, которые больше не соответствуют ссылкам на реальный мир. Потребители не способны проводить четкие различия между имитациями реальности и самой реальностью, что приводит к преобладанию гиперреальности внутри потребительской культуры. В гиперреальном мире нет ничего неопосредованного из-за повсеместного распространения симуляций, и симуляции становятся нашими новыми ориентирами. Бодрийяр подчеркивает, что смоделированные реальности возникают из ностальгического желания вернуться к историческим референтам, что они создают новые мифы о происхождении и новые подлинности, но в конечном счете эти симуляции подавляют первоначальный референт, делая его более отдаленным. «Когда реальное больше не является тем, чем оно было, ностальгия присваивает себе все его смысловое содержание» [Бодрийяр, 2011, с. 13]. Таким образом, практики коммеморации в «новых медиа» все больше основываются не на личном или историческом опыте, но на знакомых симулякрах и репрезентациях в СМИ (в литературе, на телевидении, в кино и особенно «новых медиа»).

Репрезентации заменяют реальность, в результате чего опосредованные образы могут казаться пользователям более реальными, чем исторически достоверные записи. Практики коммеморации в социальных сетях и видеоиграх включают не просто оцифровку, но активное изменение старых медиа, таких как кино и телевидение. Как пишут Д. Болтер и Р. Грусин, такое «исправление» в новых медиа построено на двойной логике: узнаваемости образов прошлого и гипермедиации, дающей игроку или пользователю определенную свободу выбора аффордансов [Bolter et al., 1999]. Эта логика медиатизации усиливает элемент вариативности развлечения в современной потребительской культуре. Таким образом, новые медиа еще на один шаг отдаляются от реконструкции прошлого, которое становится фоном и атмосферой для валоризации выбора пользователей, «исправляющих» старые медиа в соответствии с шаблонами или когнитивными схемами собственного опыта [Козырьков и др., 2022].

3.2. Дискурсивные составляющие практик коммеморации

Концепция Ж. Бодрийяра позволяет понять общую основу, но не охарактеризовать различия рассмотренных типологий коммеморативных практик. Однако эти различия представляются весьма существенными и потому требуют иной аналитической рамки. На наш взгляд, наиболее продуктивный подход к их рассмотрению предлагает теория практик в ее дискурсивной версии.

Напомним, что теория практик делает акцент на перформативной трансформации языка и важности повседневной деятельности в воспроизводстве социальной системы, пытается найти баланс между самостоятельными действиями акторов и накладываемыми на них системными ограничениями [Волков и др., 2008, с. 11]. Она предполагает, что социальные отношения выстраиваются через гибридизацию и трансформацию языка описания реальности, которую осуществляют не только элиты или экспертные центры в СМИ, но и низовые акторы, воспроизводящие доминирующие нарративы с изменениями, скрещивая их между собой в поисках тактик уклонения от властных стратегий репрезентации. Как отмечают В. Волков и О. Хархордин, для практик характерны диахронизм, прагматика деятельности по привычке и слабая рефлексивность.

Апеллируя к теории обыденного языка Л. Витгенштейна, теория практик рассматривает речевую активность (в том числе в медиа) как слабо отрефлексированную и не сформулированную методологически четко, но все же авторскую позицию. Для нее важны не просто высказывания, но действия при помощи слов, включая процесс конструирования социальных и культурных идентичностей. Эти идентичности скорее конвенциональны: они предполагают воспроизводство социально-культурных форм с минимальными модификациями, а не радикальные перформативные преобразования. В связи с этим для значительной части низовых акторов наиболее востребованными оказываются такие дискурсивные практики, как ирония, не претендующая на изменение ситуации, но создающая дистанцию остранения; эмотивы, отражающие аффективные состояния акторов; интернет-мемы, соединяющие широко известные образы и ситуативно подбираемые слова. Такие дискурсивные практики трудно сравнивать между собой в строго формализованном ключе. И именно в данном контексте оказываются полезны рассмотренные типологии коммеморативных практик, фиксирующие в том числе дискурсивные различия механизмов идентификации.

Ностальгия у М. Гибсон и К. Карден делает акцент не на дискурсивное, но скорее на образное (виртуальное) конструирование мест памяти. Пользователь присоединяется к каким-либо сообществам не через тексты, но через действия и игровые аффордансы. При этом ключевую роль приобретает иконическая составляющая знаков, а не их символическое кодирование и интерпретация.

Классификация Л. Зампони переносит акцент с виртуальных на офлайн-сообщества, для которых важно стремление изменить фрагменты существующей реальности. Здесь верность духу прошлого предполагает не сохранение институтов, но их перформативное преобразование, для

которого (как и для прояснения политических позиций акторов и их саморефлексии) оказываются важными прежде всего тексты, а не образы. Последние носят вспомогательный характер и важны в символическом отношении.

Р. Смит делает акцент на поиске баланса — медиатизированного согласования дискурсивного конструирования образа себя (идентичности) и виртуальных сообществ. Ключевую роль при этом играет специфика медиа-платформ, предлагающих широкую палитру новых дискурсивных средств: лайков, репостов, мемов и комментариев. Новая коллективная идентичность (виртуальное сообщество) создается при этом в результате синтеза повторений (репостов), оригинальных реплик и мемов, соединяющих новое и старое. Медиа выполняют функцию посредничества в конструировании виртуальной коллективной идентичности, требующей постоянного поддержания баланса между верностью сложившемуся сообществу и обновлением его образов. Эта стратегия самая сложная: она требует баланса символического и иконического компонентов, слов и образов.

Таким образом, рассмотренные варианты классификаций практик коммеморации предлагают три стратегии соотнесения слов и образов действий, ориентированные прежде всего на онлайн-сообщества, традиционные социальные группы и получающие все более широкое распространение в современных условиях гибридные множества. В этом отношении практики коммеморации представляют собой не просто тиражирование готовых клише, но их постоянную дискурсивную и эстетическую модификацию — соединение старых образов картинки и новых текстовых форм, правила функционирования которых во многом зависят от ситуации, политического контекста, географии, формата и вида социальных сетей [Ануфриева, 2022; Иссерс, 2015; Ребрина и др., 2021].

Отметим также, что в этом контексте практики коммеморации принципиально отличаются от исторического знания: во-первых, они предполагают вовлеченность акторов, а не стремление к объективному знанию исследователя, который оказывается отделен от объекта анализа и не может (не должен) его трансформировать. Хотя, разумеется, вовлеченность акторов не исключает элементов выстраивания прагматической дистанции по отношению к прошлому, которое используется в настоящем и может влиять на будущее. Во-вторых, практики коммеморации носят прагматический характер: они интегрируют низовых акторов в крупные социально-культурные сообщества и потенциально повышают их статус, а также обещают широкую социальную и моральную поддержку в условиях растущей неопределенности. В-третьих, они всегда ситуативно привязаны к специфике медиа и не могут быть отчуждены или объективированы до

академического знания (как это происходит в классической историографии). Предложенные классификации практик коммеморации в «новых медиа» не будут работать в отношении музеев, мемориалов, кинематографа, автобиографических текстов и других более традиционных мест и форм памяти.

4. Заключение = Conclusions

Типологии коммеморативных практик Р. Смита, Л. Зампони, М. Гибсон и К. Карден объединяет несколько факторов. Все они исследуют роль цифровых технологий с точки зрения интегрирования пользователей в сообщества, заинтересованные в сохранении прошлого и установлении его связей с настоящим. Они подчеркивают активную роль пользователей во взаимодействии с самими платформами и другими субъектами. Все эти концепции переносят акцент с акторов памяти на отношения между культурными практиками офлайн и онлайн и признают презентистский характер работы «новых медиа», подчиняющих воспоминания и образы прошлого прагматическим интересам настоящего. Именно функциональные цели пользователей определяют выбор того или иного цифрового пространства. В исследовании Р. Смита основная их цель — политическая, связанная с восстановлением справедливости. С точки зрения Л. Зампони, пользователи не объединены четко сформулированной целью, но полуосознанно создают свои цифровые архивы для подключения к децентрализованным виртуальным сообществам как современным носителям солидарности (в ее понимании Э. Дюркгеймом). Исследование М. Гибсон и К. Карден демонстрирует стремление пользователей найти пространство, преодолевающее недостатки окружающей социокультурной среды и удовлетворяющее их приватные потребности в ностальгии и конструировании более персонализированной идентичности. При этом везде практики коммеморации несут коммуникативную функцию, различными путями соединяя людей и сообщества разного уровня. «Новые медиа» позволяют разнообразить стратегии этих «подключений», делая их более гибкими и соответствующими конкретным коммуникативным ситуациям. А сама медиакоммуникация обеспечивает преемственность и модификацию старых и новых социальных форм.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Ануфриева Г. В.* Подкасты как новая дискурсивная практика русскоязычных масс-медиа / Г. В. Ануфриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — № 10. — С. 3197—3201. — DOI: 10.30853/phil20220518.

2. *Бауман З.* Ретротопия / З. Бауман. — Москва : ВЦИОМ, 2019. — 160 с. — ISBN 978-5-906345-19-6.

3. *Белов С. И.* Историческая символика видеоигр как фактор коррекции социальной памяти населения (на материалах Assassin's Creed) / С. И. Белов // Диалог со временем. — 2022. — № 81. — С. 242—248.

4. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. — Москва : Постум, 2015. — 240 с. — ISBN 978-5-91478-023-1.

5. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр. — Москва : РУДОМИНО, 1999. — 224 с. — ISBN 5-7380-0038-2.

6. *Буллер А.* Медиа и история : дискурс исторической ответственности в меняющемся мире / А. Буллер, А. А. Линченко // Диалог со временем. — 2021. — № 77. — С. 61—77. — DOI: 10.21267/AQUILO.2021.77.77.004.

7. *Волков В. В.* Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с. — ISBN 978-5-94380-078-8.

8. *Воробьева О. В.* Digital front : Первая мировая война в компьютерных играх / О. В. Воробьева, Ф. В. Николаи // Вестник Пермского университета. История. — 2022. — № 4. — С. 129—139. — DOI: 10.17072/2219-3111-2022-4-129-139.

9. *Галанина Е.* Время в видеоиграх / Е. Галанина // Новое литературное обозрение. — 2019. — № 4. — С. 344—350.

10. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. Д. Кралечкина. — Москва : Из-во института Гайдара, 2019. — 808 с. — ISBN 978-5-93255-557-6.

11. *Иссерс О. С.* Люди говорят… Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. — Москва : URSS, 2015. — 272 с. — ISBN 978-5-7779-1520-7.

12. *Козырьков В. П.* Социология культуры в цифровом обществе / В. П. Козырьков, М. В. Придатченко, Н. В. Шалютина. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. — 378 с. — ISBN 978-5-00165-388-2.

13. *Липовецкий М.* Больше, чем ностальгия (поздний социализм в телесериалах 2010-х гг.) / М. Липовецкий, Т. Михайлова // Новое литературное обозрение. — 2021. — № 3. — С. 127—147.

14. *Николаи Ф. В.* Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности : открытое будущее исследований памяти / Ф. В. Николаи // Новое литературное обозрение. — 2021. — № 1. — С. 305—314.

15. *Память* в сети : цифровой поворот в memory studies / под ред. А. Ф. Павловского, А. И. Миллера. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 352 с. — ISBN 978-5-94380-365-9.

16. *Политика* памяти в современной России и странах Восточной Европы / под ред. А. И. Миллера, Д. Е. Ефременко. — Санкт-Петербург : Европейский университет, 2020. — 632 с. — ISBN 978-5-94380-289-8.

17. *Ребрина Л. Н.* Проблематизация социальной реальности в коммуникативных практиках конфликтной мобилизации в сообществах социальных етей в Германии /

Л. Н. Ребрина, Н. Л. Шамне // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 73—86. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-73-86.

18. *Bennett L. W.* The Logic of «Connective Action» / L. W. Bennett, A. Segerberg // Information, Communication and Society. — 2012. — Vol. 15 (5). — Pp. 739—768.

19. *Bolter J.* Remediation. Understanding New Media / J. Bolter, R. A. Grusin. — Cambridge : MIT Press, 1999. — 295 p.

20. *Digital* Memory Studies : Media Pasts in Transition / ed. by A. Hoskins. — New York : Routledge, 2017. — 326 p. — ISBN 9781315637235.

21. *Dijck J. van.* Mediated Memories in the Digital Age / J. van Dijck. — Stanford : Stanford University Press, 2007. — 256 p. — ISBN 9780804756235.

22. *Fenton N.* Alternative Media and Social Networking Sites : The Politics of Individuation and Political Participation / N. Fenton, V. Barassi // The Communication Review. — 2011. — Vol. 14 (3). — Pp. 179—196.

23. *Flaxman S.* Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption / S. Flaxman, S. Goel, J. M. Rao // Public Opinion Quarterly. — 2016. — Vol. 80 (1). — Pp. 298—320.

24. *Gibson M.* Living and Dying in a Virtual World. Digital Kinships, Nostalgia, and Mourning in Second Life / M. Gibson, C. Carden. — New York : Palgrave Macmillan, 2018. — 154 p.

25. *Hoskins A.* Digital Network Memory / A. Hoskins // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory / ed. by A. Erll & A. Rigney. — Berlin, New York : De Gruyter, 2009. — Pp. 91—106.

26. *Jenkins H.* Convergence Culture : Where Old and New Media Collide / H. Jenkins. — New York : New York University Press, 2006. — 244 p.

27. *Kavada A.* Creating the Collective: Social Media, the Occupy Movement and its Constitution as a Collective Actor / A. Kavada // Information, Communication & Society. — 2015. — Vol. 18 (8). — Pp. 872—886.

28. *Mediation,* Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory / ed. by A. Erll, A. Rigney. — Berlin, New York : De Gruyter, 2009. — 264 p.

29. *Sloan R. J. S.* Videogames as Remediated Memories : Commodified Nostalgia and Hyperreality in Far Cry 3 : Blood Dragon and Gone Home / R. J. S. Sloan // Games and Culture. — 2014. — Vol. 10 (6). — Pp. 1—27.

30. *Smit R.* Connective Memory Work on Justice for Mike Brown / R. Smit // Social Movements, Cultural Memory and Digital Media : Mobilising Mediated Remembrance / Ed. by S. Merrill, E. Keightley, P. Daphi. — New York : Palgrave Macmillan, 2021. — Pp. 85—108.

31. *Zamponi L.* Social Movements, Memory and Media. Narrative in Action in the Italian and Spanish Student Movements / L. Zamponi. — London : Palgrave Macmillan, 2018. — 352 p.

Статья поступила в редакцию 18.05.2023,
одобрена после рецензирования 16.06.2023,
подготовлена к публикации 20.06.2023.

References

Anufrieva, G. V. (2022). Podcasts as a new discursive practice of Russian-speaking mass media. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 15 (10):* 3197—3201. DOI: 10.30853/phil20220518. (In Russ.).

Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and simulation.* Moscow: Postum. 240 p. ISBN 978-5-91478-023-1. (In Russ.).

Baudrillard, Zh. (1999). *The system of things.* Moscow: RUDOMINO. 224 p. ISBN 5-7380-0038-2. (In Russ.).

Bauman, Z. (2019). *Retrotopia.* Moscow: VTsIOM. 160 p. ISBN 978-5-906345-19-6. (In Russ.).

Belov, S. I. (2022). Historical symbolism of video games as a factor of correction of social memory of the population (based on the materials of Assassin's Creed). *Dialogue with time, 81:* 242—248. (In Russ.).

Bennett, L. W., Segerberg, A. (2012). The Logic of «Connective Action». *Information, Communication and Society, 15 (5):* 739—768.

Bolter, J., Grusin, R. A. (1999). *Remediation. Understanding New Media.* Cambridge: MIT Press. 295 p.

Buller, A., Linchenko, A. A. (2021). Media and history: the discourse of historical responsibility in a changing world. *Dialogue with time, 77:* 61—77. DOI: 10.21267/AQUILO.2021.77.77.004. (In Russ.).

Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition. (2017). New York: Routledge. 326 p. ISBN 9781315637235.

Dijck, J. van. (2007). *Mediated Memories in the Digital Age.* Stanford: Stanford University Press. 256 p. ISBN 9780804756235.

Fenton, N., Barassi, V. (2011). Alternative Media and Social Networking Sites: The Politics of Individuation and Political Participation. *The Communication Review, 14 (3):* 179—196.

Flaxman, S., Goel, S., Rao, M. (2016). Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption. *Public Opinion Quarterly, 80 (1):* 298—320.

Galanina, E. (2019). Time in video games. *New Literary Review, 4:* 344—350. (In Russ.).

Gibson, M., Carden, C. (2018). *Living and Dying in a Virtual World. Digital Kinships, Nostalgia, and Mourning in Second Life.* New York: Palgrave Macmillan. 154 p.

Hoskins, A. (2009). Digital Network Memory. In: *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory.* Berlin, New York: De Gruyter. 91—106.

Issers, O. S. (2015). *People say ... Discursive practices of our time.* Moscow: URSS. 272 p. ISBN 978-5-7779-1520-7. (In Russ.).

Jamison, F. (2019). *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism.* Moscow: Gaidar Institute. 808 p. ISBN 978-5-93255-557-6. (In Russ.).

Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide.* New York: New York University Press. 244 p.

Kavada, A. (2015). Creating the Collective: Social Media, the Occupy Movement and its Constitution as a Collective Actor. *Information, Communication & Society, 18 (8):* 872—886.

Kozyrkov, V. P., Pridatchenko, M. V., Shalyutina, N. V. (2022). *Sociology of culture in a digital society.* Saint Petersburg: Aleteya. 378 p. ISBN 978-5-00165-388-2. (In Russ.).

Lipovetsky, M., Mikhailova, T. (2021). More than nostalgia (late socialism in the TV series of the 2010s). *New Literary Review, 3:* 127—147. (In Russ.).

Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory. (2009). Berlin, New York: De Gruyter. 264 p.

Memory in the network: digital turn in memory studies. (2023). St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 352 p. ISBN 978-5-94380-365-9. (In Russ.).

Nikolay, F. V. (2021). Memory modes, national narratives and identity politics: the open future of memory research. *New Literary Review, 1:* 305—314. (In Russ.).

Rebrina, L. N., Shamne, N. L. (2021). Problematization of Social Reality in Communicative Practices of Conflict Mobilization in Communities Social Networks in Germany. *Nauchnyi dialog, 8:* 73—86. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-73-86. (In Russ.).

Sloan, R. J. S. (2014). Videogames as Remediated Memories: Commodified Nostalgia and Hyperreality in Far Cry 3: Blood Dragon and Gone Home. *Games and Culture, 10 (6):* 1—27.

Smit, R. (2021). Connective Memory Work on Justice for Mike Brown. In: *Social Movements, Cultural Memory and Digital Media: Mobilising Mediated Remembrance.* New York: Palgrave Macmillan. 85—108.

The Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe. (2020). Saint Petersburg: European University. 632 p. ISBN 978-5-94380-289-8. (In Russ.).

Volkov, V. V., Kharkhordin, O. V. (2008). *Theory of practices.* St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 298 p. ISBN 978-5-94380-078-8. (In Russ.).

Vorobyova, O. V., Nikolay, F. V. (2022). Digital front: The First World War in computer games. *Bulletin of Perm University. History, 4:* 129—139. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-4-129-139. (In Russ.).

Zamponi, L. (2018). *Social Movements, Memory and Media. Narrative in Action in the Italian and Spanish Student Movements.* London: Palgrave Macmillan. 352 p.

The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 16.06.2023;
accepted for publication 20.06.2023.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Айнур Алибековна Бижанова, PhD докторант (Алматы)
Александр Георгиевич Коваленко, д-р филол. наук (Москва)
Аннель Тлеумагамбетовна Бактыбаева, канд. филол. наук (Алматы, Са-ранск)
Ван Юцзюань, аспирант (Хабаровск)
Вера Владимировна Сердечная, д-р филол. наук (Краснодар)
Виктория Трофимовна Захарова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Игорь Васильевич Кудряшов, д-р филол. наук (Арзамас)
Ирина Александровна Киселева, д-р филол. наук (Москва)
Ирина Сергеевна Кудрявцева, магистрант (Нижний Новгород)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)
Надежда Владимировна Чекашева, аспирант (Саранск)
Ольга Николаевна Александрова-Осокина, д-р филол. наук (Хабаровск)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филол. наук (Арзамас)
Цзи Паньсинь, аспирант (Москва)
Чжоу Лулу, старший преподаватель, аспирант (Дэчжоу, Китай; Москва)

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Александрова-Осокина О. Н. Геопоэтика Белозерья в книге «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева / О. Н. Александрова-Осокина, Ван Юцзюань // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 233—249. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-233-249.

Aleksandrova-Osokina, O. N., Wang You Juan. (2023). Geopoetics of Belozerye in Book 'Journey to Kirillo-Belozersky Monastery' by S. P. Shevyrev. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 233-249. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-233-249. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-233-249

Геопоэтика Белозерья в книге «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева

Александрова-Осокина Ольга Николаевна *
orcid.org/0000-0003-2960-9920
доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики
**** корреспондирующий автор***
osokina-11@mail.ru

Ван Юцзюань
orcid.org/0009-0006-0818-3851
аспирант кафедры литературы и журналистики
1873532752@qq.com

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01494, https://rscf.ru/project/23-28-01494/

Geopoetics of Belozerye in Book 'Journey to Kirillo-Belozersky Monastery' by S. P. Shevyrev

Olga N. Aleksandrova-Osokina *
orcid.org/0000-0003-2960-9920
Doctor of Philology, associate professor, Department of Literature and Journalism
**** Corresponding author***
osokina-11@mail.ru

Wang You Juan
orcid.org/0009-0006-0818-3851
post-graduate student, Department of Literature and Journalism
xiongh@sjtu.edu.cn

Pacific National University (Khabarovsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-28-01494, https://rscf.ru/project/23-28-01494/

© Александрова-Осокина О. Н., Ван Юцзюань, 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится анализ книги С. П. Шевырева «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь». Предметом исследования является поэтика геопоэтического образа Белозерья. Новизна работы видится в обращении к малоизученному произведению и в применении геопоэтической парадигмы в качестве инструментария исследования. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к вопросам литературной географии. В статье представлен опыт исследования пространственных образов Белозерья как варианта локального текста Русского Севера. В работе доказано, что структура геопоэтического образа у Шевырева представлена как единство двух характеристик — «фронтирность» и «сакральность». Первая раскрывает регион как культурный и территориальный «фронтир» России, вторая показывает его как духовный центр, «сердце», отечественной духовно-религиозной культуры. Обращается внимание на то, что эта антиномическая пара составляет характерную черту Белозерья как локального текста русской культуры. В статье рассматривается поэтика географических (ландшафт) и сакральных (монастырь, храм) объектов в книге Шевырева. Проводится мысль о том, что инструментом формирования художественного обобщения у Шевырева становится выявление ценностного содержания геокультурного образа.

Ключевые слова:
С. П. Шевырев; Русский Север; геопоэтика; локальный текст; фронтир; сакральное пространство; иеротопия; монастырская колонизация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes S. P. Shevyrev's book 'Journey to Kirillo-Belozersky Monastery' and focuses on the geopoetics of the Belozerye region. The novelty of the study lies in its use of geopoetic paradigm as a tool for analysis and its examination of a relatively understudied work. The relevance of the study is due to the growing interest in literary geography. The article presents an exploration of the spatial and sacred imagery of Belozerye as a local text of Russian North. It argues that Shevyrev's geopoetic image of Belozerye is characterized by two distinctive features: 'frontier' and 'sacredness'. The former highlights the region as a cultural and territorial 'frontier' of Russia, while the latter portrays it as a spiritual center, the 'heart' of Russian spiritual and religious culture. The authors of the study emphasize that this antinomic pair constitutes a characteristic feature of Belozerye as a local text of Russian culture. The article also examines the poetics of geographical (landscape) and sacred (monastery, church) objects in Shevyrev's book, emphasizing how the discovery of the value-laden content of geocultural imagery contributes to the formation of artistic generalization.

Key words:
S. P. Shevyrev; Russian North; geopoetics; local text; frontier; sacred space; hierotopy; monastic colonization.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82-311.8+82-992+821.161.1Шевырев.07

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Геопоэтика Белозерья в книге «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева

© Александрова-Осокина О. Н., Ван Юцзюань, 2023

1. Введение = Introduction

Творчество Степана Петровича Шевырева пока еще остается малоизученной страницей в истории русской литературы, несмотря на то, что исследовательский интерес к нему обнаруживается на протяжении всего XX века. Более всего изучена поэзия Шевырева, которая рассматривалась в контексте историко-литературных процессов первой половины XIX столетия (работы Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, Л. Я. Гинзбург, Ю. В. Манна). С конца 1980-х годов появляются монографические исследования, диссертации, научные статьи [Бознак, 2004; Федорова, 2010; Цветкова, 2008; Гаврилов, 2016; Ратников, 2017].

В настоящей статье внимание уделено книге С. П. Шевырева «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» [Шевырев, 1850]. Произведение рассматривалось в ряде работ в различных аспектах: жанровой природы [Жукова, 2012; Николюкин, 2019], страноведения и этнографизма [Чистякова, 2013]. Однако названные исследования остаются лишь единичными, разрозненными работами и не позволяют составить целостное представление о проблемно-тематическом и художественном своеобразии «Путешествия …».

В настоящей работе, не претендуя на исчерпывающую характеристику сочинения Шевырева (что и невозможно в рамках одной статьи), предпринят опыт осмысления поэтики пространства в единстве географического, историко-культурного и ценностного содержания. Авторы настоящей работы уже имели опыт изучения религиозно-духовного и культурно-исторического содержания книги [Александрова-Осокина, 2016; Ван Юцзюань, 2022]. Новизна предпринятого исследования состоит в том, что изучается геопоэтический образ Русского Севера (Белозерья), созданный писателем.

В литературе XIX века С. П. Шевырев был первым автором, в форме путевой книги раскрывшим образ Севера; позже эта тема будет продолже-

на у А. Н. Муравьева в книге «Русская Фиваида на Севере» (1855), в путевых заметках «Русский Север» А. Энгельгардта (1897) и ряде других произведений. Именно Север Шевырев рассматривал как культурно-географическое пространство, где сохраняются вековые связи с древнерусской традицией, где отчетливо ощущается присутствие Церкви в жизни народа и где, по мысли писателя, коренятся духовные основы русской жизни.

Центральная идея «Путешествия…» связана с ведущей темой филологического и педагогического творчества Шевырева — с темой национальной идентичности и культурной памяти. Тема России и ее исторического пути была краеугольным камнем в русской философской художественно-публицистической мысли. «Мы поняли необходимость национальной стороны и в то же время ее значение и место» [цит. по: Гаврилов, 2017, с. 256], — писал К. С. Аксаков, принадлежащий к кругу славянофилов, к которым идеологически и творчески был близок и С. П. Шевырев.

Еще задолго до путешествия на Север Шевырев писал: «*Запад и Россия стоят друг перед другом, лицом к лицу! <…> Пойдем ли мы в придачу к его образованию? <…> Или устоим мы в своей самобытности? Образуем мир особый, по началам своим, а не тем же Европейским? Вынесем из Европы шестую часть мира… зерно будущему развитию человечества?*» (Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин, 1841, № 1) [Шевырев, 2007, с. 150].

В образе Белозерья, воссозданном Шевыревым, отразились геопоэтические интуиции писателя, который увидел, что Русский Север соединяет «несоединимые», на первый взгляд, характеристики: с одной стороны, отдаленность от центра России, окраинность, «фронтирность» территории, но, с другой стороны, это пространство выступает как религиозно-духовное «хранилище» русской культуры, «запечатавшее» в себе связь с древней национальной традицией.

В связи с темой Севера писатель обращался еще к одному важнейшему в русской истории вопросу — «монастырской колонизации» этих земель в XIV—XVII веках. Шевырев был первым в литературе Нового времени обратившимся в художественно-публицистической форме путевой прозы к этой теме. Позже этот материал будет пристально изучаться, в частности, в работах В. О. Ключевского, см.: [Тынянова, 2010; Попова, 2017]. Писатель показал, что на окраинных землях монастыри были форпостами русской государственности и православной веры, выступали культурными «маркерами» пограничного пространства, идеологически оформляли культурный ландшафт.

Таким образом, актуальность исследования «Путешествия...» С. П. Шевырева обусловлена значимостью и, можно сказать, «программ-

ным характером» произведения: здесь нашли отражение взгляды писателя на историческую судьбу России; впервые в русской литературе XIX века был воссоздан образ монастырской культуры Русского Севера (Белозерья) и поставлен вопрос о значимости «монастырского освоения» региона. Книга важна не только для характеристики литературного творчества и мировоззрения Шевырева, но и для уяснения путей развития литературного народознания и истории развития русской историософской мысли в целом. Также произведение, объединяя различные путевые жанры, интересно в контексте жанрово-типологической системы русской путевой прозы (хождение, паломническое путешествие, географический и этнографический путевой очерк).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящей статье предпринят опыт анализа образа Белозерья в аспекте геопоэтики. Это относительно новое направление в литературоведении, см., в частности: [Замятин, 2006; Абашев и др., 2012; Александрова-Осокина, 2020; Скокова, 2022]. В своих методологических основах геопоэтика продолжает и развивает научные концепции исследования локальных текстов, теорию «культурных областных гнезд» Н. К. Пиксанова, локально-исторический метод Н. П. Анциферова, исследования в области художественной природы хронотопа (М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева, А. Я. Гуревича). Перекликаясь с названными научными школами, геопоэтика исследует проблему отражения географического пространства в литературном тексте.

В русле геопоэтического подхода усилено внимание к концептуальному, философскому и историко-культурному содержанию хронотопа, который рассматривается как концентрация историко-культурной памяти, как «место памяти». «Место, ознаменованное великим событием, таит в себе способность побеждать время», «хранит долю энергии, излученную памятными событиями: «“здесь это было” — и оживает прошлое <…> такова возрождающая сила историко-топографического чувства» [Анциферов, 1928, с. 323].

Геопоэтический образ — символический образ территории, объединяющий природное и историко-культурное, раскрывающий ландшафт как сложное художественное явление, отражающее переплетение «природно-телесных, телесно-антропогенных, собственно культурных» компонентов [Каганский, 2011, с. 28].

Геопоэтическая парадигма восприятия географического пространства (без обращения к этому термину) всегда была присуща русской литературе: образ Русской Земли, ее обширных просторов был предметом эстети-

ческого восхищения еще в памятниках фольклора и древнерусской словесности, в одах и исторических исследованиях мыслителей XVIII века.

Начиная с творчества романтиков в первые десятилетия XIX века интерес к обусловленности национального характера географической средой приобретает устойчивый интерес. В программном трактате «О романтической поэзии» Орест Сомов обозначил связь между развитием русской словесности и обширной географией России: «ни одна страна в свете не была столь богата разнообразными поверьями, преданиями и мифологиями, как Россия <…> несколько зон опоясывают пространство, несколько климатов являются в ней, изменяя постепенно вид земли с ее произведениями <…> здесь воспоминания юга и предания Севера объемлются между собой» [Сомов, 1823, с. 87—88]. Критик призывал обращаться к этому культурно-географическому богатству как к источнику творческого вдохновения: «… природа и человек; прошедшее и настоящее говорят поэту: выбирай и твори» [Сомов, 1823, с. 90].

Хрестоматийно известна пушкинская характеристика: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» [Пушкин, 1949, с. 230]. С 40-х годов XIX века к осмыслению этого материала обращаются писатели — представители этнографического направления (В. И. Даль, С. В. Максимов и др.).

Таким образом, обращение к теме Русского Севера у Шевырева было продиктовано не только личными исследовательскими интересами, но и общей атмосферой русской интеллектуальной жизни. В образе Белозерья, воссозданном Шевыревым, отразились геопоэтические интуиции писателя, который увидел, что Русский Север соединяет «несоединимые», на первый взгляд, характеристики: с одной стороны, отдаленность от центра России, окраинность, «фронтирность» территории, но, с другой стороны, это пространство выступает как религиозно-духовное «хранилище» русской культуры, «запечатавшее» в себе связь с древней национальной традицией. С одной стороны, эта земля выступает как северо-западная граница России, а с другой — монастыри Севера были «духовными центрами», местом паломничества и духовного поклонения, «Русской Фиваидой», для всех сословий, вплоть до членов царских семей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Фронтирность» в образе Белозерья в «Путешествии…»

С понятием «фронтирный образ» связывается изображение географического пространства как окраинной, пограничной территории, с первозданной природой, немногочисленным населением, этнокультурной неод-

нородностью, опытом контактов различных народов; фронтир формирует особый тип человека-поселенца, см.: [Головнев и др., 2019, с. 41; Шабаев, 2014; Якушенков, 2019, с. 12, с. 17].

Все эти характеристики находят воплощение в образе Белозерья, созданном в книге С. П. Шевырева. Выделенные им приметы жизненного уклада перерастают рамки эмпирических заметок путешествия и складываются в концептуальный образ Русского Севера.

Писатель подчеркивает прежде всего отличие этого пространства от европейской части России: здесь иначе, чем в столицах говорят, одеваются. Для светского путешественника XIX века пространство выступает как место «культурной встречи» со старинными («несовременными») бытовыми традициями, костюмом, монастырским укладом, хранящим традиции древнерусской религиозной культуры и словесности.

Характеристикой «фронтирной поэтики» выступает окраинный, пограничный и транзитный характер территории, связывающей Россию с Европой: «*Вологда издревле была городом торговым, который позднее связывал Москву с Архангельском. Английские посольства всегда проезжали через нее. Она стояла на богомольном пути древних царей наших в Кириллов монастырь. Вологда была исстари и местом изгнания*» [Шевырев, 1850а; с. 105].

Композиция «Путешествия…», следуя за маршрутом писателя из Москвы в Кириллов (главы «Тверь», «Александров», «Переславль Залесский», «Ярославль» и т. д.), отражала внутреннюю логику географического и историко-культурного продвижения России на Север.

С. П. Шевырев воссоздал образ пространства, освоенного монастырским подвижничеством, в котором соединялось географическое, экономическое и духовное освоение земли. Следуя за житийными и летописными рассказами, писатель повествует, как постепенно продвигалось на Север монастырское заселение: «*Кирилл Новоезерский был родом из Галича, пострижение принял от Корнилия Комельского <…>Кирилл долго блуждал по всем приделам России, прежде чем достиг стран Белозерских*» [Шевырев, 1850в, с. 84—85].

В «Путешествии…» отражаются маршруты монастырского расселения: земля «поделена» на сферы духовного присутствия того или иного святого (Кирилл Белозерский, Кирилл Новоезерский и другие имена православных подвижников). В книге не только приводятся житийные рассказы, но и фиксируется память местности о святом, его роль в современной жизни.

В очерках Шевырева как бы «оживает» эпоха XIV—XVII веков, когда монахами — выходцами из Троице-Сергиевой Лавры и их учениками

заселялись эти северные земли: *«Была первая соборная церковь во имя Василия Неокесарийского на истоке Шексны-реки, там, где был древний город Белозерск, <…> при великом князе Василии Иоанновиче белозерцы по его указу переселились с Шексны-реки в Карголов-город, и церкви, и посады поставили»* [Шевырев, 1850в, с. 71].

В «Путешествии…» лейтмотивом проходит мысль о том, что оплотом государства становилась духовная святыня, основанная не военными завоеваниями, а трудами «простых» монахов: «*С землянки, с деревянной кельи, <…> начиналась эта твердыня; проливала на всю дальнюю окрестность свет благочестия, молитвы, веры, любви; кормила голодных, целила недужных, <…> служила духовным оплотом против язычества и нечестия. Государственная власть на этом духовном основании воздвигала оплоты для безопасности внутренней и внешней*» [Шевырев, 1850, Ч. 2. с. 2].

Ключевым в книге становится образ монастыря-крепости: «*Твердыня духовная превращалась в государственную крепость. Возникали огромные стены и башни, снабженные всеми воинскими снарядами. Оплот веры служил оплотом и отечеству*» [Шевырев, 1850в, с. 2].

Образ монастыря-крепости, военного форпоста находит отражение и в экфрасисе. Автор застает монастыри как бы нетронутыми временем, и эта вневременность, которую можно толковать и как причастность горнему миру, также придает его реалистическим образам историко-культурную, смысловую и ценностную глубину. Детальные описания архитектуры монастырских стен Кирилло-Белозерского монастыря позволяют не только наглядно представить облик святыни, как ее увидел писатель-путешественник, но и провести мысленную историческую реконструкцию, ощутить дыхание прошлых веков: «*К озеру примыкает одна стена, но с трех других сторон ограда у монастыря двойная. <…>. Стены ее в три яруса. <…> Внутренний двор монастыря от внешнего отгорожен большой стеной, <…> Кругом по этому двору, в нижнем этаже, вы найдете 700 опустелых келий. <…> Здесь, конечно, жили ратники, люд военный, ибо вся внешняя ограда принадлежит не столько монастырю, сколько крепости. <…> Обе ограды снабжены башнями, которых всех, больших, средних и малых, внутренних и внешних, двадцать три. Самые большие из них окружают внешнюю ограду*» [Шевырев, 1850 в,с. 5,6].

Обращаясь к летописным источникам и монастырским хроникам Кирилло-Белозерского монастыря, Шевырев напоминает о событиях польско-литовской интервенции начала XVII века, когда монастырь принял на себя удары захватчиков и выступил как военная крепость: «*Эти башни, эти стены, арсенал оружия, до сих пор хранящийся в монастыре, напоминают о военных осадах, какие вынесла обитель»* [Шевырев, 1850в, С. 6].

Исторические свидетельства вносят в повествование «живой голос» времени, передают драматизм и накал военных событий, свидетельствуют о масштабности военной угрозы, перед лицом которой стояли защитники Северных рубежей России: *«Лета 7120 (1612) июля в 10 день в четверток литва Белоозеро выжгли и высекли. Того же году августа в 20 приходили литва под Кириллов монастырь с Уломской дороги изгоном и выжгли конюшенной дворец и гостинной двор и шваленой дворец. 7121 (1612) году сентября в 22 день литва Вологду выжгли и высекли. Того ж году декабря в 5 в ночи приступали литва к Кириллову монастырю, пан Бобовской с черкасы. Того же месяца в 11 в ночи приступали литва к Кириллову монастырю с лествицами, пан Песоцкой с братом, с черкасы*» [Шевырев, 1850в, с. 6].

В размышлении Шевырева о соединении военной и духовной силы в облике монастырей важной является мысль о «духовной эстафете», о передаче исторической миссии от подмосковных монастырей к окраинам: «*Обитель Троицкая была оградой Москвы, ее Ангелом-хранителем в 1612 году. Такова же была точно и обитель Кирилла Белозерского для северных приделов Руси, для стран Белозерских и Новгородских. Такою же является, еще севернее, обитель Соловецкая*» [Шевырев, 1850в, с. 2].

В художественно-философской системе «Путешествия …» образ монастыря-крепости на русском Севере можно рассматривать как концептуальный. По мысли писателя, монастыри Белозерья символически соединили в себе роль фортификационного и духовного оплота, находясь во «фронтирной зоне» как в территориальном отношении (располагаясь на северо-западных границах страны), так и в ментальном, духовном смысле — оказываясь «защитником» древней русской (православной) культуры. Религиозно-духовная составляющая и обеспечивает «сохранность» монастыря от временных, исторических, политических разрушений: «*история потоком времени не могла отнять этого владения у тех, которые думали не о временном, а о вечном*» [Шевырев, 1850в, с. 2].

Важную роль в «Путешествии…» играет образ дороги. Как и в любом жанре путевой прозы, дорога здесь выступает сюжетоорганизующим началом, и кроме того, в аспекте «фронтирной поэтики» дорога в книге является связующим звеном между «европейской цивилизацией» (миром центральной России) и между «первозданным миром» русской северной провинции, «потаенным миром» Русской Фиваиды.

Образ дороги в книге отражает реальные впечатления: географические и социокультурные характеристики фактического путешествия автора, — и вместе с тем потенциально несет в себе религиозно-поэтическую и ми-

фопоэтическую семантику, связанную прежде всего с «паломническим сюжетом» русской культуры: это дорога к святым местам, в сакральное пространство, в «пустынь» — место отшельнического и монашеского подвига. Маршрут самого автора как бы повторяет маршруты монастырского продвижения на Север в XV—XVII веках. Испытания монашеского пути прошлых веков перекликаются с фактами трудностей маршрута для современного путешественника. Мотив отдаленности места и труднодоступности маршрута подчеркивает, с одной стороны, окраинность местности, ее отдаленность, от городов и магистральных путей, и одновременно напоминает о трудности пути к любому «святому» («райскому») месту вообще. «*Надобно было отсюда направить путь в окрестные места, из которых дальнейшее — монастырь Кирилла Новоезерского на озере Новом, за восемьдесят верст. Вправо от Кириллова, в семи верстах, таится за горами, на левом берегу Шексны Воскресенско-Горицкий девичий монастырь, которого главы едва мелькают из-за гор*» [Шевырев, 1850в, с. 53].

Писатель не просто описывает виды северных пейзажей, но прослеживает связь природных, географических характеристик с типом народного мировосприятия. Так, например, наблюдая равнинность северных ландшафтов, он замечает: «*Открываются отовсюду те чудные виды с лесами отдаленными, с бесконечным кругозором русским, которым очевидно объясняется пословица "Русский ум любит простор"*» [Шевырев, 1850в; с. 113]. Приведенная пословица, обобщая вековой опыт народа, не только характеризует народное эстетическое отношение к природе, но может быть воспринята и в расширительном значении: 'любить простор, то есть любить странствие, путешествие'. Это также дополняет содержательное поле образа дороги в книге. Связывая характер народа с типом ландшафтов, формирующих облик местности, в которых народ издавна живет, писатель не только характеризовал особенности русской ментальности, но и объяснял тягу к освоению новых мест.

3.2. Изображение сакральности Белозерской земли в книге Шевырева

Центральной составляющей образа Белозерья в книге Шевырева является изображение пространства как сакральной территории. Монастырь (храм, часовня, поклонный крест) играл роль централизующего начала в пространстве, его образ обогащал ландшафт уникальной духовностью.

Иеротопия Белозерья создается образами монастырского и храмового пространства, топонимикой, легендами и преданиями о чудесах местности.

Введение в текст книги легенд о чудесах Белозерья (о поклонном Кресте преподобного Кирилла на острове посреди Белого озера, о «заговоренной мошке», о горе Маура, о камне-следовике с отпечатком стопы Преподобного Кирилла, о могущественной силе Белого озера, миф о Синеусе) представляет интерес как первое в русской литературе обращение к легендам Белозерья.

Источником сведений об основании Кирилло-Белозерской обители являются монастырские хроники и летописи, житие Святого Преподобного Кирилла (автор Пахомий Серб, вторая половина XV века), устные легенды, или, как их называет Шевырев, «народные воспоминания» [Шевырев, 1850в, с. 57]: «*Вершина горы, на которой стоишь, совершенно открыта. Здесь лежит огромный камень, каких встречаешь много в нашей северной природе. На этом камне означен след ступни человеческой. Народное предание говорит, что это след ноги самого Кирилла; <…> Эти народные воспоминания о святом муже, <…> освящали какой-то высшей благодатью те прекрасные чувства, которые производило на меня самое зрелище*» [Там же].

В воссозданных Шевыревым пейзажах отражено единство природной среды и архитектурного комплекса, «встроенного» в нее; писатель показал, что уникальность архитектурного памятника создается в определенной пейзажной «раме», и именно аутентичность памятника культуры природному окружению создает характеристику того, что называется «национальным пейзажем».

Ценностно-художественной доминантой геопоэтического образа Белозерья у Шевырева становится мотив Божественной красоты, разлитой в природе: «*Красота природы окружает красоту храма Божия*» [Шевырев, 1850в, с. 54]; «*Никогда чувство изящной природы не бывает для нас так полно и сладко, как в то время, когда оно освящается благодатным чувством веры*» [Там же, с. 57]; «*На всяком шагу природа дарит вам здесь свои возвышенные впечатления, освященные памятью мужей, угодивших Богу и засеявших всю эту землю семенами духовного просвещения*» [Там же, с. 105].

Художественная география в «Путешествии…» соединяет реалистический и романтический типы мироотражения. Если реалистические тенденции проявляются в конкретных деталях природного мира, создающих достоверный облик северной природы, то доминирующий романтический взгляд показывает природу как величественную силу. Такое видение природы развивалось в поэзии С. П. Шевырева 1820—30-х годов, см.: [Федорова, 2010].

Величественность и стихийность пейзажа создаются изображением контрастов природных сил, представлением ландшафтных очертаний, вниманием к солнечному свету (яркие краски, блики, игра света и тени). Солнце выступает неотъемлемым элементом белозерского пейзажа; в бликах и цвето-световых пятнах, создаваемых солнечным освещением, не только передается реальная палитра освещенного природного пространства, но и создается образ гармоничного идиллического мира: «*Стены монастыря и его башни, осененные золотыми главами одиннадцати храмов, стояли снегу белого в солнечном освещении. Вдали, прямо за Сиверским озером, и вправо и влево от него озёра без числа, как голубые зеркала или как отломки лазурного неба, <…> ленты каналов и рек, покрывали землю, которая то зеленела лесами, лугами и нивами, то желтила колосьями ржи, то бурела песчаными берегами или холмами*» [Шевырев, 1850в; с. 56].

Писатель использует возможности панорамных описаний, позволяющих охватить большое пространство, использует горизонтальные и вертикальные перспективные ракурсы, акцентируя соединение земного и небесного: «*Кругозор обнимал бесконечное пространство во все стороны на несколько десятков верст. Полноводная Шексна с своими извивами <…>, Озеро Сиверское <…>, расстилалось внизу и казалось еще меньшей частью картины, нежели извивы Шексны. <…> Вдали, прямо за Сиверским озером, и вправо и влево от него озёра без числа, <…>, а между ними ленты каналов и рек, покрывали землю*» [Там же].

Образ масштабности природного мира создается описанием природных стихий: солнце, гром, радуга, тучи. При этом часто эти состояния расположены в общей картине, визуально представляя идею «симфонии» небесных сил и создавая романтический образ могущества природного мира. «*Часть неба с правой стороны была одета тучей; в ней гудел отдаленный гром, и она скрывала еще огромное пространство. Но весь горизонт к Кириллову монастырю освещался уже солнцем*» [Там же].

Шевырев рисует «сакральный пейзаж», освященный молитвенным подвигом. Выбор уединенной местности для монастыря был продиктован не только практикой исихазма, «умной молитвы», но и тем, что в таких условиях обостряется чувство природы. По словам Григория Нисского («Слово о первозданной красоте мира»), нетронутая человеком природа безгреховна и совершенна, упорядочена самим Богом [Цит. по: Попова, 2017, с. 160].

Геопоэтическое видение устремлено к пониманию смысла, воплощенного в формах ландшафта, предполагает не столько визуальное восприятие местности, сколько понимание «силовых линий» пространства. Геопоэтическое чувство земли, «места», где пространство связано с исторической

памятью, звучит и в декларативно-проповедническом фрагменте из поучений архиерея Родиона Путятина, включенном в текст «Путешествия»: «*Сот за пять лет жили, должно быть, люди и на этом месте, где мы теперь живем; но кто они, эти люди? Кто их теперь знает, кто об них когда вспомнит? А ведь они тут — в земле, может быть, и кости их еще целы, может быть, и прах их еще не смешался с землей <…> не может быть <…> чтобы мы совсем забыты были на земле; не может быть, чтобы об нас некому было вспомнить: нас не забудет, нас вспомнит в своих молитвах наша Святая Православная Церковь»* [Шевырев, 1850в, с. 120].

4. Заключение = Conclusions

Образ Русского Севера, воссозданный С. П. Шевыревым в его «Путешествии…», оказывается емким художественным целым, объединяющим природное, историко-культурное и духовно-религиозное содержание. В жанровой природе книги переплетаются очерковое и публицистическое начала, жанры древнерусской словесности (житие, патерик, синодик). Духовно-исторический пласт в пространственно-временной организации произведения создает особое художественное мироощущение, позволяющее в реалистических картинах действительности обнаружить религиозно-историческое и мифопоэтическое духовное содержание.

Картины северного пейзажа, описания храмов и монастырских комплексов, история монастырей и жития святых — все эти элементы вместе создают образ русского пространства (русской земли) в единстве природного, религиозно-духовного и историко-культурного.

Сакральность и фронтирность можно назвать ведущими характеристиками геопоэтического образа Белозерья у Шевырева. Образ Севера при внешне реалистическом, очерковом описании обнаруживает мифопоэтические смыслы, оказывается как бы «остановленной во времени» историей, «смысловым ядром» исторического пути России, «потаенной исторической сказкой», смысл которой еще предстоит разгадать.

Шевырев показывает Север как особое социокультурное и духовное пространство, на территориальной границе России сохраняющее традиции национального православного мировоззрения и выступающее оплотом канонического православия и самих основ русской культуры. Это «фронтир», хранящий культурное ядро нации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Пушкин А. С.* <О народности в литературе > / А. С. Пушкин. — В книге : *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937—1959. — Т. 11 : Критика и публицистика, 1819—1834. — 1949. — 588 с.

2. *Сомов О. М.* О романтической поэзии. Опыт в трех статьях / О. М. Сомов. — Санкт-Петербург : Типография Императорского Воспитательного дома, 1823. — 102 с.

3. *Шевырев С. П.* а) Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. В двух частях / С. П. Шевырев. — Москва : В Университетской типографии, 1850. — Ч. 1. [2]. — 158, III с.

4. *Шевырев С. П.* в) Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. В двух частях / С. П. Шевырев. — Москва : В Университетской типографии, 1850. — Ч. 2. — II, 134, 2 с.

5. *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы / С. П. Шевырев // Вестник ПСТГУ. IV : Педагогика. Психология. — 2007. — Выпуск 3. — С. 147—167.

Литература

1. *Абашев В. В.* Литература и география : Урал в геопоэтике России / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. — 2012. — № 2 (12). — С. 143—151.

2. *Александрова-Осокина О. Н.* Вопросы геопоэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 216—141. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241.

3. *Александрова-Осокина О. Н.* Духовное пространство России в книге С. П. Шевырева «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» / О. Н. Александрова-Осокина // Вестник Новгородского государственного университета. — 2016. — № 3 (94). — С. 16—18.

4. *Анциферов Н. П.* Краеведный путь в исторической науке (историко-культурные ландшафты) / Н. П. Анциферов // Краеведение. Периодический орган центрального бюро краеведения. — 1928. — № 6. — С. 321—338.

5. *Бознак О. А.* Литературная деятельность С. П. Шевырева 1840—1850-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. А. Бознак. — Санкт-Петербург, 2004. — 23 с.

6. *Ван Юцзюань*. Книга С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (1847) как источник страноведческой информации / Ван Юцзюань // Язык. Культура. Перевод : межкультурная коммуникация в цифровую эпоху : сборник научных трудов : сборник статей / кол. авторов ; под ред. В. А. Иконниковой, Е. В. Глушко, Н. А. Гусейновой. — Москва : РУСАЙНС, 2022. — Ч. 2. — С. 292—295.

7. *Гаврилов И. Б.* Константин Аксаков о «русском воззрении» (1830—1840-е гг.) / И. Б. Гаврилов // Христианское чтение. — 2017. — № 1. — С. 238—262.

8. *Гаврилов И. Б.* Степан Петрович Шевырёв о «русском воззрении» / И. Б. Гаврилов // Христианское чтение. — 2016. — № 1. — С. 229—289.

9. *Головнев И. А.* Фронтирный дискурс в творчестве В. К. Арсеньева / И. А. Головнев, Е. В. Головнева // Уральский исторический вестник. — 2019. — № 3 (64). — С. 40—48.

10. *Жукова А. Н.* «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева в контексте русской литературы о путешествиях первой половины XIX в. / А. Н. Жу-

кова // Вестник М осковского университета. Серия 9. Филология. — 2012. — № 2. — С. 125—138.

11. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. — Москва : Знак, 2006. — 488 с. — ISBN 5-9551-0144-6.

12. *Каганский В. Л.* Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты / В. Л. Каганский // Международный журнал исследований культуры. — 2011. — № 4 (5). — С. 26—40.

13. *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь : Кн. для учителя / Ю. М. Лотман. — Москва : Просвещение, 1988. — 352 с.

14. *Николюкин А. Н.* Путешествие С. П. Шевырева по России / А. Н. Николюкин // Литературоведческий журнал. — 2019. — № 46. — С. 190—194.

15. *Попова Л. Д.* Семиотика сакрального пространства монастырей Поморья / Л. Д. Попова // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 44. — С. 159—172.

16. *Ратников К. В.* «Воспитание в русском смысле» : религиозно-философская программа профессора С. П. Шевырева / К. В. Ратников // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2017. — № 4. — С. 70—75.

17. *Скокова Д. С.* Творчество М. А. Волошина : геопоэтический аспект : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. С. Скокова. — Симферополь, 2022. — 22 с.

18. *Тынянова О. Н.* На краю земли русской. «Монастырская колонизация» как Российская геополитическая практика / О. Н. Тынянова // Ценности и смыслы. — 2010. — № 4. — С. 51—59.

19. *Федорова О. А.* Эстетическое и поэтическое своеобразие философской лирики С. П. Шевырева : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. А. Федорова. — Абакан, 2010. — 22 с.

20. *Цветкова Н. В.* С. П. Шевырев — критик, историк и теоретик литературы (1830-е годы) / Н. В. Цветкова. — Псков : Псковский гос. пед. ун-т им. С. М. Кирова, 2008. — 203 с. — ISBN 978-5-87854-438-2.

21. *Чистякова Е. А.* Тверской край в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (1847) / Е. А. Чистякова // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции. Серия «Родная словесность в школе и вузе». — 2013. — Выпуск 3 (9). — С. 154—159.

22. *Шабаев Ю. П.* «Русский Север» и Поморье : символическое пространство в культурном и политическом контексте / Ю. П. Шабаев // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. — 2014. — № 3. — С. 249—282.

23. *Якушенков С. Р.* In frontier we trust / С. Р. Якушенков // Журнал фронтирных исследований. — 2019. — № 3. — С. 12—59. — DOI: 10.24411/2500-0225-2019-10018.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023,
одобрена после рецензирования 12.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

Material resources

Pushkin, A. S. <On nationality in literature >. In: Pushkin, A. S. *Complete works: In 16 volumes, 11: Criticism and journalism.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 588 p. (In Russ.).

Shevyrev, S. P. (1850). *a) A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery. Vacancy days of Professor S. Shevyrev in 1847. In two parts, 1. [2].* Moscow: In the University Printing Houseю 158, III p. (In Russ.).

Shevyrev, S. P. (2007). The view of the Russian on modern education in Europe. *Bulletin of the PSU. IV: Pedagogy. Psychology, 3:* 147—167. (In Russ.).

Shevyrev, S. P. (1850). *v) A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery. Vacancy days of Professor S. Shevyrev in 1847. In two parts, 2.* Moscow: In the University Printing House. II, 134, 2 p. (In Russ.).

Somov, O. M. (1823). *On romantic poetry. Experience in three articles*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Educational Home. 102 p. (In Russ.).

References

Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2012). Literature and geography: The Urals in geopoetics of Russia. Bulletin of Perm University, 2 (12): 143—151. (In Russ.).

Alexandrova-Osokina, O. N. (2016). The spiritual space of Russia in S. P. Shevyrev's book "Journey to the Kirillo-Belozersky Monastery". *Bulletin of the Novgorod State University, 3 (94):* 16—18. (In Russ.).

Alexandrova-Osokina, O. N. (2020). Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism. *Nauchnyi dialog, 5:* 216—241. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241 (In Russ.).

Antsiferov, N. P. (1928). The local history path in historical science (historical and cultural landscapes). *Local history. The periodic body of the Central Bureau of Local Lore, 6:* 321—338. (In Russ.).

Boznak, O. A. (2004). *Literary activity of S. P. Shevyrev in the 1840s—1850s*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 23 p. (In Russ.).

Chistyakova, E. A. (2013). Tver Region in the book by S. P. Shevyrev "A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery" (1847). *Native literature in the modern cultural and educational space. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific Conference. The series "Native literature in school and university", 3 (9):* 154—159. (In Russ.).

Fedorova, O. A. (2010). *The aesthetic and poetic originality of the philosophical lyrics of S. P. Shevyrev.* Author's abstract of PhD Diss. Abakan. 22 p. (In Russ.).

Gavrilov, I. B. (2016). Stepan Petrovich Shevyrev on the "Russian view". *Christian reading, 1:* 229—289. (In Russ.).

Gavrilov, I. B. (2017). Konstantin Aksakov on the "Russian view" (1830—1840s). *Christian Reading, 1:* 238—262. (In Russ.).

Golovnev, I. A., Golovneva, E. V. (2019). Frontier discourse in the works of V. K. Arsenyev. *Ural Historical Bulletin, 3 (64):* 40—48. (In Russ.).

Kagansky, V. L. (2011). The study of the Russian cultural landscape as a whole and some of its results. *International Journal of Cultural Studies, 4 (5):* 26—40. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1988). *At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol: Book for the teacher.* Moscow: Prosveshchenie. 352 p. (In Russ.).

Nikolyukin, A. N. (2019). S. P. Shevyrev's journey across Russia. *Literary Journal, 46:* 190—194. (In Russ.).

Popova, L. D. (2017). Semiotics of the sacred space of the monasteries of Pomerania. *Bulletin of Slavic Cultures, 44:* 159—172. (In Russ.).

Ratnikov, K. V. (2017). “Education in the Russian sense”: the religious and philosophical program of Professor S. P. Shevyrev. *Izvestiya vysshikh uchebnykh uchebnykh. Ural region, 4:* 70—75. (In Russ.).

Shabaev, Yu. P. (2014). “Russian North” and Pomorie: symbolic space in cultural and political context. *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series, 3:* 249—282. (In Russ.).

Skokova, D. S. (2022). *Creativity of M. A. Voloshin: geopoetic aspect.* Author’s abstract of PhD Diss. Simferopol. 22 p. (In Russ.).

Tsvetkova, N. V. (2008). *S. P. Shevyrev — critic, historian and literary theorist (1830s).* Pskov: Pskov State Pedagogical University. S. M. Kirov University. 203 p. ISBN 978-5-87854-438-2. (In Russ.).

Tynyanova, O. N. (2010). On the edge of the Russian land. “Monastic colonization” as a Russian geopolitical practice. *Values and Meanings, 4:* 51—59. (In Russ.).

Wang Yujuan. (2022). The book by S. P. Shevyrev “A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery” (1847) as a source of regional information. In: *Language. Culture. Translation: Intercultural communication in the digital age: collection of scientific papers: collection of articles, 2.* Moscow: RUSAINS. 292—295. (In Russ.).

Yakushenkov, S. R. (2019). In frontier we trust. *Journal of Frontier Studies, 3:* 12—59. DOI: 10.24411/2500-0225-2019-10018. (In Russ.).

Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and space. Modeling of geographical images.* Moscow: Znak. 488 p. ISBN 5-9551-0144-6. (In Russ.).

Zhukova, A. N. “A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevyrev in the context of Russian travel literature of the first half of the XIX century. *Bulletin of the Moscow State University. Series 9. Philology, 2:* 125—138. (In Russ.).

The article was submitted 03.05.2023;
approved after reviewing 12.06.2023;
accepted for publication 22.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бактыбаева А. Т. Специфика комического в современной прозе Казахстана (на примере цикла рассказов Е. Турсунова) / А. Т. Бактыбаева, А. А. Бижанова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 250—268. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268.

Baktybayeva, A. T., Bizhanova, A, A. (2023). Specificity of Comedy in Contemporary Kazakh Prose (E. Tursunov's Short Story Cycle). *Nauchnyi dialog, 12* (5): 250-268. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268

Специфика комического в современной прозе Казахстана (на примере цикла рассказов Е. Турсунова)

Бактыбаева Аннель Тлеумагамбетовна [1, 2] *
orcid.org/0000-0001-8980-0511
кандидат филологических наук, доцент,
[1] докторант;
[2] заведующий кафедрой языковых дисциплин,
*** *корреспондирующий автор***
smile_1713@mail.ru

Бижанова Айнур Алибековна [3]
orcid.org/0000-0001-6070-7516
PhD докторант
bizhanova_aynur@mail.ru

[1] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия)
[2] Казахский национальный медицинский университет им. С. Д. Асфендиярова (Алматы, Казахстан)
[3] Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Specificity of Comedy in Contemporary Kazakh Prose (E. Tursunov's Short Story Cycle)

Annel T. Baktybayeva [1, 2] *
orcid.org/0000-0001-8980-0511
PhD in Philology,
Associate Professor,
[1] Doctoral degree seeker;
[2] Head of the Department of Language Disciplines,
*** *Corresponding author***
smile_1713@mail.ru

Ainur A. Bizhanova [3]
orcid.org/0000-0001-6070-7516
Doctoral degree seeker
bizhanova_aynur@mail.ru

[1] National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

[2] Asfendiyarov Kazakh National Medical University (Almaty, Kazakhstan)

[3] Kazakh national university named after al-Farabi (Almaty, Kazakhstan)

© Бактыбаева А. Т., Бижанова А. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность статьи обусловлена необходимостью построения целостной истории развития комического в современной литературе Казахстана, неотъемлемой частью которой является творчество Е. Турсунова. Автор осмысливает различные подходы к исследованию иронии, сатиры, юмора: философский (Г. Гегель, Ф. Шлегель), культурологический (А. Бергсон, Б. Дземидок, М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, Ю. Борев, А. М. Панченко, Н. В. Понырко, В. Я. Карасев), филологический (В. Тюпа. В. Пропп, М. Ю. Асанина, И. А. Обухова, С. А. Дубровская). Научная новизна заключается в том, что впервые рассказы Е. Турсунова анализируются в заявленном аспекте. В результате исследования установлено, что, во-первых, важным средством комического в сборнике рассказов «Карашанырак» Е. Турсунова становится ирония. Во-вторых, несобственно-прямая речь иронически разоблачает окружающий героя мир («Как казахи верили в приметы»). В-третьих, прослеживается ориентация на чеховскую юмористическую традицию («Как казахи гостей принимали», «Как невесты становились женами»). В-четвертых, в юмор писателя опирается на национальные казахские традиции комического, воплощенные в фольклоре («Как казахи устраивали шумные представления»). Наконец, одним из способов построения комического сюжета в рассказах Е. Турсунова становится синтез анекдота с элементами сатиры.

Ключевые слова:
современная проза Казахстана; Ермек Турсунов; рассказ; комическое; анекдот.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this article lies in the need to construct a comprehensive history of the development of comedy in contemporary Kazakhstani literature, of which the works of Ermek Tursunov are an integral part. The author explores various approaches to the study of irony, satire, and humor, including philosophical (G. Hegel, F. Schlegel), cultural (A. Bergson, B. Dzemidok, M. M. Bakhtin, D. S. Likhachev, Y. Borev, A. M. Panchenko, N. V. Ponyrko, V. Ya. Karasev), and philological (V. Tyupa, V. Propp, M. Yu. Asanina, I. A. Obukhova, S. A. Dubrovskaya). The scientific novelty lies in the fact that Tursunov's stories are analyzed for the first time in the declared aspect. The research has established that, firstly, irony becomes an important means of comedy in Tursunov's collection of stories "Karashanyrak". Secondly, non-direct speech ironically exposes the hero's surrounding world ("How Kazakhs believed in omens"). Thirdly, there is an orientation towards Chekhov's humorous tradition ("How Kazakhs received guests", "How brides became wives"). Fourthly, the writer's humor relies on national Kazakhstani traditions of comedy embodied in folklore ("How Kazakhs organized noisy performances"). Finally, one of the ways of constructing a comedic plot in Tursunov's stories is through the synthesis of an anecdote with elements of satire. This study offers new insights into the role of comedy in contemporary Kazakhstani literature and contributes to the broader understanding of humor as a literary device.

Key words:
Contemporary prose of Kazakhstan; Ermek Tursunov; short story; comedy; anecdote.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Турсунов.07+821.512.122

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Специфика комического в современной прозе Казахстана (на примере цикла рассказов Е. Турсунова)

© Бактыбаева А. Т., Бижанова А. А., 2023

1. Введение = Introduction

Творчество Е. Турсунова представляет важную страницу в истории литературы Казахстана рубежа XX—XXI веков. Окончив факультет журналистики Казахского государственного университета, он продолжил обучение на Высших курсах сценаристов и режиссеров в Москве. В Казахстане и за его пределами он хорошо известен как режиссер и киносценарист, при этом на сегодняшний день Ермек Турсунов является автором более пятнадцати книг, из которых наибольшую известность ему принес роман «Мамлюк», повествующий об ас-Захре Бейбарсе, легендарном султане Египта XIII века.

Особого внимания заслуживает изучение специфики комического в прозе Е. Турсунова: рассказы и повести сборников «Карашанырак», «Мелочи жизни», «Пурпурная корова», равно как и составляющие с ними единый контекст киносценарии «Кургак корпе» («Лоскутное одеяло»), «Шал» («Старик»), «Келин» («Невестка»), органично соединяют трагические коллизии с юмористическим их осмыслением; драматические ситуации подаются в ироническом освещении. На наш взгляд, творчество писателя и кинодраматурга воплощает его амбивалентное мироощущение: комическое и трагическое сплетаются друг с другом и определяются формулой «как в жизни». Смешное и серьезное органично дополняют друг друга, потому что «настоящий автор комедии — жизнь» [Кузнецова, 2001, с. 84]; более того, смех у Е. Турсунова призван не «отрицать», но «очищать» серьезное, высвечивать жизненные парадоксы и вскрывать противоречия, соединяя, по М. М. Бахтину, «высокое» и «фамильярно-сниженное».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Общеизвестно, что вопросы, связанные с осмыслением сути комического, его форм и разновидностей, привлекавшие внимание еще в эпоху Античности, актуализировались в период становления европейской поэти-

ки в XIX веке, прежде всего в трудах немецких романтиков (труды Ф. Шлегеля), Г. Гегеля, который вводит разграничения между «смешным» и «комическим» [Гегель, 1956].

В начале XX века принципиальными в изучении комического были работы А. Бергсона [Бергсон, 1992] и Б. Дземидока [Дземидок, 1974]. Так, комическое у А. Бергсона — это своеобразное социальное явление. Его цель — корректировка и улучшение социума. При этом воспроизводство комического возможно при помощи повторения, инверсии и интерференции, а также при наличии «общественной среды», безразличия и пребывания в социальной группе [Бергсон, 1992]. Б. Дземидок предлагает различать два вида комизма: «простой» (фарс и водевиль, в которых восприятие изображаемого не требует больших умственных усилий) и «сложный» (юмор и сатира, охватывающие многие жизненные явления, заставляющие размышлять и оценивать их, соединяют «ободряющее» и «отрицающее» начала) [Дземидок, 1974].

Русское литературоведение XX века внесло важный вклад в исследование проблем смеха, комического: достаточно вспомнить работы Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Н. В. Понырко [Лихачев и др., 1984], Г. Н. Поспелова, в которых комическое — это эстетическая категория, идейно-эмоциональное отношение автора к изображаемому [Поспелов, 1983]. Обобщающими для второй половины XX столетия стали исследования Ю. Б. Борева, где разграничиваются понятия «смешное» и «комическое» («не все смешное комично, хотя комическое всегда смешно» [Борев, 1997, с. 172]): если комическое имеет социальное значение, так как относится к эстетическому, ибо призвано воспитывать, то смешное, напротив, внеэстетическая категория, поэтому воспитательного значения не имеет. В трудах В. И. Тюпы комическое — это модус художественности. Напомним, что «модус художественности — универсальная концепция художественного целого. Она включает в себя соответствующий тип героя, ситуацию, позицию автора, приятие читателя, внутренне единую систему традиций и соответствующую им поэтику» [Тюпа, 2001, с. 174]. В. Я. Пропп соотносит формы комического с видами смеха, подразделяя его на «насмешливый, жизнерадостный, добрый, злой, обрядовый» [Пропп, 1999]. По мнению Л. В. Карасева, все виды смеха и юмора проявляются в двух основных типах: «смех тела», выражающий радость, телесный восторг, и связанный с оценкой действительности «смех ума», соединяющий эмоции и ум [Карасев, 1996].

Ряд работ посвящен не столько вопросам общеметодологического или теоретического характера, сколько выявлению видов и форм комического на материале конкретных литературных практик. Так, анализирующий ко-

мическое в восточной литературе Б. Я. Шидфар, созвучно Ю. Бореву, отмечает, что комическое — это действенное средство воспитания человека прекрасным, потому что оно всегда стремилось найти ключ к гармонии человеческого бытия [Шидфар, 1974]. И. С. Брагинский, исследуя специфику смехового мира Гёте, полагает, что если в некоторых книгах «Западно-восточного дивана» его смех жалящий, сатирический, потому что направлен на болтунов и обывателей, то в «Книге Рая» это добродушный юмор с элементами балагурства, который в целом напоминает шутки буршей [Гете, 1988, с. 582]. И. М. Фильштинский отмечает принципиальную роль комического в арабской литературе XIII—XVI веков: клоунады, грубые шутки, неожиданные трюки, непристойные диалоги высмеивали глупость, жадность, сластолюбие; хитрость и находчивость вызывали не только сочувствие, но чаще всего восхищение [Фильштинский, 2010, с . 556—561].

Особое место феномен смеха, комического, проблема смехового слова занимают в трудах М. М. Бахтина [Бахтин, 2012]. Разрушение установленного порядка с помощью смеха, насмешки — это поверхность комического. Оно наравне с фарсом проявляет и утверждает сущностную потребность человека в празднике. Радость праздника, взрывы смеха — это и есть открытие единства души. По мнению ученого, антитезой комического является серьезность, которая однообразна и монологична. Смех диалогичен и многопланов. Он всегда стремится к развитию и преобразованиям. Любое действительное явление никогда не бывает ограниченным, серьезным и включает в себя нечто из области комического. Примечательно, что в современном литературоведении сложился целый пласт работ, опирающихся в интерпретации проблем и смехового слова на исследования М. М. Бахтина. Так, М. Ю. Асанина считает, что сформулированная М. М. Бахтиным концепция комического стала основополагающей категорией современного литературоведения и имеет «первостепенное значение при анализе новых литературных явлений, процессов развития литературной мысли XX века» [Асанина, 2004, с. 14]. По мнению И. А. Обуховой, «смеховое слово», описанное М. М. Бахтиным и предваряющее смеховую ситуацию, воплощается в демонстрации таких элементов материально-телесной жизни, как еда, питье и т. п. Картины опрокидывания и посрамления, образы веселой смерти, использование разнообразной жестикуляции, бранных слов и выражений, амбивалентность тона, комическое травестирование слов — все это неотъемлемая часть «смехового слова». При этом смеховое выражение «настаивает на широком контексте, и результатом его использования оказывается возникновение сюжетных линий в художественном произведении. Это символ оптимистического начала и духовной свободы, выраженной вовне» [Обухова, 2012, с. 2]. Этот же феномен

в бахтинском ключе рассматривает С. А. Дубровская, которая полагает, что конкретные виды комического дискурса в русской литературе воплощены в «смеховом слове» В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина [Дубровская, 2014, с. 63], однако увлечение бахтинскими идеями приводит исследовательницу к некоторой «обуженности» в интерпретации, к примеру, истоков пушкинского смеха, которые коренятся не столько в народной культуре, сколько во французской маскарадной культуре.

Примечательно, что в современном литературоведении наравне с «бахтинским вектором» в изучении видов и форм комического существует целый пласт работ, в которых комическое — своеобразный принцип изображения реальности, воплощенный в различных жанрах литературы при взаимодействии лирического с эпическим, драматического с лирическим и наоборот, но имеющий фольклорные истоки. В подобном ключе на материале национальных литератур феномен смеха, комического рассмотрен в исследованиях А. Н. Уваровой, В. И. Демина, Н. Г. Ханзаровой, Т. Л. Кузнецовой и др. Так, А. Н. Уварова при анализе специфики удмуртской сатиры акцентирует внимание не только на ее жанровом воплощении, но и на генетической связи с национальной фольклорной традицией [Уварова, 1979]. В. И. Демин, говоря о мордовской смеховой культуре, подчеркивает, что ключевыми приемами сатиры и юмора (заметим, что исследователь отождествляет эти категории) становятся «остроумие и сарказм, шутка и насмешка, точность в описании деталей, гиперболизация, противоречия между текстом и подтекстом <…>. Народная песня, частушка, сказки, пословицы и поговорки, загадки выражают легкую и серьезную, светлую и безжалостную сторону народного юмора [Демин, 2015]. Н. Г. Ханзафаров показывает взаимосвязь фольклорных и литературных традиций в татарской комедиографии, в которой сильный эмоциональный эффект достигается посредством введения «карнавальных» элементов, то есть репрезентации «карнавального мироощущения» [Ханзафаров,1996, с. 66]. По мнению Т. Л. Кузнецовой, определенную роль в произведениях малого жанра коми литературы играет речь повествователя, пронизанная лиризмом и юмором, а лежащие в основе сюжетов курьезный случай, недоразумение или досадное недопонимание становятся причиной комического [Кузнецова, 1994].

Таким образом, опираясь на исследования предшественников, прежде всего на работы М. М. Бахтина и В. Я. Проппа, мы пришли к следующему заключению: под *комическим* мы понимаем эстетическую категорию, «в основе которой несоответствие, несообразность или алогическое противоречие явлений в искусстве, выраженное посредством оценки-смехом» [Краткая литературная энциклопедия, 1978, с. 689]. Комическое в художественном произведении может быть воплощено в конструировании сме-

ховых ситуаций, парадоксальном соединении юмора и лиризма, сатиры и абсурда, иронии и гротеска, создании героев, генетически восходящих к архетипам плута, шута, дурака и т. д.

Материалом настоящей статьи явился сборник рассказов Е. Турсунова «Карашанырак» (2020), содержащий произведения писателя последнего десятилетия и наиболее показательный в контексте рассматриваемой проблематики: юмористически воссоздавая сюжетные ситуации, нередко иронически изображая современность, писатель обращается к фольклорной казахской традиции, с которой он генетически связан.

Методологической основой настоящей работы послужили, во-первых, принципы сравнительно-исторического литературоведения, воплощенные в работах М. М. Бахтина, В. М. Жирмунского, Д. С. Лихачева; во-вторых, культурно-исторический метод, позволивший осмыслить прозу Е. Турсунова в широком историко-культурном контексте с учетом этнических традиций Казахстана; в-третьих, метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому элементы серьезно-смехового в рассказах прозаика мы осмысливали в органичной связи с сюжетикой, проблематикой, образной системой, как ключевую особенность поэтики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Жанровое и стилевое своеобразие сборника рассказов «Карашанырак»

Возвращаясь к анализу рассказов Е. Турсунова, сразу подчеркнем, что в «чистом виде» феномен комического в его прозе практически не репрезентирован, писатель сочетает элементы фарса, буффонады, конструирует юмористические ситуации, чтобы вскрыть важные жизненные противоречия, показать «изнанку» реальности, а нередко — её трагедийный аспект. Казахстанский писатель во всей полноте изображает многообразие, полифонию жизни.

«Карашанырак» — цикл рассказов с небольшими лирическими отступлениями. В основе сюжетов большинства рассказов — простые, курьезные, трагикомические события, связанные с традициями казахского народа. Например, рассказы «Как казахи невест воровали», «Как казахи придумывали имена», «Как казахи верили в приемы» и т. п. сюжетно-тематически представляют собой случаи из жизни», а в жанровом отношении представлены в форме байки. Оговоримся, что традиционно под «байкой» понимают юмористический рассказ о каком-либо происшествии, которое было в действительности. От анекдота байки отличаются, с одной стороны, развернутым сюжетом и более соотносимы с «историями из жизни», с другой стороны, описание произошедшего события в них конкретно и

реально или же призвано создать иллюзию достоверности происходящего [Осьмухина, 2015].

Непосредственная генетическая принадлежность к казахскому этносу, глубинное знание национальных традиций позволяют Е. Турсунову через обращение к фольклору, национальной обрядности осмыслить реальность современную: «*Проведение старинных обрядов и ритуалов гарантировало в будущем успешную и счастливую жизнь, здоровье потомков и общее благополучие семьи*» [Турсунов, 2020, с. 10]. При этом важнейшим средством воплощения комического для Е. Турсунова становится ирония. Например: «*Если коротко и совсем просто, то мы когда-то были чемпионы мира по выживанию. Ну, действительно, как выжить в открытой степи. Где летом плюс сорок, а зимой минус пятьдесят? И ветер, сбивающий с ног. И ничего не растет. Никаких там бананов с апельсинами. Никаких фиников с орехами. Пусто. Голо*» [Там же, с. 12]. Очевидно, что писатель не пытается нивелировать или «приукрасить» современные реалии, даже природно-климатические, но посредством иронии высвечивает их колорит.

Нередко прозаик скрывается за своими героями, используя прием «несобственно-прямой речи», то есть сказа. Для комического заострения Турсунов намеренно использует в речи персонажей смешение лексики разных стилей, вводит просторечия и ругательства: «*Скажем, случился у тебя на работе кошмар: налетели финполовцы и утащили компьютеры. Якобы на проверку. Или, к примеру, санэпидемстанция наложила запрет на использование микроволновки. Да мало ли! Менты завалились и угрожают, пожарники прибыли всей бригадой, комнаты стали опечатывать. Налоговики, акиматчики, прокурорский надзор… И все ждут мзды. А ты тут — раз — и зовешь к себе зятя, сажаешь его во главе стола и суешь под нос баранью голову! На, скотина, ешь! И далее — по старинному рецепту. И наутро всех как ветром сдуло. Никаких тебе прокурорских, никаких налоговиков с пожарными, никаких ментов с финполом! Всех подчистую!*» [Турсунов, 2020, с. 250]. Несобственно-прямая речь иронически разоблачает окружающий героя мир и иллюстрирует особенности взаимоотношений в обществе. Завышенная оценка происходящего события с целью проверки эксплицирована в несобственно-прямой речи, приобретает противоположное значение.

Синтез элементов устной речи с литературной, многочисленные авторские комментарии, поясняющие особенности «национально-местной» специфики, призваны создать эффект «остранения», стилизовать текст «автора реального» под своеобразный рассказ и адресовать его диалогически-пассивному читателю. Такой прием повествования делает чужую и чуждую для читателя реальность приближенной к нему и тем самым

помогает преодолеть дистанцию между автором и читателем [Осьмухина, 2015].

3.2. Чеховская юмористическая традиция в новеллистике Е. Турсунова

Наряду с иронией другой формой воплощения комического в сборнике рассказов Е. Турсунова становится комическая ситуация, высвечивающая реально произошедший случай или явление, отклоняющееся от нормы (этической, социальной и др.). Например: «*Приезд и пребывание жениха в ауле невесты. Здесь его всячески проверяли…устраивали разные экзамены. И экзамены эти были покруче, чем даже само ЕНТ*[1]*. Хотя, нет. Вру. Хуже ЕНТ вряд ли уже что можно придумать. И слава богу, не мы его придумали, ЕНТ это.. Мы же простодушные, казахи. И доверчивые. А придумали его люди с явной садистской наклонностью*» [Турсунов, 2020, с. 124]. Комическое с его широким диапазонном эмоций и чувств позволяет осмыслить моральные сферы жизни человека. Эта особенность произведений писателя в определенной степени роднит с наследием А. П. Чехова, где «юмор имеет своеобразную общественно-психологическую и эстетическую природу» [Каменская, 2001]. Так, у Чехова одним из способов создания комического являются перечисления: «Они веровали, что там, за институтскими стенами, если не считать катарального папаши и братцев-вольноопределяющихся, кишат косматые поэты, бледные певцы, мрачные сатирики, отчаянные патриоты, неизмеримые миллионеры, красноречивые до слез, ужасно интересные защитники» [Чехов, 1975, с. 11]. У Турсунова в рассказе «Как казахи сватались» читаем: «*Жениха тоже принято расхваливать: сообщается о том, какой он весь такой “офигенный”. О том, что он в детстве переводил старушек через дорогу, потом неожиданно вырос, без блата поступил в Йельский университет и теперь там учится, а за квартиру платит сам. В ночных клубах не болтается, а, наоборот, по вечерам ходит в спортзал и на днях выполнил норматив кандидата в мастера по бодибилдингу...*» [Турсунов, 2020, с. 76]. Кроме того, для эпистолярного творчества А. П. Чехова характерна неуместность стилистического снижения, например: «Свет упал на эту бумагу, и мы увидели старинные письмена и средневековые изображения. На позеленевших от времени стенах висели портреты предков. Предки глядели надменно, сурово, как будто хотели сказать: — Выпороть бы тебя, братец!» [Чехов, 1974, с. 478]. Этот прием на основе фонетического комизма активно использует и казахстанский писатель в рассказе «Как казахи на свидания ходили»:

1 ЕНТ — единое национальное тестирование. Выпускной экзамен школьников после окончания 11 класса

«*Например, девушка могла не понравиться юноше. Мало ли. Вдруг он навоображал себе Шахерезаду из сказки, "всю такую воздушную, к поцелуям зовущую", а там сидит… извините, Мурлын Мурло. Ну, в общем, не то, что он ожидал увидеть. Вернее, не та. И что тогда делать?*» [Турсунов, 2020, с. 59].

«Писатель сам разрушает реализм своих произведений и упрощает свое эстетическое отношение к окружающей действительности, если не принимает во внимание оттенки смеха. И напротив, если он решительно использует всё то, что ему предлагает смех, то этим он обогащает и расширяет свое творчество, потому что может передать полноту жизненных явлений и перипетий», — справедливо указывал Ю. Борев [Борев, 1974, с. 104]. В рассказах Турсунова, равно как и в творчестве А. Чехова, для многопланового изображения современной действительности использованы юмор, ирония, гротеск, при этом прозаик не ставит задачи широкого эпического охвата реальности, но умело «выхватывает» наиболее «болезненные» её явления. Например: «… *по деревне прошел слушок, что кое-кто кое-где и кое у кого выкрал дочь среди бела дня. …У комбайнера вытянулось лицо, и он от неожиданности чуть не проглотил сигарету…. Где-то в закоулках его комбайнерского ума мучительно складывался пазл. И как только он сложился, комбайнер издал трубный звук, напоминавший призывный рев самца муфлона на заре в брачный период. На этот раз сбежались все остальные, и знатный комбайнер путано скомандовал приказ: "Вые…Бл…Щеще…Короче, свистать всех по коням!.." Маманя заохала, отец закручинился, а братья кинулись было в погоню, но самый младший, который кузнец, резонно вставил, что перед дорогой надо бы подкрепиться, поскольку неизвестно, сколько будет длиться погоня*» [Турсунов, 2020, с. 35]. В процитированном фрагменте функция смеха — защитная. В ситуации воровства дочери и сестры смех помогает преодолеть печальную ситуацию, помогает найти в печальном — смешное. Использование автором лексики народно-поэтического характера придает словесной формуле «*Маманя заохала, отец закручинился, а братья кинулись было в погоню…*» эмоциональную тональность грусти, печали. Но в контексте юмористического рассказа эта формула лишь усиливает чувство комического. Брань («*Вые…Бл…Щеще…Короче, свистать всех по коням!...*») описана в карнавально-праздничном ключе, когда «фамильярно-площадная речь» маркирует изображение мира в смеховом аспекте. «Столкновение» между пониманием происходящего и выражением отношения к нему усиливает комизм и передает карнавальное мироощущение.

Юмор писателя основан на фольклорном преувеличении. По мнению Е. Турсунова, ирония помогает не только найти и выделить недостатки, но

и раскрыть достоинства: «*…при любых обстоятельствах казах остается казахом. Даже если он забыл свой язык, переехал в Штаты, женился на колумбийке, а работает в НАСА. Но как бы он не шифровался, как бы не косил под американца (немца, француза, эфиопа), его нетрудно вычислить. И не потому что он ест руками, много говорит, всех перебивает, хвастается, расспрашивает каждого о родословной и ездит на самом большом в городе джипе. Нет, просто в нем живет ген. Он неистребим… Он непобедим. И он настолько силен, что всякий пришлый, попадая в казахскую среду, через какое-то время растворяется в ней и оказашивается. И дети его оказашиваются*» [Турсунов, 2020, с. 213]. Комический микросюжет в структуре новеллы «Как казахи…» позволяет автору не только иронически высветить недостатки «соплеменников», но и сделать объектом иронии самого себя как части этого мира.

Более того, равно как и у А. П. Чехова, комические персонажи Е. Турсунова действуют в хорошо знакомой им обстановке, где привычные атрибуты выполняют для героев роль ориентиров (не случайно, что многие рассказы и русского классика, и современного казахстанского прозаика предваряют сюжетное развертывание описанием места действия).

3.3. Средства создания комического в рассказах Е. Турсунова

Одним из способов построения комического сюжета в малой прозе Е. Турсунова становится синтез анекдота и сатирических элементов. Сюжеты его рассказов парадоксальны и непредсказуемы, нередко тяготеют к классической форме новеллы (динамичный сюжет, неожиданность развязки), при этом именно сатира позволяет высветить многие негативные социальные явления: «*Вы можете себе представить, чтобы сынок генерала КНБ женился на дочке гаишника? Из стратегических интересов? Или же дочка прокурора выскочила замуж за сына воровского авторитета? Это только оппозиционеры могут себе такое позволить. Да и то потому, что у них там выбор ограниченный. У них круг общения не такой большой (не то что у наших парламентариев и прочей политической братии. Там выбор побогаче). Вот и приходится друг к дружке в гости ходить. А куда потом их чадам деваться, если они никого больше не видят?*» [Турсунов, 2020, с. 41]. Или: «*Вот и выходит, что у нас в стране только один человек сидит на своем месте. Все остальные так, погулять вышли. Все перепуталось, сломалось и встало с ног на голову. А помнили бы мудрые традиции, помнили бы заветы стариков, не было бы такого бардака*» [Турсунов, 2020, с. 45].

Сатиричны авторские характеристики, в которых стилистическая разноплановость позволяет экспериментировать с различными лексческими

пластами и тем самым создавать комический эффект. Например, в рассказе «Как казахи выбирали себе пару»: «*Это сегодня дочь новоявленного олигарха может привести в дом сантехника. Или того хуже — сторожа с парковки. У них, видите ли, там "любофф". ....*

И вот отмывают потом этого сторожа от парковочной пыли, приводят в чувство, одевают в дорогих бутиках, ...и тащат в приличный офис устраивать орынбасаром (пер. начальником) к главному боссу. А зятек ни в зуб ногой. .... И не умеет. Хуже того, у него от такого количества новых штанов моментом срывает крышу, и вместо того, чтобы "оправдывать оказанное доверие", он обзаводится такими же дружками на "Поршах" и начинает "зажигать по полной". С полицейскими он разговаривает "на понял-понял", в ночных клубах хватает дамский персонал за "что попало", с охранниками дерется, всем остальным хамит. И приходится потом дочкиным "родакам" вытаскивать его то из одного дерьма, то из другого. А куда деваться? У них же "любофф"...» [Турсунов, 2020, с. 44].

Как известно, эффект внезапности — частое явление в «малых жанрах» юмористической прозы, и прием «застать врасплох» Е. Турсунова роднит некоторые сюжетные коллизии его рассказов с новеллами О'Генри, в основе которых лежит розыгрыш или путаница. У Турсунова сатирическая интонация в предполагаемом обращении к читателю вводит в круг осмеяния не только олигархов и их детей, но и современную молодежь как обобщенный образ. Заметим, что для современного казахстанского писателя неожиданность продиктована самой ситуацией, но при этом сам автор стремится задать условия игры: «*И что сделали? Заказали самолет. Чего мелочиться? Мы ж казахи! Не каждый же день дочка замуж выходит за француза...Потом долго искали и нашли в этом самом Бордо огромный ресторан в каком-то средневековом замке и украсили его нашими традиционными лентами и бантами, завесили все по кругу коврами и текеметами в национальном стиле. Даже на официантов надели тюбетейки и кимешеки. ...*

В фойе все заставили тележками и лавками на манер восточного базара. ... Кто там будет разбираться: казахское это или какое-нибудь узбекское? А может, вообще арабское? Главное, пахнет Востоком, ну и ладно. Решили: лепить, так лепить!

И как грянули затем той! Наш. Традиционный... С шумом-гамом. С саукеле и беташаром. Невесте пошили платье со шлейфом в девять метров. .... Жар-жар затянули, конфетами забросали» [Турсунов, 2020, с. 204—205]. Весьма самокритическая оценка свадьбы «Чего мелочиться? Мы ж казахи!» очевидно сатирична, причем писатель иронизирует не столько над участниками национальной свадьбы, сколько над националь-

ным менталитетом в постоянным стремлении выделиться, ошеломить, удивить окружающих.

Заметим, что для передачи иносказательного автор использует лексику ограниченного употребления: грубое просторечие, жаргон, бранное слово и т. д.: «*Не нужно думать, что бай обязательно был свольш, гад и мирое д. Вовсе нет. Это советская власть его таким выставила. А зря. В те времена бай был все равно что отец родной. Он был центром мироздания, душой и сердцем казахской коммуны, поэтому к нему шли по любому поводу. И он должен был все правильно разрулить. Не по-братски, а по справедливости.*

И он первым включался, если у кого случалась беда или, того хуже, затевалась большая буча….. Он же вмешивался, если вдруг затевались местные разборки» [Турсунов, 2020, с. 215]. В характеристике бая применен элемент «полярности», для которого характерно «увенчание-развенчание».

Одним из частотных приемов создания комического в цикле рассказов Е. Турсунова становится эффект парадокса. Он позволяет ненавязчиво, но вполне конкретно акцентировать внимание на проблеме и тем самым раскрыть противоречие действительности. В его основе лежит стремление автора соединить интеллектуальный комизм с неожиданной, острой мыслью. Сама же истина у Турсунова имеет противоречивый характер, поэтому и парадокс в его рассказах — показатель единства противоречий жизни: «*Случается так, что казаху повезло, и он обустроил себе доходную норку в каком-нибудь приличном заведении. И сидит себе там, не потеет. И тут же к нему начинают подтягиваться многочисленные его родственники: дяди, тети, племянники, троюродные сестры жены двоюродного брата по материнской линии... Короче — самые близкие. Хозяин норки начинает строить из родственников оборонительные бастионы: рассаживает их по круговой на всякий случай. Те в свою очередь подтаскивают своих ближних, чтобы заполнить ими дыры в штатном расписании. Постепенно образуется клан. У нас принято называть это сообщество "командой".*

Квалификация и служебные навыки тут не всегда играют решающую роль. Зачастую они и вовсе не требуются. Тут главное — преданность, основанная на крови. …. Хотя сегодняшние казахи в душе не доверяют никому. …. Но родня есть родня. Это ж тебе не чужие люди с улицы. Вот и сидят. А работу делает какой-нибудь чужак — головастик с настоящим дипломом. Или чудак-трудоголик, которого действительно интересует результат. Все остальные имитируют деятельность. Поэтому дела у нас на госслужбе продвигаются в целом ни шатко, ни валко. Потому что государственную работу у нас делают, в основном, родственники, а не

специалисты…» [Турсунов, 2020, с. 217]. Ироническое описание того, как получают «хлебные» должности, граничит у писателя с публицистической злободневностью и способствует созданию специфически национального образа современного мира.

3.4. Ироническое в цикле рассказов

Ирония — скрытая насмешка — влияет на общий эмоциональный настрой всего произведения. Умение взглянуть на себя со стороны с улыбкой, в том числе и на перемены государственного масштаба, по мнению современного писателя, одно из народных качеств, которые казахи еще не совсем растеряли: «*Когда предстояло выбрать самого главного казахского хана, устраивалось великое толковище… Кстати, никто переться туда не заставлял, автобусами не подвозил, силком не тягал, угрожая лишением премий и не допуском к экзаменам. Явка считалась делом почетным и обязательным*» [Турсунов, 2020, с. 111].

Разнообразные оттенки иронии в малой прозе Е. Турсунова конструируются специфическими языковыми средствами. Например, в передаче добродушной иронии писатель использует игру слов на русском языке с казахским: «*Есть еще “именные” имена: Сунь-Ят-Сен, например. И целый ряд тематических: Карлмаркс, Лениншіл, Эрнест, Шмидт, Мэлс (Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин), Полас (Пушкин-Островский-Лермонтов-Абай-Сабит)…*» [Турсунов, 2020, с. 177].

Нередко устоявшееся выражение писатель использует с незначительной комической корректировкой, в результате чего его привычный смысл акцентируется: «*Гость в доме, как известно, божий посланник. Он приносит с собой благодать. Поэтому, если к тебе заявился, скажем, твой враг (или милиционер), ты должен засунуть свою гордость в одно место и встретить его со всем почетом. Первым делом ты должен лично открыть перед ним дверь и проводить его на почетное место - төр.*

Затем ты должен его накормить.

И тут важно, чтобы жена твоя не вздумала греметь посудой и демонстративно бить детей. Также нужно ее предупредить, чтобы она не стала прятать мясо в самый дальний угол морозильника. И еще, нельзя подавать еду в поврежденной посуде. Треснувшая чашка или тарелка это — посуда демонов…. И если ангел-хранитель гостя увидит, какое неуважение вы к нему проявляете, то он обидится и нашлет на ваш дом проклятье. И тогда к вам в гости будут ходить только уличные попрошайки и судебные исполнители» [Турсунов, 2020, с. 225].

Ироническая интонация сохраняется практически на протяжении всего фрагмента — описания прихода гостя в дом. Небольшой эпизод обре-

тает анекдотическую форму, где насмешка передает сочувствие, шутка — печаль, остроумное высказывание — серьезность обстановки. Е. Турсунов следует опыту А. П. Чехова, который писал, что «одна хорошая насмешка сделала бы гораздо больше, чем десяток произведений» [Чехов, 1977, с. 20—21].

Художественное «передразнивание» встречается в виде пародии в рассказе о том «Как казахи невест воровали». Пародируются общеизвестные факты современной автору действительности. При этом утрируется подражаемый оригинал при помощи гиперболизации: «*А дальше тобыктинцы отправили наутро к жагалбайлинцам солидную делегацию. Жагалбайлинцы список внимательно изучили и сделали необходимые поправки:*

— плюс за моральный ущерб,
— плюс за расстройство планов,
— плюс инфляция,
— плюс девальвация,
— плюс папин инфаркт,
— плюс мамина мигрень,
— плюс амортизация расходов,
— плюс по мелочам,
— плюс непредвиденные расходы,
— плюс происки Запада,
— плюс антиказахские санкции,
— плюс неожиданная смена правительства,
— плюс то да се…

Тобыктинцы прочитали, повздыхали, ну и согласились. А куда деваться? Виноваты же…» [Турсунов, 2020, с. 25—26]. В процитированном фрагменте использована техника создания двойного смысла, «при котором истинным становится не то высказывание, которое выражено прямо, а противоположное ему, подразумеваемое. Чем больше несоответствия между ними, тем сильнее комическое [Чавчанидзе, 2001, с. 315]. Понимание происходящего представлено в комической причинно-следственной связи. Оно раскрывает механизм появления духовного кризиса современного казахстанского общества. Как пишет О. В. Полухин, «выражение комического соединило в себе социальную, этическую и философскую проблематику» [Полухин, 1996, с. 6].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, цикл рассказов Е. Турсунова о традициях казахского народа представляет собой богатый материал для анализа комического. Комическое в рассказах выполняет различные функции: защитную, пото-

му что помогает найти в печальном — смешное; акцентную, ибо не только выделяет недостатки, но и раскрывает достоинства героев; карикатурную, поскольку отражает социальные явления; развлекательную, так как использует различные средства языка. Писатель не ограничивает себя только комическим. В некоторых рассказах («Как казахи невест воровали», «Как казахи выбирали себе пару») для акцентуации ограниченности в понимании некоторых национальных традиций писатель использует сатиру. В его новеллах определенную роль играют брань, игра словами и пословицами, расстановка смеховых акцентов, парадокс, прием неожиданности, комический диалог, комическая сценка с комментариями, передразнивание. Во многие рассказы («Как казахи верили в приметы», «Как казахи гостей принимали», «Как невесты становились женами», «Как казахи устраивали шумные представления») Е. Турсунов привносит атрибутику народного праздника, который сродни карнавалу, меняет местами «верх» и «низ», синтезирует смешное с серьезным, лирическое с драматическим.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники

1. *Асанина М. Ю.* «Смеховое слово» в художественной прозе У. Фолкнера второй половины 1920-х — начала 1930-х годов : На материале произведений “Йокнапатофского цикла” : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / М. Ю. Асанина. — Саранск, 2004. — 189 с.

2. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Теория романа (1930—1960 гг.) / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — Т. 3. — 880 с. — ISBN 5-89216-010-6.

3. *Бергсон А.* Смех / А. Бергсон. — Москва : Искусство, 1992. — 127 с. — ISBN 5-85220-242-8.

4. *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы / Е. Э. Бертельс. — Москва : Наука, 1960. — 524 с.

5. *Борев Ю. Б.* Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Б. Борев. — Москва : Искусство, 1970. — 272 с.

6. *Борев Ю. Б.* Эстетика : в 2 т. / Ю. Б. Борев. — Смоленск : Русич, 1997. — Т. 1. — 496 с.

7. *Брагинский В. И.* История малайской литературы VII—XIX веков / В. И. Брагинский. — Москва : Наука, 1983. — 495 с.

8. *Гегель Ф.* Собрание сочинений : в 14 т. — Москва : Издательство социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1929—1959. — Т. 12. — 532 с.

9. *Демин В. И.* Смех моего народа. Комическое в устно-поэтическом творчестве мордвы / В. И. Демин // Финно-угорский мир. Филологические науки. — 2015. — № 4. — С. 6—11.

10. *Дземидок Б.* О комическом / Б. Дземидок. — Москва : Прогресс, 1974. — 223 с.

11. *Дубровская С. А.* «Гоголь и Рабле» как сюжет отечественного литературоведения 1940—1980-х гг. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2014. — Т. 73. — № 6. — С. 62—71.

12. *Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения : учебное пособие / А. Б. Есин. — 8-е изд. — Москва : Наука, 2007. — 248 с. — ISBN 5-89349-049-5.

13. *Каменская Ю. В.* Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. — Саратов, 2001. — 173 с.

14. *Карасев Л. В.* Философия смеха / Л. В. Карасев. — Москва : РГГУ, 1996. — 224 с. — ISBN 5-7281-0036-8.

15. *Краткая* литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — Москва : Сов. энцикл., 1962—1978. — Т. 3. — 1088 стб.

16. *Кузнецова Т. Л.* Комическое в коми литературе / Т. Л. Кузнецова. — Сыктывкар : КРИППКРНО, 1994. — 72 с. — ISBN 5-7009-0017-3.

17. *Лихачев Д. С.* Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырко. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1984. — 295 с.

18. *Обухова И. А.* Смеховое слово в отечественной «малой прозе» 20 -х годов XX века : И. Э. Бабель, М. М. Зощенко, М. А. Булгаков, П. С. Романов : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. А. Обухова. — Ульяновск, 2012. — 13 с.

19. *Осьмухина О. Ю.* Авторская маска деда Антропа в новеллистике М. Волкова / О. Ю. Осьмухина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 4. — С. 243—247.

20. *Полухин О. В.* Американский интеллектуально-сатирический роман 70—80-х гг. XX века (К. Воннегут, Дж. Хеллер) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.05 / О. В. Полухин. — Москва, 1996. — 198 с.

21. *Поспелов Г. Н.* Целостно-системное понимание литературных произведений / Г. Н. Поспелов // Вопросы методологии и поэтики : сборник статей. — Москва : Изд-во МГУ, 1983. — С. 138—172.

22. *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1999. — 288 с. — ISBN 5-87604-065-7.

23. *Турсунов Е.* Карашанырак / Е. Турсунов. — Алматы : Соз, 2020. — 341 с.

24. *Тюпа В.* Аналитика художественности. Введение в литературоведческий анализ / В. Тюпа. — Москва : Лабиринт, РГГУ, 2001. — 192 с. — ISBN 5-87604-116.

25. *Тюрин Ю. П.* Перспектива памяти : кино, история, литература / Ю. П. Тюрин. — Москва : Материк, 2004. — 149 с. — ISBN 5-85646-122-3.

26. *Уваров А. Н.* Художественное своеобразие удмуртской сатиры / А. Н. Уваров. — Ижевск : Удмуртия, 1979. — 130с.

27. *Фильштинский И. М.* История арабской литературы. V — начало X века / И. М. Фильштинский. — Москва : URSS, 2010. — 528 с. — ISBN 978-5-397-00948-5.

28. *Ханзафаров Н. Г.* Татарская комедия (истоки и развитие) / Н. Г. Ханзафаров. — Казань : Фән, 1996. — 266 с.

29. *Чавчанидзе Д. Л.* Ирония / Д. Л. Чавчанидзе // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. А. Н. Николюкин. — Москва : НПК «Интелвак», 2001. — С. 315—317. — ISBN 5-93264-026-X.

30. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений в 30 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1974. — Т. 1. — 588 с.

31. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений в 30 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1975. — Т. 3. — 627 с.

32. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений в 30 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1977. — Т. 10. — 528 с.

33. *Шидфар Б. Я.* Образная система арабской классической литературы (VI—XII вв.) / Б. Я. Шидфар. — Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. — 320 с.

Статья поступила в редакцию 08.05.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

References

Asanina, M. Yu. (2004). *"The laughing word" in the fiction of W. Faulkner in the second half of the 1920s — early 1930s: Based on the works of the "Joknapatofsky cycle"*. PhD Diss. Saransk. 189 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2012). *Collected works. The Theory of the novel (1930—1960), 3*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 880 p. ISBN 5-89216-010-6. (In Russ.).

Bergson, A. (1992). *Laughter.* Moscow: Iskusstvo. 127 p. ISBN 5-85220-242-8. (In Russ.).

Bertels, E. E. (1960). *History of Persian-Tajik literature.* Moscow: Nauka. 524 p. (In Russ.).

Borev, Yu. B. (1970). *Comic, or how laughter punishes the imperfection of the world, cleanses and renews a person and asserts the joy of being.* Moscow: Iskusstvo. 272 p. (In Russ.).

Borev, Yu. B. (1997). *Aesthetics: in 2 volumes, 1.* Smolensk: Rusich. 496 p. (In Russ.).

Braginsky, V. I. (1983). *History of Malay literature of the VII—XIX centuries.* Moscow: Nauka. 495 p. (In Russ.).

Chavchanidze, D. L. (2001). Irony. In: *Literary Encyclopedia of terms and concepts.* Moscow: NPK "Intelvak". 315—317. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).

Chekhov, A. P. (1974). *The complete works in 30 volumes, 1.* Moscow: Nauka. 588 p. (In Russ.).

Chekhov, A. P. (1975). *The complete works in 30 volumes, 3.* Moscow: Nauka. 627 p. (In Russ.).

Chekhov, A. P. (1977). *Complete works in 30 volumes, 10.* Moscow: Nauka. 528 p. (In Russ.).

Demin, V. I. (2015). Laughter of my people. Comic in the oral and poetic creativity of Mordvins. *Finno-Ugric world. Philological sciences, 4:* 6—11. (In Russ.).

Dubrovskaya, S. A. (2014). "Gogol and Rabelais" as a plot of Russian literary criticism of the 1940s—1980s. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. A series of literature and language, 73 (6):* 62—71. (In Russ.).

Dzemidok, B. (1974). *About the comic.* Moscow: Progress. 223 p. (In Russ.).

Filshtinsky, I. M. (2010). *History of Arabic literature. V — the beginning of the X century.* Moscow: URSS. 528 p. ISBN 978-5-397-00948-5. (In Russ.).

Hegel, F. (1929—1959). *Collected works: in 14 vols., 12.* Moscow: Publishing House of Socio-economic literature (Sotsekgiz). 532 p. (In Russ.).

Kamenskaya, Yu. V. (2001). *Irony as a component of idiostyle A. P. Chekhov.* PhD Diss. Saratov. 173 p. (In Russ.).

Karasev, L. V. (1996). *Philosophy of laughter.* Moscow: RSUH. 224 p. ISBN 5-7281-0036-8. (In Russ.).

Khanzafarov, N. G. (1996). *Tatar comedy (origins and development).* Kazan: Fan. 266 p. (In Russ.).

Kuznetsova, T. L. (1994). *Comic in Komi literature.* Syktyvkar: KRIPPKRNO. 72 p. ISBN 5-7009-0017-3. (In Russ.).

Likhachev, D. S., Panchenko, A. M., Ponyrko, N. V. (1984). *Laughter in Ancient Russia.* Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 295 p. (In Russ.).

Obukhova, I. A. (2012). *The laughing word in the domestic "small prose" of the 20s of the XX century: I. E. Babel, M. M. Zoshchenko, M. A. Bulgakov, P. S. Romanov.* Author's abstract of PhD Diss. Ulyanovsk. 13 p. (In Russ.).

Osmukhina, O. Y. (2015). The author's mask of the grandfather of the Anthropologist in the novelistics of M. Volkov. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 4:* 243—247. (In Russ.).

Polukhin, O. V. (1996). *American intellectual and satirical novel of the 70—80s of the twentieth century (K. Vonnegut, J. Heller).* PhD Diss. Moscow. 198 p. (In Russ.).

Pospelov, G. N. (1983). Holistically-systemic understanding of literary works. In: *Questions of methodology and poetics: collection of articles.* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 138—172. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1999). *Problems of comedy and laughter. Ritual laughter in folklore.* Moscow: Labyrinth. 288 p. ISBN 5-87604-065-7. (In Russ.).

Shidfar, B. Ya. (1974). *The figurative system of Arabic classical literature (VI—XII centuries).* Moscow: Nauka. Gl. ed. east. lit-ry. 320 p. (In Russ.).

Surkov, A. A. (ed.). (1962—1978). *Brief literary Encyclopedia, 3.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 1088 stb. (In Russ.).

Tursunov, E. (2020). *Karashanyrak.* Almaty: Soz. 341 p. (In Russ.).

Tyupa, V. (2001). *Analytics of artistry. Introduction to literary analysis.* Moscow: Labyrinth, RSUH. 192 p. ISBN 5-87604-116. (In Russ.).

Tyurin, Yu. P. (2004). *Perspective of memory: cinema, history, literature.* Moscow: Mainland. 149 p. ISBN 5-85646-122-3. (In Russ.).

Uvarov, A. N. (1979). *Artistic originality of Udmurt satire.* Izhevsk: Udmurtia. 130 p. (In Russ.).

Yesin, A. B. (2007). *Principles and techniques of literary work analysis: textbook. 8th ed.* Moscow: Nauka. 248 p. ISBN 5-89349-049-5. (In Russ.).

The article was submitted 08.05.2023;
approved after reviewing 14.06.2023;
accepted for publication 22.06.2023.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Захарова В. Т. Проза писателей русского Зарубежья (В. А. Никифоров-Волгин, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев) в контексте религиозно-философской мысли И. А. Ильина / В. Т. Захарова, И. С. Кудрявцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 269—293. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-269-293.

Zakharova, V. T., Kudryavtseva, I. S. (2023). Prose of Russian Emigration Writers (V. A. Nikiforov-Volgin, I. A. Bunin, B. K. Zaitsev) in Context of Ivan Ilyin's Religious-Philosophical Thought. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 269-293. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-269-293. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-269-293

Проза писателей русского Зарубежья (В. А. Никифоров-Волгин, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев) в контексте религиозно-философской мысли И. А. Ильина

Захарова Виктория Трофимовна *
orcid.org/0000-0001-6871-1368
доктор филологических наук,
профессор,
**** корреспондирующий автор***
victoriazaharova95@gmail.com

Кудрявцева Ирина Сергеевна
orcid.org/0009-0001-0026-1046
магистрант, кафедра русской
и зарубежной филологии
irinaserg.work@gmail.com

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена при финансовой
поддержке РНФ в рамках
научного проекта № 23-28-00966,
https://rscf.ru/project/23-28-00966/

Prose of Russian Emigration Writers (V. A. Nikiforov-Volgin, I. A. Bunin, B. K. Zaitsev) in Context of Ivan Ilyin's Religious-Philosophical Thought

Viktoria T. Zakharova *
orcid.org/0000-0001-6871-1368
Doctor of Philology, Professor,
**** Corresponding author***
victoriazaharova95@gmail.com

Irina S. Kudryavtseva
orcid.org/0009-0001-0026-1046
Master's degree student, Department
of Russian and Foreign Philology
xiongh@sjtu.edu.cn

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00966,
https://rscf.ru/project/23-28-00966/

© Захарова В. Т., Кудрявцева И. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Авторы статьи ставят цель ввести в контекст религиозно-философской мысли виднейшего философа русского Зарубежья И. А. Ильина прозу И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, В. А. Никифорова-Волгина. Новизна исследования заключается в выявлении типологической соотнесенности представлений философа о сущностных чертах национального характера, проявляющихся в стремлении к совершенству, с художественным миросозерцанием русских писателей, осмыслявших жизнь России в эпоху социальных катаклизмов. Введение недостаточно исследованного феномена творчества В. А. Никифорова-Волгина в ареал прозы известных авторов тоже относится к аспектам новизны работы. Проведенный анализ позволил убедиться, что писатели проникновенно раскрыли на примере различных жизненных обстоятельств, часто критических, способность людей, независимо от сословия, возраста, проявлять черты христианского милосердия, самоотверженности. Существенна и способность человека жить, несмотря ни на какие внешние обстоятельства, с ощущением света христианской веры и передавать это чувство другим. Деяния, основанные на «добродетели сердца и совести» — эти наиболее ценные, по мысли И. А. Ильина, жизненные начала — многогранно проявились на страницах представленных произведений.

Ключевые слова:
религиозно-философская мысль; И. А. Ильин; проза русского Зарубежья; И. А. Бунин, Б. К. Зайцев; В. А. Никифоров-Волгин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The authors of this article aim to contextualize the religious-philosophical ideas of the prominent philosopher of Russian emigration, Ivan Ilyin, with the prose of Ivan Bunin, Boris Zaitsev, and Vladimir Nikiforov-Volgin. The novelty of the research lies in identifying the typological correlation between Ilyin's ideas about the essential characteristics of national character, manifested in the pursuit of perfection, and the artistic worldview of Russian writers who interpreted life in Russia during periods of social upheaval. The introduction of the insufficiently studied phenomenon of Vladimir Nikiforov-Volgin's creative work into the field of prose by well-known authors is also an aspect of the novelty of this work. The analysis confirms that the writers perceptively revealed, through various life circumstances, often critical, the ability of people, regardless of their social status or age, to exhibit traits of Christian mercy and selflessness. Equally significant is the ability of individuals to live with a sense of light from Christian faith, despite external circumstances, and to transmit this feeling to others. Actions based on "virtues of the heart and conscience" — these most valuable principles of life according to Ilyin's thought — are multifacetedly reflected on the pages of the works presented here.

Key words:
religious-philosophical thought; Ivan Ilyin; prose of Russian emigration; Ivan Bunin, Boris Zaitsev; Vladimir Nikiforov-Volgin.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1+82-32

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Проза писателей русского Зарубежья (В. А. Никифоров-Волгин, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев) в контексте религиозно-философской мысли И. А. Ильина

© Захарова В. Т., Кудрявцева И. С., 2023

1. Введение = Introduction

Изучение национального художественного сознания в соотнесенности с философской мыслью во все времена является значимой методологической проблемой. В истории отечественной словесности с древнейших времен обнаружилась глубокая взаимосвязь с религиозно-философским мышлением.

Начало XX века, как известно, стало для России настоящим религиозно-философским Ренессансом; в трудах таких ярких отечественных мыслителей, как о. Сергий Булгаков, о. Павел Флоренский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др., ставились проблемы, онтологическая значимость которых велика и в настоящее время. Продолжением и развитием этого научного потенциала после революции стала философия русского Зарубежья: в изгнании пришлось продолжать свою деятельность многим выдающимся мыслителям, — вспомним, к примеру, знаменитый «философский пароход». В прошедшем году исполнилось 100 лет со времени высылки из Советской России многих замечательных русских мыслителей, среди которых были и названные выше (кроме о. Павла Флоренского, погибшего на Соловках), и И. А. Ильин. В Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского по этому поводу были проведены международные Чтения.

В данной статье ставится цель ввести в контекст религиозно-философской мысли виднейшего философа русского Зарубежья И. А. Ильина прозу И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, В. А. Никифорова-Волгина.

И. А. Ильину (1882—1954) принадлежит множество вдохновенных трудов, посвященных проблеме национального характера, русской веры. Верно определил роль Ильина в истории отечественной философии Ю. Т. Лисица: «Он — “стратегический философ”, учитель будущих поколений, по крайне мере, как исследователь русского национального духовного характера, подаривший нам фундаментальный труд “Сущность и своеобразие русской культуры”…» [Лисица, 2007, с. 5—17].

Полагаем, что эта книга русского философа [Ильин, 2007, с. 15—435], а также его работа «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» [Ильин, 2019] наиболее проникновенно и полно раскрывают сущностные черты национального характера, обнаруживающиеся в стремлении к нравственному совершенству, в проявлении высших христианских добродетелей. Выделим в этих трудах лишь некоторые концептуально важные для наших размышлений положения.

Одним из ключевых понятий-образов (Ильин обладал удивительно образным мышлением) у философа является сердце. Ильин рассуждал так: «Умного человека в России почитают, перед волевым склоняются, фантазерам дивятся, но более всего любят человека сердечного, а если он к тому же совестливый, то его почитают превыше всего как своего рода святого, или, в понимании русских, как сосуд Божий» [Ильин, 2007, с. 39]. Размышляя о русской добродетели, философ пишет: «…это добродетель *сердца и совести.* Здесь все основано не на “проклятых долге и обязанности”, не на принудительной дисциплине или страхе греховности, а скорее на свободной доброте и на несколько *мечтательном, порою сердечном созерцании.* Сердечная доброта, сострадание, дух самопожертвования и определенное стремление к совершенству играют здесь решающую роль» (курсив источника. — *В. З., И. К.*) [Там же, с. 4].

Глубоки мысли И. А. Ильина о присущем русскому человеку стремлении к совершенству. Это стремление философ разъясняет многосторонне, порой с парадоксальными примерами, но всегда — с высшей «христианской меркой»: «И даже тогда, когда русский человек пребывает в тяжких страданиях, погрязнет в алкоголе или становится профессиональным бандитом, он едва ли забудет свою национально-христианскую *мечту о совершенстве*. Она проявляется во всем — от народных сказок и песен до романов, от народных верований до политических учений, от простого раскольника до владетельного князя» (курсив источника. — *В. З., И. К.*) [Там же, с. 41]. Реализуется такая мечта, как напоминает ученый, в двух ипостасях — «праведник» и «подвижник» [Там же, с. 43].

Предпримем попытку соотнести эти выделенные философом черты национального характера с примерами из прозы русских писателей, выделенных нами в определенный типологический ряд.

В истории русской литературы имеется богатейший фонд примеров образов праведников и подвижников, представляющий национальное культурное богатство. Начиная с памятников древнерусской литературы: житий, летописных сказаний, сквозь всю историю русской литературы Нового времени — протягивается в нашей современности драгоценная цепь примеров «живой жизни» этих образов в национальном бытии. Полагаем,

для полноты понимания внутренних законов развития литературного процесса важно обнаруживать примеры, свидетельствующие о притяженности национального самосознания к таким идеальным ипостасям русского характера.

В трудах современных И. А. Ильину философов русской эмиграции (их имена упомянуты нами выше) тоже было уделено серьезное внимание проблеме национального характера в его позитивных константах, но опыт осмысления национально-христианской *мечты о совершенстве* в трудах И. А. Ильина представляется особенно ценным и значимым.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В современном литературоведении интерес к проблеме соотнесенности православной философии и художественной литературы обозначен весьма убедительно [Есаулов, 1995; Есаулов, 2004; Дунаев, 2002; Любомудров, 2003; Шешунова, 2006; Кошемчук, 2009; Захаров, 2012; Ничипоров, 2019; Захарова, 2023]. Однако до исчерпанности этой темы еще далеко. В данном контексте произведения избранных нами авторов не рассматривались.

Объектом исследования служат рассказы И. А. Бунина «Птицы Небесные» (1909), «Лапти» (1926); рассказы Б. К. Зайцева «Путники» (1916), «Странное путешествие» (1926), рассказы В. А. Никифорова-Волгина 1920-х годов «Молитва», «Максим Каменев», «Сумерки» и повесть «Дорожный посох».

Изучать И. А. Бунина и Б. К. Зайцева сегодня — это отдавать отчет в существовании огромного пласта научно-исследовательской литературы. Ее обзор — дело масштабного исследования. Мы здесь привлекаем лишь отдельные имена. Заниматься проблемой, обозначенной нами, литературоведы, освещавшие творчество этих писателей, не ставили своей задачей. Что касается творчества В. А. Никифорова-Волгина, то это имя еще нуждается в полновесном научном осмыслении. На сегодняшний день уже накоплен весьма ценный потенциал исследовательских работ, среди них диссертация А. С. Конюховой «Творчество В. А. Никифорова-Волгина: поэтика сюжета и типология героев», где исследуется непосредственно творчество В. А. Никифорова-Волгина [Конюхова, 2021], и диссертация О. Лапко «Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930–х годов», где одна глава посвящена образу странника в произведениях В. А. Никифорова-Волгина [Лапко, 2009]. Исследовательские статьи, посвященные творчеству писателя, будут привлечены нами в соответствующей главе.

В нашей работе использовались типологический, сравнительно-исторический, историко-генетический методы исследования.

3. Результаты исследования = Results and Discussion

3.1. Соотнесенность воззрений И. А. Ильина и творчества И. А. Бунина

В прозе русской эмиграции первой волны можно обнаружить много созвучий идеям И. А. Ильина, высказанным им в труде «Сущность и своеобразие русской культуры» и связанным с постижением идеальных начал национального характера. Обратимся к некоторым примерам из творческого наследия И. А. Бунина, в которых проникновенно раскрываются в образах русских людей черты милосердия, способности к самопожертвованию ради ближнего. Его творчество, как одного из самых значительных русских художников XX столетия, привлекало и всегда будет привлекать к себе внимание читателей и исследователей. Это — классика, национальное достояние. Не имея возможности в рамках данного материала осветить вклад ученых в исследование философского контекста творчества Бунина, позволим себе опереться лишь на самые концептуальные моменты в процессе нашего небольшого исследования. Предваряя его, заметим следующее. Известно, что И. А. Ильин в своей известной книге «О тьме и просветлении» (1959) весьма противоречиво оценивал творчество И. А. Бунина. С одной стороны, он утверждал, что творчество писателя — «последний дар русской помещичьей усадьбы, дар ее русской литературе, России и мировой культуре», с другой, философ видел в произведениях Бунина более всего внимание к «мраку и хаосу» в человеческой душе [Ильин, 1959, с. 29, с. 77].

Подобная односторонность восприятия И. А. Ильиным творчества И. А. Бунина аналитически осмыслена современным исследователем Е. А. Подмаревым [Подмарев, 2011]. Полагаем, назрела необходимость показать присущие творчеству И. А. Бунина миросозерцательные доминанты, весьма созвучные идеям философа, сумевшего убедительно обосновать именно те черты национального самосознания, которые выводили человека из мрака и хаоса к Свету.

В 1909 году Буниным был написан рассказ «Птицы небесные» (первоначальное заглавие — «Беден бес»). Он представляет собой яркий пример удивительной способности Бунина локальный конфликт, лежащий в основе ряда его рассказов, переводить на субстанциональный уровень. Об этом нам доводилось уже размышлять [Захарова, 2013], здесь акцентируем внимание на аспектах, необходимых для обозначенной выше темы.

Сюжет рассказа построен на мотиве встречи, встречи на дороге, столь характерной для русской литературы. Изображаемые события даны через восприятие студента, приехавшего зимой в имение родителей. На проселочной дороге он встречает старика-нищего, приглашает его переночевать

у них в имении; старик отказывается, идет дальше, а наутро его обнаруживают замерзшим.

У самого Бунина детство прошло на хуторе Бутырки Елецкого уезда Липецкой губернии. В своем художественно-автобиографическом повествовании «Жизнь Арсеньева» читаем: «Я родился и рос ... совсем в чистом поле, которого даже и представить себе не может европейский человек. Великий простор, без всяких преград и границ, окружал меня: где в самом деле кончалась наша усадьба и начиналось это беспредельное поле, с которым сливалась она? Но ведь все-таки только поле да небо видел я» [Бунин, 1988, т. 3, с. 297]. Или такая зарисовка: «Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом — море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание...» [Там же, с. 267] С одной стороны, показывает автор, эти пространства воздействовали на душу ребенка поэтически, вызвали в ней на всю жизнь чувство любви к миру, ощущение его гармонии и Божественной неслучайности его красоты. С другой, Бунину с детства было присуще чувство тайны мироздания, настороженности от ее присутствия.

В описанных на многих страницах произведений Бунина просторах прекрасной, но и драматичной оказывается русская зима. Огромные снегопады, заснеженные дороги, сильные морозы — все сулило порой непосредственную опасность для жизни.

Символика заглавия рассказа содержит в себе библейскую аллюзию: «птицами небесными» называют нищих. Символику содержит и первоначальный вариант заглавия: в разговоре со стариком студент поражается его смирением, стоицизмом и — отсутствием стремления вызвать к себе сочувствие. «Беден только бес, на нем креста нет», — говорит он юноше [Бунин, 1988, т. 1, с. 457].

Очень органично звучит здесь у Бунина мотив «нищелюбия», столь свойственный нашему народу, — известны многие традиции благотворительности, ориентированной на помощь нищим: странноприимные дома, существовавшие по всей России, обычай в сибирских деревнях оставлять на ночь еду на краю деревни и др.

Как это свойственно поэтике Бунина, аранжировка произведения акцентированно символична, в данном случае экспрессивна. Образ мира изображен антропоморфически, несет в себе оттеночную смысловую нагрузку, играет роль предварения развязки. Вот одна из подобных зарисовок: «Стало еще морознее и страшнее… сад ревет властно и дико… А над белым морем метели — два других, еще шире раскинутых, кровавых глаза: Арктур и Марс… “Замерзнет, черт!” — с сердцем подумал студент про нищего» [Там же, с. 458].

В рассказе возникает образ огромного русского пространства, являющегося неотъемлемой частью Божьего мира, осененного крестами церкви, которые «горели лучистым золотом». Взаимосвязь земного и небесного выражается в рассказе и через проникновенное звучание мотива соборности всей русской жизни. Это тоже очень «бунинская тема» в связи с его восприятием патриархального русского быта. Так, студент-барчук старается помочь нищему: когда тот отказывается от ночлега, бежит в дом за деньгами и с милостыней догоняет странника уже в поле. Тревожно ожидая вьюжной ночью возвращения матери, студент замечает: «На столе горела лампа, в углу, перед иконой — лампадка: когда барыни не было дома, нянька всегда зажигала ее, — чтобы Бог дал благополучную дорогу» [Там же, с. 457]. А когда тройка с матерью въехала во двор, «*мать и кучер в один голос* крикнули ему, что на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело» [Там же, с. 459]. Так смерть нищего оказывается вписанной в извечный целесообразный круг бытия, в котором скорбь и радость — его общие составляющие. Социальный аспект в жизненном круговороте у Бунина почти всегда ослаблен: главное внимание посвящено общечеловеческой сфере бытия, христианскому миропониманию, имеющему свою шкалу ценностей, где деятельное добро, милосердие — непререкаемые составляющие.

В контексте наших рассуждений обратимся далее к рассказу И. А. Бунина «Лапти» (1926). Написанный в эмиграции, он доказывает цельность миросозерцания писателя, дальнейшее отражение сложившихся с ранних лет его представлений о гармоническом ладе «русского міра», каким был для него патриархальный крестьянский уклад, выводит на представления о сущностных чертах народного характера.

Это необычайно лаконичное произведение: оно состоит всего из двух страниц. Сюжет его драматичен. События происходят в бедной помещичьей усадьбе, на отдаленно стоящем хуторе, каких множество было разбросано по России. Тяжело заболел ребенок хозяев усадьбы. Отец был в отъезде, а мать была в отчаянии от мысли о невозможности в пургу привезти доктора за 30 верст. Мальчик бредил и все просил какие-то красные лапти. Мужик Нефед решил отправиться пешком в деревню в лавку за шесть верст за краской — фуксином, чтобы покрасить лапти: «Значит, душа желает. Надо добывать» — заключает он [Бунин, 1988, т. 3, с. 161].

Далее становится известно, что утром, когда рассвело, соседние мужики привезли на хутор тело замерзшего в снегу на обратном пути Нефеда. Заканчивается рассказ такой фразой: «За пазухой Нефеда лежали новенькие ребячьи лапти и пузырек с фуксином» [Там же, с. 163].

Как видим, в этом лаконичном рассказе Бунин представил, по сути дела, подвиг самопожертвования человека ради спасения больного ребен-

ка, хотя для героя рассказа, мужика Нефеда, его поступок не представлялся смертельно опасным, а совершенно необходимым. Конечно, он понимал, что его ждет в пути, — русским людям приходилось зимой рисковать жизнью, чтобы добраться до отдаленного места в метель, — но преодоление сложностей его не останавливало: цена жизни ребенка была высока, и он не мог не откликнуться на горе семьи.

Как всегда бывает в прозе Бунина, частный, единичный случай при всей конкретности, колоритности описания обладает потенциалом символичности, возводящим частный случай к общим законам человеческого общежития. Ведь рассказ назван «Лапти», а *лапти, красные лапти,* символ детского бреда, здесь символизируют необходимость помочь другому, даже если это связано с риском для жизни.

Бунин, выросший в хуторской усадьбе, знал, как судьба хозяев и судьба крестьян сливалась и в общих праздниках, и в общем горе. Знал Бунин тот «русскій міръ», который издревле отличался соборностью — особенностью, выражающей своеобразие «православного образа мира, православного менталитета» [Есаулов, 1995, с. 6].

Приведенные примеры, как нам представляется, убедительно вписываются в парадигму выделяемых И. А. Ильиным самых основополагающих черт национального характера: «... русский начинает с чувства и сердца, черпает из этого источника все лучшее, отвергая бесчувственное и бессердечное как мертвое и ложное <…> в русской истории милосердие является добродетелью...» [Ильин, 2007, с. 40].

3.2. Творчество Б. К. Зайцева в аспекте представлений И. А. Ильина о национальном характере

В прозе Б. К. Зайцева можно обнаружить много созвучий идеям И. А. Ильина. Здесь покажем это созвучие в аспекте «добродетели *сердца и совести».* Его можно иллюстрировать многими примерами из прозы писателя. В творчестве Б. К. Зайцева есть произведение, превосходно выражающее художественное постижение высших проявлений совершенства — русской святости, — повесть «Сергий Радонежский» (1925). Это большая, самодостаточная тема, уже весьма многомерно освещенная в современном литературоведении. Мы лишь обозначаем повесть как важнейшее, концептуально-значимое в аспекте предлагаемой проблематики произведение. В его ореоле воспринимаются и рассказы, написанные еще на родине.

Обратимся к некоторым из них. Полагаем, показательным в данном аспекте может служить рассказ «Путники» (1916). Его название легло на обложку седьмого тома рассказов писателя, который вобрал в себя произ-

ведения, написанные в 1916—1918 годах, и оказался последним вышедшим в России.

Название и рассказа, и сборника символично и связано с метатемой всего творчества Б. К. Зайцева — темой «путничества», «странничества». В контексте зайцевского миропонимания это означает непрерывный духовный поиск человека на своем жизненном пути. Показательно ведь, что и название главного труда писателя — автобиографической трилогии «Путешествие Глеба» (1937—1953) — содержит в себе мифологему пути. Однако это отдельная крупная тема, и в целом ряде литературоведческих трудов она раскрывалась. Мы же здесь рассмотрим рассказ лишь в аспекте воззрений И. А. Ильина на значимость в национальном характере выделенной им «добродетели *сердца и совести*»: «Сердечная доброта, сострадание, дух самопожертвования и определенное стремление к совершенству играют здесь решающую роль» [Ильин, 2007, с. 41]. О стремлении к совершенству и спектре его проявлений в русской душе философ рассуждает отдельно, и мы коснемся этого вопроса позднее. В рассказе Б. К. Зайцева, как нам представляется, привлечено внимание прежде всего к незаметным для самого человека движениям души, являющимся ни много, ни мало, а именно указанной добродетелью.

Обратим внимание на год создания рассказа — 1916-й. На дворе — мировая война, а писатель упорно обращает внимание читателей на мирную жизнь обычных своих «зайцевских» героев: скромных русских интеллигентов, во многом чеховского склада. Таковы, можно сказать, почти все рассказы этого сборника.

В письме к И. Бунину в 1914 году он писал: «Несмотря на войну, я ухитряюсь и писать еще весьма мирную штуку. Даже так скажу — что отдыхаю на этом от страшных вещей... Все равно, хоть это никому и не нужно сейчас, все же пишешь и о Пушкине читаешь, и его самого читаешь. Вчера читал “Онегина”, и вдруг так показалось чудовищно и бессмысленно, что люди друг с другом делают, когда есть ведь область красоты, поэзии, таких необыкновенно прекрасных вещей...» [Зайцев, 1914].

Речь шла о работе над повестью «Голубая звезда». И это характерно для Зайцева. Долгое время было принято говорить в таких случаях о писателях, что они *уходили* в область вечных тем. Думается как раз, что они эти вечные и такие нужные темы возвращали современности, сознавая их благодатное врачующее воздействие.

Но обратимся непосредственно к рассказу «Путники». В нем три главных героя: Казмин, Ахмаков и Елена. Трое одиноких, несчастных людей, случайно оказавшихся нужными друг другу, и эта реализованная возможность помочь другому оказалась целительна для каждого.

Композиционно рассказ фрагментарен, и это отражает свойственное каждому из героев чувство обособленности от других в этом мире: у Ахмакова это связано с тяжелой болезнью, у Казмина и у Елены — с несложившейся жизнью. Казмин страдает от одиночества в своем имении после отъезда жены, оставившей его и забравшей сына; Елена едет в поезде почти «куда глаза глядят», стремясь избыть свою личную драму.

Поэтика малой прозы Зайцева замечательно наследует чеховский «импрессионистический психологизм» с оттеночной нюансировкой неявных психологических движений души героев. Здесь он тоже проявляется очевидно. Так, Казмин, возвращаясь со своей одинокой прогулки верхом по безлюдным местам в окрестностях имения, после раздумий о своей семейной коллизии неожиданно для себя пришел к всепрощающему выводу: «Все терзания, злоба, муки — напрасны. Если она меня полюбит вновь, как в те годы — то вернется. Все это необыкновенно просто. И нет виновных» [Зайцев, 1999, с. 185]. И далее фиксируется новый, важный оттенок его состояния: «Подъезжал к дому он в новом, его самого удивившем настроении. Он не знал, было ли оно прочно; но сейчас на сердце стало легко, как-то влажно, смутно, точно пожалел его милый ангел — коснулся в безлюдье» [Там же].

Подобная же неявная, но благая душевная метаморфоза происходит с Казминым, когда он получает от Ахмакова, в общем-то далеко не близкого ему человека, телеграмму с просьбой приехать, поскольку тот серьезно болен. Вначале мысль о поездке к нему за несколько сот верст была Казминым отвергнута: «Он заснул с тем, что не поедет. Даст тому телеграмму — и конец» [Там же]. Но «утро снова его удивило... он проснулся с ощущением, что вчера, вечером, случилось что-то отличное, светлое и легкое. «“Страдания гордости, обиды, — думал он, одеваясь, — какая чушь!” Те минуты, верхом, в потемневшем, диком поле, и слезы, встали перед ним с живостью. “Да, конечно, еду, разумеется”. Эта мысль как-то сама вышла, он не звал ее; но колебаний уже не было» [Там же, с. 185—186].

Писатель как бы рисует беглым наброском судьбы людей, в разной степени драматичные. В поезде Казмин встречает Елену, скоро понимает, насколько та одинока, несчастна и близка к отчаянию. Когда Елена, которой было все равно, куда ехать, отправилась с Казминым помогать облегчить, как оказалось, последние дни Ахмакова, это оказалось для нее, как и для Казмина, спасением. Писатель очень органично, психологически-прозрачно показал, что дела милосердия одинаково необходимы и тому, на кого они обращены, и тому, кто его осуществляет.

Заметим: зайцевские герои-интеллигенты здесь показаны несколько далекими от отчетливого пребывания в лоне христианской веры, но вера

эта все же впитана ими с поколениями веровавших предков, поэтому столь органичны в них милосердные движения души, смиренное приятие судьбы в итоге мучительных терзаний, великое терпение.

Ахмаков перед смертью приходит к мысли: «...Слава, счастье... А ответа нет. Страшен мир...». Казмин же ему возражает: «Я думаю, что и прекрасен так же, как и страшен» [Там же, с. 197]. И в одной этой фразе угадывается подлинно зайцевский героя: ведь мы уже знаем, что он несчастен! Но эта вера в добро и красоту, несмотря ни на что, — как особый знак, отличающий его. Да и об Ахмакове Казмин заметит чуть позднее: «Кажется, Ахмаков понимал теперь свою болезнь, в общем — на нее не роптал» [Там же, с. 198].

И еще важная черта «зайцевских героев»: стремление к единению с русской природой, через целесообразность бытия которой они обнаруживают свое родство с миром народного бытия. Так, когда Казмин и Елена на прогулке в имении Ахмакова взошли на пригорок, оба почувствовали, как там хорошо, «покойно». Ахмаков заметил, что это «потому, что тут место простое» [Там же, с. 202]. И пояснил, что так он понимает жизнь крестьянскую: «Их жизнь очень ясна, неопровержима. Все на своем месте, и никуда не сдвинется, — Труд, маленькие заботы, быт. Все это слито в одну прочную картину — слито, если хотите, и с теми далями, с нехитрым пейзажем, со всей нашей нехитрой, простонародной стариной» [Там же, с. 202]. А чуть далее читаем: «Все так же громадна, беззвучна была равнина перед ними, — с лунами, полями, курганами, затерянными в степях, с мужицкими селами, бабами, с древним монастырем, с Доном, видавшим тысячелетия» [Там же, с. 203].

Здесь очевидно проявление тонко переданной Зайцевым такой особенности русского национального характера, как его созерцательность, обусловленная огромностью, красотой и древностью русских пространств, — любимая Ильиным «идея созерцания»: «Источником русской православной веры является *созерцающее сердце»* (курсив наш. — *В. З., И. К.*) [Ильин, 2007, с. 54].

Зайцев представляет своих созерцающих сердцем героев органично «вписанными» в огромный и географически, и исторически, и онтологически ландшафт, который как бы переливает в них свою витальную мощь. В итоге каждый из них открывает для себя свой обновленный жизненный путь. Особенно примечателен он у Елены. Она говорит Казмину: «Мне недавно старушка одна сказала, из простых: “Ты бы, голубушка, к Тихону сходила, к святителю”. Это, значит, к Тихону Задонскому» [Зайцев, 1999, с. 202]. И чуть позднее объясняет принятое решение: «Я пойду к Тихону Задонскому. Полями теми, что вчера мы видели с обрыва. Далекими поля-

ми. Буду с бабами идти. Там помолюсь за себя, за вас, за Алексея Кириллыча и всех христиан. Может быть, помолюсь, поплачу — и больше пойму, что мне делать, как мне жить» [Там же, с. 207].

В зайцевском тексте легко и свободно переплетаются и природа, и потребность слиться с народным простодушием, с его верой, почерпнуть в этом силу для будущего, присутствует и неизбежное христианское милосердие: потребность в молитве за всех. Трудно переоценить значение происшедших со скромной зайцевской героиней перемен.

Казмин решает ехать в Петербург, чтобы быть поближе к жене и сыну: «Он не знал, что ждет его там — поворот к лучшему, горе или отчаяние; но было ясно, что именно так следует поступить. Другого пути нет, *а этот прям, как и всегда бывало в его жизни*» (курсив наш. — *В. З., И. К.*) [Там же, с. 208]. Вот это обозначение пути героя — «прям» — тоже имеет интересную расшифровку в контексте зайцевской философии жизни. На материале многих его рассказов — «Вечерний час», «Актриса», «Изгнание» и др. — можно убедиться, что герои его подвержены различным жизненным испытаниям, душевным сомнениям, подчас мучениям, и все же о каждом из них, как и о Казмине, можно сказать, что путь его «прям»: никогда он не сделает зигзага в сторону зла, безнравственности, см.: [Захарова, 2014]. Поиск зайцевских героев всегда по одну сторону: в русле остающихся нетленными в мятущихся душах вечных постулатов Добра.

Завершим наши размышления обращением к одному из рассказов, написанных уже в эмиграции, удивительным образом углубляющих представление о «зайцевском герое», — как нам представляется, именно в аспекте лучших характеристических черт русского народа, очерченных И. А. Ильиным, — рассказу «Странное путешествие» (1926).

Герой рассказа — «тот самый» Христофоров, которого читатели Зайцева знают по повести «Голубая звезда» (1918). Он, полагаем, являет собой своеобразный «итоговый образ» в галерее зайцевских героев-интеллигентов начала XX века, хотя присущие ему черты оригинально проявятся и в эмигрантских героях писателя, в первую очередь в автобиографическом герое тетралогии «Путешествие Глеба», образе Маркела в романе «Золотой узор» (1926).

Не ставя задачи детального анализа рассказа, выделим лишь концептуально значимые для данного исследования моменты. Действие рассказа происходит в первые послереволюционные годы в Подмосковье. Сюжет его прост и драматичен: Христофоров, два года назад уехавший из Москвы, живший частными уроками, его ученик Ваня и местный хозяйственный мужик Панкрат Ильич отправились в Москву обменять продукты. Путь был неблизкий, с ночевками в деревнях, и опасный: велик был риск

разбойничьих нападений. В итоге такое нападение и случилось. В критический момент Христофоров заслоняет собой Ваню, получив смертельное ранение.

С самого начала, буквально с первых строк вводится в текст звучание мотива тревоги, некоего предварения развязки: «В сыром мартовском дне дымно синели леса над Окой. Сзади остались сады, купола города ... Вдалеке *монастырь глянул прощально*» (курсив наш. — *В. З., И. К.)* [Там же, с. 404;].

Читатель Зайцева знает, что Христофоров — это образ, являющий для автора некий образец скромного русского интеллигента, тонко чувствующего живые токи земной жизни, одухотворенную связь с Божественным началом бытия. Поэтически возвышенно его тяготение к Небу, к любимой звезде Веге.

В этом рассказе Христофоров — учитель. К нему привязан его ученик Ваня, с большим пиететом относящийся к нему. При этом Христофоров замечает: «Ему восемнадцать лет, мне за сорок, и я его учитель, но он смотрит на меня, как на ребенка» [Там же, с. 406]. Здесь подчеркивается присущая герою Зайцева определенная незащищенность перед обстоятельствами, заметная его ученику.

Христофоров показан по-прежнему верным тому, что было для него важней всего. На одной из остановок в пути Алексей Иванович идет в церковь на воскресную службу. Эпизод этот очень поэтичен, герой Зайцева проникновенно воспринимает службу: «Иногда набегала слеза, и тогда золотой свет свечей дробился, роился сияющим ореолом. Да, вот, все по лицу Руси так же стоят сейчас перед Господом, и так же поет хор, и просиявший голубой столб так же возносится от солнечного пятна на амвоне в высоту купола, где летит таинственно-сладчайший Голубь» [Там же, с. 410].

Верно замечено Н. И. Пак, что в этом рассказе писателя, как в других пореволюционной поры, «образы храма и света несут важнейшую идейно-художественную нагрузку, определяя и стилевое своеобразие произведений», что теперь для писателя «свет живоносный неотделим от Бога и потому его герои ощущают легкость, тепло, радость света только в храме» [Пак, 2003, с. 70].

И, конечно, этот свет в их душах и обусловливает их внутреннюю способность к подвижничеству. Герой Зайцева в его несовременности, «неподходящий», как он сам считает, новым временам, оказывается способен в страшную минуту поступить самоотверженно, пытаясь защитить своего ученика, спасти от гибели.

Полагаем, даже по приведенным выше избранным примерам из творчества Б. К. Зайцева пореволюционной эпохи можно убедиться, насколько

было близко его мировосприятие представлениям И. А. Ильина, о которых шла речь.

3.3. Типологическая общность воззрений И. А. Ильина и творчества В. А. Никифорова-Волгина

Василию Акимовичу Никифорову-Волгину также были духовно близки взгляды философа И. А. Ильина на такие сущностные черты характера русского народа, как доброта сердца, потребность сострадать и жертвовать собой во благо других, стремление к совершенству, духовный оптимизм. Никифоров-Волгин, мастер малой прозы, создавал удивительной красоты и точности портрет русского народа, мастерски описывал русский характер и подмечал нравственные доминанты русского человека.

В. А. Никифоров-Волгин родился 24 декабря 1900 года в деревне Маркуши Тверской губернии, в волжских землях (отсюда и псевдоним — Волгин). Вскоре он с семьей переехал в Эстляндскую губернию, которая в 1918 году приобрела независимость от России и вошла в состав Эстонии: так В. А. Никифоров-Волгин стал русским эмигрантом. В 1920-х годах писатель занимается просветительской деятельностью, с 1921 года печатается в таллинских газетах. До конца жизни главной задачей он будет считать просвещение народа и воспевание традиционных ценностей и Руси первоначальной. Потому, должно быть, в прозе писателя возникают два противоположных образа: святой Руси и России разбойничьей. А. М. Любомудров справедливо отмечает: «Две России постоянно присутствуют в художественном мире Волгина: разбойная, вбивающая гвозди в Богородичную икону, — и монашеская, молитвенная» [Любомудров, 2021, с. 33].

В связи с приходом в Эстонию советской власти Никифоров-Волгин перестает писать. 14 декабря 1941 года писателя Волгина расстреляли. Он был реабилитирован лишь в 1991 году. После реабилитации его творчество стало известным широкому кругу читателей благодаря всеобщему интересу к литературе Русского Зарубежья.

В два последних десятилетия возрос научный интерес к творчеству Василия Акимовича Никифорова-Волгина. Многие исследователи, в том числе С. Бойко, Т. В. Бервенко, Н. Видмарович, Ю. Н. Золотых, С. Исаков, И. А. Казанцева, Н. В. Летаева, Е. А. Осьминина, анализируют поэтику рассказов Никифорова-Волгина [Бойко, 2007; Бервененко, 2015; Видмарович, 2013; Золотых, 2014; Исаков, 1992; Казанцева, 2010; Летаева, 2016; Осьминина, 2016]. А. М. Любомудров в многочисленных работах, посвященных В. А. Никифорову-Волгину, определяет тип его художественного сознания как «духовный реализм» (впервые определение «духовный роман» было применено И. С. Шмелевым в переписке с И. А. Ильиным) и рассматривает

образ волгинской России через призму христианского мировоззрения [Любомудров, 2003; Любомудров, 2021; Любомудров, 2022]. А. С. Конюхова в диссертации «Творчество В. А. Никифорова-Волгина: поэтика сюжета и типология героев» определяет характерные для писателя типы сюжетов, среди которых рождественский, пасхальный и эсхатологический; пишет о появлении новых героев («благоразумный разбойник», герой-странник, герой-хранитель) [Конюхова, 2021]. Ю. Лапко в своей диссертации изучает феномен наставничества в прозе В. А. Никифорова-Волгина [Лапко, 2009]. И. А. Казанцева в статье «Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина» исследует особенности художественного сознания В. А. Никифорова-Волгина [Казанцева, 2010]. С. С. Бойко отмечает, что в работах В. А. Никифорова-Волгина появился новый тип героя, раннее не появлявшийся в прозе Русского Зарубежья — покаявшийся красноармеец [Бойко, 2007]. Е. Л. Сузрюкова рассматривает «детские» циклы писателя («Художественное пространство в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина “Детство”» (2017), «Колокольный звон в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина “Детство”» (2017), «Символическое значение образов яблок и яблони в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина “Детство”» (2016) и др.) [Сузрюкова, 2017; Сузрюкова, 2016]. Таким образом, исследовательская база о писателе В. А. Никифорове-Волгине существует, но полновесное научное осмысление наследия писателя еще предстоит осуществить общими усилиями литературоведов.

Обратимся к произведениям малой прозы писателя, в которых отразились события революционной и послереволюционной поры, периода тяжелейших испытаний для русского народа, когда разрушались тысячелетние национальные духовные основы. Выделим те из них, в которых явственно обнаруживается созвучие идеям И. А. Ильина, высказанным в работе «Сущность и своеобразие русской культуры» и идейно близкой ей «Книге тихих созерцаний». И. А. Ильин выделяет особый дар русского человека — дар молитвы, дар духовного вопрошания и благодарения. Это свойственно русским праведникам и богомольцам. Молитва — та культурно-религиозная составляющая, без которой невозможно постижение русского характера. И. А. Ильин отмечает, что «…настоящая молитва требует всего человека и захватывает его целиком. Она может излиться и в связных словах, но она может и не найти их, и молящийся будет вместе с Андреем Юродивым лишь восклицать в слезах…» [Ильин, 2019, с. 158]. В рассказе Никифорова-Волгина «Молитва» мы становимся свидетелями молитвы сельского священника, отца Анатолия. В самом начале мы узнаем, что «научники и грамотеи считают его горе-священником», потому что

образование у него скудное и проповеди «нескладные, как мужицкая речь» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 544]. Другие же, «полюбившие его», отмечают, что молитва его — «чудотворная». Образ отца Анатолия мы воспринимаем через полярные взгляды знавших его людей. Рассказ «Молитва» написан от первого лица. В конце мы узнаем имя рассказчика — «раб Божий Василий»; здесь содержится аллюзия на самого автора, тоже Василия, благодаря чему усиливается значимость образа персонажа.

Работа, которая совершается в душе священника перед молитвой, буквально отражается на его лице: «…по его грубому крестьянскому лицу прошла судорога и между густыми бровями залегло раздумье» [Там же, с. 407]. Свою молитву он произносит простыми словами, сбиваясь и порой забывая имена людей из своей паствы. Такая молитва священника — высокий образец веры детской, искренней. «Сердечным жаром» называет такую молитву И. А. Ильин [Ильин, 2019, с. 160]. Здесь явлено евангельское представление о вере, выраженное в известных словах Иисуса Христа: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Мф. 18:3]. Подобное постижение Бога, далекое от теологической строгости, представляется нам светлым и естественным. Такое «…единое, сердцем насыщенное слово будет весить более, чем множество душевно-полупустых слов» [Ильин, 2019, с. 159]. Доброта, простота, сострадание, детская наивность — вот те качества, которые становятся характерообразующими для отца Анатолия, в частности, и для простого русского человека вообще. «Так молиться может только Боговидец», отмечает рассказчик, и в этом, конечно, уже совершенно осязаемая сила молитвы простого деревенского священника [Никифоров-Волгин, 2018, с. 547]. А. М. Любомудров, рассуждая об этом рассказе, отмечал новаторство В. А. Никифорова-Волгина в изображении молящегося человека: «Ничего подобного отечественная классика до Волгина не знала, “молитвы” в русской поэзии и прозе создавались большей частью как литературные тексты» [Любомудров, 2022, с. 231].

Стремление к созерцанию, как отмечает И. А. Ильин, есть особая черта души русского человека. Такая душа «...заслуживает живой симпатии и способна ответить на нее самым сердечным образом. Будучи душой свободного чувства и свободного созерцания, она как бы рождена для христианства, и её последним собственным прибежищем являются тем самым вера и религия» [Ильин, 2007, с. 50].

Образы человека с подобной, совершенно русской душой мы часто встречаем на страницах книги Никифорова-Волгина. Один из таких образов — Максим Каменев, герой одноименного рассказа. Каменев — образ сложный, мечущийся, ищущий ответы на «проклятые вопросы».

Никифорову-Волгину удивительно точно удалось передать характер такого человека. Он чудак, почти юродивый, пытающийся сокрыть собственные добродетели за наносной грубостью и разгулом. Благодетель, «от своих жильцов он никогда не требовал квартирной платы, но зато должны они были подчиняться причудам его и называть “Вашим Степенством”» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 297]. В порывах непонятных, темных метаний Максим Каменев находит утешение в вине, и тогда вся душевная тоска обрушивается на читателя: «Хозяин напивался больше всех. Он обнимался со своими жильцами, плакал у них на груди, называл их святой голытьбою и вопил медным своим голосом: — Пожалейте меня, православные христиане» [Там же, с. 298]. А. М. Любомудров отмечал, что в книгах Никифорова-Волгина «...живет глубоко христианская вера в возможность спасения любого человека — через глубинное преображение души, искреннее покаяние» [Любомудров, 2022, с. 235]. Нельзя не согласиться с исследователем. Двойственность, свойственную русской душе, выявляет в характере Каменева Никифоров-Волгин: то герой желает стать разбойником, то зовет свою челядь строить монастырь, то кается в грехах. Перед смертью чудак Каменев совершает по-настоящему самоотверженный христианский поступок: завещает все свое имущество жильцам-неплательщикам.

И. А. Ильин, рассуждая о свойствах характера русского человека, особенно отмечал, как было сказано выше, созерцательность, доброту сердца и всегда следующий за ними духовно верный оптимизм. Философ отмечал такие его черты: «Настоящий оптимист видит современный ему ход истории, созерцает его сущность и смысл в плане Божием и черпает силу из бесконечного источника воли, преданной Богу и Богом ведомой» [Ильин, 2019, с. 296]. Такого рода оптимизм мы встречаем у героя рассказа «Сумерки» Григория Семеновича. Никифоров-Волгин создает образ старика, не принимающего и осуждающего изменения, возникшие в ходе революции. Ко всему новому, отличному от привычного, герой относится строго отрицательно. Особенно печалят Григория Семеновича изменения в церковном укладе: «Жизнь Григория Семеновича не радовала. Все изменилось к худшему. Даже в церкви — тысячелетнем доме Господнем, где все должно быть незыблемо и крепко, — он находил большие перемены» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 271]. Читатель сочувствует герою, груз новой жизни стал ему не под силу, некому его утешить. Перемены подмечает герой и в будничной жизни: поведение людей вокруг, а главное, поведение дочери, Насти, изменилось в худшую сторону. Григорий Семенович, думая о дочери, отмечает: «Не стало девушек с опущенными ресницами, длинными косами, тихими, светлыми взорами» [Там же, с. 271].

Печальные думы о насущном все же подводят героя к мыслям светлым, составляющим суть созерцательного мировосприятия: «За окнами плыл звенящий июльский вечер. Григорий Семенович прислушался к нему и подумал: такой же синий вечер был в его детстве <…> таким же он будет до последнего дыхания земли...» [Там же, с. 277]. Наконец, духовно верным оптимизмом окрашиваются мысли героя: «Вечер остался неизменным, как и прежде, и радовало это Григория Семеновича горькой радостью» [Там же, с. 277]. Стоит подчеркнуть, что созерцательность героев Никифорова-Волгина глубинно связана с христианским мироощущением взаимосвязи земного и Небесного во всеобщем бытии человека и природы.

Духовный оптимизм и созерцательность свойственны еще одному волгинскому герою — деревенскому священнику, отцу Афанасию, герою повести «Дорожный посох». Его не повергают в уныние ни безбожие, царящие вокруг, ни болезнь, ни тяжкие дни в тюремной камере. В преступных душах заключенных, во мраке тюрьмы и издевательских пытках находит он Бога. Окружающий мир и природу он созерцает своим тихим взором: «Я сижу на солнышке и листаю псалмы Давида. На моё плечо и на страницы книги падают лепестки яблонь. И так кстати открылись мне слова псалмопевца о солнце…» [Там же, с. 622]. Все здесь взаимосвязано, гармония души созвучна гармонии в природе. Каждая веточка, каждая паутинка, каждая травинка в восприятия отца Афанасия — Божье творение, благостное подтверждение Божественного участия в жизни человека. Потому отец Афанасий замечает те вещи, что порой скрыты от обыденного взгляда. В полях он видит паутину, пряжу Богородицы, которой «вся трава перевита серебцой, словно морозная» [Там же, с. 664]. Насыщенные и цветом, и запахом, и звуком пейзажи часто появляются на страницах повести. Осенний пейзаж выглядит так: «Земля пахла морозом, но снега еще не было. От вечернего и морозного зарева небо и земля казались медными. И тишина была…» [Там же, с. 665]. В умиротворяющее настроение погружают читателя волгинские пейзажи.

Описанные нами герои В. А. Никифорова-Волгина тихо созерцают мир вокруг, как отец Афанасий и отец Анатолий. Мечутся в поисках Божьей правды, как Максим Каменев, и едва не впадают в уныние, как Григорий Семенович. Волгинских героев объединяет одно — потребность в Боге и невыразимое желание быть причастным к Его миру.

По приведенным нами немногим рассказам из обширного творчества В. А. Никифорова-Волгина можно заключить, насколько родственным было его мировосприятие философским представлениям И. А. Ильина о своеобразии национального характера русского народа.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги проведенного исследования, заметим следующее. Решение задачи выявления соотнесенности идей русской религиозно-философской мысли и отечественной литературы, полагаем, помогает глубже высветить аксиологические составляющие национального самосознания.

На конкретных примерах в данной работе выявлено созвучие идей И. А. Ильина и писателей русского Зарубежья первой волны в глубоком осмыслении добродетели *сердца и совести, стремления к совершенству.* Рассмотренные художественные тексты демонстрируют многогранную картину подобного осмысления.

Так, у И. А. Бунина проникновенно раскрыта идея милосердия, соборности русской дореволюционной жизни на драматических примерах из частной жизни людей разных сословий, что напоминает читателю о лучших традициях «русского міра». Б. К. Зайцев тонко раскрывает лучшие качества в образах скромных русских интеллигентов, оказывающихся способными на милосердные поступки, а в эпоху лихолетья и на самопожертвование во имя ближнего. В. А. Никифоров-Волгин в массе очень скромных по объему рассказов сумел в сдержанной эмоциональной палитре показать пульсирование лучших добросердечных качеств в народном характере в обстановке страшных революционных потрясений в наступившую безбожную эпоху.

Полагаем, проведенное исследование способствует обнаружению в русской литературе благодаря соотнесенности ее идей с идеями русской философии типологических звеньев, не замеченных ранее, что позволяет в более укрупненных масштабах представлять себе пути развития национального художественного сознания, более полновесно осмыслить целостность отечественного литературного процесса, обусловленную «живой жизнью» тысячелетних духовных традиций.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Бервененко Т. В.* Святость и греховность русского человека как выражение антиномичности героев В. А. Никифорова-Волгина / Т. В. Бервененко, Ю. Н. Золотых // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. — Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2015. — С. 17—25.

2. *Бойко С. С.* В. Никифоров-Волгин — русский писатель из эстонской Нарвы / С. С. Бойко // Вопросы литературы. — 2017. — № 2. — С. 246—261.

3. *Бунин И. А.* Жизнь Арсеньева / И. А. Бунин // Собр. Соч. : в 4-х т. — Москва : Правда, 1988. — Т. 3. — С. 265—537.

4. *Бунин И. А.* Лапти / И. А. Бунин. Собр. соч. : в 4-х т. — Москва : Правда, 1988. — Т. 3. — С. 85—87.

5. *Бунин И. А.* Птицы Небесные / И. А. Бунин // Собр. соч. : в 4 т. — Москва : Правда, 1988. — Т. 1. — С. 453—460.

6. *Видмарович Н. П.* Образ пасхального пространства в рассказах В. Никифорова-Волгина и А. Солженицына : к проблеме трансформации / Н. Видмарович // Духовная традиция в русской литературе : сборник научных статей. — Ижевск : Издательство «Удмуртский университет», 2013. — С. 321—340.

7. *Дунаев М. М.* Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках / М. М. Дунаев. — Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. — 1056 с. — ISBN 5-94625-023-X.

8. *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе : монография / И. А. Есаулов. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского университета, 1995. — 288 с. — ISBN 5-230-09032-4.

9. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности : монография / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 559 с. — ISBN 5-7396-0073-1.

10. *Зайцев Б. К.* Письмо И. А. Бунину от 9 октября 1914 г. / Б. К. Зайцев. — РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 289.

11. *Зайцев Б. К.* Путники / Б. К. Зайцев // Собр. соч. : в 5 т. Улица святого Николая : Повести. Рассказы. — Москва : Русская книга, 1999. — Т. 2. — С. 178—209. — ISBN 5-268-00402-6.

12. *Зайцев Б. К.* Странное путешествие / Б. К. Зайцев // Собр. соч. : в 5 т. Улица святого Николая : Повести. Рассказы. — Москва : Русская книга, 1999. — Т. 2. — С. 404—425. — ISBN 5-224-03715-8.

13. *Захаров В. Н.* Проблемы исторической поэтики : Этнологические аспекты / В. Н. Захаров. — Москва : Индрик, 2012. — 264 с. — ISBN 978-5-91674-232-9.

14. *Захарова В. Т.* Поэтика прозы Б. К. Зайцева : монография / В. Т. Захарова. — Нижний Новгород : НГПУ им. К. Минина, 2014. — 167 с. — ISBN 978-5-85219-379-7.

15. *Захарова В. Т.* Русская литература в контексте отечественной религиозно-философской мысли (Серебряный век и русское Зарубежье) : монография / В. Т. Захарова. — Нижний Новгород : Мининский университет, 2023. — 116 с. — ISBN 978-5-85219-287-5.

16. *Золотых Ю. Н.* Феномен христианского юмора в творчестве В. А. Никифорова-Волгина / Ю. Н. Золотых // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — С. 5—7.

17. *Ильин И. А.* Поющее сердце. Книга тихих созерцаний / И. А. Ильин. — Изд. 11-е. — Москва : ДАРЪ, 2019. — 320 с. — ISBN 978-5-485-00181-0.

18. *Ильин И. А.* Сущность и своеобразие русской культуры / И. А. Ильин. — Москва : Русская книга — XXI век, 2007. — С. 15—435. — ISBN 978-5-91123-017-3.

19. *Ильин И. А.* Творчество И. А. Бунина / И. А. Ильин // О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев. — Мюнхен, 1959. — С. 28—77.

20. *Исаков С.* О В. А. Никифорове-Волгине / С. Исаков. — Москва : Русская книга, 1992. — Введение. — С. 5—8.

21. *Казанцева И. А.* Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина / И. А. Казанцева // Вестник ВятГУ. — 2010. — № 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-sakralnogo-prostranstva-v-proizvedeniyah-v-a-nikiforova-volgina-i-v-n-krupina (дата обращения 28.03.2023).

22. *Конюхова А. С.* Творчество В. А. Никифорова-Волгина : поэтика сюжета и типология героев : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. С. Конюхова. — Воронеж, 2021. — 201 с.

23. *Кошемчук Т. А.* Русская литература в православном контексте / Т. А. Кошемчук. — Санкт-Петербург : Наука, 2009. — 278 с. — ISBN 978-5-02-025571-5.

24. *Лапко О.* Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. Лапко. — Москва, 2009. — 18 с.

25. *Летаева Н. В.* Русский мир в прозе В. А. Никифорова-Волгина / Н. В. Летаева // Славянский сборник : материалы 12-х Всероссийских (с международным участием) Славянских чтений «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия». — Орел : Издательство Орловского государственного института культуры, 2016. — С. 77—82.

26. *Лисица Ю. Т.* Дар сердечного созерцания / Ю. Т. Лисица // Иван Ильин. Огни жизни. — Москва : Русская книга — XXI век, 2007. — С. 5—17. — ISBN 5-268-01393-9.

27. *Любомудров А. М.* Голгофская страна : художественная историософия России в поэзии и прозе русского зарубежья / А. М. Любомудров // Русско-Византийский вестник. — 2021. — № 4 (7). — С. 25—40. — DOI: 10.47132/2588-0276_2021_4_25.

28. *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев : монография / А. М. Любомудров. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 272 с. — ISBN 5-86007-377-1.

29. *Любомудров А. М.* Лики России в творчестве Василия Волгина / А. М. Любомудров // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья : проблемы преемственности («V Смирновские чтения») : материалы V Международной научной конференции (МГОУ, 10 февраля 2022 г.). — Москва : МГОУ, 2022. — С. 229—235. — ISBN 978-5-7017-3355-6.

30. *Никифоров-Волгин В. А.* Светлая Заутреня : Сборник прозы / Василий Никифоров-Волгин ; вступ. ст. А. М. Любомудрова ; худож. С. Губин. — Москва : Сибирская Благозвонница, 2018. — 717 с. — ISBN 978-5-906911-76-6.

31. *Ничипоров И. Б.* Русская литература и Православие : пути диалога / И. Б. Ничипоров. — Москва : Синопсисъ, 2019. — 287 с. — ISBN 978-5-9946-0307-9.

32. *Осьминина Е. А.* Церковнославянизмы в автобиографических циклах В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Русская речь. — 2016. — № 2. — С. 26—31.

33. *Пак Н. И.* Древнеруская культура в художественном мире Б. К. Зайцева / Н. И. Пак. — Калуга : Изд-во Калужского гос. пед. университета им. К. Э. Циолковского, 2003. — 178 с. — ISBN 5-88725-098-4.

34. *Подмарев Е. А.* Религиозно-философские аспекты литературной критики И. А. Ильина : творчество И. А. Бунина, А. М. Ремизова, И. С. Шмелева : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Подмарев. — Нижний Новгород, 2011. — 18 с.

35. *Шешунова С. В.* Национальный образ мира в русской литературе (П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын) : диссертация … доктора филологических наук : 10.01.01 / С. В. Шешунова. — Петрозаводск, 2006. — 368 с.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023,
одобрена после рецензирования 13.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

References

Bervenenko, T. V., Zolotykh, Yu. N. (2015). The sanctity and sinfulness of the Russian man as an expression of the antinomy of the heroes of V. A. Nikiforov-Volgin. In: *Slavic writing and culture as a factor of unity of the peoples of Russia: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference.* Vladikavkaz: Publishing House of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. 17—25. (In Russ.).

Boyko, S. S. (2017). V. Nikiforov-Volgin — Russian writer from Estonian Narva. *Questions of literature, 2:* 246—261. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1988). Arsenyev's Life. In: *Sobr. Soch.: in 4 volumes, 3.* Moscow: Pravda. 265—537. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1988). Birds of Heaven. In: *Collected Works: in 4 volumes, 1.* Moscow: Pravda. 453—460. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1988). Lapti. In: *Collected works: in 4 volumes, 3.* Moscow: Pravda. 85—87. (In Russ.).

Dunaev, M. M. (2002). *Faith in the Crucible of Doubt: Orthodoxy and Russian Literature in the XVII—XX centuries.* Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church. 1056 p. ISBN 5-94625-023-X. (In Russ.).

Esaulov, I. A. (2004). *Paschality of Russian literature: monograph.* Moscow: Krug. 559 p. ISBN 5-7396-0073-1. (In Russ.).

Ilyin, I. A. (1959). Creativity of I. A. Bunin. In: *About darkness and enlightenment. A book of art criticism. Bunin — Remizov — Shmelev.* Munich. 28—77. (In Russ.).

Ilyin, I. A. (2007). The essence and originality of Russian culture. Moscow: Russian Book — XXI Century. 15—435. ISBN 978-5-91123-017-3. (In Russ.).

Ilyin, I. A. (2019). *The singing heart. The Book of Quiet Contemplations. Ed. 11th.* Moscow: DAR. 320 p. ISBN 978-5-485-00181-0. (In Russ.).

Isakov, S. (19920. *About V. A. Nikiforov-Volgin.* Moscow: Russian Book — Introduction. 5—8. (In Russ.).

Kazantseva, I. A. (2010). Reflection of sacred space in the works of V. A. Nikiforov-Volgin and V. N. Krupin. *Bulletin of VyatGU, 2.* Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-sakralnogo-prostranstva-v-proizvedeniyah-v-a-nikiforova-volgina-i-v-n-krupina (accessed 28.03.2023). (In Russ.).

Konyukhova, A. S. (2021). *Creativity of V. A. Nikiforov-Volgin: poetics of the plot and typology of heroes.* PhD Diss. Voronezh. 201 p. (In Russ.).

Koshemchuk, T. A. (2009). *Russian literature in the Orthodox context.* Saint Petersburg: Nauka. 278 p. ISBN 978-5-02-025571-5. (In Russ.).

Lapko, O. (2009). *Artistic embodiment of mentoring in Russian prose of the 1920s—1930s.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Letaeva, N. V. (2016). World in prose by V. A. Nikiforov-Volgin. In: *Slavic collection: materials of the 12th All-Russian (with international participation) Slavic readings "Spiritual values and moral experience of Russian civilization in the context of the third millennium".* Orel: Publishing House of the Orel State Institute of Culture. 77—82. (In Russ.).

Lisitsa, Yu. T. (2007). The gift of heartfelt contemplation. In: *Ivan Ilyin. Lights of life.* Moscow: Russian Book — XXI Century. 5—17. ISBN 5-268-01393-9. (In Russ.).

Lyubomudrov, A. M. (2022). Faces of Russia in the works of Vasily Volgin. In: *Verbal art of the Silver Age and Russian Abroad: problems of continuity ("V Smirnov Readings"): materials of the V International Scientific Conference (Moscow State University, February 10, 2022).* Moscow: Moscow State University. 229—235. ISBN 978-5-7017-3355-6. (In Russ.).

Lyubomudrov, A. M. (2021). Golgotha country: Artistic historiosophy of Russia in poetry and prose of the Russian abroad. *Russo-Byzantine Bulletin, 4 (7):* 25—40. DOI: 10.47132/2588-0276_2021_4_25. (In Russ.).

Lyubomudrov, A. M. (2003). *Spiritual realism in the literature of the Russian abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev: monograph.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 272 p. ISBN 5-86007-377-1. (In Russ.).

Nichiporov, I. B. (2019). *Russian literature and Orthodoxy: ways of dialogue.* Moscow: Synopsis. 287 p. ISBN 978-5-9946-0307-9. (In Russ.).

Nikiforov-Volgin, V. A. (2018). *Light Matins: A Collection of prose.* Moscow: Siberian Blagozvonnitsa. 717 p. ISBN 978-5-906911-76-6. (In Russ.).

Osminina, E. A. (2016). Church Slavonic in the autobiographical cycles of V. A. Nikiforov-Volgin. *Russian Speech, 2:* 26—31. (In Russ.).

Pak, N. I. (20030. *Ancient Russian culture in the artistic world of B. K. Zaitsev.* Kaluga: Publishing House of the Kaluga State Pedagogical University. K. E. Tsiolkovsky University. 178 p. ISBN 5-88725-098-4. (In Russ.).

Podmarev, E. A. (2011). *Religious and philosophical aspects of literary criticism I. A. Ilyin: creativity of I. A. Bunin, A. M. Remizov, I. S. Shmelev.* Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 18 p. (In Russ.).

Sheshunova, S. V. (2006). *The national image of the world in Russian literature (P. I. Melnikov-Pechersky, I. S. Shmelev, A. I. Solzhenitsyn).* Doct. Diss. Petrozavodsk. 368 p. (In Russ.).

Vidmarovich, N. P. (2013). The image of the Easter space in the stories of V. Nikiforov-Volgin and A. Solzhenitsyn: on the problem of transformation. In: *Spiritual tradition in Russian literature: a collection of scientific articles.* Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 321—340. (In Russ.).

Yesaulov, I. A. (1995). *Category of conciliarity in Russian literature: monograph.* Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publishing House. 288 p. ISBN 5-230-09032-4. (In Russ.).

Zaitsev, B. K. Letter to I. A. Bunin dated October 9, 1914. *RGALI. F. 2567. Op. 2. Ed. hr. 289.* (In Russ.).

Zaitsev, B. K. (1999). Strange journey. In: *Collected works: in 5 vols. St. Nicholas Street: Stories. Stories, 2.* Moscow: Russian Book. 404—425. ISBN 5-224-03715-8. (In Russ.).

Zaitsev, B. K. (1999). Travelers. In: *Collected works: in 5 vols. St. Nicholas Street: Stories. Stories, 2.* Moscow: Russian Book. 178—209. ISBN 5-268-00402-6. (In Russ.).

Zakharov, V. N. (2012). *Problems of Historical Poetics: Ethnological aspects.* Moscow: Indrik. 264 p. ISBN 978-5-91674-232-9. (In Russ.).

Zakharova, V. T. (2023). *Russian Literature in the Context of Russian Religious and Philosophical Thought (Silver Age and Russian Abroad): monograph.* Nizhny Novgorod: Mininsky University. 116 p. ISBN 978-5-85219-287-5. (In Russ.).

Zakharova, V. T. (2014). The poetics of B. K. Zaitsev's prose: a monograph. In*: Russian Literature in the Context of Russian Religious and Philosophical Thought (Silver Age and Russian Abroad): monograph.* Nizhny Novgorod: K. Minin National State Pedagogical University. 167 p. ISBN 978-5-85219-379-7. (In Russ.).

Zolotykh, Yu. N. (2014). The phenomenon of Christian humor in the works of V. A. Nikiforov-Volgin. *Modern problems of science and education, 5:* 5—7. (In Russ.).

The article was submitted 04.05.2023;
approved after reviewing 13.06.2023;
accepted for publication 22.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Киселева И. А. Кавказский мир в контексте размышлений М. Ю. Лермонтова о человеке и судьбах истории / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 294—309. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309.

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2023). Caucasus in Context: M. Yu. Lermontov's Reflections on Man and Fate of History. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 294-309. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309

Кавказский мир в контексте размышлений М. Ю. Лермонтова о человеке и судьбах истории

Киселева Ирина Александровна
orcid.org/ 0000-0002-9629-0035
доктор филологических наук,
профессор, кафедра русской
классической литературы
ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна *
orcid.org/0000-0001-3790-6183
кандидат филологических наук,
доцент кафедра русской
классической литературы
**** корреспондирующий автор***
kseniaslovo@yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
проект № 22-28-00025

Caucasus in Context: M. Yu. Lermontov's Reflections on Man and Fate of History

Irina A. Kiseleva
orcid.org/0000-0002-9629-0035
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Classical Literature
ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova *
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
Classical Literature
**** Corresponding author***
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-00025

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляется специфика лермонтовского видения и изображения кавказского мира. Проводится реконструкция историософии Лермонтова в контексте событий Кавказской войны. Раскрываются ценностные доминанты кавказского мира в художественном наследии Лермонтова. Показана культурно-историческая обусловленность образной системы и идей поэта. Предметом внимания становится то, как Лермонтов раскрывает явленное в повседневности бытие горцев, в образах которых Лермонтов видит естественного человека как в его привлекательности, так и в порочащих страстях. Изображая кавказский мир в его природной и культурной уникальности, поэт акцентирует близкие его менталитету элементы жизни горцев, отмечает сближения русского и кавказского миров. Воспроизводя культурные традиции народов Северного Кавказа, поэт размышляет о взаимодействии в их укладе родоплеменных отношений, элементов индивидуализма, а также исламской культурной традиции. Гипотеза исследования связана с выявлением динамики в изображении Лермонтовым значения мусульманства в жизни народов Северного Кавказа. Если в ранних кавказских поэмах ислам предстает как внешний атрибут жизни горцев, который мало определяет их сознание, сливаясь с родоплеменной традицией, то в позднем творчестве поэта намечаются выходы к пониманию ислама в его культурно-политической функции, которая при самостоятельности решений горцев может способствовать продуктивному государственному взаимодействию русских с коренными народами Кавказа.

Ключевые слова:
Михаил Лермонтов; историософия; «восточный вопрос»; Россия; Кавказ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the specificity of Lermontov's vision and depiction of the Caucasus world. It reconstructs Lermontov's philosophy of history in the context of the Caucasian War. The study reveals the cultural and historical conditioning of the poet's imagery and ideas, and the dominant values of the Caucasian world in his artistic heritage. The article focuses on how Lermontov portrays the everyday existence of the highlanders, whose images he sees as representing the natural man in both his attractiveness and his corrupt passions. By depicting the Caucasus world in its natural and cultural uniqueness, Lermontov highlights elements of the highlander's mentality that are close to his own, and notes the convergence of Russian and Caucasian cultures. Reproducing the cultural traditions of the peoples of the North Caucasus, the poet reflects on the interaction between their clan relationships, individualistic elements, and Islamic cultural traditions. The hypothesis of the study is related to the dynamics of Lermontov's depiction of the significance of Islam in the life of the peoples of the North Caucasus. In his early Caucasian poems, Islam appears as an external attribute of highlander life that has little impact on their consciousness, merging with their clan tradition. In his later works, however, Lermontov begins to understand Islam in its cultural and political function, which, when combined with highlander independence, can contribute to productive state interaction between Russians and the indigenous peoples of the Caucasus.

Key words:
Lermontov; historiosophy; "Eastern question"; Russia; Caucasus.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Лермонтов.07

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Кавказский мир в контексте размышлений М. Ю. Лермонтова о человеке и судьбах истории

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2023

1. Введение = Introduction

О глубине и точности изображения Лермонтовым кавказского мира говорил уже лично знавший поэта Ф. Боденштедт, переводчик, автор исследований о Кавказе: «Пусть назовут мне хоть одно из множества толстых географических, исторических и других сочинений о Кавказе, из которого можно бы живее и вернее познакомиться с необычайной природой этих гор и бытом их населения, чем из какой-нибудь кавказской поэмы Лермонтова» [Боденштедт, 1989, с. 369]. Мир горцев Северного Кавказа в художественном мире Лермонтова практически всегда предстает на фоне событий Кавказской войны, хотя основной конфликт произведений, как правило, определяется не столько событиями войны как таковой, сколько вечными противоречиями человеческой натуры. События Кавказской войны для Лермонтова — это, с одной стороны, естественное в своей противоречивости наступление цивилизации на мир природы, с другой — защита государственных интересов своей страны, с третьей — кровопролития, которые он как участник сражений не может не осмысливать. Целью исследования стало выявление специфики лермонтовского видения и изображения кавказского мира, реконструкция историософии Лермонтова в контексте событий Кавказской войны. Проблема динамики изображения Лермонтовым значения мусульманства в жизни народов Северного Кавказа еще не становилась предметом целостного научного исследования, но отдельные ее аспекты уже были затронуты в отечественном литературоведении и, в частности, в наших статьях, связанных с выявлением имперских мотивов в кавказском тексте Лермонтова [Киселева и др., 2022а; Киселева и др., 2022б]. В значимый круг проблематики кавказского текста Лермонтова входит и тема встречи кавказского и русского миров, притом эта встреча может быть как созвучной, так и полярной — поэт может искать в кавказском мире что-то близкое русской ментальности и потому глубоко личное, а может и акцентировать принципиальное различие в русской и кавказской картинах мира. В настоящей статье с опорой на культурно-исторический и аксиологический методы анализа художественного произведения пред-

лагается выявить ценностные доминанты кавказского мира в художественном наследии Лермонтова, представить культурно-историческую обусловленность образной системы и самих идей поэта.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Непосредственно с изображением обычаев и нравов народов Северного Кавказа связано семь ранних поэм Лермонтова: «Черкесы» (1828), «Кавказский пленник» (1828), «Каллы» (1830—1831), «Измаил-Бей» (1832), «Аул Бастунджи» (1832), «Хаджи Абрек» (1833), трагическая поэма «Беглец» (1838). Отдельные зарисовки можно наблюдать в поэме «Мцыри» (1839), романе «Герой нашего времени» (1840), а также в лирике. При изображении Кавказа поэт использует реальные географические названия, представляет основную атрибутику быта горцев, их нравы и характер, кавказские горные пейзажи, которые становятся одним из ведущих ландшафтов Лермонтова. Создаваемые поэтом образы не только дают этнографический срез Кавказа того времени, но и раскрывают авторский взгляд на проблему взаимодействия русского и кавказского миров, противодействия природы и цивилизации.

В работе «Лермонтов и культуры Востока» Л. П. Гроссманом была сделана попытка рассмотреть произведения Лермонтова в культурно-историческом контексте. В разрезе поставленной нами проблемы значимым представляется его наблюдение о том, что «историческая кафедра гвардейской школы», в которой учился Лермонтов, следовала «программам, утвержденным в 1827 г.», где «было признано необходимым преподавать историю и географию преимущественно в военном разрезе» [Гроссман, 1941, с. 685], однако должного развития эта мысль в исследовании не получила; автор ограничился социологическими интерпретациями об угнетении восточных народов и «деспотизме» Ермолова. Преимущественно биографическая основа восточного текста Лермонтова изучалась Л. П. Семеновым, И. Л. Андрониковым, Б. Т. Удодовым, которые изложили «важнейшие факты из биографии Лермонтова, связанные с его пребыванием на Кавказе» [Семенов, 1939, с. 7], представили общий обзор кавказских мотивов, отмечая, что Лермонтов, «как все подлинно гениальные писатели, обладал удивительным даром отзываться на явления, связанные с жизнью различных народов» [Там же, с. 52], указали на знание поэтом «быта, нравов и обычаев кавказских народностей» [Удодов, 1973, с. 336]. Исследователи выходили и к проблеме цивилизационного развития Кавказа, отмечая, что «сочувствие кавказским народам не мешало Лермонтову воспринимать продвижение России на Кавказ как явление неизбежное и исторически прогрессивное» [Андроников, 1977, с. 305], однако изучение историософских

воззрений поэта в аспекте русско-кавказского диалога и взаимоотношений социокультурных систем было намечено лишь в отдельных исследованиях, отмечающих то, что в эпоху Лермонтова «все явления духовной жизни начинают окрашиваться историей» [Тойбин, 1976, с. 11], и мышление поэта формировалось именно в контексте исторического сознания 1830-х годов с присущей ему идеей «укрепления государственных границ Империи» [Киселева и др., 2022а, с. 97]. Среди особенно значимых исследований кавказского текста Лермонтова также следует отметить работы П. В. Алексеева, В. Е. Багно, В. А. Захарова, Ю. М. Лотмана, Л. А. Ходанен. Л. А. Ходанен указывала на расширение Лермонтовым кавказского текста за счет введения «национально-конфессиональных аспектов» и на достижение им при создании образа Кавказа «большой географической и исторической определенности» [Ходанен, 2015, с. 55]. В. А. Захаров подчеркивал присущее поэту понимание «темперамента и менталитета южных народов» [Захаров, 2014, с. 65] и непосредственную связь интереса поэта к Кавказу с «темой родины, темой предков» [Там же, с. 67]. П. В. Алексеев отмечал, что восточный текст Лермонтова является «результатом концептуализации ориентальных мотивов в контексте авторского осмысления основ мировой истории и культуры» [Алексеев, 2013, с. 10]. Ю. М. Лотман констатировал интерес поэта к Кавказу как к «типу культуры Востока» [Лотман, 1985, с. 15]. В. Е. Багно писал, что взгляд Лермонтова на Кавказ — «это взгляд русского аристократа, симпатизирующего и сочувствующего горцам, своим соседям и одновременно противникам» [Багно, 2015, с. 69]. Проблема русского Кавказа в его социокультурной составляющей рассматривалась в работах В. С. Кошелева, В. Ю. Кумыша, И. С. Юхновой. В. Ю. Кумыш рассматривал стихотворение «Спор» как «отражение лермонтовской надежды на победоносное завоевание Кавказа русским полководцем Ермоловым» [Нестор, игумен (В. Ю. Кумыш), 2006, с. 54]. И. С. Юхнова указывает на формирование мировоззрения русского кавказца «в контакте с чужой культурой» [Юхнова, 2015]. В. С. Кошелев рассматривает «психологические вариации» [Кошелев, 2014, с. 271] типа русского кавказца у Лермонтова. Однако рассмотренные исследования, претендуя быть научной базой при изучении лермонтовского Кавказа в контексте его представления о человеке и судьбах истории, не исчерпывают обозначенную тему.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Образ аула и экзистенция домашнего бытия в кавказском тексте Лермонтова

Кавказ и кавказских характер в лермонтовских поэмах выступают сосредоточением первозданности и естественности. Знаковыми в этой свя-

зи для поэта являются и характеристики отдельных населенных пунктов горцев, вербализованные в номинации «аул», обозначающей небольшое родовое поселение горских народов. Слово *аул* встречается в ранних кавказских поэмах Лермонтова, в «Герое нашего времени», в «Мцыри», в одной из редакций «Демона». Коннотации лексемы *аул* у Лермонтова прежде всего связаны с образом дома как такового, отсюда *аул* снабжается эпитетами *родимый* («Гарун меж скал аул родимый // При лунном свете узнает…» [Лермонтов, 1954—1957, т. 4, с. 143]) и *родной* («Родной аул недалеко...» [Там же, т. 3, с. 219]), «Охотой // Родной аул покинула она» [Там же, т. 3, с. 249]). Образ аула сопряжен с родовыми связями, с семьей: «Аул, где детство он провел…» [Там же, т. 3, с. 164], «И вспомнил я отцовский дом, // Ущелье наше, и кругом // В тени рассыпанный аул…» [Там же, т. 4, с. 153]. Стремясь уловить в горской ментальности что-то созвучное своим чувствованиям, Лермонтов использует при обозначении поселений горцев эмоционально насыщенное и вместе с тем универсальное слово *кров*, выступающее в художественном мире поэта как обозначение глубоко личного, родного пространства: «Аул рассыпан над рекою; // Стоит отдельно каждый кров» [Там же, т. 3, с. 181]. Ценности дома для горца вторит и поставленный поэтом акцент на гостеприимности горцев: «То странник, в поле запоздалый // Гостеприимный ищет кров» [Там же, т. 3, с. 272].

Аул Лермонтов и просто упоминает как координату кавказского пространства, и представляет в развернутых зарисовках-характеристиках. Поселение горцев представляется находящимся вне открытого доступа: «Горой от солнца заслоненный, // Приют изгнанников смиренный // Между кизиловых дерев // Аул рассыпан над рекою» [Там же, т. 3, с. 181]. Акцентированные в тексте заслоненность и отдаленность не только характеризуют аул с точки зрения его местоположения, но и заключают в себе его авторскую оценку как закрытого, «своего» пространства, в этих деталях подчеркивается идея гармоничного сосуществования человека с природой, дающей ему приют, и идея дома, места жизни родовой семьи.

Уже в ранней поэме «Кавказский пленник» поэт детально изображает бытовой уклад горцев, дружеские и родственные отношения внутри корпорации: «Иные на коней садятся, // Но перед тем как расставаться, // Друг другу руку подают» [Там же, т. 3, с. 17]. В изображаемом Лермонтовым пространстве аула не только ведутся разговоры о боевой жизни, находятся пленники (понятие «пленник» отсылает к семантическому полю военных действий), но и течет мирная жизнь, олицетворяемая прекрасными черкешенками, которые «резвою толпой» радуются жизни: «цветы весенние вплетали», «гляделися в зерцало вод» [Там же, т. 3, с. 17], «восточны песни напевали» [Там же, т. 3, с. 18]. В этом пространстве находится место и

жалости к пленникам («С улыбкой жалости немой // Стоит черкешенка младая!» [Там же, т. 3, с. 17]), и нежной любви («И взор ее изобразил // Души порыв, как бы смятенной» [Там же, т. 3, с. 27]), и радости вкушения простой пищи («Дает заботливой рукой // Хлеб и кумыс прохладный свой» [Там же, т. 3, с. 27]).

В «Кавказском пленнике» поэт изображает не только мир Кавказа, но и тоску томящихся в плену русских по родине: «Надежды нет им возвратиться; // Но сердце поневоле мчится // В родимый край» [Там же, т. 3, с. 19]. Это чувство родины при изображении русских в ранних кавказских поэмах Лермонтова так проникновенно звучит, по всей вероятности, и в связи с тем, что самые ранние кавказские поэмы созданы в Пензе; на обложке рукописи «Черкесов», написанных в той же тетради, что и «Кавказский пленник», находится автограф Лермонтова: «В Чембар за дубом» [Там же, т. 3, с. 312]. Испытывая нежные чувства к родному пространству, поэт наделяет ими и своих героев. Чувство родины присуще и получившему образование в России горцу Измаил-Бею: «Он, сколько мог, привычек, правил // Своей отчизны не оставил» [Там же, т. 3, с. 161].

Горский аул имеет для Лермонтова и эстетическую ценность, поэт созерцает его устроение, любуется им. Вглядываясь в каждый отдельный элемент горного аула, поэт размышляет о месте дома в кавказской ментальности. Поэтизируя горскую повседневность, Лермонтов вписывает аул в пространство идиллического пафоса: райская природа, само состояние человека «в летний день, в полдневный жар» [Там же, т. 3, с. 181] располагает к неспешному проведению времени. Присматриваясь к кавказскому пейзажу и бытовой картинке в нем, Лермонтов подмечает и те детали, которые делают пейзаж глубоко родным и в то же время универсальным, независимым от той или иной ментальности; расставленные поэтом акценты могут быть применены к любому усадебному / деревенскому топосу: «Толпа детей в траве играет», «Черкес усталый отдыхает», «Меж тем сидит его жена // С работой…» [Там же, т. 3, с. 181]. Поэт подчеркивает домашнюю атмосферу и незатейливость повседневности аула. Автрское восприятие аула как дома обусловливает и особенности построения описания аула, например, в поэме «Измаил-Бей» он лишь вначале дается панорамным зрением, а затем его образ складывается из цепочки бытовых зарисовок. Поэт сначала издалека обозревает весь аул, указывая на его расположение («Стоит отдельно каждый кров // В тени под дымной пеленою» [Там же, т. 3, с. 181]), затем переходит от дальнего плана к ближнему, затем пристально вглядывается в детали, замечая даже «работу», по всей видимости, рукоделие, с которым «в сакле одиноко» сидит женщина.

Акцентированная поэтом домашность культуры горцев является частным, хотя и естественно универсальным элементом жизни на Кавказе, в изображении домашности поэт сближает экзотический мир горцев со своим привычным миром. И это естественно, так как он видит в горце не только вольного жителя почти диких просторов, но просто человека с его тягой к жизни в обжитом идиллическом пространстве.

3.2. Актуализация родоплеменных отношений горцев в кавказском тексте Лермонтова

Дом для горца — это не только жилище, аул, но и вся система родовых связей и хранимых вековых традиций. Поэт подчеркивает, что горцы воюют не за государство, а за свою малую родину: «За кровлю сакли белой // За близкий топот табуна // Тогда он мир бы отдал целый!» [Там же, т. 3, с. 160]. Сиротой становится горец, лишившийся не только родных, но и родной ему природы: «Ты будешь сиротой, // Ты не найдешь родных, ни крова» [Там же, т. 3, с. 145], «Блажен, кто вырос в сумраке лесов, // <…> // Под кровом скал» [Там же, т. 4, с. 95]. Примечательна частотность слова *кров* у Лермонтова. Такой номинацией усиливается смысл ‘бытовая непритязательность’. Это слово становится у Лермонтова ведущим средством для характеристики горской ментальности. Сооруженный человеком дом и естественное природное укрытие сближены. В зарисовках жизни аула Лермонтов подчеркивает не только его естественную жизнь на фоне идиллического пейзажа, но и присущую ей дикость нравов: все это проявление падшей природы человека. Аул оказывается местом дележа добычи и казни пленных, изображаемая поэтом реальность вызывает ужас. Вот так описывает поэт действия Росламбека — брата Измаил-Бея: «Он пленников дрожащих приводил, // И уверял их в дружбе, и шутил, // И головы рубил им для забавы» [Там же, т. 3, с. 179].

Примечательно, что, восторгаясь удалью, смелостью, идеалами свободы и чести в горцах («Смотри, как всякий биться рад // За дело чести и свободы!..» [Там же, т. 3, с. 185]), поэт акцентирует и их жестокость («Они растут среди разбоев тайных, // Жестоких дел и дел необычайных…» [Там же, т. 3, с. 155]) и лукавство («И умный князь, лукавый Росламбек» [Там же, т. 3, с. 179], «Их темный и лукавый взор», «Чеченец посмотрел лукаво [Там же, т. 2, с. 168]).

Лермонтов видит у горцев не только теплоту, но способность отстраненно относиться к аулу и дому. За дикостью их нравов отходит на второй план прежняя, очаровавшая поэта простота естественных отношений, гостеприимность. Лермонтов показывает, как легко уходят горцы со своего обжитого места, не оставляя после себя ничего («Пустой аул, пустое поле, // Едва дымящийся костер // И свежий след колес — не боле» [Там

же, т. 3, с. 157]), и быстро раскидывают новый аул, который затем ждет та же участь: «В необитаемой пустыне // Черкес бродящий отдохнул, // Построен новый был аул // Его следов не видно ныне» [Там же, т. 3, с. 159].

Если в русском менталитете, носителем которого является сам Лермонтов, окультуренное пространство дома представляется идеальным и ассоциируется с покоем, отдыхом, детством («И вижу я себя ребенком; и кругом // Родные всё места: высокий барский дом // И сад с разрушенной теплицей» (см.: например, «1 января» [Там же, т. 2, с. 136]), то для горца идеал жизни все же не домашняя идиллия, а жизнь на лоне природы. Песня жены о «родине далекой» порождает у горца мечтания об «облака<х> родных небес» [Там же, т. 3, с. 181].

Жизнь в идиллическом пространстве аула, как показывает Лермонтов, не есть для горцев полнота жизни. Вольная жизнь в горах для них ценнее домашности. Как истинный дом горцами понимается дикая природа Кавказа, которая противопоставляется общим поселениям. В «Ауле Бастунджи» юный горец пытается прельстить возлюбленную жизнью в отвоеванном у природы («Мой дом изрыт в расселинах скалы: // В нем до меня два барса дружно жили» [Там же, т. 3, с. 258]) подобии рая («И у меня жилище есть в горах, // Где отыскать нас может лишь аллах!» [Там же, т. 3, с. 258]), в котором однако действует закон смерти и возможности кровопролития («Я их убил — и в тот же день орлы // Кровавые их кости растащили» [Там же, т. 3, с. 258]).

В «Измаил-Бее» для главного героя при возвращении на родину определяющим становится восприятие кавказских гор как дома: «И не родной аул — родные скалы // Решился он от русских защитить!» [Там же, т. 3, с. 258]. Примечательно, что любовь воспитанного при русском дворе черкесского князя Измаил-Бея к родным горам находит созвучие и в душе русских, служащих на Кавказе: они показаны у Лермонтова полюбившими Кавказ с его «самобытностью и красотой», желающими «сохранить его как рай на земле» [Киселева и др., 2022б, с. 99]: «… меня, как вас, пленяет // И водопад, и темный лес <…> И ваше племя я люблю» [Лермонтов, т. 3, с. 192]. Русские полюбили Кавказ в его естественности и природности, в его стремлении к полноте свободы и чувстве близкого неба.

Примечательно, что речь русского кавказца в тексте поэмы включает именно слово *племя*, акцентируя тем самым цивилизационные особенности Северного Кавказа того времени, характеризующиеся родоплеменными отношениями. Кавказская война в понимании Лермонтова — это не столкновение горцев и русских, и не столкновение христианства с мусульманством, но естественный цивилизационный процесс, именно поэтому в стихотворении «Спор» его размышления представлены через диалог

олицетворенных образов гор, Эльбруса и окидывающего взглядом «племя гор своих» Казбека, о наступлении цивилизации («в глубине твоих ущелий застучит топор» [Там же, т. 2, с. 193]). Лермонтов в этом обозначении кавказских гор как *племени* также подчеркивает первобытно-общинные начала кавказского мира. Исламская культура в то время еще недостаточно крепко утвердилась среди коренных народов Кавказа и наложилась на их родовые представления о взаимоотношениях с миром и высшими силами.

Значимо, что вступивший в противоборство с русскими Измаил-Бей, возможно, не является мусульманином: его соратники находят на его теле «белый крест на ленте полосатой» и с презрением уходят от убитого, не погребая его, но «родные скалы» мыслятся им не связанными с мусульманством, они ценны сами по себе. Если сравнить менталитет горца с русским менталитетом в этом аспекте, то образ русской земли представляется априори связанным с православием и православной культурой (в лермонтовском «Бородино» (1837) образ «Божьей воли», являющей собой «аналог одного из прошений молитвы Господней: «Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли» [Киселева, 2019, с. 13], неотрывен от понимания солдатами Москвы как оплота православного государства («Не будь на то Господня воля // Не отдали б Москвы» [Лермонтов, т. 2, с. 80])), тогда как в сознании изображаемых поэтом горцев ценности религиозной культуры ислама не первичны. В своих ранних поэмах Лермонтов показывает, что исламская цивилизация, несмотря на ее зримое присутствие в кавказской жизни («С мечети слез мулла» [Там же, т. 3, с. 248], «С мечети божей лишь мулла седой // Ему, смеясь, кивает головой» [Там же, т. 3, с. 261]), в полноте не определяет кавказское сознание в его время и часто воспринимается не в бытийственном, а во внешне ритуальном образе. В поэме «Хаджи Абрек» поэт очень точно выразил особенности сознания горца: «Его мечеть — на поле брани» [Там же, т. 3, с. 267]. Сознание героя в ранней лермонтовской поэме «Каллы» («Так говорил мулла жестокий, // И кабардинец черноокий // Безмолвно, чистя свой кинжал, // Уроку мщения внимал» [Там же, т. 3, с. 92]) обусловлено не столько исламом, хотя и констатируется так Лермонтовым, сколько языческими законами кровной мести, распространенными в среде туземных народов Кавказа. Как отмечал изучавший кавказские обычаи Н. Семенов, «между убийцею и родственниками убитого с момента убийства до момента примирения за кровь устанавливаются особые отношения, называемые кровными» [Семенов, 1895, с. 280]. В мусульманском праве и этике понятие кровной мести отсутствует. Сохранение обычая кровной мести определяет не ислам, но пылкий характер горцев и активная память древних родоплеменных отношений.

Язычество и родовой уклад среди черкесов и других народностей Кавказа хотя официально и сдавали свои позиции перед мусульманством,

все еще оставались значимы в кавказской среде с ее традициями кровной мести и культом родственных отношений. Значимо, что причиной смертоубийства в кавказских поэмах Лермонтова становятся не собственно военные события, а личная обида и желание быть удальцом в следовании старым обычаям, а также естественная для человека, потерявшего рай и не обретшего путь к нему, жажда мести. В своих поэмах Лермонтов изображает не только столкновение казаков с горцами, но и вражду горцев между собой. Так, например, в «Ауле Бастунджи» аул представлен разрушенным именно враждою братьев, полюбивших одну красавицу, а не вторжением русских, хотя чаще всего военные столкновения изображены в их жестокости, а время затишья — в идиллическом топосе: «И без оглядки с пикой за спиной // Донской казак въезжает в это поле; // И безопасно в небесах орел, // Чертя круги, глядит на тихий дол» [Лермонтов, т. 3, с. 244]. Образ орла, связанный с христианской символикой и имеющий имперские аллюзии, особенно актуален в аспекте восточного вопроса, включающего взаимодействие христианской (Византия, Российская Империя) и мусульманской (Османская Империя) цивилизаций.

Кавказскую войну поэт представляет не как вражду русских с горцами, среди которых становится распространен и институт куначества (как поясняет сам Лермонтов в примечаниях к «Герою нашего времени», «кунак значит приятель» [Там же, т. 6, с. 217]), а как политическое противостояние, связанное с укреплением России своих восточных рубежей, где горцы выступали дестабилизирующей силой, а также как естественный цивилизационный процесс, связанный с исторической закономерностью в соответствии с движением времени и развитием земной цивилизации в целом.

3.3. Русско-кавказские отношения в аспекте цивилизационного выбора Северного Кавказа

Если в раннем творчестве Лермонтова религиозный мотив в кавказском тексте звучит достаточно приглушенно, он проходит фоном при изображении страстей и быта кавказских народов, то в позднем обостряется, поэт начинает размышлять об исламском типе культуры («Судьбе как турок иль татарин // За все я ровно благодарен» [Там же, т. 2, с. 167]), в его текст входят образы не только муллы, но и мюридов («А вот в чалме один мюрид // В черкеске красной ездит важно…» [Там же, т. 2, с. 169]), и своего рода рыцарей ислама — фарисов («по плечам фариса вились в беспорядке» [Там же, т. 2, с. 125]), что свидетельствует об интересе поэта к культуре ислама, недаром в письме к С. А. Раевскому Лермонтов пишет: «Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским» [Там же, т. 6, с. 441].

Не исключено, что нарастание у поэта интереса к исламу обусловлено и активизацией деятельности мусульман на Кавказе в 1830-е годы. Создание исламского государства на территории Дагестана и Чечни, управляемого другом вождя исламистов Шамиля Гази-Магомеда, относится лишь к 1829 году. И если в раннем творчестве Лермонтова исламская цивилизация не представляется определяющей сознание и поступки горцев, то пребывание поэта в действующей армии Кавказа углубило его знакомство с исламом и обусловило более серьезное восприятие этого религиозного учения. Если отважный Акбулат из ранней поэмы «Аул Бастунджи» парирует наставлениям религиозного учителя: «Молись себе пророку, злой мулла, // И не мешайся так в дела чужие» [Там же, т. 3, с. 262], то в «Валерике» поэт уже показывает противников русскому войску как сознательно исповедующих ислам, недаром в «Валерике» он вводит образ мюрида, воина, который стоит на ступени сознательного ученичества в исламской религиозной практике суфизма. Обозначение воина именно как мюрида, который вызывает «на смертный бой» [Там же, т. 2, с. 169], содержит аллюзии к восточному вопросу, связанному с противостоянием России как православного государства с Османской Империей, но не исчерпывается ими. Вероятно, что Лермонтова волнуют и причины принятия горцами мусульманства: почему именно оно прельстило людей, живших до этого по преимуществу родоплеменным порядком? Можно предположить, что, обладая сильнейшим государствообразующим потенциалом, так как Мухаммед не только проповедовал веру в Единого Бога, но и акцентировал идею общественного порядка, исключающую в том числе родоплеменную рознь, мусульманство на Кавказе было ответом на естественный распад родовых отношений (и Лермонтов это понимает, недаром в поэмах «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей» пишет о вражде двух братьев) и определялось необходимостью нового скрепляющего элемента.

Вероятно, что в своем раннем творчестве Лермонтов не различает исламский и языческий контекст и художественно синтезирует принадлежность к исламу с обычаями кавказцев на основе единой ментальности, к тому же те и другие занимали сторону сопротивления русским, тогда как после 1837 года, отмеченного первым опытом участия в Кавказской войне, поэт фиксирует понимание эволюционирующего значения ислама как религии единобожия для становления самосознания живших родоплеменным укладом народов Северного Кавказа. Государствообразующая функция мусульманства, с одной стороны, укрепляла сопротивление горцев против России, но с другой — давала возможность перейти обеим сторонам на новый этап взаимодействия — достижение политической договоренности, которая остановила бы кровопролития, вызванные необу-

зданными страстями так называемого естественного человека. Кроме того, образование на северокавказских территориях относительно независимых государственных образований позволило им централизованно руководствоваться и интересами своего народа, а не только Османской Империи, которая даже официально заявляла о своей ответственности «за оказание военной помощи и подстрекание кавказских племен (в особенности чеченских и дагестанских из района Кубы (черкесы, ногайца, кабардинцы)» [Митрофанова, 2019, с. 87]. Мысль о благе взаимодействия с русскими, а не с турками, зависимыми также от английского влияния, вероятно, вдохновила и религиозного предводителя кавказского воинства Шамиля на слова, сказанные им уже после пленения на свадьбе Александра III: «Старый Шамиль на склоне лет жалеет о том, что не может родиться еще раз, дабы посвятить свою жизнь служению Белому Царю, благодеяниями которого он теперь пользуется» [Сегень, 2013, с. 514]. В аспекте понимания Лермонтовым аспектов взаимодействия русских и горцев значимо и упоминание в его творчестве феномена куначества («он был кунак мой», «мы были с ним кунаки») и мирности со стороны горцев («мирной князь», «мирной татарин»). Однако изображая приметы мира, представляя в кавказском тексте идиллические пейзажи, «тихий дол», поэт рисует казака «с пикой за спиной», тем самым констатирует факт пограничности пространства и хрупкости тишины.

4. Заключение = Conclusions

Лермонтов на протяжении всего своего творчества обращается к образу Кавказа, помещает своих героев в реалии жизни среди гор. Кавказ у Лермонтова неотрывен от образа России. Осмысляя тему присутствия русских на Кавказе, поэт показывает две культуры — русских и кавказцев — в их взаимодействии. И если, например, в очерке «Кавказец» (1841) дан тип русского человека, вдохновленного романтикой Кавказа («бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь»), то «кавказские поэмы» представляют именно типы горцев, формирование которых связано с присутствием русских на Кавказе. Те или иные грани кавказского менталитета часто проявляются через естественное для поэта как носителя русского сознания, через сравнение с русским сознанием и русским образом мира. Описывая природу Кавказа, национальные особенности, характеры горцев, поэт пытается понять культуру горских народов, их традиций и преданий. Поэтизируя кавказский мир, Лермонтов выступает как поэт-этнограф, запечатлевший в слове быт и бытие горцев. Именно Лермонтов стал тем поэтом, который художественно точно передал сущность кавказ-

ской жизни и кавказской природы, представил в поэтической рефлексии горский характер. Поэт не только прямо воспроизводит психотип горцев, рисуя проявление их чувств и эмоций, но точно реконструирует сам уклад их жизни, отношение к семье, родовой памяти, обычаи, особенности культуры, а также специфику их общественного устройства. В своих произведениях он намечает и возможность диалога русского и кавказского миров, их взаимопроникновения и уважения друг к другу.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники

1. *Боденштедт Фр.* Из послесловия к переводу стихотворений Лермонтова / Фр. Боденштедт // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — Москва : Худож. лит., 1989. — С. 365—371.

2. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения : В 6-ти томах / М. Ю. Лермонтов. — Москва, Ленинград : Издательство Акад. наук СССР, 1954—1957.

Литература

1. *Алексеев П. В.* Восточный текст в поэтике М. Ю. Лермонтова / П. В. Алексеев // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 374. — С. 7—10.

2. *Андроников И. Л.* Лермонтов. Исследования и находки / И. Л. Андроников. — Москва : Художественная литература, 1977. — 650 с.

3. *Багно В. Е.* Восточные ответы Лермонтова / В. Е. Багно. — Санкт-Петербург : Скриптониум, 2015. — С. 68—73. — ISBN 978-5-905011-12-2.

4. *Гроссман Л. П.* Лермонтов и культуры Востока / Л. П. Гроссман // М. Ю. Лермонтов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1941. — С. 673—744.

5. *Захаров В. А.* «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова / В. А. Захаров // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа. — Краснодар : ООО «Экоинвест», 2014. — С. 26—81.

6. *Киселева И. А.* Прочтение стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» (1837) как духовный опыт обретения патриотического чувства / И. А. Киселева // Литература в школе. — 2019. — № 8. — С. 12—15.

7. *Киселева И. А.* Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2022а. — Т. 20. — № 3. — С. 87—100. — DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242.

8. *Киселева И. А.* Кавказ как эмоционально-смысловая доминанта в поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2022б. — № 4 (77). — С. 94—102. — DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.010.

9. *Кошелев В. А.* М. Ю. Лермонтов : Историческая мифология. Исследования и материалы / В. А. Кошелев. — Великий Новгород-Тверь : Издательство Марины Батасовой, 2014. — 663 с. — ISBN 978-5-903728-76-3.

10. *Лотман Ю. М.* Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова / Ю. М. Лотман // Лермонтовский сборник. — Ленинград : Наука, 1985. — С. 5—22.

11. *Митрофанова А. И.* К вопросу о политике Османской империи на Кавказе в XIX в. / А. И. Митрофанова // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2019. — № 1. — С. 239—243.

12. *Нестор, игумен (В. Ю. Кумыш)*. Пророческий смысл творчества М. Ю. Лермонтова / Нестор, игумен (В. Ю. Кумыш). — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. — 212 с. — ISBN 978-5-86007-563-4.

13. *Сегень А. Ю.* Московский Златоуст : жизнь, свершения и проповеди святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского / А. Ю. Сегень. — Москва : Благовест, 2013. — 605 с. — ISBN 978-5-9968-0282-1.

14. *Семенов Л. П.* Лермонтов на Кавказе / Л. П. Семенов. — Пятигорск : Орджоникидзевское краев. изд-во, 1939. — 224 с.

15. *Семенов Н.* Туземцы северо-восточного Кавказа. Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народцев / Н. Семенов. — Санкт-Петербург : Тип. А. Хомского и К°, 1895. — 488 с.

16. *Тойбин И. М.* Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма / И. М. Тойбин. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1976. — 278 с.

17. *Удодов Б. Т.* М. Ю. Лермонтов : художественная индивидуальность и творческие процессы / Б. Т. Удодов. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1973. — 702 с.

18. *Ходанен Л. А.* Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова / Л. А. Ходанен // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 4. — С. 47—57. — DOI: 10.17223/18137083/53/6.

19. *Юхнова И. С.* Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова / И. С. Юхнова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—1. — С. 1127.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023,
одобрена после рецензирования 15.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

Material resources

Bodenstedt, Fr. (1989). From the afterword to the translation of Lermontov's poems. In: *M. Y. Lermontov in the memoirs of contemporaries.* Moscow: Art. lit. 365—371. (In Russ.).

Lermontov, M. Yu. (1954—1957). *Works: In 6 volumes.* Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

References

Alekseev, P. V. (2013). The Oriental text in the poetics of M. Y. Lermontov. *Bulletin of Tomsk State University, 374:* 7—10. (In Russ.).

Andronikov, I. L. (1977). *Lermontov. Research and findings.* Moscow: Fiction. 650 p. (In Russ.).

Bagno, V. E. (2015). *Eastern answers of Lermontov.* St. Petersburg: Scriptorium. 68—73. ISBN 978-5-905011-12-2. (In Russ.).

Grossman, L. P. (1941). Lermontov and the cultures of the East. In: *M. Y. Lermontov.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 673—744. (In Russ.).

Khodanen, L. A. (2015). The cultural concept "Caucasus" and its text—forming role in the works of A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov. *Siberian Philological Journal, 4:* 47—57. DOI: 10.17223/18137083/53/6. (In Russ.).

Kiseleva, I. A. (2019). The reading of M. Y. Lermontov's poem "Borodino" (1837) as a spiritual experience of gaining a patriotic feeling. *Literature at school, 8:* 12—15. (In Russ.).

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2022a). Origins and figurative embodiment of imperial consciousness M. Y. Lermontov. *Problems of historical poetics, 20 (3):* 87—100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242. (In Russ.).

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2022b). The Caucasus as an emotional and semantic dominant in M. Y. Lermontov's poem "Izmail Bey". *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 4 (77):* 94—102. DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.010. (In Russ.).

Koshelev, V. A. (2014). *M. Yu. Lermontov: Historical mythology. Research and materials.* Veliky Novgorod-Tver: Marina Batasova Publishing House. 663 p. ISBN 978-5-903728-76-3. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1985). The problem of East and West in the works of late Lermontov. In: *The Lermontov Collection.* Leningrad: Nauka. 5—22. (In Russ.).

Mitrofanova, A. I. (2019). On the question of the policy of the Ottoman Empire in the Caucasus in the XIX century. *Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov, 1:* 239—243. (In Russ.).

Nestor, abbot (V. Y. Kumysh). (2006). *The prophetic meaning of M. Y. Lermontov's creativity.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 212 p. ISBN 978-5-86007-563-4. (In Russ.).

Segen, A. Y. (2013). *Moscow Chrysostom: the life, achievements and sermons of St. Filaret (Drozdov), Metropolitan of Moscow.* Moscow: Blagovest. 605 p. ISBN 978-5-9968-0282-1. (In Russ.).

Semenov, L. P. (1939). *Lermontov in the Caucasus.* Pyatigorsk: Ordzhonikidze region. publishing house. 224 p. (In Russ.).

Semenov, N. (1895). *Natives of the north-eastern Caucasus. Stories, essays, studies, notes about Chechens, Kumyks and Nogais and samples of poetry of these peoples*. St. Petersburg: A. Chomsky and Co. 488 p. (In Russ.).

Toibin, I. M. (1976). *Pushkin. Creativity of the 1830s and questions of historicism.* Voronezh: Voronezh University Press. 278 p. (In Russ.).

Udodov, B. T. (1973). *M. Yu. Lermontov: artistic individuality and creative processes.* Voronezh: Voronezh University Press. 702 p. (In Russ.).

Yukhnova, I. S. (2015). Essay "Caucasian" in the context of the work of M. Y. Lermontov. *Modern problems of science and education, 1—1:* P. 1127. (In Russ.).

Zakharov, V. A. (2014). "Orientalism" by Edward Said and the perception of the North Caucasus as the East in the works of M. Y. Lermontov. In: *Lermontov in the historical fate of the peoples of the Caucasus.* Krasnodar: LLC "Ecoinvest". 26—81. (In Russ.).

The article was submitted 12.05.2023;
approved after reviewing 15.06.2023;
accepted for publication 22.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Осьмухина О. Ю. Повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный» в контексте отечественной прозы о беспризорниках 1920-х годов / О. Ю. Осьмухина, Н. В. Чекашева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 310—327. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-310-327.

Osmukhina, O. Yu., Chekasheva, N. V. (2023). Novel 'Tashkent — the Bread City' by Alexander Neverov in Context of Russian Prose about Homeless Children in 1920s. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 310-327. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-310-327. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-310-327

Повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный» в контексте отечественной прозы о беспризорниках 1920-х годов

Осьмухина Ольга Юрьевна *
orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы,
**** корреспондирующий автор***
osmukhina@inbox.ru

Чекашева Надежда Владимировна
orcid.org/0009-0001-4428-9665
аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы
nadya.chekasheva@yandex.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Novel 'Tashkent — the Bread City' by Alexander Neverov in Context of Russian Prose about Homeless Children in 1920s

Olga Yu. Osmukhina *
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,
**** Corresponding author***
osmukhina@inbox.ru

Nadezhda V. Chekasheva
orcid.org/0009-0001-4428-9665
postgraduate student, Department
of Russian and Foreign Literature
xiongh@sjtu.edu.cn

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

© Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается повесть Александра Неверова «Ташкент — город хлебный», рассмотренная в контексте традиции прозы о беспризорниках, формирующейся в отечественной словесности в 1920-х годах. Установлено, что, несмотря на тематическое сходство с близкими по времени создания произведениями о беспризорниках (безнадзорный главный герой, предоставленный сам себе, вынужден добывать пропитание, учиться самостоятельности и ответственности), повесть А. Неверова отличается них рядом принципиальных особенностей. Во-первых, обилием натуралистических картин: писатель не ограничивается бытовыми зарисовками и не романтизирует жизнь маленьких бродяг, детально и без прикрас изображает болезни, голод, многочисленные смерти периода тотального поволжского голода. Во-вторых, сюжетное развертывание в ней выстраивается по аналогии со сказочным нарративом: хронотопом становится путь-дорога — маленький герой, движимый бедой, отправляется в далекий путь, который строится как череда испытаний и лишений, оказывается для него инициацией и на котором Мишке помогают «волшебные помощники» (сестра милосердия, начальник ортчека и машинист). Наконец, в повествование вплетаются библейские аллюзии. Символическую роль обретают ветхо- и новозаветные образы хлеба, Рая, собаки. Само путешествие Мишки воспринимается как символическое путешествие души к обретению вечной жизни, Рая.

Ключевые слова:
Александр Неверов; отечественная проза 1920-х годов; проза о беспризорниках; библейские аллюзии; сказочный нарратив.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines Alexander Neverov's novel 'Tashkent — the Bread City' in the context of the tradition of Russian prose about homeless children that emerged in the 1920s. Despite thematic similarities with other works about homeless children created during the same period (such as a protagonist who is left to fend for themselves and forced to find food and learn independence and responsibility), Neverov's novel stands out due to several key features. Firstly, it is characterized by an abundance of naturalistic descriptions, depicting diseases, hunger, and numerous deaths during the period of the Volga famine without romanticizing the life of little vagabonds. Secondly, the plot unfolds in a fairy tale-like narrative structure, with the road becoming a chronotope — a small protagonist sets out on a distant journey, which is constructed as a series of trials and deprivations that become his initiation and on which he is helped by "magical assistants" (a sister of mercy, a head of an orphanage, and a train driver). Finally, biblical allusions are woven into the narrative, with the symbols of bread, Paradise, and dogs taking on symbolic roles. The journey itself is perceived as a symbolic journey of the soul towards eternal life and Paradise. This article contributes to the research on Russian prose about homeless children in the 1920s and sheds light on the unique features of Neverov's novel.

Key words:
Alexander Neverov; domestic prose of the 1920s; prose about homeless children; biblical allusions; fabulous narrative.

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Неверов.07

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный» в контексте отечественной прозы о беспризорниках 1920-х годов

© Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В., 2023

1. Введение = Introduction

Как известно, в России после Первой мировой войны более двух с половиной миллионов детей остались сиротами, без крова и семьи. Устройством их судеб пришлось заниматься большевикам, пришедшим к власти в октябре 1917 года и заявившим, что забота об обездоленных детях — одна из важнейших задач государства, что, безусловно, объяснялось идеологическими причинами: необходимостью воспитания членов «нового» коммунистического общества. Опираясь на архивные материалы, А. А. Славко отмечает: «К 1 декабря 1922 года в РСФСР, по официальным данным, насчитывалось около 444 тыс. беспризорников (уличных и уже помещенных в детские дома и приемники-распределители). <…> эти сведения далеко не полные, поскольку являются частичным итогом данных, присланных с мест. Поэтому приводимая в настоящее время цифра — 7 млн беспризорных детей в России к началу 1922 года — воспринимается более реальной для этого периода» [Славко, 2009, с. 160]. Если в 1921 году в приютах и детских домах находилось более полумиллиона детей, то оставшихся на улицах было значительно больше: одни потеряли родителей во время революции и Гражданской войны и были вынуждены устраивать свою судьбу самостоятельно, других выгнал на улицу голод. Разумеется, эти дети представляли собой огромное социальное бедствие и опасность. Государственные и общественные организации осуществляли программу ликвидации беспризорности. Как отмечают авторы-составители коллективного исследования «Сиротство и беспризорность в России: история и современность», к началу 1920-х годов число беспризорных увеличилось: «К сиротам Первой мировой войны добавились миллионы сирот войны гражданской. Власти нашли выход в централизации усилий и привлечении к ликвидации беспризорности не только чиновников, педагогов и медиков, но и реальной силы, способной “изъять ребенка с улицы”. Такую силу <…> Ф. Э. Дзержинский видел в своем ведомстве. По его инициативе в феврале 1921 года при ВЦИК была образована Комиссия по улучшению

жизни детей» [Сиротство и беспризорность …, 2008, с. 90]. В действительности Комиссии пришлось бороться не столько за «улучшение», сколько за спасение жизни детей, в связи с разразившимся в Советской республике голодом летом 1921 года: более 150 тыс. ребят были переправлены в более благоприятные («хлебные») районы и за рубеж (к примеру, в Чехословакию), для уличных детей были организованы система бесплатного питания, заведения интернатного типа и т. д. Безусловно, не всех беспризорников удавалось определить в спецучреждения, особенно в больших городах, где прибывавшие из провинции беспризорники собирались в шайки, занимались бродяжничеством, воровством и грабежом. Специальные отряды, сформированные из комсомольцев под руководством чекистов и милиционеров, проводили постоянные облавы в трущобах, на вокзалах и рынках, снимали беспризорников с поездов.

Беспризорность, однако, стала следствием не только разрухи, засухи, неурожая и голода послереволюционных лет. Произошло разрушение патриархальных устоев, обусловленное резкой и неудачной политикой большевиков в области семьи: провозглашение свободы браков и разводов повлекло распущенность в семейных отношениях, рост разводов и количества брошенных детей. Отметим, что наряду с понятием «беспризорность» в документах 1930-х годов фигурирует термин *безнадзорность*, который был официально закреплен Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» [Постановление …, 1935]. Хотя в современном понимании безнадзорность детей есть первый шаг к беспризорности, применительно к литературному контексту 1920-х годов мы полагаем правомерным отождествлять понятия «безнадзорности» и «беспризорности»: в прозе о беспризорниках первого послереволюционного десятилетия изображаются сироты или ребята из неполных семей, оказавшиеся на улице из-за отсутствия надзора за их поведением, развитием, образом жизни, в том числе и в семье, что непосредственно вело к их дезадаптации, необеспеченности, бесприютности и бродяжничеству.

Отечественные прозаики, традиционно остро реагировавшие на социокультурные изменения, сразу же обратились к осмыслению темы беспризорности, и это был тот весьма примечательный случай в истории русской словесности XX века, когда проза о беспризорниках явилась непосредственным откликом на социальное бедствие. Более того, учитывая единогласное мнение историков и социологов о том, что беспризорность в России прошла три ключевых «волны», подчеркнем, что эта же тенденция характерна и для отечественной литературы о бесприютных детях: всплеск прозы о беспризорниках приходится на 1920—30-е годы, затем

на 1950-е (после Великой Отечественной войны) и на 1990-е годы, когда сама реальность вновь порождала соответствующее социальное явление. Соответственно, ***актуальность*** осмысления феномена беспризорности и специфики его репрезентации в отечественной литературе очевидна и обусловлена необходимостью его целостного изучения в историко-литературном контексте.

Объект нашего исследования — проза о беспризорниках, формирующаяся в отечественной словесности в 1920-х годах и развивающаяся на протяжении всего XX столетия; ***предмет*** — повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный». В связи с актуализацией интереса отечественной гуманитаристики к феномену беспризорности [Анзорова, 2017; Гоголева, 2004; Девятова, 2010; Демидова, 2008; Крутько, 2011; Нечаева, 2001; Мишина, Никитская, 2019; Славко, 2009, 2011; Семина, 2007; Слуцкий, 1998; Смирнова. 2003] обращение к нему представляется весьма перспективным и своевременным, поскольку в пристальном изучении нуждается не только обширный пласт художественных произведений о беспризорниках, но требует конкретизации и сама дефиниция «проза о беспризорниках». ***Научная новизна*** настоящей статьи состоит в том, что предпринятый впервые целостный анализ повести А. Неверова как многослойного текста, построенного по аналогии со сказочным нарративом и насыщенного библейскими аллюзиями, позволит, во-первых, расширить научное представление о художественном своеобразии этого произведения; во-вторых, осмыслить специфику его хронотопа и персонажной системы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования составила повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный», рассмотренная в контексте формирующейся в 1920-х годах в отечественной литературе прозы о беспризорниках.

В статье авторы использовали *комплексный подход*, объединяющий принципы *социокультурного, сравнительно-исторического* методов. Значимым в нашем инструментарии был *метод целостного анализа* литературного произведения, давший возможность осмыслить хронотпические особенности повести А. Неверова в неразрывной связи и единстве с её образно-тематическим и персонажным уровнями.

Теоретической базой статьи явились исследования, посвященные тем или иным аспектам изучения феномена беспризорности в социологии, истории, культурологии [Анзорова, 2017; Гоголева, 2004; Девятова, 2010; Демидова, 2008; Крутько, 2011; Нечаева, 2001; Мишина и др., 2019; Славко, 2009, 2011; Семина, 2007; Слуцкий, 1998; Смирнова. 2003], а также

литературоведческие работы, касающиеся тех или иных аспектов прозы о беспризорниках [Бухина, 2011; Бухина и др., 2015, Золотухина, 2018; Осьмухина и др., 2022] и творчества А. Неверова (Скобелева) [Аляева, 2016; Берловская, 1965; Печко, 1968; Скобелев, 1964; Страхов, 1972; Терновский, 1997; Чалмаев, 1982]. Особую значимость в решении стоящих перед нами задач имела теория хронотопа М. М. Бахтина [Бахтин, 1975] и концепция В. Я. Проппа об истоках, морфологии и специфике фольклорной сказки [Пропп, 200, 2001].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы XX века, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных отечественной прозе 1920-х годов, прозе в целом и творчеству отдельных её представителей, в частности, а также при комментировании изданий А. Неверова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проза о беспризорниках 1920-х годов и повесть А. Неверова

Фактически первым советским произведением, не просто поставившим остро злободневное явление беспризорности на один уровень с народным бедствием и изображающим детей, ставших жертвами Гражданской войны, голода, разрухи, нищеты, но и заложившим традицию прозы о беспризорниках, был рассказ Л. Сейфуллиной «Правонарушители» (1922), авторами настоящей статьи уже анализировавшийся [Осьмухина и др., 2022]. Вслед за публикацией рассказа на страницах газет и журналов в 1920—1930-х годах появилось множество историй о беспризорниках — достаточно вспомнить малую прозу А. Кожевникова («Коммуна», «Свой», «Засыпался»), И. Гольдберга («Петька шевелит мозгами»), В. Дмитриевой («Ванька беспризорный»), Н. Ляшко («Леска»), Б. Четверикова («Атава»), В. Авдеева («Лёнька Охнарь», «Моя Одиссея»), С. Григорьева («С мешком за смертью») и др. Однако в большинстве из этих произведений прозаики ограничивались бытовыми зарисовками, а нередко и романтизировали «вольную» жизнь маленьких бродяг, живописуя асфальтовые котлы, жаргон и брань, чумазые лица детей, одетых в лохмотья, их ночёвки на вокзалах и в ночлежках, воровство и бандитизм. Подчеркнем: если в прозе о беспризорниках 1930-х годов воплощалась утопическая мечта о тотальной «перековке» во благо «коммунистического завтра» малолетних преступников и оборванцев («Педагогическая поэма» А. Макаренко [Воспитание, 2006]), то практически во всех подобных произведениях 1920-х годов внимание писателей акцентировалось, во-первых, на том, что вос-

принятые на улице пороки неисправимы, а сами беспризорники безнадёжны, перевоспитать их не представляется возможным (исключение составляли лишь пронизанные оптимистическим пафосом «Правонарушители» Л. Сейфуллиной). Во-вторых, изображались однотипные «портреты» типичных беспризорников — сирот, голодранцев, попрошаек, грязных, запущенных и затравленных. «Иллюстрацией» этому становятся, например, весьма показательные описания из рассказа Е. Чирикова «Бродячий мальчик», главный герой которого днем побирается, а ночь проводит в приюте: «Прижавшись к холодной стене каменного дома, лежал оборвыш-мальчик, лет восьми-девяти. Мальчик был едва прикрыт лохмотьями. Изодранная и до невозможности грязная рубашонка обнажила своими дырами тело. Дико, испуганно блуждали горящие глаза ребенка. Он смотрел, как подстреленный и пойманный волчонок. <…> Беспорядочно расположенные в два этажа нары уподобляли это помещение какому-то переезжающему зверинцу. Здесь на голых досках нар и даже под нарами валялись пьяные, больные и голодные люди, вместе — мужчины, женщины и дети. Спертый воздух, нестерпимый смрад, пьяный гам, хохот, детский плач, ругань, драки и песни сливались здесь в какой-то хаотический гул» [Беспризорные …, 1926, с. 39—40].

Сразу оговоримся, что беспризорность в повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный» (1923), условно говоря, «редуцированная» и вполне отождествима с безнадзорностью: хотя у главного героя есть мать, из-за болезни она не имеет возможности заботиться о своём ребенке и оберегать его — выполнять родительскую функцию, оттого мальчик предоставлен сам себе, должен самостоятельно обустраивать свою жизнь. Чтобы не умереть с голоду, Мишка отправляется в Ташкент, где «хлеб очень дешевый» [Неверов, 1983, с. 175]. Более того, он ничем не отличается от беспризорников из рассказов Е. Чирикова, В. Шишкова, В. Авдеева, А. Кожевникова и др.: грязный, оборванный, голодный, неприкаянный, он вынужден справляться со всеми несчастьями сам, искать пропитание, врать, попрошайничать. К тому же и дома как такового у него нет: «Колесо валяется, дуга валяется, а лошади нет и коровы нет. Раньше куры клохтали, петух во все горло кричал, теперь только столбы да крыша худая» [Неверов, 1983, с. 179]. Мишкин дом как центр патриархального крестьянского мира почти разрушен — вместо него «пустая голодная изба» с прохудившейся крышей, маркирующая упадок, запустение, смерть и превращающаяся в «антидом»: «Дед умер, бабка умерла, потом — отец. <…> Умер дядя Михайла, умерла тетка Марина! В каждом дому к покойнику готовятся» [Неверов, 1983, с. 175].

3.2. Библейские аллюзии повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный»

Замысел повести «Ташкент — город хлебный» впервые возник у А. Неверова в 1921 году, когда он сообщает Я. П. Гинзбургу: «Писать о голоде теперь очень трудно в художественной форме. А я до тех пор не могу выпустить вещь из рук, пока она мне не понравится — более или менее… Я как раз сейчас ломаю голову над тем, как создать “нечто”» [Неверов, 1983, с. 272]. В мае 1923 года повесть была закончена, и, действительно, на фоне прозы о беспризорниках 1920-х годов она являла собой весьма значимое явление. И дело даже не в том, что в ней документально точно, натуралистично запечатлены послевоенные реалии, период поволжского голода, когда обессиленные люди «из канав вылезли, из-за стен выползли — босые, рваные, дождями промытые, ветрами продутые…» [Неверов, 1983, с. 187], среди которых были и дети. Примечательно другое — сама форма повествования, способ сюжетного развертывания (главному герою, двенадцатилетнему Мишке Додонову, потерявшему почти всех своих близких, пришлось в одночасье повзрослеть и отправиться в далёкий путь в поисках хлеба), а также многослойность текста.

Вольно или невольно писатель обращается к библейским аллюзиям — хлеб становится едва ли не евангельским символом, а Ташкент отождествляется с подлинным раем: «Кружились в мыслях около невиданного, слушали про сады виноградные, дразнили себя пшеницей двух сортов: поливной и богарной. <…> Рай! А попасть трудно <…> Мишка не боялся. Как в сказке, стоял перед ним Ташкент — город хлебный. Сады виноградные — во! Шутя можно урюку карман нарвать <…> Наверно, речки есть, как у нас» [Неверов, 1983, с. 179]. В процитированном фрагменте упоминаются важнейшие новозаветные «атрибуты» Рая небесного — виноград и пшеница: «… Господь ведет тебя в землю добрую, в землю, где потоки вод, источники и озера выходят из долин и гор, В землю, где пшеница, ячмень, виноградные лозы… В землю, в которой без скудости будешь есть хлеб твой и ни в чем не будешь иметь недостатка…» (Книга Второзаконие 8: 7—9) [Библия, 2014, с. 199]. Главной и единственной целью маленького героя является достижение этого «рая», символом которого становится хлеб. Как известно, в христианской традиции хлеб имеет сакральный смысл: многие библейские сюжеты (не говоря о беседе Иисуса о небесном хлебе в свете учения о Евхаристии), например история Иосифа и его братьев, связаны с темой голода и хлеба — оскудение земли Ханаанской заставляет сыновей Иакова явиться в земли Египетские, ибо голод отождествим со смертью, тогда как хлеб — с самой жизнью: «И сказал он: я слышал, что есть хлеб в Египте; пойдите туда и купите нам оттуда хлеба, чтобы нам

жить и не умереть» (Бытие 42: 2) [Библия, 2014, с. 46]; «И снабжал Иосиф отца своего и братьев своих, и весь дом отца своего хлебом… И не было хлеба по всей земле, потому что голод весьма усилился, и изнурены были от голода земля Египетская и земля Ханаанская» (Бытие 47: 12—13) [Библия, 2014, с. 53]. В повести А. Неверова все мысли героя исключительно о хлебе, даже во сне он видит «Ташкент невиданный» [Неверов, 1983, с. 189], мешки с хлебом и семенами пшеницы. Таким образом, путешествие Мишки в Ташкент прочитывается и как символическое путешествие души к обретению вечной жизни, Рая.

Примечательно, кстати, что всякий раз, когда героя ждет беда, рядом оказывается собака: «Собаки обнюхались молча. Потом зарычали, оскалились, налетели на ту, что держала горбушку в зубах, свились клубком, кувыркнулись, выпрямились, снова наскочили» [Неверов, 1983, с. 245]. Или: «Навстречу шли три лохматые собаки. Людей кругом не было <…> Мишка оробел и от страха, что собаки могут его разорвать, начал молиться богу» [Неверов, 1983, с. 266]. Образ собаки маркирует «чужое» место (не случайно, видимо, собаки появляются, когда герой покидает пределы средней полосы и оказывается в калмыцких степях), соотносим со страхом и отчаянием, испытываемыми героем, и вновь «высвечивает» библейский подтекст. Так, в ветхозаветной истории собаки мыслились хищниками, поедавшими мертвых ради выживания, а в Новом завете упоминание собаки или сопоставление с ней имеет негативную коннотацию. Так, например, лжеучителя именуются «псами» в Послании апостола Павла к филиппийцам 2:3 («Берегитесь псов…» [Библия, 2014, с. 241] и во Втором Послании апостола Петра 2:22 («Но с ними случается по верной пословице: “пес возвращается на свою блевотину”» [Библия, 2014, с. 179]. В Евангелие от Матфея 7:6 Христос в аллегорической форме предупреждает о невозможности проповеди Евангелия перед ожесточившимися и нераскаявшимися, которые сравниваются с «нечистыми» «псами» и «свиньями»: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» [Библия, 2014, с. 931].

С момента исхода юного героя из дома начинается череда его тяжелейших испытаний, которые происходят в дороге. Хронотоп пути-дороги (и связанный с ним мотив странничества) оказывается определяющим, причем не только в повести А. Неверова, но и в прозе о беспризорниках вообще (достаточно вспомнить, к примеру, «Странников» В. Шишкова или «Шаромыжников» В. Горного). По М. М. Бахтину, дорога — «место встреч и обновлений»: здесь пересекаются в одной временной и пространственной точке пути различных людей, «осложняясь и конкретизируясь соци-

альными дистанциями, которые здесь преодолеваются. Дорога — точка завязывания и место совершения событий. Время, вливаясь в пространство, течёт по нему, образуя дороги» [Бахтин, 1975, с. 302]. Хронотоп пути-дороги в повести А. Неверова определяет построение сюжета, в котором персонаж преодолевает ряд испытаний, проходит инициацию, в том числе посредством помощников, с которыми он встречается в путешествии. Такой тип сюжета возник еще в рамках мифа, пришел, как известно, в средневековую литературу [Зюмтор, 2003, с. 182], закрепился в сказке. Путь-дорога в Ташкент для главного героя — это одновременно и путешествие с вполне конкретной целью, и инициация, которой традиционно подвергаются сказочные персонажи, с той лишь разницей, что в повести А. Неверова она имеет глубокий нравственный, гуманистический подтекст: пережитые в пути испытания и горести заставляют Мишку по-настоящему повзрослеть — понять, что истинная ценность жизни заключается в возможности пожертвовать собой ради блага других — он во что бы то ни стало должен добыть хлеб. Очевидно, что библейские аллюзии вплетаются в сказочную структуру.

3.3. Специфика воплощения сказочного нарратива в повести А. Неверова

По словам В. Я. Проппа, «какая-либо беда — основная форма завязки сказки. Из беды и противодействия создается сюжет» [Пропп, 2000, с. 10]. Именно беда — потеря кормильца и голод — становится причиной поездки Мишки в Ташкент и служит движущей силой развития сюжета. Композиция повести также подобна сказочной. Она «строится на пространственном перемещении героя» [Пропп, 2000, с. 32]. Мишка, равно как и главные герои сказок, нарушая «запрет» (опасения умирающей матери, что он не вернется; доводы соседей-крестьян о том, что он «маленький»), уходит, покидая родной дом: «Эта отправка представляет собою нечто иное, чем временная отлучка. <…> На этом пути героя ждут различные приключения» [Пропп, 2000, с. 38]. Связь со сказкой проявляется и в моменте сбора героя в дорогу, когда он «до отправки просит снабдить его чем-либо. <...> Предметы, которыми снабжается герой, очень разнообразны: тут и сухари, и деньги; и корабль с пьяной командой, и палатка, и конь» [Пропп 2000, с. 33]. В «Ташкенте — городе хлебном», отправляясь в путь, Мишка тоже собирает незатейливый скарб: соль в тряпочке, жестяная кружка, веревка «про запас», а также складной самодельный ножик, кусок травяного хлеба — рационализированные сказочные «хлеб» и «посох». Эти вещи на протяжении всего сюжета охраняют героя от голодной смерти: продавая их, он спасает жизнь себе и своему товарищу.

«Развитие» сюжета повести на этом этапе сродни сюжету сказочному: «всё развитие идет по остановкам, и эти остановки разработаны очень детально» [Пропп, 2000, с. 40]. Первая остановка — отдых на «бугорке», с которого еще видна родная деревня, а потому есть возможность вернуться. Следующая — станция, приоткрывающая Мишке и его попутчику «большой» мир, страшный, чужой, предстающий как суматоха и сутолока, где выживают самые сильные, выносливые и расторопные. Дальнейшее движение и остановки героя будут соответствовать движению эшелона и его стоянкам на пути в Ташкент, причем каждая остановка знаменует встречу Мишки с новым попутчиками и открытие неприглядных, а порой и страшных картин реальности: многочисленных голодных смертей, изможденных людей, теряющих последние силы.

Добывать самую малую крошку хлеба, кусочек съедобного Мишке приходилось с великим трудом самым оскорбительным образом. В огромной толпе Мишка ощущает себя одиноким, брошенным, никому не нужным, оставшимся один на один со своей бедой. Смерть преследует маленького героя на протяжении всего страшного «путешествия» в «город хлебный» — от кончины его друга Сережки до многочисленных смертей случайных попутчиков: «Смерть ходила по вагонам, по вагонным крышам, по грязным канавкам, где валялись голодные. Смерть настигала солдата с девчонкой, ушедших вперед, разыскала их на маленькой станции, куда они торопились» [Неверов, 1983, с. 263]. Или: «Головой около Мишкиных ног лежала косматая баба кверху лицом и мертвыми незакрытыми глазами смотрела в чужое далекое небо» [Неверов, 1983, с. 250].

Без билета, чудом пробравшись на паровоз, Мишка отправляется в Ташкент. Во время путешествия он встречает множество страдающих, больных, опухших, сошедших с ума от голода людей, которые безжалостно отталкивают детей, ищущих поддержки у взрослых. Так, на одной из станций женщина назвала его «жуликом», а «мужик в наглухо застегнутом полушубке покосился на Мишку» [Неверов, 1983, с. 200] и злобно обругал его. Унижение беспризорных детей, издевательства над ними повсеместны: «Стояла барыня на крылечке в зеленом вагоне, на пальцах — два кольца золотых... Рядом ребятишки смотрят ей в рот. Бросит мосолок барыня — ребятишки в драку. Упадут всей кучей и возятся. Потом опять выстроятся в ряд. Перекидала мосолки барыня, бросила хлебную корочку» [Неверов, 1983, с. 202]. «Капли» детских страданий, однако, «никем не замечены», более того, Мишка понимает жестокую истину — беспризорные дети никому не нужны, надеяться им не на кого: «Людям не больно нужно, и увидит кто, нарочно отвернется. Много, скажет, ихнего брата валяется, пускай умирает» [Неверов, 1983, с. 222]. И в этом отношении повесть

А. Неверова также выделяется на фоне иных текстов о беспризорниках: писатель изображает реалии поволжского голода не просто без прикрас, но более чем натуралистично, что, кстати, стало поводом для сознательного ее замалчивания в печати вплоть до середины 1970-х годов. Беспризорники в «Ташкенте…» никому не нужны, они не вызывают сочувствия в жестоком мире, наполненном голодом и страданиями: маленькие герои совершенно одни, помочь им практически некому (эта же тенденция прослеживается и в других образцах прозы о беспризорниках 1920-х годов; к примеру, в «Моей Одиссее» В. Авдеева). Страшные картины бесприютности, брошенности, неприкаянности одна за другой вырастают в повести А. Неверова на протяжении всего сюжетного развертывания, и не случайно драматизм происходящего передаётся рубленой прозой — раздробленный, расчлененный текст заостряет важные детали, образующие цельную картину детского бедствия:

«Щенками брошенными валялись ребята:
и голые,
и завернутые в тряпки,
и охрипшие, тихо пикающие.
и громкоголосые, отгоняющие смерть неистовым криком» [Неверов, 1983, с. 242].

Кроме того, рубленая проза передает ритм движения поезда, причем мерный стук колес будто отбивает страшный и закономерный итог «путешествия», что выделено графически:

«Нельзя оставаться на маленькой станции в безлюдной киргизской степи:
голод съест
вошь съест,
тоска съест,
отчаянье…» [Неверов, 1983, с. 248].

Особую роль в повествовании играют пейзажные зарисовки, во многом маркирующие в пространственно-временном континууме произведения топосы «своего» и «чужого». Как только поезд, на котором герой движется к заветной цели, оказывается в бескрайней калмыцкой степи, картины природы становятся всё более зловещими, знаменуя страх и смерть. Пространство будто сгущается вокруг героя и окрашивается в черные тона — над поездом нависает темное небо, сверкают молнии, льёт холодный дождь, «шибко рвет» ветер: «Навернулась огромная туча, залепила солнце, черным пологом упала над поездом» [Неверов, 1983, с. 250].

На нелегком пути Мишки встречаются добрые люди. Они вполне соотносимы с традиционными сказочными помощниками и появляются

в минуты абсолютного отчаяния, когда смерть подступает совсем близко. Таким волшебным помощником для главного героя становится, во-первых, сестра милосердия, обладательница «ласкового» голоса и «жалостливых» глаз, — именно она, проявляя сострадание к голодным обрванцам, ухаживает за умирающим Сережей и отдает Мишке кусок черного хлеба, вселяя в мальчика надежду: «Не тому Мишка рад, что в больницу Сережку положат. Нет, и этому рад. А еще больше вот чему рад: есть на свете хорошие люди, только сразу не нападешь. И сердцу веселее, и голоду меньше в кишках» [Неверов, 1983, с. 211]. Во-вторых, товарищ Дунаев из ортчека. Когда «стояла над Мишкой сухая, голодная смерть», Дунаев обнаруживает его, лежащего в голодном обмороке, обессиленного, кормит мальчика и велит подчиненному посадить Мишку на поезд. Наконец, машинист Кондратьев, который также не оставил юного мальчугана в беде и пропустил без билета на поезд. Главной функцией «помощников» является доставка героя в дальние края, «иное царство», которым в повести выступает Ташкент, город «сытый, хлебный, улыбающийся» [Неверов, 1983, с. 247], и спасение от голодной смерти главного героя. Все эти «помощники» в конечном итоге дают возможность бесприютному Мишке Додонову обрести себя, веру в завтрашний день.

Вынести испытания, правда, дано не каждому, так, Мишкин друг Сережка умирает в больнице, один за другим уходят из жизни и случайные попутчики. Для главного героя наступает пора тотального одиночества. Среди всеобъемлющей бесчеловечности, беспорядка, воровства, унижений и изнурительного голода Мишке не даёт погибнуть мечта, к которой он стремился с недетской рассудительностью, с которой он шаг за шагом, от станции к станции, на крышах вагонов, продвигается. Мотив одиночества, беспризорности неразрывно связан в произведении с мотивом странничества, поскольку весь сюжет строится на основе непрерывного путешествия героя.

Однако, несмотря на тяжелейшие жизненные испытания, герой не теряет надежды, веры в людей, в нем крепок дух и велика сила воли, позволяющие ему благополучно возвратиться с желанным хлебом домой и жить дальше: «Ладно, тужить теперь нечего, буду заново заводиться...» [Неверов, 1983, с. 284].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный», мы пришли к следующим выводам.

Повесть представляет собой весьма не типичное явление в общем контексте формирующейся в 1920-х годах прозы о беспризорниках. Равно как

и близкие по времени создания рассказы В. Шишкова, Л. Сейфуллиной, В. Горного, она изображает скитания бесприютного ребенка, вынужденного надеяться лишь на себя и собственные силы. Однако от аналогичных в тематическом отношении произведений она принципиально отличается, во-первых, обилием натуралистических картин (прозаик не романтизирует скитания маленьких бродяг, не выступает исключительно бытописателем, но без прикрас изображает болезни, голод, многочисленные смерти периода тотального поволжского голода). Во-вторых, сюжетное развертывание выстраивается по аналогии со сказочным нарративом (герой, движимый бедой, отправляется в далекий путь, и хронотоп пути-дороги, определяющий сюжетное развертывание и композиционную структуру повести, становится определяющим). В-третьих, в повествование вплетаются библейские аллюзии (символическую роль обретают ветхо- и новозаветные образы хлеба, Рая, собаки; само путешествие беспризорного героя «прочитывается» как символическое путешествие души к обретению вечной жизни, Рая).

Перспективы исследования видятся нам в дальнейшем осмыслении отечественной традиции прозы о беспризорниках, её преломлении в современной словесности (так, небезынтересно было бы сопоставить повесть А. Неверова с «Эшелоном на Самарканд» Г. Яхиной, построенным по отчетливо выраженной «неверовской» схеме). И наконец, одной из перспектив может стать сравнительно-сопоставительный анализ особенностей прозы о беспризорниках на разных этапах её развития.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники

1. *Беспризорные* : Сборник рассказов / Предисл. : А. Калинина. — Москва : Гудок, 1926. — 64 с. — ([Библиотека газеты «Гудок» ; № 30]).

2. *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва : Российское библейское общество, 2014. — 1400 с. — ISBN 978-5-85524-311-6.

3. *Неверов А. С.* Из архива писателя : Исследования. Воспоминания / А. С. Неверов ; [Ред.-сост. В. П. Скобелев и Н. И. Страхов]. — Куйбышев : Книжное издательство, 1972. — 336 с.

4. *Неверов А. С.* Ташкент — город хлебный, Гуси-лебеди. Рассказы, повести, роман / А. С. Неверов ; Вступ. ст. В. А. Чалмаева. — Москва : Правда, 1983. — 480 с.

5. *Постановление* СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // СЗ СССР. 1935. № 32. Ст. 252.

Литература

1. *Аляева Г. А.* Писатель Александр Неверов (1886—1923) / Г. А. Аляева // Московский журнал. — 2016. — № 10. — С. 33—38.

2. *Анзорова А. И.* Рост детской беспризорности и безнадзорности в СССР в 1920 — 1930 годы XX ВЕКА / А. И. Анзорова // Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях : сборник статей Международной научно-практической конференции (3 мая 2017 г., г. Казань). В 3 ч. — Уфа : МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2017. — Ч. 1. — С. 3—5. — ISBN 978-5-906924-96-4.

3. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.

4. *Берловская Л.* Возвращение в литературу / Л. Берловская // Вопросы литературы. — 1965. — № 9. — С. 232—232.

5. *Бухина О.* Чего может добиться гадкий утенок : психологический портрет сироты в детской литературе / О. Бухина // Конструируя детское. Филология, история, антропология. — Москва ; Санкт-Петербург : Азимут, Нестор-История, 2011. — С. 374—397. — ISBN 978-5-98187-864-0.

6. *Бухина О.* Герои-сироты в детской литературе : отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи / О. Бухина, А. Лану // Детские чтения. — 2015. — Т. 7. — № 1. — С. 24—47.

7. *Воспитание* гражданина в педагогике А. С. Макаренко / [ред.-сост. С. С. Невская]. — Москва : Акад. Проект : Альма Матер, 2006. — 970, [3] с. — ISBN 5-8291-0609-4.

8. *Гоголева А. В.* Проблемы профилактики и социально-педагогической реабилитации безнадзорности, беспризорности и бродяжничества : диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.01 / А. В. Гоголева. — Ульяновск, 2004. — 486 с.

9. *Головина Л. Г.* Проблема беспризорности в русской литературе XX века : к вопросу о мифологемах «дом» и «семья» (на примере произведений А. Неверова, В. Шишкова, Л. Пантелеева и Г. Белых, А. Приставкина, В. Крапивина) / Л. Г. Головина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2010. — № 3. — С. 28—34.

10. *Девятова Е. В.* Беспризорность в контексте российской культуры : монография / Е. В. Демидова. — Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. — 118 с. — ISBN 978-5-94839-244-8.

11. *Демидова Е. В.* Преступность беспризорных детей и социальных сирот и её предупреждение : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Е. В. Демидова. — Казань, 2008. — 24 с.

12. *Золотухина А. В.* Эволюция образа подростка в детской литературе 1930-х — 1970-х годов : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Золотухина. — Москва, 2018. — 18 с.

13. *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики = Essal de poetique medievale / П. Зюмтор ; Пер. с фр. И. К. Стаф. — Санкт-Петрбург : Алетейя, 2003. — 544 с. — ISBN 5-89329-566-8.

14. *Крутько Е. А.* Детская безнадзорность как феномен социального отчуждения : автореферат диссертации … кандидата философских наук : 09.00.11 / Е. А. Крутько. — Новосибирск, 2011. — 20 с.

15. *Мишина В. В.* Детская безнадзорность как социальное явление / В. В. Мишина, Е. А. Никитская // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2019. — № 3—1. — С. 91—93.

16. *Нечаева А. М.* Детская беспризорность — опасное социальное явление / А. М. Нечаева // Государство и право. — 2001. — № 6. — С. 58—61.

17. *Осьмухина О. Ю.* Специфика воплощения темы детства в «Правонарушителях» Л. Сейфуллиной / О. Ю. Осьмухина, Н. В. Чекашева // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2022. — № 1. — Т. 4 (39). — С. 49—60. — DOI: 10.51965/2076-7919_2022_1_4_49.

18. *Печко Л. П.* Неверов А. С / Л. П. Печко // Краткая литературная энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1968. — Т. 5. — Стб. 159—160.

19. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2000. — 336 с. — ISBN 5-288-01710-7.

20. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2001. — 192 с. — ISBN 5-87604-152-1.

21. *Семина Н. В.* Личность беспризорника 20—40-х гг. XX века (исторический аспект) / Н. В. Семина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2007. — Т. 13. — № 36. — С. 243—247.

22. *Сиротство* и беспризорность в России : история и современность / авт.-сост. В. Н. Занозина, Е. М. Колосова, А. Н. Чистиков. — Санкт-Петербург : Лики России, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-87417-276-3.

23. *Скобелев В. П.* Александр Неверов : Критико-биографический очерк / В. П. Скобелев. — Москва : Советский писатель, 1964. — 196 с.

24. *Славко А. А.* Динамика численности беспризорных детей в России (1920—1940 гг.) / А. А. Славко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 6. — С. 160—164.

25. *Славко А. А.* Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х — начала 1950-х годов : социальный портрет, причины, формы борьбы : автореферат диссертации … доктора исторических наук : 07.00.02 / А. А. Славко. — Самара, 2011. — 43 с.

26. *Слуцкий Е. Г.* Беспризорность в России : вновь грозная реальность / Е. Г. Слуцкий // Социологические исследования. — 1998. — № 3. — С. 117—122.

27. *Смирнова Т. М.* «Лучше вывести и расстрелять» : Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) / Т. М. Смирнова // Ежегодник историко-антропологических исследований–2003. — Москва : ЭКОН-ИНФОРМ, 2003. — С. 226—245.

28. *Страхов Н.* Александр Неверов. Жизнь. Личность. Творчество / Н. Страхов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Художественная литература, 1972. — 444 с.

29. *Терновский А. В.* Неверов А. С / А. В. Терновский // Русские детские писатели XX века : Биобиблиографический словарь. — Москва : Флинта; Наука, 1997. — С. 305—307. — ISBN 5-02-011304-2.

30. *Чалмаев В.* Серафимович. Неверов / В. Чалмаев. — Москва : Молодая гвардия, 1982. — 399 с.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 23.06.2023.

Material resources

Neverov, A. S. (1972). *From the writer's archive: Studies. Memoirs*. Kuibyshev: Book Publishing House. 336 p. (In Russ.).

Neverov, A. S. (1983). *Tashkent — the city of bread, Geese-swans. Stories, novellas, novel.* Moscow: Pravda. 480 p. (In Russ.).

Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR, the Central Committee of the CPSU (b) of 31.05.1935 "On the elimination of child homelessness and neglect". *SZ USSR. 1935. № 32. St. 252.* (In Russ.).

The Bible. The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. (2014). Moscow: Russian Bible Society. 1400 p. ISBN 978-5-85524-311-6. (In Russ.).

The homeless: A collection of short stories. (1926). Moscow: Gudok. 64 p. ([Library of the newspaper "Gudok"; № 30]). (In Russ.).

References

Alyaeva, G. A. (2016). Writer Alexander Neverov (1886—1923). *Moscow Journal, 10:* 33—38. (In Russ.).

Anzorova, A. I. (2017). The growth of child homelessness and neglect in the USSR in the 1920s — 1930s of the XX CENTURY. In: *Dynamics of relations between various fields of science in modern conditions: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (May 3, 2017, Kazan). At 3 o'clock, 1.* Ufa: MOSCOW OMEGA SCIENCES. 3—5. ISBN 978-5-906924-96-4. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. In: *Essays on historical poetics. Questions of literature and aesthetics.* Moscow: Fiction. 234—407. (In Russ.).

Berlovskaya, L. (1965). Return to literature. *Questions of literature, 9:* 232—232. (In Russ.).

Bukhina, O. (2011). What the ugly duckling can achieve: a psychological portrait of an orphan in children's literature. In: *Constructing a child. Philology, history, anthropology.* Moscow; St. Petersburg: Azimut, Nestor-History. 374—397. ISBN 978-5-98187-864-0. (In Russ.).

Bukhina, O., Lanu, A. (2015). Orphan heroes in children's literature: reflection of the social crisis of the beginning and end of the Soviet era. *Children's reading, 7 (1):* 24—47. (In Russ.).

Chalmaev, V. (1982). *Serafimovich. Neverov.* Moscow: Molodaya gvardiya. 399 p. (In Russ.).

Demidova, E. V. (2008). *Crime of street children and social orphans and its prevention.* Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 24 p. (In Russ.).

Devyatova, E. V. (2010). *Homelessness in the context of Russian culture: monograph.* Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy. Culture and Arts. 118 p. ISBN 978-5-94839-244-8. (In Russ.).

Education of a citizen in pedagogy A. S. Makarenko. (2006). Moscow: Akad. Project: Alma Mater. 970, [3] p. ISBN 5-8291-0609-4. (In Russ.).

Gogoleva, A. V. (2004). *Problems of prevention and socio-pedagogical rehabilitation of neglect, homelessness and vagrancy.* Doct. Diss. Ulyanovsk. 486 p. (In Russ.).

Golovina, L. G. (2010). The problem of homelessness in the Russian literature of the twentieth century: on the question of the mythologems "home" and "family" (on the example of the works of A. Neverov, V. Shishkov, L. Panteleev and G. Belykh, A. Pristavkin, V. Krapivin). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism, 3:* 28—34. (In Russ.).

Krutko, E. A. (2011). *Child neglect as a phenomenon of social alienation.* Author's abstract of PhD Diss. Novosibirsk. 20 p. (In Russ.).

Mishina, V. V., Nikitskaya, E. A. (2019). Child neglect as a social phenomenon. *Scientific review. Pedagogical sciences, 3—1:* 91—93. (In Russ.).

Nechaeva, A. M. (2001). Child homelessness is a dangerous social phenomenon. *State and Law, 6:* 58—61. (In Russ.).

Orphanhood and homelessness in Russia: history and modernity. (2008). St. Petersburg: Faces of Russia. 304 p. ISBN 978-5-87417-276-3. (In Russ.).

Osmukhina, O. Yu., Chekasheva, N. V. (2022). Specifics of the embodiment of the theme of childhood in L. Seifullina's "Delinquents". *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University, 1 / 4 (39):* 49—60. DOI: 10.51965/2076-7919_2022_1_4_49. (In Russ.).

Pechko, L. P. (1968). Neverov A. S. In: *Brief literary encyclopedia, 5.* Moscow: Soviet Encyclopedia. Stb. 159—160. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (2000). *Historical roots of a fairy tale.* Moscow: Labyrinth. 336 p. ISBN 5-288-01710-7. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (2001). *Morphology of a fairy tale.* Moscow: Labyrinth. 192 p. ISBN 5-87604-152-1. (In Russ.).

Semina, N. V. (2007). The personality of a street child of the 20—40s of the XX century (historical aspect). *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen, 13 (36):* 243—247. (In Russ.).

Skobelev, V. P. (1964). *Alexander Neverov: A critical and biographical essay.* Moscow: Soviet Writer. 196 p. (In Russ.).

Slavko, A. A. (2009). Dynamics of the number of street children in Russia (1920—1940). *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 11 (6):* 160—164. (In Russ.).

Slavko, A. A. (2011). *Child homelessness and neglect in Russia of the late 1920s — early 1950s: social portrait, causes, forms of struggle.* Author's abstract of PhD Diss. Samara. 43 p. (In Russ.).

Slutsky, E. G. (1998). Homelessness in Russia: once again a formidable reality. *Sociological research, 3:* 117—122. (In Russ.).

Smirnova, T. M. "It's better to take out and shoot": Soviet power and hungry children (1917—1923). In: *Yearbook of Historical and anthropological research-2003.* Moscow: EKON—INFORM. 226—245. (In Russ.).

Strakhov, N. (1972). *Alexander Neverov. Life. Personality. Creativity. 2nd ed., reprint. and add.* Moscow: Fiction. 444 p. (In Russ.).

Ternovsky, A. V. (1997). *Neverov A. S. Russian children's writers of the XX century: A Biobibliographical dictionary.* Moscow: Flint; Nauka. 305—307. ISBN 5-02-011304-2. (In Russ.).

Zolotukhina, A. V. (2018). *The evolution of the image of a teenager in children's literature of the 1930s — 1970s.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Zyumtor, P. (2003). *The experience of building medieval poetics = Essal de poetique medieval.* St. Petersburg: Aleteya. 544 p. ISBN 5-89329-566-8. (In Russ.).

The article was submitted 03.05.2023;
approved after reviewing 14.06.2023;
accepted for publication 23.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Пяткин С. Н. Эпистолярный отзыв Н. А. Клюева о поэме С. А. Есенина «Пугачёв» : «тёмные места» многомерной оценки / С. Н. Пяткин, И. В. Кудряшов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 328—346. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-328-346.

Pyatkin, S. N., Kudryashov, I. V. (2023). Nikolai Klyuev's Epistolary Review of Sergei Yesenin's Poem 'Pugachev': "Dark Places" of Multidimensional Evaluation. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 328-346. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-328-346. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-328-346

Эпистолярный отзыв Н. А. Клюева о поэме С. А. Есенина «Пугачёв»: «тёмные места» многомерной оценки

Пяткин Сергей Николаевич *
orcid.org/0000-0002-8659-7543
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
русского языка и литературы,
**** корреспондирующий автор***
nikolas_pyat@mail.ru

Кудряшов Игорь Васильевич
orcid.org/0000-0001-7022-3830
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
русского языка и литературы
kiv.arz@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
(Арзамас, Россия)

Nikolai Klyuev's Epistolary Review of Sergei Yesenin's Poem 'Pugachev': "Dark Places" of Multidimensional Evaluation

Sergey N. Pyatkin *
orcid.org/0000-0002-8659-7543
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department
of Russian and Literature,
**** Corresponding author***
pyatkinsn@arz.unn.ru

Igor V. Kudryashov
orcid.org/0000-0001-7022-3830
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department
of Russian and Literature,
kiv.arz@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
(Arzamas, Russia)

© Пяткин С. Н., Кудряшов И. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено историко-литературное исследование эпистолярного отзыва новокрестьянского поэта Николая Алексеевича Клюева (1884—1937) о драматической поэме С. А. Есенина «Пугачев» (1922). Отзыв содержится в письме от 28 января 1922 года и априорно характеризуется в литературоведении как «восторженное приветствие». Отмечается, что в оценке Клюевым есенинской поэмы присутствуют «тёмные места», а именно: автор письма умышленно замалчивает имажинистскую поэтику есенинского «Пугачева» и, казалось бы, немотивированно сопоставляет драматическую поэму Есенина с пушкинской трагедией «Борис Годунов». Авторы статьи доказывают, что поэма «Пугачев», свидетельствующая о стремительном росте Есенина как поэта, стала, по мнению Клюева, результатом сохранившейся связи с традициями народной поэзии, а не плодом имажинистской школы. Суждение Клюева о том, что есенинская поэма «Пугачев» «нужней и желаннее “Бориса Годунова”», лишь на поверхностный взгляд выглядит алогичным и парадоксальным. Подчеркивается, что эпистолярный отзыв Клюева о «Пугачёве» не содержит оценки литературных достоинств драматической поэмы в сравнении с «Борисом Годуновым», а выражает исключительно личное отношение к младшему поэту. Переданная вместе с письмом в Вытегру книга «Пугачёв» стала для Клюева знаком доверительности дарителя, вещественным выражением любви и дружбы адресанта, свидетельством духовной и творческой преданности ученика своему учителю. Для восстановления прежних отношений с Есениным олонецкому поэту была «нужней и желаннее» поэма «Пугачёв», так как её содержание созвучно идее жертвенного служения своему народу, которая выступает сквозным мотивом всего творчества Клюева.

Ключевые слова:
Николай Клюев; эпистолярий; Сергей Есенин; Борис Годунов; новокрестьянская поэзия; Пугачёв; Пушкин; имажинизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a historical and literary analysis of the epistolary review by the peasant poet Nikolai Klyuev (1884—1937) of the dramatic poem ‘*Pugachev’* (1922) by S. A. Yesenin. The review, contained in a letter dated January 28, 1922, has been characterized in literary studies as an “enthusiastic greeting.” However, the authors argue that Klyuev’s evaluation of Yesenin’s poem contains “dark places,” specifically his deliberate omission of the imagist poetics of ‘*Pugachev’* and his seemingly unmotivated comparison of Yesenin’s dramatic poem with Pushkin’s tragedy ‘*Boris Godunov*.’ The authors demonstrate that Klyuev believed that ‘*Pugachev*,’ which reflects Yesenin’s rapid growth as a poet, was the result of his connection to the traditions of folk poetry rather than the product of the imagist school. Klyuev’s judgment that Yesenin’s poem was “more necessary and desirable than ‘*Boris Godunov*’” may appear illogical and paradoxical at first glance, but the authors emphasize that his epistolary review expresses only his personal relationship with the younger poet and does not evaluate the literary merits of the two works. The book ‘*Pugachev*,’ which was sent to Vytegra along with the letter, became a sign of trust from the donor, a gift, a tangible expression of love and friendship from the addressee, and evidence of the spiritual and creative devotion of the student to his teacher. For Klyuev, who sought to restore his relationship with Yesenin, ‘*Pugachev’* was “more necessary and desirable” because its content resonated with the idea of sacrificial service to his people, which is a recurring theme in Klyuev’s work.

Key words:
Nikolai Klyuev; epistolary; Sergei Yesenin; Boris Godunov; peasant poetry; Pugachev; Pushkin; imagism.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Клюев.07+821.161.1Есенин.07

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Эпистолярный отзыв Н. А. Клюева о поэме С. А. Есенина «Пугачёв»: «тёмные места» многомерной оценки

© Пяткин С. Н., Кудряшов И. В., 2023

1. Введение = Introduction

Эпистолярный отзыв Н. А. Клюева о драматической поэме С. А. Есенина «Пугачев» («*“Пугачёв” — свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее “Бориса Годунова”, хотя там и золото, и стены Кремля, и сафьянно-упругий сытовый воздух 16—17 века. И последняя Византия*» [СД, 2003, с. 254]) в существующей исследовательской практике преимущественно аттестуется посредством бессодержательного определения «восторженное приветствие». Аморфность такой дефиниции отчетливо проявляется на фоне работ, подробно освещающих прижизненную критику о есенинском произведении, которая сама по себе отличается разнокачественными и объемными оценками «Пугачева» (см. подробнее: [Шубникова-Гусева, 2001, с. 144—158].

Отметим, что текст клюевского письма от 28 января 1922 года, в котором содержится приведенная выше критическая реплика, как ценный источник информации, уточняющий биографические реалии творческих взаимоотношений поэтов, неоднократно привлекал внимание ученых (см.: [Азадовский, 1988; Казаков, 2014; Кудряшов и др., 2022]). И в этом отношении, безусловно, исключительная роль принадлежит публикации Л. А. Киселёвой, ставшей первым и на сегодняшний день и единственным опытом специального научного изучения клюевского отзыва о поэме Есенина.

Украинская исследовательница, обращаясь к различным контекстам понимания образного суждения Клюева — историческому, культурному, поэтологическому, — даёт убедительную аналитическую картину о нём как многомерном и многомысленном восприятии старшим поэтом нового и новаторского сочинения Есенина. Фактически каждое слово лаконичной оценки Клюева получает у Л. А. Киселёвой детализированное истолкование, эксплицирующее ключевые доминанты художественной философии поэта, в которой особое место занимает оригинальное осмысление духовного содержания феномена византийства в русской культуре [Киселёва, 2013].

Внимание исключительно к этой стороне творческого сознания Клюева, концептуализирующее указанную научную работу, оставляет так называемые «тёмные места», связанные, во-первых, с умышленным, как мы полагаем, замалчиванием автором письма имажинистской поэтики есенинского «Пугачева», а во-вторых, с довольно-таки неожиданным, ничем не подкрепленным в эпистолярном тексте сопоставлением драматической поэмы Есенина с пушкинской трагедией «Борис Годунов». Обращение к названным «темным местам» и попытка их прочтения, предпринятые в настоящем исследовании, обусловливают его научную новизну.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Неослабевающее внимание ученых к творческому диалогу Клюева и Есенина, в котором обнаруживаются всё новые и новые историко-литературные связи и скрытые коды, мотивировано его значимостью как для углубления представлений об эволюции художественного мировидения обоих поэтов, так и для всестороннего осмысления идейно-эстетических принципов новокрестьянской поэзии как неординарного явления в литературе Серебряного века.

Изучение авторской интенциональности, характеризующей (да и во многом определяющей) диалогическое взаимодействие поэтических миров Клюева и Есенина, на сегодняшний день имеет вполне сложившуюся научную традицию. В ее русле полно и обстоятельно «расшифрованы» символика и аллюзии, восходящие к древнерусской книжности и к глубинным пластам народного образного мышления (см.: [Азадовский, 1990; Базанов, 1990; Киселёва, 1997; Неженец, 2007; Кудряшов и др., 2012; Алексеева, 2019] и др.), что служат эстетическим и ценностным основанием художественной концептосферы в произведениях поэтов. Этот исследовательский подход вполне дополняют работы, посвященные скифской аксиологии [Солнцева и др., 2021] и феноменологии голгофского христианства [Серегина, 2015]. В ряде заметных публикаций, актуализирующих сложный и противоречивый характер личных взаимоотношений Клюева и Есенина, анализ опорных точек парадигмы «учитель—ученик» как значимого конструкта репрезентируемого творческого диалога убедительно объективирует имманентную природу самобытности литературного дарования каждого из поэтов (см.: [Субботин, 1994]; [Киселева, 2012]; [Кудряшов и др., 2020]). В границах данного контекста предметно изучается влияние клюевской лирики на концептуальное содержание есенинского трактата «Ключи Марии» ([Киселева, 1994]; [Александрова, 2009]) и дается системное представление о полемическом диалоге поэтов в области теории искусства [Серегина, 2022].

Накопленный научный опыт опосредованно способствует осмыслению имплицитных посылов, образующих выделенные нами «темные места» в эпистолярной оценке Клюева есенинского «Пугачева», и дает возможность значительно расширить существующую интерпретацию интересующего нас письма. На это, собственно, и нацелено предлагаемое исследование, опирающееся на методологические подходы (прежде всего биографический, системно-функциональный, историко-функциональный, герменевтический), которые сложились в современной практике сравнительно-сопоставительного изучения творческого наследия писателей-современников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Многозначительное умолчание об имажинизме Есенина

Хорошо известно, что «Пугачёв» Есенина в подавляющей части первых рецензий и отзывов современников воспринимался как событие имажинистской поэзии. Более того, по справедливому утверждению Н. И. Шубниковой-Гусевой, поэма Есенина «стала поводом к дискуссии об имажинизме» в литературной критике той поры [Шубникова-Гусева, 2001, с. 491]. Однако стоит напомнить, что дискуссия Клюева с Есениным об имажинизме началась ещё до выхода в свет «Пугачёва».

Летом 1921 года в письме к С. М. Городецкому Клюев, выговаривая горькие жалобы на Есенина («*Наслышан я, что он на всех перекрестках лает на меня, но Бог с ним, — вот уже три года, как я не видал его и строчки не получил от него*»), доверительно интересуется: «*Как смотришь — на его дела, на его имажинизм?*» [СД, 2003, с. 251].

Клюев не случайно задаёт этот вопрос именно Городецкому, желая, как мы считаем, получить в ответе влиятельную поддержку своему, уже вполне твердо сложившемуся взгляду на имажинизм Есенина. Авторитетный литературный деятель, некогда объединивший «новых» крестьянских поэтов, и, по сути, легализовавший неонародническое направление в отечественной культуре начала XX века в качестве самобытного и самоценного творческого явления, как никто другой соответствовал у Клюева этой роли. Сам же олонецкий поэт в это время работает над поэмой «Четвертый Рим», своеобразным прологом к которой послужило обращённое к Сергею Есенину стихотворение «В степи чумацкая зола…», написанное весной того же года. Оба произведения являются убедительной образно-поэтической иллюстрацией клюевской позиции, категорически не приемлющей нового этапа в творческом развитии Есенина. Имажинизм воспринимается Клюевым как сознательный разрыв «песенного собрата» с духовными основами «избяной», «святой Руси», что сродни евангельскому предательству:

«*От оклеветанных голгоф // Тропа к иудиным осинам*» [СЕ, 1999, с. 499]. Образ жизни, приветствующий урбанистический мир и идеологию «западничества», которые онтологически чужды «земляному» первородству песенного дара Есенина, превращает, по Клюеву, поэзию в «золу», остуженную «гордыней» (см. об этом подробнее: [Михайлов, 1995]). Есенинский имажинизм в художественном сознании Клюева имеет и свою систему «опознавательных» знаков, где в причинно-следственных отношениях существуют обладающие негативными коннотациями явления культурно-бытового плана («обломки рифм», «хромые стопы», «цилиндр», «лаковые башмаки») и нелицеприятный образ злотворного Мариенгофа-садовника, культивирующего новую есенинскую поэтику («Не с Коловратовых полей / В твоем венке гелиотропы // Их поливал Мариенгоф // Кофейной гущей с никотином…» [СЕ, 1999, с. 499]).

Есенинское письмо к Клюеву, написанное в конце декабря 1921 года, которое исследователи аттестуют как «призыв к миру» после двухлетнего разрыва отношений между поэтами (подробнее об этом см.: [Субботин, 1994; Киселёва, 1997; Азадовский, 2002] и др.), было доставлено в Вытегру Н. И. Архиповым вместе с «гостинцами» — есенинскими книгами — в самом начале января 1922 года (подробнее об этом см.: [Казаков, 2014; Кудряшов и др., 2022]), а ответное послание Клюева датируется 28 января того же года. Старший поэт, мучительно переживающий разрыв с Есениным и стремящийся восстановить дружеские и творческие связи с ним, что удостоверяют помимо поэтических произведений письма к Городецкому и Миролюбову 1919—1920 годов, как видим, не особо спешит ответить своему «сопесеннику». Причины такой неспешности Клюева легко объяснимы: эмоционально отреагировав на есенинское письмо и «гостинцы» («*облил … слезами*», «*припадал к ним ликом своим*»), старший поэт «*старался*» посредством них «*угадать <…> теперешнего*» Есенина, о чём Клюев пишет уже в самом начале своего достаточно объёмного послания [СД, 2003, с. 252].

Использованный Клюевым в письме глагол «угадать» в контексте письма и с учетом отношений между поэтами обозначает воссоздание целостного представления о новом Есенине, для чего было необходимо свести воедино сокровенные посылы его краткого письма, открывающегося библейским приветствием, впечатления Архипова от встречи с ним и, главное, собственные рефлексивные заключения относительно последних, ранее неизвестных Клюеву, есенинских произведений, среди которых, безусловно, ключевое место принадлежало поэме «Пугачёв». Важно понимать, что в процессе такого ментального воссоздания Клюев изначально пристрастен, поскольку отправной точкой для него служил образ Есенина-имажиниста,

который достаточно полно, в твердых ценностных значениях, о чем сказано выше, уже сформировался в сознании старшего поэта. И есенинский призыв к миру, содержащийся в его кратком послании Клюеву в Вытегру, вряд ли мог в одночасье кардинально изменить это оценочное суждение.

Добавим к этому, что слово «Имажинисты» на обложке присланных Есениным «гостинцев» (и «Трерядницы», и «Пугачёва») дополнительно стимулировало чувство предвзятости Клюева, приступавшего к чтению новых произведений Есенина, поскольку оно воспринималось им не столько обыденным и обязательным указанием на издательство, сколько символическим маркером «творческой территории», к которой принадлежали и сам автор, и его сочинения.

Однако обозначенная нами предубежденность никак не обнаруживает себя в содержании клюевского послания. «Теперешний» Есенин и есенинский имажинизм в том виде, как его представлял себе Клюев, не обладают в тексте письма олонецкого поэта потенциями к единой репрезентации образа автора «Пугачёва». В данном отношении симптоматично, что клюевское представление о есенинском имажинизме имплицируется в тексте письма, причём в самом начале, как исходный тезис в определении «теперешнего» Есенина, значениями, указывающими на его сугубо внешний и скоротечный характер в творческих исканиях младшего поэта, а не его внутреннюю природную сущность: «*Кожа гремучей змеи на тебе, но она, я верую, до весны, до Апреля урочного*» [СД, 2003, с. 252]. Показательно и то, что имажинистский образ Есенина, запечатлённый Клюевым в поэме «Четвёртый Рим» и стихотворении «В степи чумацкая зола…», в содержании письма как бы распадается на отдельные элементы, теряя свою целостность, а следовательно, и свои ценностные смысловые потенции. Одним из значимых элементов этого образа, как уже было отмечено, является фигура Мариенгофа как нового творческого наставника Есенина, тлетворное влияние которого и обращает есенинский путь к вершинам российского Парнаса в постыдную тропу к «иудиным осинам», низводит поэтический дар в скорбное «есенинское лихо».

Имя Мариенгофа трижды упоминается в клюевском письме. При первом обращении Клюевым высказывается лишь горестное сожаление о том, что не он — а Мариенгоф (к тому же вместе с Дункан) в настоящий момент физически близок к Есенину и хорошо знает его «плотяного». Акцент на «телесности» связан здесь отнюдь не с чувством творческой ревности Клюева к Мариенгофу, что, собственно, подчеркивает в данном случае и упоминание имени Айседоры Дункан. В безотрадном слове старшего поэта выражается чувство утраченной полноты гармоничного присутствия в его жизни Есенина, что некогда было исполнено искренней и взаимной

верой друг в друга. Второе обращение, выдержанное в более эмоциональном ключе, связано, по сути, с идеей борьбы за Есенина-поэта между Мариенгофом и Клюевым. Смысловой доминантой этого фрагмента эпистолярного текста служит оппозиция «потерять — отдать», которая ничуть не уподобляет личность Есенина вещи, а репрезентирует его образ в качестве доверчивого ребенка. Попутно заметим, что этот образ частотен в поэзии Клюева и своё многогранное художественное обобщение и завершение он получит в поэме «Плач о Сергее Есенине» (1926). Кроме того, семантика указанной нами оппозиции, во-первых, эксплицирует вполне ясную логику образного высказывания Клюева: лишиться Есенина он может только в случае добровольного отказа от него, что абсолютно невозможно; одна лишь мысль об этом вселяет в душу Клюева страх, «боль» и «скорбь». Во-вторых, интенциональные смыслы оппозиции «потерять — отдать» фиксируют сохраняющуюся в сознании олонецкого поэта его собственную роль наставника в судьбе «теперешнего» Есенина. В этой связи становится закономерным третье упоминание в клюевском письме о Мариенгофе: «*Серёженька, душа моя у твоих ног. Не пинай ее! За твое доброе слово я готов пощадить даже Мариенгофа, он дождется несчастия*» [СД, 2003, с. 253]. Словосочетание «доброе слово» в контексте приведенного отрывка из письма не стоит воспринимать в сугубо буквальном значении, поскольку оно у Клюева подразумевает нечто большее — аутентичный слову поступок со стороны Есенина, ведущий к событийному возрождению прерванных творческими разногласиями близких, дружеских отношений; наполнению действенным «добрым» содержанием есенинского признания из декабрьского письма Клюеву: «*А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь*» [ПСС6, с. 129]. Поэтому и столь высока у Клюева цена такого слова. Вместе с тем сам факт неожиданной готовности «пощадить» врага во многом обусловлен тем, что автор письма больше не видит в Мариенгофе влиятельной фигуры, способной кардинально воздействовать на «теперешнего» Есенина-поэта. Клюевское же предвестие — «*он дождется несчастия*» — выражает идею о неотвратимом и скором воздаянии Мариенгофу за содеянное зло, что осталось в прошлом. Образно говоря, имя Мариенгофа стало перевернутой страницей в жизни Есенина, а на следующем листе снова появится его — Клюева — имя. Метафора, использованная нами, нисколько не надумана, так как мотив реальной будущей книги, объединённой именами Клюева и Есенина, образует фрагмент клюевского письма, что органично следует в завершении мариенгофской темы и, думается, служит имплицитной отсылкой к непреложной библейской истине: «Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду» (1 Кор. 3:8).

Урбанистические коннотации, во многом определяющие у Клюева имажинистский образ Есенина, отчетливо дают о себе знать в описании внешнего вида и «богемных» манер младшего поэта, которые в тексте послания воспроизводятся со слов Н. И. Архипова: «*Коленька мне говорит, что ты теперь ночной нетопырь с глазами, выполосканными во всех щелоках, что на тебе бобровая шуба, что ты ешь за обедом мясо, пьешь настоящий чай и публично водку, что шатия вокруг тебя — моллюски, прилипшие к килю корабля…*» [СД, 2003, с. 252—253]. Выражая неприязнь к такой картине публичного поведения Есенина, Клюев на контрасте живописными мазками рисует мифологический портрет «юного Серёженьки», призванный пробудить в нём нынешнем чувство утраченной гармонии внешнего и внутреннего в его поэтическом мире. Однако эта элегическая нота сначала сменяется у Клюева патетическим примирительным обращением («*Но мир, мир тебе, брат мой распрекрасный! Мир духу, крови, костям твоим!*»), а затем признанием несомненного права Есенина на славу победителя над «пиджачными бесами», сохранившего при этом, что акцентировано в письме отсылкой к народной легенде о Касьяне и Николе, чистоту своей души.

Безусловно, такой вывод, как и осмысление во многом надуманной роли Мариенгофа в творческой эволюции Есенина, исходит у Клюева, в первую очередь, из критического и вдумчивого погружения в духовный мир новой поэзии его вчерашнего ученика. В нем наставник видит и молитвенно провозглашает обретение «*жемчужины родимого слова*», в котором адресант обнаруживает преемственность подлинно народной — ранней — поэзии Есенина, где проявилось его наставническое участие. Именно об этом Клюев с благодарностью свидетельствует в письме: «*И так сладостно мне бедному, не приласканному никем, за свое русское в песнях твоих*» [СД, 2003, с. 253].

На этом основании можно сделать вывод о том, что прямое упоминание о есенинском имажинизме, отсылающее к инвективам «Четвёртого Рима», в данном ситуативном контексте принуждало бы Клюева к так называемой книжной полемике, которая ему всегда претила. Этими же причинами, на наш взгляд, объясняется и оценка Клюевым «Пугачёва», которая даётся им посредством метафорического и, вместе с тем, метафизического языка, позволившая автору письма, не нарушая целостного впечатления от есенинской трагедии, ёмко передать её уникальный и в то же время традиционный характер для национальной культуры.

Обратим внимание и на подчеркнуто интимную фразу, содержащуюся в клюевском письме: «*Брат мой, пишу тебе самые чистые слова, на какие способно сердце мое. Скажу тебе на ушко: “Как поэт я уже давно, давно*

кончен", ты в душе это твердо сам знаешь. Но вслух об этом пока говорить жестоко и бесполезно» [СД, 2003, с. 255].

С одной стороны, она, следуя за оценкой «Пугачёва», предельно усиливает ранее высказанное Клюевым признание первенства и «Величества» его словесного собрата. С другой стороны — это исповедальное высказывание неожиданным образом корреспондируется с мыслью Есенина о Клюеве из письма Иванову-Разумнику от 4 декабря 1920 года: «Уж очень он, Разумник Васильевич, слаб в форме и как-то расти не хочет» [ПСС6, с. 117]. Имажинизм стал для Есенина одним из художественных стимулов его «формального развития», давшим возможность, по его же словам, «раздвигать зрение над словом» [ПСС6, с. 125]. Эта особенность творческих исканий Есенина отчасти отмечалась С. М. Городецким, суждение которого может считаться несколько запоздалым ответом на вопрос Клюева о есенинском имажинизме: «…*если* [имажинизм] *и принят* [Есениным], *то, может быть, только как литературное развитие всегда стремившегося к изобразительности деревенского языка*» [С. А. Есенин в воспоминаниях…, 1986, с. 472].

В этой связи жуткое откровение Клюева («*Как поэт я уже давно, давно кончен*») воспринимается как признание отсутствующих у него в настоящем каких бы то ни было источников, способствующих рождению совершенно нового в эстетическом плане творящего слова, что заключает в себе таинство «причащения Космическим Христом через видимый хлеб» [СД, с. 51]. В то же время, признавая необычайный, яркий, стремительный рост Есенина как поэта, отразившийся в «Пугачёве», Клюев, между тем, стоически отказывался видеть в нём плоды имажинистской школы, угадывая в «теперешнем» Есенине творчески зрелого и духовно возмужавшего «юного Серёженьку», прельщённого, но не обольстившегося ложными красотами мира, чуждыми истинно народной поэзии.

3.2. Обманчивая алогичность оценки Клюевым «Пугачёва»

Несложно заметить, что образные определения есенинского и пушкинского произведений, которые даются Клюевым, не равнозначны между собой, подспудно рождая ощущение некоей неполноценности «Пугачева» в сравнении с «Борисом Годуновым». А вывод, который делает Клюев из этого сравнения, — «"Пугачев" <…> нужней и желаннее "Бориса Годунова"» — выглядит, по меньшей мере, алогичным и в определенной степени парадоксальным.

Напомним, что Клюев далеко не единственный из современников Есенина, кто подметил связь драматической поэмы «Пугачев» с пушкинской трагедией. Об этом высказывались С. Городецкий, В. Мейерхольд, А. Вет-

лугин. Последний, считая, что влияние Пушкина значительнее имажинистской поэтики есенинской драмы, безапелляционно и, вместе с тем, лапидарно заявлял, что ее автор «через одно и чрез много столетий протягивает руку творцу “Бориса Годунова”» (см. подробнее: [Шубникова-Гусева, 2001, с. 146]). Однако же клюевское суждение, быть может, и предполагая такое влияние, все-таки исходит из не самой очевидной связи произведений, внеположной традиционному литературоведческому толкованию.

На наш взгляд, говоря об этой оценке, необходимо учитывать то, что тема «Бориса Годунова» в ее непосредственном отношении к Есенину уже получала у Клюева свое художественное решение в стихотворении «Ёлушка-сестрица» (1917). Не исключено, что в сопоставлении «Пугачева» и «Бориса Годунова» имплицитно присутствуют и смыслы, отсылающие к этому стихотворению Клюева и открывающие новые горизонты как для интерпретации его эпистолярной оценки «Пугачева», так и всего письма, за которым в клюеведении закрепилось однозначное пафосное определение — «своего рода “акафист”, славословие Есенину» [Азадовский, 2002, с. 182].

Текст «Ёлушки-сестрицы» построен Клюевым на контрасте лирического героя с образом Серёжи, в котором без труда угадывается реальный Есенин, являющийся к тому же адресатом стихотворения, что подчёркивает непреодолимый разрыв отношений некогда родственных по духу людей — наставника и его ученика. Заданная в эпиграфе тема убиения невинного разрабатывается Клюевым посредством сопоставления по принципу сходства Серёжи первоначально с мифологическим злодеем Китоврасом, затем с изгнанным из рая библейским падшим ангелом («опальным серафимом») и в заключительной части с исторической личностью — Борисом Годуновым.

Своего апогея тема невинной жертвы (заклания) достигает именно в финале. Лирический герой, называя себя «*жертвой Годунова*» и «*убиенным Митрием*», вызывает в сознании читателя стойкую аналогию Серёжи с убийцей царевича Годуновым, а точнее, с тем образом русского царя, который сложился в историко-культурном национальном сознании и запечатлелся в известных агиографических, исторических и фольклорно-литературных источниках. Практически все они объединены недвусмысленным указанием на виновника совершенного в Угличе злодеяния — Бориса Годунова, который стремился любой ценой заполучить царский венец. Ключевым («сильным») текстом для русской литературной традиции в данном случае, бесспорно, является пушкинская трагедия «Борис Годунов», породившая в отечественной словесности «годуновский бум» (см. подробнее: [Ляпина, 2019]), к тому же она, как убедительно доказывает новейший исследователь творческой феноменологии драматического произведения Пушкина, «больше чем литература, это длящаяся история» [Глембоцкая,

2017, с. 172]. В данном контексте аналогии «Есенин — Годунов» и «лирический герой — убиенный Митрий» получают в стихотворении Клюева дополнительное значение: истинная причина разрыва отношений «сопесенников» обусловлена их борьбой за трон русской поэзии, за право называться «первым народным поэтом». Именно эта позиция Клюева, объясняющая причины резкого расхождения поэтов, вызвала у Есенина гневную реакцию в письме к Иванову-Разумнику, датированном концом декабря 1917 года. Будущий автор «Пугачева», уже знакомый с текстом «Ёлушки-сестрицы» (а на это указывает фрагмент чернового варианта письма, в котором Есенин признает, что в «стихотворении [Клюева] Годунов, от которого ему так тяжко, есть никто иной, как я, и это понятно может быть мне одному» [ПСС6, 1999, с. 437]), с нескрываемым раздражением писал: «Штемпель Ваш “первый глубинный народный поэт”, который Вы приложили к Клюеву из достижений его “Песнь Солнценосца”, обязывает меня не появляться в третьих “Скифах”. Ибо то, что вы сочли с Андреем Белым за верх совершенства, я счел только за мышиный писк. <…> Клюев <…> за последнее время сделался моим врагом» [ПСС6, 1999, с. 99].

В поэтическом обращении к Есенину Клюев мастерски воспроизводит чувства и мысли умирающего царевича Димитрия:

Тяжко, светик, тяжко!
Вся в крови рубашка...
Где ты, Углич мой?..
Жертва Годунова,
Я в глуши еловой
Восприму покой [СЕ, 1999, с. 301].

По мнению младшего современника Пушкина, религиозного философа и литературного критика И. В. Киреевского, главным героем трагедии «Борис Годунов» является «тень умерщвленного Димитрия», которая «царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий <…> и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок» [Киреевский, 1996, с. 534]. В продолжение этой мысли, спроецированной на ход наших рассуждений, можно вполне допустить, что процитированный фрагмент клюевского стихотворения, исполненный трагической экспрессии, служит скрытой реминисценцией из пушкинского «Бориса Годунова». Скудные упоминания о царевиче в трагедии, принадлежащие разным персонажам, будто бы соединяются у Клюева в единый текст, материализуя образ истекающего кровью Димитрия, произносящего свое последнее слово, обращенное к убийцам. И в целом, скрытые реминисценции из «Бориса Годунова» образуют в клюевском стихотворении «пушкинский слой» особой семантической насыщенности, где творческая личность автора тра-

гедии словно бы призвана быть третейским судьей, непререкаемым авторитетом в споре-вражде вчерашних друзей-поэтов (см. об этом подробнее: [Кудряшов, 2015]).

Образ окровавленного отрока в клюевском тексте отсылает память читателя к монологу царя Бориса Годунова «Достиг я высшей власти…», в котором образ-видение «*мальчики кровавые в глазах*» [БГ, 1948, с. 27], имеющий евангельскую природу, явлен символом нечистой совести героя, его душевных терзаний.

Апеллируя к совести Есенина, олонецкий поэт в заключительных строках произведения проводит мысль о неизбежности торжества «правды вечной»:

Буду в хвойной митре,
Убиенный Митрий,
Почивать, забыт...
Грянет час вселенский,
И собор Успенский
Сказку приютит [СЕ, 1999, с. 301].

Финал клюевского стихотворения созвучен общей идее пушкинского «Бориса Годунова» о неотвратимости высшего суда («*И не уйдешь ты от суда мирского, // Как не уйдешь от божьего суда*» [БГ, 1948, с. 23]) и воцарении справедливости в веках. В филигранно выверенных строках клюевского обращения к Есенину нет места чувству вражды и жажде публичной мести «младшему брату» за измену прежним идеалам.

Слова уже упомянутого нами есенинского письма к Иванову-Разумнику о том, что Клюев за последнее время сделался «врагом», были написаны Есениным, по всей видимости, в эмоциональном порыве, под непосредственным экспансивным впечатлением от прочтения клюевского стихотворения, о чём свидетельствует не только желчный тон письма, но и определённая недооценка молодым поэтом глубины скрытых смысловых пластов текста Клюева, настроение и основная идея которого созвучны мудрым словам пушкинского Патриарха в «Борисе Годунове»:

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь — да пройдет заблужденье:
Оно пройдет и солнце правды вечной
Всех озарит [БГ, 1948, с. 69].

И Клюев, переехав на жительство в Вытегру, по завету Пушкина, «тихо ждал», ждал тягостных четыре года, в течение которых было пролито им, по его собственному признанию, «много слёз» [СД, 2003, с. 252].

Но вернёмся к интересующему нас письму Клюева, чтобы ответить на главный вопрос: почему есенинский «Пугачёв» «нужней и желаннее» пушкинского «Бориса Годунова»?

Клюев, ставя «Пугачёва» выше «Бориса Годунова», не кривил душою ради возобновления отношений с «младшим братом». Письмо Клюева от начала и до конца наполнено «самыми чистыми словами, на какие было способно сердце» поэта [СД, 2003, с. 255], а следовательно, в нём нет и не может быть даже полуправды; Клюев предельно чистосердечен перед Есениным, а финал его письма и вовсе прочитывается как исповедь перед младшим «сопесенником». Отзыв о «Пугачёве» отнюдь не содержит оценки литературных достоинств драматической поэмы в сравнении с «Борисом Годуновым», в котором Пушкиным были художественно запечатлены любимейшие олонецким поэтом образы: «*золото и стены Кремля, сафьянно-упругий сытовый воздух 16—17 века. И последняя Византия*» [СД, 2003, с. 254—255]. В своей оценке «Пугачёва» Клюев выражает исключительно личное отношение к «младшему брату», отвечая взаимными чувствами на посланный ему «мир и братский поцелуй», в которых он испытывал *крайнюю нужду* и которых *страстно желал* получить от Есенина в течение долгих и мучительных четырёх лет разлуки. Стараясь угадать Есенина «теперешнего», Клюев стремится воскресить прежние доверительные отношения, которые были между поэтами в «те незабвенные сказочные годы» [СД, 2003, с. 252]. Для Клюева было важным понять искренность есенинских слов, содержащихся в посланной с Архиповым записке, и подлинную «цену» переданных с ним же подарков. Интимность и предельная откровенность письма к Есенину убеждает в том, что Клюев поверил в непритворность есенинского признания о бережно хранимом дружеском чувстве: «А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь» [ПСС6, с. 129]. Переданный вместе с письмом есенинский «гостинец» — книга «Пугачёв» — стал для Клюева своеобразным знаком доверительности дарителя, подарком как таковым, вещественным выражением любви и дружбы адресанта, а главное — свидетельством духовной и творческой преданности ученика своему учителю, что, несомненно, было важнее для Клюева. Для восстановления прежних отношений с Есениным Клюеву была «нужней и желаннее» поэма «Пугачёв», так как её содержание во многом созвучно идее жертвенного служения своему народу, которая, заметим, красной нитью пронизывает всё творчество олонецкого поэта. Емельян Пугачёв — талантливый, подлинно народный герой, возглавивший крестьянское движение и этим обрекший себя на «заклание за Россию». В этой связи обращает на себя внимание фрагмент письма Клюева, где он пророчески объявляет Есенину его великое предназначение, которое предрешит младшему поэту посмертную славу и всенародную любовь: «Семь

покрывал выткала Матерь-жизнь для тебя, чтобы ты был не показным, а заветным. Камень драгоценный душа твоя, выкуп за красоту и правду родимого народа, змеиный калым за Невесту-песню.

Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обречён на заклание за Россию, за Ерусалим, сошедший с небес» [СД, 2003, с. 252].

Вряд ли стоит считать случайным «соседство» в эпистолярном тексте Клюева *такого* предсказания о Есенине и *такого* отзыва о есенинском «Пугачеве», который, по сути, олицетворяет автора, стоящего «за правду родимого народа», с героем его поэмы.

Пугачёв и Годунов символизируют в клюевском письме, как и в творчестве поэта в целом, два диаметрально противоположных пути: достойный славы путь «народного гения» и презренный в народе путь кровавого злодея. На этом основании поэма Есенина «Пугачёв» действительно стала для Клюева «нужней и желаннее» «Бориса Годунова», так как она зримо свидетельствовала ему о том пути, высоком и скорбном, который избрал «возлюбленный» и единственный ученик.

В этом смысловом ключе отзыв Клюева о поэме Есенина «Пугачёв» перестаёт восприниматься алогичным, а наоборот — убедительно вписывается в общую интимную тональность и логику суждений адресанта послания, проливая свет на ещё одно «тёмное место» клюевского письма и дополняя важными деталями скрытый диалог двух крестьянских поэтов.

4. Заключение = Conclusions

Исследователь Л. А. Киселёва справедливо указывала, что полной реконструкции скрытого диалога Клюева и Есенина «должно предшествовать правильное прочтение явного диалога, то есть выяснение точного смысла тех слов, с которыми Клюев обращался к Есенину, Есенин — к Клюеву. Это — задача безотлагательная <…>» [Киселёва, 1997, с. 196]. Конкретизируя эту мысль ученого, заметим, что установление «точного смысла слов» невозможно без сосредоточенного учета и анализа множественных разноплановых отсылок, реминисценций и аллюзий, содержащихся в поэтических и эпистолярных текстах как Клюева, так и Есенина, благодаря чему открываются новые горизонты познания непростых личных и творческих взаимоотношений двух новокрестьянских поэтов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БГ — *Пушкин А. С.* Борис Годунов / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : В 16 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937—1959. — Т. 7. Драматические произведения. — 1948. — С. 1—98.

2. ПСС6 — *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : В 7 т. — Москва : Наука ; Голос, 1995—2002. — Т. 6. Письма. — 1999. — 816 с. — ISBN 5-02-011682-3.

3. *С. А. Есенин в воспоминаниях* современников : В 2-х т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Художественная литература, 1986. — Т. 1. — 511 с.

4. СД — *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза / Н. А. Клюев ; вступ. ст. А. И. Михайлова ; сост. В. П. Гарнин. — Санкт–Петербург : Росток, 2003. — 688 с. — ISBN 5-94668-012-9.

5. СЕ — *Клюев Н. А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев ; пред. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А. И. Михайлова ; сост. В. П. Гарнин. — Санкт–Петербург : РХГИ, 1999. — 1072 с. — ISBN 5-88812-079-0.

Литература

1. *Азадовский К. М.* Жизнь Николая Клюева : документальное повествование / К. М. Азадовский. — Санкт–Петербург : Звезда, 2002. — 365 с. — ISBN 5-94214-003-0.

2. *Азадовский К. М.* Николай Клюев : Путь поэта / К. М. Азадовский. — Ленинград : Советский писатель, 1990. — 333 с. — ISBN 5-265-01491-8.

3. *Александрова М. А.* «Ключи Марии» как основа духовной концепции С. А. Есенина / М. А. Александрова // Духовно-нравственные основы русской литературы : [сборник статей по материалам Второй международной научной конференции, 27—28 февраля 2009 года, г. Кострома]. — Кострома : Издательство Костромского государственного университета (КГУ), 2009. — С. 226—231.

4. *Алексеева А. А.* Мотив природного круговорота в поздних циклах новокрестьянских поэтов (С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. А. Клычков, А. В. Ширяевец) / А. А. Алексеева // Современное есениноведение. — 2019. — № 4 (51). — С. 42—46.

5. *Базанов В. Г.* С родного берега : о поэзии Н. Клюева / В. Г. Базанов. — Ленинград : Наука, 1990. — 241 с. — ISBN 5-02-027974-9.

6. *Глембоцкая Я. О.* Феномен власти и его художественное осмысление в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» / Я. О. Глембоцкая // Идеи и идеалы. — 2017. — № 4 (34). — С. 170—178. — DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-170-178.

7. *Казаков А. Л.* Клюев — Ленину : «словесный гостинец из русского рая» / А. Л. Казаков // Север. — 2014. — № 1/2. — С. 141—146.

8. *Киреевский И. В.* Обозрение русской литературы за 1831 год. «Борис Годунов» / И. В. Киреевский // Пушкин А. С. Борис Годунов. — Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996. — С. 531—536. — ISBN 5-7331-0053-2.

9. *Киселёва Л. А.* «Мы с тобой в львиноголубинности» : Есенин в поэтической агиографии Клюева / Л. А. Киселева // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате : Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции, посвящённой 116-летию со дня рождения С. А. Есенина. — Москва—Рязань—Константиново : Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2012. — С. 147—165.

10. *Киселёва Л. А.* Цикл «Избяные песни» Н. А. Клюева в творческой биографии Сергея Есенина / Л. А. Киселева // О, Русь, взмахни крылами… Есенинский сборник. — Москва : Наследие, 1994. — Выпуск I. — С. 95—103. — ISBN 5-201-13218-9.

11. *Киселёва Л. А.* «Пугачев» Сергея Есенина в восприятии Николая Клюева : исторический, культурный, поэтологический контексты понимания / Л. А. Киселёва // Современное есениноведение. — 2013. — № 27. — С. 10—15.

12. *Киселёва Л. А.* Есенин и Клюев : скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) / Л. А. Киселева // Николай Клюев : Исследования и материалы. — Москва : Наследие, 1997. — С. 183—198. — ISBN 5-201-13279-0.

13. *Клюев Н.* Неизвестное письмо Н. А. Клюева к Есенину / Н. Клюев, К. М. Азадовский // Вопросы литературы. — 1988. — № 2. — С. 272—279.

14. *Кудряшов И. В.* О доминирующем религиозном мотиве ранней лирики Николая Клюева / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 6 (37). — С. 78—81.

15. *Кудряшов И. В.* Отчего сдохла канарейка? (Сергей Есенин о Николае Клюеве) / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 151—162. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162.

16. *Кудряшов И. В.* «Милому дьячку Коле…» : о новонайденном инскрипте С. А. Есенина / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 255—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272.

17. *Кудряшов И. В.* Реминисценции «Бориса Годунова» в цикле Н.А. Клюева «Поэту Сергею Есенину» / И. В. Кудряшов // Современное есениноведение. — 2015. — № 2 (33). — С. 59—66.

18. *Ляпина С. М.* «Злополучный Борис!» : рецепция личности Бориса Годунова в русской культурной традиции / С. М. Ляпина // История : факты и символы. — 2019. — № 4 (21). — С. 68—80. — DOI: 10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-68-80.

19. *Михайлов А. И.* «Журавли, застигнутые вьюгой…» : (Н. Клюев и С. Есенин) / А. И. Михайлов // Север. — 1995. — № 11/12. — С. 142—154.

20. *Неженец Н. И.* Русская народно-классическая поэзия / Н. И. Неженец. — Москва : Раритет, 2007. — 544 с. — ISBN 5-85735-147-2.

21. *Серегина С. А.* Диалог и полемика С. А. Есенина и Н. А. Клюева об искусстве / С. А. Серегина // Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 63. — С. 184—197. — DOI: 10.37816/2073-9567-2022-63-184-197.

22. *Серегина С. А.* Образ распятия в произведениях Андрея Белого, Николая Клюева и Сергея Есенина (1917—1918 гг.) / С. А. Серегина // Мифологические образы в литературе и искусстве : Серия «“Вечные” сюжеты и образы». — Москва : Индрик, 2015. — С. 262—283. — ISBN 978-5-91674-356-2.

23. *Солнцева Н. М.* Скифский взгляд на русскую революцию : аспекты аксиологии / Н. М. Солнцева, Е. Г. Солнцева // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 272—286. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-272-286.

24. *Субботин С. И.* Есенин и Клюев (К истории творческих взаимоотношений) / С. И. Субботин // О, Русь, взмахни крылами… Есенинский сборник. — Москва : Наследие, 1994. — Выпуск I. — С. 104—120. — ISBN 5-201-13218-9.

25. *Шубникова-Гусева Н. И.* От «Пророка» до «Черного человека» : Творческая история, судьба, контекст и интерпретация / Н. И. Шубникова-Гусева. — Москва : ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. — 684 с. — ISBN 5-9208-0069-0.

Статья поступила в редакцию 30.04.2023,
одобрена после рецензирования 13.06.2023,
подготовлена к публикации 23.06.2023.

Material resources

BG — Pushkin, A. S. (1937—1959). Boris Godunov. In: *Complete works: In 16 volumes, 7. Dramatic works.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1—98. (In Russ.).

PSS6 — Yesenin, S. A. (1995—2002). *Complete works: In 7 volumes, 6.* Letters. Moscow: Nauka; Golos. 816 p. ISBN 5-02-011682-3. (In Russ.).

S. A. Yesenin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols., 1. (1986). Moscow: Fiction. 511 p. (In Russ.).

SD — Klyuev, N. A. (2003). *Word tree. Prose.* St. Petersburg: Rostock. 688 p. ISBN 5-94668-012-9. (In Russ.).

SE — Klyuev, N. A. (1999). *The Heart of the Unicorn. Poems and poems.* St. Petersburg: RHGI. 1072 p. ISBN 5-88812-079-0. (In Russ.).

References

Alekseeva, A. A. (2019). The motive of the natural cycle in the late cycles of the Novokrestyan poets (S. A. Yesenin, N. A. Klyuev, S. A. Klychkov, A. V. Shiryaevets). *Modern Yesenin studies, 4 (51):* 42—46. (In Russ.).

Alexandrova, M. A. (2009). “Keys of Mary” as the basis of the spiritual concept of S. A. Yesenin. In: *Spiritual and moral foundations of Russian literature: [collection of articles based on the materials of the Second International Scientific Conference, February 27—28, 2009, Kostroma].* Kostroma: Publishing House of Kostroma State University (KSU). 226—231. (In Russ.).

Azadovsky, K. M. (1990). *Nikolay Klyuev: The Poet’s Path.* Leningrad: Soviet Writer. 333 p. ISBN 5-265-01491-8. (In Russ.).

Azadovsky, K. M. (2002). *The life of Nikolai Klyuev: a documentary narrative.* St. Petersburg: Zvezda. 365 p. ISBN 5-94214-003-0. (In Russ.).

Bazanov, V. G. (1990). *From the native shore: about the poetry of N. Klyuev.* Leningrad: Nauka. 241 p. ISBN 5-02-027974-9. (In Russ.).

Glembotskaya, Ya. O. (2017). The phenomenon of power and its artistic interpretation in the tragedy of A. S. Pushkin “Boris Godunov”. *Ideas and Ideals, 4 (34):* 170—178. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-170-178. (In Russ.).

Kazakov, A. L. (2014). Klyuev — Lenin: “a verbal gift from the Russian paradise”. *North, ½:* 141—146. (In Russ.).

Kireevsky, I. V. (1996). Review of Russian literature for 1831. “Boris Godunov”. In: *Pushkin A. S. Boris Godunov.* St. Petersburg: Academic Project Humanitarian Agency. 531—536. ISBN 5-7331-0053-2. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. (2013). “Pugachev” by Sergei Yesenin in the perception of Nikolai Klyuev: historical, cultural, poetological contexts of understanding. *Modern Yesenin studies, 27:* 10—15. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. (2012). “You and I are in the lion’s depths”: Yesenin in the poetic hagiography of Klyuev. In: *Biography and creativity of Sergei Yesenin in an encyclopedic format: A collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific Conference dedicated to the 116th anniversary of the birth of S. A. Yesenin.* Moscow—Ryazan—Konstantinovo: S. A. Yesenin State Museum-Reserve. 147—165. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. (1994). Cycle “Izbyanye songs” by N. A. Klyuev in the creative biography of Sergei Yesenin. In: *Oh, Rus, flap your wings… The Yesenin Collection, 1.* Moscow: Heritage. 95—103. ISBN 5-201-13218-9. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. (1997). Yesenin and Klyuev: a hidden dialogue (an attempt at partial reconstruction). In: *Nikolay Klyuev: Research and materials.* Moscow: Heritage. 183—198. ISBN 5-201-13279-0. (In Russ.).

Klyuev, N., Azadovsky, K. M. (1988). Unknown letter of N. A. Klyuev to Yesenin. *Questions of literature, 2:* 272—279. (In Russ.).

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2022). "To Dear Deacon Kolya ...": Newly Found Inscript of Sergey Yesenin. *Nauchnyi dialog, 11 (8):* 255—272. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272 (In Russ.).

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2012). On the dominant religious motif of the early lyrics of Nikolai Klyuev. *The world of science, culture, education, 6 (37):* 78—81. (In Russ.).

Kudryashov, I. V. (2015). Reminiscences of "Boris Godunov" in the cycle of N. A. Klyuev "To the Poet Sergei Yesenin". *Modern Yesenin studies, 2 (33):* 59—66. (In Russ.).

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2020). Why Did the Canary Die? (Sergei Yesenin about Nikolai Klyuev). *Nauchnyi dialog, 12:* 151—162. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-151-162 (In Russ.).

Lyapina, S. M. (2019). "Ill-fated Boris!": reception of Boris Godunov's personality in the Russian cultural tradition. *History: facts and symbols, 4 (21):* 68—80. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-68-80. (In Russ.).

Mikhailov, A. I. (1995). "Cranes caught in a blizzard ...": (N. Klyuev and S. Yesenin). *North, 11/12:* 142—154. (In Russ.).

Nezhenets, N. I. (2007). *Russian folk classical poetry.* Moscow: Rarity. 544 p. ISBN 5-85735-147-2. (In Russ.).

Seregina, S. A. (2022). Dialogue and polemics of S. A. Yesenin and N. A. Klyuev about art. *Bulletin of Slavic Cultures, 63:* 184—197. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-63-184-197. (In Russ.).

Seregina, S. A. (2015). The image of the crucifixion in the works of Andrei Bely, Nikolai Klyuev and Sergei Yesenin (1917—1918). In: *Mythological images in literature and art: Series ""Eternal" plots and images".* Moscow: Indrik. 262—283. ISBN 978-5-91674-356-2. (In Russ.).

Shubnikova-Guseva, N. I. (2001). *From the "Prophet" to the "Black Man": Creative history, fate, context and interpretation.* Moscow: IMLI RAS; Heritage. 684 p. ISBN 5-9208-0069-0. (In Russ.).

Solntseva, N. M., Solntseva, E. G. (2021). Scythian View of Russian Revolution: Aspects of Axiology. *Nauchnyi dialog, 5:* 272—286. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-272-286 (In Russ.).

Subbotin, S. I. (1994). Yesenin and Klyuev (On the history of creative relationships). In: *Oh, Rus, flap your wings… The Yesenin Collection, 1.* Moscow: Heritage. 104—120. ISBN 5-201-13218-9. (In Russ.).

The article was submitted 30.04.2023;
approved after reviewing 13.06.2023;
accepted for publication 23.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сердечная В. В. Переводческая, критическая и творческая рецепция Шекспира в наследии Сигизмунда Кржижановского / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 347—367. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-347-367.

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2023). Translation, Critical, and Creative Reception of Shakespeare in Legacy of Sigizmund Krzhizhanovsky. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 347-367. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-347-367. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-347-367

Переводческая, критическая и творческая рецепция Шекспира в наследии Сигизмунда Кржижановского

Сердечная Вера Владимировна [1]
orcid.org/0000-0001-8718-3556
доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич [2 *]
orcid.org/0000-0003-4768-3518
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения,
**** корреспондирующий автор***
ivb40@yandex.ru

[1] Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

[2] Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:
Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 22-18-00027 «Шекспир и русская литература начала XX века (традиции, реминисценции, переводы, литературно-критическая рецепция)»

Translation, Critical, and Creative Reception of Shakespeare in Legacy of Sigizmund Krzhizhanovsky

Vera V. Serdechnaya [1]
orcid.org/0000-0001-8718-3556
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

Dmitry N. Zhatkin [2 *]
orcid.org/0000-0003-4768-3518
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies
**** Corresponding author***
ivb40@yandex.ru

[1] Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

[2] Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:
The article was prepared as part of the work under the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-00027 “Shakespeare and Russian literature of the early 20th century (traditions, reminiscences, translations, literary critical reception)”

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается рецепция произведений Уильяма Шекспира в творчестве писателя, теоретика и историка театра Сигизмунда Кржижановского (1887—1950). Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью рецепции творчества Шекспира в наследии Кржижановского, а также осмыслением многих неисследованных, не введенных в научный оборот или неопубликованных материалов, касающихся темы. Новизна исследования состоит в комплексном осмыслении места Шекспира в творческой деятельности Кржижановского, в том числе как переводчика и театрального критика. Уточняется список шекспироведческих работ и выступлений Кржижановского. Особое внимание уделено введению в научный оборот архивных документов, включающих неопубликованные переводы «песенок» Шекспира, доклады и документы Кржижановского различных лет. На основе привлечения ряда документов, выявления упоминаний о докладах и проектах Кржижановского составлена сводная таблица, включающая список из 29 его работ (опубликованных, арзивных неопубликованных, а также еще не обнаруженных но упоминаемых в тех или иных источниках), хотя на данный момент считается, что сохранилось только 14 его работ. Доказано, что Кржижановский был знатоком и популяризатором Шекспира, откликавшимся на его творчество в прозе и драматургии, работах по истории театра и литературы, театральной критике, а также в переводческой деятельности.

Ключевые слова:
Сигизмунд Кржижановский; Уильям Шекспир; раннесоветский театр; рецепция Шекспира; переводы Шекспира; шекспироведение; Всероссийское театральное общество.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the reception of William Shakespeare's works in the creative output of writer, theorist, and historian of theater Sigizmund Krzhizhanovsky (1887—1950). The relevance of the study is due to the insufficient research on the reception of Shakespeare's works in Krzhizhanovsky's legacy, as well as the interpretation of many unexplored, unpublished, or not yet introduced into scientific circulation materials on the topic. The novelty of the research lies in the comprehensive understanding of Shakespeare's place in Krzhizhanovsky's creative activity, including as a translator and theater critic. The list of Krzhizhanovsky's Shakespearean works and speeches is clarified. Special attention is paid to introducing archival documents, including unpublished translations of Shakespeare's songs, reports, and documents from various years by Krzhizhanovsky. Based on a number of documents, mentions of Krzhizhanovsky's reports and projects, a summary table is compiled, including a list of 29 of his works (published, archival unpublished, and not yet discovered but mentioned in various sources), although at present it is believed that only 14 of his works have survived. It is proven that Krzhizhanovsky was a connoisseur and popularizer of Shakespeare, responding to his prose and drama, works on the history of theater and literature, theater criticism, as well as in translation activities.

Key words:
Sigismund Krzhizhanovsky; William Shakespeare; early Soviet theater; reception of Shakespeare; translations of Shakespeare; Shakespeare studies; All-Russian Theater Society.

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82.091+821.161.1Кржижановский.032+821.111Шекспир.03=161.1
Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Переводческая, критическая и творческая рецепция Шекспира в наследии Сигизмунда Кржижановского

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Роль С. Крижижановского в истории русской литературы и культуры остается недооцененной. Автор прозаических произведений, пьес, литературоведческих и искусствоведческих исследований, переводчик, сценарист первого советского полнометражного мультфильма, при жизни он смог опубликовать лишь одну книгу, «Поэтика заглавий» (1931), а также некоторые статьи и новеллы. В творческой биографии Кржижановского наиболее постоянным мотивом звучит неслучившееся: неопубликованные труды и художественные книги, не поставленные по его сценариям спектакли и фильмы.

Большая часть наследия Кржижановского увидела свет только в конце 1980-х и в 1990-е годы [Кржижановский, 1989; Кржижановский, 1990; Кржижановский, 1991; Кржижановский, 1994], а наиболее полным на данный момент является собрание сочинений, изданное в 2000-х годах [Кржижановский, 2001—2013].

Вместе тем наследие Кржижановского, в особенности как театроведа и литературоведа, находится в самом начале процесса его осмысления.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили художественные и исследовательские работы С. Кржижановского, в той или иной мере касающиеся наследия Шекспира: это тексты его «шекспирианы», а также его новеллы и повести, дневниковые записи и документы. Особое внимание в работе уделено архивным документам, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Цели исследования состоят в заполнении «белых пятен» русской шекспирианы первой половины XX века с помощью уточнения рецепции творчества Шекспира в наследии С. Кржижановского как прозаика, театрального и литературного критика, теоретика театра и переводчика.

Творчество С. Кржижановского, опубликованное по большей части с 1990-х по 2010-е годы, было осмыслено в ряде монографических исследований и статей. Предметом исследования становились прежде всего его новаторство как прозаика [Буровцева, 1998; Воробьева, 2002; Моисеева, 2002; Горошников, 2005; Ливская, 2009; Лунина, 2009 и мн. др.], а также судьба его литературного наследия [Трубецкова, 2016].

На данный момент существует совсем немного исследований, которые бы касались области театральной теории в работах Кржижановского [Азеева, 2008]. Есть и работы, которые затрагивают шекспировскую проблематику в творчестве Кржижановского [Делекторская, 2000; Плотников, 2014; Плотников, 2015]. Однако лишь в работе И. Б. Делекторской, написанной более двадцати лет назад, сделана попытка осмыслить объем шекспировской рецепции в творчестве С. Кржижановского (критическая и творческая рецепция); прошедшие десятилетия принесли и новые публикации, и открытие новых архивных текстов, что заставляет вновь обратиться к теме.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Шекспир в творческой судьбе Кржижановского

Стало общим местом указание на тот факт, что научно-исследовательское внимание Кржижановского к Шекспиру вызвано деятельностью издательства «Academia» в начале 1930-х годов [Плотников, 2014, с. 129]. Однако нужно отметить, что Шекспир стал частью творческого мира Кржижановского гораздо ранее. Он вспоминал, что встретился с Шекспиром в подростковом возрасте, прочитав переводной том пьес, выписанный отцом: «Перевод, как вижу теперь, был груб и неточен, но я стал читать книгу — и вдруг почувствовал, что у меня есть друг, который может защитить от метафизического наваждения <…> Такова была моя первая отроческая встреча с Шекспиром. И конечно, никакой я не шекспировед, я просто человек, обязанный этой великой тени спасением своего мозга» [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 384].

Очевидно, именно тогда при выборе между философским путем Канта и творческим путем Шекспира он «решительно и бесповоротно встал на сторону Шекспира» [Бовшек, 2013, с. 264], то есть предпочел творчество умозрительной философии.

И. Б. Делекторская указывает, что обращение Кржижановского к Шекспиру на уровне цитирования происходит «через два года после появления на свет “Философемы о театре” и за девять лет до того, как им была написана первая статья шекспироведческого цикла» [Делекторская, 2000, с. 21], то есть начиная с середины 1920-х годов.

Действительно, Шекспир и его герои — постоянные лейтмотивы творчества Кржижановского. Так, например, повести «Странствующее “Странно”» (1924) предпослан эпиграф из «Гамлета». В повести «Клуб убийц букв» (1926) одна из глав представляет собой парадоксальную интерпретацию гамлетовской темы, которая, по словам В. Перельмутера, возможна «лишь при академическом владении материалом и в то же время неортодоксальном взгляде на эту гениальную драматургию» [Перельмутер, 1991, с. 21].

Также прямые или косвенные цитаты исследователи отмечают в повестях «Штемпель: Москва» (1925, аллюзии к «Макбету»), «Материалы к биографии Горгиса Катафалаки» (1929, аллюзии к «Гамлету»), в новеллах «Чужая тема» (1929—1930), «Разговор двух разговоров» (1931), «Смерть эльфа» (1938, аллюзии к «Сну в летнюю ночь»), «Бумага теряет терпение» (1939), «Обиженное ми-бемоль» из цикла «физиологических очерков» «Москва в первый год войны» (1940-е, аллюзии к «Сну в летнюю ночь»), «Могильщики» (конец 1940-х) [Делекторская, 2000]. В сказке-фантазии Кржижановского «Утренняя прогулка леса» (1937, датировка В. Перельмутера) переосмыслен шекспировский мотив ходящего леса [Кузьмина, 2012]. Пьесы Кржижановского «Писаная торба» (1929—1930) и «Тот третий» (1937) — своего рода оммаж Шекспиру, включающий и иронию над рядом положений шекспировской эстетики [Эмерсон, 2011]. Очевидно, что Шекспир — постоянный предмет размышлений Кржижановского, источник аллюзий и объект творческого диалога.

Особенный творческий диалог, несомненно, ведет с Шекспиром Кржижановский-драматург. Он пишет либретто для опер, а также сценические композиции. В том числе сохранилось соглашение от 22 ноября 1935 года между Московским Камерным театром и Кржижановским о том, что он «принимает на себя обязательство смонтировать пьесу о Фальстафе по Шекспиру из следующих пьес: “Генрих IV” (первая и вторая часть), “Веселые жены из Виндзора” и “Генрих V” и перевести всю работу заново на русский язык» [Соглашение …, 1935, л. 6]. Обратим внимание на то, что Кржижановский, в отличие от многих современников читавший Шекспира в оригинале, берется здесь за его перевод, что позволяет обоснованно перейти к теме о переводах Шекспира в творчестве Кржижановского.

3.2. Кржижановский как переводчик Шекспира

Кржижановский стоит несколько в стороне от жарких споров 1930-х годов, посвященных новым переводам английского драматурга. Он цитирует переводы из Шекспира Радловой, из «Отелло» [Кржижановский,

2001—2013, т. 4, с. 150], хотя в то же время делает замечание, что Радлова не вполне точна.

Однако он далеко не был равнодушен к проблеме перевода Шекспира. Так, в «Комедиографии Шекспира» он сокрушается: «Неточность русских переводов Шекспира привела к тому, что целый ряд его сквозных образов оказался наглухо заколоченным» [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 162]. В частности, он показывает, что мало кто передает частый у Шекспира образ *worm* / *червь*; так, никто не переводит точно обращение Гамлета «моя леди Червь» [Там же, с. 163]. Говоря о переводе на «язык родных осин» одной из песенок из «Отелло», Кржижановский гневно восклицает: «…мне даже стыдно приводить эти переводы — настолько они оскорбляют текст великого английского мастера» [Там же, с. 297].

Однако, размышляя в контексте споров времени, он признает, что принципиальной сложностью в точности перевода становится различие в строении английского и русского языков. Так, он отмечает в работе «Воображаемый Шекспир»: «Основное трехсотлетнее страдание Шекспира в том, что его с языка односложных слов все время пытаются переводить на язык трех- и четырехсложных звучаний. И краткие, буква к букве, фразы разрастаются в длинные, разбухшие, неестественные построения» [Там же, с. 296]. Отсюда он приходит к метафорическому противопоставлению двух стилей перевода: «причесывающему» (формальная точность и «выбрасывание» образов — так, например, стремится «причесать» «Гамлета» Сумароков) и «взъерошивающему» (сохранение образов и разрастание объема перевода).

Один из первых исследователей темы Шекспира у Кржижановского И. Б. Делекторская назвала главу своей диссертации «Кржижановский — “переводчик” Шекспира», имея в виду, что его «с известной долей условности можно назвать “переводчиком” Шекспира с “берега” одной культуры на “берег” другой» [Делекторская, 2000, с. 14].

Однако вновь обнаруженные архивные данные дают возможность говорить о том, что Кржижановский не только цитировал Шекспира и осмысливал его творчество в статьях и выступлениях, но и действительно переводил некоторые фрагменты из его произведений (что неудивительно: так, он адаптировал для сцены роман Честертона «Человек, который был Четвергом», переводил пьесы Шоу).

Для статьи «Воображаемый Шекспир», опубликованной в 1937 году в газете «Советское искусство», Кржижановский перевел финальную песенку (джиг, песенка шута) из «Двенадцатой ночи» и дал свой перевод в сравнении с переводом Кронеберга. При этом он отмечал, что пришлось

сделать перевод «без претензий на поэзию, но точно соблюдая ритм и последование образов» [Кржижановский, 1937б, с. 5].

Этот перевод перепечатан в собрании сочинений Кржижановского в составе указанной статьи [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 298—299]. Комментируя его, В. Перельмутер указывает: «Свой перевод Кржижановский приводит и в “Концовках шекспировских пьес”, а также дает свои переводы в статье “Песенки Шекспира” (не опубликована)» [Там же, с. 767]. Действительно, статья «Концовки шекспировских пьес», впервые публикуемая в собрании сочинений с датировкой «1935 год», завершается той же песенкой, но в более ранней редакции (расхождения в тексте 9, 11, 13, 15, 20-го стихов) [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 293—294]. Этим же переводом, с небольшими вариациями, открывается его работа «Комедиография Шекспира» (1934), опубликованная в 1990 году.

Стенограмма же «Песенок Шекспира» сохранилась в фонде Всероссийского театрального общества (ВТО) [Стенограмма …, 1942] в таком виде, что в тех местах, где Кржижановский приводит примеры (свои переводы), стенографистка делает просто помету в скобках — «читает».

Долго считалось, что перевод, опубликованный в 1937 году, — скорее всего, единственное, что до нас дошло. Однако архивные разыскания дали возможность выявить ранее не введенные в научный оборот переводы Кржижановского, а именно машинопись с переводами шекспировских песенок, введение к которым датировано 22 января 1943 года; документ озаглавлен «Песенки Шекспира (I и I-ый цикл)» [Кржижановский, 1943] — в документе есть опечатки, и можно предположить, что имеется в виду «I и II цикл». Введение к переводам кратко, оно сильно отличается от большой стенограммы 1942 года.

В нем, в частности, Кржижановский пишет: «Если собрать все песенки, рассеянные по пьесам Шекспира, получится своего рода “поющее дерево”, в котором можно насчитать свыше пятидесяти песен-ветвей» [Кржижановский, 1943, л. 1]. Он размышляет о преимущественно любовной тематике этих песенок; об их распределении в творчестве Шекспира (более двух третей — в комедиях); в трагедиях же встречаются песни назидательные, в широком смысле: напоминающие о краткосрочности жизни. Здесь же Кржижановский упоминал о стремлении собрать «в одну тетрадь все песни Шекспира» [Кржижановский, 1943, л. 2], а также о намерении композитора С. Аксюка написать на них музыку в духе народного песенника эпохи Шекспира.

Рукопись включает восемь переведенных песенок Шекспира (две из «Двенадцатой ночи», песенки отрока из «Мера за меру» и камер-фрейлины из «Генриха VIII», четыре песенки из «Бури»); первый из этих переводов

уже был опубликован в составе статьи «Концовки шекспировских пьес» в собрании сочинений под редакцией Перельмутера. Также во «Фрагментах о Шекспире» в том же издании были опубликованы две песенки Ариэля из «Бури».

Таким образом, можно говорить о введении в научный оборот нескольких переводов Кржижановского из Шекспира и о том, что у него были планы как минимум перевести все песенки или их большую часть.

3.3. Кржижановский как исследователь Шекспира

У шекспироведения Кржижановского сложилась уже небольшая история вопроса. Так, в 1991 году В. Перельмутер упоминает «полтора десятка работ» о Шекспире [Перельмутер, 1991, с. 21], из которых, по его словам, усилиями А. Аникста «в шестидесятых — восьмидесятых годах были напечатаны почти все работы Кржижановского о Шекспире» [там же, с. 22]. В 2001 году Перельмутер говорит о 14 работах о Шекспире: «некоторые появились в журналах, но основные были опубликованы уже после смерти автора» [Перельмутер, 2001, с. 16].

В 2000 году одну из первых попыток разобраться в шекспироведческом наследии Шекспира предпринимает И. Б. Делекторская в своей кандидатской диссертации. Она называет и датирует 14 работ Кржижановского о Шекспире: «Комедиография Шекспира» (1934), «Шаги Фальстафа» (1934), «Сэр Джон Фальстаф и Дон Кихот» (1934—1939), «Комедийный сюжет Шекспира» (1935), «Контуры шекспировской комедии» (1935), «Комедии молодого Шекспира» (1935—1937), «<О проекте “Шекспировской энциклопедии”>» (1936), «Воображаемый Шекспир» (1937), «Забытый Шекспир» (1937), «Военные мотивы у Шекспира» (1937), «Фрагменты о Шекспире» (1939), «Детские персонажи у Шекспира» (1940), «Песенки Шекспира» (1943), «Концовки шекспировских пьес» (1940-е) [Делекторская, 2000, с. 7—8]. Исследователь также намечает объем несохранившегося: «не сохранилось ни текстов, ни даже конспектов докладов в Шекспировском кабинете ВТО и лекций для режиссеров эвакуированных во время войны в Восточную Сибирь театров, которые могли бы стать ценнейшим материалом для изучения» [Делекторская, 2000, с. 8]. Здесь исследователь не совсем права — некоторые из выступлений Кржижановского были открыты позже.

Важно отметить, что эти выступления относятся к периоду становления нового советского шекспироведения и, в какой-то мере, определяют его направление.

В наиболее полном на данный момент издании текстов Кржижановского под редакцией В. Перельмутера увидели свет «Комедиография Шек-

спира», «Поэтика шекспировских хроник», «Концовки шекспировских пьес», «Воображаемый Шекспир», «Забытый Шекспир», «Шаги Фальстафа», «Сэр Джон Фальстаф и Дон Кихот» и «Фрагменты о Шекспире», то есть восемь текстов. Не опубликованы «Комедии молодого Шекспира» (поскольку, по словам Перельмутера, все самое в ней существенное «растворено» в «Комедиографии Шекспира») [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 748]. Также не опубликованы части «Комедиографии Шекспира» «Комедийный сюжет Шекспира» и «Контуры шекспировской комедии», отдельно напечатанные в 1930-х годах, и «Военные мотивы у Шекспира», которые В. Перельмутер посчитал изложением фрагментов «Поэтики шекспировских хроник». Причины невключения в собрание сочинений статьи «Детские персонажи у Шекспира» не приводятся, хотя эта «статья-миниатюра» [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 747] известна Перельмутеру.

В другом месте Перельмутер пишет: «За пределами тома осталось около десятка небольших статей, посвященных частным, “узким” темам, таким как “Военные мотивы у Шекспира” или “Детские персонажи у Шекспира” etc. Все они, впрочем, так или иначе затрагиваются в публикуемых работах» [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 705]. Здесь уже речь о десятке небольших статей, оставшихся за пределами тома. Не совсем ясно, что имеет в виду исследователь.

Также в собрание не входит план «Шекспировской энциклопедии», хотя Перельмутер знал об этом проекте: «Задумывалась такая “Энциклопедия”, очевидно, как приложение / сопровождение к так и не состоявшемуся собранию сочинений. Судя по пятистраничному проспекту (“проекту”), осуществить его Кржижановский намеревался чуть ли не в одиночку (замечу, что подобного издания нет в России и по сию пору)» [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 748].

К. И. Плотников отмечает тот факт, что опубликованная Кржижановским «Поэтика шекспировских хроник» — несколько измененная версия доклада «Об исторических хрониках Шекспира», прочитанного 9 апреля 1935 года на заседании автономной секции драматургов при Оргкомитете Союза советских писателей; доклад этот остался в архиве. На основании анализа статьи и стенограммы доклада К. И. Плотников делает выводы о природе историзма Шекспира в трактовке Кржижановского [Плотников, 2014; Плотников, 2015].

Делекторская одна из первых справедливо пишет о том, что шекспироведение Кржижановского трудно разграничить с его театроведением в целом; она называет в качестве важных работ в этом контексте следующие: «Философема о театре» (1923), «Этюды об Островском» (1924), «Поэтика заглавий» (1925—1931), «Драматургия шахматной доски. На правах пара-

докса» (1945) [Делекторская, 2000, с. 9]. И действительно, в этих работах, в особенности в первой из них, Кржижановский ссылается на Шекспира довольно много.

Обращает на себя внимание, что прижизненные публикации шекспироведческих работ Кржижановского осуществлялись в популярных изданиях, в периодике, посмертные — в научных изданиях ВТО и Шекспировской комиссии Академии Наук.

История вопроса и наличествующие публикации шекспироведческих работ Кржижановского ставят перед нами ряд вопросов. Сколько работ входят в этот «канон»? Что считать утраченным, а что просто пока не опубликовано?

Перельмутер приводит текст справки, составленной Кржижановским для секции драматургов Союза писателей, датированной 24 августа 1942 года, из которого можно вычленить информацию о следующих неопубликованных шекспировских работах Кржижановского:

«7. Доклад на Шекспировской конференции 26.10.35 — “Комедии Шекспира” (стенограмма);

8. Доклад в секции драматургов, 22.03.35 — о шекспировском комедийном стиле» [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 746—747].

В отношении этих докладов указано, что они, наряду с другими работами, могут быть «объединены в сборник статей (8? п. л.) под заглавием “Комедиография Шекспира” (или “Проблема шекспировских комедий”; или же — “Комедия Шекспира”)» [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 747].

Далее названы еще не опубликованные работы:

«10. Речь об «Отелло» (Малый театр, сентябрь 1935; должна быть стенограмма — в архиве Малого);

11. Речь на Шекспировской сессии ИКП <Института красной профессуры> в мае 1936 года (была стенограмма);

12. Доклад в секции драматургов о «Хрониках Шекспира» [Там же].

Наконец, перечислены статьи, которые «сейчас в работе:

“Лирика Шекспира (Песенки)” — статья и переводы;

“Шекспир и английский фольклор”;

Лекция «Жизнь шекспировских образов» — Клуб писателей, 3.12.38» [Там же].

В отношении работы «Лирика Шекспира (Песенки)» Перельмутер отмечает, что «эта небольшая работа была завершена», в отношении статьи «Шекспир и английский фольклор» — «никаких следов этой работы в архиве писателя не обнаружено» [Там же]. Также Перельмутер дополняет информацию справки, указывая на некоторые другие шекспировские мате-

риалы Кржижановского: «…два доклада на Шекспировской конференции в Ярославле — “Шекспир” и “Комедии Шекспира”; доклады в Шекспировском кабинете ВТО — “Шуты в комедиях Шекспира” (дата выступления в упоминании о нем не отмечена), “Песенки Шекспира” (9 октября 1942), “Концовки шекспировских пьес” (1946), “Комическое начало у Шекспира” (конференция в ВТО — 4 мая 1946); лекции о Шекспире во время поездки по Восточной Сибири (1943) — для режиссеров и актеров эвакуированных туда театров» [Там же].

Сотрудничество с Всероссийским театральным обществом, подготовка докладов для Шекспировского кабинета ВТО становятся, очевидно, в какой-то период важнейшим местом приложения усилий Кржижановского как шекспироведа. В 1934 году он пишет жене: «Перечитываю и пере-перечитываю Шекспира. Надо добиться пианистической беглости — не столько для статьи, сколько для будущего доклада» [Кржижановский, 2001—2013, т. 6, с. 78]. Наталья Семпер писала о том, как активно работал Шекспировский кабинет ВТО в первые годы войны: «Шекспироеды (sic!) спасались у Морозова от морозов, физических и духовных, и без конца жевали, жевали Шекспира на голодный желудок — до последней косточки все трагедии, комедии, хроники, сонеты и прочие стихи и комментарии к ним за триста лет. В первые годы войны С. Д. бывал в ВТО довольно часто, его доклады и выступления по чужим докладам любили слушать и высоко ценили» [Там же, с. 298].

Говоря о сотрудничестве Кржижановского с ВТО в военное время, В. Перельмутер отмечает эволюцию исследователя, перешедшего от масштабных тем к анализу частностей: «…еженедельно (!) бывает в Шекспировском кабинете ВТО, где знакомит собравшихся со своими новыми работами о пьесах Шекспира, хотя вернее назвать это наблюдениями и размышлениями о “частностях”: в отличие от тридцатых годов, когда он более занимался проблемами масштабными (“Поэтика шекспировских хроник” или “Комедиография Шекспира”), теперь он сосредоточен на эпизодах, характерных ситуациях, “масках” и “типажах”, причем не пишет, ограничивается конспектом, полагаясь на свое отточенное мастерство лектора, нимало не смущаясь тем, что среди слушателей — такие мэтры театро- и шекспироведения, как Г. Н. Бояджиев, А. К. Дживелегов, А. А. Аникст, поэты-переводчики Маршак и Шервинский. Увы, конспекты (и некоторые готовые тексты выступлений) не сохранились: отданные М. Морозову — для архива и летописи чтений, — они, к несчастью, оказались среди тех бумаг этого архива, которые погибли» [Кржижановский, 2001—2013, т. 3, с. 659—660].

Таким образом, все неопубликованные работы воспринимаются Перельмутером как утраченные. Он признает, что их было много, но при этом пытается формировать корпус шекспирианы от Кржижановского фактически на основе только опубликованных материалов (за исключением введенной им в научный оборот статьи «Концовки шекспировских пьес»).

Обращает на себя внимание, что «Концовки шекспировских пьес» впервые публикуются в собрании сочинений с датировкой 1935 годом и без указания источника (а такая работа, получается, была докладом в ВТО в 1946 году). На ошибочность предложенной Перельмутером датировки указывает и тот факт, что именно в «Концовках шекспировских пьес» содержится окончательная редакция песенки шута из «Двенадцатой ночи», известная нам по рукописи 1943 года и отличающаяся от ранней редакции, включенной в статью «Воображаемый Шекспир» (1937). Также Перельмутер пишет: «Тексты докладов и лекций не сохранились. Особенно жалко тех из них, что звучали в Шекспировском кабинете ВТО (кроме упомянутых, были и другие: там было сказано многое, что не вошло в известные мне работы), — судя по всему, они погибли — вместе с архивом многолетнего хозяина кабинета М. М. Морозова — во время пожара в здании ВТО на углу Пушкинской площади и Тверской в начале 1990-х гг. Что, впрочем, недоказуемо…» [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 748].

Однако получается, что ряд докладов все-таки сохранился — в частности, стенограмма «44-го очередного заседания» Шекспировского кабинета ВТО, посвященного Шекспиру и концовкам шекспировских пьес. По сравнению с публикацией в собрании сочинений в стенограмме текст расширен; машинописные страницы напечатаны как будто бы в разное время, разным кеглем, то есть машинопись несет следы работы над ней, в том числе есть много правок чернилами; на лицевом листе написано: «Стенограмма проверена и выверена. 18.III.1946. С. Д. Кржижановский». Стенограмма представляет собой отредактированный и значительно расширенный вариант доклада об истории концовок у Шекспира. Добавлены целые абзацы, развернутые отступления: стоит упомянуть, что в публикации 2006 года 10 страниц текста, а в стенограмме — 31 страница (считая оборотные стороны листов архивной машинописи).

Другим сохранившимся архивным текстом стал доклад, прочитанный Кржижановским 22 марта 1935 года в секции драматургов при правлении Союза советских писателей, «О стиле и сюжете шекспировской комедии». Этот доклад во многом повторяет идеи и выражения его работы «Комедиография Шекспира». Интересно отметить, что, не имея возможности целиком опубликовать свою монографию, Кржижановский старался хотя бы отдельные ее части напечатать или как-то донести до публики. В докладе

варьируется текст нескольких разделов «Комедиографии Шекспира», однако варьируется не дословно; текст доклада — результат живого размышления Кржижановского над важными для него темами.

Можно сравнить, например, афористические выражения автора. В «Комедиографии Шекспира»: «Театр — с точки зрения длительностей — это искусство давать факты со скоростью мыслей» [Кржижановский, 2001—2013, т. 4, с. 159]; в стенограмме доклада очевидно более вольное течение устной речи: «Театр, в отличие от жизни, если его рассматривать с точки зрения эмпирических значений, с точки зрения включения тех или иных скоростей, той или иной быстроты, — театр это и есть внешнее событие, данное со скоростью мысли» [Кржижановский, 1935в, л. 3]. Таким образом, мы видим не повторы текста, а живое движение исследовательской мысли.

По итогам наших разысканий, имеющихся публикаций и упоминаний мы сделали попытку свести воедино информацию об отдельных произведениях Кржижановского по шекспировской теме, как опубликованных или сохранившихся в архивах, так и известных только по упоминаниям (табл.).

Таблица

Произведения Сигизмунда Кржижановского
по шекспировской теме

№	Название работы	Год написания	Опубликована
1.	Комедии молодого Шекспира	1934 (?)	Шекспировский сборник. 1967. Москва : ВТО, 1968 [1969]. С. 128—145.
2.	Комедиография Шекспира	1934 (?)	Шекспировские чтения. 1990. Москва : Наука, 1990. С. 241—295.
3.	Шаги Фальстафа	1934	Литературный критик. 1934. № 12. С. 116—126.
4.	Комедийный сюжет Шекспира	1935	Интернациональная литература. 1935. № 7. С. 101—108.
5.	Контуры шекспировской комедии (Заметки о шекспировской драматургии)	1935	Литературный критик. 1935. № 2. С. 26—50.
6.	О стиле и сюжете шекспировской комедии (доклад)	1935	не опубликован
7.	Об исторических хрониках Шекспира (доклад)	1935	не опубликован
8.	Комедии Шекспира (доклад на Шекспировской конференции)	1935	не опубликована

Продолжение табл.

№	Название работы	Год написания	Опубликована
9.	Речь об «Отелло» (Малый театр)	1935	не опубликована
10.	Сэр Джон Фальстаф и Дон Кихот	1936 (?)	Шекспировский сборник. 1967. Москва : ВТО, 1968 [1969]. С. 146—150.
11.	Поэтика шекспировских хроник	1936	Интернациональная литература. 1936. № 1. С. 137—157.
12.	Речь на Шекспировской сессии Института красной профессуры	1936	не опубликована
13.	Шекспировская энциклопедия (справочник для вузовцев, читателей советского издания Шекспира, режиссеров, актеров и молодых шекспироведов). План издания	1936	не опубликована
14.	Воображаемый Шекспир	1937	Советское искусство. 1937. 23 авг. С. 5.
15.	«Копия и оригинал». Статья о спектакле «Много шума из ничего» Шекспира, поставленном Городским Драматическим театром г. Рыбинска	1937	не опубликована
16.	Военные мотивы у Шекспира	1938	Советское искусство. 1938. 8 дек. С. 3.
17.	Жизнь шекспировских образов (лекция в клубе писателей)	1938	не опубликована
18.	Лекция о Шекспире Воронежскому театру	1938	не опубликована
19.	Фрагменты о Шекспире	1939	Волга. 1994. № 6.
20.	Забытый Шекспир	1939	Театр. 1939. № 4. С. 33—43.
21.	Детские персонажи у Шекспира	1940	Детская литература. 1940. № 6. С. 13—15.
22.	Песенки Шекспира (доклад)	1942	не опубликован
23.	Песенки Шекспира (I и I-ый цикл)	1943	не опубликованы

Окончание табл.

№	Название работы	Год написания	Опубликована
24.	Лекции о Шекспире для театров Восточной Сибири	1943	не найдены
25.	Концовки шекспировских пьес (стенограмма)	1946	не опубликована
26.	Комическое начало у Шекспира (доклад в Шекспировском кабинете ВТО)	1946	не опубликован
27.	Концовки шекспировских пьес	около 1946, у В. Перельмутера — 1935	Собрание сочинений : В 6 т. Т. 4. Санкт-Петербург : Symposium, 2006. С. 285—294.
28.	Шекспир и английский фольклор	?	не найдена
29.	Шуты в комедиях Шекспира (доклад в Шекспировском кабинете ВТО)	?	не найден

Прокомментируем один из вводимых в научный оборот документов: статью Кржижановского о спектакле в Рыбинске. Эта статья 1937 года, сохранившаяся в архиве газеты «Советское искусство», — редкий пример работы Кржижановского в жанре театральной критики. Он пишет главным образом о том, что рыбинский спектакль вторичен по отношению к спектаклю театра Вахтангова: «Все — мизансцена в мизансцену, шаг в шаг, жест в жест — дано по вахтанговскому оригиналу» [Кржижановский, 1937в, с. 1]. Он сравнивает провинциальный спектакль со столичным, делает замечания по переводу, представляющему смесь перевода Кронеберга с другими, созданными в последующие десятилетия. Несмотря на вторичность постановки, критик приходит к выводу, что «оригиналу есть кой-чему поучиться у своей копии» [Там же, л. 2]. Например, уже в первой сцене «провинциальный театр показывает гораздо большую ясность режиссерского замысла <…> показан поединок двух остроумий» [Там же]; артистка рыбинского театра владеет «убедительной внутренней техникой»; в комических сценах «артисты не хотят быть смешными во что бы то ни стало, они сосредоточенно и серьезно передают “вверенные” им автором слова» [Там же, л. 3]. Он также отмечает очень внимательного рыбинского зрителя; а финал статьи внезапно выходит на тему, смежную с цензурной. В финале

Кржижановский пишет, что одну из строк Шекспиру «так и не разрешили произнести в его же собственной комедии: ни на театре-копии, ни на театре-оригинале» [Там же, с. 4]. Речь идет о строке «Я слышу междуметие скорби! Так дайте ж и смеху воскликнуть свое ха-ха!» [Там же]. Нам не известно, почему статья не была опубликована; но стиль Кржижановского-критика показывает широту и междисциплинарность его мышления, далекие, быть может, от насущных требований публицистики того времени.

Таким образом, мы можем прийти к некоторому расширению шекспировского «фонда» в наследии Кржижановского: с 14 или 15 работ до значительно большего количества; наряду с опубликованными есть достаточное количество работ по смежным темам в архивах, которые могут и должны быть введены в научный оборот.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно говорить о комплексном характере рецепции шекспировского творчества в наследии такого многостороннего и, пожалуй, недооцененного автора, как Сигизмунд Кржижановский. Перспективными направлениями исследования остаются анализ переводческой рецепции (перевод Кржижановским песенок Шекспира), критической рецепции (Кржижановский как критик переводов; как театральный критик), театро- и литературоведческой рецепции (вновь открытые тексты шекспирианы), а также творческой рецепции: по этому пути сделаны лишь первые шаги.

Принципиальной задачей будущего исследования мы видим ответ на вопрос о том, в чем и каким образом Шекспир «спасает» своего читателя или зрителя от «метафизического наваждения». На материале многосторонней шекспирианы Кржижановского мы планируем исследовать его видение Шекспира как ключевого автора, у которого проявлены важнейшие законы театрального и литературного творчества как такового.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники

1. *Бовшек А.* Глазами друга (материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского) / А. Бовшек // Кржижановский С. Д. Собрание сочинений в 6 тт. — Москва—Санкт-Петербург : b.s.g.-press / Simposium, 2013. — Т. 6. — С. 197—281.

2. *Кржижановский С. Д.* Военные мотивы у Шекспира / С. Д. Кржижановский // Советское искусство. — 1937а. — 8 декабря. — С. 3.

3. *Кржижановский С. Д.* Возвращение Мюнхгаузена : Повести; Новеллы; Воспоминания о Кржижановском / С. Д. Кржижановский. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — 576 с. — ISBN 5-280-02351-5.

4. *Кржижановский С. Д.* Воображаемый Шекспир / С. Д. Кржижановский // Советское искусство. — 1937б. — 23 августа. — С. 5.

5. *Кржижановский С. Д.* Воспоминания о будущем : избранное из неизданного / С. Д. Кржижановский. — Москва : Московский рабочий, 1989. — 463 с.

6. *Кржижановский С. Д.* Детские персонажи у Шекспира / С. Д. Кржижановский // Детская литература. — 1940. — № 6. — С. 13—15.

7. *Кржижановский С. Д.* Забытый Шекспир / С. Д. Кржижановский // Театр. — 1939. — № 4. — С. 33—43.

8. *Кржижановский С. Д.* Комедии молодого Шекспира / С. Д. Кржижановский // Шекспировский сборник. 1967. — Москва : Всерос. театр. о-во, 1968. — С. 128—145.

9. *Кржижановский С. Д.* «Копия и оригинал». Статья о спектакле «Много шума из ничего» Шекспира, поставленном Городским Драматическим театром г. Рыбинска. 1937в / С. Д. Кржижановский // РГАЛИ. — Ф. 672. — Оп. 1. — Ед. хр. 461. — 7 л.

10. *Кржижановский С. Д.* Комедийный сюжет Шекспира / С. Д. Кржижановский // Интернациональная литература. — 1935а. — № 7. — С. 101—108.

11. *Кржижановский С. Д.* Комедиография Шекспира / С. Д. Кржижановский // Шекспировские чтения. — Москва : [б. и.], 1990. — С. 241—295.

12. *Кржижановский С. Д.* Контуры шекспировской комедии / С. Д. Кржижановский // Литературный критик. — 1935б. — № 2. — С. 26—50.

13. *Кржижановский С. Д.* Концовки шекспировских пьес / С. Д. Кржижановский // Собрание сочинений в 6 тт. — Санкт-Петербург : Simposium, 2006. — Т. 4. — С. 285—294. — ISBN 5-89091-131-7.

14. *Кржижановский С. Д.* О стиле и сюжете шекспировской комедии (доклад), 1935в / С. Д. Кржижановский // РГАЛИ. — Ф. 631. — Оп. 1. — Ед. хр. 73. — 42 л.

15. *Кржижановский С. Д.* Песенки Шекспира, 1943 / С. Д. Кржижановский // РГАЛИ. — Ф. 2280. — Оп. 1. — Ед. хр. 64. — Л. 1—7.

16. *Кржижановский С. Д.* Поэтика шекспировских хроник / С. Д. Кржижановский // Интернациональная литература. — 1936. — № 1. — С. 137—157.

17. *Кржижановский С. Д.* Сказки для вундеркиндов : Повести, рассказы / С. Д. Кржижановский. — Москва : Советский писатель, 1991. — 704 с.

18. *Кржижановский С. Д.* Собрание сочинений в 6 тт. / С. Д. Кржижановский. — Москва—Санкт-Петербург : b.s.g.-press / Simposium, 2001—2013.

19. *Кржижановский С. Д.* «Страны, которых нет» : Статьи о литературе и театре / С. Д. Кржижановский. — Москва : Радикс, 1994. — 156 с. — ISBN 5-86463-007-1.

20. *Кржижановский С. Д.* Сэр Джон Фальстаф и Дон Кихот / С. Д. Кржижановский // Шекспировский сборник. 1967. — Москва : Всерос. театр. о-во, 1968. — С. 146—158.

21. *Кржижановский С. Д.* Фрагменты о Шекспире / С. Д. Кржижановский // Волга. — 1994. — № 6.

22. *Кржижановский С. Д.* Шаги Фальстафа / С. Д. Кржижановский // Литературный критик. — 1934. — № 12. — С. 116—126.

23. *Кржижановский С. Д.* Шекспировская энциклопедия (справочник для вузовцев, читателей советского издания Шекспира, режиссеров, актеров и молодых шекспи-

роведов). План издания / С. Д. Кржижановский // РГАЛИ. — Ф. 2280. — Оп. 1. — Ед. хр. 49. — 3 л.

24. *Соглашение* между Камерным театром и С. Кржижановским о монтаже пьесы о Фальстафе. 1935 // РГАЛИ. — Ф. 2280. — Оп. 1. — Ед. хр. 98. — Л. 6.

25. *Стенограмма* 44-го очередного заседания, посвященного Шекспиру, «Концовки шекспировских пьес». От 7 марта 1946 г. Докладчик — С. Д. Кржижановский // РГАЛИ. — Ф. 970. — Оп. 11. — Ед. хр. 156. — 22 л.

26. *Стенограмма* доклада С. Д. Кржижановского «Песенки Шекспира». 16 октября 1942 г. // РГАЛИ. — Ф. 970. — Оп. 11. — Ед. хр. 105. — 12 л.

Литература

1. *Азеева И. В.* Формирование концепта театра в исканиях русских теоретиков первой половины XX века («Философема о театре» Сигизмунда Кржыжановского) / И. В. Азеева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2008. — № 4. — С. 216—219.

2. *Буровцева Н. Ю.* Проза С. Д. Кржижановского : Проблемы поэтики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. Ю. Буровцева. — Москва, 1998. — 178 с.

3. *Воробьева Е. И.* Жанровое своеобразие творчества С. Д. Кржижановского : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. И. Воробьева. — Москва, 2002. — 211 с.

4. *Горошников В. В.* Экзистенциальная проблематика прозы Сигизмунда Кржижановского : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / В. В. Горошников. — Ярославль, 2005. — 178 с.

5. *Делекторская И. Б.* Эстетические воззрения Сигизмунда Кржижановского : От шекспироведения к философии искусства : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. Б. Делекторская. — Москва, 2000. — 159 с.

6. *Кузьмина Е. О.* Поэтика фольклорных сюжетов в литературной сказке С. Кржижановского / Е. О. Кузьмина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2012. — № 1 (9). — С. 20—27.

7. *Ливская Е. В.* Философско-эстетические искания в прозе С. Д. Кржижановского : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Ливская. — Москва, 2009. — 22 с.

8. *Лунина И. В.* Художественный мир новелл С. Д. Кржижановского : человек, пространство, коммуникация : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. В. Лунина. — Красноярск, 2009. — 19 с.

9. *Моисеева Е. В.* Художественный мир прозы С. Кржижановского : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Моисеева. — Екатеринбург, 2002. — 184 с.

10. *Перельмутер В.* После катастрофы / В. Перельмутер // Кржижановский С. Д. Собрание сочинений в 6 тт. — Санкт-Петербург : Simposium, 2001. — Т. 1. — С. 5—70. — ISBN 5-89091-133-3.

11. *Перельмутер В.* «Прозеванный гений» / В. Перельмутер // Кржижановский С. Д. Сказки для вундеркиндов : Повести, рассказы. — Москва : Советский писатель, 1991. — С. 3—26.

12. *Плотников К. И.* К вопросу об историзме С. Д. Кржижановского / К. И. Плотников // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2014. — № 10 (95). — С. 128—133.

13. *Плотников К. И.* С. Д. Кржижановский-шекспировед : к вопросу об освоении драматургии Шекспира в 1930-е годы (методы и подходы) / К. И. Плотников // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — № 2. — С. 246—253.

14. *Трубецкова Е. Г.* «Борьба властителей дум с блюстителями дум» : о несостоявшейся публикации произведений С. Д. Кржижановского в период «оттепели» / Е. Г. Трубецкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2016. — Т. 16. — Выпуск 1. — С. 76—81.

15. *Эмерсон К.* Сигизмунд Кржижановский как драматург и мировая история как фарс / К. Эмерсон // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2011. — Выпуск 7 (109). — С. 134—143.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 23.06.2023.

Material resources

Agreement between the Chamber Theater and S. Krzhizhanovsky on the installation of a play about Falstaff. 1935. *RGALI. F. 2280. Op. 1. Ed. hr. 98. L. 6.* (In Russ.).

Bovshek, A. (2013). Through the eyes of a friend (materials for the biography of Sigismund Dominikovich Krzhizhanovsky). In: *Krzhizhanovsky, S. D. Collected works in 6 tt., 6.* Moscow—St. Petersburg: B.S.G.-press / Simposium. 197—281. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. “Copy and original”. An article about the play “Much ado about Nothing” by Shakespeare, staged by the City Drama Theater of Rybinsk. 1937. *RGALI. F. 672. Op. 1. Ed. hr. 461. 7 l.* (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1994). *“Countries that don’t exist”: Articles about literature and theater.* Moscow: Radiks. 156 p. ISBN 5-86463-007-1. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1940). Children’s characters in Shakespeare. *Children’s literature, 6:* 13—15. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (2001—2013). *Collected works in 6 tt.* Moscow—St. Petersburg: B.S.G.-press / Simposium. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1935b). Contours of Shakespeare’s comedy. *Literary Critic, 2:* 26—50. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1991). *Fairy tales for prodigies: Stories, stories*. Moscow: Soviet Writer. 704 p. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1934). Falstaff's steps. *Literary critic, 12:* 116—126. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1994). Fragments about Shakespeare. *Volga, 6.* (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1937). Imaginary Shakespeare. *Soviet Art. August 23.* P. 5. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1989). *Memories of the future: selections from the unpublished.* Moscow: Moskovsky Rabochy. 463 p. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1937). Military motives in Shakespeare. *Soviet Art. December 8*. P. 3. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. On the style and plot of Shakespeare’s comedy (report), 1935b. *RGALI. F. 631. Op. 1. Ed. hr. 73. 42 l.* (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1936). Poetics of Shakespeare’s chronicles. *International literature, 1:* 137—157. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. Shakespeare Encyclopedia (handbook for university students, readers of the Soviet edition of Shakespeare, directors, actors and young Shakespeare scholars). Publication plan. *RGALI. F. 2280. Op. 1. Ed. hr. 49. 3 l.* (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1968). Sir John Falstaff and Don Quixote. In: *Shakespeare collection. 1967.* Moscow: Vseros. theatre. o-vo. 146—158. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. Songs of Shakespeare, 1943. *RGALI. F. 2280. Op. 1. Ed. hr. 64. L. 1—7.* (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1968). The Comedies of young Shakespeare. In: *Shakespeare Collection. 1967.* Moscow: Vseros. theatre. o-vo. 128—145. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1990). The comedy of Shakespeare. In: *Shakespeare readings.* Moscow: [b. i.]. 241—295. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1935a). The comedy plot of Shakespeare. *International literature, 7:* 101—108. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (2006). The endings of Shakespeare's plays. In: *Collected works in 6 tt., 4.* St. Petersburg: Simposium. 285—294. ISBN 5-89091-131-7. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1939). The Forgotten Shakespeare. *Theater, 4:* 33—43. (In Russ.).

Krzhizhanovsky, S. D. (1990. *The Return of Munchausen: Stories; Short Stories; Memories of Krzhizhanovsky.* Leningrad: Fiction. 576 p. ISBN 5-280-02351-5. (In Russ.).

Transcript of S. D. Krzhizhanovsky's report "Songs of Shakespeare". October 16, 1942. *RGALI. F. 970. Op. 11. Ed. hr. 105. 12 l.* (In Russ.).

Transcript of the 44th regular meeting dedicated to Shakespeare, "The Endings of Shakespeare's plays". From March 7, 1946 Speaker — S. D. Krzhizhanovsky. *RGALI. F. 970. Op. 11. Ed. hr. 156. 22 l.* (In Russ.).

References

Azeeva, I. V. (2008). Formation of the concept of theater in the search of Russian theorists of the first half of the twentieth century ("The Philosophy of theater" by Sigismund Krzyzhanovsky). *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts, 4:* 216—219. (In Russ.).

Burovtseva, N. Y. (1998). *Prose of S. D. Krzhizhanovsky: Problems of Poetics.* PhD Diss. Moscow. 178 p. (In Russ.).

Delektorskaya, I. B. (2000). *The aesthetic views of Sigismund Krzhizhanovsky: From Shakespeare studies to the philosophy of art.* PhD Diss. Moscow. 159 p. (In Russ.).

Emerson, K. (2011). Sigismund Krzhizhanovsky as a playwright and world history as a farce. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 7 (109):* 134—143. (In Russ.).

Goroshnikov, V. V. (2005). *Existential problems of Sigismund Krzhizhanovsky's prose.* PhD Diss. Yaroslavl. 178 p. (In Russ.).

Kuzmina, E. O. (2012). Poetics of folklore plots in the literary tale of S. Krzhizhanovsky. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University, 1 (9):* 20—27. (In Russ.).

Livskaya, E. V. (2009). *Philosophical and aesthetic searches in S. D. Krzhizhanovsky's prose.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).

Lunina, I. V. (2009). *The artistic world of S. D. Krzhizhanovsky's short stories: man, space, communication.* Author's abstract of PhD Diss. Krasnoyarsk. 19 p. (In Russ.).

Moiseeva, E. V. (2002). *The artistic world of S. Krzhizhanovsky's prose.* PhD Diss. Yekaterinburg. 184 p. (In Russ.).

Perelmuter, V. (1991). "The Overlooked genius". In: *Krzhizhanovsky, S. D. Fairy tales for prodigies: Novellas, short stories.* Moscow: Soviet Writer. 3—26. (In Russ.).

Perelmuter, V. (2001). After the catastrophe. In: *Krzhizhanovsky, S. D. Collected works in 6 tt., 1.* St. Petersburg: Simposium. 5—70. ISBN 5-89091-133-3. (In Russ.).

Plotnikov, K. I. (2014). On the question of historicism of S. D. Krzhizhanovsky. *Izvestiya Volgograd State Pedagogical University, 10 (95):* 128—133. (In Russ.).

Plotnikov, K. I. (2015). S. D. Krzhizhanovsky-Shakespeare scholar: on the question of mastering Shakespeare's dramaturgy in the 1930s (methods and approaches). *Knowledge. Understanding. Ability, 2:* 246—253. (In Russ.).

Trubetskova, E. G. (2016). "The struggle of the rulers of thoughts with the guardians of thoughts": about the failed publication of the works of S. D. Krzhizhanovsky during the "thaw". *News of Saratov University. A new series. Philology series. Journalism, 16 (1):* 76—81. (In Russ.).

Vorobyova, E. I. (2002). *Genre originality of S. D. Krzhizhanovsky's creativity.* PhD Diss. Moscow. 211 p. (In Russ.).

The article was submitted 15.04.2023;
approved after reviewing 14.06.2023;
accepted for publication 23.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Цзи Паньсинь. Рецепция произведения «Былое и думы» А. И. Герцена в Китае : проблемы изучения и влияния / Цзи Паньсинь, Чжоу Лулу // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 368—385. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-368-385.

Ji Panxin, Zhou Lulu. (2023). Reception of Alexander Herzen's 'My Past and Thoughts' in China: Problems of Study and Influence. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 368-385. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-368-385. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-368-385

Рецепция произведения «Былое и думы» А. И. Герцена в Китае: проблемы изучения и влияния

Цзи Паньсинь [1]
orcid.org/0000-0001-7562-4369
аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
1209712742@QQ.com

Чжоу Лулу [1, 2] *
orcid.org/0000-0002-7147-1374
[1] аспирант кафедры русской и зарубежной литературы;
[2] старший преподаватель, Институт иностранных языков,
**** корреспондирующий автор***
1991310487@qq.com

[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия)

[2] Университет Дэчжоу (Дэчжоу, Китай)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям (China Scholarship Coucil) в рамках программы «Стипендия Правительства КНР и РФ», № 202107040006

Reception of Alexander Herzen's 'My Past and Thoughts' in China: Problems of Study and Influence

Ji Panxin [1]
orcid.org/0000-0001-7562-4369
postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature
1209712742@QQ.com

Zhou Lulu [1, 2] *
orcid.org/0000-0002-7147-1374
[1] postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature;
[2] senior lecturer, Department of the Foreign languages,
**** Corresponding author***
1991310487@qq.com

[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia)

[2] Dezhou University (Dezhou, China)

Acknowledgments:
The reported study was funded by the China Scholarship Council as a part of the programme "Scholarship of the Government of the People's Republic of China and the Russian Federation", No. 202107040006

© Цзи Паньсинь, Чжоу Лулу, 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется своеобразие рецепции произведения «Былое и думы» Александра Герцена в китайском литературоведении. Отмечается, что эта хроника получила широкое признание в Китае и вызывает большой интерес даже в настоящее время. Анализируются причины, особенности и аспекты влияния русского классика на китайскую литературу в разные эпохи. Отмечается, что рецепция «Былого и дум» китайскими читателями и учеными определяется двумя факторами: большой ценностью самого произведения и тем фактом, что работа А. И. Герцена отвечала потребностям китайского общества в разные исторические периоды. Показано, что основная особенность рецепции творчества Герцена китайскими исследователями — эволюция от социально-политической доминации к культурно-эстетической. «Былое и думы» оказали влияние как на теорию, так и на практику современной китайской литературы. Кроме того, важным аспектом рецепции «Былого и дум» русского классика в Китае стало создание современными китайскими писателями своих произведений. Так, Ба Цзинь под влиянием «Былого и дум» Герцена написал произведение «Думы». Юй Дафу, вдохновленный работой Герцена, разработал литературную теорию мемуарного жанра. Авторы статьи заключают, что герценоведение в Китае актуально и имеет широкие перспективы изучения.

Ключевые слова:
рецепция; Александр Герцен; Былое и думы; русско-китайская литературная связь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article delves into the unique reception of Alexander Herzen's 'My Past and Thoughts' in Chinese literary studies. It is noted that this chronicle has received widespread recognition in China and continues to generate significant interest to this day. It analyzes the reasons, characteristics, and aspects of the Russian classic's influence on Chinese literature in different historical periods. It highlights that the reception of 'My Past and Thoughts' by Chinese readers and scholars is determined by two factors: the great value of the work itself and the fact that Herzen's work met the needs of Chinese society in various historical periods. The article shows that the main feature of the reception of Herzen's works by Chinese researchers has evolved from socio-political domination to cultural-aesthetic dominance. 'My Past and Thoughts' has influenced both the theory and practice of modern Chinese literature, and contemporary Chinese writers have created works inspired by Herzen's approach. For instance, Ba Jin wrote 'Thoughts' under the influence of Herzen's work, while Yu Dafu developed a literary theory of memoirs inspired by it. The authors conclude that Herzen studies in China are pertinent and offer extensive prospects for further research.

Key words:
Reception; Alexander Herzen; My Past and Thoughts; Russian-Chinese literary connections.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Герцен.07+821.581

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира

Рецепция «Былого и дум» А. И. Герцена в Китае: проблемы изучения и влияния

© Цзи Паньсинь, Чжоу Лулу, 2023

1. Введение = Introduction

Произведения и идеи А. И. Герцена актуальны во многих странах, в том числе и в Китае. Писатель был одним из первых русских классиков, который был представлен в Китае наряду с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Двойная идентичность А. И. Герцена как революционера и классического писателя, антиабсолютистское сознание и гуманистический дух в его творчестве, идейная ценность работ — основные области интереса китайских герценоведов. Однако современное состояние герценоведения в Китае, причина популярности произведений писателя у китайских читателей, рецепция творческих идей Герцена в новой современной китайской литературе и влияние его творчества на китайских авторов — эти вопросы еще не были всесторонне и систематически представлены в академических исследованиях. Настоящая статья призвана восполнить данный пробел. Актуальность предложенного анализа обусловлена тем, что российско-китайские литературные связи, в частности рецепция русской классики в современной китайской литературе и науке, имеют решающее значение для укрепления российско-китайских связей, содействуя диалогу культур обеих стран.

2. Материал, метод, обзор = Material, Methods, Review

В статье анализируются причины и особенности рецепции произведения «Былое и думы» А. И. Герцена в Китае. Материалом для исследования послужила сама автобиографическая хроника и научные работы о ней китайских и зарубежных герценоведов.

Вопрос обращения китайских исследователей к творчеству Герцена уже был представлен в ряде работ. В частности, анализ предпосылок рецепции творчества писателя в Китае в начале XX века [Цзи Паньсинь, 2023] показал, что популярность Герцена в этот период была тесно связана с социально-политической и культурной обстановкой в Китае. Исследователи рецепции второй половины XX века отмечали влияние Герцена на

«Думы» (《随想录》) китайского писателя Ба Цзинь [Ван Лимин, 2005]. Лю Вэньфэй рассматривал идейное значение произведения «Былое и думы» Герцена [Лю Вэньфэй, 2013]. Ян Минтянь изучал разносторонность идей и особенности личности Герцена, а также жанровые характеристики его произведений, которые атрибутировал как мозаичные [Ян Минтянь, 2012]. Тем не менее нельзя сказать, что изучение творчества Герцена носит системный характер, в то время как даже новая китайская литература не игнорирует творческих идей российского классика.

Таким образом, состояние и особенности рецепции творчества А. И. Герцена в Китае, его влияние на новую китайскую литературу до сих пор не были предметом изучения.

В данной статье были использованы культурно-исторический метод, который применялся при анализе творческих идей Герцена и рецепции его произведений китайскими исследователями в контексте исторических условий, и сравнительно-исторический, предполагавший анализ восприятия китайским писателями, в том числе современными, революционных и творческих идей русского писателя.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Первое появление имени Герцена в поле зрения китайских читателей относится к 1902 году, когда был опубликован политический роман «Героиня Восточной Европы» китайского писателя Линьнаньюйи нюйши (岭南羽衣女士). В том же году китайский политический деятель Ма Цзюньу (马君武) написал брошюру «Большое волнение России», основным содержанием которой был частичный перевод отрывков из «Истории социализма» британского ученого Томаса Киркупа (Thomas Kirkup, 1844—1912). Имя Герцена также упоминается в этой брошюре [Ма Цзюньу, 1902]. В июне 1903 года в газете «Далубао» опубликована «Биография трех великих русских нигилистов», где А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский были поставлены в один ряд с М. А. Бакуниным и рассматривались в качестве духовных лидеров нигилизма в России, их «целью было ниспровержение царского самодержавия ценой своей и чужой смерти» [Биография …, 1903]. Во всех упомянутых статьях Герцен в первую очередь рассматривался как русский революционер и в меньшей степени как литератор.

В X главе политико-сатирического романа Цзэн Пу (曾朴) «Цветы в море зла» 1903 года также упоминается имя Герцена как классика русской литературы: «Герцен, Тургенев, Толстой — своими блестящими, громоподобными произведениями также проповедуют нигилизм. <…> Идеи Герцена очень увлекают даже князей и сановников» [Цзэн Пу, 2012, с. 54—58]. В 1904 году Цзинь И (金一) издал книгу «Вольная кровь», ко-

торая представляет из себя перевод отдельных частей книги «Современный анархизм» (1902) японского ученого Кэмуямы Сэнтаро (煙山専太郎, 1877—1954). В книге была представлена «Биография Герцена»: «Герцен — знаменитый революционный литератор, который вместе с Гоголем, Белинским, Гончаровым, Тургеневым и другими представителями натуральной школы восстали против теории “официального народности”» [Цзинь И, 1904, с. 15]. В статье также подчёркивалось: «Произведения Герцена великолепные, и его теория известна во всем мире» [Там же]. В 1904 году Лян Цичао (梁启超) в статье «О русских нигилистах» упомянул журнал «Колокол» и роман «Кто виноват?». Автор статьи разделил русское нигилистское движение на три периода: литературной революции (начало XIX века — 1863 год), агитации (1864—1877 годы) и убийства, террора (1878—1883 годы), — при этом Лян Цичао считал Герцена представителем периода литературной революции [Лян Цичао, 1999, с. 1242]. Таким образом, в начале XX века китайские авторы оценивали литературные работы Герцена как достижения русского классика.

Следует отметить, что в указанный период понятия «нигилизм», «анархизм» и «народничество» в Китае рассматривались как эквивалентные и все с ними связанное трактовалось китайскими интеллектуалами как оппозиционное самодержавию и императорской власти. Смешивая эти понятия, они считали Герцена, отца русского народничества, «учителем нигилизма». При этом идеи Герцена и опыт народничества рассматривались с позиции возможности применения в Китае.

В 1920 году в стране вышел перевод повести «Сорока-воровка» — первый китайский перевод художественного произведения Герцена. В предисловии переводчик Гэн Куан (耿匡) написал: «Герцен занимает важное место не только в истории русской литературы и мысли, но и в истории государства России. <…> Герцен был не только великим писателем, но и человеком с добрым характером, одним из ведущих мировых писателей» [Гэн Куан, 1920, с. 55—56]. Критикой высоко оценивались литературные достижения Герцена, его самого рассматривали как представителя мировой классики.

Между тем ряд китайских критиков оценивал общественную деятельность Герцена выше, чем его художественные достижения. Так, Шэнь Янбин (沈雁冰). в 1921 году в «Общей биографии 30 русских литераторов» утверждал, что «Герцен был не столько литератором, сколько публицистом. Он оказал очень важное влияние на русскую мысль» [Шэнь Янбин, 1921, с. 76]. Более того, большинство китайских исследователей говорили о многогранной личности Герцена как революционера, философа и литератора одновременно. В июле 1923 года китайский писатель Юй Дафу

(郁达夫) опубликовал статью «О Герцене», в которой рассказал об общественно-политической и литературной деятельности русского классика и кратко прокомментировал произведения «Кто виноват?», «С того берега» и «Былое и думы», утверждая, что в мемуарах Герцена отражаются яркий характер и почерк писателя. В конце статьи Дафу призывает китайскую молодежь учиться у Герцена революционному духу и иметь мужество отказаться комфорта ради борьбы за революционное дело [Юй Дафу, 1923, с. 14—15].

В 1927 году Ба Цзинь написал монографию «История русского общественного движения» (опубликована в 1934 году), в V главе которой под названием «Герцен и западники» Ба Цзинь подробно рассказывает о жизни Герцена, его революционной, литературной и издательской деятельности, об основных философских идеях Герцена и т. д. Ба Цзинь указывает на различия между Герценом и другими западниками и на то глубокое влияние, которое Герцен оказал на русскую молодежь своего времени [Ба Цзинь, 1993b, с. 566, 577].

И Юй Дафу, и Ба Цзинь высоко ценили литературные и философские достижения Герцена, а также его общественно-политическую деятельность. Они придавали большое значение его влиянию на русское молодое поколение, примером последнего китайские писатели надеялись вдохновить китайскую молодежь присоединиться к революции и бороться за независимость и освобождение своей страны. Такова в целом история знакомства китайских читателей с Герценом в начале XX века.

В XXI веке герценоведение постепенно становится таким же востребованным направлением исследований в Китае, как пушкиноведение, достоевсковедение и толстоведение. Профессор Лю Вэньфэй, известный китайский специалист по русской литературе, назвал жизнь А. И. Герцена жизнью выдающегося писателя и великого мыслителя. У Герцена есть «сила мысли», которую рано обнаружил В. Г. Белинский, и она оказала большое влияние на историю русской мысли и литературы [Лю Вэньфэй, 2013, с. 61]. Профессор Ли Цзяньцзюнь из Китайской академии общественных наук назвал Герцена одним из самых влиятельных русских интеллигентов в XIX веке. Его любовь к гуманизму и свободе, твердый и мятежный дух, критическое мышление, стремление к эмансипации личности и сила слова по-прежнему имеют большую ценность [Ли Цзяньцзюнь, 2018, с. 10]. В 2012 году в честь 200-летия со дня рождения Герцена Пекинский педагогический университет провел международную конференцию «А. И. Герцен в глобальной перспективе», которая вызвала новую волну исследований о русском классике в Китае. В том же году ведущий китайский журнал «Русская литература и искусство» запустил колонку «Герце-

новедение», посвященную передовым вопросам китайского и российского герценоведения. В то же время из всех исследований о Герцене наибольшее внимание китайские специалисты уделяют мемуарам «Былое и думы».

3.1. «Былое и думы» в китайской критической интерпретации

Согласно статистике, произведение «Былое и думы» занимает 7-е место в «Топ-10 лучших чтений 2018 года по иностранной литературе» в Китае [Список чтений за 2018 год …]. В 2019 году *The Beijing News* выразил «особую дань уважения хорошей книге года 2018» — «Былому и думам» Герцена [The Beijing News 2018…]. Писатель Лян Чанъэ, высоко оценивая художественные достижения Герцена, считал «Былое и думы» уникальным произведением в литературе XIX века: «Критика в книге глубоко остра, описания реалистичны, эмоции богаты и трогательны. Эти мемуары — история мысли и души автора, имеющая непреходящую ценность в контексте своего времени» [Лян Чанъэ, 2020].

В Китае не только читатели и писатели отдают предпочтение А. И. Герцену, но и исследователи. Его считают литературным гигантом наравне с Пушкиным, Гоголем, Толстым, Тургеневым, Достоевским и Чеховым, а «Былое и думы» — шедевром наравне с «Записками охотника» и «Записками из мертвого дома» и даже произведением, соотносимым по масштабу с «Мертвыми душами», «Войной и миром» и «Братьями Карамазовыми» [Ли Цзяньцзюнь, 2018, с. 22].

Столь высокое признание «Былого и дум» китайскими читателями, в том числе учеными, обусловлено прежде всего характером творчества Герцена, поскольку рецепция литературы определяется двумя основными факторами: источником (художественный текст) и особенностями реципиента.

«Былое и думы» — это кульминация творческой жизни Герцена. В данной книге в полной мере представлен сам писатель и как великий мыслитель, и как выдающийся литературный деятель. «Былое и думы» имеют большое значение в истории русской литературы. С одной стороны, это художественные мемуары, с другой — в них сочетаются конфликтность драмы, повествовательность новеллы и лиризм поэзии. По словам профессора Лю Вэньфэя, с точки зрения жанра «Былое и думы» выходит далеко за рамки обычных мемуаров или автобиографии, это очерки об исторически реальных людях, дневники и письма, теоретические эссе и публицистика. Герцен был новеллистом, публицистом, философом и мыслителем в одном лице, поэтому «Былое и думы» — это шедевр в русской и мировой литературы с богатой идейной ценностью [Лю Вэньфэя, 2013, с. 62]. По словам профессора Ли Цзяньцзюня, уникальное сочетание творческого

вымысла (fiction) и исторической правды (non-fiction) в «Былом и думах» демонстрирует мастерство настоящего художника. Герцен документировал жизнь известных интеллектуалов своего времени, что проливало свет на причины конфликта между властью и интеллигенцией, самодержавием и свободой в ту эпоху. Герцен демонстрирует способность к повествованию, не уступающую любому писателю, а его рассказ о жизни своей семьи настолько полон шокирующих душевных мук и трагизма, что создается впечатление, будто попадаешь в виртуальный мир «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты» [Ли Цзяньцзюня, 2018, с. 22].

Профессор Жэнь Цзыфэн считает, что «Былое и думы» — это и краткое изложение идейных поисков Герцена, и подлинная летопись общественной жизни в России и Западной Европе. Мемуары Герцена богаты по содержанию, идейно глубоки и стилистически выразительны, они занимают важное место в автобиографической мировой литературе [Жэнь Цзыфэн, 2010, с. 136]. В учебнике «История русской литературы» для китайских студентов и магистрантов профессор Цао Цзинхуа утверждает, что «Былое и думы» отличается широтой представленной в них исторической картины: Герцен пишет о людях и событиях, уделяя внимание исторической правде, исключая случайное, ненужное и не относящееся к делу, обрисовывая и обобщая характеры лаконично и точно («небольшим количеством чернил и туши»), с острой иронией обнажая уродство жизни. Все мемуары полны сильных и живых эмоций. В «Былом и думах» выражается неустанный поиск Герценом истины, с оттенками пессимизма и скептицизма, но более всего — с уверенностью в будущем [Цао Цзинхуа, 2007, с. 160]. Очевидно, что китайские ученые глубоко понимают «Былое и думы» и высоко их ценят, благодаря чему произведение стало столь популярным среди китайских читателей.

Другая причина популярности данного произведения в Китае заключается в том, что на всем протяжении XX и XXI веков китайские общественные деятели, принадлежащие к классу интеллигенции, были в поиске ответов на возникающие вопросы, касающиеся общественно-политической жизни, и они находили эти ответы у Герцена. В начале XX века китайцы увидели в Герцене бунт против самодержавия, вызов царю и власти, что имело решающее значение для китайских интеллигентов, которые в тот период стремились избавиться от феодального самодержавия и искали пути спасения страны и народа. Они усиленно пропагандировали герценовские идеи, направленные против самодержавия. Кроме того, китайские передовые интеллигенты, такие как Лян Цичао, Ли Дачжао и Юй Дафу, видели в Герцене большого писателя и считали, что литература играет важную роль в социальных реформах и революции. Лян Цичао, считая

Герцена представителем периода русского литературного революционного движения, подчеркивал значение литературных произведений Герцена, журналов «Колокол» и «Полярная звезда» в просвещении народа [Лян Цичао, 1999]. Ли Дачжао считает, что требования российского общества к литературе никогда не ограничивались утешительной функцией, напротив, литературу рассматривали скорее как средство решения проблем общественной жизни [Ли Дачжао, 2006]. Он пишет: «Русская литература — это гуманистическая литература, это литература, полная революционности. <…> В конце 1840-х годов в России появилось множество литературных гениев, которые с горечью критиковали политику, законы, обычаи, мораль, даже социальные институты того времени, а центральное место в их мышлении занимали вопросы освобождения крепостных крестьян и положения крестьянства. <…> Одним из самых выдающихся среди них был А. И. Герцен» [Там же, с. 4]. Юй Дафу также говорит о разносторонности личности Герцена как писателя и революционера. Китайский исследователь отмечает, что тот, кого волнует русская революция, не забудет имя Герцена, а китайские мужчины должны иметь мужество и веру в идею, чтобы сопротивляться власти, как и Герцен [Юй Дафу, 1992а, с. 80, 85].

После основания Нового Китая литературное сообщество страны было очень близко по духу Советскому Союзу, в частности, некоторые литературные взгляды были унаследованы из советского литературоведения. Оценка, которую дал Герцену В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена», была принята и китайскими учеными. Возможно, именно благодаря статье Ленина, определившей «положение» Герцена, даже во время «культурной революции» (1966—1976), когда произведения некоторых русских классиков, включая Достоевского и Тургенева, рассматривались как «ядовитая трава»[1], труды Герцена не были запрещены в Китае.

Начиная с 1980-х годов в результате политики «реформ и открытости» китайский народ ощутил на себе большие изменения, вызванные глобализацией экономики, многополярностью политики и информатизацией общества. Китайцы, ставшие материально обеспеченными, с большим желанием стремятся восполнить недостаток духовной жизни. Поэтому они обращаются к литературе, а «Былое и думы» Герцена является именно таким противоядием: «Со временем позиция Герцена становилась все более привлекательной, тем более для поколения, чье подозрение к любым попыткам найти окончательное решение человеческих проблем не ослабева-

1 Термин *ядовитая трава* использовался во время культурной революции в Китае для обозначения произведений, которые не соответствовали главенствующим политическим ценностям того времени; многие китайские и зарубежные классики считались *ядовитой травой*, за исключением Маркса, Энгельса, Ленина и Мао Цзэдуна.

ло» [Исайя Берлин, 2013, с. 77]. Содержащийся в «Былом и думах» анализ вечных вопросов, таких как семейные отношения, свобода личности и социальный порядок, Восток и Запад, и сегодня заслуживает внимания.

В фокусе интересов китайских ученых также находится идейная целостность произведения «Былое и думы». Фань Баосуань в своей диссертации доказывает внутреннюю гармоничность мемуаров [Фань Баосуань, 2007]. Он утверждает, что Герцен не стремился к продуманной, строгой логической структуре. Центральным у Герцена является вопрос о взаимосвязи личности и истории. Идеи автора сталкиваются и обретают гармонию: условная, хаотичная история и установление идеального общественного порядка, полностью гарантирующего свободу личности. Произведение Герцена, как и его жизнь, всегда находится в напряженном и динамичном развитии, и именно в этом выражается внутреннее единство «Былого и дум». Профессор Ян Минтянь анализирует цитату Герцена из «Былого и дум»: «Я решился оставить отрывочные главы, как они были, нанизавши их, как нанизывают картинки из мозаики в итальянских браслетах: все изображения относятся к одному предмету, но держатся вместе только оправой и колечками» [Герцен, 1956b, с. 265]. Ян утверждает: «В этом уникальность “мозаичного стиля” Герцена. Причиной возникновения “мозаичного стиля” является многогранность характера, идей и средств литературного выражения Герцена. Такой стиль приобрел некоторые черты того, что в культурологии XX века определяется как “сюрреализм”. Это сосредоточенность на мыслях и чувствах, пренебрежение языковыми нормами и конструирование собственной реальности» [Ян Минтянь, 2012, с. 61].

3.2. Влияние «Былого и дум» на новую китайскую литературу

Другим важным аспектом рецепции «Былого и дум» в Китае стало влияние произведения на китайскую литературу. Герцен и его мемуары пользуются признанием у китайских писателей. Так, Мао Дунь, Юй Дафу и Ба Цзинь неоднократно выражали свое уважение к русскому классику. Современная писательница Цзян Фанчжоу заявила, что Герцен — писатель, который ей нравится, и в последние годы она многократно перечитывала работы Герцена [Читатели …; Вопросник …]. Более того, мы полагаем, что теория и практика мемуарного творчества в современной китайской литературе получила положительное развитие под влиянием «Былого и дум».

В статье 1923 года Юй Дафу дал оценку мемуарам классика. Он считал бесценными исторические факты, зафиксированные в «Былом и думах» Герцена, особенно связанные с деятельностью знаменитых людей и важными историческими событиями, и подчеркивал, что язык произведения красив и трогателен, эмоции искренни и страстны и художественность не-

сомненна [Юй Дафу, 1923, с. 14]. Юй Дафу высоко ценил гармоничное единство фактологии, художественности и эмоциональности в «Былом и думах», что впоследствии стало основой для созданной этим китайским исследователем теории биографической литературы [Ду Жуйцзюань, 2022, с. 22]. Неудовлетворенный характерной для старых китайских биографий моделью единообразного прославления добродетели, Юй Дафу призвал современников к созданию новых биографий, которые должны повествовать о взаимоотношениях между человеком и эпохой, реалистично представлять как внешние события, так и внутреннее развитие героя. Именно в этом и заключается смысл новой биографии, имеющей литературную ценность [Юй Дафу, 1992b, с. 221]. Он применил свою теорию в таких работах, как 《什么是传记文学？》(«Что такое биографическая литература?»), 《所谓自传者也》 («Так называемый автобиограф») и 《我的自传》 («Моя автобиография»).

Большое влияние Герцен оказал на китайского переводчика и писателя Ба Цзиня, неоднократно заявлявшего: «Герцен был моим учителем, и его мемуары — одно из моих любимых чтений» [Ба Цзинь, 1997, с. 553]. В 1928 году Ба Цзинь впервые познакомился с английским переводом «Былого и дум» во Франции и решил перевести эту работу на китайский язык. В этот же период началась литературная карьера Ба Цзиня: в 1929 году была опубликована его дебютная повесть «Гибель». И здесь писатель отмечал влияние Герцена на его творчество: «Я читал эту книгу (“Былое и думы”), когда писал своё первое произведение. Влияние Герцена прослеживается и в стиле моей повести» [Там же, 1997, с. 555]. Так, влияние Герцена на повесть Ба Цзиня «Гибель» проявляется в том, как раскрывается тема смерти, в автобиографизме и композиционном сходстве, в частности, повесть начинается и заканчивается смертью, и данная тема проходит через все произведение. Интерес к теме смерти, которую Ба Цзинь раскрывает в своей первой повести, пробудился во многом в связи с тем, что автор в то время переводил произведения Герцена: фрагмент «Былого и дум», который Ба Цзинь впервые перевел и опубликовал, назывался «Смерть матери». Искренний рассказ Герцена о трагической гибели матери и сына в море тронула сердце Ба Цзиня. Читая о семейной трагедии Герцена, молодой писатель, находившийся на чужбине, сопереживал ему, и его душевное состояние неизбежно проецировалось на творчество. Уже по названию можно понять, что повесть Ба Цзиня о смерти и горе. Чувства Ба Цзиня проецируются на главного героя повести «Гибель» Ду Дасинь, о чем заявляет в предисловии к повести автор: «Грусть, которая проходит через всю книгу, — моя собственная». И далее: «Я не могу сказать, что в Ду Дасине нет ничего моего» [Ба Цзинь, 1993a, с. 390]. Структуру своей по-

вести Ба Цзинь охарактеризовал так: «То, что я написал, не повесть, <…> это просто сцены или психологические описания. <...> Изначально они были написаны в виде разрозненных фрагментов, которые я позже собрал вместе с помощью Ду Дасиня» [Там же, с. 380]. События в повести представлены не в хронологическом порядке, и этот отказ китайского писателя от сюжетного хронологического построения имеет сходство с мемуарами Герцена, поскольку они также «рапсодичны, не имеют единства, прерываются случайно, забегают иногда, иногда отстают. <...> “Былое и думы” не были писаны подряд» [Герцен, 1956а, с. 7]. Можно предположить, что книга Герцена вдохновила Ба Цзиня на создание собственного произведения и Ба Цзинь сознательно или неосознанно отдавал предпочтение этой свободной структуре.

Наиболее очевидным свидетельством влияния «Былого и дум» на творчество Ба Цзиня стало в более поздние годы написание им работы «Думы» (1978—1986), которая представляет собой своего рода реминисценцию, вторичный текст. Очевидно, и название «Думы» происходит от «Былого и дум». Сам Ба Цзинь констатировал, что его работа была побочным продуктом его перевода мемуаров Герцена [Ба Цзинь, 1991, с. 140].

Ба Цзинь восхищался чрезвычайно яркими чувствами любви и ненависти Герцена, его глубокими мыслями, которые нашли отражение в искреннем и эмоциональном языке произведений русского классика. В газете «Вэньхуэй Бао» было опубликовано интервью с Ба Цзинем, в котором он признается: «Первые несколько томов “Былого и дум” описывают ситуацию в России при царе Николае I. Чем больше я переводил, тем больше чувствовал сходство между “Бандой четырех” и Николаем I, подавившим восстание декабристов. И они хотят создать эпоху террора, деспотизма и тьмы, подобную царствованию Николая I, в Шанхае, в новом Китае, созданном великим вождем председателем Мао, за который пролили свою кровь бесчисленные мученики. Это никогда не станет возможным. Переводя по несколько сотен слов в день, я чувствую, что иду вместе с Герценом через темную ночь России XIX века, проклиная фашистскую диктатуру “банды четырех”, как Герцен проклинал правление Николая I. Я верю, что дни их господства будут недолгими, ибо они совершили столько зла, что их обвиняют тысячи людей» [Ба Цзинь, 1977].

Вдохновленный книгой «Былое и думы», Ба Цзинь написал свои собственные «Думы» в поздний период Культурной революции. «Думы» богаты по содержанию, включают воспоминания, дневники, письма и публицистику, в которых Ба Цзинь воссоздает жестокость диктатуры «банды четырех» в период Культурной революции, вспоминает, что случилось с китайской интеллигенцией во время десятилетнего культурного хаоса,

размышляет и раскаивается в своих словах и поступках в надежде просветить молодое поколение Китая. Эти особенности работы Ба Цзиня также сформировались под влиянием «Былого и дум». Приемы количественного анализа позволили установить, что в тексте произведения Ба Цзиня «Думы» имя Герцена и название его мемуаров упоминаются более 20 раз.

В послесловии к китайскому переводу «Былого и дум» Ба Цзинь написал: «Творчество Александра Герцена трогает сердце, и его современник, русский поэт Некрасов, сказал: “оно цепляет душу человека.” Я невольно попал под влияние Герцена. В следующие несколько раз, когда я переводил фрагменты «Былого и дум», я делал это с намерением учиться, узнавать, как автор воплотил свои чувства в словах» [Ба Цзинь, 1997, с. 480]. Публикация «Дум» показывает, что Ба Цзинь наследовал идеалы и творческую манеру русского классика. Ба Цзиня также называют «совестью китайской литературы XX века» [Ян И, 1994, с. 8—9] за искренние чувства и глубокие мысли, выраженные в его «Думах». Как «Былое и думы» являются одним из великих памятников русского литературного гения [Исайя Берлин, 1994, с. 209], так и «Думы» стали вершиной литературного творчества и мысли Ба Цзиня.

4. Заключение = Conclusions

История рецепции мемуаров А. Герцена в Китае насчитывает уже более столетия, если вести отсчет с тех пор, когда китайские читатели впервые познакомились с «Былым и думами» в начале XX века. Популярность произведения Герцена в Китае объясняется художественными достоинствами «Былого и дум», а также тесной связью идей произведения с социальными запросами и потребностями китайских читателей.

За последние сто с лишним лет рецепция «Былого и дум» в Китае также претерпела изменения: в первой половине XX века китайская интеллигенция сосредоточилась на личности Герцена как революционера и его духовной борьбе с самодержавием; с 1980-х годов герценоведы стали уделять больше внимания уникальным жанровым и художественным особенностям «Былого и дум». Основной особенностью рецепции творчества Герцена в Китае можно назвать эволюцию от социально-политической доминации к культурно-эстетической. Кроме того, важным аспектом рецепции «Былого и дум» русского классика в Китае стало создание современными китайскими писателями своих произведений: Ба Цзинь под влиянием «Былого и дум» Герцена написал собственные «Думы», и литературная теория мемуарного жанра Юй Дафу была вдохновлена работой Герцена.

Дальнейшая перспектива исследования видится в сравнительном изучении «Былого и дум» и больших художественных мемуарных произве-

дений китайской литературы, а также в осмыслении рецепции других произведений Герцена в Китае.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. 2018 — *The Beijing* News : Особая дань уважения хорошей книге года 2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://baijiahao.baidu.com/s?id=1622435137366361667&wfr=spider&for=pc (дата обращения 12.01.2019) (2018 — 新京报·年度特别致敬 : — 访问模式: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1622435137366361667&wfr=spider&for=pc).

2. *Ба Цзинь.* Одно письмо / Ба Цзинь // Вэньхуэй Бао : [газета]. — 1977. — 25 мая. (巴金.一封信//文汇报. 1977年5月25日).

3. *Биография* трех великих русских нигилистов // Далубао : [газета]. — 1903. — 5 июня. (俄罗斯虚无党三杰传//大陆报.1903年6月5日).

4. *Вопросник* для современных молодых писателей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.sohu.com/a/313946466_99958074 (дата обращения 14.05.2019) (当代青年作家问卷：— 访问模式 : https://www.sohu.com/a/313946466_99958074).

5. *Лян Чанъэ.* Слова к запискам Герцена [Электронный ресурс]. — 2020. — Режим доступа : http://www.360doc.com/content/20/0628/23/70675496_921171185.shtml (дата обращения 28.06.2020) (梁长峨.致彼岸书—读赫尔岑手记自序 : — 访问模式: http://www.360doc.com/content/20/0628/23/70675496_921171185.shtml).

6. *Список* чтений за 2018 год в сайте Douban [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.douban.com/note/723605857/?_i=50617244CfJObF (дата обращения 24.06.2019) (豆瓣2018年度读书榜单 : — 访问模式: https://www.douban.com/note/723605857/?_i=50617244CfJObF).

7. *Читатели* во Всемирный день книги [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://baijiahao.baidu.com/s?id=1664758986700602910&wfr=spider&for=pc (дата обращения 23.04.2020) (读书日读者分享 : — 访问模式: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1664758986700602910&wfr=spider&for=pc).

Литература

1. *Ба Цзинь.* Полное собрание переводов Ба Цзиня / Ба Цзинь. — Пекин : Издательство народной литературы, 1997. — Т. 4. — 729 с. (巴金. 巴金译文全集.第4卷. 北京：人民文学出版社.1997年. 共729页).

2. *Ба Цзинь.* Полное собрание сочинений Ба Цзиня / Ба Цзинь. — Пекин : Издательство народной литературы, 1991. — Т. 16. — 760 с. (巴金. 巴金全集.第16卷. 北京:人民文学出版社.1991年.共760页).

3. *Ба Цзинь.* Полное собрание сочинений Ба Цзиня / Ба Цзинь. — Пекин : Издательство народной литературы, 1993а. — Т. 20. — 710 с. (巴金. 巴金全集.第20卷. 北京：人民文学出版社.1993年a. 共710页).

4. *Ба Цзинь.* Полное собрание сочинений Ба Цзиня / Ба Цзинь. — Пекин : Издательство народной литературы, 1993b. — Т. 21. — 641 с. (巴金. 巴金全集.第21卷. 北京: 人民文学出版社.1993年b.共641页).

5. *Ван Лимин.* О ценности «Дум» Ба Цзиня и влиянии Герцена на эту книгу / Ван Лимин // Вестник Шэньянского педагогического университета. — 2005. — № 1. — С. 101—104. — DOI: 10.19496/j.cnki.ssxb.2005.01.026. (王立明.论巴金《随想录》的价值和赫尔岑对该书的影响//沈阳师范大学学报.2005年. 第1期.第101-104页. — DOI: 10.19496/j.cnki.ssxb.2005.01.026).

6. *Герцен А. И.* Сочинения в девяти томах / А. И. Герцен. — Москва : Государственное издательство художественной литературы. 1956a. — Т. 4.

7. *Герцен А. И.* Сочинения в девяти томах / А. И. Герцен. — Москва : Государственное издательство художественной литературы. 1956b. — Т. 5.

8. *Гэн Куан.* Сборник рассказов русских классиков. — Пекин : Издательство Новый Китай, 1920. — С. 65—67. (耿匡.俄罗斯名家短篇小说.北京:新中国杂志社 1920.第65—66页).

9. *Ду Жуйцзюань.* Исследование об автобиографии Юй Дафу. Магистерская диссертация / Ду Жуйцзюань. — Хэбэй : Хэбэйский нормальный университет, 2022. — 57 с. (杜瑞娟. 郁达夫自传研究.硕士论文.河北师范大学.2022年.共57页).

10. *Жэнь Цзыфэн.* История русской прозы / Жэнь Цзыфэн. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2010. — С. 136. (任子峰.俄国小说史.北京：北京大学出版社.2010年.第136页).

11. *Исайя Берлин.* Против течения : очерки истории идей / Исайя Берлин. — Принстон : Издательство Принстонского университета, 2013. — 494 с. — ISBN 978-5-4448-0084-3.

12. *Исайя Берлин.* Русские мыслители / Исайя Берлин. — Лондон : Пингвин Букс, 1994. — 312 с. — ISBN 978-5-9905652-8-9.

13. *Ли Дачжао.* Полное собрание сочинений Ли Дачжао / Ли Дачжао. — Пекин : Народное издательство, 2006. — Т. 2. — С. 4. (李大钊.李大钊全集.第2卷.北京:人民出版社.2006年.第4页).

14. *Ли Цзяньцзюнь.* Проблемы современной жизни — о Герцене и его литературном духе и критике / Ли Цзяньцзюнь // Янцзыцзянское обозрение. — 2018. — № 2. — С. 9—23. (李建军. 体会当代生活的苦恼与问题—论赫尔岑及其文学精神和文学批评//扬子江评论.2018年.第2期.第9-23页).

15. *Лю Вэньфэй.* Идейное значение «Былого и дум» Герцена / Лю Вэньфэй // Вестник Харбинского политехнического университета. — 2013. — № 2. — С. 57—62. (刘文飞. 赫尔岑往事与沉思的思想史意义//哈尔滨工业大学学报.2013年.第2期.第57-62页).

16. *Лян Цичао.* Полное собрание сочинений Ляна Цичао / Лян Цичао. — Пекин : Пекинское издательство, 1999. — С. 1242. (梁启超.梁启超全集.北京出版社,1999年.第1242页).

17. *Ма Цзюньу.* Большое волнение России / Ма Цзюньу. — Шанхай : Книгоиздательство Гуан Чжи, 1902. (马君武.俄罗斯大风潮.上海:上海广智书局.1902年).

18. *Фань Баосуань.* Единство «Былого и дум». Докторская диссертация / Фань Баосуань. — Пекин : Пекинский педагогический университет, 2007. — 123 с. (凡葆轩. 《往事与随想》的统一性问题. 博士论文.北京师范大学. 2007.共123页).

19. *Цао Цзинхуа.* История русской литературы / Цао Цзинхуа. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2007. — Т. 1. — 409 с. (曹靖华. 俄国文学史上卷.北京：北京大学出版社.2007年.共409页).

20. *Цзи Паньсинь.* Предпосылки рецепции А. И. Герцена в Китае в начале XX века / Ц. Панъсинъ // Филология и человек. — 2023. — № 1. — С. 148—160. — DOI: https://doi.org/10.14258/filichel(2023)1-11.

21. *Цзинь И.* Вольная кровь / Цзинъ И. — Шанхай : Книгоиздательство Цзин Цзинь, 1904. — С. 15. (金一：自由血. 上海：镜今书局，1904年，第15页).

22. *Цзэн Пу.* Цветы в море зла / Цзэн Пу. — Харбин : Издательство Северной литературы и искусства, 2012. — С. 54—58. (曾朴. 孽海花. 哈尔滨：北方文艺出版社. 2012年. 第54-58页).

23. *Шэнь Янбин.* Общая биография 30 русских литераторов / Шэнъ Янбин // Месячник-роман. — 1921. — Т. 12. — С. 76. (沈雁冰. 近代俄国文学家三十人合传//小说月报第12卷. 1921年. 第76页).

24. *Юй Дафу.* О Герцене / Юй Дафу // Еженедельник «Чуан Цзао». — 1923. — № 16. — С. 11—15. (郁达夫. 赫尔岑//创造周报.1923年.第16期.第11-15页).

25. *Юй Дафу.* Полное собрание сочинений Юй Дафу / Юй Дафу. — Ханчжоу : Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1992a. — Т. 5. — 549 с. (郁达夫. 郁达夫全集.第5卷.浙江文艺出版社.1992年a.共549页).

26. *Юй Дафу.* Полное собрание сочинений Юй Дафу / Юй Дафу. — Ханчжоу : Чжэцзянское издательство литературы и искусства. 1992b. — Т. 6. — 514 с. (郁达夫. 郁达夫全集.第6卷.浙江文艺出版社.1992年b.共514页).

27. *Ян И.* Ба Цзинь : свет и совесть китайской литературы XX века / Ян И // Журнал «Санься». — 1994. — № 2—3. — С. 8—9. — DOI: 10. 13743 /j. cnki. issn. 1009 -8135. 1994. z1. 005. (杨义.巴金:20世纪中国文学的光热和良心//三峡学刊.1994年. 第2,3合期. 第 8-9页. — DOI: 10. 13743 /j. cnki. issn. 1009 -8135. 1994. z1. 005).

28. *Ян Минтянь.* Многогранность мысли и характера Герцена и его мозаичный жанр / Ян Минтянъ // Академический журнал исследований России. — 2012. — № 4. — С. 53—63. (杨明天.赫尔岑思想和性格的多重性及其马赛克文体//俄罗斯学刊.2012年.第4期.第53-63页).

24. *Kirkup T.* A history of socialism / T. Kirkup. — London, Edinburgh: Adam and Charles Black, 1892. — 318 p.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023,
одобрена после рецензирования 13.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

Material resources

2018 — *The Beijing News: A special tribute to the good book of the year 2018.* Available at: https://baijiahao baidu.com/s?id=1622435137366361667&wfr=spider&for=pc (accessed 12.01.2019). (In Chine.).

Ba Jin. (1977). One letter. *Wenhui Bao: [newspaper]. May 25.* (In Chine.).

Biography of three great Russian nihilists. (1903). *Dalubao: [newspaper]. June 5.* (In Chine.).

Liang Chang'e. (2020). *Words to Herzen's notes.* Available at: http://www.360doc.com/content/20/0628/23/70675496_921171185.shtml (accessed 06/28/2020). (In Chine.).

Questionnaire for modern young writers. Available at: https://www.sohu.com/a/313946466_99958074 (accessed 14.05.2019). (In Chine.).

Readers on World Book Day. Available at: https://baijiahao .baidu.com/s?id=1664758986700602910&wfr=spider&for=pc (accessed 23.04.2020). (In Chine.).

The list of readings for 2018 on the Douban website. Available at: https://www.douban.com/note/723605857 /?_i=50617244CfJObF (accessed 24.06.2019). (In Chine.).

References

Ba Jin. (1997). *The complete collection of translations of Ba Jin, 4.* Beijing: people's literature Publishing house. 729 p. (In Chine.).

Ba Jin. (1993b). *The complete works of Ba Jin, 21.* Beijing: People's literature Publishing house. 641 p. (In Chine.).

Ba Jin. (1991). *The complete works of Ba Jin, 16.* Beijing: Publishing House of Folk Literature. 760 p. (In Chine.).

Ba Jin. (1993a). *The complete works of Ba Jin, 20.* Beijing: Publishing House of Folk Literature. 710 p. (In Chine.).

Cao Jinghua. (2007). *History of Russian Literature, 1.* Beijing: Publishing house of Beijing University. 409 p. (In Chine.).

Du Ruijuan. (2022). *A study on Yu Dafu's autobiography. Master's thesis.* Hebei: Hebei normal University. 57 p. (In Chine.).

Fan Baosuan. (2007). *The unity of the "Past and thoughts". Doctoral dissertation.* Beijing: Beijing Pedagogical University. 123 p. (In Chine.).

Geng Kuan. (1920). *Collection of short stories by Russian classics.* Beijing: Publishing House Of New China. 65—67. (In Chine.).

Herzen, A. I. (1956a). *Essays in nine volumes, 4.* Moscow: State Publishing House of Fiction. (In Russ.).

Herzen, A. I. (1956b). *Works in nine volumes, 5.* Moscow: State Publishing House of Fiction. (In Russ.).

Isaiah Berlin. (2013). *Against the Current: Essays on the History of Ideas.* Princeton: Princeton University Press. 494 p. ISBN 978-5-4448-0084-3. (In Russ.).

Isaiah Berlin. (1994). *Russian thinkers.* London: Penguin Books. 312 p. ISBN 978-5-9905652-8-9. (In Russ.).

Jin I. (1904). *Free blood.* Shanghai: Jing Jin Publishing House. P. 15. (In Chine.).

Kirkup, T. (1892). *A history of socialism*. London, Edinburgh: Adam and Charles Black. 318 p.

Li Dazhao. (2006). *The complete works of Li Dazhao, 2.* Beijing: People's publishing house. S. 4. (In Chine.).

Li Jianjun. (2018). Problems of modern life — about Herzen and his literary spirit and criticism. *Yangzijiang Review, 2:* 9—23. (In Chine.).

Liang Qichao. (1999). *The Complete works of Liang Qichao.* Beijing: Beijing Publishing House. P. 1242. (In Chine.).

Liu Wenfei. (2013). The ideological meaning of Herzen's "Past and Thoughts". *Bulletin of Harbin Polytechnic University, 2:* 57—62. (In Chine.).

Ma Junu. (1902). *The Great excitement of Russia.* Shanghai: Publishing Guang Zhi. (In Chine.).

Panxin, Ts. (2023). Prerequisites of A. I. Herzen's reception in China at the beginning of the XX century. *Philology and man, 1:* 148—160. DOI: https://doi.org/10.14258/filichel (2023)1-11. (In Russ.).

Ren Tszifen. (2010). *The History of Russian prose.* Beijing: Publishing house of Beijing University. P. 136. (In Chine.).

Shen Yanbing. (1921). General biography of 30 Russian writers. *The month is a novel, 12:* P. 76. (In Chine.).

Tseng Pu. (2012). Flowers in the Sea of Evil. Harbin: Publishing House of Northern Literature and Art. 54—58. (In Chine.).

Wang Liming. (2005). About the value of Ba Jin's "Doom" and Herzen's influence on this book. *Bulletin of Shenyang Pedagogical University, 1:* 101—104. DOI: 10.19496/j. cnki.ssxb.2005.01.026. (In Chine.).

Yang I. (1994). Ba Jin: the light and conscience of Chinese literature of the XX century. *Sanxia Magazine, 2—3:* 8—9. DOI: 10. 13743 /j. cnki. issn. 1009 -8135. 1994. z1. 005. (In Chine.).

Yang Mingtian. (2012). The versatility of Herzen's thought and character and his mosaic genre. *Academic Journal of Russian Studies, 4:* 53—63. (In Chine.).

Yu Dafu. (1923). About Herzen. *Weekly "Chuang Tsao", 16:* 11—15. (In Chine.).

Yu Dafu. (1992b). *The complete works of Yu Dafu, 6.* Hangzhou: Zhejiang Publishing House of Literature and Art. 514 p. (In Chine.).

Yu Dafu. (1992a). *The complete works of Yu Dafu, 5.* Hangzhou: Zhejiang publishing house of literature and art. 549 p. (In Chine.).

The article was submitted 20.03.2023;
accepted for publication 13.06.2023;
approved after reviewing 22.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Чжоу Лулу. Рецепция творчества А. И. Солженицына в китайском социально-политическом и культурном контексте / Чжоу Лулу, А. Г. Коваленко // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 386—407. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-386-407.

Zhou Lulu, Kovalenko, A. G. (2023). Reception of A. I. Solzhenitsyn's Works in Chinese Social, Political, and Cultural Context. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 386-407. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-386-407. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-386-407

Рецепция творчества А. И. Солженицына в китайском социально-политическом и культурном контексте

Чжоу Лулу [1, 2] *
orcid.org/0000-0002-7147-1374
[1] аспирант кафедры русской и зарубежной литературы;
[2] старший преподаватель, Институт иностранных языков,
**** корреспондирующий автор***
1991310487@qq.com

Коваленко Александр Георгиевич [1]
orcid.org/0000-0002-6747-285X
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы
ak-taurus@mail.ru

[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия)

[2] Университет Дэчжоу (Дэчжоу, Китай)

Благодарности:
Публикация подготовлена при поддержке Китайского стипендиального совета (China Scholarship Council) в рамках программы «Стипендия Правительства КНР и РФ», № 202108370082

Reception of A. I. Solzhenitsyn's Works in Chinese Social, Political, and Cultural Context

Zhou Lulu [1, 2] *
orcid.org/0000-0002-7147-1374
[1] postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature;
[2] senior lecturer, Department of the Foreign languages,
**** Corresponding author***
1991310487@qq.com

Alexander G. Kovalenko [1]
orcid.org/0000-0002-6747-285X
Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature
ak-taurus@mail.ru

[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia)

[2] Dezhou University (Dezhou, China)

Acknowledgments:
The reported study was funded by the China Scholarship Council as a part of the programme "Scholarship of the Government of the People's Republic of China and the Russian Federation", № 202108370082

© Чжоу Лулу, Коваленко А. Г., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполняется анализ рецепции А. И. Солженицына в китайских переводах и научных литературоведческих исследованиях. Изучается история переводов текстов Солженицына и исследований произведений русского писателя в китайском социально-политическом и культурном контексте. Отмечается, что представление о Солженицыне в Китае с самого начала не было исключительно литературным событием, а тесно связывалось с китайско-советским расколом в конце 1950-х годов. Устанавливается, что перевод и исследование творчества Солженицына в Китае асинхронны: переводы начали осуществлять в 1960-х годах, а исследования — с середины 1980-х годов. Проведен анализ политико-культурной почвы и идеологической обстановки в период осуществления переводов и изучения творчества Солженицына китайскими учеными. Показана эволюция восприятия личности и творчества писателя: от негативного к положительному, что обусловлено изменением подхода литературной критики (от вульгарной социологической критики к критике художественного текста). Выявлено, что с исчезновением идеологического давления китайские научные круги стали разграничивать изучение Солженицына-литератора и Солженицына-политического деятеля. Такое разделение способствовало более адекватному представлению о Солженицыне и его литературном наследии. В настоящее время китайские ученые высоко оценивают литературное наследие Солженицына, объективно и рационально относятся к его политической позиции и высказываниям.

Ключевые слова:
Солженицын; КНР; китайская русистика; рецепция; литературный перевод; литературная критика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the reception of A. I. Solzhenitsyn in Chinese translations and literary studies. The history of Solzhenitsyn's texts and research on the Russian writer in the Chinese socio-political and cultural context is studied. It is noted that the perception of Solzhenitsyn in China was not exclusively a literary event, but was closely linked to the Sino-Soviet split in the late 1950s. It is established that the translation and study of Solzhenitsyn's work in China was asynchronous: translations began in the 1960s, while research started in the mid-1980s. An analysis of the political-cultural background and ideological atmosphere during the translation and study of Solzhenitsyn's work by Chinese scholars is conducted. The evolution of the perception of the writer's personality and work is shown to have shifted from negative to positive, which is attributed to a change in literary criticism approach from vulgar sociological critique to artistic text critique. It is revealed that with the disappearance of ideological pressure, Chinese academic circles began to differentiate between Solzhenitsyn as a writer and Solzhenitsyn as a political figure. This division has contributed to a more adequate understanding of Solzhenitsyn and his literary legacy. Currently, Chinese scholars highly value Solzhenitsyn's literary legacy and objectively and rationally relate to his political position and statements.

Key words:
Solzhenitsyn; PRC; Chinese Russian studies; reception; literary translation; literary criticism.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Солженицын.07+821.581

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира

Рецепция творчества А. И. Солженицына в китайском социально-политическом и культурном контексте

© Чжоу Лулу, Коваленко А. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Александр Исаевич Солженицын (1918—2008) является одной из величайших фигур русской литературы XX столетия. Для всего мира писатель является сложным культурным явлением. Эта сложность заключается в его множественной идентичности: Солженицын — литератор, историк, мыслитель, диссидент, культуролог. Он прошел необычный жизненный путь, и почти каждое его художественное и публицистическое произведение вызывало огромный ажиотаж в мире, в том числе, конечно, и в Китае.

В силу особых исторических отношений между Китаем и Россией китайские ученые долгое время пристально следили за развитием русской советской литературы. Таким образом, уже в следующем году после публикации в журнале «Новый мир» первой повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1962) появился ее перевод на китайский язык. Однако по идеологическим причинам история переводов произведений писателя и изучения его творчества представляет собой весьма сложный процесс. Цель данной статьи заключается в выявлении хронологии рецепции Солженицына в китайском историческом контексте.

К изучению произведений Солженицына в Китае фактически приступили во второй половине 1980-х годов и за более чем 30 лет добились немалых успехов. Внимание и интерес китайских исследователей постепенно смещались с анализа идеологического и политического характера творчества писателя на изучение идейно-тематического содержания произведений, художественного мастерства и других особенностей его творческого метода. Однако комплексное исследование, посвященное историческому обзору «вхождения» Солженицына в поле зрения китайской аудитории, связи между социально-политической культурной обстановкой и восприятием творчества Солженицына, изменению отношения китайской аудитории к писателю и причинам такого изменения, до сих пор не про-

водилось. В данной статье осуществлен анализ особенностей рецепции Солженицына в китайских научных кругах. Рассматривается влияние социально-политической и культурной обстановки на восприятие китайцами русского писателя.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили переводы и переиздания творчества Солженицына и публикации китайских критиков и исследователей, изучавших произведения русского писателя.

Методологической основой статьи стал комплексный подход к явлениям переводной литературы, позволяющий, с одной стороны, проследить историю переводов творчества Солженицына в Китае, с другой стороны, продемонстрировать научные достижения китайских ученых в разные исторические периоды. Необходимость обзорного анализа рецепции Солженицына обусловила обращение к культурно-историческому методу, согласно которому литература трактуется как продукт общественной жизни и конкретных культурно-исторических условий.

Первая встреча китайской аудитории с книгой лауреата Нобелевской премии состоялась в 1962 году, более 60 лет назад. Сам Солженицын и его творчество и в настоящее время вызывают большой интерес китайских литературоведов. Написаны многочисленные научные статьи, опубликовано немало монографий, посвященных писателю.

Имеющиеся материалы вызывают интерес исследователей. Некоторые ученые обращают внимание на процесс рецепции творчества Солженицына в китайских научных кругах. Например, производится систематизация и изложение репрезентативных публикаций китайских ученых и критиков о творчестве Солженицына в период 1995—2012-х годов [Белопольская, 2013, с. 8—15]. Указывается, что причины отрицательного отношения китайских критиков к Солженицыну заключаются в его политической позиции и политическом сознании в творчестве [Чжао Хайся и др., 2014, с. 61—65] (здесь и далее переводы выполнены нами. — *Ч. Л., А. К.*). Уделяется внимание хронологии издания в Китае переводов произведений Солженицына, его биографий и монографий, посвященных его творчеству [Гу Чэн, 2018, с. 93—96]. Также рассматривается переключение внимания китайских исследователей с биографических изысканий на литературоведческую рецепцию прозы Солженицына [Ли Синьмэй, 2020, с. 246—256].

В большинстве публикаций литературоведы сосредоточиваются на описании истории издания переводов произведений Солженицына и выявлении основных аспектов научных исследований, посвященных творче-

ству писателя. Однако стоит отметить, что вхождение Солженицына в китайскую культуру было тесно связно с социально-политическим и культурным контекстом, который определил особенность рецепции Солженицына в китайском научном сообществе. В данной статье предпринята попытка проанализировать связи исторических фактов и изменения в восприятии творчества Солженицына китайскими исследователями, рассмотреть эволюцию объекта литературной и эстетической критики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Перевод произведений Солженицына в Китае

В первые годы после создания Нового Китая китайско-советские отношения вошли в период так называемого «медового месяца». В это время две страны осуществляли обширные обмены и сотрудничество во многих областях. В связи со сложной политической обстановкой Китай реализовывал дипломатическую стратегию «склонение в одну сторону». Новый Китай провозгласил установку в международной борьбе твердо стоять на стороне социалистического лагеря во главе с Советским Союзом. Политическое «склонение в одну сторону» привело и к «склонению в одну сторону» в культурной сфере. В этот период количество переведенной советской литературы составляло абсолютное большинство переводной литературы, она заняла господствующее место среди прочих литературных национальных традиций в зарубежной литературе в Китае. Однако с 1957 года в отношениях СССР и КНР наблюдается заметное охлаждение. В результате разрыва китайско-советских политических отношений в 1960-х годах риторика в сфере культурных обменов между двумя странами изменилась: от принятия и желания «учиться у СССР» к отчуждению и даже обвинению. Китайские ученые стали очень избирательно и более щепетильно переводить русскую и советскую литературу. Именно в начале 1960-х годов Солженицын попал в круг внимания китайской аудитории.

Можно сказать, что подготовка переводов произведений Солженицына в Китае велась в тесной взаимосвязи с господствующей идеологией того времени и изменением в отношениях двух стран. После китайско-советского раскола в конце 1950-х годов в соответствии с требованием антиревизионистской борьбы и идеологической полемикой были осуществлены переводы ряда советских книг, изданные как «внутренний выпуск». Модель «внутреннего выпуска» была тесно связана с системой цензуры импортных печатных материалов, существующей в первые годы основания КНР. В начале 1950-х годов Китай столкнулся с внутренними и внешними проблемами. Для предотвращения влияния «вредной» западной идеологии

и культуры государственные издательства ограничили публикацию книг, которые не соответствовали господствующей идеологии и ценностям, установленным в стране в то время, их распространение контролировалось, такие издания были доступны чрезвычайно малому кругу читателей. По мере ухудшения отношений между Китаем и Советским Союзом модель «внутреннего выпуска» становилась одним из инструментов идеологической борьбы в китайско-советской полемике. Многие переведенные советские книги были напечатаны с отметкой «материалы предназначены только для внутреннего ознакомления» или «внутреннее распространение», и их рассматривали как «типичные примеры советского ревизионизма». Эти книги также назывались «желтыми книгами» или «серыми книгами» по содержанию и материалам обложки. Критерии отбора таких книг для перевода были просты: выбирались работы, вызывающие сенсационные похвалы или критику, включая произведения, отмеченные наградами. Имя Солженицына, вызвавшее сенсацию в советском обществе, сразу привлекло внимание китайских ученых. Его книги издавались для «внутреннего распространения».

В ноябре 1962 года в журнале «Новый мир» была опубликована повесть «Один день Ивана Денисовича», и уже в декабре того же года эта новость была размещена в китайской газете. В 1963 году пекинское издательство «Писатель» издало это произведение в переводе Сы Жэня (имя переводчика является псевдонимом). На самом деле данный перевод выполнили четверо: Цао Сулин, Чэнь Сяомань, Ван Цзясян, Чэн Дайси. В начале 1960-х годов коллективные переводы и использование псевдонимов были достаточно распространенными явлениями. С одной стороны, коллективные работы обеспечивают своевременность и скорость перевода, а с другой стороны, использование псевдонима отражает настроения переводчиков в ту эпоху. Возможно, переводчики боялись или не хотели иметь отношение к переведенным ими произведениям.

В 1964 году был издан «Сборник рассказов Солженицына» (Пекин: «Писатель») в переводе Сунь Гуанина. В данный сборник были включены «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор» и «Для пользы дела». Послесловие к переводу этого сборника свидетельствовало о цели перевода и отношении переводчика к творчеству Солженицына: «После публикации “Одного дня Ивана Денисовича” Солженицын стал яркой фигурой в советских литературных и культурных кругах. Каждое его произведение привлекает к себе большое внимание, становится объектом внимания большого количества критических статей <...> В целях дальнейшего понимания и изучения этих негативных материалов Всемирное литератур-

ное общество приняло решение включить их в сборник» [Гу Фан, 2001, с. 120].

С началом в 1966 году «культурной революции» образовательные и культурные обмены между Китаем и Советским Союзом были полностью прерваны. Советская литература из «образца» для подражания превратилась в «негативный материал» и использовалась в качестве инструмента политической и идеологической борьбы. В течение десятилетия «культурной революции» (1966—1976) перевод иностранной литературы был практически прекращен. Произведения Солженицына, естественно, тоже не переводились.

С окончанием «культурной революции» и началом проведения политики реформ и открытости в 1978 году, благодаря рефлексии по поводу прошедшей катастрофы и побуждению поиска нового просвещения на Западе, Китай увеличил инвестиции в науку и технологии, образование и культуру. Постепенно были возобновлены переводческая деятельность и распространение советской литературы, в том числе и произведений Солженицына.

В 1979 году в журнале «Зарубежная литература и искусство» (внутренний выпуск) были опубликованы отрывки из «Ракового корпуса» в переводе Жун Жудэ, это был первый перевод произведения Солженицына после начала политики реформ и открытости в Китае. Вскоре после этого, в апреле 1980 года, Шанхайским издательством «Ивэнь» был издан полный перевод этого произведения. Для обеспечения точности текста при переводе господин Жун опирался как на оригинальную русскую версию, подпольно издаваемую в Европе, так и на английскую. Стоит отметить, что это был самый ранний публичный перевод произведений Солженицына. Причина заключается в том, что в то время политическая атмосфера в Шанхае была более свободна, чем в Пекине. Однако, по воспоминаниям переводчика, перевод этого произведения предполагал определенные политические риски, поскольку Солженицын был диссидентом. Переводчик опасался, что после публикации перевода ему предъявят обвинения. Очевидно, что последствия идеологической борьбы и ультралевой идеологии все еще волновали многих в начале 1980-х годов. В том же году Пекинское издательство «Иностранные языки» выпустило «Сочинения советских диссидентов» (внутреннее распространение), в которые вошли «Письмо вождям Советского Союза» (пер. Хань Вэй) и «Речь А. И. Солженицына в Вашингтоне» (пер. Чжэн Юэхуа).

В 1982 году издательство «Массы» (Пекин) выпустило «Архипелаг ГУЛАГ» в переводе Тянь Давэя и Чэнь Ханьчжана, который был издан в серии «Избранные переводы современных зарубежных политических

научных произведений». На титульном листе каждой книги этой серии имеется такое общее описание: «В целях изучения и обсуждения теории и практики различных социалистических моделей в современном международном коммунистическом движении, доктрин разных школ коммунизма и других политических доктрин, а также для понимания политической, социальной и научной ситуации в зарубежных странах некоторые издательства в нашей стране организовали переводы ряда представительных современных зарубежных политических научных трудов <...>, и эта книга является одним из них» [Тянь Давэй, 1982]. Направленность и основания выбора перевода очевидны по названию этой серии и общему описанию. Этот перевод также был помечен как «внутренний выпуск».

Начиная с 1990-х годов ситуация начала меняться. Переводы произведений Солженицына постепенно избавляются от модели «внутреннего распространения» и переходят в разряд нормы. В 1991 году появился перевод «Ракового корпуса», выполненный Цзян Минхэ. В эту книгу также был включен новый перевод повести «Один день Ивана Денисовича». В том же году был переиздан «Архипелаг ГУЛАГ» (Пекин: Массы, пер. Тянь Давэй).

В 1994 году возвращение Солженицына из США в Россию вызвало интерес у китайских ученых. В 1996 году второй раз переизданы «Архипелаг ГУЛАГ» (пер. Тянь Давэй) и «Раковый корпус» (пер. Цзян Минхэ). В 1998 году издательство «Литература и искусство эпохи» опубликовало перевод автобиографического произведения писателя «Бодался теленок с дубом», что стало важным событием в истории переводов Солженицына в Китае. После выхода этой книги в Китае начался «бум» на издание произведений Солженицына: в 1999 году издательство «Илинь» выпустило сборник повестей и рассказов писателя под названием «Один день Ивана Денисовича»; в 2000 году издательство «Массы» издало серию «Сборник сочинений Солженицына», в которую были включены «Бодался теленок с дубом», «В круге первом», «Раковый корпус», рассказ «Один день Ивана Денисовича» и другие рассказы. Нужно отметить, что некоторые рассказы и роман «В круге первом» были переведены впервые. В 2001 году издательство «Юаньфан» опубликовало две новые версии перевода «Раковый корпус» (пер. Ма Сяоли и Ван Инь соответственно).

С 2005 года перевод произведений Солженицына в Китае вступил в относительно стабильную стадию: почти каждый год книги Солженицына переиздаются или переводятся. Роман «Раковый корпус» является наиболее часто переиздаваемым произведением писателя. Информация о переводах в период с 2005 по 2022 годы приведена в таблице (табл. 1).

CC BY OPEN ACCESS

Таблица 1

Издание переводов произведений Солженицына в Китае
в период с 2005 по 2022 годы

Год	Название произведения	Переводчик	Издательство
2005	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Гуйлинь: Ли Цзян
2006	Архипелаг ГУЛАГ	Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан	Пекин: Массы
2007	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Нанкин: И Линь
2008	Один день Ивана Денисовича *	Сы Жэнь	Пекин: Народная литература
2009	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Нанкин: И Линь
2009	Архипелаг ГУЛАГ	Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан	Пекин: Массы
2010	В круге первом	Цзин Лимин	Пекин: Союз китайских литературных и художественных деятелей
2010	Красное колесо (Том 1)	Хэ Маочжэн, Ху Чжэньчжэнь и др.	Нанкин: Литература и искусство Цзянсу
2011	Красное колесо (Том 2)	Ся Гуанчжи, Линь Цюаньшэн и др.	Нанкин: Литература и искусство Цзянсу
2011	Бодался теленок с дубом	Чэнь Шусянь, Чжан Дабэнь, Чжан Сяоцян	Пекин: Союз китайских литературных и художественных деятелей
2012	Один день Ивана Денисовича	Цао Сулин, Чен Сяомань, Ван Цзясян, Чэн Дайси	Пекин: Народная литература
2012	Хрестоматия по творчеству А. И. Солженицына **	Чжан Цзяньхуа	Пекин: Народная литература
2013	Красное колесо (Том 3)	Хэ Маочжэн и др.	Нанкин: Литература и искусство Цзянсу
2013	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Нанкин: И Линь
2015	Архипелаг ГУЛАГ	Тянь Давэй, Цянь Чэн, Чэнь Ханьчжан	Пекин: Массы
2015	Абрикосовое варенье: Сборник рассказов и повести А. И. Солженицына 1990-х годов ***	Ли Синьмэй	Нанкин: И Линь

Окончание табл. 1

Год	Название произведения	Переводчик	Издательство
2016	В круге первом	Цзин Лимин	Пекин: Массы
2022	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Нанкин: И Линь

* В данный сборник включены «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай на станции Кочетовка», «Для пользы дела», «Правая кисть», «Захар-Калита» «Как жаль», «Пасхальный крестный ход» и 17 крохоток.

** В хрестоматию включены всего 60 произведений, в том числе, 29 крохоток, 14 рассказов, 17 записок.

*** В данный сборник включены двухчастные рассказы «Молодняк», «Эго», «Абрикосовое варенье», «Настенька», «Все равно», «На краях», «На изломах», «Желябугские выселки» и повесть «Адлиг Швенкиттен».

Перевод произведений зарубежной литературы тесно связан с историческим контекстом, в том числе и перевод творчества Солженицына в Китае. В 1960-е годы знакомство с произведениями писателя и их перевод были неотделимы от социально-политического контекста того времени. В этот период переводы книг Солженицына были использованы в качестве «отрицательного материала» для критики советского ревизионизма и служили средством китайско-советской полемики. В 1980-е годы осуществление политики реформ и открытости вызвало подъем в сфере перевода зарубежных произведений в Китае. Однако этот «культурный подъем» не принес переиздания или нового перевода книг писателя. Причины такой ситуации в значительной степени связаны с идеологическими взглядами Солженицына, с его негативной позицией по отношению к Советскому Союзу, а также недружественным отношением к Китаю. В результате почти все переводы произведений Солженицына в 1960-е и 1980-е годы печатались со словами «внутреннее распространение» на обложках. Основная цель перевода заключалась в поиске и демонстрации недостатков мышления диссидента, а не в изучении художественной ценности и значимости произведений. В 1990-х годах политическая обстановка в Китае постепенно смягчилась, переводы книг писателя перешли от «внутреннего распространения» к публичному выпуску. С наступлением XXI века в данной сфере наблюдается тенденция к стабилизации.

3.2. Исследование творчества Солженицына в Китае

Как и переводческая работа, изучение творчества Солженицына распадается на несколько этапов. В 1960-е годы из-за недружественных отношений Китая и СССР изучением Солженицына занималось лишь небольшое

количество ученых. Как известно, после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза в 1956 году разногласия между Китаем и СССР становились все более серьезными, что привело к взаимной критике и разрыву отношений. Расхождение в идеологических и политических линиях оказало серьезное влияние на восприятие советской литературы в Китае, что продолжалось до конца 1970-х годов. Можно сказать, что публикации этого периода уже не являлись настоящей литературной критикой. Исследования, посвященные творчеству Солженицына, не были исключением.

Первым примером подобных критических суждений можно считать послесловие к переводу «Сборника рассказов Солженицына» (1964). В этом небольшом послесловии переводчик Сунь Гуанин кратко представил публикацию трех рассказов Солженицына и дискуссии в советских литературных кругах, связанные с творчеством писателя. В целом заметно отрицательное отношение переводчика к Солженицыну: «Кажется, Солженицын изначально намеревался изобразить одну замученную работницу для нападок на аграрную политику сталинской эпохи и завоевания расположения ревизионистской группы, но в результате описание сельской местности и персонажей, созданных в произведении, не нашло соответствия вкусам ревизионистской группы <...> и он подвергся критике» [Сунь Гуанин, 1963, с. 219].

Спустя два года после издания первых произведений Солженицына в Китае началась десятилетняя «культурная революция». В этот период лишь в нескольких изданиях (сборниках, профессиональных журналах) были представлены работы Солженицына. Но по историческим причинам мало что сохранилось.

С окончанием «культурной революции» и началом политики реформ и открытости начиная с конца 1970-х годов китайские академические круги снова обратили внимание на Солженицына. Впервые фамилия писателя была упомянута в 1979 году в научной статье Ши Вайю «Литература заговоров, литература реставрации, литература гегемонии: тенденция советской ревизионистской литературы», которая имеет очень явный оттенок приверженности «культурной революции». Автор начинает с цитаты Председателя Мао, чтобы показать политкорректность статьи и собственную политическую позицию: «В современном мире вся культура, литература и искусство принадлежат к определенному классу и определенной политической линии» [Ши Вайю, 1978, с. 97]. Автор статьи считает, что «Один день Ивана Денисовича» является «отрицательным образцом проклятия Сталину, нападения на диктатуру пролетариата <…>, а описание жизни в лагере полностью преувеличено» [Там же, с. 99].

«Вторая китайская конференция по современной советской литературе», состоявшаяся в Харбине в сентябре 1979 года, стала поворотным моментом не только для изучения русской советской литературы, но и для исследований творчества Солженицына. Статья Шэнь Юня «Солженицын и его творчество» вызвала определенную реакцию. В то время тема Солженицына была спорной, поэтому публикация данной статьи «действительно стала заметным событием в академических и читательских кругах» [Гу Чэн, 2018, с. 94]. В последующее десятилетие был опубликован ряд статей, в которых Солженицына и его творчество упоминали при обсуждении общего положения советской литературы. Можно назвать такие статьи, как «Обзор советской литературы второй половины 1950-х годов американскими и советскими учеными» [Пу Лиминь, 1982, с. 91—94], «Обзор современной советской литературы» [Мэн Циншу, 1985, с. 84—93], «Взгляд на современную советскую литературу» [Ю Хунцзян, 1987, с. 125—128], «Поиск корней, возвращение к самому человеку» [Хэ Юньбо и Чжан Тефу, 1989, с. 50—56].

Вульгарная социологическая критика, популярная в 1960-е и 1970-е годы, сковывала мысли ученых в течение длительного времени, даже после начала политики реформ и открытости. В результате китайские исследователи довольно осторожно относились к Солженицыну. Так, переводчик «Архипелага ГУЛАГ» (1982) рассматривает его как «антисоветское и антикоммунистическое» произведение и полагает, что «политическая позиция и мировоззрение Солженицына реакционны» [Тянь Давэй, 1982, с. 1—9], но дает объективное представление о художественных приемах. Ученый Мэн Циншу считает, что «Один день Ивана Денисовича» — это «работа, нападающая на пролетарскую революцию и отрицающая диктатуру пролетариата», и говорит о необходимости «занять осторожную позицию» [Мэн Циншу, 1985, с. 86]. Литературовед Чэнь Цзяньхуа впервые объективно оценивает роман «Раковый корпус». В своей статье он говорит о том, что неуместно приклеивать к этому произведению ярлык «антисоциалистического и антипролетарского», одновременно отмечая, что «показанные в нем проблемы заслуживают серьезного изучения» [Чэнь Цзяньхуа, 1989, с. 87].

В 1990-е годы отношение китайских ученых к Солженицыну было неоднозначным. Политический подтекст в его творчестве и политическая позиция по-прежнему вызывают неодобрение критиков. Чжан Цзе в статье «Советская “Возвращенная литература”» указывает, что «Архипелаг ГУЛАГ» имеет явный политический характер и не является продуктом «искусства ради искусства». В то же время, ссылаясь на комментарии советских ученых, он утверждает, что в отношении изложенного в «Архипе-

лаге ГУЛАГ» «далеко не со всем мы можем согласиться» [Чжан Цзе, 1990, с. 46—53]. Критик Сюй Сяньсюй считает, что «известность Солженицына в основном связана с политическими возможностями» и «главная идея его произведений — антисоветская» [Сюй Сяньсюй, 1991, с. 199]. Чжан Цзе в своей монографии утверждает, что в «Архипелаге ГУЛАГ» наблюдается «полное отрицание революции и социалистического строя», указывая на то, что Солженицын «произвольно искажает и преувеличивает факты» [Чжан Цзе, 1994, с. 235]. В книге Ли Хуэйфан и Чжан Цзе «История русской литературы XX века» высказывается мнение, что «все его творчество имеет сильную политическую окраску <...>, некоторые произведения стали полностью антикоммунистической пропагандой», что Солженицын «использует литературу как инструмент политической борьбы» [Ли Хуэйфан и Чжан Цзе, 1998, с. 452].

Ученые, которые положительно относятся к творчеству Солженицына, в основном отошли от вульгарно-социологического подхода и обратились к самому тексту. Литературовед Ши Сюцзюань, анализируя художественные особенности произведений «Один день Ивана Денисовича» и «Раковый корпус», указывает на связь творчества Солженицына с классической литературой и литературой XX века. Автор считает, что Солженицын — «писатель с мировым влиянием, но часто рассматривающийся как политический символ, и его произведения представляются как политические инструменты. Однако их редко изучали с литературной точки зрения». В конце статьи Ши Сюцзюань выступает с утверждением, что «Солженицын заслуживает серьезного изучения будущими поколениями» [Ши Сюцзюань, 1995, с. 16—22]. Анализируя символы и метафоры в «Раковом корпусе», ученый Сяо Вэйхун отмечает, что произведение «призывает к человечности, вскрывает социальную опухоль, демонстрирует размышления о времени и истории» [Сяо Вэйхун, 1996, с. 82]. Исследователь русской литературы Лю Ядни выражает свою позицию и отношение к писателю в монографии: «Если мы сами не начали читать его произведения, мы не должны отвергать его из-за какого-то стереотипа» [Лю Ядни, 1996, с. 142]. Монография Чжан Сяоцяна «Солженицын — изгнанник, вернувшийся на родину», изданная в 1996 году, является первой биографией Солженицына в Китае [Чжан Сяоцян, 1996].

С началом XXI века, с углублением исследований ученые постепенно разграничили образы Солженицына-литературоведа и Солженицына-политика. В отличие от исследований предшествующих периодов в настоящее время отношение к Солженицыну преимущественно положительное.

В новом веке отмечается всплеск интереса критиков к изучению отдельных произведений писателя. Появился ряд статей, посвященный

таким произведениям, как «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное колесо». Исследователи Ван Лисинь (2004), Ху Сюэсин (2009), Вэнь Юйся (2009), Ван Лэй и Ван Цзясин (2017) анализируют повествовательную манеру Солженицына. Литературоведы Го Липин (2008), Юй Сюйин (2009), Ци Хунвэй (2009), Фэн Юйчжи (2010), Фу Синхуань и Чэнь Шизе (2019) обращают внимание на метафорическое своеобразие произведений писателя. Критики Чжан Дундун (2008), У Юймин (2010), Чжоу Вэньбань (2004) изучают тематику произведений: исследуются темы национального характера, времени, морали, человеческой природы и т. д. Ученые Ван Чжигэн и Фань Цяньжун (2018), Лю Ядин (2009) указывают на связь творчества Солженицына с литературной традицией Толстого и Достоевского.

Исследователи Е Чао и Се Юин предлагают междисциплинарный подход к изучению наследия Солженицына. Используя метод деконструкции текста и рассматривая его (текст) в пространственно-географическом аспекте, авторы раскрывают механизмы пространственно-правового взаимодействия в «Раковом корпусе» на макро- и микроуровне. Исследователи отмечают, что «раковый корпус» является центром системы управления, центром власти. В этом центре «врачи и пациенты не только подчиняются управлению в макропространстве (в раковом корпусе четко определены последовательность действий и жизненная траектория), но и скованы “фуколдианскими” (происходящими из теории представления о пространстве Власти Мишеля Фуко. — *Ч. Л., А. К.*) ограничениями в микропространстве (обстановка палаты, система управления, трансляция лозунгов и другие приемы воздействия). В то же время этой системе контроля бросает вызов символическое пространство сопротивления (сомнения обитателей палат, прекрасный образ воображаемой дороги за пределами здания)» [Е Чао и Се Юин, 2015, с. 1585—1589].

«Двухчастные рассказы» и публицистические произведения, написанные Солженицыным в 1990-е годы, также вызвали интерес ученых. Обращаясь к данным текстам, Лю Тао рассматривает характеристики структуры, художественные особенности, идеологические тенденции, повествовательные стратегии и темы в двухчастных рассказах [Лю Тао, 2004, с. 4—6]. Называя такие рассказы «новыми политическими рассказами», Чжан Цзяньхуа указывает на их современную ценность: «во-первых, наследуя реалистический стиль и повествовательную традицию, такие рассказы эффективно дополняют стилистическое и языковое сознание; во-вторых, они восстанавливают эстетическую функцию культурной и исторической памяти народного дискурса» [Чжан Цзяньхуа, 2009, с. 38]. Лун Юйчэн отмечает преемственность между «двухчастными рассказами» и

романом-эпопеей «Красное колесо» [Лун Юйчэн, 2013, с. 76]. Ли Синьмэй сосредоточивается на специфике отражения исторических реалий в позднем творчестве писателя [Ли Синьмэй, 2018, с. 133—142]. Лю Вэньфэй (2006) знакомит читателя с «неославянофильством» Солженицына, выявленным в его «политической трилогии» («Как нам обустроить Россию», «“Русский вопрос” к концу XX века» и «Россия в обвале») [Лю Вэньфэй, 2006, с. 80—89].

Помимо осмысления художественного содержания отдельных произведений китайские ученые также анализируют русскую литературную традицию в творчестве Солженицына, выясняют взаимосвязь жизненного опыта писателя и творческого процесса, определяют литературную ценность и историческую значимость произведений. Можно отметить такие статьи, как «Солженицын и русская литературная традиция» Цзи Минцзю [Цзи Минцзю, 2001, с. 16—20], «Солженицын и его творчество» Ли Вэньси [Ли Вэньси, 2003, с. 58—60], «После Солженицына» Лю Вэньфэй [Лю Вэньфэй, 2008, с. 284—303], «Историческая концепция и творчество Солженицына» Лун Юйчэн [Лун Юйчэн, 2014, с. 90—96+158], «“Литературное поле” и историческая ценность литературного творчества Солженицына» Чжан Цзяньхуа [Чжан Цзяньхуа, 2016, с. 3—12], «Солженицын: жизнь и творчество» Лю Вэньфэй [Лю Вэньфэй, 2020, с. 118—152].

К глубоким исследованиям политических взглядов Солженицына-диссидента и идеологии Солженицына-мыслителя можно отнести следующие работы: Ван Шоуцюань и У Бо «Что мы потеряли и что приобрели — переосмысление и размышление о некоторых советских писателях-диссидентах» [Ван Шоуцюань и др., 2001, с. 77—83], Го Юншэн «Сходства и различия политического мнения основных школ советских диссидентов» [Го Юншэн, 2006, с. 70—74], Цзинь Янь и Цинь Хуэй «Смотреть назад — значит двигаться вперед? — Солженицын и “раскольническая” традиция в России» [Цзинь Янь и др., 2009, с. 118—146], Чжан Гуина «Поиск смысла жизни: процесс формирования основной мысли Солженицына и логика ее эволюции» [Чжан Гуина, 2016, с. 30—36].

В дополнение к упомянутым выше научным статьям следует также сказать об издании ряда монографий и переводов биографии Солженицына, что в определенной степени способствовало развитию исследований, посвященных писателю, в более глубоком и рациональном ключе. Так, книгу Ли Сяоцзю «Мученик литературы — Солженицын» (2006) можно рассматривать как биографию с комментариями. Монография Фэн Ючжи «Культурологическое исследование “Ракового корпуса”» посвящена изучению художественной формы и языковой концепции романа (2014).

В работе Лун Юйчэн «Под монолитом — описание бунтаря Солженицына» анализируются политические взгляды писателя (2015).

С 2013 по 2016 год были переведены и изданы 4 биографии Солженицына: «Солженицын» Л. И. Сараскиной (2013, пер. Жэнь Гуансюань, издательство: Народная литература), «Solzhenitsyn: a soul in exile» Джозефа Пирса (Joseph Pearce) (2013, пер. Чжан Гуина, Шанхай: Саньлянь), «Неизвестный Солженицын» Владимира Бушина (2014, пер. Ян Ли, Пекин: Массы), «Александр Солженицын. Борец и писатель» Жоржа Нива (Georges Nivat) (2016, пер. Сун Чао, Пекин: Новая звезда). Публикация этих биографий предоставила китайским ученым богатый материал для изучения личности и творчества писателя.

Следует отметить, что в сочинение «Вместе читаем “Архипелаг ГУЛАГ”» (2013) под редакцией профессора Юй Ичжун были включены 27 откликов на «Архипелаг ГУЛАГ» из России, США, Великобритании, Франции и Китая. Эти отклики «предоставляют читателям подробные доказательства и различные точки зрения для понимания процесса создания “Архипелага ГУЛАГ”, его идеологических коннотаций и эстетических качеств, а также для выяснения причин нападок на данное произведение» [Юй Ичжун, 2013, с. 4].

Итак, можно утверждать, что восприятие творчества Солженицына в Китае в разные периоды осуществляется в различных направлениях, поразному расставляются акценты. В 1960—1980-е годы в силу потребностей политической ситуации, применяя идеологический подход к анализу произведений писателя, китайские ученые демонстрируют свое критическое, отрицательное отношение к нему и его творчеству. Образы Солженицына-литератора и Солженицына-политика смешиваются и сливаются воедино. Более того, личность политического деятеля находится на первом плане. В 1990-е годы, хотя большинство ученых по-прежнему не вполне согласны с политической позицией писателя, внимание исследователей смещается на его художественное творчество. Начиная с 2000-х годов в фокусе исследований оказывается подлинный анализ текстов Солженицына. На первый план выступает личность литератора и его творчество. Огульная социологическая критика в отношении писателя постепенно сменяется углубленным, многоаспектным и объективным анализом его поэтики и эстетических принципов.

4. Заключение = Conclusions

Произведения Солженицына переводились в период больших перемен в отношениях между Китаем и Советским Союзом, что сделало путь исследования личности и творчества писателя достаточно сложным и «изви-

листым». Изменение цели перевода и модели издания книг Солженицына с 1960-х по 1990-е годы показывает признание ценности и растущую популярность писателя в Китае.

По историческим причинам изучение творчества Солженицына в Китае хронологически отстает от перевода. Первое знакомство с книгой лауреата Нобелевской премии состоялось в 1962 году, а официальные исследования начались лишь с середины 1980-х годов. Отношение китайских ученых к Солженицыну и его произведениям менялось от негативного к положительному. Долгое время критики находились под влиянием ультралевого движения и привнесли в литературоведение политический утилитаризм. В результате основной целью стала политическая критика, а литературная ценность произведений писателя игнорировалась. Однако, как писал Сун Бинхуэй, рецепция чужих литературных традиций подчиняется определенным закономерностям: «Политическая идеология может отвергнуть определенную литературу при определенных условиях, но до тех пор, пока не прекращается контакт между двумя литературами, отказ также является своего рода принятием. Как бы ни был искажен объект при контакте <...>, если объект обладает <...> эстетическими качествами, эстетическая коммуникация неизбежна <...>, как только исчезнет внешнее давление (давление идеологии), объект рецепции возвращается к своей первоначальной форме» [Сун Бинхуэй, 1994, с. 160]. Так, по мере ослабления «внешнего давления» китайские ученые постепенно избавлялись от влияния вульгарной социологии и в 1990-е годы стали обращать внимание на сами произведения Солженицына.

В целом исследования Солженицына в Китае достигли значительного прогресса, однако по-прежнему остается множество задач и вопросов для обсуждения. До сих пор полностью не переведен на китайский язык роман-эпопея «Красное колесо», и он еще не получил должного осмысления. Представляет интерес и изучение художественно-эстетических связей между Солженицыным и китайскими писателями. В разработке данных направлений и видится перспектива дальнейшей работы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Белопольская Е. В.* Солженицын в зеркале современной китайской критики / Е. В. Белопольская, Т. Шао // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2013. — № 4. — С. 8—15.

2. *Ван Шоуцюань.* Что мы потеряли и что приобрели — переосмысление и размышление о некоторых советских писателях-диссидентах / Ван Шоуцюань, У Бо // Изучение марксизма. — 2001. — № 05. — С. 77—83. (王守泉, 吴波. 我们失去了什么，我们得到了什么——苏联时期部分持不同政见作家的现实反思之反思 // 马克思主义研究. — 2001. — № 05. — 77—83页).

3. *Го Юншэн.* Сходства и различия политического мнения основных школ советских диссидентов / Го Юншэн // Вестник Университета Внутренней Монголии (серия: гуманитарная и социальная наука). — 2006. — № 6. — С. 70—74. (郭永胜. 苏联持不同政见者主要派别政治主张异同点论析 // 内蒙古大学学报（人文社会科学版）. — 2006. — № 6. — 70—74页).

4. *Гу Фан* Желтая книга и другие : несколько внутренних изданий о зарубежной литературе в период китайско-советской полемики / Гу Фан // Литературная теория и критика. — 2010. — № 06. — С. 120. (古凡.黄皮书及其他：中苏论争时期的几种外国文学内部刊物 // 文艺理论与批评. — 2010. — № 06. — 120页).

5. *Гу Чэн* Обзор перевода и изучения Солженицына в Китае / Гу Чэн // Исследование динамики зарубежной литературы. — 2018. — № 05. — С. 93—96. (古澄. 中国的索尔仁尼琴译介研究述评 // 外国文学研究动态. — 2018. — № 05. — 93—96页).

6. *Е Чао* Пространственные образы власти — новая культурно-географическая интерпретация «Ракового корпуса» / Е Чао, Се Юин // Географическая наука. — 2015. — № 12. — С. 1585—1590. (叶超和谢瑜莺. 权力的空间意象——《癌症楼》的新文化地理解读 // 地理科学. — 2015. — № 12. — 1585—1590页).

7. *Ли Вэньси.* Солженицын и его творчество / Ли Вэньси // Русская литература и искусство. — 2003. — № 06. — С. 58—60. (李文思. 索尔仁尼琴及其创作 // 俄罗斯文艺. — 2003. — № 06. — 58—60页).

8. *Ли Синьмэй.* История и бытописание в позднем творчестве Солженицына / Ли Синьмэй // Современная зарубежная литература. — 2018. — № 4. — С. 133—142. (李新梅. 索尔仁尼琴晚年小说的历史和生命书写 // 当代外国文学. — 2018. — № 4. — 133—142页).

9. *Ли Синьмэй* Перевод, исследование и рецепция Солженицына в Китае / Ли Синьмэй // Вопросы литературы. — 2020. — № 1. — С. 246—256.

10. *Ли Хуэйфань* История русской литературы XX века / Ли Хуэйфань, Чжан Цзе. — Циндао : Издательство Циндао, 1998. — 507 с. (李辉凡，张捷. 20世纪俄罗斯文学史 / 李辉凡，张捷. — 青岛：青岛出版社, 1998年. — 507页).

11. *Лун Юйчэн* О “двухчастных рассказах” Солженицына / Лун Юйчэн // Зарубежная литература. — 2013. — № 4. — С. 76—82. (龙瑜宸. 再战“红轮”：索尔仁尼琴的“两部分”小说 // 外国文学. — 2013. — № 4. — 76—82页).

12. *Лун Юйчэн.* Историческая концепция и творчество Солженицына / Лун Юйчэн // Зарубежная литература. — 2014. — № 01. — С. 90—96+158. (龙瑜宸. 索尔仁尼琴的历史观念与写作 // 国外文学. — 2014. — № 01. — 90—96+158页).

13. *Лю Вэньфэй* “Русский вопрос” : неославянофильство в “политической трилогии” Солженицына / Лю Вэньфэй // Изучение России. — 2006. — № 02. — С. 80—89. (刘文飞. “俄罗斯问题”：索尔仁尼琴“政论三部曲”中的新斯拉夫主义 // 俄罗斯研究. — 2006. — № 02. — 80—89页).

14. *Лю Вэньфэй.* После Солженицына / Лю Вэньфэй // Мировая литература. — 2008. — № 06. — С. 284—303. (刘文飞. 索尔仁尼琴之后 // 世界文学. — 2008. — № 06. — 284—303页).

15. *Лю Вэньфэй.* Солженицын : жизнь и творчество / Лю Вэньфэй // Изучение России. — 2020. — № 04. — С. 118—152. (刘文飞. 索尔仁尼琴：生活与创作 // 俄罗斯研究. — 2020. — № 04. — 118—152页).

16. *Лю Тао* Обзор литературного творчества Солженицына 1990-х годов / Лю Тао // Динамика зарубежной литературы. — 2004. — № 2. — С. 4—6. (刘涛. 索尔仁尼琴90年代文学创作述评 // 外国文学动态. — 2004. — № 2. — 4—6页).

17. *Лю Ядни* Думы о советской литературе / Лю Ядни. — Чэнду : Издательство Сычуаньского университета, 1996. — 302 с. (刘亚丁. 苏联文学沉思录 / 刘亚丁. — 成都：四川大学出版社, 1996年. — 302页).

18. *Мэн Циншу* Обзор современной советской литературы / Мэн Циншу // Фронт социальных наук. — 1985. — № 04. — С. 84—93. (孟庆枢. 苏联当代文学述评 // 社会科学战线. — 1985. — № 04. — 84—93页).

19. *Пу Лиминь* Обзор советской литературы второй половины 1950-х годов американскими и советскими учеными / Пу Лиминь // Советская литература. — 1982. — № 03. — С. 91—94. (浦立民.美苏学者评论五十年代中期以后的苏联文学 // 苏联文学. — 1982. — № 03. — 91—94页).

20. *Сун Бинхуэй* Рецепция советской литературы 50—70-х годов в Китае / Сун Бинхуэй // Сравнительная литература в Китае. — 1994. — № 01. — С. 146—161. (宋炳辉. 50—70年代苏联文学在中国的译介 // 中国比较文学. — 1994. — № 01. — 146—161页).

21. *Сунь Гуанин* Сборник рассказов Солженицына / Сунь Гуанин. — Пекин : издательство «Писатель», 1963. — С. 219. (孙广英.索尔仁尼琴短篇小说 / 孙广英. — 北京：作家出版社, 1963年. — 219页).

22. *Сюй Сяньсюй* Обозрение современной советской беллетристики / Сюй Сяньсюй. — Шанхай : Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 1991. — 478 с. (许贤绪. 当代苏联小说史 / 许贤绪. — 上海：上海外语教育出版社, 1991年. — 478页).

23. *Сяо Вэйхун* Смерть и рак не могут подавить страсть жизни : анализ романа Солженицына «Раковый корпус» / Сяо Вэйхун // Художественный анализ известных произведений. — 1996. — № 05. — С. 76—78+82. (肖伟宏. 死亡与癌症压制不住生命激情 — 浅析索尔仁尼琴的小说《癌症楼》 // 名作欣赏. — 1996. — № 05. — 76—78+82页).

24. *Тянь Давэй* Архипелаг ГУЛАГ / Тянь Давэй. — Пекин : Издательство «Массы», 1982. — 636 с. (田大畏.古拉格群岛 / 田大畏. — 北京：群众出版社, 1982年. — 636页).

25. *Хэ Юньбо* В поисках корней, возвращаясь к людям : размышления о подъеме «поиска корней» в современной советской литературе / Хэ Юньбо, Чжан Тефу // Исследования зарубежной литературы. — 1989. — № 03. — С. 50—56. (何云波，张铁夫. 寻根,回到人本身——对当代苏联文学“寻根热”的思考 // 外国文学研究. — 1989. — № 03. — 50—56页).

26. *Цзи Минцзю.* Взгляд на современную советскую литературу / Цзи Минцзю// Динамика зарубежной литературы. — 2001. — № 3. — С. 16—20. (季明举. 索尔仁尼琴与俄罗斯文学传统 // 外国文学动态. — 2001. — № 3. — 16—20页).

27. *Цзинь Янь.* Смотреть назад — значит двигаться вперед? — Солженицын и "раскольническая" традиция в России / Цзинь Янь, Цинь Хуэй // Форум социальных наук (том академического обзора). — 2009. — № 04. — С. 118—146. (金雁, 秦晖. “向后看就是向前进”?——索尔仁尼琴与俄国的“分裂教派”传统 // 社会科学论坛（学术评论卷）. — 2009. — № 04. — 118—146页).

28. *Чжан Гуина.* Поиск смысла жизни : процесс формирования основной мысли Солженицына и логика ее эволюции / Чжан Гуина // Научное общение. — 2016. —

№ 01. — С. 30—36. (张桂娜. 生命意义的追寻—索尔仁尼琴核心思想的生成轨迹及其演进逻辑 // 学术交流. — 2016. — № 01. — 30—36页).

29. *Чжан Сяоцян*. Солженицын — изгнанник, вернувшийся на родину / Чжан Сяоцян. — Чанчунь : Издательство Чанчунь, 1996. — 279 с. (张晓强. 索尔仁尼琴—回归故里的流亡者 / 张晓强. — 长春：长春出版社, 1996年. — 279页).

30. *Чжан Цзе* Последние семь лет советской литературы / Чжан Цзе. — Пекин : Издательство по литературе по социальным наукам, 1994. — 285 с. (张捷. 苏联文学最后的七年 / 张捷. — 北京：社会科学文献出版社, 1994年. — 285页).

31. *Чжан Цзе* Советская «возвращенная литература» / Чжан Цзе // Советская литература. — 1990. — № 01. — С. 46—53. (张捷. 苏联的“回归文学” // 苏联文学. — 1990. — № 01. — 46—53页).

32. *Чжан Цзяньхуа* Новое сознание и новый нарратив в новых политических рассказах: о творчестве рассказов Солженицына в 1990-е годы / Чжан Цзяньхуа // Зарубежная литература. — 2009. — № 4. — С. 38—47. (张建华. 新政治小说的新意识与新叙事：索尔仁尼琴九十年代短篇小说创作论 // 外国文学. — 2009. — № 4. — 38—47页).

33. *Чжан Цзяньхуа*. «Литературное поле» и историческая ценность литературного творчества Солженицына / Чжан Цзяньхуа // Зарубежная литература. — 2016. — № 03. — С. 3—12. (张建华. “文学场”与索尔仁尼琴文学创作的历史价值 // 外国文学. — 2016. — № 03. — 3—12页).

34. *Чжао Хайся* Образ Солженицына в китайском контексте и изучение Солженицына в Китае / Чжао Хайся, Сюй Чуаньхуа // Сибирские исследования. — 2014. — № 06. — С. 61—65. (赵海霞, 许传华. 中国语境中的索尔仁尼琴形象—兼论中国的索尔仁尼琴研究 // 西伯利亚研究. — 2014. — № 06. — 61—65页).

35. *Чэнь Цзяньхуа* Размышления об определенной эпохе : комментарии к «Раковому корпусу» / Чэнь Цзяньхуа // Обзор зарубежной литературы. — 1989. — № 03. — С. 83—87. (陈建华. 特定时代的反思录 — 评索尔仁尼琴的《癌病房》 // 外国文学评论. — 1989. — № 03. — 83—87页).

36. *Ши Вайю* Литература заговоров, литература реставрации, литература гегемонии: тенденция советской ревизионистской литературы / Ши Вайю // Вестник Центрально-китайского педагогического университета (Серия : Философия. Социальные науки). — 1978. — № 01. — С. 97—105. (施外雨.阴谋文学·复辟文学·霸权文学 — 二十年来苏修文坛的动向 // 华中师院学报 (哲学社会科学版). — 1978. — № 01. — 97—105页).

37. *Ши Сюцзюань* Смешение классики и современности : традиции и новаторство в творчестве Солженицына / Ши Сюцзюань // Вестник педагогического института Хэчи. — 1995. — № 01. — С. 16—22. (施秀娟. 融古典与现代于一炉 — 试析索尔仁尼琴创作中的继承与创新 // 河池师专学报 (社会科学版). — 1995. — № 1. — 16—22页).

38. *Ю Хунцзян* Взгляд на современную советскую литературу / Ю Хунцзян // Вестник Синьянского педагогического университета (Серия : Философия. Социальные науки). — 1987. — № 01. — С. 125—128. (禹泓江. 当代苏联文学管见 // 信阳师范学院学报 (哲学社会科学版). — 1987. — № 01. — 125—128页).

39. *Юй Ичжун* Вместе читаем «Архипелаг ГУЛАГ» / Юй Ичжун. — Пекин : издательство Массы, 2013. — С. 303. (余一中. 古拉格群岛大家读 / 余一中. 北京：群众出版社, 2013年. — 303页).

Статья поступила в редакцию 28.04.2023,
одобрена после рецензирования 12.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

References

Belopolskaya, E. V. (2013). Solzhenitsyn in the mirror of modern Chinese criticism. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences, 4:* 8—15. (In Russ.).

Chen Jianhua. (1989). Reflections of a Specific Era — Review of Solzhenitsyn's "Cancer Ward". *Foreign Literature Review, 03:* 83—87. (In Chin.).

Gu Cheng. (2018). A Review of Solzhenitsyn's Translation and Introduction in China. *Trends in Foreign Literature Research, 05:* 93—96. (In Chin.).

Gu Fan. (2010). Yellow Paper and Others: Several Foreign Literary Internal Publications *During the Sino-Soviet Controversy. Literary Theory and Criticism, 06:* P. 120. (In Chin.).

Guo Yongsheng. (2006). An Analysis of the Similarities and Differences of the Political Views of the Main Factions of Dissidents in the Soviet Union. *Journal of Inner Mongolia University (Humanities and Social Sciences Edition), 6:* 70—74. (In Chin.).

He Yunbo, Zhang Tiefu. (1989). Seeking the root, returning to the person itself — Thoughts on the "root-seeking craze" of contemporary Soviet literature. *Studies in Foreign Literature, 03:* 50—56. (In Chin.).

Ji Mingju. (2001). Solzhenitsyn and Russian Literary Tradition. *Foreign Literature Trends, 3:* 16—20. (In Chin.).

Jin Yan, Qin Hui. (2009). "Looking backward is forward"? — Solzhenitsyn and Russia's "split sect" tradition. *Social Science Forum (Academic Review Volume), 04:* 118—146. (In Chin.).

Li Huifan, Zhang Jie. (1998). *History of Russian Literature in the 20th Century.* Qingdao: Qingdao Publishing Hous. 507 p. (In Chin.).

Li Wensi. (2003). Solzhenitsyn and his works. *Russian Literature and Art, 06:* 58—60.

Li Xinmei. (2018). The History and Life Writing of Solzhenitsyn's Novels in His Later Years. *Contemporary Foreign Literature, 4:* 133—142. (In Chin.).

Li Xinmei. (2020). Translation, research and reception of Solzhenitsyn in China. *Questions of Literature, 1:* 246—256. (In Russ.).

Liu Tao. (2004). Review of Solzhenitsyn's Literary Creation in the 1990s. *Foreign Literature Trends, 2:* 4—6. (In Chin.).

Liu Wenfei. (2006). "Russian Questions": Neo-Slavism in Solzhenitsyn's "Trilogy of Political Discourses". *Russian Studies, 02:* 80—89. (In Chin.).

Liu Wenfei. (2008). After Solzhenitsyn. *World Literature, 06:* 284—303. (In Chin.).

Liu Wenfei. (2020). Solzhenitsyn: Life and Creation. *Russian Studies, 04:* 118—152. (In Chin.).

Liu Yading. (1996). *Meditations on Soviet Literature.* Chengdu: Sichuan University. 302 p. (In Chin.).

Long Yucheng. (2013). Fighting the "Red Wheel" Again: Solzhenitsyn's "Two-Part" Novel. *Foreign Literature, 4:* 76—82. (In Chin.).

Long Yucheng. (2014). Solzhenitsyn's Historical Concept and Writing. *Foreign Literature, 01:* 90—96+158. (In Chin.).

Meng Qingshu. (1985). Review of Contemporary Soviet Literature. *Social Science Front, 04:* 84—93. (In Chin.).

Pu Limin. (1982). American and Soviet Scholars Review Soviet Literature after the Mid-1950s. *Soviet Literature, 03:* 91—94. (In Chin.).

Shi Waiyu. (1978). Conspiracy Literature Restoration Literature Hegemony Literature — Trends in the Soviet Revisionist Literary World in the Past Twenty Years. *Journal*

of Central China Normal University (Philosophy and Social Science Edition), 01: 97—105. (In Chin.).

Shi Xiujuan. (1995). Integrating Classical and Modern in One Furnace — Analysis of Inheritance and Innovation in Solzhenitsyn's Creation. *Journal of Hechi Teachers College (Social Science Edition), 1:* 16—22. (In Chin.).

Song Binghui. (1994). Translations and introductions of Soviet literature in China from the 1950s to the 1970s. *Chinese Comparative Literature, 01:* 146—161. (In Chin.).

Sun Guangying. (1963). Short Stories of Solzhenitsyn. Beijing: Writers Publishing House. 219 p. (In Chin.).

Tian Dawei. (1982). *The Gulag Archipelago.* Beijing: Mass Publishing House. 636 p.

Wang Shouquan., Wu Bo. (2001). What We Lost, What We Gained—Reflections on Reality Reflections of Some Dissident Writers in the Soviet Period. *Marxist Studies, 5:* 77—83. (In Chin.).

Xiao Weihong. (1996). Death and cancer cannot suppress the passion of life — Analysis of Solzhenitsyn's novel "Cancer Building". *Appreciation of Masterpieces, 05:* 76—78+82. (In Chin.).

Xu Xianxu. (1991). *History of Contemporary Soviet Fiction.* Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. 478 p. (In Chin.).

Ye Chao, Xie Yuying. (2015). Spatial Imagery of Power — A New Cultural Geographical Interpretation of "Cancer Building". *Geographical Science, 12:* 1585—1590. (In Chin.).

Yu Hongjiang. (1987). Views on Contemporary Soviet Literature. *Journal of Xinyang Normal University (Philosophy and Social Science Edition), 01:* 125—128. (In Chin.).

Yu Yizhong. (2013). *The Gulag Archipelago for everyone to read.* Beijing: Mass Publishing House. 303 p. (In Chin.).

Zhang Guina. (2016). The Pursuit of the Meaning of Life — The Generating Trajectory of Solzhenitsyn's Core Thought and Its Evolution Logic. *Academic Exchange, 01:* 30—36. (In Chin.).

Zhang Jianhua. (2009). New Consciousness and New Narrative of New Political Novels: On the Creation of Solzhenitsyn's Short Stories in the 1990s. *Foreign Literature, 4:* 38—47. (In Chin.).

Zhang Jianhua. (2016). "Literary field" and the historical value of Solzhenitsyn's literary creation. *Foreign Literature, 03:* 3—12. (In Chin.).

Zhang Jie. (1990). "Return to Literature" of the Soviet Union. *Soviet Literature, 01:* 46—53. (In Chin.).

Zhang Jie. (1994). *The Last Seven Years of Soviet Literature.* Beijing: Social Science Literature Publishing House. 285 p. (In Chin.).

Zhang Xiaoqiang. (1996). *Solzhenitsyn — The Exile Returning to His Homeland.* Changchun: Changchun Publishing House. 279 p. (In Chin.).

Zhao Haixia, Xu Chuanhua. (2014). The image of Solzhenitsyn in the Chinese context — also on the study of Solzhenitsyn in China. *Siberian Studies, 06:* 61—65. (In Chin.).

The article was submitted 28.04.2023;
approved after reviewing 12.06.2023;
accepted for publication 22.06.2023.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Валерий Владимирович Батыров, канд. истор. наук (Элиста)
Дмитрий Анатольевич Салфетников, канд. истор. наук (Краснодар)
Екатерина Николаевна Бадмаева, д-р истор. наук (Элиста)
Иван Иванович Ковлеков, д-р техн. наук (Якутск)
Карина Рамазановна Капсалыкова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Константин Дмитриевич Котельников, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Ксения Алексеевна Тишкина, канд. истор. наук (Красноярск)
Наталия Анатольевна Лагошина, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Наталия Ивановна Бурнашева, д-р истор. наук (Якутск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бадмаева Е. Н. Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды / Е. Н. Бадмаева, В. В. Батыров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 409—426. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426.

Badmaeva, E. N., Batyrov, V. V. (2023). Transformation of Kalmyk Dwellings during Their Transfer to Settled Life in Imperial and Soviet Periods. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 409-426. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426

Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды

Бадмаева Екатерина Николаевна *
orcid.org/0000-0002-4472-5535
доктор исторических наук,
директор Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве»
**** корреспондирующий автор***
en-badmaeva@yandex.ru

Батыров Валерий Владимирович
orcid.org/0000-0001-9014-4910
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории
valerabatyrov@yandex.ru
Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX веков)»

Transformation of Kalmyk Dwellings during Their Transfer to Settled Life in Imperial and Soviet Periods

Ekaterina N. Badmaeva *
orcid.org/0000-0002-4472-5535
Doctor of History, Associate Professor,
Director, International Scientific Center
“Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”
**** Corresponding author***
en-badmaeva@yandex.ru

Valery V. Batyrov
orcid.org/0000-0001-9014-4910
PhD in History, Associate Professor,
Department of General History
valerabatyrov@yandex.ru
Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-18-00313 “Transformation of nomadic societies in the South of Russia in the context of natural and climatic factors (XIX — mid-XX centuries)”

© Бадмаева Е. Н., Батыров В. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается процесс трансформации калмыцких жилищ в условиях перевода скотоводов-кочевников на оседлый образ жизни в имперский и советский периоды. Отмечается, что войлочные кибитки строились для постоянного семейного проживания и обладали рядом полезных функций: доступностью, дешевизной материалов (войлока; и лишь некоторые детали жилища изготавливались из дерева), экологичностью. Сообщается, что в первые годы советской власти скотоводы стали массово переходить на оседлость и в основном самостоятельно возводить новые советские поселки с жилищами — мазанками. Для их строительства использовались глина, камыш, природный камень и дерево. Авторы статьи показывают в хронологическом порядке изменения конструктивных особенностей жилищ. Проводится их типологизация и сравнительный анализ. Первоначально кочевой образ жизни степняка-калмыка вызвал необходимость появления сборно-разборного мобильного и надежного укрытия в виде кибитки. Перейдя на оседлый образ жизни, калмыки приспособились к суровым условиям степи без кочевания, создали современное стационарное жилье из камышитово-саманного материала (спрессованные стебли камыша или глина с добавлением соломы). В настоящее время многими состоятельными сельскими калмыками воспроизводится, в силу ментальных установок, калмыцкий войлочный дом — кибитка — для приема гостей.

Ключевые слова:
Калмыкия; жилище; кибитка; саманные постройки; камышитовые постройки; советская модернизация; оседлый образ жизни.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the process of transformation of Kalmyk dwellings in the context of the transition of nomadic herders to settled life during the Imperial and Soviet periods. It is noted that felt dwelling (“kibitka”) were built for permanent family residence and had a range of useful functions: accessibility, low cost of materials (felt; with only some details made of wood), and ecological sustainability. The authors report that in the early years of Soviet power, herders began to transition en masse to settled life and independently built new Soviet settlements with houses made of mud and reeds called “mazankas”. The article shows changes in the structural features of dwellings in chronological order, typologizes them, and conducts a comparative analysis. Initially, the nomadic lifestyle of the Kalmyk steppe dwellers necessitated the development of a mobile and reliable shelter in the form of a kibitka. Transitioning to settled life, the Kalmyks adapted to the harsh conditions of the steppe without nomadism and created modern stationary housing made of reed-sand material (compressed reed stems or clay mixed with straw). Currently, many wealthy rural Kalmyks reproduce the Kalmyk felt house — a kibitka — for entertaining guests due to their mental attitudes.

Key words:
Kalmykia; dwelling; kibitka; adobe buildings; reed buildings; Soviet modernization; settled life.

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:728.03(470.47)“192/193”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды

© Бадмаева Е. Н., Батыров В. В., 2023

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые авторы рассматривают проблему жилищного строительства кочевников в имперский и советский периоды. Конструкция советского жилища (мазанка) скотоводов — постройка в виде домика из самана и камыша квалифицировалась современниками как изобретение местных умельцев, но в своей основе она опиралась на многовековой опыт предыдущих поколений. Саманные постройки, как войлочные кибитки предшествующего этапа жизни кочевников-скотоводов, строились для постоянного семейного проживания и объединяли в себе ряд полезных функций: максимально сохраняли тепло в зимнее время, прохладу в летний зной. В обеих конструкциях основным строительным материалом являлся дешевый и доступный подручный материал, в первом — войлок, выделываемый местными мастерами, которым обвязывалась вся кибитка, во втором — глина и песок, солома и камыш. Если при возведении войлочных кибиток минимально использовалось дерево, в основном из него делалась обрешетка, то при строительстве мазанок из самана применялись как деревянные изделия, так и природные камни для возведения фундамента и цоколя. В настоящем исследовании, обратившись к изучению жилища кочевников-скотоводов, мы рассматриваем его в синхронном разрезе, оцениваем диахронический (исторический) контекст данного зафиксированного в архивных материалах явления.

Цель исследования и его научная проблематика — показать на основе представленных материалов последовательность изменений в конструктивном объекте — жилище калмыцкого кочевника. В значительной мере, насколько позволяют источники, в статье затрагивается хронологический аспект. Представленный предмет исследования рассматривается нами в ретроспективе, что соответствует исследовательской задаче — показать обоснованную цепочку изменений жилищных конструкций и различных вариантов конструктивных решений, произвести их предварительную типологизацию и сравнительный анализ. Вполне естественно, что в начале

исследования мы обращаемся к более отдаленному времени, обоснованно предполагая, что рассматриваемый материальный синтез имеет глубокие истоки. Далее мы рассматриваем историческую эпоху, непосредственно соприкасающуюся с советским жилищным строительством. При оценке его уникальности объектом изучения становится предметная среда советского периода, отмеченного глубокими модернизационными сдвигами.

Географические рамки исследования — Калмыкия и часть прилегающих территорий, где в имперский период проживали локальные группы калмыков-кочевников.

Источниковая база исследования опирается прежде всего на опубликованные работы, среди которых присутствуют аналитические и описательные статьи. Особую ценность представляют документальные материалы, выявленные авторами в Национальном архиве Республики Калмыкия. Используются полевые наблюдения авторов, сделанные ими в ходе и в результате различных экспедиций по региону.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время в современной науке распространен анализ наблюдаемых исторических явлений предметного мира в диахронном разрезе. Это объясняется тем, что применение диахронического метода диктуется сложностью связей и взаимодействий между явлениями и процессами, происходящими в общественной жизни. Например, чтобы понять причину и характер проведения советской модернизации у кочевых народов (на примере жилищного строительства), необходимо проанализировать социально-экономическое положение кочевников в имперский период и в первые десятилетия советской власти. Логика исследования привела нас к рассмотрению вопроса о влиянии природно-климатических факторов на повседневный быт кочевников, значительно изменившийся в ходе советской модернизации.

В дореволюционный период описание кочевого жилища нашло отражение в трудах Н. И. Страхова, Н. А. Нефедьева, Ф. А. Бюлера, П. И. Небольсин, И. В. Бентковский и др. [Страхов, 1810; Нефедьев, 1834; Бюлер, 1846; Небольсин, 1852]. Особое место в этом ряду занимает И. А. Житецкий [Житецкий, 1892], который по результатам проведенных исследований опубликовал книгу «Астраханские калмыки», где подробно описал конструкцию и убранство калмыцкой кибитки.

В советской историографии нет обобщающих трудов по трансформации или смене традиционного жилища в первые послереволюционные десятилетия; данная проблема не нашла в ней должного отражения. Между тем именно в этот период происходили глобальные модернизационные

изменения, в том числе образе жизни, которые кардинальным образом коснулись кочевников-скотоводов. Номады стали постепенно переходить от обитания в легко разбираемых, переносных войлочных кибитках к проживанию в специально построенных при советской власти стационарных жилищах. Данный процесс перехода к оседлости сложен с точки зрения болезненной ломки психологии вчерашнего кочевника и интересен с точки зрения изменения видовой эволюции хозяйственной деятельности степняка. Историки в основном не углублялись в суть этой сложной социально-экономической проблемы, к примеру, известный этнограф У. Э. Эрдниев упоминал лишь о первых опытах постройки стационарных жилищ [Эрдниев, 1970].

В начале 2000 года вышел в свет фундаментальный 3-х томный труд по истории Калмыкии [История Калмыкии с древнейших времен до наших дней, 2009], в котором один из авторов, К. Н. Максимов, описывает строительство жилых домов в новых поселках в контексте проведения коллективизации сельского хозяйства и перехода кочевого населения на оседлый образ жизни.

Поддержка советского государства в форме выделения денежного кредита на постройку жилища кочевникам в период голодного бедствия 1921 и 1933 годов исследована Е. Н. Бадмаевой [Бадмаева, 2006; Бадмаева, 2010]. В более поздние периоды выходили работы, в которых упоминались сведения о строительстве стационарного жилья в Калмыкии в контексте перехода кочевых калмыков на оседлость [Батыров, 2016].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Традиционное жилище калмыцких скотоводов в имперский период

Традиционное жилище калмыцких скотоводов в конце 1920 — 1930-е годы не отвечало современным требованиям в рамках модернизационных установок советского государства на изменение форм общественного строя, а именно — на переход кочевников на оседлость. Это было связано с тем, что содержание скота при экстенсивных методах хозяйствования было возможным только на обширных территориях, в связи с чем были необходимы постоянные кочевья с места на место и наличие соответствующего атрибута — легко разбираемых кибиток, предназначенных для жилья кочевников. До XIX века основным типом жилища у калмыков была кибитка *ишкя гер* (букв. войлочный дом), которая наиболее всего подходила для кочевой жизни. Конструкция кибитки была довольно простая: она состояла всего из шести решеток *терме*, двери, шестидесяти шестов *унин* и круглого дымохода *харачи*. Войлочное жилище легко и быстро собиралось

и разбиралось, а его конструктивные части могли компактно складываться и транспортироваться на неограниченные расстояния. Для транспортировки калмыцкой кибитки и домашней утвари требовалось до шести верблюдов [НА РК, ф. 145, оп. 1, д. 132, л. 2].

При этом данное идеальное для кочевников жилище имело определенные недостатки. Так, бытовые условия проживания в кибитке были достаточно тяжелые. В зимнее время температура в кибитках была не намного выше температуры внешней окружающей среды. Летом в кибитке было немного прохладнее, чем на улице, но зато страдало качество воздуха в ней от повышенного уровня углекислого газа и влажности. Поэтому в летнее время калмыки старались проводить время вне кибитки, находясь под ее тенью, и даже ночью спали со всей семьей на открытом воздухе. Чтобы не нагрелся воздух в кибитке, кочевники готовили еду на улице, на специально устроенном очаге с помощью заранее заготовленного кизяка. В дождливую погоду кошма кибитки зачастую промокала и пропускала влагу внутрь помещения; при высыхании войлока наблюдалось повышение влажности в помещении, появлялся «неприятный запах от сырых кошм». Ко всему прочему многие исследователи отмечали также стойкий специфический запах, свойственный калмыцкому жилищу: смесь запаха дыма от кизяка, кислого молока и скота. Зимой, когда потребность в перекочевках практически отсутствовала, кочевая кибитка устанавливалась в местах, по возможности защищенных от прямого воздействия ветра и снега, а для лучшей теплоизоляции основание жилища часто обкапывалось землей или, в редких случаях, покрывалось двойным слоем кошм. Следует отметить, что обедневшие калмыки, которые не имели средств на покупку кибитки, приобретали только конусообразную часть кибитки *джолон*.

У калмыцких кочевников-скотоводов по мере уменьшения территории кочевий в XIX веке стали отмечаться некоторые нововведения при транспортировке кибитки. Так, попечитель Малодербетовского улуса В. Хлебников подметил, что для перевозки кибитки стали употреблять возы, запряженные парой быков или верблюдом: «<Кибитка> в течение часа может быть разобрана, сложена на один воз, запряженный парой быков или верблюдов» [НМ РК, ф. В. А. Хлебникова, К.П. 6795/252, л. 27]. Также русский попечитель заметил, что в зимнее время «около кибитки устраиваются базы для скота; кибитки ставятся теснее друг ко другу» [Там же]. Кошмы для жилища калмыки изготавливали своими силами, но деревянный остов кибитки покупался на ярмарках или в хурулах, при которых работали плотники. Стоимость обычной кибитки в конце XIX века достигала значительной суммы от 80 до 100 руб. В эту цену входили: дымоход — 3 руб., дверь — 3 руб., решетки —15 руб. На ценность войлочного дома,

кроме размеров, влияло еще качество и цвет кошмы. Так, семьи калмыцкой аристократии, буддийские иерархи и состоятельные простолюдины имели возможность покрывать свою кибитку прочными белыми кошмами; семьи среднего достатка — серыми или черными. Кибитка или *джолон* более бедных кочевников покрывались кошмами в небольшом количестве (часто дырявыми) [Там же].

Начавшийся в XIX веке кризис калмыцкого кочевого скотоводства способствовал переходу номадов с первой трети указанного столетия к полукочевому, а затем базовому (стойловому) скотоводству. Упрочение данного процесса являлось практически единственным способом адаптации калмыков к сложным природно-климатическим условиям территории, к условиям нехватки пастбищных земель в результате обострившегося земельного «голода» в Калмыцкой степи, вызванного переездом в регион русских крестьян. В связи с этим заметно ухудшилось материальное положение кочевников-скотоводов. Об этом свидетельствует сложившаяся с середины XIX века до начала XX века практика, когда в летний период калмыки кочевали в степи используя в качестве жилья относительно дешевый джолум, а зиму проводили в землянках или глинобитных домах. Это обходилось заметно дешевле, чем покупать и обслуживать войлочную кибитку [НА РК, ф. 9, оп. 7, д. 1937, л. 21].

Многие степняки, стремясь сократить расстояние от запасов заготовленного корма для скота, стали строить хутора с небольшими деревянными и глинобитными кухнями и базами для скота. Это привело к тому, что в какой-то период в Калмыцкой степи стали встречаться семьи с двумя местами оседлости: одно — постоянное в калмыцком хотоне (калмыцкое поселение. — *Е. Б., В. Б.*), другое — временное, возле запасенных на зиму кормов. При этом зачастую сам глава семьи проживал в поселке, а на хуторе возле скота находились его сыновья и работники. Однако нехватка стационарного жилья, обустроенных скотных базов, а также суровые климатические условия территории не позволяли повсеместно быстро перейти в Калмыцкой степи к интенсивным методам ведения скотоводства, к оседлому образу жизни кочевого населения. Тем не менее одними из первых стали переходить на оседлость жители Хошутовского улуса, когда в 1822 году «улусовладелец Тюмень-джиргалан купил землю в Енотаевском уезде у помещика Сушкова, называемую Черная гряда, для поселения калмыков» [НА РК, ф. 9, оп. 4, д. 96, л. 1]. В поместье он построил для себя стационарное жилье, затем примеру улусовладельца последовали его сородичи. В первой половине XIX века жилищное строительство в Калмыкии находилось под влиянием архитектуры деревень и сел Юга России, где местное население, по преимуществу русско-украинское, строило жилища

из камня, кирпича и дерева, у которых калмыки и перенимали опыт подобного строительства. Главную роль в выборе места для строительства калмыками стационарного жилья играла близость к крупным городам или реке Волге, что позволяло, к примеру, калмыкам северных и восточных улусов покупать и собирать готовые деревянные дома, которые сплавлялись в разобранном виде с верховий Волги. В более отдаленных районах Калмыцкой степи стоимость транспортировки делала строительство стационарного жилья недоступным, в частности, для жителей западных, центральных и южных улусов. Так, в 1848 году в отдаленных Малодербетовском, Хошеутовском и Багацохуровском улусах был 291 деревянный дом и всего 19 кирпичных, в остальных улусах их количество и вовсе было незначительным [НА РК, ф. 9, оп. 2, д. 12, л. 56.]. Поэтому калмыки строили первоначально в своих улусах самые примитивные виды жилища — землянки.

Новый этап в развитии стационарных построек у калмыков наступил после издания указа императора Николая I от 30 декабря 1846 года «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии». Кочевники на примере заселения дорог в Калмыцкой степи крестьянами-переселенцами из Южной России и Украины и строительства стационарного жилья для постоянного проживания в нем должны были осмыслить все преимущества оседлой жизни. Переселенцы открыли для калмыков технологию изготовления саманного кирпича, который стал основным строительным материалом. О том, что саманный тип жилища был ранее особо не распространен в Калмыкии, говорит тот факт, что в начале XIX века в Калмыцкой степи не было ни одного глинобитного жилища [НА РК, ф. 9, оп. 7, д. 1937, л. 60]. Калмыки познакомились с целым рядом малоизвестных в степи типов жилища: саманно-блочная хата, саманно-литая (глинобитная) и мазанка. Изобилие глины в степи, как основного строительного материала, сделало эти типы жилища наиболее распространенными и доступными в Калмыкии. Как справедливо отмечает И. В. Лиджиева, в условиях Калмыцкой степи нехватка дерева и других материалов диктовала калмыкам необходимость приспособления жилища к своим климато-географическим условиям и в соответствии со своими представлениями о жилище [Лиджиева и др., 2021, с. 72].

Опыт строительства стационарного жилища у калмыков был небольшим, поэтому осознание важности постройки фундамента строения пришло не сразу. Многие калмыцкие дома довоенной постройки либо не имели фундамента, либо имели его в самой рудиментарной форме по причине дороговизны таких материалов, как камень или кирпич. Специфической особенностью изготовления самана калмыками являлось то, что они до-

бавляли в кирпичную смесь навоз. В построенных калмыками домах сами стены в силу особенностей природно-климатических условий территории (жаркого лета и морозной зимы) обычно имели толщину от 35 до 60 см и клались с соблюдением перевязки на глиняном растворе. Крыша была двухскатной из соломы, камыша или дранки. Крышу калмыки также делали из глины (делали каркас, который обмазывали глиной).

При наличии локальных и субэтнических особенностей интерьер жилища был однотипным. В глинобитных домах калмыков, повторяя пространство традиционного жилища — кибитки, отсутствовали перегородки, а в центре дома ставилась трех- или пяти-ходовая печь. Только в конце XIX — начале XX веков под влиянием соседнего русского населения у калмыков стали постепенно появляться тканевые занавески, а затем и полноценные перегородки, которые делили дом на комнаты.

С первой половины XIX века на процесс жилищного строительства у калмыков, помимо объективных процессов развития калмыцкого скотоводства, большое влияние оказывала имперская политика. Чиновники российской администрации особое внимание уделяли мероприятиям по переводу калмыков на оседлый образ жизни. Так, среди прочего, в годовом отчете Астраханской палаты государственных имуществ по Ордынскому отделению за 1848 год присутствовал отдельный пункт: «Оседлость калмыков и русских крестьян переселенцев». Согласно этому отчету, в калмыцких улусах было построено 67 домов, в том числе 22 дома из необожженного кирпича, 36 деревянных. Из них только 9 деревянных были построены калмыками [НА РК, ф. 9, оп. 2, д. 12, л. 27]. По мере интенсификации процессов перехода калмыцкого населения к полукочевому, а затем базовому (стойловому) скотоводству неуклонно росло число стационарных построек. В 1871 году в Калмыцкой степи насчитывалось 2 каменных дома, 483 деревянных дома, 32 глинобитных дома, 62 дома из земляного кирпича, и 559 мазанок [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 14, л. 25—26].

В конце XIX века вопрос о седентеризации калмыков несколько потерял свою былую актуальность. В отчетах чиновников Управления калмыцким народом (УКН) исчезли даже упоминания о мероприятиях по переводу калмыков на оседлый образ жизни. Вместе с тем в отчетах все же имеются сведения о количестве домов в улусах. Общее число жилых построек в Калмыцкой степи выросло до 2—3 тысяч единиц. Так, в ведомости о числе домов и других строений в калмыцких улусах за 1889 год отмечалось наличие 2569 домов. Каменных (кирпичных) домов по-прежнему было небольшое количество — всего 5 единиц. Выросло количество деревянных домов — 803, из них 205 домов было построено в северной части Малодербетовского улуса, 323 — в Яндыко-Мочажном улусе, 97 — в Ба-

гацохуровском улусе. В Калмыцкой степи имелось 363 глинобитных дома, из них 250 домов было построено в северной части Малодербетовского улуса, 60 — в Икицохуровском улусе и 40 — в Яндыко-Мочажном улусе. Из землебитного кирпича было построено 225 домов, из них 150 домов в северной части Малодербетовского улуса и 75 домов в южной части Малодербетовского улуса. Наиболее популярным и распространенным видом жилища кочевого населения стали мазанки, которых насчитывалось 1173 единицы, из них 617 мазанок числилось в Александровском улусе, 243 — в Яндыко-Мочажном улусе, 155 — в южной части Малодербетовского улуса [НА РК, ф. 9, оп. 6, д. 30, л. 69—70]. В Эркетеневском, Ики-Цохуровском и Харахусовском улусах почти не было стационарных жилищ, что лишний раз свидетельствует о том, что не все улусы степного региона перешли к оседлому образу. Тем не менее можно сказать, что развитие процесса оседлости в Калмыцкой степи попутно вызвало бурное развитие ремесленного производства, когда на местах стали появляться ранее не присущие номадам профессии, такие как печники, плотники, столяры и др.

К началу XX века у калмыков насчитывалось 488 деревянных и 3470 глинобитных жилищ и землянок [Материалы …, 1910, с. 816, 835]. Наибольшее количество оседлого населения проживало в северной и западной части Малодербетовского улуса, Хошеутовском улусе и юго-восточной части Яндыко-Мочажного улуса. Почти полностью перешло на использование стационарного жилья население Большедербетовского и Хошеутовского улусов. И только в некоторых улусах в повседневном обиходе кочевого населения вплоть до 20—30-х годов XX века продолжала господствовать кибитка.

3.2. Жилищное строительство калмыцких крестьян с переходом на оседлость в 1920—1930-е годы

Процесс приобщения калмыцких кочевников к оседлому образу жизни продолжился в послереволюционный период, одним из важнейших факторов которого являлось строительство стационарных жилищ. Советское государство на первых порах еще не имело возможности выделения финансовых средств на строительное дело, потому возведение собственного жилья возлагалось на самих крестьян. В первые годы советской власти послевоенная разруха привела к тому, что калмыки стали нуждаться в поддержке государства в форме выделения денежного кредита на постройку собственного жилища, особенно в период голодных бедствий 1921 и 1933 годов [Бадмаева, 2006, с. 24]. Однако выданной крестьянам денежной помощи на строительство индивидуального жилья явно недоставало. В 1923 году государство смогло предоставить ссуду на 1 хозяйство лишь

в размере от 250 до 500 руб., при этом ссудополучатели использовали на жилищное строительство лишь 11,30 % от этой суммы (остальное тратилось на приобретение скота и сельхозинвентаря). При этом местные власти не имели возможности доставить нуждающимся крестьянам строительные материалы, в том числе организовать его закупку. В основном строительством домов для постоянного места жительства занимались калмыки-крестьяне, переселившиеся из соседних губерний. Причем необходимый материал для саманных построек крестьяне покупали на свои личные сбережения, в основном это был лес со старых построек из окрестных русских сел [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 5].

Жилищное строительство в Калмыкии в это время велось не столь активно, как планировалось государством, но тем не менее в 1928 году началась масштабная стройка столицы Калмыцкой автономной области — г. Элисты. В ходе строительства обнаружилось множество нарушений, в частности, отсутствовала проектная документация по водопользованию, не было необходимых согласований с контролирующими органами по регулированию вопросов использования и охраны вод. Строительная комиссия при Президиуме Нижне-Волжского Крайисполкома отмечала: «Строительство г. Элисты было начато до окончания изыскания на воду <…> необходимо не останавливать подготовку к строительному сезону 1929/1930 г. и всемерно форсировать глубинное бурение», параллельно провести до начала строительного сезона дебет верхнего водоносного слоя, «без чего к строительству 1929/1930 г. не приступать» [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 7]. Тем не менее, несмотря на то, что не решена была проблема водообеспечения нового города в степи, строительство столицы автономной области началось и продолжилось бурными темпами.

Основной упор делался на возведение административных зданий, при этом на первых порах в план строительства города не включался ряд важнейших сооружений: медицинские учреждения, школы и др. Предусматривалось строительство индивидуального жилья только для прибывающих в город специалистов государственного и партийного аппарата. Жилищное строительство в городе осуществлялось без учета мероприятий по осушению территорий, имеющих высокий уровень стояния грунтовых вод на отдельных участках, путем устройства дренажа; разбивки и проектирования улиц в жилой застройке; озеленения придомовых полос и палисадников. В пятилетнем плане строительства города совершенно не отражались элементы обобществленного быта и не были предусмотрены расходы по благоустройству города, такие как на энергетику, теплоснабжение и пр., что являлось своего рода инновацией в бытовом обустройстве вчерашних кочевников-скотоводов.

Тем не менее, несмотря на недочеты, строительный сезон 1929/1930 года все же решено было начать и расширить строительство с дополнительным финансированием в 2400 тыс. руб. [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 7, 9]. В 1929 году из-за нехватки рабочих рук, профессиональных специалистов, недостаточного градостроительного опыта не удалось полностью освоить выделенные финансовые средства, что вызывало беспокойство краевых властей (Калмыцкая автономная область (КАО) в это время входила в состав Нижне-Волжского края), отмечавших в одном из своих постановлений недопустимость частичного выполнения плана строительства города: на конец октября 1929 года — выполнено 53 %. По концу года план по строительству города был выполнен только на 70 %, из выделенных средств удалось освоить лишь 238 тыс. руб.

Негативным фактором, тормозившим интенсивное строительство города, явилась несвоевременная доставка стройматериалов. Из-за бюрократических проволочек договоры на поставку лесоматериалов, заключенные в сентябре 1929 года, были аннулированы постановлением СНК, из-за чего распределение стройматериалов Крайторготделом и Краевой пятеркой затянулось. Только в апреле 1930 года на основе полной разверстки удалось подписать новые договоры на поставку строительных материалов. Строительные работы неоднократно приостанавливались также из-за нехватки кирпичей, цемента, завозимых из других близлежащих регионов. В целях выхода из создавшегося критического положения в 1930 году на специальном заседании строительной комиссии при Президиуме Нижне-Волжского края было внесено официальное предложение: рекомендовать при строительстве жилых помещений в Калмыкии использовать камыш и глину, как основной местный строительный материал. В резолюции комиссии указывалось — признать, «тип каркасного строительства с заполнением пустот бетонным камнем в условиях дефицитности железа и цемента не рациональным, предложить областному исполкому в дальнейшем в максимальной степени использовать применение местного строительного материала: глину, камышит и кирпич» [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1329, л. 7]. Эти рекомендации краевой комиссии были даны исходя из сложных природно-климатических условий региона: по мнению специалистов, камышитовые и глиняные постройки создавали более комфортные условия для проживания калмыков-кочевников, а также значительно удешевляли стоимость стройматериалов и тем самым убыстряли ход строительных работ. Таким образом, за 1928/1929 год из местного материала (камыша и глины) был построен 51 дом, и на 1929/1930 год поступило 57 заявок на строительство камышитовых домов [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1329, л. 112]. Большим недостатком при обустройстве жилья в городе Элисте являлось отсутствие

постоянного водоснабжения. Силами отдела местного хозяйства Калмыцкой автономной области (КАО) удалось провести коптаж (расчистка выхода родника и устранение препятствий для выхода воды на поверхность) отдельных родников из подручных материалов вблизи г. Элисты, также хозяйственники запланировали строительство в будущем двух мощных водосборных колодцев.

В начале 1930-х годов некоторые обустроенные хотоны и построенные новые поселки стали административными, хозяйственными и культурными центрами, где в ходе седентаризации в годы коллективизации сельского хозяйства образовались колхозы, например, Ницян и Бергин в Приволжском улусе, Улан-Хол в Долбанском улусе и др.

В целом по области объем строительства в 1930/1931 году составил 331 тыс. руб. Подготовка к строительному сезону задерживалась из-за отсутствия квалифицированных строителей, недостаточного штата и несвоевременного выделения кредита. Только к 20 мая 1930 года было выполнено 90 % эскизных проектов и 74 % рабочих чертежей [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1329, л. 110].

В 1932 году активное жилищное строительство в КАО также вовремя не началось, хотя из государственного бюджета власти выделили 295 тыс. руб. в указанном году было намечено строить жилье и социальные объекты в местах оживленной седентаризации калмыков. Задержка начала строительных работ в этих местах связана с тем, что местные власти только в октябре 1932 года фактически закупили аварийный лес в Сталинграде. Другая причина — удаленность объектов строительства от места приобретения строительных материалов, составлявшая несколько сот километров, к тому же негативным образом влияли бездорожье и существенный недостаток соответствующего для перевозки стройматериалов транспорта. Понимая, что основной причиной задержки начала строительства в калмыцкой глубинке является дефицит завозных строительных материалов, Президиум Нижне-Волжского исполкома своим решением обязал строительные организации — Всесоюзный лесной синдикат, Сталинградский завод облицовочного кирпича и др. — завезти материалы в указанные в договорах сроки, учитывая особенности степного региона, а именно — особые трудности в снабжении лесом [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1329, л. 9].

В следующем 1933 году, в период засухи и неурожая хлебов, поддержка граждан по подпрограмме «Жилье и мелиоративные работы» составила 193,4 тыс. руб. из государственного и местного бюджетов. В последующие два года финансирование поступало только из госбюджета. За 1932—1935 годы на жилищное строительство было выделено

578,4 тыс. руб. из средств местного, а также — преимущественно — из федерального бюджета [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 7].

В 1933—1934 годах силами местных строителей было произведено жилищное строительство в местах оседания кочевников: в Центральном (2 точки) и Черноземельском (1 точка) улусах. Построено 67 жилых домов, из них 4-квартирных — 10 домов, двухквартирных —51 и 2 одноквартирных, перевезенных готовыми блоками. К моменту строительства жилых домов по Программе перехода на оседлый образ жизни в колхозах Бага-Чонос, Ленинском и Яшкуль уже имелась необходимая для жизнеобеспечения населения инфраструктура: сельский совет, правление колхоза, изба-читальня. В п. Яшкуль — самом многочисленном жилом массиве степного региона — находились школа-интернат, школа, электростанция, 3 медицинских учреждения (больница, вендиспансер, ветеринарная амбулатория). В выборе административных, культурно-хозяйственных центров определяющими факторами являлись сравнительно благоприятные природно-климатические условия для проживания людей. Существенная роль отводилась возможности быстрого и малозатратного решения вопроса водообеспечения населения, домашних животных, при этом учитывалась пригодность сельскохозяйственных земель в экстремальных условиях природы вокруг построенных поселков.

Строительство индивидуального жилья и объектов социальной сферы в КАО тормозилось из-за отсутствия специальных механизмов для изготовления необходимого стройматериала. Поэтому в первое время за счет бюджетных средств, выделенных улусам, производилась «распиловка стройматериалов на строительном дворе возле Сталинграда (лес поступал в основном круглый)» [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 8]. Но уже в 1934 году строительный двор был организован возле Астрахани в п. Кануково, где, помимо распиловки строительного леса, велось изготовление стандартных частей и деревянных срубов для шахтных колодцев.

В 1935 году жилищное строительство в Калмыкии активно не развивалось ввиду отсутствия нарядов на строительные материалы. Приходилось использовать местные материалы, а также тот стройматериал, который обменивался по бартеру на произведенную сельчанами сельхозпродукцию. Так, в Долбанском улусе велась работа по подготовке точек оседания, выразившаяся в заготовке камыша для строительства, в сооружении 6 шахтных колодцев и оборудовании 3 плотин (дамбы) с целью концентрации населения в определенной местности, примыкающей к Прикаспийским ильменям. Строительство домов в возводимых населенных пунктах планировалось «в деревянном каркасе из камыша, с обмазкой и побелкой сна-

ружи и внутри. Для Приволжского улуса жилой дом саманный. Крыши глино-камышитовые. Жилой дом из 2-х комнат: кухня и чистая комната. Пол в кухне глинобитный, в чистой комнате деревянный. В тамбуре холодная прихожая и кладовка. Стоимость 1 куба строения: камышово-каркасного — 21 руб. 02 коп., саманного — 18 руб. 30 коп. Надворные постройки будут возводиться самими колхозниками, за их счет и главным образом из местных стройматериалов» (НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 9]. По плану местного руководства, жилые индивидуальные дома должны были строиться с таким расчетом: на 1 квартиру, состоящую из 5 членов семьи, — 184 кв. м; сарай — 28 кв. м; баз для скота — 54 кв. м. Инфраструктуру поселка завершала запроектированная деревянная баня на 130 кв. м на 10 чел. [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 9].

По однотипному проекту строилось жилье и в других улусах КАО. Как отмечается в архивных материалах, «в Манычском улусе построено 5 поселков, которые были распланированы в натуре, проекты жилищных домов давались уполномоченными и строительство более или менее однотипно» [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 5]. В 1939 году в данном улусе из 736 хозяйств, перешедших на оседлый образ жизни, только половина кочевников смогла построить жилье для собственного проживания.

В период активной трансформации кочевого общества и перехода его на оседлый образ жизни отмечается изменение традиционной культуры и культурных стереотипов, которому следовали калмыки-кочевники, что отразилось на конструкции его жилища.

4. Заключение = Conclusions

Кочевой образ жизни степняка-калмыка, устоявшийся на протяжении многих веков, вызвал необходимость появления сборно-разборного укрытия в виде кибитки. Данное жилище помогало выживать кочевнику в суровых, а часто и экстремальных природных условиях, то есть в наиболее хрупких и уязвимых экосистемах планеты. Войлочная юрта спасала кочевников-скотоводов зимой, когда на открытом пространстве свирепствовали сильные морозы и холодные ветра. В жаркую погоду кибитка избавляла кочевников от палящего зноя, служила домашним очагом для членов многочисленной калмыцкой семьи. Сборно-разборное устройство кибитки обеспечивало мобильность передвижения кочевников, постоянно озабоченных поиском новых богатых пастбищ для своего скота. Кибитка кочевников-калмыков представляет собой особый вид кочевой архитектуры, который создавался в тесной связи с ландшафтом формирования этноса. Как справедливо отметили современные исследователи К. В. Куксин, З. И. Гордеева, «за несколько тысяч лет развития кочевой цивилизации

номады научились жить в этих ландшафтах, не нарушая экологического равновесия» [Куксин и др., 2015, с. 43]. Можно без преувеличения сказать, что походный дом — юрта, в том числе калмыцкая кибитка, является одним из величайших изобретений, подаренных миру кочевниками.

Кроме войлочного дома, калмыки, перешедшие к оседлости в XIX — первой половине XX вв., создали оригинальный тип глинобитного жилища на основе синтеза собственных познаний в области биоразнообразия природы и творческого заимствования у оседлых народов Северного Кавказа и Поволжья. Широкое распространение глинобитных жилищ у калмыцкого населения стало ответом на кризис кочевого хозяйства и позволило калмыкам приспособиться к суровым условиям степи без постоянных кочевок. Политика седентаризации, усиленно проводимая советским правительством в 1930-е годы, формировала условия для оседания кочевого калмыцкого населения и создания более эффективного современного стационарного жилья из местных материалов.

Итак, эволюцию мобильной кибитки калмыков завершал камышитово-саманный дом советской постройки. Однако это не означало, что бывшие кочевники утратили память о мобильных сборно-разборных кибитках. Даже в условиях массового перехода номадов на оседлый образ жизни и строительства стационарных жилищ в 1930-е годы калмыцкий *ишкя гер* (войлочный дом) существовал параллельно в быту степняков, и калмыки пользовались данным видом жилища практически до начала Великой Отечественной войны. Соответствующие поведенческие навыки и ментальные установки сохранились и до наших дней. Думается, что в настоящее время они не зря воспроизводятся во многих частных сельских домах для приема гостей и во время проведения больших семейных торжеств, во время массовых гуляний и мероприятий, что, несомненно, говорит о возрождении калмыцких народных традиций.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники

1. НА РК — *Национальный* архив Республики Калмыкия. Ф. 9 «Управление калмыцким народом» 1836—1917 гг. ; Ф. Р-3 «Центральный Исполнительный Комитет Калмыцкой АССР» 1916—1942 гг. ; Ф. Р-145 «Личный фонд Пальмова Николая Николаевича, профессора» 1872—1934 гг.

2. НМ РК — *Национальный* музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Фонд В. А. Хлебникова. К.П. 6795/252 «Калмыки».

Литература

1. *Бадмаева Е. Н.* Нижнее Поволжье : опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921—1933 гг.) : монография / Е. Н. Бадмаева. — Элиста : НПП Джангар, 2010. — 544 с. — ISBN: 978-5-94587-430-5.

2. *Бадмаева Е. Н.* Калмыкия в начале 1920-х гг. : голод и преодоление его последствий / Е. Н. Бадмаева. — Элиста : НПП Джангар, 2006. — 182 с. — ISBN: 5-94587-174-X.

3. *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX вв. / В. В. Батыров. — Элиста : КИГИ РАН, 2016. — 226 с. — ISBN: 978-5-903833-70-2.

4. *Бентковский И. В.* Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса / И. В. Бентковский // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. I. — С. 84.

5. *Бюлер Ф. А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт / Ф. А. Бюлер // Отечественные записки. — Санкт_Петербург : типографя И. Глазунова и К., 1846. — Отд. 2, Т. 47. — 412 с.

6. *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Репринтное издание / И. А. Житецкий. — Элиста, 1991. — 260 с.

7. *История* Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3 т. / Российская акад. наук, Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед. РАН ; редкол. : К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова [и др.]. — Элиста : Герел, 2009.

8. *Куксин К. В.* Традиционные жилища кочевых народов и их адаптация к ландшафтным условиям (на примере юрт монголов и казахов) / К. В. Куксин, З. И. Гордеева // Социально-экологические технологии — 2015. — № 1—2. — С. 39—44.

9. *Лиджиева И. В.* Стационарные постройки на территории кочевых инородцев: строительство ставок приставов (попечителей) / И. В. Лиджиева, И. Н. Содномова // Nomadic civilization: historical research (Кочевая цивилизация: исторические исследования). — 2021. — № 1 (1) — С. 66—78. — DOI: 10.53315/2782-3377-2021-1-1-66-78.

10. *Материалы* статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии : в 2 ч. — Астрахань, 1910. — Ч. 2. — 777 с.

11. *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса / П. И. Небольсин. — Санкт-Петербург : Типография Карла Крайя, 1852. — 192 с.

12. *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым / Н. А. Нефедьев. — Санкт-Петербург : Типография Карла Крайя, 1834. — 314 с.

13. *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением Калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин / Н. И. Страхов. — Санкт-Петербург : тип. Шнора, 1810. — 95 с.

14. *Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX — начало XX вв.) : историко-этнографические очерки / У. Э. Эрдниев. — Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1970. — 312 с.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023,
одобрена после рецензирования 04.05.2023,
подготовлена к публикации 08.06.2023.

Material resources

NA RK — *National Archive of the Republic of Kalmykia: Governance of the Kalmyk people.* (In Russ.).

NM RK — *N. N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia*. V. A. Khlebnikov Foundation. (In Russ.).

References

Badmaeva, E. N. (2006). *Kalmykia in the early 1920s: famine and overcoming its consequences*. Elista: NPP Dzhangar. 182 p. ISBN: 5-94587-174-X. (In Russ.).

Badmaeva, E. N. (2010). *Lower Volga region: experience and results of the implementation of state policy in the socio-economic sphere (1921—1933)*: monograph. Elista: NPP Dzhangar. 544 p. ISBN: 978-5-94587-430-5. (In Russ.).

Batyrov, V. V. (2016). *Essays on the history of traditional Kalmyk culture in the second half of the 19th century*. Elista: KIGI RAN. 226 p. ISBN: 978-5-903833-70-2. (In Russ.).

Bentkovskiy, I. V. (1868). Housing and food of the Kalmyks of the Bolshederbetovsky ulus. In: *Collection of statistical information about the Stavropol province*. Stavropol. Iss. I. P. 84. (In Russ.).

Byuler, F. A. (1846). Foreigners nomadic and settled in the Astrakhan province. Their history and real life. In: *Otechestvennye zapiski*. St. Petersburg: printing house I. Glazunov & K. Iss. 47 (2). 412 p. (In Russ.).

Erdniev, U. E. (1970). *Kalmyks (late 19th — early 20th centuries): historical and ethnographic essays*. Elista: Kalmyk book publishing house. 312 p. (In Russ.).

Kuksin, K. V., Gordeeva, Z. I. (2015). Traditional dwellings of nomadic peoples and their adaptation to landscape conditions (on the example of the yurts of the Mongols and Kazakhs). *Environment and Human: Ecological Studies, 1—2:* 39—44. (In Russ.).

Lidzhieva, I. V., Sodnomova, I. N. (2021). Stationary buildings on the territory of nomadic foreigners: construction of bailiffs (trustees). *Nomadic civilization: historical research, 1 (1):* 66—78. DOI: 10.53315/2782-3377-2021-1-1-66-78. (In Russ.).

Maksimov, K. N., Ochirova, N. G. et al. (eds.). (2009). *History of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 vol.* Elista: Gerel. (In Russ.).

Materials of the statistical-economic and natural-historical survey of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province. (1910). Astrakhan. Parts 2. 777 p. (In Russ.).

Nebolsin, P. I. (1852). *Essays on the life of the Kalmyks in the Khosheutovsky ulus.* St. Petersburg: printing house of Karl Kray. 192 p. (In Russ.).

Nefediev, N. A. (1834). *Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot by N. Nefediev*. St. Petersburg: printing house of Karl Kray. 314 p. (In Russ.).

Strakhov, N. I. (1810). *The current state of the Kalmyk people with the addition of Kalmyk laws and legal proceedings, ten rules of their faith, prayer, moralizing story, fairy tales, proverbs and songs Savardin*. St. Petersburg: Schnore printing house. 95 p. (In Russ.).

Zhitetskiy, I. A. (1991). *Essays on the life of the Astrakhan Kalmyks*. *Reprint edition.* Elista. 260 p. (In Russ.).

The article was submitted 02.03.2023;
approved after reviewing 04.05.2023;
accepted for publication 08.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бурнашева Н. И. Иностранные концессии в освоении природных богатств Северо-Востока РСФСР в 1920-е годы / Н. И. Бурнашева, И. И. Ковлеков // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 427—442. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-427-442.

Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I. (2023). Foreign Concessions in Developing Natural Resources of Northeastern RSFSR in 1920s. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 427-442. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-427-442. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-427-442

Иностранные концессии в освоении природных богатств Северо-Востока РСФСР в 1920-е годы

Бурнашева Наталия Ивановна [1]
orcid.org/0000-0002-7045-8717
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела истории и
арктических исследований
n_burnasheva@mail.ru

Ковлеков Иван Иванович [2] *
orcid.org/0000-0002-5121-8240
доктор технических наук, профессор
кафедры горного дела
** корреспондирующий автор*
Kovlekov@mail.ru

[1] Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН
(Якутск, Россия)

[2] Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Foreign Concessions in Developing Natural Resources of Northeastern RSFSR in 1920s

Natalia I. Burnasheva [1]
orcid.org/0000-0002-7045-8717
Doctor of History,
Leading Researcher,
Department of History
and Arctic Research
n_burnasheva@mail.ru

Ivan I. Kovlekov [2] *
orcid.org/0000-0002-5121-8240
Doctor of Technical Science, Professor
Departament of Mining
** Corresponding author*
Kovlekov@mail.ru

[1] The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

[2] M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

© Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс становления системы государственной концессионной политики СССР в 1920-е годы. Рассмотрены ее задачи и принципы, а также вопросы ее распространения на северо-восточные регионы советского государства. Природные богатства северо-восточных территорий России еще с дореволюционных времен привлекали внимание зарубежных концессионеров, которые основали здесь свою сеть торговых представительств по заготовке и вывозу из страны пушнины, мамонтовой кости, рыбы, разного рода сырья. Советским государством в 1920-е годы была проведена большая работа по подготовке и утверждению законодательных актов, регулирующих концессионную деятельность и направленных на усиление влияния на нее государства. Для решения поставленных задач были созданы специальные органы: отделения внешней торговли (внешторга), концессионные комиссии (концесскомы), плановые комиссии. Благодаря заключенным договорам между советским правительством и иностранными компаниями концессионная деятельность с середины 1920-х годов стала давать реальные практические результаты. Принципы, на которых она строилась, были призваны направить внешнеэкономические отношения на реконструкцию хозяйства страны. Сделан вывод о том, что в целом концессионная политика, которую проводила СССР в 1920-е годы, оправдала себя. Концессии оказали огромную роль в деле восстановления народного хозяйства после гражданской войны.

Ключевые слова:
концессионная политика; северо-восток СССР; история экономики; Якутская АССР; иностранные торговые фирмы; торговля пушниной; золотодобыча.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the establishment of the state concession policy in the USSR during the 1920s, focusing on its objectives and principles, as well as its expansion into the northeastern regions of the Soviet state. The natural resources of the northeastern territories of Russia had attracted the attention of foreign concessionaires since pre-revolutionary times, who established a network of trading representations for the procurement and export of furs, mammoth bones, fish, and various raw materials. In the 1920s, the Soviet state conducted significant work to prepare and approve legislative acts regulating concession activities and aimed at strengthening state influence over them. Special bodies were created to address these issues, including foreign trade departments (Vneshtorg), concession commissions (concesscom), and planning commissions. Through agreements between the Soviet government and foreign companies, concession activities began to yield practical results from the mid-1920s. The principles on which it was based aimed to direct foreign economic relations towards the reconstruction of the country's economy. Overall, it can be concluded that the concession policy pursued by the USSR in the 1920s proved successful, playing a significant role in the reconstruction of the national economy after the civil war.

Key words:
Concession policy; Northeastern USSR; economic history; Yakut ASSR; foreign trading companies; fur trade; gold mining.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:339.166.2(571.56+571.65)“192”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Иностранные концессии в освоении природных богатств Северо-Востока РСФСР в 1920-е годы

© Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И., 2023

1. Введение = Introduction

В восстановлении и развитии экономики страны на принципах новой экономической политики (НЭП) сыграли большую роль иностранные концессии. Сотрудничество советского государства с зарубежными концессионерами в сфере экономической деятельности в 1920-е годы активно распространилось на сферы торговли, сельскохозяйственного производства, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, связи и эксплуатации железных дорог. Для координации управления процессом реализации концессионной политики в 1923 году при правительстве СССР был образован специальный орган — Главный концессионный комитет (ГКК) при Совете народных комиссаров (СНК) СССР [Косых, 2021, с. 163]. В основу концессионной политики страны было положено требование к заключению договоров с иностранными концессионерами, в первую очередь, в тех отраслях народного хозяйства, которые не могли быть восстановлены собственными силами [Данильченко, 2016б, с. 10]. Вместе с тем экономическая политика СССР изначально настраивалась на принципы приоритетности капитальных вложений государства в реализацию задач поиска, разведки полезных ископаемых и их промышленной разработки. Следуя традициям, сложившимся в России еще в дореволюционное время, важное место в концессионной деятельности советского периода было отведено разработке месторождений полезных ископаемых, прежде всего нефти, золота, угольных, соляных и мн. др. Исходя из этого, в 1920-е годы одним из ведущих направлений решения данного вопроса являлось активное привлечение концессионного капитала в горнодобывающее производство. Декретом СНК РСФСР от 23 ноября 1920 года «Об общих экономических и юридических условиях концессий» был определен механизм привлечения к делу добычи и переработки природных богатств России иностранных государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий, акционерных обществ, кооперативов и рабочих организаций других государств [Решения …, 1967, с. 181—183].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В сегодняшних непростых для российской экономики условиях вопрос изучения исторического опыта концессионной деятельности в СССР не теряет своей актуальности и вызывает большой интерес исследователей. По мнению современных специалистов, концессионная политика советского государства выстраивалась на совершенно новых, по сравнению с дореволюционной Россией, основаниях и принципах. В соответствии с ними материальная и финансовая стороны концессионной деятельности далеко не всегда ставились на передний план. Концессии должны были способствовать поднятию хозяйства страны на новый технологический уровень развития. Основной вклад иностранных концессий в экономическое развитие Советской России должен был выражаться не в объемах инвестированного капитала, а в трансферте новейших технологий в советскую экономику [Данильченко, 2016а, с. 3]. В промышленном производстве концессионная политика открывала возможности инвестирования средств на восстановление предприятий горной, химической, металлообрабатывающей промышленности, в сельском хозяйстве — могла продемонстрировать примеры образцового ведения крупного производства. Помимо прямых концессий, одним из путей перевода технических знаний в экономику являлось привлечение к сотрудничеству западных инженеров и экспертов, а также организация стажировок советских инженеров и рабочих на иностранных заводах. Путем привлечения в страну твердой валюты концессионная деятельность оказывала существенное содействие пополнению бюджета в виде долевых отчислений от оборота, дополнительному насыщению внутреннего рынка, сокращению безработицы и улучшению платежного баланса [Данильченко, 2016в, с. 16—27]. К концу 1920-х годов концессии в целом выполнили возложенную на них роль источника первоначального капитала, необходимого для возобновления внешней торговли и восстановления народного хозяйства [Косых, 2017, с. 160].

Настоящая статья написана на основе документа «К записке о железной дороге Аляска-Сибирь с точки зрения отношений наших к Японии и Северо-Американским Соединенным штатам», хранящегося в фонде 1463 — «Коллекции отдельных документов личного происхождения (1849—1933)» Государственного архива Российской Федерации. Кроме этого, материалами для написания статьи послужили документы Национального архива Республики Саха (Якутия), в частности, из фондов 49 — Якутского губернского революционного комитета (1920—1923 годы), 174 — Якутского военно-революционного штаба Красной Армии (1919—1920 годы) и 286 — Якутского республиканского потребительского союза «Холбос»

(1918 — по настоящее время). В них отложились отчеты, сообщения, справки, протоколы заседаний и другие документы, содержащие сведения о торговле якутских купцов с иностранными фирмами в 1920-е годы. Методологической основой проведенного исследования послужил комплекс общенаучных и специально-научных методов, главными из которых являются историзм в подаче материала, объективность в его оценках и выводах. Их применение позволило отразить взаимообусловленность, взаимовлияние исторических процессов и явлений, охватить достаточно широкий круг источников и опубликованной литературы по теме.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности концессионной политики в восточных окраинах СССР

Особое значение концессионная политика советского государства в 1920-е годы имела для развития восточных регионов СССР. В силу малодоступности и отдаленности от центральных районов страны, общей экономической отсталости и, как следствие, развала хозяйства в годы гражданской войны районы Сибири и Дальнего Востока испытывали острую небходимость в финансовой и материальной поддержке. Поэтому одним из первых документов, утвержденных вскоре после принятия Декрета о концессиях (1920), явилось постановление СНК при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) о создании комиссии по разработке механизмов предоставления концессий в Сибири [Косых, 2021, с. 160]. Следующим шагом стала инициатива Главного Комитета по делам концессий при Госплане и Совете труда и обороны (СТО) (февраль 1922) по внесению предложения в Политбюро ЦК партии о необходимости урегулирования порядка ведения концессионных дел в автономных и независимых советских республиках [Косых, 2021, с. 162]. Наконец, с образованием ГКК при СНК СССР (1923) все вопросы по реализации концессионной политики государства как зарубежом, так и в работе с регионами сосредоточились в едином центре.

Природные богатства северо-восточных территорий России еще с дореволюционных времен привлекали внимание зарубежных концессионеров, которые основали здесь свою, довольно разветвленную, сеть торговых представительств по заготовке и вывозу из страны пушнины, мамонтовой кости, рыбы, разного рода сырья и материалов. Иностранные торговые фирмы нацеливались на установление долгосрочных деловых связей с местными купцами путем снабжения их товарами, авансирования и вложения средств в закупки, фактически за бесценок скупая у торговцев и населения ценные товары. В начале XX века иностранные фирмы (американ-

ские, японские, английские, немецкие, датские и др.) имели свои отделения и фактории в Якутске, на Охотском побережье и в Колымо-Чукотском крае. Так, в 1917 году в г. Якутске действовали представительства фирм «Гудзон-бей», «М. Вульфсон и К°», «Зингер и К°», «Братья Циммерман» и другие. Здесь же имелись отделения, связанные с восточным рынком амурских и сибирских торговых домов «Коковина и Басова», «Рылова и Лесникова», «Наследников А. И. Громовой». Значительные вклады в отделении Русско-Азиатского банка в г. Якутске числились у немецких предпринимателей. В свою очередь, российские купцы на полученные от сотрудничества с иностранными торговыми фирмами крупные прибыли создавали торговые дома, связанные с заграничным рынком, имели за рубежом своих доверенных лиц, открывали торговые представительства в Америке, Японии, Китае. С иностранными торговыми фирмами были связаны, например, якутские купеческие фирмы Г. Никифорова, П. Кушнарева и других [Чемезов, 1956, с. 39—40].

Из наиболее крупных концессионных проектов на востоке России, широко обсуждавшихся и получивших известность в начале XX века, является предложенный в 1903 году царскому правительству план Лойк-де-Лобеля по строительству железной дороги Аляска-Сибирь. Согласно плану предполагалось строительство дороги протяженностью в 5000 верст и стоимостью в 470 млн руб. по направлению Иркутск — Якутск — Верхний Колымск — Мыс Дежнева — туннель в 28 верст под Беринговым проливом, о-в Диомеда, туннель под американскими водами до Мыса Принца Валийского, далее по Аляске до Клондайкских золотых копей [ГАРФ, ф. 1463, оп. 4, д. 16, л. 1]. Путь от Берингова пролива должен был пройти через Верхне-Колымск и Якутск до Сибирской магистрали в районе г. Канска. В целях беспрепятственной эксплуатации дороги в течение последующих 90 лет в пределах отвода территории по всей протяженности проектируемой дороги требовалось отчуждение 24-верстной полосы, а также недр и поверхности земли. Будучи уверенной в положительном итоге переговоров, не дожидаясь окончательного решения царского правительства, американская сторона для ведения подготовительных работ образовала акционерное общество с капиталом в 6 млн долларов [Чемезов, 1956, с. 39—40]. В России в ходе обсуждения проекта Лойк-де-Лобеля высказывались различные мнения. Суть части из них сводилась к следующему: «сделать северо-американцев фактически нашими союзниками следует и можно, связав их интересы с нашими, а для сего надо привлечь их капиталы на служение нашей Родины, с соблюдением американских интересов (привлекать их к нашим предприятиям в России), но зорко оберегая и наши собственные интересы» [ГАРФ, ф. 1463, оп. 4, д. 16, л. 1 об.]. После тща-

тельной проработки вопроса правительственная комиссия под председательством директора Департамента железнодорожных дел Циглера отклонила проект г-на Лойк де Лобеля, представителя американского синдиката «Транс-Аляска-Сибирская ж.д. », ввиду «опасности политической и малой его экономической выгодности» [Там же, л. 1].

В годы революционных событий и последующей гражданской войны активность торговых фирм, действовавших на российской территории и нацеленных на скупку и вывоз природных богатств из страны, только увеличивалась. Летом 1920 года Гижигу и Наяхан посетили 10 иностранных судов вместо ранее прибывавших 3—4-х; в Олу вместо 3-х судов прибыло 13; в Тауйское — вместо 3-х — 8 судов; в Ямское — вместо 3-х — 9 судов и т. д. [Чемезов, 1956, с. 42]. Необходимость принятия мер противодействия засилью иностранного капитала неоднократно становилась предметом обсуждения административной коллегии Иркутской конторы Центросоюза, на которую в начале 1920-х годов возлагались вопросы урегулирования торговли с иностранными компаниями. Так, на заседании коллегии от 29 апреля 1920 года, заслушавшей доклад заведующего пушным отделом, было принято решение о признании жизненной необходимостью снаряжение своей Северной экспедиции с целью приобретения и вывоза якутской пушнины. Неожиданным для присутствовавших стало предложение представителя американской фирмы «Вульфсон и К°», с которым он обратился к руководству дорожного отдела Ленско-Байкальского областного Управления водных и дорожных путей сообщения. Речь шла об услугах его компании по финансированию строительства дороги между портом Аян и пристанью Нелькан. Расчет за товары, ввозимые в область фирмой «Вульфсон и К°», предлагалось производить в валютном эквиваленте стоимости перевозимой по этой дороге якутской пушнины [НА РС (Я), ф. 286, оп. 16, д. 156, л. 15 об.].

Тем временем в отсутствие каких-либо возможностей для вывоза пушнины на рынки сбыта местные власти были вынуждены выдавать официальные разрешения представителям иностранных фирм на скупку пушнины. Например, в августе 1920 года на основе решения Якутского губревкома впредь до получения указаний из центра Колымский уездный ревком выдал за подписями заведующего хозяйственной частью Колымского района и заведующего милицией разрешительные удостоверения иностранным гражданам. Согласно выданным удостоверениям, не подлежали арестам и реквизициям все имущество и все сделки, заключенные в Колымском уезде представителями американской частной фирмы «Аляско-Сибирская пушная компания» («Alaska-Sibirian fur C°») из Сан-Франциско во главе с капитаном Сигуром Кристианом Губмундсоном, прибывшим в Колым-

ский уезд на шхуне «Полярный медведь», а также американским подданным Арнольдом Кастеллем — капитаном шхуны «Белинда» [НА РС (Я), ф. 174, оп. 1, д. 27, л. 286].

Государственным органам взять инициативу в свои руки и начать процесс упорядочения торговли с иностранными торговыми фирмами удалось лишь с введения полного запрета на все товарообменные операции с заграничными предпринимателями. Так, на основании телеграммы из Омска от Сибвнешторга Якутский губревком постановлением от 5 января 1921 года категорически запретил на территории Якутии осуществление какого-либо товарообмена с иностранными торговыми фирмами. Это повлекло за собой и отмену постановления губревкома от 27 декабря 1920 года, разрешающего райпродкому и его органам закупать медикаменты в обмен на пушнину. Кроме этого, в изменение и дополнение ранее принятого постановления губревкома американским подданным, приехавшим в Колымский уезд на шхунах «Полярный медведь» и «Белинда», иностранным гражданам Губмундсону и Кастелль было предложено возвратить всю пушнину, выменянную ими в пределах Якутской губернии на товары, с обязательством сдать пушнину Колымскому уревкому. В компенсацию за ранее проведенные обменные товарные операции американцам было предложено предоставить счета для оплаты полученных товаров деньгами [НА РС (Я), ф. 49, оп. 1, д. 124, л. 13 об.].

Принятые меры способствовали постепенному урегулированию вопросов борьбы со стихийной, неконтролируемой торговлей природными богатствами с иностранцами. К концу августа 1921 года удалось несколько упорядочить учет фирм, агентов, судов, ведущих товарообмен на севере Якутской области и Охотском побережье. Среди предпринимателей, ведущих торговые операции с пушниной и рыбой, появились местные российские и совместные русско-иностранные фирмы. По состоянию на лето 1921 года, наиболее крупные торговые операции проводились тремя шхунами: «Лиман» Русско-Азиатской К°, «Пенжина» Демба, Данич и К°, «Рассвет», а также пароходом «Тунгус» Демба, Данич и К°. Официально разрешенную торговлю проводили пять фирм: «И. Ф. Соловей и К°» (рыбно-зверопромышленная), «Братья Даушевы» (скупка золота и пушнины), «Хаббарт» Свенсен и К° (американская фирма), «Сецен Тук» (китайская фирма), «Охотско-Камчатская сельди» (русская фирма, финансируемая американской фирмой Свенсен и К°) [НА РС (Я), ф. 49, оп. 1, д. 169, л. 18]. В ноябре 1921 года представитель Якутского губревкома информировал Иркутское отделение Центросоюза о состоянии торговли пушниной на побережье Охотского моря: «По побережью скупкой пушнины занимаются исключительно частные фирмы, иностранцев зимой нет. Они приезжают

летом на шхунах и пароходах. Летом пушнину скупают японские рыбаки исключительно на спирт, которым заполнено все побережье. Торговля здесь ведется только на золотую валюту, обмен на товары — на спирт. Белку покупают за 50 коп., лисицу красную — от 10 до 25 руб., горностай — 1 руб. Из частных фирм крупно работает Иван Соловей, имеющий свои склады, лавки во всех пунктах. Кооперативных ячеек нет» [НА РС (Я), ф. 286, оп. 16, д. 285, л. 1].

В урегулировании торговли с иностранными фирмами в период НЭП важную роль сыграло выстраивание надежной структуры управления процессами не только в центре, но и на местах. Одним из первых шагов в данном направлении являлась попытка внедрить в стране государственную систему управления Внешторга. Для этого Сибирским отделением Внешторга осенью 1921 года на места было разослано рекомендательное письмо об учреждении в губерниях и областях региона сети технических инспекций Сибвнешторга. Рекомендация получила поддержку местных органов власти, которые высказывали и свои инициативы. Так, учитывая важность и жизненную необходимость оперативного решения вопросов, связанных с торговыми операциями с иностранными фирмами, Якутское губернское экономическое совещание выступило с инициативой создания не просто техинспекции, а Якутского отделения Внешторга [НА РС (Я), ф. 49, оп. 1, д. 213, л. 7; д. 126, л. 66]. Вместе с тем более эффективной для регулирования вопросов внешней торговли в восточных регионах оказалась система управления через концессионные комисии. В декабре 1922 года с целью регламентации концессионного дела на Дальнем Востоке при Дальревкоме был образован концессионный комитет, преобразованный весной 1923 года в Дальневосточную Концессионную Комиссию (Дальконцесском). Данный орган не обладал самостоятельностью в принятии решений, выступая в ходе рассмотрения и утверждения концессионных договоров в качестве промежуточного звена для связи с правительством СССР [Кошкарева, 2012, с. 17]. В июне 1923 года права на разработку планов и принципов концессионной политики в отношении подведомственных ему предприятий на представление концессионных инициатив, ведение предварительных переговоров на основе директив Главконцесскома, надзорные полномочия за выполнением условий договоров и разрешение текущих дел Главконцесскомом были предоставлены Дальневосточному промбюро [Там же, с. 18].

С переходом к плановой экономике решение многих вопросов обоснования и выбора оптимальных методов работы с зарубежными странами в сфере торговли и промышленности было передано Госплану СССР. Первоначально вневедомственным концессионным органом был опреде-

лен Концессионный Комитет при Госплане, через который должны были проходить все предложения о концессиях и выноситься на утверждение СНК. Председателем Концессионного комитета был назначен председатель Госплана Г. М. Кржижановский. В апреле 1922 года Концессионный Комитет при Госплане и Комиссия по смешанным обществам при Совете труда и обороны (СТО) были объединены в Главный Комитет по делам о концессиях и акционерных обществах при СТО под председательством А. М. Лежавы [Косых, 2021, с. 160—161]. Комитет занялся разработкой основных направлений и принципов концессионной политики страны в условиях плановой экономики.

В своей деятельности Госплан СССР большое внимание отводил разработке принципов концессионной политики по отношению к отдаленным северо-восточным территориям страны. По мнению плановых органов, наиболее общим и характерным явлением для всех районов Северо-Востока Азии являлось существование гигантской диспропорции между величиной территории, обилием и разнообразием природных ресурсов, с одной стороны, и малонаселенностью, а также ничтожностью размеров основного капитала, накопленного в прошлом, — с другой. Исходя из этого, при принятии решений о сдаче объектов в иностранную концессию Госплан СССР руководствовался требованием, согласно которому предпочтение следовало отдавать тем начинаниям, которые могли способствовать развитию производительных сил мало освоенных районов страны. Прежде всего вкладывать концессии планировалось: 1) туда, где концессионер смог бы поднять нетронутые недра, недоступные государственным организациям, 2) в ту часть промышленности, которую не в состоянии осилить пока государственный капитал, 3) туда, где иностранный капитал может породить выгодную для государства конкуренцию [Родионов, 1927, с. 9—11].

3.2. Концессионная деятельность на терриории Якутской АССР

В условиях 1920-х годов развитие производительных сил и реконструкция хозяйства северо-востока СССР были практически неосуществимы без привлечения капиталов извне. Концессионная форма вложения иностранных инвестиций в отечественную экономику получила особое распространение на Дальнем Востоке, где государство ставило перед собой задачу освоения природных богатств; создания здесь собственной производственно-технической базы; решения проблем подготовки и повышения квалификации кадров для промышленности. Главными объектами концессионирования на Дальнем Востоке являлись природные богатства (леса, полезные ископаемые, рыбные ресурсы, пушнина и т. д.) [Кошкарева,

2012, с. 15—18]. В отличие от районов Дальнего Востока, к началу 1920-х годов Якутия, несмотря на богатство природных ресурсов, не привлекала большого внимания со стороны иностранных инвесторов. Причины этого лежали в ее отдаленности от центра страны, разрушенности традиционных торговых путей и связей, экономической изолированности от рынков сбыта и заготовок, небольшой численности народонаселения. И только со времени образования Якутской АССР (1922) и постановки задачи поднятия ее экономики на основе развития золотопромышленности республика встала перед острой необходимостью привлечения иностранного концессионного капитала [Аммосов, 1927, с. 3, 4, 8]. Республика ориентировалась на разработку месторождений полезных ископаемых и создание вокруг них крупных индустриальных центров с развитой транспортной, продовольственной и социальной инфраструктурой [Бурнашева и др., 2021, с. 338—339]. В связи с этим Плановая комиссия, созданная в 1924 году при якутском правительстве, приступила к разработке подходов к осуществлению концессионной политики в условиях Якутии, которая должна была стать частью общего хозяйственного плана страны.

По степени доступности и значению для народного хозяйства природные богатства, которыми обладала Якутия, условно были подразделены на пять групп: 1) пушные богатства, 2) полезные ископаемые, находящиеся в более или менее заселенных районах, 3) горные, земельные богатства в отдаленных, пустынных районах, 4) лесные и земельные площади для рыбопромышленности и некоторые виды обрабатывающей промышленности, 5) транспортные концессии на пионерские дороги [Родионов, 1927, с. 10—11]. Из всего обилия природных богатств наиболее притягательными центрами, через которые должны были «вливаться в экономику Якутии новые капиталы», якутским правительством были определены золото и пушнина [Аммосов, 1926, с. 48—50]. В связи с выбором такого направления для вложения средств на территории Якутии и стала распространяться деятельность концессионных предприятий, заинтересованных в пушнине и золоте.

В первую очередь это РАСО — Российско-Английское сырьевое Акционерное общество, созданное в Москве в конце 1923 года. Акционерами РАСО являлись на 50 % — Внешторг, на 50 % — Аркос (Кооперативная Русско-Английская фирма) [Хозяйство …, 1927, с. 175]. На территории Якутии общество осуществляло скупку пушнины и сырья всех видов как за наличный расчет, так и по товарообмену. К 1925 году агентуры и фактории РАСО развернули активную деятельность во всех крупных пушно-сырьевых районах Якутского, Вилюйского, Верхоянского, Олекминского и Ленского округов ЯАССР. Для скупки пушнины и сырья общество за-

возило в республику разнообразный ассортимент товаров по ценам значительно ниже рыночных [Хозяйство …, 1925, с. 147]. В итоге деятельность РАСО в Якутии являлась довольно успешной. С каждым годом объем экспорта пушнины через РАСО увеличивался. Так, если в 1923—1924 хозяйственном году было экспортировано пушнины на 152 343 руб. (7,2 % всей экспортируемой из Якутии пушнины), то в следующем 1924—1925 хоз. году — на 695 138 руб. (37,5 %), что составило 44,27 % всей заготовленной в этом году пушнины в республике [Автономная Якутия …, 1926, с. 15].

В 1925—1931 годах в соответствии с решением Правительства СССР Якутия вошла в сферу деятельности английской фирмы «Лена-Голдфилдс-Лимитед». Данная фирма была основана еще в 1908 году и действовала под названием «Лена Голдфилдс» в верховьях р. Лены в составе английской компании «Русская горнопромышленная корпорация», которой до революции принадлежали знаменитые золотые Ленские прииски [Золото …, 2002, с. 161]. После революции добыча золота компанией прекратилась, обрудование пришло в упадок, но в период НЭП уже под новым названием — «Лена-Голдфилдс-Лимитед» — она добилась получения в концессию Ленских приисков [Муравьева, 2002, с. 65—66]. Согласно концессионному договору «Лена-Голдфилдс-Лимитед» получила права на разработку Чиатурских залежей марганца, на добычу золота и других полезных ископаемых сроком на 30 лет. В историю концессионной деятельности СССР компания «Лена-Голдфилдс» вошла как самая крупная концессия, в которую был вложен иностранный капитал на 13 млн руб. [Юзвович, 2012, с. 72]. В 1925—1926 году добыча золота английской концессией «Лена-Голдфилдс-Лимитед» составляла 30 % к общей его добыче в СССР [Косых, 2017, с. 160]. На территории Якутии компания вела заготовительную деятельность по закупке различные товаров и продовольствия для снабжения населения своих приисков. Например, в 1927 году Якутским представительством концессионного общества «Лена-Голдфилдс-Лимитед» была подана заявка в Наркомат торговли ЯАССР на получение разрешения на заготовку на территории Якутии 37 800 пудов убойного мяса и живого скота. В обмен на мясо и рыбу компания предлагала также якутянам хлопчатобумажную мануфактуру и другие товары [Хозяйство …, 1927, с. 182].

4. Заключение = Conclusions

Разработанная советским государством концессионная политика в 1920-е годы внесла существенный вклад в решение задач подъема и развития экономики СССР. Принципы, на которых она строилась, были призваны направить внешнеэкономические отношения на реконструкцию хо-

зяйства страны. Концессии оказали значительную роль в восстановлении хозяйства СССР после гражданской войны, сыграли особую роль в развитии экономики северо-восточных территорий. Особым условием, с учетом которого проводилась концессионная деятельность СССР, являлось стремление не просто достичь финансовой выгоды, а осуществить преобразования в интересах развития всего народного хозяйства, сделав упор при этом на первоочередное развитие наиболее отсталых и отдаленных окраин страны. Вложение иностранного капитала в восстановление деятельности горнодобывающих предприятий, в строительство дорог, в открытие новых производств по разработке месторождений полезных ископаемых способствовало не только промышленному освоению новых территорий, но и внедрению в производство новых технологических процессов. Рост промышленного производства открыл возможности для развития сельского хозяйства, появления новых обрабатывающих отраслей экономики, создания рабочих мест в отдаленных и труднодоступных районах страны, повышения трудящимися профессионального, общего образовательного и культурного уровня.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 1463 — (Коллекции отдельных документов личного происхождения (1849—1933). Оп. 4. Д. 16. Л. 1, 1 об.

2. НА РС (Я) — *Национальный* архив Республики Саха (Якутия). Ф. 49 (Якутский губернский революционный комитет (1920—1923 гг.). Оп. 1. Д. 124. Л. 13 об. ; Д. 126. Л. 66 ; Д. 169. Л. 18 ; Д. 213. Л. 7 ; Ф. 174 (Якутский военно-революционный штаб Красной Армии (1919—1920 гг.). Оп. 1. Д. 27. Л. 286 ; Ф. 286 (Якутский республиканский потребительский союз «Холбос» (1918 — по настоящее время). Оп. 16. Д. 156. Л. 15 об. ; Д. 285. Л. 1.

Литература

1. *Автономная* Якутия. 1924—1925 : отчеты и обзоры к 4 Всеякутскому съезду Советов. — Якутск : Издание Госплана ЯАССР, 1926. — 308 с.

2. *Аммосов М. К.* Наши пути / М. К. Аммосов // Хозяйство Якутии : двухмесячный общественно-экономический и краеведческий журнал. — 1927. — № 1 (январь-февраль). — С. 3—8.

3. *Аммосов М. К.* Якутия как золотопромышленная Республика (к проблемам индустриализации и специализации экономических районов СССР) / М. К. Аммосов // Хозяйство Якутии : двухмесячный общественно- экономический и краеведческий

журнал / ЯАССР, Гос. плановая комис. — Якутск : Государственная типография, 1926. — № 6 (август-декабрь). — С. 27—50.

4. *Бурнашева Н. И.* Государственное управление горной отраслью промышленности Якутии в 1920-е годы : принципы и приоритеты развития / Н. И. Бурнашева, И. И. Ковлеков // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 332—346. — DOI: 10.24224/22271295-2021-6-332-346.

5. *Данильченко С. Л.* Вклад иностранных инвестиций в экономическую модернизацию СССР (1920—1930-е гг.) / С. Л. Данильченко // III Смирновские чтения : сборник трудов конференции. — 2016а. — С. 171—196.

6. *Данильченко С. Л.* Зарубежные инвестиции в большевистскую экономику : проекты и итоги / С. Л. Данильченко // Актуальные направления научных исследований : от теории к практике. — 2016б. — № 1 (7). — С. 53—60.

7. *Данильченко С. Л.* Концессионная политика СНК СССР : анализ экономической эффективности / С. Л. Данильченко // Экономика и управление : проблемы, тенденции, перспективы развития: сборник трудов конференции. — 2016в. — С. 16—27.

8. *Золото* России : художественное историко-публистистическое издание. — Москва : Экос, 2002. — 722 с. — ISBN 5-900-965-29-5.

9. *Косых Е. С.* Концессионные формы деятельности иностранного капитала в советской экономике 1920-х гг. / Е. С. Косых // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2017. — № 11. — С. 158—160.

10. *Косых Е. С.* Становление системы советских концессионных учреждений в 20-х гг. XX в. / Е. С. Косых // Государственный аппарат управления в империи Романовых : эффективность деятельности властных структур и бюрократии. — Сб. трудов конф. — Уфа : Уфимский ФИЦ РАН, 2021. — С. 160—164. — ISBN 978-5-91608-197-8.

11. *Кошкарева С. Г.* Советская концессионная политика на Дальнем Востоке страны (1920—1930-е гг.) / Г. С. Кошкарева // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». — 2012. — № 1 (19). — С. 15—23.

12. *Муравьева Л. А.* Торговля и иностранный капитал в экономике СССР в 1920-е гг. / Л. А. Муравьева // Финансы и кредит. — 2002. — № 16 (106). — С. 63—71.

13. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 томах. : сборник документов за 50 лет : 1917—1928 гг. — Москва : Политиздат, 1967. — Т. 1. — 780 с.

14. *Родионов Н. Н.* Предпосылки к составлению концессионного плана ЯАССР / Н. Н. Родионов // Хозяйство Якутии: двухмесячный общественно- экономический и краеведческий журнал ; ЯАССР, Гос. плановая комис. / под. ред. М. К. Аммосова, Н. Н. Захаренко и Г. Г. Колесова. — Якутск : Государственная типография, 1925—1928. — 1927. — № 1, январь-февраль. — С. 9—20.

15. *Хозяйство* Якутии : двухмесячный общественно- экономический и краеведческий журнал ; ЯАССР, Гос. плановая комис. / под. ред. М. К. Аммосова, Н. Н. Захаренко и Г. Г. Колесова. — Якутск : Государственная типография, 1925—1928. — 1925. — № 1.

16. *Хозяйство* Якутии : двухмесячный общественно- экономический и краеведческий журнал ; ЯАССР, Гос. плановая комис. / под. ред. М. К. Аммосова, Н. Н. Захаренко и Г. Г. Колесова. — Якутск : Государственная типография, 1925—1928. — 1927. — № 2—3 (декабрь-январь, февраль-март).

17. *Чемезов В. Н.* Провал экономической диверсии иностранных хищников на Северо-Востоке в 1921—1925 годах / В. Н. Чемезов // По ленинскому пути : журнал ОК КПСС. — 1956. — № 8. — С. 39—47.

18. *Юзвович Л. И.* Иностранный концессионный капитал в период новой экономической политики / Л. И. Юзвович // Финансы и кредит. — 2012. — № 45 (525). — С. 71—76.

Статья поступила в редакцию 30.04.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 25.06.2023.

Material resources

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. 1463 — (Collections of individual documents of personal origin (1849—1933). Op. 4. d. 16. l. 1, 1 vol.* (In Russ.).

ON RS (I). F. 286 (Yakut Republican Consumer Union “Holbos” (1918 — present). Op. 16. d. 156. l. 15 vol.; d. 285. l. 1. (In Russ.).

ON RS (Ya) — *F. 174 (Yakut military revolutionary headquarters of the Red Army (1919—1920). Op. 1. d. 27. L. 286.* (In Russ.).

ON the RS (Ya) — *The National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). F. 49 (Yakut Provincial Revolutionary Committee (1920—1923). Op. 1. d. 124. l. 13 vol.; d. 126. L. 66; d. 169. l. 18; d. 213. L. 7.* (In Russ.).

References

Ammosov, M. K. (1927). Our ways. *The economy of Yakutia: a bi-monthly socio-economic and local history journal, 1 (January-February):* 3—8. (In Russ.).

Ammosov, M. K. (1926). Yakutia as a gold-mining Republic (on the problems of industrialization and specialization of the economic regions of the USSR). In: *The Economy of Yakutia: a bi—monthly socio-economic and local history journal, 6 (August-December).* Yakutsk: State Printing House. 27—50. (In Russ.).

Autonomous Yakutia. 1924—1925: reports and reviews for the 4th All-Yakut Congress of Soviets. (1926). Yakutsk: Publishing House of the State Planning Committee of the Russian Academy of Sciences. 308 p. (In Russ.).

Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I. (2021). State Management of Mining Industry of Yakutia in 1920s: Principles and Development Priorities. *Nauchnyi dialog, 6:* 332—346. https://doi.org/10.24224/22271295-2021-6-332-346 (In Russ.).

Chemezov, V. N. (1956). The failure of the economic sabotage of foreign predators in the North-East in 1921—1925. *Along the Leninist path: journal of the OK CPSU, 8:* 39—47. (In Russ.).

Danilchenko, S. L. (2016a). The contribution of foreign investments to the economic modernization of the USSR (1920—1930s). *III Smirnov Readings: Proceedings of the conference.* 171—196. (In Russ.).

Danilchenko, S. L. (2016b). Foreign investments in the Bolshevik economy: projects and results. *Current directions of scientific research: from theory to practi, 1* (7): 53—60. (In Russ.).

Danilchenko, S. L. (2016c). Concession policy of the SNK of the USSR: analysis of economic efficiency. *Economics and management: problems, trends, development prospects: Proceedings of the Conference.* 16—27. (In Russ.).

Decisions of the Party and governments on economic issues. In 5 vols.: Sat. doc. for 50 years. 1917—1928, 1. (1967). Moscow: Politizdat. 780 p. (In Russ.).

Gold of Russia. Art historical and publicistic publication. (2002). Moscow: Ekos. 722 p. ISBN 5-900-965-29-5. (In Russ.).

Koshkareva, S. G. (2012). Soviet concession policy in the Far East of the country (1920—1930s). Herald of KRAUNTS. The series "Humanities", 1 (19): 15—23. (In Russ.).

Kosykh, E. S. (2017). Concessionary forms of foreign capital activity in the Soviet economy of the 1920s. *Actual problems of humanities and socio-economic sciences, 11:* 158—160. (In Russ.).

Kosykh, E. S. (2021). The formation of the system of Soviet concession institutions in the 20s of the twentieth century. In: *The state apparatus of management in the Romanov Empire: the effectiveness of the activities of power structures and bureaucracy.* Proceedings of the conference. Ufa: Ufa FITZ RAS. 160—164. ISBN 978-5-91608-197-8. (In Russ.).

Muravyeva, L. A. (2002). Trade and foreign capital in the USSR economy in the 1920s. *Finance and credit, 16 (106):* 63—71. (In Russ.).

Rodionov, N. N. (1927). Prerequisites for drawing up a concession plan of the YAASSR. In: *Economy of Yakutia: a two-month socio-economic and local history journal; YAASSR, State Planning Commission, 1.* Yakutsk: State Printing House. 9—20. (In Russ.).

The economy of Yakutia: a bi-monthly socio-economic and local history journal; YAASSR, State Planning Commission, 2—3. (1927). Yakutsk: State Printing House. (In Russ.).

The economy of Yakutia: a bi-monthly socio-economic and local history journal; YAASSR, State Planning Commission, 1. (1925). Yakutsk: State Printing House. (In Russ.).

Yuzvovich, L. I. (2012). Foreign concession capital in the period of the new economic policy. *Finance and credit, 45 (525):* 71—76. (In Russ.).

The article was submitted 30.04.2023;
approved after reviewing 14.06.2023;
accepted for publication 25.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Капсалыкова К. Р. «Поединки с чудовищами» в византийской полемологической традиции X—XIV веков / К. Р. Капсалыкова, А. Г. Нестеров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 443—461. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-443-461.

Kapsalykova, K. R., Nesterov, A. G. (2023). Monster Duels in Byzantine Polemological Tradition of X-XIV Centuries. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 443-461. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-443-461. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-443-461

«Поединки с чудовищами» в византийской полемологической традиции X—XIV веков

Капсалыкова Карина Рамазановна
orcid.org/0000-0003-4163-5099
кандидат исторических наук, доцент
кафедры зарубежного регионоведения
k.r.kapsalykova@urfu.ru

Нестеров Александр Геннадьевич
orcid.org/0000-0002-3349-6204
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой
зарубежного регионоведения
Alexander.Nesterov@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
№ 22-28-01455,
https://rscf.ru/project/22-28-01455/

Monster Duels in Byzantine Polemological Tradition of X-XIV Centuries

Karina R. Kapsalykova
orcid.org/0000-0003-4163-5099
PhD in History, Associate Professor,
Department of Foreign Region Studies
k.r.kapsalykova@urfu.ru

Aleksandr G. Nesterov
orcid.org/0000-0002-3349-6204
Doctor of History, Head of Department
of Foreign Region Studies
Alexander.Nesterov@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number
№ 22-28-01455,
https://rscf.ru/project/22-28-01455/

© Капсалыкова К. Р., Нестеров А. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена распространенному сюжету византийской литературы. Особое внимание уделяется описаниям поединков воинов с чудовищами. По мнению авторов, характерным для византийской и, отчасти, западноевропейской полемологической традиции X—XIV веков является переработка восходящих к античной мифологии рассказов об охоте на крупных хищников. Авторы исходят из того, что идеи рационального ведения войны пронизывали не только строгие военные руководства, но и житийную литературу, исторические хроники, героический эпос и другой нарратив. Именно поэтому в центре исследования оказывается инкорпорация архетипического сюжета «борьба с чудовищем» в полемологические установления. Авторы доказывают, что древним сюжетам поединков не было места в строгих порядках реальных действий регулярных армий. В статье вводятся в научный оборот материалы личного фонда М. Я. Сюзюмова. Привлекаются данные сфрагистики. В статье показано, что в средневековых текстах такая кратковременная, но напряженная схватка между двумя противниками трактуется не только как развлечение или наставление, но и в философском смысле как воплощение извечного противостояния добра и зла.

Ключевые слова:
Византия; поединки с чудовищами; историография; Никифор Уран; полемология; дракон; сфрагистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to a common theme in Byzantine literature, with a particular focus on descriptions of battles between warriors and monsters. According to the authors, the reworking of stories about hunting large predators from ancient mythology is characteristic of the Byzantine and partially Western European military traditions from the 10th to 14th centuries. The authors argue that the ideas of rational warfare permeated not only strict military manuals but also hagiographical literature, historical chronicles, heroic epics, and other narratives. Therefore, the incorporation of the archetypal plot of ‘fighting monsters’ into military settings is at the center of this study. The authors demonstrate that ancient battle stories had no place in the strict orders of real actions by regular armies. The article introduces materials from M. Y. Suzyumov’s personal archive into scientific circulation and draws on sigillography data. The article shows that in medieval texts, such short but intense clashes between two opponents are interpreted not only as entertainment or instruction but also in a philosophical sense as an embodiment of the eternal struggle between good and evil.

Key words:
Byzantium; monster duels; historiography; Nikephoros Ouranos; polemology; dragon; sigillography.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(37)+82-343+398.221“9/13”

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

«Поединки с чудовищами» в византийской полемологической традиции X—XIV веков

© Капсалыкова К. Р., Нестеров А. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Византийская военная доктрина постулировала все войны, которые вела империя, законными и справедливыми. Империя упорядочивала пространство, использовала великое римское наследие — гражданское право, устанавливала иерархическую систему управления и, таким образом, не допускала произвола отдельных должностных или частных лиц [Мохов и др., 2019, с. 84—85].

Одним из важнейших положений византийской полемологической традиции являлась идея о том, что война призвана способствовать установлению справедливости и не должна превращаться в бессмысленное кровопролитие [Leonis VI Tactica, 2.25—4.27]. Данная стратагема, как и многие другие, была унаследована из античной традиции [Onas. Strat., 390—392; 4.1—5], в которой завершение войны и достижение справедливого мира означало торжество порядка над хаосом, закона над произволом и, в конечном счете, жизни над смертью, см. «Одиссею» (Od, 4.445—447; 11.632—640).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

XIX столетие с его грандиозными издательскими проектами, обширными каталогами и энциклопедиями обещало стать «золотым веком византинистики» и не обмануло ожиданий. Публикация огромного массива источников — от агиографии к историческим хроникам и до поэтических произведений, а также рост числа этнографических наблюдений привели к лавине работ, посвященных повседневной истории. Историография интересовалась базарной суетой древних городов, тишиной монастырей [Talbot-Rice, 1967], но никогда не обращала внимания на быт «христолюбивого воинства». Подлинной энциклопедией римской и византийской жизни стали комментарии М. Я. Сюзюмова к «Византийской книге эпарха» [Византийская книга…, 1962].

Наиболее часто сюжет борьбы порядка и хаоса представлен в агиографических текстах как противостояние святого воина и чудовища [Ры-

стенко, 1909, с. 312—315]. Важнейший литературный процесс — борьбы античной традиции и христианской схоластики — известный советский историк М. Я. Сюзюмов определил так: «Новое рождалось из отрицания старого и вызывало мысль к новому, что «вместо», произошла обработка языческих мифов в христианском духе, собственно, это не агиография, а особый род новелл религиозного содержания» [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 281, л. 59]. Все мартирии (тип житийной церковной литературы с описанием жизни христианских мучеников) подвергались неоднократной редактуре, особенно сильным было влияние Симеона Метафраста, который стремился придать им стройность и строгость.

Одним из наиболее известных житийных текстов, содержащих сцену борьбы воина и дракона, является «Житие и мученичество св. Феодора Тирона» (Μαρτύριον τοῦ ἁγίου Θεοδώρου; *BHG* 1762m) [Halkin, 1962, p. 308—324]. Это агиографическое сочинение было написано около 1005 года магистром Никифором Ураном, византийским военачальником и государственным деятелем периода правления императора Василия II (976—1025).

В IX—X веке в Византии складывался эпос. Народное творчество создало типы героев, охраняющих границы империи от арабов. Героями эпоса стали идеализированные деятели византийской истории (*e. g.,* Андроник и Константин Дука). Византийский богатырь изображался как защитник народа в подлинно византийском духе и как защитник государства — в римской традиции. В противоречие с эпосом вступает «Стратегикон» Кекавмена. В этом гимне бесправия провинциальных византийских землевладельцев победа над чудовищами и вообще силами зла трактуется как нечто принципиально невозможное [Кекавмен, 2003].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Идеи рационального ведения войны пронизывали как строгие военные руководства, так и житийную литературу, исторические хроники, героический эпос и другой нарратив. Именно поэтому в центре нашего исследования оказывается не сам «переход от мрака к свету» или «космологическая борьба с чудовищем» [Watkins, 1995, p. 321—492], а собственно инкорпорация этого архетипического сюжета в полемологические установления.

3.1. Пилум Феодора Тирона

Никифор Уран, автор «Жития и мученичества св. Феодора Тирона», кратко описал события, ставшие причиной поединка. Чудовище обосновалось в окрестностях Амасии, а затем, пользуясь полнейшей безнаказанностью и попустительством властей, стало нападать на местных жителей, приходивших к некому чудодейственному источнику [Halkin, 1962, p. 316;

Мелетинский, 1995, с. 209]. Молодой воин Феодор решил избавить беззащитных людей от этой напасти. Перед поединком он произнес страстную речь, обращенную к единственному слушателю — родственнице императора Евсевии, которая была отправлена в ссылку в Амасию за приверженность христианской вере. Феодор говорил, что надеется с Божьей помощью, которая переполняет его сердце, победить дракона.

Далее автор описывает облачение воина, состоявшее только из пластинчатого доспеха (*lorica segmentata*, λωρίκιον). Отметим, что это обычный для позднеантичного и ранневизантийского времени доспех рядового легионера. О шлеме, щите и прочей защитной амуниции Никифор Уран не упоминает, поскольку житийный герой планировал краткий по времени поединок. Вооружен Феодор Тирон был пилумом (*pilum*, γρόσφος), коротким метательным копьем, которое использовалось также для ближнего боя.

Судя по тексту жития, поединок св. Феодора с драконом действительно оказался скоротечным. Пеший воин приблизился к «амасийскому чудищу», вложил все силы в один удар, который и решил исход единоборства. Когда оружие Феодора пронзило тело дракона, тот сначала дрогнул, а спустя некоторое время умер [Halkin, 1962, p. 318].

Обратимся к другому агиографическому памятнику, составленному Симеоном Метафрастом в последней четверти X века, — «Житию и мученичеству св. Маманта» (Μαρτύριον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μάμαντος; *BHG* 1019) [Berger, 2002, p. 241—310]. В данном тексте заслуживает внимания фрагмент, в котором описаны тщетные попытки Александра, наместника Кесарии Каппадокийской, лишить Маманта жизни. Он натравил на него диких животных, но ничего не добился. Медведь, леопард и два свирепых льва вместо того, чтобы разорвать мученика, подчинились ему. Более того, огромный лев напал на людей, наблюдавших за расправой, убил или ранил множество язычников. Самого наместника от гибели спасли воины, выстроившиеся в правильный боевой порядок и отогнавшие хищника. [Berger, 2002, s. 308]. В итоге св. Мамант погиб от руки человека, его поразил копьем (πλήττει μετὰ τῆς λόγχης) опытный в поединках гладиатор (*gladiator*; μονομάχος).

В эпоху полисных ополчений индивидуальная доблесть и храбрость были имманентны воинскому идеалу. Исход сражения зачастую зависел от поединка между лучшими воинами, за которым наблюдали два изготовившихся к бою войска. В источниках неоднократно упоминаются сражения, в которых стратеги теряли управление и бились как рядовые стратиоты, а сам бой распадался на отдельные поединки или хаотические столкновения небольших групп воинов [Watkins, 1995, p. 65—84]. В римской военной традиции с появлением регулярной армии и незыблемых тактических

принципов этот идеал трансформировался. Отныне от рядовых бойцов и командиров требовались другие ценные качества: выдержка, терпение и ответственность. Подвиги уступили место умению держать строй; герои-одиночки — македонской фаланге или римскому манипулярному строю. Характерно, что спустя столетия византийские военные руководства также содержали требование удерживать целостность боевого построения, в них не поощрялись ни поединки, ни любые другие индивидуальные действия, нарушающие общевоинскую дисциплину [Praecepta militaria …, 1995, p. 226.79—28.94.].

3.2. Спата Дигениса Акрита

В героическом эпосе мотив борьбы с чудовищами также был весьма популярен. Он принимал самые разные формы: от успешной охоты до безнадежного единоборства с Хароном. Одним из самых древних врагов, поджидающих беспечных путников, являлся горный дракон, свернувшийся вкруг у пещеры, поглотивший множество ядовитых трав, чтобы наполниться черной злобой (Il., 22.93—96). Часто дракон обитал возле источника и там же находил беззащитных жертв (Il., 2.308—316). Таковым было чудовище, напавшее на Евдокию, невесту Дигениса Акрита [Ivanov et al., 1970, p. 1180—1206]. Дракон, привлеченный девичьей красотой, принял облик симпатичного юноши, а когда его обман был раскрыт, обратился в огнедышащего тучного и неповоротливого монстра о трех головах и с острым хвостом. Крик девушки разбудил Дигениса. Он бросился на дракона, «не теряя боевого духа» и по пути извлекая меч (*spatha*, σπάθα). Герой одним мощным ударом отсек драконьи головы. Далее, очистив меч от крови, чтобы избежать ржавчины, Дигенис велел юношам (παῖδας) убрать тело чудовища, и те выполнили приказ «быстрее всяких слов» [Digenis Akritis, 1998. p. 154.47—82].

Эта драматическая сцена стала для рационального Кекавмена замечательным поводом создать небольшой трактат о драконах: «Я же, слыша это, смеялся, так как его изображают то человекоподобным и разумным, то змеем, то противящимся Господу и им гонимым». Писатель не был чужд философским изысканиям и доказывал, что бог создал две разумные природы — ангелов и людей. Драконы же не относятся ни к тем, ни к другим, а потому не могут принимать человеческий облик и кокетничать с дамами. Следовательно, поединки с ними представляют собой интерес только для охотников. Кекавмен подвел итог: «Мы наносим себе величайший вред тем, что не читаем божественных книг и не исследуем их согласно слову Господню». Но стратиот заявляет: «Я стратиот и не нуждаюсь в чтении» [Кекавмен, 2003, с. 638.35—40.].

В правление династии Комнинов при дворе окончательно сложился героический эпос о Дигенисе Акрите. Однако значительная часть сюжетов в него не попала, оставаясь фольклором. Таковы песни о единоборстве Дигениса с Хароном. Герой уделял огромное внимание защитному вооружению. Готовясь к противостоянию с Хароном, он «одевался в двенадцать броней (τσάκους δώδεκα), в пятнадцать епанчей (δεκαπέντε δίπλαις), надевал кольчугу медную (χάλκινο πουκάμισο) и шапку железную (σιδερένιο πόσι)» [Popularia carmina graeciae, 1860, p. 371.17—18. No. 491. Η μονομαχία]. Исход рукопашного поединка оказался предрешен мощными ударами Харона, от которых у героя «рот наполнился кровью» (τὸ στόμα αἷμα γιώμισε) [Там же, p. 371.25]. В конце концов, непобедимый ранее Дигенис проиграл своему противнику см.: «О смерти непобедимого героя от “усталости”») [Мелетинский, 1995, с. 355].

Характерно, что в более позднее время единоборства с самой смертью в акритских сказаниях приобретают черты поединка с обычным воином: Харон, преисполненный «паликарских замашек», вызывал Дигениса на бой, который длился по трое суток и оставался сугубо рукопашным; об образе Дигениса в греческой литературе см.: [Дестунис, 1883, с. 1—2]; о единоборстве с Хароном см.: [Там же, с. 21—23, 27—29]. По словам Г. С. Дестуниса, в эпосе «рассказ так поведен, что привлекает слушателей к себе не одним духом озлобления, но и живым изображением других чувств, не исключая и чувств, нежащих душу» [Дестунис, 1877, с. IX].

3.3. Ксифос Анемы

В византийских исторических сочинениях IX—XII веков можно обнаружить определенные параллели с агиографическими текстами и эпосом. Отметим, однако, что в этих источниках подробных описаний воинских поединков (μονομαχία) почти нет. Византийские военные трактаты требовали от воинов постоянных коллективных тренировок, готовности в любой момент совместно вступить в битву [De castrametatione …, 1985, p. 320.25—26]. «Почему победили варвары? Из-за увлечения спортом! Христианство против, но фактически не сломило спорт, даже более!» [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 462, л. 4; Cinke, 1972, s. 1—5]. Само понятие «свободное время» изменилось в сравнении с античными представлениями. «В средние века это необходимое время сравнительно профессии: для монаха это необходимое время для богословия, науки, связано с перепиской книг, воспитанием молодежи. Для рыцаря — развлечение в свободное время. Для крестьянина и ремесленника — это лень» [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 462, л. 21].

Занимательные истории об успешных поединках с чудовищами становились своего рода «учебными пособиями», примером умелого использо-

вания распространенных военных приемов или «хитростей», придуманных находчивым героем. Однако в реальной боевой обстановке, отражая атаки тяжелой кавалерии Халифата (μαυροφοροί), думать о поединках не приходилось.

Византийская историография мало интересовалась повседневной жизнью армии, поэтому на страницы хроник попадали только экстраординарные случаи. Подавляющее большинство поединков, подробно описанных в исторических сочинениях, относятся к войне между императором Иоанном I Цимисхием и киевским князем Святославом Игоревичем. В хрониках Льва Диакона и Иоанна Скилицы содержится ряд описаний единоборств византийских воинов и «скифов» из войска Святослава. По Иоанну Скилице, под Аркадиополем весной 970 года произошла схватка между магистром Вардой Склиром и «неким скифом». События происходили, когда византийские воины отразили первую атаку кавалерии противника, и она вынуждена была отступить, смешавшись с собственной пехотой. Сражение стало затухать, но тут скиф, похвалявшийся физической силой и крепостью, бросился на самого магистра, который объезжал строй и воодушевлял всех воинов. Он ударил Варду мечом по шлему, но меч соскользнул, не причинив тому никакого вреда, а магистр ударил врага в ответ. Тяжелая рука и хороший меч (ξίφος) обеспечил его удару такую силу, что скиф целиком был разрублен на две части. Патрикий Константин, который был братом магистра, поспешил к нему на выручку, наперерез другому скифу, который попытался нанести магистру смертельный удар. Тот скиф бросился на Варду, но сумел уклониться от удара Константина. Патрикий, промахнувшись, обрушил меч на вражеского коня. Скиф упал, а Константин соскочил с коня и, схватив бороду врага, вонзил в него меч. Этот поступок пробудил отвагу и храбрость римлян» [Scyl., 1973, p. 290.71—291.100, PmbZ, 2013a, s. 494—503, nr. 20785 (Βάρδας ὁ Σκληρός); PmbZ, 2013б, s. 628—630, nr. 23921 (Κωνσταντῖνος ὁ Σκληρός)].

В июле 971 года под Доростолом состоялось сражение между армией императора Иоанна Цимисхия и войском князя Святослава Игоревича. Во время этого боя также произошел поединок. По словам Иоанна Скилицы, «знаменитый в среде скифов муж по имени Икмор поддерживал и укреплял их дух во время битвы… Его поддержка и усердие не могли быть незамеченными, и вот Анемас, один из телохранителей императора (τῶν βασιλικῶν σωματοφυλάκων), сын критского царя Курупа, не побоялся силы и смелости Икмора и впал в ярость. Его конь ловко пробился сквозь скифов, Анемас выхватил меч (ξίφος), висевший у него на поясе, и бросился на Икмора. Он ударил его мечом в левое плечо повыше ключицы, перерубив шею так, что его голова вместе с правой рукой упала на землю. Когда

скиф был повержен, Анемас без единой раны вернулся к своему войску (στρατόπεδον) [Leonis Diaconi, 1828, p. 149.2—12; Scyl., p. 304.91—305.7; PmbZ, 2013a, S. 247—248, nr. 20421 (Ἀνεμᾶς)].

3.4. Лонге Комнинов

В византийских текстах X—XIV веков поединком считалось не только единоборство воинов на поле сражения, но также противостояние с опасным диким зверем во время охоты. Уже «Стратегикон» Маврикия зафиксировал идею о том, что «божественное провидение наделило некоторых диких животных отменной чуткостью, быстротой бега и наличием вожаков, мероприятия против них следует проводить по аналогии с тактикой и стратегией» [Кучма, 2002, с. 51].

Михаил Пселл писал об императоре Исааке Комнине: «Он страстно увлекался охотой, любил связанные с нею опасности и был прекрасным звероловом. Исаак легко скакал на коне, криками заставлял собак нестись, как на крыльях. Бывало, что он настигал на бегу зайца, и хватал его руками. На медведей и кабанов император охотился с копьем (λόγχη), которое он точно метал, всякий раз поражая зверя… Однажды, бросая копье, Исаак постоянно держал руку поднятой, а потому и ударила его в бок струя холодного ветра. Он не почувствовал этого удара, но на следующий день его сразили озноб и горячка» [Psellos. Chron., 1984, p. 272.1—73]. В дальнейшем тяжелая болезнь вынудила Исаака Комнина отречься от престола, уступив его Константину Дуке (1059).

В сочинении Иоанна Киннама содержится рассказ о трагическом происшествии на охоте, которое привело к смерти императора Иоанна Комнина в 1143 году. «Однажды, выехав на охоту, Иоанн повстречал огромного вепря, каких много обитает в горах Тавра. Когда зверь бросился на императора, тот ударил его копьем (ἀκοντιον). Наконечник копья (βελῶν) вонзился в шею вепря (κάπρος), но не поверг его, а только разъярил. От сильного напора зверя рука Иоанна повернулась назад, где за его плечами висел колчан (φαρέτρα), наполненный стрелами. Император глубоко разрезал руку об один из наконечников, что привело его в итоге к заражению крови и смерти» [Ioannis Cinnami epitome rerum …, 1836, p. 24.9—23].

В поздневизантийской и западной латинской литературе был широко известен рассказ о «драконе с Родоса». Согласно этой легенде, имеющей реальную историческую основу, у подножия горы св. Стефана на острове Родос обосновался крокодил, которого местные греческие крестьяне считали драконом. Один за другим рыцари выходили на схватку с ним и либо погибали, либо терпели неудачу. Тогда отважный молодой рыцарь Дьедонне де Гозон (*Dieudonné de Gozon*) решил использовать против чу-

довища обычную охотничью уловку. Он вышел на бой с «драконом», сопровождаемый гончими псами. (Об использовании собак во время войны см.:: «Нельзя нападать на рассеявшихся печенегов, чтобы они, перепугавшись, не попрятались в кустах. Со мною, любезнейший, нет охотничьих собак, которые, вынюхивая, извлекали бы их из укрытий» [Кекавмен, 2003, с. 389]). Пока собаки отвлекали чудовище, Дьедонне поразил его копьем. Согласно легенде, голова «дракона» была подвешена над воротами одной из крепостей на Родосе. Сам же Дьедонне де Гозон, которого стали называть *Extinctor draconis* («рыцарь, победивший дракона»), впоследствии стал Великим магистром ордена св. Иоанна Иерусалимского (1345—1353) [Luttrell, 1992, p. 117—118].

3.5. Древние драконы во сне и наяву

Византийские авторы возвращали к жизни античных чудовищ. Чаще всего это гиперболизированные образы зверей, на которых охотились византийцы: львы, вепри, медведи. Наравне с реально существующими опасными животными в описаниях поединков действуют мифологические или экзотические существа, сошедшие со страниц «Физиолога» или латинских бестиариев: драконы, крокодилы и т. д. Порой в византийской литературе наиболее сильные, жестокие враги сравниваются в своей свирепости с различными чудовищами.

Как правило, увлекательные истории о сражениях с чудовищами не могли не отразиться в популярных сонниках Артемидора и Ахмета (Ἀρτεμίδωρος ὁ Δαλδιανός, *Ahmet*) [Oberhelman, 2008]. В этих текстах практически всегда чудовище агрессивно и ждет лишь единоборства: «Приснившаяся огромная змея предвещает беду» [Oberhelman, 2008, p. 76.]. Сон, по-видимому, считался частым, поскольку дается разъяснение: «Если кому-то приснится, что змея ползет за ним, то это значит, что он испытает зло в руках врагов и множество бед, которые будут следствием дурной славы. Если ему приснится, что дракон взлетает и готовится к атаке, то он должен будет увидеть заносчивого и высокомерного тирана и вождя, который придет войной и вызовет на поединок и станет причиной смерти многих людей. Но если этот дракон был смертельно ранен (κατετρώθη) или сражен молнией, то спящий увидит унижение и смерть этого правителя» [Oberhelman, 2008, p. 214—215]. В арабском соннике Ахмета дается иное толкование сна: «Если кому-то приснилось, что дракон гонится за ним с громом и молнией, то пусть знает, что это означает падение самого могущественного человека в этой местности» [Oberhelman, 2008, p. 215].

«Падение», предсказанное сонниками, часто было ожидаемо современниками, видевшими сны такого рода. Например, стратиг Фракисия ма-

гистр Михаил Лаханодракон, один из лучших военачальников императора Константина VI, при загадочных обстоятельствах погиб в третьем сражении при Маркеллах в июле 792 года [Theoph. Chron., 1883, p. 467.27—468.7]. По мнению В. Брандеса, один из иконоборческих лидеров, «Михаил Лаханодракон не знал своего прозвища, которое было придумано после его смерти одним из иконофилов». Немецкий византинист указывает, что слово Λαχανοδράκων является составным (λάχανον, Δράκων) и означает «горчичное семя Антихриста». Возможно также иное толкование: «дракон по сути и по имени» (Δρακόντιος καὶ τρόπος καὶ ὄνομα) [Brandes, 2005, s. 103—108; PmbZ, 2000, s. 273—274, nr. 5027 (Μιχαήλ ὁ Λαχανοδράκων)].

Дракон также символизировал опасность и угрозу византийскому миропорядку. В одной из новелл императора Мануила I Комнина дана яркая, но совершенно нелестная характеристика королю Рожеру II Сицилийскому. Поводом для издания документа послужила победа императорских войск: «Многие западные народы, страдавшие от жадности, были приведены в чувство, излечились от безумия войны, вернулись к здравой жизни, хотя сами не осознавали этого. Островного дракона, изрыгавшего пламя своего гнева выше кратера Этны, императорские клинки значительно укоротили (ἐκολούσθη ξίφεσι). И он уполз в свою нору, разжигая в себе ненависть к императору, строя злоковарные козни. Он был злом, которое следует отсечь (διχαστικὴν) подобно тому, как кинжал (μάχαιρα) пронзает врагов» [Jus graeco-romanum, 1857, p. 443; Eustathius Tessalonicensis …, 1887, col. 984].

Однако не всегда сравнение человека с драконом или другим чудовищем являлось оскорбительным. Так, Вегеций писал, что в римской армии было три разновидности знамен: орел, который носил аквилифер (*aquilifer*, «несущий орла»); флаги с «изображением императора» (знаменосец назывался *imaginarius*) и «дракона», такой флаг нес сигнифер *(signifier)* или драконарий *(draconarius)*. Знамя, которое называлось *draco*, появилось в римской армии во II веке. Вероятно, оно было заимствовано у парфян и получило наибольшее распространение в IV—V веках. Упоминания о драконариях часто встречаются в надписях и ранневизантийских текстах [Veg. Epitoma rei militaris, 1885, p. 41.3—7; II, 7]. В «Стратегиконе» Маврикия термин *драконарий* (δρακονάριος) используется как равнозначный термину *бандофор* (βανδοφόρος) [Das Strategikon des Maurikios, 1981, S. 424.5: βανδοφόρους ἤτοι δρακονάριους; Mihăescu, 1969, p. 158.].

Возможно, что такое двойственное отношение к драконам связано с преломлением китайской традиции, в которой дракон (лун, 隆) всегда

воспринимается как позитивное существо, символ императорской власти, и принципиально отличается от змея (шэ, 蛇), существа, враждебного человеку, хотя и изредка воспринимаемого как божество. Так, буддийский монах, проповедник и переводчик буддийских текстов на китайский язык Ань Шигао (安世高), живший на рубеже I—II веков, по преданию, зафиксированному в тексте «Ань Шигао чжуань» («Повествование об Ань Шигао», 安世高傳), а также в «Жизнеописаниях достойных монахов» автора VI века Хуэй-цзяо, победил змееобразное божество храма у озера Дунтинху [安世高傳, 1963, 页 83; Хуэй-цзяо, 1991, с. 103—105; Нестеров, 2008, с. 209], в результате беседы с Ань Шигао змееобразное божество погибло, а буддизм начал распространяться в регионе озера Дунтинху. Дракон же считался императорским символом не только на Востоке: так, король Венгрии и император Сигизмунд (1410—1437, в Венгрии 1387—1437) в 1408 году основал рыцарский королевский орден Дракона (именно с этим орденом связано прозвище валашского князя Влада II Дракула, 1436—1447, бывшего с 1431 года рыцарем ордена Дракона), целью ордена была защита государства и церкви, а символом — дракон.

Характерно, что изображения драконов и других устрашающих чудовищ почти не использовались в византийской сфрагистике. До нашего времени сохранились уникальные печати, на лицевой стороне которых помещены лев или медведь. Наиболее показательными среди них являются два моливдовула с изображением гриллов. Первый из них происходит из коллекции Г. Закоса. На лицевой стороне: изображение грилла, состоящее из головы коня, бородатой мужской головы, головы льва и ног петуха. На оборотной стороне: блоковая монограмма, содержащая имя владельца: Анастасий (Ἀναστασίου). Печать датирована издателями началом VI века [Zacos, 1972, p. 835, No. 1374].

Вторая булла хранится в собрании Государственного эрмитажа. Это анонимная печать VI века. На лицевой стороне изображен грилл: «орел с опущенными крыльями, выполненными в виде бородатых голов в головных уборах, голова орла повернута вправо». Между крыльями орла — латинская блоковая монограмма. На оборотной стороне также латинская блоковая монограмма [Степанова, 2006, с. 97, № 128].

Порой война в Византии понималась как шоу, развлечение [Мохов и др., 2019, с. 157——158]. Единоборство с чудовищем было одним из излюбленных сюжетов театрализованных представлений. Мимы облачались в остроконечные шапки, использовали короткие палки («меч») или длинные шесты («копье») и, таким образом, пародировали поединок. В историографии существует мнение, что это действо было связано с карикатурами

(γρύλλοι), которые появились еще в эллинистические времена и представляли собой синкретические изображения странных многоголовых существ с лапами животных [Binsfeld, 1962, col. 76—78; Plin. Hist., 1994, c. 557—558]. Продолжатель Феофана, желая очернить императора Михаила III, в деталях описал отвратительные легкомысленные выходки близкого друга императора Феофила Грилла [Theoph. Cont., 1838, p. 200.15—201.18; О протоспафарии Феофиле Грилле, *q.v.:* PmbZ, 2001, p. 652—653, nr. 8222 (Θεόφιλος Γρύλλος)]. Шутка придворного автора основывалась на созвучии слов: γρύλλος (грилл) и γρῦλος (свинья). По мнению Продолжателя, сам Грилл был лишь карикатурой на человека.

4. Заключение = Conclusions

Поединок с чудовищем — сюжет, находящийся на границе исторической документалистики и мифологии. Характерно, что византийский герой всегда сражался с античными чудовищами. В этих литературных штампах, по мнению М. Я. Сюзюмова, нашли отражение сложные социальные противоречия византийского общества иконоборческого времени, которые стали «запоздалым продолжением борьбы с языческой культурой. Иконоборцы стремились заменить библейской фразеологией неоплатонические воззрения, которые были присущи иконопочитателям» [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 6, л. 7]. Именно поэтому для византийских авторов не было принципиальной разницы между описаниями реально существующих животных или же мифологических чудовищ.

Описания поединков воинов с чудовищами, характерные для византийской и, отчасти, западноевропейской полемологической традиции X—XIV веков, являются переработкой восходящих к античной мифологии рассказов об охоте на крупных хищников.

Примечательно также, что во всех упомянутых случаях в качестве оружия для борьбы с чудовищем выбиралось либо короткое метательное копье, либо меч. Как большинство военных трактатов создавались под конкретного противника и конкретную военно-политическую ситуацию, так и описания поединков представляли собой, по сути, схематические рекомендации для новобранцев по обращению с оружием. Эти десакрализованные рассказы они слушали у костров военных лагерей. Победа доставалась хорошо подготовленному и вооруженному воину, ее важным условием был высокий боевой дух героя. Таким образом, поединок с чудовищем является распространенным сюжетом византийской литературы. Обычно эта кратковременная, но напряженная схватка между двумя противниками трактуется не только как развлечение или наставление, но и в философском смысле как воплощение извечного противостояния добра и зла.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Византийская* книга эпарха / вступительная статья, перевод, комментарии М. Я. Сюзюмова. — Москва : Издательство восточной литературы, 1962. — 296 с.

2. ГАСО — *Государственный* Архив Свердловской области. Ф. Р-802. Сюзюмов Михаил Яковлевич (1893—1982). Оп. 1. Д. 6. Сюзюмов М. Я. Проблемы истории иконоборческого движения в Византии : диссертация … кандидата исторических наук: рукопись, 1943 г. Т. 1. 80 л. ; Д. 281. Византийские источники. 83 л. ; Д. 462. Развитие римской культуры после падения империи. 60 л.

3. Кекавмен — *Кекавмен.* Советы и рассказы : поучение византийского полководца XI века / Кекавмен ; пер. Г. Г. Литаврина. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. — 711 с.

4. *Кучма В. В.* Трактат «Об охоте» / В. В. Кучма // Античная древность и средние века. — 2002. — Вып. 33. — С. 48—58.

5. *Об Армуре*: греческая былина византийской эпохи / изд. Г. С. Дестунис // Записки Императорской академии наук по историко-филологическому отделению. — 1877. — Т. 26, № 3. — С. 1—48.

6. *Степанова Е. В.* Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI—VIII вв. из собрания Эрмитажа / Е. В. Степанова — Санкт-Петербург : Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. — 171 с. — ISBN. 5-93572-223-2.

7. *Хуэй-цзяо.* Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань) : в 3 томах / Хуэй-цзяо. — Москва : Наука, 1991. — Т. 1. Раздел 1. Переводчики. — 251 с. — ISBN 5-02-016788-6.

8. *Berger A.* Die alten Viten des heiligen Mamas von Kaisareia. Mit einer Edition der Vita BHG 1019 / A. Berger // Analecta bollandiana. — 2002. — Vol. 120, Issue 2. — P. 241—310. — DOI: 10.1484/J.ABOL.4.00132.

9. *Das Strategikon* des Maurikios / G. T. Dennis; E. Gamillscheg (übers.). — Wien : Verl. der Österr. Akad. der Wiss., 1981. — 557 p. — (Corpus fontium historiae Byzantinae; vol. 17). — ISBN 3700104030.

10. De castrametatione — *Three* Byzantine military treatises / G. Dennis (ed.). — Washington, D. C. : Dumbarton Oaks, Research Libr., 1985. — 380 p. — (Corpus fontium historiae Byzantinae; vol. 25). — ISBN 0-88402-140-8.

11. *Digenis* Akritis: the Grottaferrata and Escorial versions / E. Jeffreys (ed.). — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998. — 398 p. — (Cambridge medieval classics, vol. 7). — ISBN 0521394724.

12. *Eustathius* Tessalonicensis metropolita Manelis Comneni Imp. laudatio funebris // Patrologiae cursus completus, Series graeca. — Paris : J.-P. Migne, 1887. — Vol. 135. — P. 973—1032.

13. *Halkin Fr.* Un opuscule inconnu du magistre Nicéphore Ouranos (la Vie de saint Théodore le Conscrit) / Fr. Halkin // Analecta bollandiana. — 1962. — Vol. 80. — P. 308—324.

14. *Ioannis* Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / A. Meineke (rec.). — Bonn : Imp. E. Weber, 1836. — 435 p. — (Corpus scriptorum historiae byzantinae; vol. 26).

15. *Jus* graeco-romanum / C. E. Zachariae von Lingenthal (ed.). — Leipzig : T. O. Weigel, 1857. — Pars 3: Novellae constitutiones. — 748 p.

16. Leonis Diaconi — *Leonis* Diaconi Caloënsis Historiae libri decem et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / C. B. Hasii (rec.). — Bonn : Imp. E. Weber, 1828. — 624 p. — (Corpus scriptorum historiae Byzantinae; vol. 11).

17. Leonis VI Tactica — *Leonis VI* Tactica / G. Dennis (ed.). — Washington, D. C. : Dumbarton Oaks, Research Libr., 2010. — 690 p. — (Corpus fontium historiae Byzantinae; vol. 49). — ISBN 9780884023593.

18. *Oberhelman S. M.* Dreambooks in Byzantium: six Oneirocritica in translation, with commentary and introduction / S. M. Oberhelman. — Aldershot : Ashgate, 2008. — 260 p. — ISBN 9781315578057.

19. Onas. Strat. — *Aeneas* Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / W. A. Oldfather (ed.). — Cambridge, Mass : Harvard University Press, 1948. — 531 p. — (Loeb classical library; vol. 156).

20. Plin. Hist. — *Плиний* Старший, Гай. Естествознание : об искусстве / Плиний Старший ; подгот. Г. А. Таронян. — Москва : Ладомир, 1994. — 941 с. — ISBN 5-86218-131-8.

21. PmbZ, 2001 — *Prosopographie* der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641—867) / F. Winkelmanns, R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch u. a. (eds.). — Berlin, New York: W. de Gruyter, 2001. — Bd. 4. — 690 S.

22. PmbZ, 2013a — *Prosopographie* der mittelbyzantinischen Zeit. 2. Abteilung (867—1025) / F. Winkelmanns, R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch u. a. (eds.). — Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2013. — Bd. 1. — 770 S.

23. PmbZ, 2013б — *Prosopographie* der mittelbyzantinischen Zeit. 2. Abteilung (867—1025) / F. Winkelmanns, R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch u. a. (eds.). — Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2013. — Bd. 3. — 772 S.

24. PmbZ, 2000 — *Prosopographie* der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641—867) / F. Winkelmanns, R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow u. a. (eds.). — Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2000. — Bd. 3. — 687 S.

25. *Popularia* carmina graeciae / A. Passow (rec.). — Leipzig : B. G. Teubner, 1860. — 659 p.

26. Praecepta militaria — *McGeer E.* Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century / E. McGeer. — Washington, D. C. : Dumbarton Oaks Research Library, 1995. — 405 p. — (Dumbarton Oaks studies; vol. 33). — ISBN 0884022242.

27. Psellos. Chron. — *Michele* Psello. Imperatori di Bisanzio (Cronografia) / Michele Psello. — Milano : Fondazione Lorenzo Valla, 1984. — Vol. 2. — 474 p.

28. Scyl. — *Ioannis* Scylitzae Synopsis historiarum / I. Thurn (rec.). . — Berlin ; New York : W. de Gruyter, 1973. — 579 p. — (Corpus fontium historiae Byzantinae; vol. 5).

29. Theoph. Chron. — *Theophanis* Chronographia / C. De Boor (rec.). — Leipzig : B. G. Teubner, 1883. — Vol. 1. — 511 p.

30. Theoph. Cont. — *Theophanes* Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / I. Bekker (rec.). — Bonn : Imp. E. Weber, 1838. — 951 p. — (Corpus scriptorum historiae Byzantinae; vol. 44).

31. Veg., Epitoma rei militaris — *Flavi* Vegeti Renati Epitoma rei militaris / C. Lang (rec.). — Leipzig : B. G. Teubner, 1885. — 255 p.

32. *Zacos G.* Byzantine lead seals / G. Zacos, A. Veglery. — Basel; Glückstadt : J. J. Augustin, 1972. — Vol. 1, Part 2.

33. 安世高傳 // 出三藏記集. 大正三藏. — 东亲，1963. — 页 81—85.

Литература

1. *Дестунис Г. С.* Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода : опыт перевода и объяснительного сборника : сборник Отдела русского языка и словесности Императорской Академии наук. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1883. — Т. 34, № 1. — 127 с.

2. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Восточная литература, 1995. — 408 с. — ISBN 978-5-8291-1318-6.

3. *Мохов А. С.* «Пусть другие рассказывают о выгоде и роскоши, что приносит война»: византийская полемологическая традиция X—XI веков. / А. С. Мохов, К. Р. Капсалыкова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. — 300 с. — ISBN 978-5-7996-2583-2.

4. *Нестеров А. Г.* Ань Шигао и начало проникновения буддизма в Китай / А. Г. Нестеров // Китай: традиции и современность : материалы научно-практической конференции, 1 ноября 2007 г., г. Екатеринбург. — Екатеринбург : УрГУ, 2008. — С. 36—39.

5. *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах / А. В. Рыстенко. — Одесса : Экономическая типография, 1909. — 536 с.

6. *Binsfeld W.* Γρύλλοι / W. Binsfeld // Pauly‘s Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: Neue Bearbeitung. — Stuttgart : Alfred Druckenmüller Verl, 1962. — Suppl.-Bd. 9: Acilius — Utis. — P. 76—78.

7. *Brandes W.* Pejorative Phantomnamen im 8 Jahrhundert: Ein Beitrag zur Quellenkritik des Theophanes und deren Konsequenzen für die historische Forschung / W. Brandes // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / L. M. Hoffmann (ed.). — Wiesbaden : Harrassowitz Verl., 2005. — S. 93—125. — ISBN 3447051701.

8. *Cinke V.* Salvian von Marseille und die Zerstörungen der Stadt Trier / V. Cinke // Byzantinoslavica. — 1972. — T. 33, Fasc 1. — S. 1—5.

9. *Ivanov V. V.* Le mythe indo-européen du dieu de l’orage poursuivant le serpent: reconstruction du schéma / V. V. Ivanov, V. N. Toporov // Echanges et communications: mélanges offerts à Claude Lévi-Strauss à l’occasion de son 60ème anniversaire / J. Pouillon, P. Maranda (ed.). — La Haye : Mouton, 1970. — P. 1180—1206. — DOI: 10.1515/9783111698281-028.

10. *Luttrell A.* The Hospitallers of Rhodes and their Mediterranean world / A. Luttrell. — Aldershot : Variorum, 1992. — 333 p. — ISBN 0860783073, ISBN 9780860783077.

11. *Mihăescu H.* Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec / H. Mihăescu // Revue des études sud-est européennes. — 1969. — T. 7, No. 1. — P. 155—166.

12. *Talbot-Rice T.* Everyday life in Byzantium / T. Talbot-Rice. — London ; New-York : DorsetPress, 1967. — 240 p. — ISBN 0880291451.

13. *Watkins C.* How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics / C. Watkins. — New York : Oxford Univ. Press, 1995. — 650 p. — ISBN 0195085957.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023,
одобрена после рецензирования 04.06.2023,
подготовлена к публикации 26.06.2023.

Material resources

An Shigao Biography. (1963). In: *Published Tripitaka Collection: Taisho Tripitaka*. Dongqin. 81—85. (In Chin.)

Berger, A. (2002.). The Ancient Life of the Holy Mamas of Caesarea. With an edition of the Vita BHG 1019. *Analecta bollandiana, 120 (2):* 241—310. DOI: 10.1484/j.abbol.4.00132.

De castrametatione — Dennis, G. (ed.). (1985). *Three Byzantine military treatises*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, Research Libr, 380 p. ISBN 0-88402-140-8.

Dennis, G. T. (ed.). (1981). *The Strategist of the Mauritius*. Vienna: Verl. the Osterr. Akad. of Wiss, 557 p. ISBN 3700104030. (In Germ.).

Destunis, G. S. (ed.). (1877). About Armour: Greek epic of the Byzantine era. *Notes of the Imperial Academy of Sciences on the Historical and Philological Department, 26(3):* 1—48. (In Russ.).

Eustathius Tessalonicensis metropolita Manelis Comneni Imp. laudatio funebris. (1887). In: *Patrologiae cursus completus, Series graeca, 135*. Paris: J.-P. Migne. 973—1032. (In French.).

GASO — *State Archive of the Sverdlovsk Region.* F. R-802. Syuzyumov Mikhail Yakovlevich (1893—1982). (In Russ.).

Halkin, Fr. (1962). An unknown booklet by the master Nicephorus Ouranos (the Life of Saint Theodore the Conscript). *Analecta bollandiana, 80:* 308—324.

Hui-chiao. (1991). *Lives of Worthy Monks (Gao Sen Zhuan), 3 (1) Section 1. Translators*. Moscow: Nauka. 251 p. ISBN 5-02-016788-6. (In Russ.).

Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum. (1836). Bonn: Imp. E. Weber. 435 p. (In Germ.).

Jeffreys, E. (ed.). (1998). *Digenis Acritis: the Grottaferrata and Escorial Versions*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 398 p. ISBN 0521394724.

Kekavmen — Kekavmen. (2003). *Tips and stories: teaching of the Byzantine commander of the XI century*. St. Petersburg: Aleteyya. 711 p. (In Russ.).

Kuchma, V. V. (2002). Treatise “On hunting”. *Ancient antiquity and the Middle Ages, 33:* 48—58. (In Russ.).

Leonis Diaconi — *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti*. (1828). Bonn: Imp. E. Weber. 624 p. (In Germ.).

Leonis VI Tactica — *Leonis VI Tactica*. (2010). Washington, D. C.: Dumbarton Oaks, Research Libr., 690 p. ISBN 9780884023593.

Military rules — McGeer, E. (1995). *Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century.* Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library. 405 p. ISBN 0884022242.

Oberhelman, S. M. (2008). *Dreambooks in Byzantium: six Oneirocritica in translation, with commentary and introduction*. Aldershot: Ashgate. 260 p. ISBN 9781315578057.

Onas. Strat. — Oldfather, W. A (ed.). (1948). *Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander*. Cambridge, Mass: Harvard University Press. 531 p.

Plin. Hist. — Pliny the Elder, Guy. (1994). *Natural science: about art.* Moscow: Ladomir. 941 p. ISBN 5-86218-131-8. (In Russ.).

PmbZ, 2000 — Winkelmanns, F., Lilie, R.-J., Ludwig, Cl., Pratsch, Th. et. al. (eds.). (2000). *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641—867), 3*. Berlin; New York: W. de Gruyter. 687 S. (In Germ.).

PmbZ, 2001 — Winkelmanns, F., Lilie, R.-J., Ludwig, Cl., Pratsch, Th. et. al. (eds.). (2001). *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641—867), 4*. Berlin, New York: W. de Gruyter. 690 S. (In Germ.).

PmbZ, 2013a — Winkelmanns, F., Lilie, R.-J., Ludwig, Cl., Pratsch, Th. et. al. (eds.). (2013). *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 2. Abteilung (867—1025), 1*. Berlin; New York: W. de Gruyter. 770 S. (In Germ.).

PmbZ, 2013b - Winkelmanns, F., Lilie, R.-J., Ludwig, Cl., Pratsch, Th. et. al. (eds.). (2013). *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 2. Abteilung (867—1025), 3*. Berlin; New York: W. de Gruyter. 772 S. (In Germ.).

Popular songs of Greece. (1860). Leipzig: B. G. Teubner. 659 p. (In Germ.).

Psellos. Chron. — Michele Psello. (1984*). Imperatori di Bisanzio (Chronography) ,2*. Milan: Fondazione Lorenzo Valla. 474 p. (In: Ital.)

Scyl. — *Synopsis of histories of John Scylitza*. (1973). Berlin; New York: W. de Gruyter. 579 p. (In Germ.).

Stepanova, E. V. (2006). *Seals with Latin and Greek-Latin inscriptions of the 6th-8th centuries. from the collection of the Hermitage*. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House. 171 p. ISBN 5-93572-223-2. (In Russ.).

Suzyumov, M. Y. (ed.). (1962). *Byzantine Book of the Bishop: Introduction, Translation, and Commentary*. Moscow: East Literature Publishing House. 296 p. (In Russ.).

Theoph. Chron. — *Theophanes Chronographia, 1*. (1883). Leipzig: B. G. Teubner. 511 p. (In Germ.).

Theoph. Cont. — Theophanes Continuatus, John Cameniata, Symeon Magister, George the Monk. (1838). Bonn: Imp. E. Weber. 951 p. (In Germ.).

Veg., Epitome of the military — *Flavi Vegeti Renatus Epitome of the military*. (1885). Leipzig: BG Teubner. 255 p. (In Germ.).

Zachariae von Lingenthal, C. E. (ed.). (1857). *Jus graeco-romanum, 3: Novellae constitutions*. Leipzig: T O. Weigel. 748 p. (In Germ.).

Zacos, G., Veglery, A. (1972). *Byzantine lead seals, 1 (2).* Basel; Glückstadt: J. J. Augustin. (In Germ.).

References

Binsfeld, W. (1962.). Γρύλλοι. In: *Pauly's real encyclopedia of classical archeology, 9 Acilius — Utis*. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag. 76—78. (In Germ.).

Brandes, W. (2005). Pejorative phantom names in the 8th century: A contribution to Theophanes' source criticism and its consequences for historical research. In: *Between polis, province and periphery: contributions to Byzantine history and culture*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 93—125. ISBN 3447051701. (In Germ.).

Cinke, V. (1972). Salvian von Marseille und die Zerstörungen der Stadt Trier. *Byzantinoslavica, 33 (1):* 1—5. (In Germ.).

Destunis, G. S. (1883). *Research on the Greek heroic epics of the medieval period: the experience of translation and explanatory collection: Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 34 (1).* St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 127 p. (In Russ.).

Ivanov, V. V., Toporov, V. N. (1970). The Indo-European myth of the storm god pursuing the serpent: reconstruction of the diagram. In: *Exchanges and communications: mixtures offered to Claude Lévi-Strauss on the occasion of his 60th birthday*. The Hague: Mouton. 1180—1206. DOI: 10.1515/9783111698281-028.

Luttrell, A. (1992). *The hospitallers of Rhodes and their Mediterranean world*. Aldershot: Variorum. 333 p. ISBN 0860783073, ISBN 9780860783077.

Meletinsky, E. M. (1995). *Poetics of myth*. Moscow: Eastern Literature. 408 p. ISBN 978-5-8291-1318-6. (In Russ.).

Mihăescu, H. (1969). The Latin elements of Maurice-Urbicius' "Tactica-Strategica" and their écho in Neo-Greek. *Review of Southeast European Studies, 7 (1):* 155—166.

Mokhov, A. S., Kapsalykova, K. R. (2019). "*Let others talk about the benefits and luxury that war brings": Byzantine polemological tradition of the 10th—11th centuries*. Yekaterinburg: Ural University Press. 300 p. ISBN 978-5-7996-2583-2. (In Russ.).

Nesterov, A. G. 2008 (). An Shigao and the beginning of the penetration of Buddhism into China. In: *China: traditions and modernity: materials of the scientific and practical conference, November 1, 2007, Yekaterinburg*. Yekaterinburg: UrGU. 36—39. (In Russ.).

Rystenko, A. V. (1909). *The legend of St. George and the Dragon in Byzantine and Slavic-Russian Literatur*e. Odessa: Economic Printing House. 536 p. (In Russ.).

Talbot-Rice, T. (1967). *Everyday life in Byzantium*. London; New-York: DorsetPress. 240 p. ISBN 0880291451.

Watkins, C. (1995). *How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics*. New York: Oxford Univ. Press. 650 p. ISBN 0195085957.

The article was submitted 23.04.2023;
approved after reviewing 04.06.2023;
accepted for publication 26.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Котельников К. Д. Импорт из Германии как фактор транспортного кризиса Российской империи в годы Первой мировой войны / К. Д. Котельников // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 462—484. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-462-484.

Kotelnikov, K. D. (2023). Import from Germany as a Factor of Transport Crisis of Russian Empire during First World War. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 462-484. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-462-484. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-462-484

Импорт из Германии как фактор транспортного кризиса Российской империи в годы Первой мировой войны

Котельников Константин Дмитриевич
orcid.org/0000-0001-7726-0706
кандидат исторических наук,
Институт истории
kotelnikowk@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-10036

Import from Germany as a Factor of Transport Crisis of Russian Empire during First World War

Konstantin D. Kotelnikov
orcid.org/0000-0001-7726-0706
PhD in History,
Institute of History
kotelnikowk@mail.ru

St. Petersburg
State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-78-10036

© Котельников К. Д., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается импорт в Россию немецких транспортных средств и средств их производства в пятилетие до Первой мировой войны. Впервые вопрос о доле продукции германских заводов и фабрик в российском импорте раскрывается на основе статистических данных таможни Германии. Особое внимание уделено доле немецких автомобилей в российском автопарке к 1914 году, а также последствиям довоенной зависимости промышленности от импорта немецких станков и иного оборудования. В научный оборот вводятся новые источники (материалы российской и немецкой периодической печати, таможенная статистика Германии, документы Федерального архива Германии (Bundesarchiv)), позволяющие выявить состав импорта и получить более полное представление о предпосылках транспортного кризиса 1916—1917 годов. Отмечается, что автомобили немецкого производства составили значительную часть автопарка русской армии. Сделан вывод, что зависимость от импорта немецких товаров промышленного потребления подорвала потенциал российской промышленности. Это не позволило ей в годы Первой мировой войны в достаточной степени увеличить производство, удовлетворить потребности транспортной системы и, таким образом, способствовало её кризису.

Ключевые слова:
Импорт из Германии; Первая мировая война; российские железные дороги; транспортный кризис; автомобили в Российской империи.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Import from Germany as a factor in the transportation crisis of the Russian Empire during World War I examines the importation of German transportation vehicles and equipment into Russia during the five years leading up to the First World War. Utilizing statistical data from German customs, this study sheds light on the extent to which German production contributed to Russian imports. Special attention is given to the presence of German automobiles in the Russian automobile fleet by 1914, as well as the consequences of pre-war dependence on German machinery and other equipment. New sources, including materials from Russian and German periodicals, German customs statistics, and documents from the Federal Archives of Germany (Bundesarchiv), are introduced to provide a more complete understanding of the transportation crisis of 1916—1917. It is noted that German-made automobiles made up a significant portion of the Russian army's vehicle fleet. The study concludes that dependence on German imports for industrial consumption undermined the potential of Russian industry, preventing it from increasing production sufficiently during the war years to meet transportation needs and contributing to the crisis.

Key words:
Import from Germany; World War I; Russian railways; transportation crisis; automobiles in the Russian Empire.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:338.47 (47:430)“1910/1917”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Импорт из Германии как фактор транспортного кризиса Российской империи в годы Первой мировой войны

© Котельников К. Д., 2023

1. Введение = Introduction

Одним из главных вызовов, с которыми столкнулась Российская империя в годы Первой мировой войны и с которыми не смогла в достаточной степени справиться, стала мобилизация её промышленности и транспортной системы. Транспортный кризис, особенно остро проявившийся в «расстройстве» железных дорог в 1916—1917 годах, послужил ключевым фактором военного, продовольственного, а затем и политического кризиса империи. Предпосылки его лежали в том числе в сфере внешней торговли — в общей зависимости России от импорта промышленных товаров и товаров промышленного потребления, в доминирующей роли Германии как торгового партнёра и почти полном прекращении торговли с нею с августа 1914 года.

Угрожающий характер зависимость России от немецкого экспорта приняла задолго до войны. Медленно, но верно Германия вытесняла Великобританию с русского рынка ещё со второй половины XIX века и совершенно преуспела в этом в начале XX века. Рост импорта фабрикатов отличался особенно высоким темпами. В 1900 году Россия[1] импортировала из Германии промышленных товаров на 100 млн р., из Великобритании — на 37,7 млн р., а в 1908 году — на 152,1 млн р. из Германии и на 30,4 млн р. из Великобритании [Bericht 1910, S. 103]. За последующие пять лет удвоился импорт немецкой химической продукции, а импорт машин и электротехнической продукции утроился [Barch-1, Bl. 8]. Как докладывало Имперское бюро внутренних дел рейхсканцлеру Т. Фон Бетман-Гольвегу в начале 1915 года, до войны немецкая «индустриальная продукция <…> захватила русский рынок» [Barch-2, Bl. 119]. Среди всех ввозимых Россией фабрикатов доля Германии составляла к 1912 году 64,7 % [Barch-1, Bl. 34]. Значительная часть приходилась на транспортные средства (водный транс-

1 Здесь и далее подразумевается — без Финляндии, автономной таможенной зоны внутри империи.

порт, подвижной состав и железнодорожные принадлежности, автомобили, мотоциклы, велосипеды и др.), а также средства их производства.

Несмотря на политические позиции России в Европе и тот факт, что Германия была потенциальным военным противником, структура внешней торговли не вызывала серьёзных опасений в российском правительстве. Торговые соглашения и таможенная политика благоприятствовали сохранению доминирующей роли Германии в импорте, хотя нельзя сказать, что непропорционально большой объём немецких товаров никто не замечал. В декабре 1912 года профессор Московского университета И. М. Гольдштейн читал комиссии для подготовки нового торгового договора с Германией в Министерстве финансов доклад. Экономист указывал на опасную зависимость от этой страны, в «экономическую колонию» которой превращалась Россия, и предлагал диверсифицировать внешнюю торговлю. Учёный опасался, что чрезмерное значение Германии как поставщика различных товаров и рынка сбыта грозит «престижу России» и может вызвать экономический кризис в случае таможенной войны.

Тогда выводы Гольдштейна не произвели впечатления: они «были названы экономистами-теоретиками и специалистами-практиками “химеричными”» [Гольдштейн, 1915 (предисловие ко 2-му изд.)]. А два года спустя современники наперебой заговорили о немецком «иге», «засилье» и «путах». Но и сам Гольдштейн не мог предвидеть, какие болезненные последствия спровоцирует прекращение русско-немецкой торговли в условиях войны не таможенной, а мировой. Более чем чувствительно оно сказалось и на транспорте Российской империи.

Отдельных сюжетов этой темы исследователи ранее уже касались в работах смежной тематики. Так, С. В. Кирилец и Г. Канинский отмечают высокую долю немецких автомобилей в автопарке Российской империи, что негативно сказалось на снабжении армии автотранспортом в годы войны [Кирилец и др., 2010, с. 53, 115]. Проблемы, связанные с полным прекращением импорта из Германии в 1914 году, упоминают и авторы «Истории автомобильного транспорта в России до 1917 года [История …, 1994, с. 110]. На зависимость железных дорог Российской империи от импорта, «включая ставшие недоступными товары из Германии», как фактор «расстройства» транспорта указали в недавней публикации А. А. Иванов и Н. И. Богомазов [Иванов А. А. и др., 2023, с. 332]. В историографии, однако, ещё не ставилась задача изучения связи довоенного импорта из Германии, его прекращения в 1914 году и транспортного кризиса в 1916—1917 годах. Специальный анализ этой проблемы, прежде лишь обозначавшейся «на полях» научной литературы, должен расширить наши представления о предпосылках кризиса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Так как жизнеспособность транспортной системы зависит от того, какими средствами передвижения она укомплектована и насколько промышленность и торговля способны её пополнять, прояснение поставленного мной вопроса предполагает внимание к двум основным аспектам: к импорту готовых транспортных средств из Германии в Россию (и их доле в российском торговом флоте, железнодорожном и автомобильном парках), а также к импорту средств их производства. Ценные в этом отношении сведения содержатся в документах Российского государственного военно-исторического архива [РГВИА, ф. 802] и Федерального архива Германии (Bundesarchiv, R 901) [Barch-1 и др.], связанных с российско-германской торговлей, в материалах специальных периодических изданий (прежде всего в журнале VIII Отдела Императорского русского технического общества «Железнодорожное дело»), а также в публикациях экономистов и промышленных деятелей, изучавших накануне и в годы Первой мировой проблемы зависимости России от импорта: упомянутого выше И. В. Гольдштейна, Н. Н. Саввина и др.

Ключевое значение для данного исследования имеет сравнительно-сопоставительный и критический анализ таможенной статистики Германии и России, на которой базируется оценка присутствия немецких транспортных средств и средств их производства на российском рынке до 1914 года. Российская статистика даёт представление об общем импорте определённых товаров, а немецкая — о доле товаров немецкого производства. Основная проблема их изучения — систематическое и очень значительное несоответствие сведений о количестве немецкой продукции, ввозившейся в пределы Российской империи. Разницу в несколько процентов в статистических данных российской и немецкой таможен можно было бы объяснить ошибками сотрудников, случайной утратой части документации, присвоением одному и тому же товару разных категорий учёта, возвратами товаров (немецкая таможня выпустила, а русская не впустила), сменой года (товар покинул страну и учтён в Германии в конце 1912 года, а в Россию прибыл в 1913 году). Но в данном случае разница — существенная, по некоторым категориям товаров кратная. К примеру, по сведениям российской таможни, в 1913 году из Германии ввезено 4308 шт. автомобилей и шасси, а по сведениям немецкой — экспортировано в Россию 1851 шт. [ОВТ1913, с. 404—405; АН1913, V. 50] Подобные несовпадения касались также мотоциклов, в меньшей степени велосипедов, судов железных и деревянных и других товаров.

На «несравнимость статистических данных, представляемых одной и другой стороной», ещё в 1911 году обратил внимание «Русский ку-

рьер» [Пересмотр …, 1911]. Так, немецкая таможня ежегодно учитывала в 2—5 раз больше зерна, купленного у России, чем Россия (по данным её таможни) продала Германии. Более того, Германия считала объём своего экспорта в Россию в полтора раза меньшим, чем сама Россия (в 1909 году, по русским данным, он составил 363 млн р., а по немецким — 206 млн р.). Главная причина — в разных статистических методах. Одно из принципиальных отличий заключалось в том, что немецкие таможенники, получив русский товар через Голландию, учитывали его как русский, но в таможенном учёте России товар значился как экспортированный в Голландию, потому как непосредственно туда он направлялся после перехода границы. Обращал на это внимание и немецкий консул в Петербурге в 1914 году, докладывавший в министерство иностранных дел, что «точную картину динамики торгового [оборота] с Германией русская статистика не представляет, так как значительная часть экспортируемых в Голландию и Бельгию товаров оказывается на немецком рынке» [Barch-3, Bl. 196].

Эта «несопоставимость» касалась и российского импорта: не все автомобили, привезённые непосредственно «из Германии», были там же произведены; значительная их часть, ввезённая торговыми домами и посредниками, была французского, итальянского, американского и британского производства. Германия, расположенная в центре Европы на пересечении сухопутных путей, служила транзитной зоной для товарообмена между Россией и странами Западной и Южной Европы. Точно так же немногочисленные автомобили, ввозившиеся, к примеру, «из Финляндии», были — это очевидно — не финского производства: автомобилей в Финляндии не изготовляли. А почти отсутствующий ввоз автомобилей «из Италии» не означал, что машины итальянских марок были редкостью на русском рынке. В России хорошо знали марки «Фиат» и «S.P.A», которые пользовались спросом в том числе у Военного ведомства [РГВИА, ф. 802, оп. 1, д. 202, л. 52—62].

Таким образом, оценивать долю произведённых в Германии товаров в российском импорте с помощью таможенных данных следует с осторожностью и при возможности сверять с немецкой экспортной статистикой, учитывавшей именно страну происхождения и страну назначения товара и потому более надёжной — особенно в тех случаях, когда речь идёт о сопоставимых чётких рубриках учёта, например, автомобилях. Поэтому далее общий российский импорт определённых товаров я указываю по данным русской таможни, а долю немецких изделий — по данным таможни Германии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Импорт транспортных средств и его значение

Самыми скромными объёмами отличался импорт водного транспорта из Германии. В предвоенное пятилетие он имел следующие показатели (табл. 1):

Таблица 1

Импорт водного транспорта из Германии (1909—1913) *

Категория судна	1913 (в шт.)**	1909—1912	Всего
Суда морские, стальные или железные, с двигателями	1 (на 780 т.)	7	8
Стальные или железные буксиры	0	6	6
Речные суда для рекреационных целей	4	19	23
Вёсельные лодки и подобные личные суда	11	35	46
Речные буксирные, спасательные моторные суда	12 (на 88 т.)	24	36
Речные пассажирские и грузовые суда с моторами из железа или стали	3	7	10
Речные суда без двигателей из других материалов	0	5	5
Итого	31	102	133

* Сост. по: [AH1913, V. 50].

** Сведения о тоннаже немецкая таможня публиковала от случая к случаю.

К 1914 году российский торговый флот насчитывал 1103 парохода и 2597 парусных судов общей вместимостью в 783 регистровых тонн [Россия в годы …, 2014, с. 371]. Импортные корабли составляли в нём заметную, но далеко не преобладающую долю. Железных судов, на которые приходился основной тоннаж, Россия ввозила в предвоенное десятилетие 56—66 шт. в год, и только в 1912—1913 годах это число выросло до сотни: в 1912 году — 100 судов на 26,2 тыс. тонн, в 1913 году — 122 судна на 35,8 тыс. тонн. Судов деревянных ввозилось значительно больше — по 280—290 шт. в год, но их общий тоннаж в 1—1,5 тыс. т — величина, которой можно пренебречь [ОВТ1912, с. 404—405; ОВТ1913, с. 408—409].

Доля кораблей «из Германии» в импорте водного транспорта значительно уступала британской, а также норвежской и шведской. Число ввезённых в предвоенное пятилетие судов немецкого производства, которые пополнили или могли пополнить торговый флот России в годы Первой мировой, не достигало и одной сотни (табл. 1). Тоннаж их, судя даже по

данным российской таможни (значительно преувеличенным по сравнению с данными немецкими), был относительно общего тоннажа торгового флота России очень невелик: 8,8 тыс. т в 1912 году и 5,1 тыс. т в 1913 году [Там же]. Ввоз немецких пароходов, на мировом рынке уступавших традиционным лидерам судостроения, не мог ни способствовать, ни препятствовать транспортному кризису в период войны: на воде Россия «немецкого засилья» не знала.

Импорт из Германии товаров, имевших прямое отношение к железным дорогам, несколько более внушителен (табл. 2):

Таблица 2

Импорт железнодорожных товаров из Германии (1909—1913) *

Категория товара	1913	1909—1912	Всего
Рельсы	1 284,3 т	8534,4 т	9818,7 т
Шпалы	1,1 т	104,1 т	105,2 т
Жел.-дор. оси, колёса, тележки	346,3 т	1436,2 т	1782,5 т
Локомотивы с тендером весом до 10 т	544,5 т (75 шт.)	1054,2 т	1598,7 т
Локомотивы с тендером весом более 10 т	1155,4 т (66 шт.)	1932,4 т	3129 т
Локомотивы без тендера	41,2 т (5 шт.)		
Рельсовый транспорт с двигателем (вкл. отд. части)	272,5 т (26 шт.)	771 т	1043,5 т
Рельсовый транспорт без двигателей; грузовые и др. вагоны не для пассажирских перевозок (вкл. отд. части)	221,9 т	1388,4 т	1610,3 т
Вагоны без отделки пассажирские и служебные (вкл. отд. части)	11 т (6 шт.)	428,1 т	439,1 т
Вагоны с отделкой пассажирские, трамвайные (вкл. отд. части)	67,8 т (15 шт.)	1084,6 т	1152,4 т
Вагоны для однорельсовых путей (вкл. отдельные части)	18,2 т (92 шт.)	56 т	74,2 т

* Сост. по: [AH1913, V. 45, V. 48, V. 50].

В отличие от водного транспорта, в железнодорожном импорте германская доля преобладала: британские и бельгийские поставщики (с их вагонами для конного трамвая) отставали. 90 % всех импортных паровозов и 95 % электровозов закупались в Германии [Иванов П. Г., 1920, с. 16]. Однако о серьёзном распространении немецкой техники на железных дорогах Российской империи говорить не приходится: значение иностранного подвижного состава для железнодорожной сети в целом было мало. Им-

порт вагонов был статистически ничтожен — 257 шт. в 1912 году, 249 шт. в 1913 году, 168 шт. в 1914 году [ОВТ1912, с. 404—405; ОВТ1913, с. 408—409; ОВТ1914, с. 408—409]. На фоне общей численности вагонов в России (539 тыс. шт. в 1914 году) [Россия в годы …, 2014, с. 355] и потребности в 1914—1918 годах в десятках тысяч несколько сотен — мелочь, тем более что большую их часть составляли пассажирские (трамвайные) вагоны. Эта техника не могла усилить транспортную систему страны в годы войны, когда требовались прежде всего вагоны товарные. То же можно сказать о более чем скромном ввозе рельс и шпал. Всех ввезённых в Россию из Германии в 1909—1913 годах рельсов (9,8 тыс. т) не хватило бы даже для укладки трамвайных путей в Москве относительно лёгкими рельсами «Феникс» (46 кг/м), которые там использовались [Иванов М. Д. и др., 2009, с. 20]. 9,8 тыс. т достаточно было бы для прокладки всего 106,7 км пути, а московская трамвайная сеть ещё в 1909 году значительно превзошла эту цифру [Тархов, 1999, с. 127]. Закупки заграничных рельсов, вагонов, колёс и других элементов, аналоги которых изготовлялись в России, осуществлялись в особых обстоятельствах: когда требовались образцы, срочное пополнение парка или же товары очень удобно было приобрести у иностранцев для нужд железной дороги вблизи границы.

Скромный объём импорта железнодорожных товаров связан прежде всего с тем, что российская промышленность могла *в мирное время* удовлетворить большую часть спроса на подвижной состав, а также с защитой рынка паровозов и вагонов от иностранной конкуренции: импорт требовал согласия Министерства путей сообщения [Barch-4, Bl. 163; Хроника …, 1914, с. 383]. В ряду привозных изделий на железной дороге выделялись только паровозы (почти все — немецкие), спрос на которые возрос в 1913—1914 годах на фоне обнаружившегося недостатка подвижного состава [Кафенгауз, 1994, с. 140]. В 1913 году Германия продала в Россию 146 локомотивов, в предыдущие четыре года — около 250 шт., и ещё не менее 100 шт. в первом полугодии 1914 года (592 т локомотивов весом менее 10 т и 602,6 т локомотивов весом более 10 т) [MN1913, S. 184,199]. Таким образом, к началу Первой мировой войны в России насчитывалось около пятисот различных паровозов, импортированных в 1909—1914 годах из Германии. С учётом того, что на 31 декабря в империи имелся всего 20 071 паровоз [Россия в годы …, 2014, с. 355], это величина довольно заметная, и, таким образом, этот импорт усилил транспортную систему незадолго до военного столкновения с импортёром.

Гораздо большее значение, однако, чем паровозы, имели для России ввезённые до войны из Германии автомобили. Российская автопромышленность пребывала в зачаточном состоянии и давала менее сотни «само-

ходов» в год. Автомобили, которых в стране насчитывалось к 1914 году около 14 тысяч [Россия в годы …, 2014, с. 127; ОВТ1913, с. 404—405], имели большей частью иностранное происхождение. С. В. Кирилец и Г. Канинский оценивают долю немецких машин в «более 80 % от общероссийского количества» [Кирилец и др., 2010, с. 53, 115]. Эта оценка должна быть пересмотрена, хотя данные российской таможенной статистики как будто бы её подтверждают: в 1912—1913 годах «из Германии» ввозилось 79,5 % автомобилей (табл. 3).

Таблица 3

Ввоз автомобилей из Германии по данным российской таможни (1907—1914)

Год	Всего (в шт.)	Из Германии
1910	1844	1247 (67,6 %)
1911	2730	2018 (73,9 %)
1912	3450	2744 (79,5 %)
1913	5416	4308 (79,5 %)
1914	4560	2590 (56,8 %)
Итого	20 481	

Сост. по: [Импорт …, 1914; ОВТ1912; ОВТ1913; ОВТ1914].

Статистика немецкой таможни, однако, позволяет существенно прояснить эти сведения: согласно таможне Германии, в 1913 году было экспортировано в Россию 1629 легковых автомобилей и шасси, а также 222 грузовых автомобиля и шасси немецкого производства [AH1913, V.50] — всего 3 081 т. Экспорт предыдущих лет также значительно меньше учтённого российской таможней привоза «из Германии»: 1912 год — 2096 т. (ок. 1115 легковых и 148 грузовых), 1911 год — 1125 т. (ок. 640 легковых и 60 грузовых), 1911 год — 838 т. (ок. 505 легковых и 35 грузовых) [Ibid.]. Данные «Союза немецких производителей моторного транспорта» не противоречат сведениям немецкой таможни [Barch-5, Bl. 33—34]. Разница между российской и немецкой статистикой должна приходиться на автомобили, прибывавшие в Россию «из Германии», но произведённые в других странах. Точно так же дело обстояло с мотоциклами (1123 шт. «из Германии» по российским данным в 1913 году и 731 шт. «в Россию» по немецким) и велосипедами (14 769 шт. по российским данным в 1913 году и 13 798 шт. по немецким). К этим числам можно, вероятно, прибавить какое-то небольшое количество автомобилей немецких марок, ввозившихся в Россию через другие государства, например, Австро-Венгрию. Сле-

дует поэтому предположить, что доля автомобилей германского производства составляла не 80 %, а около 45—50 % с учётом машин, ввезённых в первой половине 1914 года (с января по май — 1191 т., около 615 легковых и 90 грузовых [MN1913, S. 200]).

Достаточно весомый импорт автомобилей из Германии послужил интересам армии России. Автопарк армии ещё до войны комплектовался в том числе немецкими машинами. Так, в 1913 году ГУГШ заказал 119 автомобилей фирм «Даймлер», «Бюссинг», «Мулаг», «Бенц Гаггенау», «Адлер» и «Опель», а также прицепы, запасные шины, колёса, автомобильные прожекторы с генераторами, станки, приборы и инструменты для мастерских гаража Учебной автомобильной роты. Всего же автомобилей зарубежных фирм военное ведомство купило в 1913 году 418 шт. — немецких, французских, итальянских, британских и американских фирм [РГВИА, ф. 802, оп. 1, д. 202, л. 52—62]. К началу войны в армии числилось всего 711 штатных автомобиля [Виноградов, 2016, с. 70], к которым реализация военно-автомобильной повинности добавила 475 грузовых и 3562 легковых автомобиля, взятых у населения [Шаров, 1928, с. 39]; очевидно, значительную их часть также составляли немецкие машины. До конца года удалось купить и доставить в Россию ещё 1216 машин в Великобритании, 284 в США и приобрести у населения Финляндии 108 машин [Виноградов, 2016, с. 71]. В основном с этим автопарком армии пришлось иметь дело до 1916 года, в начале которого в войсках насчитывалось всего 5283 автомобиля [Поликарпов, 2015, с. 243]. Позднее удалось получить довольно масштабные (но далеко не достаточные) заказы, сделанные у союзников и нейтральных стран. Но даже к 1 июля 1917 года машины немецких марок всё ещё составляли в русской армии заметную долю: 1053 из 12 378 штук [История …, 1994, с. 224—225].

Наличие значительного числа автомобилей германских заводов, причём самых разных марок, имело обратную сторону медали. Оно вызывало проблемы эксплуатации, связанные с прекращением русско-немецкой торговли, — нехватку запчастей и инструментов [Там же, с. 110] (прежде Германия поставляла различные автомобильные детали и шины: 172,6 т и 50,2 т в 1913 году [Volkswirtschaftliche…, 1914, S. 42]); это затрудняло работу ремонтных мастерских, производительности которых катастрофически не хватало. Неслучайно почти 30 % автомобилей в 1917 году постоянно простаивали в ремонте [Россия в годы …, 2014, с. 366]. Ещё одно негативное последствие внушительного по меркам начала 1910-х годов импорта автомобилей из Германии заключалось в том, что производственные мощности автопромышленности противника, рассчитанные на экспорт (а Россия была крупнейшим клиентом, закупавшим 25 % экспортных немецких

машин [Barch-1, Bl. 12]), могли быть легко переориентированы на нужды вражеской армии; в войну Германия вступила с автозаводами, дававшими более 18 тыс. автомобилей в год [ДОС, 1915, с. 237].

России же переориентировать оказалось нечего. Дешёвый и качественный импорт предвоенных лет служил непреодолимым препятствием для возникновения жизнеспособной автомобильной промышленности. Несколько частных предприятий закрылось ещё до начала войны, сумев произвести около полутора сотен машин. На ходу остался лишь автомобильный отдел Русско-Балтийского завода, который мог изготовить меньше сотни машин в год, чем и занимался до эвакуации из Риги в 1915 году. Правда, и это маленькое производство держалось на иностранных комплектующих и государственных военных заказах, а не благодаря конкурентоспособной цене и качеству продукции [Поликарпов, 2015, с. 247]. Звучавшие в 1900—1910-е годы просьбы предпринимателей защитить рынок от заграничных товаров остались неуслышанными, и к 1914 году Россия подошла, практически не имея автомобильного производства. В 1914—1917 годах военное ведомство заказало за границей 24 978 различных автомобилей [Статистический сборник …, 1921—1922, с. 228], при этом ГВТУ переплачивало, часто получало машины несвоевременно, не в должном виде, и с трудом находило в Европе фирмы, готовые взяться за русские заказы из-за приоритета в отношении своих армий [Виноградов, 2016, с. 70]. Хуже того — сотни миллионов рублей, потраченных на эти закупки, решили проблему лишь частично: автомобилей в армии хронически не хватало до самого конца войны, а автопарк так и не достиг сопоставимых величин с автопарками главных союзников по Антанте и автопарком Германии.

3.2. Импорт средств производства и последствия

Утрата возможности покупать у немецких фирм готовые транспортные средства и запчасти к ним (из которых значительный объём приходился только на автомобили) сама по себе ещё не могла подорвать транспортную систему России и обороноспособность её армии. Запас же импортированного до войны транспорта (за исключением тех же автомобилей) не мог существенно поддержать её, так как потребности военного времени значительно превышали возможности того парка, что имелся в наличии к августу 1914 года. Иностранные закупки лишь частично удовлетворяли их в силу множества обстоятельств: сокращение экспорта и нехватка валюты, перегруженность промышленности союзников собственными заказами, нехватка торгового флота для доставки покупаемых товаров и т. д. В этих условиях решающее значение обрёл промышленный потенциал России. И именно в этом отношении зависимость от импорта из Германии оказалась одним из ключевых факторов, способствовавших транспортному кризису.

Ахиллесовой пятой экономики Российской империи стала слабость её машиностроения. Успехи индустриализации начала XX века во многом обеспечивались недорогим импортом станков, двигателей, измерительных приборов, электрооборудования и иных средств производства. Российское производство станков удовлетворяло не более 1/3 от потребности в них промышленности, всё остальное завозилось из-за границы. Причины этого заключались как в том, что российская промышленность находилась в догоняющем положении в целом, так и в том, что таможенные ставки не защищали рынок от конкуренции, особенно с немецкими лёгкими, сложными и точными станками. Иностранные станки, у которых имелись российские аналоги, стоили в среднем на 30—40 % дешевле [МПТД, 1915, с. 1—2, 7—8]. Качество импортного товара также играло роль. Комиссия собрания выборных московского купеческого сословия по германскому и австрийскому засильям отмечала в 1915 году, что причинами распространения германских товаров были их достоинства — «высокие качества германских изделий, аккуратность выполнения заказов, дешевизна, изящество» [О докладе…, 1916, с. 6].

Завозилось различное оборудование преимущественно из Германии. Так, металлообрабатывающих станков в 1913 году Россия ввезла 1 140 903 пудов, то есть 18 688 т., из них немецких — 13 077 т. (12 477 шт.), или 70 % [ОВТ1913, с. 396—397; АН1913, V. 49], в 1912 году — 11 771 т, из них немецких — 8 162 т, или 69,3 % [ОВТ1912, с. 392—393, АН1913, V. 49]. Таким образом, немецкие металлообрабатывающие станки составляли в предвоенные годы почти половину от общероссийского их потребления. Помимо этого, Германия продавала в Россию деревообрабатывающие станки (2 283 шт. в 1913 году), паровые и гидравлические прессы, паровые молоты (597 шт.), стационарные двигатели внутреннего сгорания и газовые моторы (1776 шт.), динамо-машины, электромоторы, преобразователи и трансформаторы (1275 шт. только крупных, весом более 5 ц) и множество других средств производства [АН1913, V. 50]. Спрос на эту продукцию постоянно рос: лишь за первые пять месяцев 1914 года Россия импортировала немецких металлообрабатывающих станков 7839 т. [MN1914, S. 190] — почти столько же, сколько за весь 1912 год.

Компенсировать утрату немецкого экспорта в условиях войны пытались двумя способами: расширением собственного машиностроения и закупками на других зарубежных рынках. Оба пути лишь отчасти разрешили проблему. Российские заводы расширили существовавшее производство станков (прежде всего токарных и фрезерных), устанавливали некоторые новые производства, но потребности промышленности росли быстрее. В 1914—1917 годах доля русских станков в станочном парке со-

кратилась до 19,8 % [Айзенштадт и др., 1957, с. 140]. Станки сложные и точные, сложное электрооборудование по-прежнему приходилось искать и закупать за границей, но уже в более затруднительных условиях, с задержками, по гораздо более высоким ценам и без возможности выбрать хорошо знакомую инженерам и мастерам продукцию, адаптированную для русского рынка (как это было в случае с немецкой техникой) [Там же]. В период войны (кроме 1916 года) импорт в Россию тех же металлообрабатывающих станков был ниже довоенного [ОВТ1912; ОВТ1913; ОВТ1914; Ежегодные данные …], что также объясняется перегруженностью машиностроительных заводов союзников собственными заказами и другими факторами. По подсчётам Л. Б. Кафенгауза, Россия импортировала меньше аппаратов и машин промышленного потребления, чем в 1913 году (330 тыс. т): 259 тыс. т в 1914 году, 61,1 тыс. т в 1915 году, 154,6 тыс. т в 1916 году и 101,1 тыс. т в 1917 году [Кафенгауз, 1994, с. 173]. При этом только часть ввезённого оборудования удавалось своевременно запустить из-за проблем с доставкой его на предприятия: десятки тысяч тонн грузов скапливались в портах, многие грузы оставалась там до самого окончания уже Гражданской войны. Характерную картину можно было наблюдать зимой 1916 года в Архангельске: сани неслись по крышкам ящиков с военным и промышленным имуществом, лежавшим в порту с лета 1915 года [Виноградов, 2016, с. 72].

В результате потребность промышленности в станках оказалось невозможно удовлетворить. В июне 1916 года эту проблему обсуждало Особое совещание, признавшее, что «…недостаток станков создаёт ныне замедление во всех производствах» [Журнал № 76, 2013, с. 294]. Последствия довоенной зависимости от импорта немецкого оборудования не могли не коснуться и 11 предприятий, занятых производством подвижного состава и рельсов, а также железнодорожных мастерских. Этой теме уделило много внимания ИРТО на страницах своего журнала «Железнодорожное дело». Общество сообщало, что одним из основных потребителей станков были именно железные дороги, а также поставщики «подвижного состава и изделий для железных дорог» [Потребность …, 1917, с. 127]. В том числе немецкие заводы «Зенткер», «Лёве», «Гейденрейх и Гарбек», «Вейнерт», «Отто Фрорин», «Вагнер и Ко» и другие поставляли в Россию самые востребованные в паровозо- и вагоностроении станки: токарные, сверлильные, строгальные, фрезерные, шлифовальные, болторезные, специальные и прочие [МПТД, с. 1—2, 7—8]. Кроме того, немецкие машины и приборы широко использовались на железных дорогах под видом русских (что позволяло обходить протекционистские ограничения министерства путей сообщения). До войны филиалы немецких заводов собирали в России из

изготовленных в Германии деталей различные предметы, которые и поставлялись железным дорогам [Иванов А. А. и др., 2023, с. 340]. В число таких «российских» товаров входили станки для обработки металла и дерева, инжекторы, двигатели внутреннего сгорания, каучук, парафин, индиго, ртуть, лаки и краски, станки для механических испытаний, дезинфекционные средства и др. [Записка …, 2015, с. 2].

Какой степени достиг дефицит станков и иного оборудования в период войны, показали подсчёты, сделанные в 1916 году. В тот момент железным дорогам, паровозо- и вагоностроительным заводам требовалось только для ремонта подвижного состава нового механического оборудования на 53 млн рублей, а на увеличение производительности — ещё 132 млн рублей, из которых 75 % предполагалось на новые станки, около 15 % на двигатели и 20 % на вспомогательные устройства [Потребность …, 1917, с. 126]. Этот дефицит не позволил производителям подвижного состава нарастить свои мощности до уровня, отвечавшего потребностям железнодорожной сети. Выпуск критически важных для транспортной системы паровозов увеличился в годы войны в недостаточной мере (в 1913 году — 654 шт., 1914 году — 763, в 1915 году — 917, 1916 году — 600, 1917 году — 400), производство товарных вагонов — тоже, хотя здесь заводы показали более существенный рост (с 13,8 тысяч шт. в 1913 году до 23,4 тыс. в 1915 году) [Кафенгауз, 1994, с. 187]. Потребность же в новых паровозах достигала 1,5 тыс. шт. в год [Иванов А. А. и др., 2023, с. 334—335]. И паровозы, и вагоны пришлось заказывать за границей — прежде всего в США, но это не обеспечило даже сохранение численности вагонного и паровозного парков на уровне 1914 года. К концу 1916 года вагонов насчитывалось на 14 % меньше, паровозов — на 16 % [ЖОС, 2013, с. 13]. Иностранные закупки позволили, однако, оттянуть апогей железнодорожного кризиса с 1915 года на конец 1916 года [Сенин, 2009, с. 256—258].

Не менее трагически зависимость от импорта станков и прочего оборудования сказалась на автомобильной отрасли России, которую ЦВПК, Особое совещание и Совет министров пытались создать прямо в период войны. Боевые действия быстро продемонстрировали преимущества этого вида транспорта (в Восточной Пруссии в 1914 году, в ходе сражения на Марне и Лодзинской операции на Восточном фронте в том же году). К осени 1915 года в Особом Совещании, Военном ведомстве и Совете министров сложилось понимание, что заграничные поставки автомобилей — не лучшее решение проблемы их нехватки. В Особом Совещании 21 октября докладывали: «Развитие автомобильной промышленности в России является, с точки зрения интересов государственной обороны, одной из насущнейших задач настоящего момента. Опыт истекшего периода войны по-

казал, что потребность в автомобилях в современных условиях войны является весьма большой, что уже послужило причиной производств заказов за границей автомобилей на сумму около 100 миллионов рублей» [Журнал № 8, 2013, с. 365]. Совет министров вложил затем внушительные средства в создание автомобильных заводов — пяти частных и одного казённого (55 млн р. только в казённый [Поликарпов, 2015, с. 254—255]). Планировалось, что с конца 1916 года они будут в состоянии производить 6750 легковых и 3750 грузовых автомобилей в год [Прокофьева, 2012, с. 172].

Ни один из шести заводов не приступил к производству автомобилей ни в конце 1916 года, ни к концу войны. Каждое из этих предприятий нуждалось в британском и американском оборудовании, материалах и инженерах, а также в союзническом кредите. Однако станки и машины для казённого завода прибыли из Англии в Архангельск лишь в августе-сентябре 1917 года и так там и остались из-за расстройства железных дорог. Частный завод «АМО» смог заказать, получить и запустить в 1917 году только 15 % необходимых станков, «Руссо-Балт» — 50 %, завод В. А. Лебедева в Ярославле — 25 %, рыбинский «Русский Рено» — 40 % [Воронкова, 1965, с. 151—168]. По иронии судьбы, дооборудование для заводов «АМО» и «Русский Рено» уже советская власть запрашивала для покупки в 1923 году… у Германии [Ведомость …, 2011, с. 134]. Мешал дефицит необходимых станков и оборудования и воспользоваться теми автомобилями, что закупались у союзников: ремонтные мастерские не успевали вовремя собирать доставленные машины, и автомобильные детали гнили на импровизированных складах во Владивостоке [Поликарпов, 2015, с. 257; Порох …, 2017, с. 238, 508] (похожие затруднения испытывали и в железнодорожных мастерских [Записка …, 2015, с. 2]).

4. Заключение = Conclusions

Последствия довоенного импорта готовых немецких транспортных средств в Россию носят неоднозначный характер. С одной стороны, ввезённые в 1909—1914 годах паровозы и автомобили пополнили российский паровозный и автопарк. С другой — служили одним из препятствий для развития российской промышленности, так как предпринимателям в условиях низких таможенных пошлин на заграничный товар оказалось невыгодно создавать автомобильные заводы.

В ещё большей степени это касается средств производства. Чрезмерная зависимость от немецкого рынка товаров промышленного потребления не только мешала развитию российского станкостроения, но и лишила Россию возможности быстро и эффективно переориентироваться после начала войны на поставки аналогичного оборудования из Великобритании,

США и других стран, чьи заводы не имели ни достаточных мощностей для исполнения всех русских заказов, ни соответствующей торговой инфраструктуры, ни столь тесных и давно налаженных связей между производителями и потребителями. Насколько существенную роль играл последний фактор, иллюстрирует ситуация на рынке потребительских товаров. Немецкая продукция, традиционно занимавшая видное место на русском рынке, продолжала поставляться из Германии даже во время войны. Хорошо знавшие рынок, имевшие обширные связи и систему сбыта предприниматели быстро научились доставлять через нейтральные страны привычные российскому покупателю немецкие электрические лампочки, краски и лаки — с английскими этикетками и шведскими печатями [Industrie…, 1914/15, № 1, S. 26]. Но если с лампочками и красками подобное было возможно, то со станками и промышленными двигателями — нет.

Зависимость от немецкого экспорта средств производств и последствия его прекращения практически не затронули в годы войны только два вида транспорта — водный и гужевой, производство которых слабо зависело от иностранных компонентов. Однако она стала одним из ключевых факторов кризиса в более чувствительных сегментах: препятствовала созданию автомобильной промышленности и увеличению производительности паровозо- и вагоностроительных предприятий. Война продемонстрировала правоту профессора И. М. Гольдштейна: показала, насколько сильно структура внешней торговли Российской империи, а именно чрезмерная доля немецких товаров в её импорте средств производства, противоречила месту России на международной арене. Возможности фабрик и заводов, пытавшихся преодолеть последствия этого положения в ходе войны, оказались недостаточными. Если в 1915 году промышленники и общественные деятели, в частности Н. фон Дитмар, ещё выражали оптимизм и считали индустриальный потенциал страны неисчерпанным [ТСПВПК, 1915, с. 52], то в 1916 году стали видны пределы промышленной мобилизации. На железных дорогах, где приближение «расстройства» и даже «разрухи» чувствовалось особенно сильно, понимали, что успешная мобилизация и модернизация промышленности не могут состояться без достаточно развитой базовой отрасли машиностроения — станкостроения. ИРТО открыто публиковало свой вывод: «…ранее осуществления плана железнодорожного строительства надо создать в стране вспомогательные производства, и в том числе станкостроительство» [Потребность …, 1917, с. 126]. Но до окончания Первой мировой войны осуществить это было невозможно.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY OPEN ACCESS

Источники и принятые сокращения

1. *Ведомость* потребного снаряжения для армии и промышленности // Москва—Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920—1941. Сб. док. В 3 т. (1920—1926). — Москва : Наука, 2011. — Т. 1. — 1031 с.

2. *Гольдштейн И. В.* Война, русско-германский торговый договор и следует ли России быть «колонией» Германии / 2-е испр. и доп. изд. — Москва : Типо-лит. Русского товарищества печатного издательского дела, 1915. — 87 с.

3. ДОС — *Девятый* очередной Съезд Представителей Промышленности и Торговли. Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил в России. — Петроград : Типография П. П. Гершунина, 1915. — 424 с.

4. *Ежегодные* данные о суммарной торговле всеми учтёнными таможенной статистикой товарами [Электронный ресурс] // Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв. — Режим доступа : http://www.hist.msu.ru/Dynamics/ [дата обращения 10.04.2023].

5. *Журнал № 76* Особого Совещания для обсуждений мероприятий по обороне государства. Заседание 1 июня 1916 г. // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особого совещание по обороне государства). 1918—1918 : в 3 т. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — Т. 2. — С. 293—300.

6. *Журнал № 8* Особого Совещания для обсуждения мероприятий по обороне государства. Заседание 19 сентября 1915 г. // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особого совещание по обороне государства). 1918—1918 : в 3 т. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — Т. 1. — С. 281—288.

7. ЖОС — *Журналы* Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особого совещание по обороне государства). 1918—1918 : в 3 т. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — Т. 2. — 743 с.

8. *Записка* по XVIII Отделу в Особую комиссию о мерах по промышленности в связи с войной // Железнодорожное дело. — 1915. — № 1—2. — С. 1—2.

9. *Импорт* автомобилей в Россию // Автомобильная жизнь и авиация. — 1914. — № 3. — С. 4.

10. МПТД — *Материалы* по пересмотру торговых договоров. № 11 : Доклад Н. Н. Саввина о пошлинах на станки по обработке металлов ; / Совет съездов представителей промышленности и торговли, Совет съездов представителей бирж. торговли и сел. хоз-ва, Особая комис. по пересмотру торг. договоров. — Санкт-Петербург ; Пг: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1915. — 40 с.

11. ОВТ1912 — *Обзор* внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1912 год. — Санкт-Петербург : Типо-лит. М.П. Фроловой, 1913. — Ч. 1. — 1050 с.

12. ОВТ1913 — *Обзор* внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1913 год. — Петроград : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1914. — Ч. 1. — 1061 с.

13. ОВТ1914 — *Обзор* внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1914 год. — Петроград : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1915. — Ч. 1. — 1070 с.

14. *О докладе* Комиссии собрания выборных московского купеческого сословия по германскому и австрийскому засильям // Железнодорожное дело. — 1916. — № 1. — С. 6—7.

15. *Пересмотр* русско-германского торгового договора и необходимые реформы в статистике внешней торговли // Русский курьер. — 1911. Август. — С. 1—3.

16. *Потребность* сети русских железн. дорог в механическом оборудовании главных и участковых мастерских в предстоящие годы // Железнодорожное дело. — 1917. — № 13—14. — С. 126—127.

17. РГВИА — *Российской* государственный военно-исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 202. Ведомость заказам, произведённым заграницей в 1913 году по бывшему IV Отделению Отдела Военных Сообщений Главного Управления Генерального Штаба.

18. *Статистический* сборник за 1913—1917 гг. / Центр стат. упр. по отд. период. изд. — Москва : 1921—1922. — 307 с.

19. ТСПВПК — *Труды* Съезда представителей военно-промышленных комитетов 25—27 июля 1915 года. — Петроград : Типография П. П. Гершунина, 1915. — 288 с.

20. *Хроника* VIII-го Отдела И.Р.Т.О. // Железнодорожное дело. — 1914. — № 47—48. — С. 383.

21. AH1913 — Auswärtiger Handel im Jahre 1913 / Statistik des Deutschen Reichs, Band 271 ; bearb. Im Kaiserlichen Statistischen Amte. Der Verkehr mir den einzelnen Ländern im Jahre 1913. — Berlin : Verlag von Puttkammer & Mühlbrecht, 1914. — 983 S.

22. Barch-1 — *Bundesarchiv*. Deutschlands Ausfuhr nach Russland in den Hauptproduktionszweigen im Verhältnis zur deutschen Gesamtausfuhr // Barch. R. 901. Nr. 4019.

23. Barch-2 — *Bundesarchiv.* Die wissenschaftlichen Verhältnisse in Russland // Barch. R 901. Nr. 4018. Bd. 4.1.

24. Barch-3 — *Bundesarchiv.* Aussenhandel // Barch. R 901. Nr. 6351.

25. Barch-4 — *Bundesarchiv.* Notiz // Barch. R 901. Nr. 2792.

26. Barch-5 — *Bundesarchiv.* Geschäftsbericht für das Geschäftsjahr 1912/1913 // Barch. R 901. Nr. 3002.

27. Bericht 1910 / Deutsch — *Russischer* Verein zur Pflege und Förderung der gegenseitigen Handelsbeziehungen. — Berlin : Verlag des Deutsch-Russischen Vereins, 1910. — 131 S.

28. *Industrie* und Handel // Deutsch-Russischer Vereins-Bote. — 1914/15. — № 1. — S. 24—27.

29. MN1914 — *Monatliche* Nachweise über den auswärtigen Handel Deutschlands / hrsg. vom Kaiserlichen Statistischen Amte. — Berlin : Verlag von Puttkammer & Mühlbrecht, 1914. Mai. — 343 S.

30. *Volkswirtschaftliche* Nachrichten // Automobil-Rundschau. — 1914. — Heft 2. — S. 41—42.

Литература

1. *Айзенштадт Л. А.* Очерки по истории станкостроения СССР / Л. А. Айзенштадт, С. А. Чихачев. — Москва : Государственное научно-техническое издательство машиностроительной литературы, 1957. — 528 с.

2. *Виноградов П. В.* Иностранные поставки автомобилей как пример военно-технического сотрудничества России с союзниками в годы Первой мировой войны / П. В. Виноградова // Общество : философия, история, культура. — 2016. — № 8. — С. 69—72.

3. *Воронкова С. В.* Строительство автомобильных заводов в России в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.) / С. В. Воронкова // Исторические записки. — 1965. — Т. 75. — С. 147—169.

4. *Иванов А. А.* Общественная дискуссия вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны / А. А. Иванов, Н. И. Богомазов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 330—350. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350.

5. *Иванов М. Д.* История московского трамвая (1899—2009) / М. Д. Иванов, А. И. Кирсанов, В. В. Розалиев. — Москва : Медиа-Бюро, 2009. — 302 с. ISBN: 978-5-9901797-1-4.

6. *Иванов П. Г.* Очерк истории и статистики русского заводского паровозостроения / П. Г. Иванов. — Петроград, 1920. — 19 с.

7. *История* автомобильного транспорта в России до 1917 года. — Москва : НИИАТ, 1994. — 494 с. — ISBN 5-900841-01-4.

8. *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России / Л. Б. Кафенгауз. — Москва : Эпифания, 1994. — 848 с.

9. *Кирилец С.* Автомобили Русской императорской армии / С. Кирилец, Г. Канинский. — Москва : Фонд «Русские Витязи», 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-903389-28-5.

10. *Поликарпов В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1914. Государственные задачи и частные интересы / В. Поликарпов. — Москва : ЗАО Центрполиграф, 2015. — 383 с. — ISBN 978-5-227-06136-2.

11. *Порох*, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2017. — 532 с. — ISBN 978-5-88812-889-3.

12. *Прокофьева Е. Ю.* История организации производства первых отечественных автомобилей (1896—1920 гг.) / Е. Ю. Прокофьева // Вестник СПбГУ. — Серия 2. — 2012. — Выпуск 1. — С. 168—176.

13. *Россия в годы* Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — 982 с. — ISBN 978-5-8243-1906-4.

14. *Сенин А. С.* Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны : к вопросу о «расстройстве транспорта» / А. С. Сенин // Труды по россиеведению. — 2009. — № 1. — С. 237—269.

15. *Тархов С. А.* История московского трамвая / С. А. Тархов. — Москва : [б. и.], 1999. — 356 с.

16. *Шаров П.* Влияние экономики на исход мировой войны / П. Шаров. — Ленинград : Государственное издательство, 1928. — 174 с.

Статья поступила в редакцию 14.05.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 23.06.2023.

Material resources

A note on the XVIII Department to the Special Commission on measures for industry in connection with the war. (1915). *Railway business, 1—2:* 1—2. (In Russ.).

AH1913 — *Auswärtiger Handel im Jahre 1913.* (1914). Berlin: Verlag von Puttkammer & Mühlbrecht. 983 S. (In Germ.).

Annual data on total trade in all goods recorded by customs statistics. *Dynamics of economic and social development of Russia in the XIX — early XX centuries.* Available at: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/ (accessed 10.04.2023). (In Russ.).

Barch-1 — Bundesarchiv. Deutschlands Ausfuhr nach Russland in den Hauptproduktionszweigen im Verhältnis zur deutschen Gesamtausfuhr. *Barch. R. 901. Nr. 4019.* (In Germ.).

Barch-2 — Bundesarchiv. Die wissenschaftlichen Verhältnisse in Russland. *Barch. R. 901. Nr. 4018. Bd. 4.1.* (In Germ.).

Barch-3 — Bundesarchiv. Aussenhandel. *Barch. R. 901. Nr. 6351.* (In Germ.).

Barch-4 — Bundesarchiv. Notiz. *Barch. R. 901. Nr. 2792.* (In Germ.).

Barch-5 — Bundesarchiv. Geschäftsbericht für das Geschäftsjahr 1912/1913. *Barch. R. 901. Nr. 3002.* (In Germ.).

Bericht 1910 / Deutsch — *Russischer Verein zur Pflege und Förderung der gegenseitigen Handelsbeziehungen.* (1910). Berlin: Verlag des Deutsch-Russischen Vereins. 131 S. (In Germ.).

Chronicle of the VIII-th Department of I.R.T.O. (1914). *Railway business, 47—48:* P. 383. (In Russ.).

DOS — *The Ninth Regular Congress of Representatives of Industry and Trade. Report of the Council of Congresses on measures for the development of productive forces in Russia.* (1915). Petrograd: Printing house of P. P. Gershunin. 424 p. (In Russ.).

Goldstein, I. V. (1915). *War, the Russian-German trade agreement and whether Russia should be a "colony" of Germany.* Moscow: Tipo—lit. Russian Association of Printing Publishing. 87 p. (In Russ.).

Import of cars to Russia. (1914). *Automotive life and aviation, 3:* P. 4. (In Russ.).

Industrie und Handel. (1914/15). *Deutsch-Russischer Vereins-Bote, 1:* 24—27. (In Germ.).

JOS — *Logs of a special meeting to discuss and combine measures for the defense of the state (a special meeting on the defense of the state). 1918—1918: in 3 vols., 2.* (2013). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 743 p. (In Russ.).

Journal № 76 of a special Meeting to discuss measures for the defense of the state. Meeting on June 1, 1916. (2013). *Journals of a special meeting to discuss and combine measures for the defense of the state (Special meeting on the defense of the state). 1918—1918: in 3 volumes, 2.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 293—300. (In Russ.).

Journal № 8 of a special Meeting to discuss measures for the defense of the state. Meeting on September 19, 1915. (2013). *Journals of a special meeting to discuss and combine measures for the defense of the state (Special meeting on the defense of the state). 1918—1918: in 3 volumes, 1.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 281—288. (In Russ.).

List of required equipment for the army and industry. (2011). *Moscow—Berlin: Kremlin Politics and Diplomacy, 1920—1941. Sat. doc. In 3 volumes (1920—1926), 1.* Moscow: Nauka. 1031 p. (In Russ.).

MN1914 — *Monatliche Nachweise über den auswärtigen Handel Deutschlands.* (1914). Berlin: Verlag von Puttkammer & Mühlbrecht. Mai. 343 S. (In Germ.).

MPTD — *Materials on the revision of trade agreements. № 11: Report of N. N. Savvin on duties on metalworking machines.* (1915). St. Petersburg; Pg: Electro-type. N. Ya. Stoykova. 40 p. (In Russ.).

On the report of the Commission of the Assembly of Elected representatives of the Moscow merchant class on German and Austrian dominance. (1916). *Railway business, 1:* 6—7. (In Russ.).

OVT1912 — *Review of Russia's foreign trade along the European and Asian borders for 1912, 1.* (1913). St. Petersburg: Typo-lit. M.P. Frolova. 1050 p. (In Russ.).

OVT1913 — *Review of Russia's foreign trade along the European and Asian borders for 1913, 1.* (1914). Petrograd: Typo-lit. M. P. Frolova. 1061 p. (In Russ.).

OVT1914 — *Review of Russia's foreign trade along the European and Asian borders for 1914, 1.* (1915). Petrograd: Typo-lit. M. P. Frolova. 1070 p. (In Russ.).

Revision of the Russian—German trade agreement and the necessary reforms in the statistics of foreign trade. (1911). *Russian Courier. August.* 1—3. (In Russ.).

RGVIA — Russian State Military Historical Archive. Statement of orders made abroad in 1913 by the former IV Branch of the Department of Military Communications of the Main Directorate of the General Staff. *F. 802. Op. 1. D. 202.* (In Russ.).

Statistical collection for 1913—1917. (1921—1922). Moscow. 307 p. (In Russ.).

The need for a network of Russian railways. roads in the mechanical equipment of the main and district workshops in the coming years. (1917). *Railway business, 13—14:* 126—127. (In Russ.).

TSPVPK — *Proceedings of the Congress of Representatives of Military-Industrial Committees on July 25—27, 1915.* (1915). Petrograd: Printing house of P. P. Gershunin. 288 p. (In Russ.).

Volkswirtschaftliche Nachrichten. (1914). *Automobil-Rundschau, 2:* 41—42. (In Germ.).

References

Aisenstadt, L. A., Chikhachev, S. A. (1957). *Essays on the history of machine tool construction of the USSR.* Moscow: State Scientific and Technical Publishing House of Machine-building Literature. 528 p. (In Russ.).

Gunpowder, gold and steel. Military-technical cooperation during the First World War. (2017). Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts. 532 p. ISBN 978-5-88812-889-3. (In Russ.).

Ivanov, A. A., Bogomazov, N. I. (2023). Public Discussion around American Purchases for Needs of Russian Roads during First World War. *Nauchnyi dialog, 12 (1):* 330—350. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350 (In Russ.).

Ivanov, M. D., Kirsanov, A. I., Rozaliev, V. V. (2009). *History of the Moscow tram (1899—2009).* Moscow: Media-Bureau. 302 p. ISBN: 978-5-9901797-1-4. (In Russ.).

Ivanov, P. G. (1920). *An essay on the history and statistics of Russian factory locomotive construction.* Petrograd. 19 p. (In Russ.).

Kafengauz, L. B. (1994). *Evolution of industrial production in Russia.* Moscow: Epiphany. 848 p. (In Russ.).

Kirilets, S., Kaninsky, G. (2010). *Cars of the Russian Imperial army.* Moscow: Russian Knights Foundation. 264 p. ISBN 978-5-903389-28-5. (In Russ.).

Polikarpov, V. (2015). *Russian military-industrial policy. 1914—1914. State tasks and private interests.* Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. 383 p. ISBN 978-5-227-06136-2. (In Russ.).

Prokofieva, E. Yu. (2012). History of the organization of production of the first domestic cars (1896—1920). *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2, 1:* 168—176. (In Russ.).

Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis. (2014). Moscow: Political Encyclopedia. 982 p. ISBN 978-5-8243-1906-4. (In Russ.).

Senin, A. S. (2009). The railway economy of Russia during the First World War: on the issue of "transport disorder". *Proceedings on Russian Studies, 1:* 237—269. (In Russ.).

Sharov, P. (1928). The influence of economics on the outcome of the World War. Leningrad: State Publishing House. 174 p. (In Russ.).

Tarkhov, S. A. (1999). *History of the Moscow tram.* Moscow: [b. i.]. 356 p.

The history of motor transport in Russia before 1917. (1994). Moscow: NIIAT. 494 p. ISBN 5-900841-01-4. (In Russ.).

Vinogradov, P. V. (2016). Foreign deliveries of cars as an example of military-technical co-operation of Russia with the Allies during the First World War. *Society: philosophy, history, culture, 8:* 69—72. (In Russ.).

Voronkova, S. V. (1965). Construction of automobile plants in Russia during the First World War (1914—1917). *Historical notes, 75:* 147—169. (In Russ.).

The article was submitted 14.05.2023;
approved after reviewing 14.06.2023;
accepted for publication 23.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Лагошина Н. А. Особенности ирландского переселения в Англию в конце XIV — первой половине XV веков / Н. А. Лагошина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 485—501. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-485-501.

Lagoshina, N. A. (2023). Features of Irish Migration to England in Late 14th — First Half of 15th Century. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 485-501. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-485-501. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-485-501

Особенности ирландского переселения в Англию в конце XIV — первой половине XV веков

Лагошина Наталия Анатольевна
orcid.org/0000-0002-7712-3469
кандидат исторических наук,
преподаватель,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений
lagoshina@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Features of Irish Migration to England in Late 14th — First Half of 15th Century

Natalia A. Lagoshina
orcid.org/0000-0002-7712-3469
PhD in History, Lecturer,
Department of Foreign History
and International Relations
lagoshina@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Лагошина Н. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Автор статьи изучает процесс миграции ирландцев в Англию в конце XIV — первой половине XV веков. На основе анализа налоговых документов автор выявляет пункты въезда, основные направления и центры миграции. Исследуется состояние ирландских колоний в английских графствах. Актуальность исследования обусловлена отсутствием исчерпывающей характеристики иностранного населения в позднесредневековой Англии и необходимостью выявления роли ирландцев в английском обществе. Статистический и просопографический анализ источников позволил выявить причины прибытия ирландцев в Англию с точки зрения спроса на их навыки и труд, воссоздать коллективный портрет представителей диаспоры с 1394 по 1440 годы. Анализ списков лицензий показал, что внутренние границы колонизации включали восточный Мидленд и западные графства, расположенные поблизости от портов въезда. Доказано, что направления переселения ирландцев формировались благодаря спросу на труд, а также исходя из давних связей и существования ирландских общин в графствах Англии. Автор приходит к выводу о том, что сохранение ограничительного законодательства в сфере местного управления и образования, попытки массово отправить ирландцев на родину свидетельствуют о формировании устойчивых предубеждений и нетерпимости англичан по отношению к ирландским подданным короля.

Ключевые слова:
ирландская миграция в Англию; позднее Средневековье; внутренние границы колонизации; общины ирландцев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The author of this article examines the process of Irish migration to England in the late 14th to early 15th centuries. Based on an analysis of tax documents, the author identifies entry points, main directions, and centers of migration. The state of Irish colonies in English counties is also explored. The relevance of the study is due to the lack of a comprehensive description of foreign populations in late medieval England and the need to identify the role of the Irish in English society. Statistical and prosopographic analysis of sources allowed for the identification of reasons for the arrival of Irish immigrants in England, as well as the reconstruction of a collective portrait of members of the diaspora from 1394 to 1440. Analysis of license lists showed that internal colonization boundaries included the eastern Midlands and western counties located near entry ports. The author demonstrates that directions of Irish migration were formed based on demand for labor, as well as longstanding connections and the existence of Irish communities in English counties. The author concludes that the preservation of restrictive legislation in local governance and education, as well as attempts to mass deport Irish immigrants back to their homeland, indicate the formation of stable prejudices and intolerance among English subjects towards Irish subjects of the king.

Key words:
Irish migration to England; late Middle Ages; internal borders of colonization; Irish communities.

CC BY OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(415)“13/14”

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Особенности ирландского переселения в Англию в конце XIV — первой половине XV веков

© Лагошина Н. А., 2023

1. Введение = Introduction

Эпоха Средних веков — это время возникновения устойчивых экономических связей между Англией и Ирландским королевством, формирования миграционных маршрутов и первых общин переселенцев внутри страны. Изучение ирландского переселения в Англию эпохи Средних веков не являлось популярной темой в зарубежной историографии из-за сложности интерпретации источников, подавляющее количество которых сохранились неполными. С момента публикации в 1957 году работы британской исследовательницы Сильвии Трапп об иммигрантах в Англии в 1440 году [Thrupp, 1957, p. 262—273] дальнейших попыток провести всеобъемлющий и обширный обзор состава и характеристик иностранного населения в позднесредневековой Англии не предпринималось. В 2015 году исследователями университета Западного Мичигана была создана база данных [The England’s Immigrants Database], включающая большое количество биографий пришлого населения Англии в период с 1330-х по 1550-е годы. По данным биографиям можно воссоздать коллективный портрет представителей диаспоры в разные исторические периоды, проследить маршруты мигрантов, основные регионы прибытия, пол и возраст, род занятий, а также состав семей приезжих.

Современные научные труды по иммиграции в Англию представляют собой макроисторические исследования, сосредоточенные на крупных миграционных событиях [Nicolson, 1979, p. 47; Windsor, 2004, p. 544], в некоторых из них представлены любопытные данные об иммиграции и торговле ирландских купцов и капелланов в портовых городах Англии 1550-х годов, особенностях поступления ирландских студентов-юристов в судебные инны Лондона в позднее Средневековье. Более углубленные исследования, как правило, концентрируются на миграции после 1500 года, например, недавние исследования эпохи Тюдоров и Стюартов, проведенные Н. Гусом и Л. Луу [Immigrants, 2005, p. 263]. Изучение переселения эпохи Средневековья в основном сосредоточено на конкретных местечках в Англии либо на определенных социальных группах [The Alien …, 1998, p. 189; Bradley,

2012, p. 337; Luu, 2005, P. 336]. Предметами пристального внимания исследователей были преимущественно городские районы, такие как Лондон и Саутгемптон, в то время как приезжие английских деревень и сельской местности не вызывали столь высокого интереса. Тем не менее существует огромное количество источников, которые раскрывают многие детали из жизни ирландского населения Англии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основными источниками по изучению данных о приезжих в Англии в позднее Средневековье являются списки уставов ирландского парламента, субсидии на иностранцев, жалованные и охранные грамоты [Statute rolls, 1910, p. 832]. Использование просопографического подхода позволяет воссоздать коллективный портрет представителей диаспоры в конце XIV—XV веков, проследить миграционные маршруты, основные регионы прибытия, род занятий и иные биографические подробности разных групп ирландского населения в Англии.

Детальные сведения об ирландском населении Англии мы получаем благодаря жалованным грамотам [Calendar of the patent, 1891—1929, p. 806; Letters and Papers, 1862—1910, p. 788] и налоговым описям середины XV века. В 1380-х годах английское правительство начало выдавать данные письма, в соответствии с которыми потенциальные жители приобретали себе право на проживание и приносили клятву верности короне [Lambert, 2005, p. 1—24]. На заседании парламента 1439—1440 годов Палата общин ввела налог на иностранцев. Это была серия налогов, взимаемых с иммигрантов первого поколения в Англии в середине — конце XV века, и она являлась новшеством в процедурах налогообложения. Данный акт касался широко распространенного мнения о том, что иностранцы, проживающие в Англии, обладают большим богатством, чем коренные жители, но не облагаются пропорциональным налогом. Этот закон ввел подушный налог, который должны были платить все лица старше двенадцати лет, не являющиеся коренными жителями Англии, по двум разным ставкам. Лица, классифицируемые как «домохозяева» (как правило, ремесленники, торговцы и другие относительно оседлые люди), должны были платить 16 фунтов стерлингов каждый в год, в то время как те, кто классифицировался как «не являющиеся домовладельцами» (в основном слуги, чернорабочие или трудящиеся-мигранты), должны были платить 6 фунтов стерлингов ежегодно. Исключений было относительно немного. От выплаты налогов освобождались валлийцы, так как согласно Ридланскому статуту 1284 года княжество Уэльс присоединилось к английской короне, женщины-иностранки, вышедшие замуж за англичан или валлийцев, а так-

же члены религиозных орденов. Любопытно, что ирландцы[1], как и другие иностранцы, были включены в список налогоплательщиков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Попытки ограничения ирландской миграции на законодательном уровне

Налогообложению подлежало все иностранное население Англии: ирландцы, гасконцы и норманны, бретонцы и фламандцы, шотландцы и жители Нормандских островов, французы и итальянцы, испанцы и португальцы, исландцы, шведы и финны, а также ирландские подданные короля. Реализация нового законодательства привела к сопротивлению разных групп иностранцев, таких как генуэзские и ганзейские купцы, которые потребовали освобождения от налогов на основании своих хартий [Thrupp, 1957, p. 262—273; The Alien …, 1998, p. 3—4]. Также последовали протесты из Ирландии. Граф Ормонд, как глава администрации Дублина, попросил Генриха VI, чтобы англичане, родившиеся в Ирландии, имели те же права и свободы, что и англичане, родившиеся в Англии. Возможно, в результате его выступлений на следующем заседании парламента в начале 1442 года, когда законопроект был продлен еще на два года, ирландцы были удостоены того же положения, что и валлийцы, на которых не распространялись условия закона об иностранцах [England and Ireland …, 1987, p. 530; Calendar of the Patent …, 1891—1916, p. 155].

Впрочем, попытка отправить ирландцев к себе на родину не являлась новшеством. В разные периоды корона требовала, чтобы определенные группы иностранцев-резидентов либо покидали страну, либо соответствовали определенным критериям, чтобы остаться. Обычно это происходило во времена повышенной напряженности или войны и становилось все более распространенным явлением в конце XIV — начале XV веков. Представители ирландской общественности рассматривали практику взимания налога как проявление недоверия и неприязни к ирландцам в Англии позднего Средневековья. Ирландские приезжие, как и валлийцы, считались нарушителями спокойствия, особенно в Оксфорде и Кембридже. С 1331 года предпринимались различные попытки отправить все ирландское население на родину, чтобы они могли выполнять обязанности землевладельцев и приходских священников, а также защищать границы от гэльских ир-

1 Здесь и в остальной части статьи слово ирландец используется в значении «рожденный в Ирландии», а не для того, чтобы отличить коренных / гэльских ирландцев от англо-ирландских колонистов. Последнее различие было приведено в петиции к парламенту в 1422 году, где ирландцев, не присягнувших на верность английскому королю, называли «ирландцами Уайлда». В списках субсидий на иностранцев подобных разделений не проводилось.

ландцев. Согласно указу Эдуарда III, «все лица, имеющие земли и поместья в Ирландии, в том числе священнослужители», должны были проживать в там для «обеспечения достаточной охраны королевства» [Statute rolls, 1907, p. 329]. В случае неповиновения предусматривалась конфискация собственности. Но, несмотря на запреты и лишения, подавляющее большинство лендлордов остались в своих английских поместьях. Следует заметить, что в период развития англо-ирландской колонии нарастало недоверие к ирландскому населению. В том же указе было особо отмечено, «чтобы ни одно лицо в каком бы то ни было государстве не поддерживало и не защищало ирландцев и других лиц, восстающих против короля» [Statute rolls, 1907, p. 329].

Попытки выдворить ирландцев из страны усилились во второй половине XIV века с принятием закона о высылке 1380 года. В списках уставов ирландского парламента указывалось, что английская колония сильно пострадала из-за того, что многие подданные короля, имеющие земли, ренты и бенефиции в Ирландии, отсутствуют в своих поместьях, лишь извлекая доходы от указанных земель. По причине роста мятежников и угрозы потери контроля над английской колонией Ричард II издал указ о высылке ирландских землевладельцев на родину «защищать землю от ирландских повстанцев», а также обязал всех, «у кого есть замки и крепости в указанной земле, их ремонтировать и содержать в надлежащем состоянии», а кроме того, «прислать туда надежную охрану для сохранения указанных замков и крепостей» [Statute rolls, 1907, p. 476].

Перед экспедицией Ричарда II в Ирландию в 1394 году последовала новая попытка изгнания ирландцев, далее — требование покинуть страну в 1399 году при вступлении на престол Генриха IV, постановившего также взимать с ирландских лендлордов две части прибыли от их поместий, рент и должностей на защиту земель в Ирландии [Statute rolls, 1907, p. 501].

С 1413 года состав ирландских приезжих, подлежащих высылке из страны, значительно расширился. Для обеспечения мира в Английском королевстве парламент постановил, чтобы все ирландские священнослужители низших чинов (нищенствующие дьяки, причетники, псаломщики) были высланы из королевства. Закон не затрагивал выпускников университетов, членов ордена барристеров, юристов, состоящих в английской и ирландской коллегии адвокатов, тех, кто вступил в права наследования собственности в Англии и духовных лиц высших чинов. Разрешение на проживание также получали купцы, имеющие хорошую репутацию, и их ученики, проживающие в Англии [Statute rolls …, 1907, p. 560].

В конце XIV—XV веков последовал организованный список жалоб против ирландцев в Англии. В 1422 году ирландцев, живущих в Оксфор-

де под юрисдикцией университета, обвиняли не только в нарушении спокойствия, но и в тяжких преступлениях. Рост числа убийств, грабежей и сборищ, совершенных в графствах Оксфордшир, Беркшир, Уилтшир и Бакингемшир, приписывали выходцам из соседнего королевства, названным «ирландцами Уайлда». Из устава ирландского парламента следует: «Их злоба, преступления и грабежи продолжаются изо дня в день, к великому упадку упомянутого Университета, который является источником и матерью нашей веры, Христианской, и к истощению и досаде всей страны» [The statutes of the realm …, 1810—1828, p. 214]. По постановлению короля все люди, родившиеся в Ирландии, должны были покинуть Королевство в течение месяца под страхом конфискации имущества и заключения под стражу. В список исключений были добавлены купцы, почтенные горожане, ирландские женщины и мужчины, состоящие в браке с англичанами, а также англо-ирландские дети, рожденные в Англии.

Английское правительство также принимало меры по ограничению выезда коренных жителей из Ирландии. Статуты Килкенни 1366 года содержали положение, запрещающее ирландским рабочим покидать страну, которое было продублировано ирландским статутом 1410 года. Дальнейшие попытки предотвратить эмиграцию из Ирландии предпринимались в 1412, 1415 и 1428 годах, а в 1421 году королю была подана жалоба на то, что арендаторы, торговцы и рабочие ежедневно в большом количестве уезжали из Ирландии в Англию [Statute rolls …, 1907, for statute 11 Hen. IV, c. 1, p. 465—467, 516—519, for statute 9 Hen. V, c. 13, p. 568—569; Statute rolls …, 1910, p. 19; Art Cosgrove …, 1993, p. 525—532, p. 529—530; Art Cosgrove …, 1981, p. 33—35]. Неоднократные акты, не допускающие въезд иностранцев и исключающие их из страны, налоговые описи и иностранные субсидии конца XIV — середины XV веков являлись ответными мерами правительства на жалобы населения.

Впрочем, отправка ирландских приезжих на родину не имела большого успеха, законы о высылке также были приняты в 1430, 1431, 1432 и 1439 годах. Несмотря на это, ирландским переселенцам удавалось избежать насильственной депортации.

Для того, чтобы остаться в английских городах и получить разрешение на жительство, ирландским поселенцам требовалось позаботиться о своей репутации. Ирландские ученые, которые хотели учиться в Оксфордском и Кембриджском университетах, должны были найти поручителей, чтобы гарантировать соблюдение мира [The statutes of the realm …, 1810—1828, p. 214, 220]. Ирландские студенты должны были предоставить ректорам университетов письма с печатью лейтенанта или судьи Ирландии, свидетельствующие об их верности английскому королю [Там же]. Для обучения

в судебных иннах следовало подтвердить свою платежеспособность, а также найти поручителей, однако в разные периоды ирландских студентов исключили из корпораций. Имеются свидетельства решения, принятого Линкольнс Инн в 1437 году, о том, что ни один человек, родившийся в Ирландии, не будет принят в качестве «члена» общества. Данное решение также распространялось на тех, кто был принят в общины ранее [The records …, 1896, p. 4].

В 1439 году в Бристоле был издан указ, запрещающий принимать любого человека, родившегося в Ирландии, в городской Совет, несмотря на то, что в 1399 году мэром был ирландец, в тот же году ремесленникам-бондарям в черте города запрещалось набирать ирландских подмастерьев или нанимать ирландских слуг [Art Cosgrove …, 1981, p. 34; The Little …, 1900—1901, Vol. I, p. 86—87; Vol. II, p. 159, 163].

Были и иные объективные причины введения налога. Например, провал англо-французской мирной конференции в Гравелине в 1439 году и острая потребность в деньгах для финансирования нового наместника во Франции и защиты принадлежащих английской короне территорий. Подушные налоги не могли взиматься с англичан после крестьянского восстания 1381 года, однако иностранцы, особенно ирландцы и жители Нормандских островов, являющиеся подданными Генриха VI как лорда Ирландии и герцога Нормандии, с точки зрения английского правительства справедливо могли облагаться налогом.

На введение налога также повлиял рост напряженности между коренным населением и иностранцами, живущими или торгующими в Англии в течение 1430-х годов. В английском обществе нарастала нетерпимость по отношению к итальянцам и *фламандцам* — общее название, данное любому жителю материковой части северо-западной Европы [The Alien …, 1998, p. 11—12, 72—73; The Libelle …, 1926, p. 197]. Парламенту была представлена серия петиций против иностранцев, и в 1436 году автор трактата «Клевета Английской Полиции» [The Libelle …, 1926, p. 197] выступил за введение массовых ограничений на свободы иностранцев в пределах королевства. Следует заметить, что ирландцы не были главными мишенями движения против иностранцев. Парламентские акты 1439—1440 годов препятствовали торговле между иностранными купцами на английской земле, запрещали вывоз чеканки из королевства [Bradley, 2012, p. 86].

Установить точную цифру ирландцев, проживающих в Англии эпохи позднего Средневековья, затруднительно. Источники предоставляют нам информацию о состоятельных переселенцах, которые могли приобрести лицензии и разрешения. Подавляющее большинство ирландских приезжих, постоянно проживающих в стране, не имели регистрации, поскольку

они не могли себе этого позволить и не имели в этом реальной необходимости.

3.2. Перспективы ирландской диаспоры в Англии

Анализ жалованных грамот конца XIV — начала XV веков позволяет установить географическое расположение ирландцев в Англии, род занятий, состав семей, социальный статус. Преимущественно это было мужское население. В 1440 году разрешение на проживание получили максимальное количество ирландских подданных. Налоговые описи свидетельствуют о 1365 случаях приобретения ирландцами лицензии на пребывание в Англии. Это 8,5 % от всего работающего иностранного населения Англии, которое составляло 16 000 человек [Thrupp, 1957, p. 262—273, 265—266]. Следует заметить, что подсчеты численности приезжих, полученные посредством анализа субсидий для иностранцев, не являются окончательными. Иностранцев, подлежащих налогообложению, было трудно идентифицировать, затруднительным был и процесс сбора налогов, так как иммигранты часто перемещались по стране, возвращались на родину.

Идентификация приезжих, не зарегистрировавшихся самостоятельно, производилась местными присяжными, которые часто именовали приезжих английскими эквивалентами иностранных имен. В таких случаях ирландцев можно идентифицировать только по фамилиям, таким как Айриш, Айленд [The England's Immigrants Database]. Иногда встречаются фамилии, указывающие на место происхождения, такие как Корк, Слайго, Ольстер, Дери, Кинсейл или Голуэй, но по большей части ирландцы именовали себя английскими именами или указывали фамилию, связанную с профессиональной деятельностью.

В налоговых списках отсутствует информация о тех, кто прибыл на короткий срок. Иностранец должен был проживать на одном месте в течение шести месяцев до того, как информация о нем могла быть занесена в список налогоплательщиков.

Учитывая эти допущения, можно предположить, что в Англии в середине XV века проживало не менее 1500—2000 взрослых ирландцев (домохозяев), а также бесчисленное количество сезонных рабочих, часто перемещающихся из одной местности в другую. Некоторые были женаты, но фактически в декларациях о субсидиях было указано только 160 женщин. Данная цифра может быть заниженной. Мужчины-домохозяева (их численность в 1440 году составляла 725 человек, 703 мужчины и 18 женщин) [The England's Immigrants Database] составляли самую большую группу среди ирландского населения. С их женами, иждивенцами и слугами, а также одной вдовой, платившей налоги по ставке домохозяина, они

составляли около 53 процентов от общего числа ирландских переселенцев. Среди них было 18 военных и судовых священников (капелланов), 8 викариев, 6 приходских священников и 2 священника часовни, которые были неженатыми. В Лондоне в 1483 году среди многочисленной группы мигрантов с такой же социальной и профессиональной структурой около половины домохозяев имели жен, тогда как в Саутварке в 1440 году этот показатель составлял более 70 процентов [The Alien …, 1998, p. 8, 16—17, 134—142]. Представляется весьма вероятным, что половина ирландских домовладельцев в 1440 году были женаты, некоторые, возможно, на англичанках, в этих семьях могло быть значительное число детей в возрасте до двенадцати лет.

Общее количество ирландских мужчин (1194) составляло около 9,6 процентов от всего иностранного населения Англии [Thrupp, 1957, p. 270—273] Данное количество кажется незначительным на фоне числа иностранцев, которые проживали в графстве Хэмпшир в 1440 году, в Лондоне в 1441 году, и составляло ничтожную часть английского населения, насчитывавшего от 2 до 2,5 миллионов человек. Однако следует заметить, что у 68 процентов мужчин, числящихся в налоговых списках, не указана национальность. Согласно имеющимся данным, среди общего количества мужчин-иностранцев ирландцы находились на третьем месте после французов и шотландцев.

Географически основная масса ирландских переселенцев была сосредоточена в Восточном Мидленде и на западе в Глостершире. Привлекательность Восточного Мидленда для ирландцев можно объяснить близким расположением городов данной области от Бристоля, Чешира и Честера, портов, из которых прибывало ирландское население. В 1389 году было приказано, чтобы все лица, отправляющиеся в Ирландию, следовали через Ливерпуль, Честер или Бристоль, а в 1428 году Честер был портом для проезда в Оксфорд, Ковентри и Лондон [Childs, 1993, p. 497; Childs, 2000, p. 22]. Следует заметить, что графства на севере и северо-западе не пользовались популярностью у ирландцев.

Распределение приезжих по округам позволяет предположить, что существовало два основных пункта въезда, из которых ирландцы далее следовали по стране. Из Честера на северо-западе они отправлялись через Стаффордшир в Ковентри, а затем в Уорикшир, Нортгемптоншир и Оксфордшир. Данное следование объясняет просьбу 1428 года о защите священников, торговцев и других ирландских путешественников, направляющихся по этому маршруту [Art Cosgrove …, 1981, p. 34]. Другие важные пункты въезда проходили через Бристоль и Бриджуотер в Сомерсет, Глостершир, Уилтшир и Оксфордшир. Другим направлением быть путь

через небольшие порты северного Девона, а также через Фоуи, Плимут и Дартмут на южном побережье в близлежащие деревни в Девоне и Корнуолле. Большое количество ирландских поселенцев в Глостершире, Уилтшире, Уорикшире, Оксфордшире и Нортгемптоншире свидетельствует о том, что маршруты миграции в Англию и внутри нее уже были хорошо известны ирландцам. Это очень похоже на цепную миграцию, когда вновь прибывшие ищут места жительства, где уже существовали значительные ирландские общины [The Alien …, 1998, p. 30—32].

Данные из списков субсидий также свидетельствуют о том, что существовали внутренние границы колонизации. Поселения ирландцев располагались в Кембриджшире, Хантингдоншире и Бедфордшире, за пределы которых они не выходили. Появление ирландцев в восточной, юго-восточной, южной или северной Англии было редким или вовсе невозможным. Север по обеим сторонам Пеннинских гор прочно принадлежал шотландцам. В Кенте, Сассексе и Хэмпшире было много французов и жителей Нормандских островов. Ирландцев привлекала процветающая текстильная промышленность юго-западных районов, расположенных поблизости от основных пунктов въезда [Bolton, 1980, p. 229—232; Kowaleski, 1995, p. 17]. Ирландские колонии в Уорикшире и особенно в Нортгемптоншире, существующие с давних времен, также объясняют их наплыв и присутствие в этих графствах в середине XV века.

Почему существовали такие внутренние границы? Для ирландцев они складывались не только благодаря местоположению пунктов въезда, но также их роли в английской экономике. До Лондона можно было добраться по дороге из Бристоля и Честера или путем каботажного плавания с юго-запада. Английская столица как крупнейший центр торговли (и ремесла) должна была притягивать ирландцев, однако их там было немного.

Анализ источников показывает, что самой многочисленной группой ирландского населения Англии были священники, это объясняет частые жалобы в Ирландии на отсутствующее духовенство. Слуги и чернорабочие чаще всего не приобретали жалованных грамот. Однако в 1440 году они были обложены подушным налогом. В основном это были слуги, занятые в сельском хозяйстве, так как с 1394 по 1440 годы данная область была одной из важных сфер занятости. Среди ирландских слуг были пастухи, свинопасы, земледельцы, маслобойщики, пахари, торговцы лошадьми, молотильщики, садовники и мельники. Некоторые из слуг работали на названных работодателей, многие из которых, вероятно, были англичанами, но другие являлись ирландцами. Как правило, иностранцы выступали основными работодателями других иностранцев, и в Уилтшире у одного ирландского перчаточника было два ирландских слуги, у кожевника — трое.

В 1440 году слуги и чернорабочие являлись крупнейшей профессиональной группой, насчитывавшей 227 человек, или 56 процентов от общего числа прибывших. Следующей по численности группой населения были квалифицированные работники, ремесленники и розничные торговцы. Те, кто работал в текстильной и швейной промышленности, составляли самую большую группу переселенцев (8 процентов) после священников, которых было 33 процента. Следует заметить, что это были две наиболее важные профессиональные группы иностранцев Лондона и Саутуарка в XV веке. Среди выходцев из Ирландии также встречались квалифицированные мастера и профессионалы (6,5 процентов), такие как ювелиры, стекольщики, плотники, кузнецы, пекари, пивовары, шорники, цирюльники, преподаватели и школьные учителя, лекари, кожевники, сапожники, перчаточники, лесорубы, бондари и бакалейщики. Существует заметное сходство между социальной и профессиональной структурой ирландских переселенцев и приезжих из северо-западных регионов континентальной Европы.

Таким образом, ирландское население Англии было в основном представлено священниками, профессионалами, мелкими ремесленниками, розничными торговцами и сельскохозяйственными рабочими. Как и другие иностранцы за пределами Лондона, они проживали и работали в небольших городках и деревнях, удовлетворяя спрос на потребительские товары и восполняя дефицит на рынке труда, вызванный чумой и сокращением населения [Bolton, 1996, p. 34, 72]. В Англии их привлекала перспектива относительной политической и экономической стабильности, а также высокая заработная плата.

На ирландское переселение оказывали влияние как «выталкивающие», так и «притягивающие» факторы. С конца XIV по XV века Ирландия переживала следующие друг за другом губительные эпидемии чумы, наступление первой фазы Малого ледникового периода в 1433 году, приведшего к дестабилизации экономики и сельского хозяйства. Вероятно, Англия не испытала столь разрушительного воздействия изменения климата. Напротив, в Ирландии погода в первой половине XV века была хуже и привела к более серьезным последствиям. В 1445 году наблюдались высокая смертность крупного рогатого скота и нехватка продуктов питания и кукурузы [Annals of the Kingdom …, 1856, p. 207]. По свидетельствам из источников, к весне 1447 года «вся Ирландия» была доведена до состояния голода, в результате чего «люди привыкли употреблять в пищу всевозможные травы» [The Annals of Ulster …; Ludlow, 2010, p. 272]. Гэльские ученые сообщают о смерти от чумы 700 священников, которые часто заражались из-за тесного контакта с больными и умирающими [Annals of the Four Masters …; Ludlow, 2010, p. 275]. После вторжения Брюса и начала эпидемии чумы

отмечается демографический спад населения англо-ирландской колонии и гэльских районов. По мере того как «гэльское возрождение» набирало обороты, на территории Пейля нарастала экономическая депрессия [Down, 1987, p. 446]. Одним из возможных выходов из данной ситуации была эмиграция в Англию, которая достигла своего пика в конце XIV — XV веках.

Прибыв в Англию, ирландцы неизбежно сталкивались с высокой конкуренцией со стороны других иностранцев, выходцев из Нидерландов, Рейнской области и Франции, которые обладали похожими профессиональными навыками.

В свою очередь эмиграция оказала влияние на трудовые ресурсы в Ирландии. Потеря ремесленников и других квалифицированных работников мужского пола ощущалась весьма остро.

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на то, что ирландцы были освобождены от выплаты налогов на иностранцев, большая часть ограничительного законодательства сохранялась. Однако данные меры необходимо рассматривать в надлежащем контексте. Законы о высылке и другие меры, направленные на изгнание иностранцев, были напрямую связаны скорее с напряжением в стране и, возможно, угрозой конкуренции на рынке труда, чем с враждебностью к ирландцам в Англии. В то время к валлийцам относились с большим подозрением, особенно после восстания Оуайна Глиндура 1400—1415 годов, и, поскольку в Лондоне ирландцев было относительно немного, им удалось избежать враждебности и насилия, которые открыто применялись к иностранцам [Griffiths, 1981, p. 101; The Alien …, 1998, p. 37]. В других частях Англии ирландцы проживали довольно дисперсно, за исключением графств или городов, в которых издавна существовали ирландские диаспоры. Чаще всего открытую враждебность к ирландцам проявляли жители Бристоля, но стоит заметить, что ирландский купец Уильям Овери, заплативший 5 фунтов стерлингов за лицензию на пребывание в Саутгемптоне в 1394 году, дважды был мэром этого города и членом городского парламента в 1426 году [Calendar of the patent …, 1891, p. 458].

Это не значит, что только ирландцы не нравились англичанам. В Англии не любили «чужаков». Прямые действия против приезжих во многом были связаны с Лондоном, где иностранное население составляло не менее 6 процентов, а возможно, и больше. Ирландцы явно рассматривались как жители второго сорта, но, по крайней мере, как жители, подданые короля, чего нельзя было сказать о голландцах, выходцах из Рейнской области, ганзейцах или итальянцах, против которых была направлена большая враждебность лондонцев.

Во второй половине XV века отношение к ирландцам было снисходительно-нейтральным. После 1442 года с них не взимали налог с иностранцев, а в 1482 и 1487 году к ним относились как к местным жителям. По мере развития колонизации англичане все больше взаимодействовали с ирландцами, переплетались элементы культуры и правовой системы. В Англии проживало немало ирландских землевладельцев и государственных деятелей. Серьезного языкового барьера не существовало, скорее акцент, выделяющий ирландцев среди иностранного населения. Не существовало и постреформационных различий в вере, о чем свидетельствует количество ирландских священников в Англии.

Сколько ирландцев стали постоянными жителями, насколько успешно они интегрировались в английское общество — сложно определить на основании имеющихся данных. Некоторые, возможно, остались в Англии, другие вернулись в Ирландию. Их труд и профессиональные навыки были необходимы в английском обществе XV века, стоить отметить, что, подобно валлийцам и шотландцам, в отличие от многих других групп иностранцев, они добились осторожного признания при ксенофобских настроениях в стране.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники

1. *Annals of the Four Masters* [Electronic resource]. — Access mode : https://celt.ucc.ie//published/T100005D/index.html (accessed 04.06.2023).

2. *Annals of the Kingdom of Ireland*, by the Four Masters, from the earliest period to the year 1616 / J. O'Donovan. — Dublin : Hodges, Smith, and Co., 1856. — Vol. IV. — 620 p.

3. *Calendar of the patent rolls* preserved in the Public record office, 1330—1509. — London : Public Record Office, 1891—1929. — 806 p.

4. *Calendar of the patent rolls* preserved in the Public record office. — London : Her Majesty's Stationery Office, 1891. — Vol. V, 1391—1396, Richard II. — 1050 p.

5. *Calendar of the Patent rolls*, preserved in the Public record office. — London : H.M. Stationery Off., by Eyre and Spottiswoode, 1891—1916. — Vol. VI, A.D. 1441—1446. — 771 p.

6. *Letters and Papers*, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII : Preserved in the Public Record Office, the British Museum and Elsewhere in England / J. Brewer, J. Gairdner J., R. Brodie. — London : Public Record Office, 1862—1910. — 788 p.

7. *Statute rolls* of the Parliament of Ireland, King John to Henry V / Henry F. Berry. — Dublin : Printed for His Majesty's Stationery Office, 1907. — 681 p.

8. *Statute rolls* of the Parliament of Ireland : reign of King Henry the Sixth : being vol. II of the Irish Record Office series of early statutes / Henry F. Berry. — Dublin : Printed for His Majesty's Stationery Office, 1910. — 832 p.

9. *The Annals of Ulster*, 1379—1541. [Electronic resource]. — Access mode : https://celt.ucc.ie/published/T100001C/index.html (accessed 04.06.2023).

10. *The England's Immigrants Database* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.englandsimmigrants.com (accessed 04.06.2023).

11. *The Libelle* of Englyshe poly eye : a poem on the use of sea power, 1436 / Sir George Warner. — Oxford : Clarendon Press, 1926. — 197 p.

12. *The Little* Red Book of Bristol: in 2 vols / Ed. by Bickley E. Bristol. — London : W. Crofton Hemmons, Henry Sotheran and Co., 1900—1901. — Vol. I. — 314 p. ; — Vol. II. — 318 p.

13. *The records* of the Honorable Society of Lincoln's Inn : Admissions, A.D. 1420—1893. 2 vols. — London : Lincoln's Inn, 1896. — Vol. I. — 585 p.

14. *The statutes of the realm* : Printed by command of his majesty King George the Third, in pursuance of an address of the House of Commons of Great Britain. From original records and authentic manuscripts / A. Luders. — London : Dawsons of Pall Mall, 1810—1828. — Vol. II. — 782 p.

Литература

1. *Art Cosgrove*. England and Ireland, 1399—1447 // A new history of Ireland, vol. 2 : Medieval Ireland, 1169—1534 / Art Cosgrove. — Oxford : Clarendon Press, 1993. — Pp. 525—532.

2. *Art Cosgrove.* Late medieval Ireland, 1370—1541. — Dublin : Helicon, 1981. — 134 p.

3. *Bolton J*. The medieval English economy / J. Bolton. — London : J. M. Dent and Sons, 1980. — 400 p.

4. *Bolton J.* The world upside down / J. Bolton // The Black Death in England / W. Ormrod, P. Lindley. — Stamford : Paul Watkins, 1996. — 202 p.

5. *Bradley H.* The Views of the Hosts of Alien Merchants 1440—1444 / H. Bradley. — Woodbridge : Boydell and Brewer, 2012. — 337 p.

6. *Childs W.* Irish merchants and seamen in late medieval England / W. Childs // Irish Historical Studies. — 2000. — Vol. 32. — № 125. — Pp. 22—43.

7. *Childs W.* Overseas trade / W. Childs, T. O'Neill // A new history of Ireland, vol. 2 : Medieval Ireland, 1169—1534 / Art Cosgrove. — Oxford : Clarendon Press, 1993. — Pp. 495—524.

8. *Down K*. Colonial society and economy / K. Down // A new history of Ireland. — Vol. 2: Medieval Ireland, 1169—1534 / Art Cosgrove. — Oxford : Clarendon Press, 1987. — Pp. 445—450.

9. *England and Ireland*, 1399—1447 // A new history of Ireland. Medieval Ireland, 1169—1534 / Art Cosgrove. — Oxford : Clarendon Press, 1987. — Vol. 2. — 1116 p.

10. *Griffiths R.* The reign of King Henry VI : The Exercise of Royal Authority, 1422—1461. — London : [b. i.], 1981. — 968 p.

11. *Immigrants in Tudor* and Early Stuart England / N. Goose, L. Luu. — Brighton : Sussex Academic Press, 2005. — 263 p. — ISBN 190390014X.

12. *Kowaleski M.* Local markets and regional trade in medieval Exeter / M. Kowaleski. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 460 p. — ISBN 0-521-52195-5.

13. *Lambert B.* Friendly Foreigners : International Warfare, Resident Aliens and the Early History of Denization in England / B. Lambert, W. Ormrod // English Historical Review. — 2015. — Vol. 130. — Pp. 1—24.

14. *Ludlow F.* The Utility of the Irish Annals as a Source for the Reconstruction of Climate / F. Ludlow. — Dublin : Trinity College, 2010. — 340 p.

15. *Luu L.* Immigrants and the Industries of London, 1500—1700 / L. Luu. — Aldershot : Ashgate, 2005. — 366 p.

16. *Nicolson C.* Strangers to England : Immigration to England, 1100—1952 / C. Nicolson. — London : Wayland, 1974. — 128 p.

17. *The Alien* Communities of London in the Fifteenth Century : the Subsidy Rolls of 1440 and. 1483 / J. Bolton. — Stamford : Paul Watkins Publishing, 1998. — 189 p.

18. *Thrupp S.* A Survey of the Alien Population of England in 1440 / S. Thrupp // Speculum. 36. — 1957. — № 2. — Pp. 262—273.

19. *Windsor R.* Bloody Foreigners : The Story of Immigration to Britain / R. Windsor. — London : Abacus, 2004. — 544 p.

Статья поступила в редакцию 14.05.2023,
одобрена после рецензирования 15.06.2023,
подготовлена к публикации 25.06.2023.

Material resources

Annals of the Four Masters. Available at: https://celt.ucc.ie//published/T100005D/index.html (accessed 04.06.2023).

Annals of the Kingdom of Ireland, by the Four Masters, from the earliest period to the year 1616, IV. (1856). Dublin: Hodges, Smith, and Co. 620 p.

Calendar of the patent rolls preserved in the Public record office, 1330—1509. (1891—1929). London: Public Record Office. 806 p.

Calendar of the patent rolls preserved in the Public record office. (1891). London: Her Majesty's Stationery Office. 1050 p.

Calendar of the Patent rolls, preserved in the Public record office. (1891—1916). London: H. M. Stationery Off., by Eyre and Spottiswoode. 771 p.

Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII: Preserved in the Public Record Office, the British Museum and Elsewhere in England. (1862—1910). London: Public Record Office. 788 p.

Statute rolls of the Parliament of Ireland, King John to Henry V. (1907). Dublin: Printed for His Majesty's Stationery Office. 681 p.

Statute rolls of the Parliament of Ireland: reign of King Henry the Sixth: being vol. II of the Irish Record Office series of early statutes. Dublin: Printed for His Majesty's Stationery Office. 832 p.

The Annals of Ulster, 1379—1541. Available at: https://celt.ucc.ie/published/T100001C/index.html (accessed 04.06.2023).

The England's Immigrants Database. Available at: https://www.englandsimmigrants.com (accessed 04.06.2023).

The Libelle of Englyshe poly eye: a poem on the use of sea power, 1436. (1926). Oxford: Clarendon Press. 197 p.

The Little Red Book of Bristol: in 2 vols. (1900—1901). London: W. Crofton Hemmons, Henry Sotheran and Co.

The records of the Honorable Society of Lincoln's Inn: Admissions, A.D. 1420—1893. 2 vols. (1896). London: Lincoln's Inn. 585 p.

The statutes of the realm: Printed by command of his majesty King George the Third, in pursuance of an address of the House of Commons of Great Britain. From origi-

nal records and authentic manuscripts, II. (1810—1828). London: Dawsons of Pall Mall. 782 p.

References

Art Cosgrove. (1993). England and Ireland, 1399—1447. In: *A new history of Ireland, vol. 2: Medieval Ireland, 1169—1534.* Oxford: Clarendon Press. 525—532.

Art Cosgrove. (1981). *Late medieval Ireland, 1370—1541.* Dublin: Helicon. 134 p.

Bolton, J. (1980). *The medieval English economy.* London: J. M. Dent and Sons. 400 p.

Bolton, J., Lindley, P. (1996). *The world upside down. The Black Death in England.* Stamford: Paul Watkins. 202 p.

Bradley, H. (2012). *The Views of the Hosts of Alien Merchants 1440—1444.* Woodbridge: Boydell and Brewer. 337 p.

Childs, W. (2000). Irish merchants and seamen in late medieval England. *Irish Historical Studies, 32 (125):* 22—43.

Childs, W., O'Neill, T. (1993). Overseas trade. In: *A new history of Ireland, vol. 2: Medieval Ireland, 1169—1534.* Oxford: Clarendon Press. 495—524.

Down, K. (1987). Colonial society and economy. In: *A new history of Ireland. Vol. 2: Medieval Ireland, 1169—1534.* Oxford: Clarendon Press. 445—450.

England and Ireland, 1399—1447. (1987). *A new history of Ireland. Medieval Ireland, 1169—1534, 2.* Oxford: Clarendon Press. 1116 p.

Griffiths, R. (1981). *The reign of King Henry VI: The Exercise of Royal Authority, 1422—1461.* London: [b. i.]. 968 p.

Immigrants in Tudor and Early Stuart England. (2005). Brighton: Sussex Academic Press. 263 p. ISBN 190390014X.

Kowaleski, M. (1995). *Local markets and regional trade in medieval Exeter.* Cambridge: Cambridge University Press. 460 p. ISBN 0-521-52195-5.

Lambert, B., Ormrod, W. (2015). Friendly Foreigners: International Warfare, Resident Aliens and the Early History of Denization in England. *English Historical Review, 130:* 1—24.

Ludlow, F. (2010). *The Utility of the Irish Annals as a Source for the Reconstruction of Climate.* Dublin: Trinity College. 340 p.

Luu, L. (2005). *Immigrants and the Industries of London, 1500—1700.* Aldershot: Ashgate. 366 p.

Nicolson, C. (1974). *Strangers to England: Immigration to England, 1100—1952.* London: Wayland. 128 p.

The Alien Communities of London in the Fifteenth Century: the Subsidy Rolls of 1440 and. 1483. (1998). Stamford: Paul Watkins Publishing. 189 p.

Thrupp, S. (1957). A Survey of the Alien Population of England in 1440. *Speculum. 36, 2:* 262—273.

Windsor, R. (2004). *Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain.* London: Abacus. 544 p.

The article was submitted 14.05.2023;
approved after reviewing 15.06.2023;
accepted for publication 25.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Салфетников Д. А. Экономическая модернизация Кубани в конце 1920-х — 1930-х гг. / Д. А. Салфетников // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 502—520. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-502-520.

Salfetnikov, D. A. (2023). Modernization of Kuban Economy in Late 1920s — 1930s. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 502-520. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-502-520. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-502-520

Экономическая модернизация Кубани в конце 1920-х —1930-х гг.

Салфетников Дмитрий Анатольевич
orcid.org/0000-0003-2991-7958
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и политологии
da.salfetnikov@mail.ru

Кубанский государственный
аграрный университет
им. И. Т. Трубилина
(Краснодар, Россия)

Modernization of Kuban Economy in Late 1920s — 1930s

Dmitry A. Salfetnikov
orcid.org/0000-0003-2991-7958
PhD in History, Associate Professor,
Department of History
and Political Science
da.salfetnikov@mail.ru

Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin”
(Krasnodar, Russia)

© Салфетников Д. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются процессы развития кубанской промышленности и ее производственные проблемы, решаемые в годы первых пятилеток. Представлены результаты сопоставительного анализа промышленного потенциала округов Кубани. Поднимается вопрос о ее идентификационных параметрах. К таким критериям относятся направления развития, процессы реконструкции и итоги работы. Доказано, что главными факторами роста промышленности региона и развития ее новых отраслей являются использование ресурсов сельского хозяйства и их переработка, расширение базы топливных ресурсов, строительных материалов, реконструкция и повышение технической оснащенности предприятий. Особое внимание уделяется производственному росту и повышению экономического статуса отдельных крупных заводов и комбинатов. Новизна данного исследования заключается в комплексном анализе развития промышленных отраслей на Кубани и их соотношения, производственного роста и реализации потенциала наиболее значимых предприятий в контексте модернизационных задач первых пятилеток. Отмечается, что в экономическом плане четыре кубанских округа (позднее — районов Кубани) традиционно имели немаловажное значение, располагая большой сырьевой базой, специфичной для каждого из округов. Показано, что период 1920—1930-х годов на Кубани ознаменовался увеличением количества выпускаемой промышленной продукции, появлением предприятий новых отраслей промышленности (химической, консервной, станкостроительной и др.), разработкой недр, созданием курортной зоны кубанского Черноморья.

Ключевые слова:
промышленность; сельское хозяйство; экономика; индустриализация; заводы; коллективизация; Кубань.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the processes of development of the Kuban region's industry and its production problems, which were addressed during the first five-year plans. The study presents the results of a comparative analysis of the industrial potential of the Kuban districts, and raises questions about their identification parameters, including directions of development, reconstruction processes, and outcomes. The study demonstrates that the main factors driving the growth of the region's industry and the development of new sectors are the use of agricultural resources and their processing, expansion of fuel resources and construction materials, reconstruction, and improvements in technical equipment of enterprises. Special attention is given to the production growth and increased economic status of individual large factories and plants. The novelty of this research lies in the comprehensive analysis of industrial sector development in Kuban and their relationships, production growth, and realization of potential for the most significant enterprises in the context of modernization tasks during the first five-year plans. It is noted that four Kuban districts had traditionally played an important role in the economy, possessing a large raw material base specific to each district. The study shows that during the 1920s-1930s period, Kuban witnessed an increase in industrial production output, establishment of new industries (chemical, canning, machine-building, etc.), development of natural resources, and creation of a resort zone in the Kuban Black Sea region.

Key words:
industry; agriculture; economy; workers; industrialization; industrial sectors; collectivization; Kuban.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084+332(470.620)“192/193”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Экономическая модернизация Кубани в конце 1920-х — 1930-х гг.

© Салфетников Д. А., 2023

1. Введение = Introduction

Поставленные в рамках советской индустриализации задачи касались и процессов регионального развития в самой территориально большой стране, сумевшей переформатировать государственность и социальный строй после череды военных и политических катаклизмов. Теперь перед каждым регионом Советского Союза стояли задачи внесения максимального вклада в развитие отечественной индустрии. От этого напрямую зависело сохранение суверенитета, особенно перед лицом тех вызовов, обозначившихся к началу 1930-х годов, которые с особой остротой выносили на повестку дня проблему укрепления обороноспособности страны, что остается актуальным и сегодня. В данном исследовании акцент сделан именно на развитии промышленности в регионе со своей спецификой соотношения секторов экономики в указанный исторический период.

Ввод в строй не только реконструированных, но и новых производств, причем качественно новых, свидетельствовал о стремлении в начале периода индустриализации партийных и государственных властей разного уровня превратить Северо-Кавказский край (и Кубань как его важную часть) из аграрного края в индустриально-аграрный. Это было требованием советской эпохи: максимально использовать все имеющиеся ресурсы регионов для проведения индустриализации народного хозяйства в ее форсированном варианте, для совершения беспрецедентного скачка в развитии отраслей промышленности, в первую очередь — тяжелой.

В округах, затем — районах Кубани народно-хозяйственный механизм имел выраженную аграрную направленность, располагая, кроме земельно-зерновой базы, богатыми природными ресурсами, в том числе топливными. На переработке местного сырья строилась деятельность предприятий, наиболее крупные из которых (хотя их было немного), преодолевая сложные производственные проблемы, осваивали новые производства и выполняли чрезвычайно высокие плановые задания. Развитие промышленности, появление новых ее отраслей способствовали в итоге укреплению и расширению в Краснодарском крае индустриального сектора, занявшего свое достойное место в экономике страны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Говоря о межрегиональных различиях в производственной сфере, современные исследователи в области экономической истории обращают больше внимания на внутрирегиональные различия между секторами экономики, производительности труда в них, отмечая важнейшую сторону прединдустриального состояния региона — его ресурсообеспеченность. Они сходятся во мнении, что «структурные трансформации региональных экономик являются ключевым механизмом роста региональной производительности труда», влияющим на его конвергенцию у разных регионов [Карасев, 2020, с. 256, 257]. Важность ресурсной базы и ее освоения в восстановлении и развитии кубанской промышленности периода НЭПа отмечает Ю. Б. Рагер [Рагер, 1995].

Отдельные стороны социально-экономического развития, производственной жизни на Кубани в 1920—1930-х годах были исследованы в трудах ряда авторов. Так, например, историю отдельных предприятий и их важный вклад в экономику края рассматривали Ф. П. Зырянов [Зырянов, 1990], Н. Павловская [Павловская, 1989] и др. Работу кубанских профсоюзов, их роль в производственной жизни исследует С. А. Чупрынников [Чупрынников, 2009]. Трансформации нэповской экономики, системы управления хозяйством в регионе с преобладанием казачье-крестьянского населения в 1920—1930-х годах анализируют Ю. А. Яхутль [Яхутль, 2014], Е. В. Туфанов [Туфанов, 2021]. Работе кубанских железнодорожников, значимости крупных железнодорожных узлов региона для экономики края и страны посвящено исследование В. Е. Темлякова [Темляков, 2022], в труде Т. А. Самсоненко [Самсоненко, 2007] рассматривается история создания курортной инфраструктуры на Черноморском побережье Кубани.

Данное исследование основано на опубликованных и неопубликованных архивных документах, статистических материалах. Кубанская промышленность рассматривается комплексно, как структурная составляющая исторически обусловленного задачами первых пятилеток регионального народно-хозяйственного механизма в его динамике.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Аграрная специфика региона и ее влияние на развитие кубанской промышленности

Постепенно расширявшаяся централизация в управлении производством и слияние партийных и государственных линий, структур и планов были характерными чертами для большей части областей страны. В этом плане на начальном периоде индустриализации были свои сложности, о некоторых из них открыто говорилось, например, в одном из постанов-

лений ЦК ВКП(б) в сентябре 1929 года. Отмечалось вмешательство «партийных и профсоюзных органов в оперативно-производственную работу заводоуправлений», и происходило «ослабление ответственности директоров за производство». Но отмечались и «факты совершенно недопустимого отношения заводской администрации к парт- и профорганизациям, бюрократического игнорирования… решений партячеек и заводских комитетов», констатировалось, что без «решительного устранения этих ненормальностей» нельзя осуществить «громадное развертывание производства и строительства» [Решения …, 1967, с. 125].

В процесс индустриализации были вовлечены самые разные районы большой страны, даже те, где практически отсутствовала развитая промышленность — например, северо-восточные области (Зауралье, Западная Сибирь и др.). Там за годы первых пятилеток возникли промышленные предприятия, также вносившие свой весомый вклад в экономику страны. Несмотря на то, что в некоторых из них индустриализация не была завершена, были созданы основы для развития перерабатывающей, лесохимической, газодобывающей, угольной, нефтяной, лесозаготовительной и других отраслей промышленности. При этом в условиях жесткого подчинения региональной власти центральным органам власти, мобилизационной экономики местная власть часто имела собственную позицию по вопросам промышленного развития региона [Нисковский, 2017, с. 13, 15].

На достижение действительно «громадных» целей советское руководство мобилизовало все только что восстановленные в годы НЭПа производственные ресурсы. Проводившаяся до 1929 года линия на вытеснение частного капитала завершилась процессом коллективизации, ставшей основным источником средств для проведения форсированной индустриализации. Процесс этот был очень непростым. 1929 год — «год коренного перелома», это определение говорит уже само за себя. Особенно тяжело коллективизация проводилась в регионах, где преобладал сельскохозяйственный сектор. На Кубани ее последствия проявились в максимальном выкачивании аграрных ресурсов из станиц и сел, а затем — голоде зимой 1932—1933 годов, сопровождавшемся высокой смертностью среди казачье-крестьянского населения.

Кубань как один из основных зернопроизводящих районов страны в конце 1920-х годов оказалась в трудном положении еще и потому, что сокращалось производство муки. Такая ситуация была вызвана сокращением зернового производства (во многом из-за уменьшения посевных площадей, недостатка оборотных средств и неурожая) и увеличением экспорта зерна за границу: в стране не хватало станков и другой техники и нужны были средства для их импорта. Зерновая база региона была в этом смысле очень

серьезным «донором», этот вопрос в полной мере рассматривался в планах союзного руководства. Производство зерна, его поставки, экспорт были тогда, как и сегодня, фактором не только продовольственной, но и в целом — национальной безопасности. Кубанская экономика в рамках края, республики поставляла сельскохозяйственную экспортную продукцию как для «валютных накоплений», так и для внутренних рынков, для других краевых и государственных нужд [ЦДНИКК, ф. 8, оп. 1, д. 347, л. 80, 80 об.].

Старт индустриализации и начало сплошной коллективизации сопровождались национализацией мелких, части средних промышленных предприятий и сокращением кооперативных. Изначально у коллективных хозяйств по сравнению с крестьянским хозяйством были преимущества при распределении земли и оказании материальной или организационной помощи согласно советскому законодательству. Они должны были, как планировалось, показать «хороший пример совместного труда», его высокой производительности, рациональной организации и широкого применения техники [Барсукова, 2013, с. 79]. Коллективизация сельского хозяйства, внедрявшаяся практически во всех районах страны, являлась главным фактором накопления средств для проведения форсированной индустриализации. При этом нельзя сбрасывать со счетов и займы у широких народных масс, что подчеркивало степень солидарности общества и понимание общенациональных задач, какими бы сложными они ни были. Необходимо учитывать и значение разработки недр, развития ресурсной базы индустрии в условиях отсутствия иностранных кредитов, так же как и нехватки достаточного количества квалифицированных кадров.

Проблемам индустриализации были подчинены практически все сегменты народно-хозяйственной жизни. Что касается мелкой промышленности, кустарной и кооперативной, то их работники были поглощены обширным кубанским сельским хозяйством, где они, как правило, занимались ремонтом инвентаря и транспортных средств. Коллективизируемое село как преобладающий сектор экономики региона объективно сужало социально-экономическую базу для развития этого вида промышленности и кооперативной инициативы. Жителям села нужны были промтовары, и их могла дать развивающаяся промышленность — легкая и тяжелая, по различному ассортименту товаров. Она, в свою очередь, нуждалась в максимальной отдаче средств от села. Выкачивание сельскохозяйственного сырья, продовольствия из кубанских округов (с 1930 года — кубанских районов) повлияло на развитие промышленных отраслей, базирующихся на переработке сырья, крайне негативно. Ситуация обострялась и тем, что маслобойная, мукомольная и еще некоторые виды промышленности какого-либо бюджетного финансирования не получали.

В экономическом плане четыре кубанских округа традиционно имели немаловажное значение, располагая большой сырьевой базой, в первую очередь — сельскохозяйственными ресурсами. Их эксплуатация, особенно в начальный период советской модернизации, ставила под сомнение варианты «сбалансированного» развития. Фактор мобилизационного сосредоточения всех сил и средств для совершения индустриального рывка требовал полной эффективной отдачи всех хозяйственных секторов. А для этого требовалась «стыковка» плановых заданий со структурой региональных отраслей промышленности, дальнейшим освоением имевшейся ресурсной базы.

Вступавшие в силу административно-командные методы руководства сами по себе не могли обеспечить достаточно высокой степени хозяйственной эффективности, несмотря на явно завышенные плановые показатели. Необходим был и научный анализ экономического потенциала региона, механизмов производственного взаимодействия, особенностей соотношения секторов экономики. Поэтому официальным требованием партийных и государственных органов была не только «плановость», но и «предусмотрительность» плановых и руководящих органов; «строжайшая хозяйственная дисциплина», а также умелая координация сил «со стороны всех хозяйственных организаций» [ЦДНИКК, ф. 9, оп. 1, д. 797, л. 4, 4 об.].

3.2. Дифференциация промышленного состояния кубанских округов в начале индустриализации

Сложной задачей, соответствующей исторической обстановке в регионе, была мобилизация сил трудящихся на развитие кубанской промышленности. Это происходило при технической отсталости и, по большей части, с устаревшим оборудованием, в условиях нехватки кадров, особенно квалифицированных. Однако востребованность народно-хозяйственного потенциала четырех кубанских округов как Северо-Кавказской краевой, так и республиканской, даже союзной экономикой не вызывала особых сомнений.

Кубанские округа, входившие в почти два десятка округов Северо-Кавказского края, к 1930 году отличались друг от друга по ряду параметров, как природно-ландшафтных, так и экономических. Как отмечали исследователи, природно-климатические условия Черноморья контрастировали с другими районами Кубани, так оно обладало сложным горным рельефом и лишь в приморской зоне — относительно ровной поверхностью. Высокая влажность, постоянные ветра и тяжелые почвы, богатые известью, глиной и песком, пригодны больше для садоводства и виноградарства, чем для выращивания зерновых культур [Бершадская, 2014, с. 56].

Учитывая эти факторы, отметим, что Черноморский округ имел и самый большой процент городских жителей (38,5 %) в отличие от трех других округов Кубани, где высокоплодородные почвы издревле стимулировали развитие зернового хозяйства. Сельский уклад был в Армавирском, Майкопском и (особенно) в Кубанском округах преобладающим. Поэтому здесь, в этих округах, и развитие промышленного производства шло по линии переработки сельскохозяйственной продукции как главного направления экономической жизни, наряду с сельскохозяйственным производством.

Речь идет о маслобойной, мукомольной, крахмальной, сахароваренной, кожевенной, новой консервной отраслях промышленности и др. Кубанский округ выделялся из всех округов Северо-Кавказского края по наибольшим в этом крае населению, посевным площадям, объемам товарной аграрной продукции и доле цензовой промышленности, ее перерабатывающей. При этом он был и наиболее «платежеспособным» по отчислениям в краевой бюджет [Салфетников, 2011, с. 238].

На 2-ом месте по отчислениям в бюджет Северо-Кавказского края находился Армавирский округ, который так же, как и Майкопский округ, экономически уступал Кубанскому. Крупных предприятий здесь было крайне мало, но практически половина всей промышленности Армавирского округа на начало индустриализации приходилось на мукомольную; в этой сфере он занимал одно из лидирующих мест в крае. В свете первоочередных задач по развитию предприятий, перерабатывающих сельхозпродукцию, это было актуально, наряду с развитием маслобойной и той же кожевенной и др., причем в том ключе, чтобы эта промышленность, все более обслуживая «нужды нашего хозяйства», была все теснее связана с крестьянскими районами [История индустриализации …, 1971, с. 42].

Особое место в хозяйственной жизни, в экономической структуре региона занимало кубанское Черноморье. Развитие Черноморского округа в конце 1920-х годов развивалась по двум основным направлениям. Во-первых, именно с этого времени берет начало процесс создания курортно-санаторной зоны, где в итоге будет создан (уже в годы второй пятилетки), совершенно новый знаменитый Всесоюзный курорт Сочи-Мацеста. Город Сочи приобрел свой известный статус благодаря уникальному природно-ландшафтному расположению, личному распоряжению И. В. Сталина (будучи внесенным в реестр главных строек пятилетки) и самоотверженному труду инженеров, рабочих, скульпторов, художников и представителей других специальностей. Во-вторых, Черноморский округ имел наиболее весомые промышленные ресурсы, даже если мы сравним его с Кубанским округом, где имелись крупные промышленные предприятия, пусть и немногочисленные.

Структура его хозяйства была многоотраслевой, что также отражало специфику кубанской экономики того периода. В округе, кроме мукомольной и маслобойной промышленности, были предприятия тяжелой промышленности, стройматериалов (здесь на первом месте были цементные заводы Новороссийска — самые крупные по этой отрасли в стране). Нельзя не отметить и предприятия нефтедобычи, нефтепереработки: в первую очередь, крупнейший нефтеперегонный завод в Туапсе, который с 1928 года носил почетное тогда название «Нефтеперегонный завод имени 11-й годовщины Октябрьской революции».

За годы первой пятилетки были построены и новые современные предприятия, намеченные планом. Это кирпичный, по изготовлению силикатного кирпича (новое слово в производстве стройматериалов), и шиферный заводы в Новороссийске, суперфосфатный завод в Туапсе (достаточно крупный в химической отрасли, выпускавший удобрения, столь нужные сельскому хозяйству); лесопильный завод в г. Адлере и др. Заметим, что капиталовложения в кубанское Черноморье среди округов были наибольшими: свыше 34 млн руб., из которых половина средств выделялась на цементную промышленность [Материалы …, 1929, с. 49]. Появились там и предприятия еще одной новой отрасли промышленности — консервной, развитие которой стимулировалось как ударной работой рыбной промышленности, так и увеличивавшимся выпуском аграрной продукции.

По химической промышленности Туапсинский суперфосфатный завод был действительно прорывным, ведь эта отрасль была тогда инновационной, независимо от промышленной ориентации краев и областей, где она получала свое развитие. Вполне уместно привести слова известного партийного государственного деятеля, имевшего широкий взгляд на развитие энергетики и новых отраслей экономики, — Г. М. Кржижановского. Он подчеркивал необходимость всемерного развития химии, химической промышленности, поскольку «это и оборона страны, и экономический подъем государства, развитие производительных сил сельского хозяйства» [Кржижановский, 1957, с. 334].

3.3. Кубанские предприятия по производству строительных материалов и их значение

Несмотря на то, что крупных промышленных производств на Кубани было немного, практически все они были в поле зрения хозяйственных, партийных и государственных властей, статус их подчиненности мог меняться. По степени своей значимости они подчинялись краевым или республиканским органам хозяйственного управления, а некоторые из них — и союзным, перейдя уже в годы второй пятилетки в ведение крупных нарко-

матов промышленности, в том числе тяжелой, настолько выросло их значение в экономике страны.

Начавшаяся индустриализация поставила на повестку дня вопрос об увеличении выпуска строительных материалов, крайне необходимых на стройках первых пятилеток. Районы Кубани базировались на собственном сырье для изготовления стройматериалов — кирпича, камышита, а главное — цемента, но так же, как и по производству столь необходимой стеклотары, например, на Армавирском стеклозаводе, по производству кирпича наблюдалось отставание от реальных потребностей. Так, в мае 1930 года на краснодарских государственных кирпичных заводах недовыработка кирпича составляла до 40 %. Сказывались проблемы, связанные с доставкой сырья, производительностью, дисциплиной труда и организационными вопросами [ЦДНИКК, ф. 8, оп. 1, д. 686, л. 7].

С другой стороны, кубанские предприятия стали в это время выпускать практически весь ассортимент продукции стройматериалов, востребованных индустриальным строительством. Реконструированные цементные заводы Новороссийска были крупнейшими и обрели союзное значение, там же появился новый завод, выпускавший шифер. В Краснодаре в строй вступил крупный завод по производству бетона, а в станице Приморско-Ахтарской (ныне город Приморско-Ахтарск) — достаточно большой камышитовый завод. [История индустриализации …, 1971, с. 497]. Союзное подчинение (Союзлеспром, ВСНХ СССР) имел новый лесозавод в станице Апшеронской. Планы развития лесной и деревообрабатывающей промышленности постоянно корректировались в сторону максимального использования кубанских лесов.

Все строительные материалы, выпуск которых увеличивался в годы первых пятилеток, параллельно и в соответствии с освоением и расширением базы местных ресурсов, были крайне важны для советского промышленного строительства. Но не вызывает сомнений, что главным стройматериалом, производимым кубанскими (новороссийскими) заводами, был цемент. Завершая досрочно первую пятилетку, работавший ударно коллектив только одного завода — «Победа Октября» — рапортовал о выполнении планового выпуска более 2,5 тысяч бочек цемента. Другой крупный цементный завод — «Пролетарий», до середины 1930-х годов получавший госдотацию, в конце 1936 года перекрыл годовой план на 1937 год, дав сверх плана 35 тысяч тонн цемента, а прибыли — свыше 7 млн руб. [Хрестоматия …, 1982, с. 117, 124].

К концу второй пятилетки крупнейшими цементными заводами были «Пролетарий» и «Октябрь», и располагались они в самом г. Новороссийске. Остальные четыре завода (в том числе и «Победа Октября») находи-

лись неподалеку от Новороссийска, около железнодорожных станций, что облегчало загрузку цемента для доставки его на стройки в различные точки края и страны. Ведь кубанский цемент составлял уже тогда около 24 % от общего объема выпуска всей цементной промышленности Советского Союза. Констатировалось, что увеличение объема производства во многом было достигнуто благодаря дополнительному оснащению цемзаводов «первоклассным оборудованием» [В помощь …, 1939, с. 29]. Цементные заводы Новороссийска стали широко известны в стране в годы первых пятилеток. Вообще новороссийский цемент был вне конкуренции, что подтверждается его высоким качеством, различными наградами, среди которых были и зарубежные. Так, ему была присуждена награда за высокое качество в 1936 году на международной промышленной выставке во Франции. Его использовали практически на всех крупных стройках первых пятилеток.

3.4. Производственный рост крупных кубанских предприятий

Большое значение для качественного роста производственных кадров, в первую очередь рабочих заводов и фабрик, имела культурная и образовательная работа, в которую они были вовлечены. Так, в рапорте трудящихся, представленном на 6-ой Кубанской окружной партконференции в 1930 году, отмечалась расширявшаяся связь культурных учреждений г. Краснодара с производством. В рамках этой работы проводилась общественно-полезная деятельность на предприятиях города, для рабочих проводились лекции, доклады, организовывались детплощадки и т. д. [ЦДНИКК, ф. 8, оп. 1, д. 649, л. 3].

На промышленных предприятиях Кубани трудящиеся отвечали на запросы времени, так же, как и в других регионах страны. На рубеже первой и второй пятилетки на предприятиях Краснодара, Новороссийска, Туапсе, Армавира организовывались различные формы повышения производственной активности и рабочего опыта. Это кружки техминимума, развертывание работы по техпропу и технические лаборатории. Последние были, как правило, на крупных заводах, которые уже в рамках второй пятилетки неуклонно набирали скорость производственного роста, преодолевая проблемы с поставками сырья, внутризаводским управлением, планированием и др. Наиболее крупными техническими лабораториями были лаборатории, созданные инженерами и рабочими на комбинате треста «Севкавжирмасло» (будущий краснодарский МЖК) и на заводе имени Седина [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 55, л. 36].

Важной особенностью промышленного строительства в годы первых пятилеток стало создание мощных и технологически современных пред-

приятий нового типа — комбинатов. На них обеспечивалось экономное и в то же время — всестороннее использование сырья и энергии, «наилучшее применение технических достижений», причем они не уступали лучшим западным предприятиям этого типа. В. В. Куйбышев в 1931 году говорил, что комбинат развивать наиболее целесообразно, увязывая его с производственными народнохозяйственными ресурсами, имеющимся в распоряжении данной области [История социалистической экономики …, 1977, с. 160]. Главный же народнохозяйственный ресурс на Кубани — продукция сельского хозяйства — определил и специфику крупнейшего в Краснодаре комбината треста СКЖМ («Севкавжирмасло»), реконструкция которого стала одной из строек первых пятилеток, в результате чего предприятие серьезно расширилось, приобретя новый производственно-технологический облик. Здесь в самом конце первой пятилетки, в 1932 году был пущен крупнейший маргариновый завод, что лично отметил руководитель Наркомата снабжения А. И. Микоян. Поздравив коллектив завода, он призвал «овладеть техникой производства, снабдить рабочих Союза в кратчайший срок маргарином высокого качества…» [Хрестоматия …, 1982, с. 116].

Завод имени Седина относился к тем немногочисленным крупным предприятиям Кубани (среди них также краснодарский завод «Краснолит», армавирский «Армалит» и др.), которые значительно усилили свой производственный вес в годы первых пятилеток. Не будучи новыми заводами и фабриками, они прошли реконструкцию и в дальнейшем смогли не только серьезно нарастить объемы выпускаемой продукции, но и расширить ее ассортимент в рамках проводившейся индустриализации. Пример завода им. Седина помогает полнее раскрыть стороны промышленного потенциала Кубани. Он не просто сохранился в условиях аграрного края, но и значительно увеличился благодаря напряженному труду, рационализаторству и соревновательной работе инженеров и рабочих, максимально вовлеченных в решение сложных задач индустриализации. Этот завод (бывший «Кубаноль») сначала занимался в основном ремонтными работами, но уже в годы первой пятилетки он стал выпускать агрегаты, которых до этого не было в стране: уникальный дорожный комбайн, скиповые и кантовальные лебедки, канаворисокопатели и др. [Краснодарский станкостроительный завод…]. Завод среди прочего выпускал и стальное литье для новороссийского «Красного двигателя» — еще одного крупного промышленного предприятия, прошедшего реконструкцию.

Значимый вклад завода им. Седина в промышленное развитие страны отразился и в том, что в 1935 году он перешел из краевого подчинения в союзное (в Наркомат станкостроительной и инструментальной промышленности). Стал выше статус, но и больше ответственности, и завод оправ-

дал ожидания. В 1937 году им был выпущен первый в СССР токарный карусельный станок, достаточно сложный в производстве. Благодаря этому была полностью ликвидирована зависимость от импорта зарубежных станков этого типа. Ряд заводов, таких как «Армалит», завод им. Калинина, «Краснолит», не теряли связи с сельским хозяйством, выпуская инвентарь для его нужд.

Особенно интересна здесь производственная судьба обозостроительного завода им. Калинина. Потребность в повозках («крестьянских ходах») оставалась большой, что стимулировало расширение производства. В 1928 году там было выпущено в 3 раза больше ходов, чем в 1925 году. С началом индустриализации расширилась электрификация и механизация цехов, например, по производству деревянных частей — до 90 %. Однако в годы первой пятилетки проблемой оставалось повышение общеобразовательного и профессионального уровня всех работающих, что требовало усилий заводской администрации, партийной и профсоюзной организации на этом направлении [Зырянов, 1990, с. 41]. Вопросы образовательно-квалификационного и дисциплинарного характера приобретали особую остроту в условиях технологических изменений. Они были вызваны не только количественным расширением производства, но и переходом на новые виды продукции. Завод в связи с военным заказом на повозки особого качества и назначения перешёл в республиканское подчинение. Однако это только добавило проблем, учитывая нехватку оборудования и квалифицированных кадров. Заработала третья смена в кузнечном цехе, увеличилось количество рабочих, труд интенсифицировался, а нормы выработки пересматривались.

Как и на других предприятиях, большое значение приобретала рационализация, был усилен рабочий контроль. Тем не менее, завышенное плановое задание в 1930 году было выполнено на 79,9 %, несмотря на увеличение в целом выпуска новой продукции. На заводе было введено непрерывное производство, улучшено энергоснабжение, решались (хотя и с большим напряжением) вопросы, связанные со снижением себестоимости продукции и повышением производительности труда. В 1938 году завод был переведен в разряд военных предприятий, и затем большая часть его продукции (свыше 20 тыс. походных кухонь, специальных повозок, пулеметных тачанок и пр.) шла на нужды Красной армии [Зырянов, 1990, с. 41].

3.5. Итоги и перспективы развития кубанской промышленности

Ориентация гражданских предприятий на выпуск военной продукции или то, что закладывалась возможность быстрого перехода на выпуск

такой продукции у ряда предприятий, были неслучайными. Обострение международной обстановки, нарастание милитаризма и фашистской угрозы в Европе заставляли партийные, государственные и хозяйственные органы власти в центре и на местах держать эти вопросы в зоне пристального внимания. Поэтому расширение производства не только в промышленно развитых районах СССР, но и на Кубани в силу многоотраслевого характера ее промышленности было востребованным. Борьба за снижение себестоимости продукции, рационализация, повышение технического и образовательного уровня трудящихся Кубани были важными факторами интенсификации труда и его производительности. Много значило и активное включение тружеников кубанской промышленности в социалистическое, а во второй пятилетке — и в стахановское движение.

Если по сравнению с 1913 годом объем промышленного производства на Кубани в начале первой пятилетки увеличился более чем в полтора раза, то к концу ее — в 5 раз, а в конце второй пятилетки — в 9 раз. По добыче нефти и по улову рыбы показатели были даже больше — в 16 раз и в 12 раз соответственно. А вот по производству растительного масла — менее чем в 2 раза, что во многом объясняется издержками коллективизации (в том числе голодом в казачьих станицах), недогрузкой предприятий агросырьем. И если за годы первой пятилетки объем промышленного производства вырос более чем в 3 раза, то за годы второй — в 1,8 раза [Народное хозяйство …, 1977, с. 20,21].

За годы двух пятилеток в несколько раз выросла электроэнергетическая промышленность, самые крупные электростанции были построены в Краснодаре и Новороссийске. Начало сплошной электрификации Кубани было положено в 1935 году, когда Новороссийская электростанция дала ток прилегающим районам [Аутлев, 1986, с. 40]. Развитие энергетики содействовало развитию механизации производства, особенно в новых отраслях промышленности, отличавшихся повышенной энергозатратностью: в станкостроении, производстве компрессоров (завод «Компрессор»), цемента и других стройматериалов, в целлюлозно-бумажной, химической промышленности, консервной и нефтеперерабатывающей. Последняя, как и станкостроение, начала интенсивно развиваться с 1937 года: это и год завершения второй пятилетки, и год, когда Краснодарский край выделился из состава Азово-Черноморского края. Началась третья пятилетка, и перспективы перед кубанской промышленностью были широкие: увеличение объемов промышленной продукции, дальнейшее освоение ее видов (например, перед войной был построен современнейший завод электроизмерительных приборов — ЗИП), развитие пищевой промышленности, транспортной инфраструктуры, электроэнергетики и пр.

4. Заключение = Conclusions

Промышленность кубанских районов имела многоотраслевой характер, здесь преобладала ориентация на переработку сельскохозяйственного сырья и тех местных природных ресурсов, которые имели большое значение для индустриализации (нефть, лес, цемент и др.). Развитие отраслей промышленности, перерабатывающих сельхозсырье, зависело от состояния аграрного сектора Кубани, переживавшего сложные социально-экономические трансформации периода 1920— 1930-х годов. Это проявилось не только в количественном объеме выпускаемой промышленной продукции, но и в появлении предприятий новых отраслей промышленности на Кубани: химической, консервной, станкостроительной и др. Реконструкция и новое строительство включали в себя не только использование аграрных ресурсов, разработку недр, но и создание курортной зоны кубанского Черноморья, что приобретало уже не только местное, но и союзное значение. Иначе говоря, повышение промышленного и в целом экономического статуса региона произошло именно в годы первых пятилеток.

В условиях внутриполитической и международной обстановки 1930-х годов развитие промышленного потенциала региона было значимым в социально-экономическом, политическом и оборонном отношении. Некоторые предприятия производили продукцию не только гражданскую, но и военного назначения (завод им. Калинина и др.), играя важнейшую роль в экономике страны, при этом регион не обладал статусом промышленно развитого региона, как некоторые другие районы страны. Два события 1937 года — образование Краснодарского края и завершение второй пятилетки — связаны между собой не только административно-территориальными интересами, но и усилением роли краевой промышленности в решении важнейших экономических задач, стоящих перед страной. Особенности современных социально-экономических процессов, соотношение отраслей экономики на Кубани требуют внимательного рассмотрения региональных производственным проблем, которые преодолевались промышленностью и сельским хозяйством в рамках советской модернизации.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *В помощь* агитатору. Краснодарский край в цифрах. — Краснодар : Краевое книгоиздательство, 1939. — 52 с.

2. ГАКК — *Государственный* архив Краснодарского края Ф. Р — 1547. Оп. 1. Д. 55. Л. 36.

3. *История* индустриализации Северного Кавказа (1926—1932 гг.) Документы и материалы / под ред. В. И. Филькина и др. — Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1971. — 564 с.

4. *Материалы* к докладу о перспективах развития Северо-Кавказского края (К III съезду советов Северо-Кавказского края). — Ростов-на-Дону : Изд. С.-К. К.С.Н.Х. 1929. — 59 с.

5. *Народное* хозяйство Краснодарского края за 60 лет (Юбилейный статистический сборник) — Краснодар : ЦСУ РСФСР статистическое управление Краснодарского края, 1977. — 240 с.

6. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам (в 5 томах) : сборник документов за 50 лет. 1929—1940 гг. — Москва : Политиздат, 1967. — Т. 2. — 800 с.

7. Техпроп — *Техническая* пропаганда на предприятии.

8. *Хрестоматия* по истории Кубани (1917—1967) Документы и материалы. — Краснодар : Книжное издательство, 1982. — Ч. 2. — 262 с., ил.

9. ЦДНИКК — *Центр* документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 9. Оп. 1. Д. 797, Л. 4, 4 об.

10. ЦДНИКК — *Центр* документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 347. Л. 80, 80 об. ; Д. 649. Л. 3. ; Д. 686. Л. 7.

Литература

1. *Аутлев М. Г.* Промышленность Кубани в Период построения социализма и борьбы за упрочение социалистического общества (1933—1941 годы) / М. Г. Аутлев // Индустриализация Кубани и дальнейшее развитие промышленного производства (1920—1985 годы). Межвузовский сборник научных трудов. — Краснодар : Издательство КПИ, 1986. – 207 с.

2. *Барсукова Г. Н.* Земельные отношения : исторический опыт и современные проблемы / Г. Н. Барсукова, К. А. Юрченко, Н. М. Радчевский. — Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 2013. — 200 с.

3. *Бершадская О. В.* Исследование истории черноморской деревни под научным руководством В. Е. Щетнева / О. В. Бершадская // Голос минувшего. — 2014. — № 3—4. — С. 55—59.

4. *Зырянов Ф. П.* Краснодарский станкостроительный имени М. И. Калинина / Ф. П. Зырянов. — Краснодар : Книжное издательство, 1990. — 223 с. — ISBN 5-7561-0546-8.

5. *История* социалистической экономики СССР : создание фундамента социалистической экономии в СССР. 1926—1932 гг. — Москва : Наука, 1977. — Т. 3. — 532 с.

6. *Карасев Д. Ю.* Подходы к реконструкции и расчету обобщающих показателей экономического роста регионов XIX в. : зарубежная историография и методы / Д. Ю. Карасев // Экономическая история. — 2020. — Т. 16. — № 3. — С. 241—263.

7. *Краснодарский* станкостроительный завод им. Седина. Советские-заводы. РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://xn----8sbeckcargt5bj2ado8m.xn--p1ai/Stati/sedin.html (дата обращения 27.05.2023).

8. *Кржижановский Г. М.* Избранное / Г. М. Кржижановский. — Москва : Госполитиздат. 1957. — 568 с.

9. *Нисковский А. А.* Политика индустриализации 1920—1930-х гг. и ее реализация в Коми автономной области : автореферат … кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. А. Нисковский. — Ижевск, 2017. — 22 с.

10. *Павловская Н.* Краснодарский завод электроизмерительных приборов : (к 50-летию завода) / Н. Павловская, И. Цветков. — Краснодар : [б. и.], 1989. — 56 с.

11. *Рагер Ю. Б.* Проблемы развития промышленности Кубани и Черноморья в годы НЭПА (1921—1929 гг.) : автореферат … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. Б. Рагер. — Краснодар, 1995. — 22 с.

12. *Салфетников Д. А.* Модернизационные задачи и проблемы промышленного развития кубанских округов во 2-ой половине 20-х гг. XX в. / Д. А. Салфетников // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 2. — С. 237—240.

13. *Самсоненко Т. А.* Сочи — Всесоюзный : начало социалистической стройки / Т. А. Самсоненко // Былые годы. Черноморский исторический журнал. — 2007. — № 3 (5). — С. 8—15.

14. *Темляков В. Е.* Железнодорожники Кубани в период первых пятилеток (октябрь 1928 г. — июнь 1941 г.) / В. Е. Темляков, Е. В. Туфанов. — Ставрополь : АРГУС, 2022. — 237 с.

15. *Туфанов Е. В.* Система партийно-государственного управления в период модернизации и урбанизации советского государства в 1920—1930-е гг. на материалах Северо-Кавказского региона / Е. В. Туфанов, И. Н. Карпенко. — Ставрополь : АГРУС, 2021. — 232 с.

16. *Чупрынников С. А.* Профессиональные союзы Кубани, 1905—1930 / С. А. Чупрынников. — Краснодар : Диапазон-В, 2009. — 368 с. — ISBN 978-5-91050-053-6.

17. *Яхутль Ю. А.* Экономические трансформации в период новой экономической политики (по материалам Кубано-Черноморья) / Ю. А. Яхутль. — Краснодар : Издательство Традиция, 2014. — 280 с. — ISBN 978-5-91883-139-7.

Статья поступила в редакцию 13.05.2023,
одобрена после рецензирования 15.06.2023,
подготовлена к публикации 23.06.2023.

Material resources

CDNIKK — *Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory. F. 9. Op. 1. d. 797, l. 4, 4 vol.* (In Russ.).

CDNIKK — *Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory. F. 8. Op. 1. d. 347. l. 80, 80 vol.; d. 649. l. 3.; d. 686. L. 7.* (In Russ.).

Decisions of the party and the government on economic issues (in 5 volumes): a collection of documents for 50 years. 1929—1940, 2. (1967). Moscow: Politizdat. 800 p. (In Russ.).

GACC — *State Archive of Krasnodar Krai F. P — 1547. Op. 1. d. 55. L. 36.* (In Russ.).

Materials for the report on the prospects for the development of the North Caucasus Region (For the III Congress of Soviets of the North Caucasus Region). (1929). Rostov-on-Don: Publishing house of S.-K.K.S.N.H. 59 p. (In Russ.).

Techprop — *Technical propaganda at the enterprise.* (In Russ.).

Textbook on the history of Kuban (1917—1967) Documents and materials, 2. (1982). Krasnodar: Book Publishing House. 262 p., ill. (In Russ.).

The history of industrialization of the North Caucasus (1926—1932) Documents and materials. (1971). Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House. 564 p. (In Russ.).

The national economy of the Krasnodar Territory for 60 years (Jubilee statistical collection). (1977). Krasnodar: CSU RSFSR Statistical Office of the Krasnodar Territory. 240 p. (In Russ.).

To help the agitator. Krasnodar Territory in numbers. (1939). Krasnodar: Regional publishing house. 52 p. (In Russ.).

References

Barsukova, G. N., Yurchenko, K. A., Radchevsky, N. M. (2013). *Land relations: historical experience and modern problems.* Krasnodar: Kuban State Agrarian University. 200 p. (In Russ.).

Bershadskaya, O. V. (2014). Research of the history of the Black Sea village under the scientific guidance of V. E. Shchetnev. *Voice of the Past, 3—4:* 55—59. (In Russ.).

Chuprynnikov, S. A. (2009). *Trade unions of Kuban, 1905—1930.* Krasnodar: Range-V. 368 p. ISBN 978-5-91050-053-6. (In Russ.).

History of the socialist economy of the USSR. Creation of the foundation of socialist economy in the USSR. 1926—1932, 3. (1977). Moscow: Nauka. 532 p. (In Russ.).

Karasev, D. Y. (2020). Approaches to reconstruction and calculation of generalizing indicators of economic growth of regions of the XIX century: foreign historiography and methods. *Economic history, 16 (3):* 241—263. (In Russ.).

Krasnodar Machine Tool Plant named after Gray hair. Soviet-factories. RF. Available at: https://xn----8sbeckcargt5bj2ado8m.xn--p1ai/Stati/sedin.html (accessed 27.05.2023). (In Russ.).

Krzhizhanovsky, G. M. (1957). *Favorites.* Moscow: Gospolitizdat. 568 p. (In Russ.).

Napkinnikov, D. A. (2011). Modernization tasks and problems of industrial development of Kuban districts in the 2nd half of the 20s of the XX century. *Theory and practice of social development, 2:* 237—240. (In Russ.).

Niskovsky, A. A. (2017). *Industrialization policy of the 1920s—1930s and its implementation in the Komi Autonomous Region.* Author's abstract of PhD Diss. Izhevsk. 22 p. (In Russ.).

Outlev, M. G. (1986). Industry of Kuban during the period of building socialism and the struggle for the consolidation of socialist society (1933—1941). In: *Industrialization of Kuban and further development of industrial production (1920—1985). Interuniversity collection of scientific papers.* Krasnodar: KPI Publishing House. 207 p. (In Russ.).

Pavlovskaya, N., Tsvetkov, I. (1989). *Krasnodar plant of electrical measuring devices: (to the 50th anniversary of the plant).* Krasnodar: [b. i.]. 56 p. (In Russ.).

Rager, Yu. B. (1995). *Problems of industrial development of Kuban and the Black Sea region during the NEP years (1921—1929).* Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 22 p. (In Russ.).

Samsonenko, T. A. (2007). Sochi — All-Union: the beginning of socialist construction. Bygone Years. *Black Sea Historical Journal, 3 (5):* 8—15. (In Russ.).

Temlyakov, V. E., Tufanov, E. V. (2022). *Railway workers of Kuban during the first five-year plans (October 1928 — June 1941).* Stavropol: ARGUS. 237 p. (In Russ.).

Tufanov, E. V., Karpenko, I. N. (2021). *The system of party-state management in the period of modernization and urbanization of the Soviet state in the 1920s—1930s on the materials of the North Caucasus region.* Stavropol: AGRUS. 232 p. (In Russ.).

Yakhutl, Yu. A. (2014). *Economic transformations in the period of the new economic policy (based on the materials of the Kuban-Black Sea region).* Krasnodar: Publishing House Tradition. 280 p. ISBN 978-5-91883-139-7. (In Russ.).

Zyryanov, F. P. (1990). *Krasnodar Machine-tool Building named after M. I. Kalinin.* Krasnodar: Book Publishing House. 223 p. ISBN 5-7561-0546-8. (In Russ.).

The article was submitted 13.05.2023;
approved after reviewing 15.06.2023;
accepted for publication 23.06.2023.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Тишкина К. А. Празднование трехлетней годовщины Октябрьской революции в Алтайской губернии в 1920 году / К. А. Тишкина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 521—537. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-521-537.

Tishkina, K. A. (2023). Celebrating Third Anniversary of October Revolution in Altai Province in 1920. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 521-537. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-521-537. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-521-537

Празднование трехлетней годовщины Октябрьской революции в Алтайской губернии в 1920 году

Тишкина Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-2342-0548
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
офиса развития
научной деятельности
ksetishkina@mail.ru

Сибирский
федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
в рамках реализации проекта
№ 22-78-00160

Celebrating Third Anniversary of October Revolution in Altai Province in 1920

Ksenia A. Tishkina
orcid.org/0000-0002-2342-0548
PhD in History,
Research Fellow Office
for the Development
of Scientific Activities
ksetishkina@mail.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 22-78-00160

© Тишкина К. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается процесс устройства торжественных мероприятий по случаю трехлетней годовщины Октябрьской революции на примере Алтайской губернии. Основное внимание уделяется подготовительным работам: составлению плана праздничных мероприятий, согласованию тем для проведения агитационной работы, распределению красной материи для изготовления знамен и т. д. Актуальность исследования обусловлена не только интересом к процессу формирования советского праздничного календаря, но и к повседневной жизни населения Сибири в условиях политики продразверстки. Благодаря привлечению широкого круга источников удалось установить особенности проведения трехлетней годовщины Октябрьской революции с учетом различий между городской и сельской местностями. Определено, что для городов торжественные мероприятия носили массовый характер, охватывающий преимущественно все слои населения. Устраивались праздничные шествия по улицам, а вечером организовывались спектакли и проводились концерты. В сельской местности чаще всего никаких мероприятий не проводилось по причине слабой агитационной работы. Одним из важных элементов праздника стало посещение одиночных могил и братских захоронений людей, погибших в борьбе за советскую власть. Сделаны выводы о том, что празднование годовщины Октябрьской революции в Сибири носило ключевой характер для проводимой в регионе агитационной политики в пользу советского государства.

Ключевые слова:
Октябрьская революция; Алтайская губерния; Сибирь; неделя помощи фронту; праздник; коммеморация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of organizing celebratory events for the third anniversary of the October Revolution in the Altai Province. The focus is on the preparatory work, including the planning of festive activities, the coordination of themes for propaganda work, and the distribution of red fabric for making flags, among other things. The relevance of the study lies not only in the interest in the formation of the Soviet holiday calendar but also in the everyday life of the population in Siberia under the policy of ‘prodrazverstka’. By drawing on a wide range of sources, the article identifies the peculiarities of celebrating the third anniversary of the October Revolution, taking into account differences between urban and rural areas. It is determined that in cities, celebratory events were mass-oriented and covered all segments of the population, including parades, performances, and concerts. In rural areas, there were often no events due to weak propaganda work. Visiting individual graves and communal burial sites of those who died fighting for Soviet power became an important element of the holiday. The article concludes that celebrating the anniversary of the October Revolution in Siberia was a key aspect of the propaganda policy in favor of the Soviet state.

Key words:
October Revolution; Altai Province; Siberia; Front Assistance Week; celebration; commemoration.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.3+394.46:94(47).084.2“1920”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Празднование трехлетней годовщины Октябрьской революции в Алтайской губернии в 1920 году

© Тишкина К. А., 2023

1. Введение = Introduction

Годовщина Октябрьской революции — главный праздник советского государства. Декретом Совета народных комиссаров (СНК) «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» от 24 января 1918 года состоялся переход на григорианский календарь. Это привело к тому, что чествование событий 25 октября было сдвинуто на 7 ноября. Согласно Кодексу закона о труде от 2 декабря 1918 года 7 ноября (День пролетарской революции) объявлялся выходным днем [Кирьяков и др., 2019, с. 81].

Ноябрьские торжества являлись важным атрибутом политической силы нового правительства, ежегодным отсчетом советской эпохи. Празднованию годовщины Октябрьской революции делегировалась функция демонстрации новой, светлой жизни граждан в противовес дореволюционному периоду — «тяжелому прошлому» [Ульянова, 2007, с. 157]. Исследователь К. В. Годунов отмечает, что ноябрьские торжества наделялись сакральным характером, а в первые годы советской власти по степени значимости сравнивались с христианскими праздниками — Рождеством и Пасхой [Годунов, 2020, с. 611]. Многие атрибуты проведения массовых торжеств советское правительство переняло от Российской империи [Красильникова, 2016, с. 98] Это выражалось в украшении фасадов зданий, устройстве военных парадов, торжественных шествий, тематических вечеров и концертов и т. д.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Тема празднования Октябрьской революции на территории Сибири в 1920-е годы нашла широкое освещение в отечественной историографии. В исследованиях Е. И. Красильниковой [Красильникова, 2012; 2016; 2017а; 2017б] затрагивается проблема формирования коллективной памяти о революционных событиях, немалое значение в этом придавалось празднованию событий октября 1917 года. Ноябрьские торжества в празд-

ничной культуре коренного населения Сибири выступали фактором популяризации национальной политики советского правительства, и эта их роль отражена в научных работах Е. П. Мамышевой [Мамышева, 2018] и Е. В. Самушкиной [Самушкина, 2018]. Процесс формирования праздничной культуры в городской и сельской местности Алтайской губернии рассмотрен в статьях М. В. Хромых [Хромых, 2009] и С. В. Менькова [Меньков, 2016; 2017].

Целью исследования является освещение процесса подготовки и проведения годовщины Октябрьской революции в первый год восстановления советской власти в Сибири. Исследование основывается на принципах историзма и объективности. Использование историко-типологического метода позволило продемонстрировать особенности чествования трехлетия Октябрьской революции как в городах, так и в сельской местности; историко-системный метод предоставил возможность рассмотреть торжественные мероприятия в Алтайской губернии как часть общего нарратива праздника.

В ходе исследования использовались архивные материалы, отложившиеся в фонде П-2 «Алтайский губком РКП(б)» Государственного архива Алтайского края. Для расширения информации были привлечены сведения, выявленные в периодических изданиях («Правда», «Советская Сибирь», «Красный Алтай»).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этапы подготовки проведения трехлетней годовщины Октябрьской революции в Алтайской губернии

Восстановление советской власти в Сибири осуществлялось с конца 1919 года. В связи с этим торжественные мероприятия по случаю празднования событий Октябрьской революции проходили в регионе впервые в 1920 году. Будущему празднику придавалось большое значение. Редактор газеты «Советская Сибирь» И. Н. Стуков в своей статье «К предстоящим октябрьским торжествам» отмечал «… день годовщины Советской власти в Сибири должны быть не просто праздником, а праздником, имеющим глубокое воспитательное значение, стимулирующим широкие массы на дальнейшую борьбу, вовлекающим ее на путь активного строительства, углубляющим их революционное сознание и энтузиазм и в то же время углубляющим и их ненависть и отвращение к старому строю» [Стуков, 1920, с. 1]. Заведующий отделом юстиции Сибревкома А. Г. Гойхбарг подчеркивал значимость праздника 7 Ноября как символа сплоченности трудящихся: «… в эти дни нашего торжества мы должны будем не столько праздник устраивать, сколько всем и каждому, в самом глухом углу, в каж-

дой мелкой мастерской, в каждой далекой деревушке разъяснить, показать на фактах того, что сделано и делается, как неразрывно связаны интересы трудящихся не только всех мельчайших частей нашей страны, но всего мира» [Гойхбарг, 1920, с. 1].

В газете «Правда» за 5 октября 1920 года был опубликован циркуляр ЦК РКП(б) определявший характер празднования годовщины Октябрьской революции. В документе предлагалось в дни празднования отказаться от пышных и торжественных форм, а сосредоточится на агитационной работе. Темами для пропаганды среди населения указывались: «1) борьба с Врангелем; 2) всемерная помощь Красной Армии; <…> 3) подчеркивание необходимости активной поддержки <…> продовольственной политики» [ЦКРКП, 1920, с. 1]. Среди утвержденных лозунгов были: «1. В годовщину октября сметем с пролетарской дороги все препятствия! Отшвырнем Врангеля. Соберем хлеб, усилим работу. <…>. 4. Под грохот боев на неизмеримых фронтах Советская Россия не упустила ни одной возможности хозяйственного и культурного строительства. <…>. 14. Без усиленного труда не будет сна» и т. д. [Лозунги …, 1920, с. 1]. В дни торжеств рекомендовалось уделять внимание тому, что празднуется не только трехлетие Октябрьской революции, но и годовщина «освобождения от колчаковщины» [К октябрьским торжествам …, 1920, с. 3].

Сельская местность являлась приоритетом для развертывания агитационной работы. Празднование годовщины революционных событий должно было «сдвинуть, поднять, заинтересовать широкую крестьянскую массу, вовлечь ее в общую пролетарскую борьбу и работу» [Циркулярное обращение …, 1920, с. 12]. В стране планировалось массовое открытие школ, изб-читален, клубов, яслей, больниц и т. д. Контроль над проведением государственного праздника осуществляла специально созданная Всероссийская центральная октябрьская комиссия. Финансирование мероприятий должно было осуществляться за счет местных средств. Особенно отмечалось, что в сложившихся в стране условиях тяжелого экономического положения не должно было быть дополнительно истрачено «ни одной лишней копейки, ни одного аршина материи» [Циркулярное обращение …, 1920, с. 13].

Подготовка к празднику началась в Сибири с осени 1920 года. На сотрудников агитационно-пропагандистского отдела Сибирского бюро ЦК РКП(б) (далее — Сиббюро ЦК РКП(б)) была возложена разработка тезисов и лозунгов в честь событий 1917 года, а также контроль за освещением проведения праздника на местах в периодической печати [(О праздновании …, 1920, с. 2]. Сиббюро ЦК РКП(б) планировало подготовку к публикации сборника в честь октябрьских торжеств. Для реализации этой

цели предполагалось осуществить через губкомы сбор сведений о жизни жителей сибирских губерний в период «колчаковщины» и первого года советской власти. Все материалы должны были направляться в агитационно-пропагандистский отдел Сиббюро ЦК РКП(б) на имя Е. М. Ярославского. В Алтайской губернии ответственным за реализацию принятого Сиббюро ЦК РКП(б) решения был назначен главный редактор газеты «Красный Алтай» Я. Р. Елькович.

На одном из заседаний Сиббюро ЦК РКП(б) в сентябре 1920 года был принят проект проведения торжеств, разработанный заведующим отделением Сиббюро ЦК РКП(б) по работе в деревне Н. Ф. Преображенским. Сроки проведения праздника определялись с 12:00 6 ноября до конца дня 7 ноября 1920 года. Контроль за организационной частью мероприятия должна была осуществлять специально созданная Сибирская комиссия по проведению празднования Октябрьской революции (Сибкомиссия по проведению октябрьских торжеств), в состав которой входили представители от наробраза, профсоюза, совнархоза и т. д.

Со второй половины сентября 1920 года в губернских городах стали формироваться специальные губернские комиссии (губкомиссии) по проведению октябрьских торжеств. Они находились в ведении Сибкомиссии по проведению октябрьских торжеств. В Барнауле такое учреждение начало свою работу в конце сентября 1920 года. 24 сентября 1920 года вышло распоряжение Алтгубкома РКП(б) о выделении по уездам партработников для формирования троек по устройству праздника 7 ноября. В целях реализации постановления на местах должны были организовываться уездные комиссии по проведению октябрьских торжеств. Рекомендовалось формировать их состав из представителей от военкоматов, наробраза, компарта, центропечати, профсоюзов, женотделов, комсомола, земотделов, уисполкомов и т. д. Так, в Славгороде комиссия образовалась 2 октября 1920 года, а в Камне — 12 октября 1920 года. Предполагалось, что в составе таких комиссий будут выделены секции: театральная; по декорированию и художественному украшению города; по проведению парада и манифестации; организационно-хозяйственная.

С начала октября 1920 года активизировалась работа агитколлегии Алтайского губернского комитета (губкома) РКП(б). На заседании 2 октября 1920 года был поднят вопрос о подготовке тезисов для агитаторов на тему «Развитие русской революции» [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 228, л. 107]. Во время празднеств агитаторам предлагалось освещать достижения советской власти за три года, внутреннюю и внешнюю политику государства, а также необходимость «продолжения борьбы с поднявшей голову русской и международной контрреволюциями» [Там же, л. 137].

К концу октября 1920 года в Барнауле был сформирован состав новой Алтайской губкомиссии по проведению октябрьских торжеств, в которую вошли представители от Алтгубкома РКП(б) — В. Первушин, от Губнарообраза — М. Курзин, от Губвоенкома — М. Шишкин, от Политпросвета 26 дивизии — Севастьянов, от Губпрофсовета — З. Сандомирский, от Учполита — Бельский. В этот же день состоялось первое заседание членов комиссии, на котором было принято решение о руководстве по проведению торжественных мероприятий в Барнауле и уезде. Комиссии других уездных городов — Бийска, Змеиногорска, Славгорода, Камня — и с. Шебалино должны были отчитываться перед Алтайской губкомиссией по проведению октябрьских торжеств и Сибкомиссией по проведению октябрьских торжеств. Планировались выпуски тематических газет, листовок и плакатов для рассылки по уездам Алтайской губернии.

Для подготовки населения к праздничным мероприятиям в уезды были направлены агитаторы-инструкторы. Работа в сельской местности являлась одним из ключевых направлений для пропагандистской деятельности в стране. Обследование политического настроения в деревнях Алтайской губернии летом 1920 года показало враждебность к новой власти среди части населения, а также неосведомленность о текущем положении в стране. Проверка шести сел Барнаульского уезда показала, что только в четырех из них имелись коммунистические ячейки, однако какой-то существенной работы в них не велось. Во многом такое положение было связано с отсутствием инструкторов от Губбюро РКП(б), которые неохотно соглашались на работу в селах и деревнях [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 231, л. 13]. В связи с этим празднование годовщины Октябрьских событий являлось существенным поводом для усиления агитационно-просветительской работы в сельской местности губернии.

В дни праздника во всех населенных пунктах Алтайской губернии планировалась организация шествий, манифестаций, митингов, парадов войск и т. д. Для изготовления знамен по уездам рассылалась красная материя с расчетом выделения 10 аршин на волость. Следуя циркуляру ЦК РКП(б), Алтгубком РКП(б) предлагал в торжественную дату отказаться от устройства беспартийных конференций, «подвижных массовых картин и иллюминаций».

29 октября 1920 года при участии представителей от всеобуча (Разунков и Давидович) и отдела работниц и крестьянок (Громадская) состоялось первое заседание Алтайской губкомиссии по проведению октябрьских торжеств. Одним из основных вопросов обсуждения стало праздничное убранство Барнаула. Предполагалось, что красной материей и плакатами будут украшены фасады зданий губисполкома, рабочего дворца, горуезд-

ного исполкома, городские деревянные арки и могилы жертв революции. Забота об украшении зданий других учреждений и предприятий Барнаула возлагалась на работников этих организаций. В случае хорошей погоды предлагалось устроить на автомобиле подвижную трибуну. На заседании был составлен ориентировочный план мероприятий: 6 ноября в Барнауле предполагалось проведение детского праздника, тематических концертов и спектаклей, митингов; 7 ноября — устройство военного парада.

Подготовка к торжествам совпала с начавшей в Алтайской губернии 1 ноября 1920 года «Недели содействия фронту» (в материалах периодической печати также встречается название «Неделя помощи фронту»). Целью устройства акции являлся сбор теплых вещей и бытовых предметов в пользу бойцов Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), воюющих на Западном и Южном фронтах. Контролем над проведением «Недели содействия фронту» занимался губернский комитет содействия фронту под председательством П. Ольшевского [От губернского комитета «Недели содействия фронту» …, 1920, с. 2]. В уездах была организована активная агитационная работа. Так, только в Барнауле состоялось 25 митингов и собраний в пользу акции.

3.2. Праздничные торжества в ноябре 1920 года в городах Алтайской губернии

Членами Алтайской губкомиссии по проведению октябрьских торжеств была окончательно сформирована программа мероприятий в Барнауле, которая была опубликована 5 ноября 1920 года в газете «Красный Алтай». 6 ноября был объявлен в городе днем «детского праздника». Начиная с 14:00 дети могли по бесплатным билетам посетить тот или иной спектакль или посмотреть кинофильм. Во избежание перегруженности учащимся предлагалось организовать посещение того или иного учреждения культуры согласно расписанию. Так, например, учащихся школ № 12, 13, 14 и 36 приглашали в райклуб № 26 (бывшее здание казначейства), где был представлен детский спектакль «Белоснежка» и выступил оркестр [ГОРУНАРОБРАЗ извещает …, 1920, с. 4].

В этот день после окончания работы на фабриках и заводах прошли митинги. Вечером в Рабочем Дворце (бывшее здание богадельни) состоялось торжественное заседание в честь годовщины Октябрьской революции, на которое собрались представители губкома РКП(б), члены правлений профсоюзов, служащие горсовета, уездисполкома и т. д. Присутствовавшие почтили память погибших борцов революции и прослушали доклады о значении празднования третий годовщины Октябрьской революции. На мероприятии выступил бывший партизан Ф. С. Гуляев (псевдоним

«Сусанин»), который рассказал о своей партизанской деятельности и встрече в Москве и Петрограде с партийными деятелями: В. И. Лениным, Л. Б. Зиновьевым и М. И. Калининым [Р-ская, 1920, с. 2].

Второй день праздника — 7 ноября — начался в 10:00 утра с торжественного шествия представителей профсоюзов и служащих различных организаций к Соборной площади, на которой в 11:00 прошел военный парад. Затем колонны участников шествия направились к братским могилам жертв переворота 1918 года для возложения венков. Один из венков был привезен Ф. С. Гуляевым из Москвы от В. И. Ленина. Вечером на различных площадках города прошли концерты, спектакли и показ кинофильмов. Так, интерес собравшихся вызвали выступления в клубе имени М. С. Урицкого активных борцов за установление советской власти — М. И. Ворожцова (псевдоним «Анатолий»), Костенко и Правды — с докладами на тему «Красный Октябрь». После этого силами участников театральной студии была показана пьеса «93 год» о жизни коммунаров Парижа [В клубе имени «Урицкого» …, 1920, с. 2]. В Народном доме зимний театральный сезон был открыт показом социальной пьесы Эмиля Верхарна «Зори», сюжет которой строился на идее противостояния простого народа и буржуазии. Как отмечалось в газете «Советская Сибирь», данная постановка «вызвала <…> исключительный революционный подъем зрителей <…> вылившийся в могучее исполнение пролетарского гимна борьбы, подхваченный всей труппой на сцене и симфоническим оркестром» [Торжества Октябрьской революции …, 1920, с. 1].

При участии губнаробраза 7 ноября в Барнауле были открыты две бесплатные выставки — художественная и книжная. Первая была организована в помещении бывшей Дмитриевской церкви. На выставке демонстрировались картины и скульптуры как местных, так и столичных мастеров. За неделю работы ее посетило 9000 человек. В центральной библиотеке состоялась выставка, на которой были представлены новые издания по народному образованию. Кроме этого, в помещениях центральной библиотеки, музея и губздрава (бывшее здание реального училища) прошли чтения, в рамках которых слушателям были предложены научно-образовательные лекции.

7 ноября 1920 года вышел тематический выпуск газеты «Красный Алтай», включавший статьи о ликвидации советской власти летом 1918 года с последующим ее восстановлении в декабре 1919 года; небольшую заметку об Аркадии Третьякове, погибшем при наступлении белогвардейцев 10 июля 1918 года; воспоминания партизана А. Воронцова и участника октябрьских событий в Москве С. Карадышева; тематические стихотворения и рассказы и т. д. В статье «Всему трудовому населению Сибири» объяв-

лялось о проведении в стране амнистии «всем участникам свержения Советской власти в 1918 году, кроме членов организации, поставивших себе целью свержение советской власти путем вооруженной борьбы, а также кроме членов колчаковского правительства и их вдохновителей» [Всему трудовому населению Сибири …, 1920, с. 3]. В качестве приложения к газете были опубликованы портреты «первых жертв Октябрьской революции на Алтае»: И. В. Присягина, Д. Г. Сулимы, М. К. Цаплина, А. В. Третьякова и Н. Д. Малюкова.

В Бийске 6 ноября 1920 года рабочий день был завершен в 12:00. В 18:00 в честь праздника в Рабочем Дворце (бывшее здание Народного дома) состоялось торжественное заседание, которое началось с хорового исполнения Интернационала. Затем с докладами выступили представитель от исполкома — Макшин, комитета партии — Фрелих, гарнизона — Осинский, совета профсоюзов — Баклушин, Союза молодежи — Колоколкина [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 234, л. 14]. Завершилось заседание праздничным концертом. Отдельные мероприятия прошли по предприятиям, клубам и театрам города. Так, на текстильной фабрике был устроен концерт, на кожевенном заводе № 3 — спектакль, на лесопильном заводе — митинг и т. д. 7 ноября 1920 года в 11:00 на Красной (Ярморочной) площади состоялся парад с участием воинских частей, представителей от гражданских учреждений и профсоюзов. После парада началось торжественное шествие по ул. Советской до Троицкой площади, которое завершилось митингом в поддержку РККА, воюющей на Южном фронте.

В Камне 7 ноября 1920 года прошло торжественное заседание, на котором присутствовали представители от учреждений и организаций города, а вечером были организованы концерты, спектакли, киносеансы и т. д. По уезду в честь годовщины Октябрьской революции был развернут широкий сбор пожертвований в пользу РККА [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 234, л. 17].

В Славгороде 6 ноября 1920 года 400 человек посетили торжественное заседание, завершившееся концертом. 7 ноября 1920 года было устроено шествие со знаменами от городской площади до братского захоронения борцов за советскую власть. Затем после небольшого митинга люди проследовали к исполкому, а после к военкомату — последнему пункту демонстрации. Специально к годовщине Октябрьской революции была отпечатана однодневная газета «Октябрьское зарево» в количестве 1500 экз. [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 234, л. 21].

В Змеиногорске 6 ноября 1920 года с 14:00 на городских площадках начались митинги, которые посетило более 1000 горожан. Вечером змеиногорцам были показаны бесплатные спектакли. 7 ноября 1920 года в 12:00 на Площади свободы недалеко от братской могилы начался парад, в кото-

ром приняли участие воины местного гарнизона, члены РКП(б) и профсоюза. После приветственных речей представителей упарткома, уисполкома, увоенкома колонна горожан «стройными рядами с пением революционных песен» направилась по ул. Барнаульской». Обойдя часть города, вся процессия снова вернулась к братской могиле, где председатель укома РКП(б) Травников выступил с краткой речью в память о погибших. Он указал: «Нам пролетариату на сегодняшней день нужно дать клятвенное слово над трупами дорогих товарищей, что отомстим паразитам за вас и сотрем с лица земли всю контрреволюционную сволочь и Красное знамя облитою вашей кровью должно гордо развиваться над трупами погребенных орлов» [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 234, л. 35]. После торжественной клятвы и преклонения знамени был исполнен похоронный гимн. Праздник продолжился в народном доме, где состоялось торжественное заседание. Вечером сотрудниками отдела народного образования была представлена постановка пьесы «Гибель надежды» «о иге капитала» [Там же, л. 35].

3.3. Устройство торжественных мероприятий в сельской местности Алтайской губернии

В сельской местности подготовка к празднованию осуществлялась неравномерно. Контроль над ходом мероприятий на местах осуществляли мобилизованные Алтгубкомом РКП(б) агитаторы-инструкторы, которые вносили всю информацию в специальные отчетные листки. В с. Тальменка одноименной волости местное волостное бюро (волбюро) РКП(б) организовало своими силами манифестацию и митинг рядом с местом захоронения участников Гражданской войны. Однако в некоторых селах волости «о празднике ничего не знали» [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 233, л. 6 об].

В Горно-Алтайском уезде празднование годовщины Октябрьской революции ограничилось только агитационно-пропагандистской работой среди населения. Это было связано с тем, что во время общегубернской подготовки к мероприятиям управление уездом переместилось из с. Шебалино в с. Алтайское. Отправленные из губпарткома знамена и плакаты пришли уже после праздника, а изготовление на месте брошюр, плакатов и проч. тематического печатного материала невозможно было реализовать из-за отсутствия в уезде типографии, пишущих машин и бумаги [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 234, л. 41]. В связи с этим праздничные мероприятия по уезду ограничились проведением 15 спектаклей и 31 митинга.

В с. Титовка Ново-Егорьевской волости, жители которого активно участвовали в восстановлении советской власти в Сибири, 7 ноября 1920 года возле братской могилы «героев павших за Свободу» состоялся торжественный митинг. Мероприятие, на которое пришло 400 чел., началось с испол-

нения Интернационала, а затем были озвучены доклады на разные темы. Среди присутствовавших прошел сбор денежных пожертвований «в пользу Красных борцов за Свободу». Всего было собрано 5704 руб. [Там же, л. 35]. Затем торжественное шествие со знаменами и исполнением революционных песен направилось по селу. Вечером в одном из специально подготовленных зданий села прошел концерт.

В день празднования третий годовщины Октябрьской революции жители с. Гилево одноименной волости почтили память односельчан, погибших летом 1920 года во время захвата села повстанческим отрядом Д. Л. Шишкина. В пользу семей погибших был проведен сбор денежных пожертвований [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 234, л. 35 об.].

В с. Шипуново одноименной волости торжественные мероприятия начались 7 ноября с митинга у здания волисполкома, на который собралось около 150 чел. Затем по селу прошла демонстрация, которая собрала 300 чел. Во время шествия участники выкрикивали торжественные лозунги в честь самого праздника и «вождей пролетариата, товарищей Ленина, Троцкого, Луначарского и других» [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 233, л. 5]. Демонстранты совершили остановку возле дома погибшего в годы Гражданской войны шипуновского военкома Ефима Бессонова. Здесь были организованы небольшой митинг и сбор пожертвований в пользу матери Бессонова (всего было собрано около 5000 руб.). Шествие было завершено у здания волисполкома, где собравшимся представили доклады о предпосылках Октябрьской революции, положении Красной Армии, перспективах советского государства и т. д. Откомандированный для проверки проведения праздников в Шипуновской и Заковряшинской волостях Митрофан Скарюкин беседовал с местным населением, интересуясь отношением людей к положению в стране. Впоследствии он отмечал, что настроение у жителей с. Завокряшино было неопределённым, а отношение «к разверсткам, к ячейке и даже власти» — недоброжелательное [Там же, л. 6 об.].

Тема продразверстки оттеняла праздничное настроение населения сельской местности, а иногда и вовсе доминировала при общении с агитаторами. Проверка агитатором-инструктором М. Фадеевым порядка проведения октябрьских торжеств в селах Пиканское и Жилино Белоярской волости показала, что в населенных пунктах практически не проводится никакой агитационной работы. Несмотря на отмеченное «превосходное по отношению к советской власти настроение», крестьяне задавали М. Фадееву множество вопросов, связанных с проводимой в стране политикой продразверстки [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 233, л. 96]. В с. Черемное одноименной волости никаких мероприятий по случаю годовщины Октябрьской революции не было проведено. Прибывший агитатор-инструктор обнару-

жил, что в волостном центре отсутствует партячейка. Общение с местным населением выявило необходимость борьбы с кобылкой (насекомое семейства саранчовых), а также обеспечения крестьян семенами для посевных работ в 1921 году [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 233, л. 50]. Более продуктивная агитационная работа была развернута в с. Егорьевском одноименной волости. Это было связано с тем, что местное население составляли преимущественно рабочие рудника. С возобновлением добычи золота многие сельчане стали работать на руднике и не могли выполнять план по продразверстке [ГААК, ф. П-2, оп. 1, д. 233, л. 53об.].

4. Заключение = Conclusions

В 1920 году в Сибири впервые прошли торжественные мероприятия, посвященные годовщине Октябрьской революции. Подготовительный процесс начался в сентябре 1920 года. Основное внимание в предпраздничные дни и 7 ноября должно было уделяться проведению агитационной работы среди населения, направленной, в первую очередь, на необходимость оказания помощи советскому государству, воюющему на Южном и Западном фронтах.

Планирование процесса торжественных мероприятий 7 ноября 1920 года в городах шло по одному принципу. Ключевое место занимала праздничная демонстрация, на которой присутствовали представители от местного военного гарнизона, партийной ячейки, профсоюзов и т. д. В вечерние часы организовывались тематические концерты и спектакли.

Особое место 7 ноября занимало чествование ветеранов Гражданской войны и поминание борцов, погибших за советскую власть. Вблизи мест их погребений проходили небольшие митинги, на могилы возлагались венки. В пользу семей погибших устраивались сборы денежных пожертвований. Участники Гражданской войны делились своими воспоминаниями и агитировали за советскую власть.

Праздничные мероприятия в волостных центрах по особенностям их планирования и организации были схожи с городскими. Однако агитационная работа в сельской местности из-за отсутствия во многих селах партячеек сводилась к нулю. Зачастую жители имели смутное представление о текущем положении в стране, в том числе в отношении праздничных мероприятий. Последствия Гражданской войны имели большое значение для социальной и экономической жизни населения, которое продолжало страдать от набегов повстанческих и бандитских отрядов. Тема продразверстки являлась наиболее обсуждаемой среди крестьянского населения, которое предпочитало вносить в пользу советского государства денежные пожертвования, а не отдавать продукты, см. подробнее: [Тишкина, 2021].

Празднование годовщины Октябрьской революции в Сибири занимало существенное место среди мероприятий в рамках проводимой в регионе агитационной политики в пользу советского государства. Спустя почти год после завершения Гражданской войны в регионе в праздничном формате требовалось продемонстрировать преимущество нового политического режима, особенно для крестьянского населения. Однако на практике все усложнялось отсутствием как ресурсов (например, красного сукна для изготовления флагов и украшений, бумаги для плакатов и т. д.), так и людей, желавших ехать на агитационную работу в отдаленные населенные пункты к населению, менее лояльному к политическому режиму. Политика продразверстки негативно влияла на праздничное настроение граждан.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *В клубе* имени «Урицкого» // Красный Алтай : газета. — 1920. — № 61 (240). — С. 2.

2. *Всему* трудовому населению Сибири // Красный Алтай : газета. — 1920. — № 59 (238). — С. 3.

3. ГААК — *Государственный* архив Алтайского края. Ф. П-2 (Алтайский губком РКП(б)). Оп. 1. Д. 228, Л. 107, 137 ; Д. 231. Л. 13 ; Д. 233. Л. 5 ; 6 об., 50, 53 об., 96 ; Д. 234. Л. 14 ; 17 ; 21 ; 35 ; 35 об.; 41.

4. *Гойхбарг А.* Предстоящая годовщина / А. Гойхбарг // Советская Сибирь : газета. — 1920. — № 237 (308). — С. 1.

5. *ГОРУНАРОБРАЗ* извещает… // Красный Алтай : газета. — 1920. — № 56 (235). — С. 2.

6. *К октябрьским* торжествам // Красный Алтай : газета. — 1920. — № 55. — С. 3.

7. *Лозунги* к 3-х летней годовщине Октябрьской революции // Советская Сибирь : газета. — 1920. — № 238 (309). — С. 1.

8. *О праздновании* годовщины октябрьской революции // Советская Сибирь : газета. — 1920. — № 223 (294). — С. 2.

9. *От губернского* комитета «Недели содействия фронту» // Красный Алтай : газета. — 1920. — № 56 (235). — С. 2.

10. *Р-ская М.* Торжественное заседание / М. Р-ская // Красный Алтай : газета. — 1920. — № 60 (239). — С. 2.

11. *Стуков Ин.* К предстоящим октябрьским торжествам / Ин. Стуков // Советская Сибирь : газета. — 1920. — № 219 (290). — С. 1.

12. *Торжества* Октябрьской революции // Советская Сибирь : газета. — 1920. — № 254 (325). — С. 1.

13. *Циркулярное обращение* Всероссийской Центральной Октябрьской Комиссии // Вестник агитации и пропаганды : журнал. — 1920. — № 2. — С. 12—13.

14. *ЦКРКП.* Всем губкомам, уездкомам, политотделам, дорполитам и учполитам / ЦКРКП // Правда : газета. — 1920. — № 221. — С. 1.

Литература

1. *Годунов К. В.* Празднования годовщин революционного Октября в эпоху Гражданской войны : эмоции, сакральность, власть / К. В. Годунов // Гражданская война в России : Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917—1922 : материалы XI Санкт-Петербургского международного коллоквиума по русской истории. — Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2020. — С. 610—623.

2. *Красильникова Е. И.* Коммеморативный аспект октябрьских торжеств в западносибирских городах 1920-х гг. / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2012. — № 3. — С. 68—71.

3. *Красильникова Е. И.* Коммеморативный аспект октябрьских торжеств в Сибири (1920—1945 гг.) : постановка проблемы / Е. И. Красильникова // Провинциальные научные записки. — 2016. — № 1. — С. 98—105.

4. *Красильникова Е. И.* Октябрьские торжества в городах Сибири : механизмы и проблемы организации (1920—1945 гг.) / Е. И. Красильникова // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. — 2017б. — № 2 (14). — С. 52—60.

5. *Мамышева Е. П.* Советские праздники в Хакасии в 1920-е годы : особенности восприятия / Е. П. Мамышева // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2018. — № 23. — С. 76—78.

6. *Меньков С. В.* Становление советской праздничной системы на Алтае в 1920—1930-е гг. / С. В. Меньков // Актуальные вопросы истории Алтая. — Барнаул : Издательство «Пять Плюс», 2017. — С. 237—242.

7. *Меньков С. В.* Формирование новой модели государственного праздника на Алтае в 1920-е гг. / С. В. Меньков // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 406. — С. 121—126.

8. *Самушкина Е. В.* Массовые праздники советской Хакасии : новые символические формы национальной политики (1920—1930-е гг.) / Е. В. Самушкина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2018. — № 5. — С. 186—194. — DOI: 10.26105/SSPU.2019.56.5.022.

9. *Самушкина Е. В.* Национальная политика в Горном Алтае : формирование советской праздничной культуры в 1920—1930–е гг. / Е. В. Самушкина // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2019. — Т. XXV. — С. 731—735. — DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.731-735.

10. *Самушкина Е. В.* Массовые праздники Ойротской автономной области 1920-х–1930-х годов : проблема формирования этнической идентичности алтайцев / Е. В. Самушкина // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2020. — Т. XXVI. — С. 808—813. — DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.808-813.

11. *Тишкина К. А.* «Товарищ! Что ты сделал для Западного фронта?» : участие жителей Сибири в сборе пожертвований в пользу Рабоче-крестьянской Красной армии (1920) / К. А. Тишкина // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 482—501. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-482-501.

12. *Ульянова С. Б.* Первое десятилетие октября в системе советской пропаганды / С. Б. Ульянова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. — 2007. — № 2. — С. 157—162.

13. *Хромых М. В.* Празднование Октябрьской революции на Алтае в 1920-е гг. как средство социальной мобилизации населения / М. В. Хромых // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. — 2009. — № 1. — С. 92—96.

14. *Кирьянов И. К.* «День 7 ноября — что за день календаря?» : столетие практик памяти и забвения Октябрьской революции 1917 г. / И. К. Кирьянов, А. А. Скоселев // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. — 2019. — № 4. — С. 80—92. — DOI: 10.7242/2658-705X/2019.4.9.

15. *Красильникова Е. И.* «Мы помним день 7 ноября». Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920—1945) : монография / Е. И. Красильникова. — Новосибирск : Золотой колос, 2017а. — 226 с. — ISBN 978-5-944-77-233-6.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 25.06.2023.

Material resources

CCRCP. (1920). To all gubernatorial committees, county committees, political departments, dorpolites and uchpolites. *Pravda: gazeta, 221:* P. 1. (In Russ.).

Celebrations of the October Revolution. (1920). *Soviet Siberia: newspaper, 254 (325):* P. 1. (In Russ.).

Circular appeal of the All—Russian Central October Commission. (1920). *Bulletin of Agitation and Propaganda: journal, 2:* 12—13. (In Russ.).

From the provincial committee “Weeks of assistance to the front”. (1920). *Krasny Altai: gazeta, 56 (235):* P. 2. (In Russ.).

GAAK — *State Archive of the Altai Territory. F. P-2 (Altai Gubkom RCP(b)).* (In Russ.).

Goikhbarg, A. (1920). Upcoming anniversary. *Sovetskaya Sibir: gazeta, 237 (308):* P. 1. (In Russ.).

GORUNAROBRAZ informs ... (1920). *Krasny Altai: gazeta, 56 (235):* P. 2. (In Russ.).

In the Uritsky Club. (1920). *Krasny Altai: Gazeta, 61 (240):* P. 2. (In Russ.).

Knocks In. For the upcoming October celebrations. (1920). *Soviet Siberia: Gazeta, 219 (290):* P. 1. (In Russ.).

On the celebration of the anniversary of the October Revolution. (1920). *Soviet Siberia: newspaper, 223 (294):* P. 2. (In Russ.).

R-skaya, M. (1920). Solemn meeting. *Krasny Altai: gazeta, 60 (239):* P. 2. (In Russ.).

Slogans for the 3rd anniversary of the October Revolution. (1920). *Soviet Siberia: newspaper, 238 (309):* P. 1. (In Russ.).

To the entire working population of Siberia. (1920). *Krasny Altai: gazeta, 59 (238):* P. 3. (In Russ.).

To the October celebrations. (1920). *Krasny Altai: gazeta, 55:* P. 3. (In Russ.).

References

Godunov, K. V. (2020). Celebrating the anniversaries of the Revolutionary October in the era of the Civil War: emotions, sacredness, power. In: *Civil War in Russia: Life in the era of social experiments and military trials, 1917—1922: materials of the XI St. Petersburg International Colloquium on Russian History.* St. Petersburg: Limited Liability Company “Nestor-History”. 610—623. (In Russ.).

Khromykh, M. V. (2009). The celebration of the October Revolution in Altai in the 1920s as a means of social mobilization of the population. *Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy, 1:* 92—96. (In Russ.).

Kiryanov, I. K., Skoselev, A. A. (2019). “The day of November 7 — what is the day of the calendar?”: a century of practices of memory and oblivion of the October Revolu-

tion of 1917. *Bulletin of the Perm Federal Research Center, 4:* 80—92. DOI: 10.7242/2658-705X/2019.4.9. (In Russ.).

Krasilnikova, E. I. (2017a). *"We remember the day of November 7". October celebrations in Siberia: a commemorative aspect (1920—1945): monograph.* Novosibirsk: Zolotoy Kolos. 226 p. ISBN 978-5-944-77-233-6. (In Russ.).

Krasilnikova, E. I. (2012). Commemorative aspect of October celebrations in Western Siberian cities of the 1920s. *Humanities in Siberia, 3:* 68—71. (In Russ.).

Krasilnikova, E. I. (2017b.). October celebrations in Siberian cities: mechanisms and problems of organization (1920—1945). *Bulletin of Omsk University. Historical Sciences series, 2 (14):* 52—60. (In Russ.).

Krasilnikova, E. I. (2016). The commemorative aspect of the October celebrations in Siberia (1920—1945): statement of the problem. *Provincial scientific notes, 1:* 98—105. (In Russ.).

Mamysheva, E. P. (2018). Soviet holidays in Khakassia in the 1920s: peculiarities of perception. *Bulletin of the N. F. Katanov Khakass State University, 23:* 76—78. (In Russ.).

Menkov, S. V. (2016). Formation of a new model of a public holiday in Altai in the 1920s. *Bulletin of Tomsk State University, 406:* 121—126. (In Russ.).

Menkov, S. V. (2017). The formation of the Soviet holiday system in Altai in the 1920s—1930s. In: *Topical issues of the history of Altai.* Barnaul: Publishing House "Five Plus". 237—242. (In Russ.).

Samushkina, E. V. (2018). Mass holidays of Soviet Khakassia: new symbolic forms of national policy (1920—1930s). *Bulletin of Surgut State Pedagogical University, 5:* 186—194. DOI: 10.26105/SSPU.2019.56.5.022. (In Russ.).

Samushkina, E. V. (2020). Mass holidays of the Oirot Autonomous Region of the 1920s—1930s: the problem of the formation of ethnic identity of Altaians. *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories, XXVI:* 808—813. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.808-813. (In Russ.).

Samushkina, E. V. (2019). National policy in the Altai Mountains: the formation of Soviet festive culture in the 1920s—1930s. *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories, XXV:* 731—735. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.731-735. (In Russ.).

Tishkina, K. A. (2021). «Comrade! What have you done for the Western Front?»: Participation of Siberian residents in collecting donations in favor of the Workers' and Peasants' Red Army (1920). *Nauchnyj dialog, 11:* 482—501 (In Russ.).

Ulyanova, S. B. (2007). The first decade of October in the Soviet propaganda system. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History, 2:* 157—162. (In Russ.).

The article was submitted 12.05.2023;
approved after reviewing 14.06.2023;
accepted for publication 25.06.2023.

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года. Язык публикации — русский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web.
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книж-ную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY OPEN ACCESS

CONTENTS

Linguistics

Griber, Yu. A. Color Categorization and its Electroencephalography Correlates: A Review of Neuro-Linguistic Oddball Paradigm Research 9

Gromyko, S. A. Speech Representations of Unity in Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse: A Study of Lexemes 'Edinstvo' [Unity] and 'Edinenie' [Unification] 39

Ioanesyan, E. R. Appellative Constructions with Epistemic Modality Predicates 55

Kurilova, S. N. Code-Switching in Speech of Tundra Yukaghir: Bi- and Multilingual Repetition 72

Pavlov, S. S. Concept of NORTH in Artistic Worldview of Chukotka Poet Victor Keulkut 93

Rabenko, T. G., Denisova, E. S., Chardyntseva, A. D. Speech Genre of Reminder and Discursive Conditioning of its Features in Virtual Pedagogical Discourse 114

Sergodeev, I. V. Intertextual Inclusions in Charles Maturin's Novel "Melmoth the Wanderer" 135

Media communications and journalism 153

Dubrovskaya, T. V. Soviet Socio-Cultural Practices from Perspective of Genres in Pioneer 154

Matlin, M. G. Retelling Legend of City of Kitezh in Video Texts by YouTube Bloggers 173

Rebrina, L. N. Representation of Current Sociocultural Realities in German Society: Thematic Group of Internet Memes OUTSIDER — LOCAL 192

Shalyutina, N. V., Igaeva, K. V. Typology Issues of Commemoration Practices in New Media 215

Literary studies. Folklore

Aleksandrova-Osokina, O. N., Wang You Juan. Geopoetics of Belozerye in Book 'Journey to Kirillo-Belozersky Monastery' by S. P. Shevyrev 233

Baktybayeva, A. T., Bizhanova, A, A. Specificity of Comedy in Contemporary Kazakh Prose (E. Tursunov's Short Story Cycle) 250

Zakharova, V. T., Kudryavtseva, I. S. Prose of Russian Emigration Writers (V. A. Nikiforov-Volgin, I. A. Bunin, B. K. Zaitsev) in Context of Ivan Ilyin's Religious-Philosophical Thought 269

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. Caucasus in Context: M. Yu. Lermontov's Reflections on Man and Fate of History 294

Osmukhina, O. Yu., Chekasheva, N. V. Novel 'Tashkent — the Bread City' by Alexander Neverov in Context of Russian Prose about Homeless Children in 1920s 310

Pyatkin, S. N., Kudryashov, I. V. Nikolai Klyuev's Epistolary Review of Sergei Yesenin's Poem 'Pugachev': "Dark Places" of Multidimensional Evaluation 328

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. Translation, Critical, and Creative Reception of Shakespeare in Legacy of Sigizmund Krzhizhanovsky 347

Ji Panxin, Zhou Lulu. Reception of Alexander Herzen's 'My Past and Thoughts' in China: Problems of Study and Influence 368

Zhou Lulu, Kovalenko, A. G. Reception of A. I. Solzhenitsyn's Works in Chinese Social, Political, and Cultural Context 386

History

Badmaeva, E. N., Batyrov, V. V. Transformation of Kalmyk Dwellings during Their Transfer to Settled Life in Imperial and Soviet Periods 409

Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I. Foreign Concessions in Developing Natural Resources of Northeastern RSFSR in 1920s 427

Kapsalykova, K. R., Nesterov, A. G. Monster Duels in Byzantine Polemological Tradition of X-XIV Centuries 443

Kotelnikov, K. D. Import from Germany as a Factor of Transport Crisis of Russian Empire during First World War 462

Lagoshina, N. A. Features of Irish Migration to England in Late 14th — First Half of 15th Century 485

Salfetnikov, D. A. Modernization of Kuban Economy in Late 1920s — 1930s 502

Tishkina, K. A. Celebrating Third Anniversary of October Revolution in Altai Province in 1920 521

12(5), 2023]
| 2227-1295]

ПОДПИСКА
на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Научный диалог

Том 12, выпуск 5, 2023

Nauchnyi Dialog

Volume 12, Issue 5, 2023

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 26.06.2023. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 31,9. Тираж 500 экз. Заказ 26/06-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Свободная цена